

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

PS 1A-176 2 2

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Для елѣдующаго нумера намѣчены статьи:

- 1) Почитаніе предковъ у кавказскихъ народовъ. Проф. *М. М. Ковалевскаго*.
- 2) Порванная связь. Повѣсть *С. Ф. Лодлевскаго*.
- 3) Рашель и Ристро. Очеркъ.
- 4) Молодые. Разсказъ *Е. Х. Лебедевой*.
- 5) Чиновничьи дебри. Очеркъ *С. С. Сухокина*.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей:

- 1) Редакція открыта для объясненій ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 12 до 2 час. и отъ 5 до 6 час.
- 2) На отиѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія рукописи должны быть приложены марки.
- 3) Заявленія объ отдѣльныхъ оттискахъ должны быть дѣлаемы одновременно со сдачею рукописи въ редакцію.
- 4) Статьи безъ обозначенія гонорара считаются бесплатными.
- 5) Уплата гонорара производится по напечатаніи статьи.
- 6) Всѣ переводныя статьи и сочиненія считаются полною собственностью редакціи, если не послѣдовало особаго соглашенія.

Отъ конторы редакціи:

Всѣ уплаты гонорара, по счетамъ и т. п. производятся ежедневно, кромѣ праздничныхъ, между 15 и 20 числомъ каждаго мѣсяца, въ конторѣ редакціи (Милліонная, 34), между 12—2 ч. дня.

7500

140 M

42-28 Контора открыта ежедневно, кромѣ праздничныхъ, отъ 12 до 4 час. дня.

ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

Ежемѣсячный журналъ

НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

ФЕВРАЛЬ

№ 2.

Третій годъ изданія

Тип. Игн. Гольдберга, Спб.

С.-Петербургъ.

1902

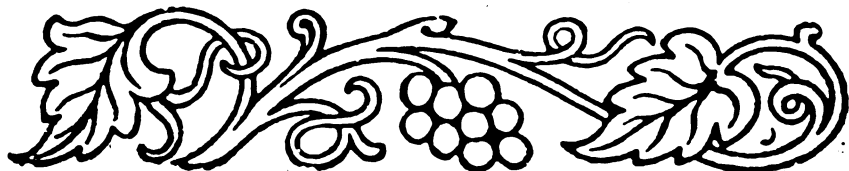
PSlav 176.23 (1902, no. 2)

HIRHP

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
I. Историко-этическое направленіе въ политической экономіи. <i>П. Берлина</i>	1
II. Великій юмористъ и подвижникъ (по случаю 50-лѣтія со дня кончины Н. В. Гоголя). <i>Н. М. Нова</i>	20
III. Злая роса. Повѣсть <i>А. Вербицкой</i> (продолженіе)	39
IV. Оригинальный курортъ.—Очеркъ провинціальныхъ нравовъ <i>В. Ничитина</i>	56
V. Борьба партій во Франціи за президентство Гревси.—Очеркъ <i>Иисарова</i>	66
VI. Воспоминанія украинскаго писателя объ И. С. Тургеневѣ. Сообщ. <i>С. Сухонина</i>	85
VII. Викторъ Гюго (къ столѣтней годовщинѣ его рожденія) Очеркъ <i>В. Слѣпча</i>	101
VIII. Маленькіе рассказы. I. Поѣздка. II. Сочувствіе. <i>В. Дарина</i>	122
IX. Женское образованіе въ Россіи. Очеркъ <i>В. Матѣева</i>	129
X. Каторжники. (Изъ зап. рус богемы). Очеркъ <i>Н. Попова</i>	164
XI. Письма изъ-за границы. Письмо второе. — III. Парижъ. IV. Пушкинскій музей въ Парижѣ. V. Парижскіе наброски. VI. Начало карнавала. VII. Дорога въ Ниццу. Письмо третье. VIII. Театры. IX. Кафе-концерты. X. Сабагетъ: 1. Латвискій кварталъ. 2. Монмартръ. XI Ночь на Рождество. XII. Трущобы Парижа. <i>С. Сухонина</i>	174
XII. Бѣлый терроръ. Раз. изъ врем. реставраціи. <i>А. Смирновой</i>	209
XIII. Странички прошлаго.—Нѣсколько словъ о государствен-ныхъ крестьянахъ. <i>В. Н.</i> —Изъ жизни византійскаго императора Михаила III.	236
XIV. Литературная лѣтопись: — I. Русскіе журналы.—Фран-цузскій критикъ, наряжающій символизмъ въ мундиръ реализма.—Около одного вопроса	237
II. Изъ иностранной жизни и литературы.—Холъ Кэнъ.—Новая трагедія Габріеля д'Аннуцио.—Новый герман-скій журналъ.—Китайская періодическая печать.—Со-временная турецкая литература.—Колыбель человѣче-ства.—Архивы Ватикана.—Находка древней рукописи о халдейской магіи.—Психологія страха.—Турокъ о французской политикѣ на Востокъ	255
III. Новыя книги:— <i>А. Вербицкая</i> . Преступленіе Марьи Ива-новны и другіе рассказы.— <i>А. Вербицкая</i> . Освободи-лась. Романъ.—Сборникъ консульскихъ донесеній.— <i>Olivier Seylor</i> . Les Maritimes.— <i>С. Князьковъ</i> . Царь Іоаннъ Грозный и его время.— <i>С. Князьковъ</i> . Какъ сло-жилось и какъ пало крѣпостное право.— <i>Тардъ</i> . Со-ціальная логика.— <i>А. Лященко</i> . Пасторъ Муральтъ и первые годы реформатскаго училища.— <i>И. Бунинъ</i> . Листопадъ. Стихотворенія	274
Приложенія.	
Библіотека избранныхъ сочиненій по исторіи народовъ:	
1) Исторія Китая. Проф. <i>Роберта К. Дуласа</i> .	
Сборникъ иностранныхъ истор. романовъ:	
Анджела Борджиа. <i>Конрада Ф. Мейера</i> .	

Историко-этическое направление въ политической экономіи.

„Какъ маякъ, который изъ множества, а не изъ одной неподвижной точки испускаетъ лучи хорошо известнаго свѣта, причинилъ бы кораблю, вмѣсто спасенія, погибель, такъ и политику грозитъ серьезная опасность отъ идеала, который на подобіе блуждающаго огонька лишенъ спокойствія и постоянства свѣтильника, указывающаго путь. А именно такими кажутся мнѣ идеалы историко-этической и социально-христіанской школы, какъ руководящія нити социальной политики“.

В. Зомбартъ.

Классъ крупной буржуазіи, выдвинутый въ концѣ восемнадцатаго вѣка на аван-сцену исторической жизни всѣмъ ходомъ общественнаго развитія, призванный уничтожить всѣ обломки прошлаго, тормазившіе развитіе живаго, склоненъ былъ видѣть въ своемъ классовомъ идеалѣ общечеловѣчскій идеалъ правды и справедливости. Свои желанія онъ представлялъ не какъ требованіе опредѣленнаго класса, а какъ декларацию правъ челоуѣка, свои классовые интересы онъ считалъ вытекающими отъ сущности челоуѣческой природы. За нимъ стояли растущія силы общественнаго развитія, еще не успѣвшія добиться соотвѣствующихъ юридическихъ и политическихъ формъ, его со всѣхъ сторонъ тѣснили идеологическія формы, утратившія свое бывшее реальное содержаніе. Считая свой идеалъ стремленіемъ челоуѣческой „натуры“, а препятствія къ его реализаціи—людскими заблужденіями, этотъ классъ въ лицѣ его экономистовъ идеологовъ обнаружилъ склонность къ натурализму—черта, присущая всякому новому общественному классу, которому принадлежитъ ближайшая будущность и который привужденъ бороться съ идеологическими формами настоящаго—и былъ глубоко убѣжденъ, что все зло происходитъ отъ вѣнзательства людей въ „естественный ходъ вещей“, что стоитъ только все предоставить этому

естественному ходу и все пойдетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Этотъ психологическій самообманъ перживала англійская буржуазія и ея теоретическое выраженіе—англійская политическая экономія конца XVIII и начала XIX вѣка. Могучее развитіе производительныхъ силъ, „естественный ходъ вещей“, на каждомъ шагѣ тормазилось формами вмѣшательства людей—юридическими и политическими нормами. За эти нормы крѣпко держались тѣ слои населенія, которые видѣли въ нихъ суррогаты своего былого и теперь падающаго экономическаго могущества.

Отсюда казалось, что все зло заключается въ людскомъ вмѣшательствѣ въ „естественный ходъ вещей“, въ попыткахъ людей нарушить законы „природы“.

Этимъ обусловился объективизмъ классической политической экономіи—наивно, но вполне искренно считая буржуазную организацію производительныхъ силъ непреодолимымъ закономъ человѣческой природы, классики-экономисты не нуждались въ подкрашиваніи и искаженіи капиталистической дѣйствительности. Классики-экономисты называли вещи ихъ настоящимъ именами, они открыто признавали и показывали, что въ капиталистическомъ хозяйствѣ рабочая сила является товаромъ, Рикардо прямо указывалъ на неизбежный антагонизмъ между интересами труда и капитала. Полное отсутствіе эволюціонной точки зрѣнія, наивный общественный натурализмъ и, главное, отсутствіе организованной борьбы четвертаго сословія съ капиталистическою эксплоатаціей производительныхъ силъ настраивали классиковъ-экономистовъ на оптимистическій тонъ, возбуждали у нихъ увѣренность, что капиталистическое хозяйство будетъ существовать нынѣ, присно и во вѣки вѣковъ.

Буржуазія добилась нужныхъ ей формъ политической и юридической жизни, она съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ стерла съ лица земли капиталистической всѣ формы. тормазившія живое развитіе производительныхъ силъ и служившія идеологическимъ переживаніемъ отжившаго экономического содержанія.

Историческая миссія классическихъ экономистовъ, миссія акушеровъ мукъ родовъ развитаго капиталистическаго хозяйства, была сыграна. Послѣ Давида Рикардо—великаго писателя земли капиталистической—уже не появлялось крупныхъ представителей классической, „англійской“, политической экономіи. Во всѣхъ странахъ поднимается и крѣпнетъ реакція противъ классической школы, противъ ея абстрактности, противъ ея „жестокости“, противъ ея „лабочническаго“ идеала.

Уничтоженіе юридическихъ препятствій капиталистическому развитію далеко не поселило въ челоѣцахъ благоволеніе и миръ. Напротивъ, выяснилось, что до сихъ поръ дѣло шло о деклараціи правъ капиталиста, а не челоѣка вообще, что та или иная организація производительныхъ

силъ есть дѣло рукъ человѣческихъ и, какъ нѣкогда капитализмъ смѣнило натуральное и ремесленное производство, также точно уступить онъ въ будущемъ свое мѣсто иному общественному строю.

Распространеніе сознанія послѣдней истинны и организованная борьба за ея осуществленіе внесли тревогу и сомнѣніе въ душу буржуазіи. Уже нечего было и думать твердить о капиталистическомъ строѣ, какъ объ „*ordre naturel et essentiel des sociétés policées*“ и цинично раскрывать секреты капиталистическаго хозяйства, необходимо было перейти отъ изображенія буржуазнаго строя къ его восхваленію, необходимо было сплести цѣлые ковры изъ фиговыхъ листковъ, необходимо было отъ научныхъ задачъ перейти къ апологетическимъ и доказать, что капиталистическое хозяйство, не то чтобы необходимо, но оно наисовершеннѣйшее. Начались безконечныя попытки доказать, что вѣдь въ сущности капиталистъ тоже работникъ, а работникъ вѣдь тоже капиталистъ, что антагонизма между ними никакого нѣтъ. И капиталистъ участвуетъ въ созданіи пѣнностей тѣмъ, что онъ „воздерживается отъ потребленія“ или оказываетъ рабочимъ „услугу“, покупая его трудъ.

Ходъ социальнаго развитія и прогрессъ научнаго пониманія неуклонно вели къ распространенію эволюціоннаго міросозерцанія и устраненію такимъ образомъ коренной ошибки классиковъ-экономистовъ, ошибки, заставлявшей ихъ изображать голыхъ дикарей заправскими лондонскими капиталистами и не видѣть въ будущемъ возможности новой формы общественнаго производства.

На этой исторической почвѣ и зародилась въ Германіи въ сороковыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія „историческая школа нѣмецкихъ экономистовъ“¹⁾.

Основоположниками исторической школы явились въ Германіи Рошеръ, Гильдебрандтъ и Книсъ.

Въ 1813 году выходитъ сочиненіе Рошера „*Grundriss zu Vorlesungen über die Staatswissenschaft nach geschichtlicher Methode*“, въ которомъ авторъ объявляетъ себя сторонникомъ „историческаго метода“, который призванъ сдѣлать „для государственныхъ наукъ то же самое, что сдѣлалъ методъ Савиньи-Эйхгорна для юриспруденціи“. У Рошера историческій методъ еще не требуетъ набрасыванія этической вуали на капиталистическое хозяйство, почувствовавшее стыдъ являться міру во всей своей наготѣ. Рошеръ ставитъ экономисту за-

¹⁾ Объ исторической школѣ см. на русскомъ языкѣ: К. Менгеръ. Исследование о методахъ социальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности. Спб. 1894; Илюжковъ. Основныя положенія теоріи экономической политики съ А. Смиа по настоящаго времени. Спб. 1880; Анненскій Н. Очерки новыхъ направлений въ экономической наукѣ „Дѣло“ 1882, № 4, с. 10, 12; Снитковскій 2-ой. Луи Брентано. М. 1896; С. Булгаковъ. Классическая школа и историко-этическое направление. „Новое Слово“ 1897, кн. I-ая; В. Зомбартъ. Идеалы социальной политики. Спб. 1900.

дату просто описывать, „спокойно зря на правыхъ и виновныхъ“. По его опредѣленію, задача экономиста заключается въ томъ, чтобы „дать, во-первыхъ, простое описаніе экономической природы и экономическихъ потребностей людей, описать затѣмъ законы и учрежденія, существующія для удовлетворенія этихъ потребностей, и, наконецъ, выяснитъ большій или меньшій успѣхъ этихъ законовъ и учрежденій. Историческая школа отказывается отъ научнаго изслѣдованія вопроса: „что должно быть?“¹⁾.

Гильдебрандтъ въ своемъ вышедшемъ въ 1848 г. сочиненіи „Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft“ преслѣдуетъ цѣль „проложить въ области политической экономіи дорогу основательному историческому направленію и методу и превратить эту науку въ ученіе о законахъ экономического развитія народовъ“.

Наконецъ, самый замѣчательный изъ родоначальниковъ исторической школы въ политической экономіи, Карлъ Кнись, такъ опредѣляетъ задачи историческаго метода въ своей книгѣ „Die politische Oekonomie von Standpunkte der geschichtlichen Methode“ (1853):

„Историческій методъ занимаетъ совершенно особую позицію къ догмѣ неизмѣннаго эгоизма... Воля человѣка на самомъ дѣлѣ управляется безчисленными зачастую другъ другу противорѣчащими мотивами; въ силу этого, уже заранее исключается возможность строгой законности въ человѣческихъ поступкахъ. И лишь тогда, когда мы станемъ разсматривать хозяйствующаго субъекта, какъ всегда руководимаго однимъ и тѣмъ же мотивомъ, напр., эгоизмомъ, будетъ исключенъ моментъ произвола и всякій поступокъ выступить строго детерминированнымъ. И только при вышеуказанныхъ условіяхъ возможно говорить о законахъ народнаго хозяйства и политической экономіи въ смыслѣ строгой науки“.

Кнись не выдерживаетъ опредѣленной точки зрѣнія, для него историческій методъ въ политической экономіи сводится то къ изложенію политико-экономическихъ условій въ связи съ хозяйственными явленіями, то къ философскому обобщенію экономической исторіи, провозглашающему относительность всѣхъ теорій.

„Въ противоположность абсолютизму теорій, историческое воззрѣніе въ области политической экономіи исходитъ изъ положенія, что хозяйственное положеніе данной эпохи, а также и теорія политической экономіи есть результатъ историческаго развитія, что они находятся въ живой связи со всѣмъ организмомъ человѣческаго общежитія, что они вырастаютъ изъ условій времени, пространства, національности и въ своемъ развитіи этими условіями опредѣляются... Общія законы теоретической части политической экономіи мы разсматри-

¹⁾ Roscher. Grundlagen der Nationalökonomie. 2 изд. Stuttgart, 1892, Ss. 52, 59.

раемъ какъ лишь историческое истолкованіе не постепенно проявленіе истины, мы видимъ въ нихъ только обобщеніе тѣхъ истинъ, до которыхъ дошли на данной ступени историческаго развитія, и не по своей общей суммѣ, ни по своему содержанію эти законы не являются абсолютно законченными" ¹⁾).

Какъ мы видимъ, родоначальники современной исторической школы сначала ставили себѣ задачей только борьбу съ абсолютизмомъ „англійской“ политической экономіи, которая, дѣйствительно, страдала отсутствіемъ исторической точки зрѣнія и игнорированіемъ обстоятельствъ времени и мѣста.

Родоначальники исторической школы считали, что не дѣло науки вмѣшиваться въ базаръжителской суеты, что наука должна держаться „вдали отъ суетнаго свѣта“ и безстрастно описывать. „Историзмъ, говоритъ Бюхеръ, по всему своему характеру относится пассивно къ экономической политикѣ. Отношеніе государства къ экономической жизни для него лишь предметъ наблюденія“ ²⁾).

Въ сороковыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка въ Германіи еще не было на-лицо реальныхъ экономическихъ условій, которыя бы заставили буржуазныхъ экономистовъ проповѣдывать, подѣ влияніемъ „западно-европейскихъ“ событій и теорій, историческій методъ не только для теоріи политической экономіи, но и для экономической политики и прибѣгать къ проповѣди этического начала, какъ средства успокоенія основъ буржуазныхъ классовъ и требованій четвертаго сословія.

Если не считать недолговѣчныхъ попытокъ 1848 г. въ Германіи, вплоть до начала шестидесятихъ годовъ не было организованнаго рабочаго движенія. Въ 1862 г. подѣ предводительствомъ Лассалья основывается самостоятельная рабочая партія, въ 1864 году начинается дѣятельность интернаціональной маркентской партіи, которая быстро перерастаетъ по своему влиянію и числу приверженцевъ Лассальевскую партію и въ 1875 г. на конгрессѣ въ Гаттѣ обѣ партіи сливаются въ одну.

Развитіе капитализма въ Германіи, быстро убивавшее формы натуральнаго и ремесленнаго хозяйства, все усложняющійся темпъ этого развитія, влекущій за собой быстрое паденіе патриархальныхъ правовъ, обычаевъ, взглядовъ и отношеній въ связи съ шагъ за шагомъ слѣдовавшимъ за нимъ ростомъ рабочаго движенія, радикально переѣнилъ настроеніе правительственныхъ и правящихъ круговъ Германіи. Понемногу исчезала надежда покончить съ этимъ вопросомъ механической силой, оставалась, для всѣхъ не ослѣпленныхъ, единственная надежда—путь социальныхъ реформъ и этизированія „ненормальныхъ“ экономическихъ отношеній.

Настроеніе командующихъ классовъ какъ нельзя болѣе было подготовлено для воспріятія проповѣди этической политической экономіи и необходимости постепенныхъ социальныхъ

¹⁾ Knies. Politische Oekonomie nach geschichtlicher Methode. 1853, S. 19.

²⁾ Bücher. Entstehung der Volkswirtschaft, Tübingen. 1893, S. 6.

реформъ. И понятенъ поэтому быстрый и широкій успѣхъ молодого тогда ученаго Густава Шмоллера, сумѣвшего въ 1872 г. въ своемъ извѣстномъ памфлетѣ ясно и членораздѣльно выразить то, что смутно чувствовалось очень многими и данно уже искало словеснаго выраженія.

По инициативѣ Шмоллера и другихъ молодыхъ ученыхъ, проникнутыхъ рѣзкою враждою съ старой манчестерской доктринѣй *laissez faire, laissez passer* былъ созванъ въ 1872 году въ Эйзенахѣ конгрессъ и положено начало „Обществу социальной политики“ („Verein für Socialpolitik“).

Новые представители исторической школы не внесли ничего новаго въ теорію политической экономіи, они скромно ограничились задачей лишь собрать матеріалъ и писать многотомныя фактическія изслѣдованія. Они заранѣе отказывались установить абстрактные законы политической экономіи, отрицая самое ихъ существованіе, и продолжали рѣзкія и несправедливыя нападки на „старую“, „англійскую“ политическую экономію.

„Въ то время, какъ старая доктрина, говоритъ Шмоллеръ, считала что одинъ и тотъ же родъ товара на одномъ и томъ же рынкѣ можетъ имѣть только одну опредѣленную цѣну, мы находимъ въ дѣйствительности, что одна половина покупателей сознательно покупаетъ въ лавкахъ, гдѣ товары продаются по болѣе дорогой цѣнѣ, чѣмъ въ другихъ. Но эти послѣдніе находятся въ рукахъ евреевъ, а наши покупатели слѣдуютъ извѣстному антисемитическому завѣту. На этомъ примѣрѣ мы видимъ, что на сцену хозяйственной жизни въ качествѣ факторовъ выступаетъ „національный“ человѣкъ и нравы, „естественные законы“ космополитическихъ теорій, „рыночный человѣкъ“ съ его „эгоизмомъ“ исчезаютъ. Такимъ образомъ, эгоизмъ не представляетъ неизмѣнной величины, неизмѣнной силы“.

Эти теоріи пѣмедкихъ экономистовъ были отголоскомъ давно начавшаго протеста противъ „космополитизма“ „жестокости“ и „абстрактности“ старой доктрины. Какъ только въ Германіи создались вышеназванныя реальныя экономическія условія для воспріятія этого протеста, такъ начали быстро распространяться идеи историко-этического направленія, достигшаго къ концу девяностыхъ годовъ почти безраздѣльнаго господства въ официальной наукѣ и лишь въ самыя послѣдніе годы встрѣтившаго протестъ изъ среды официальныхъ экономистовъ.

Мы видѣли, что этико-историческая политическая экономія зародилась какъ реакція противъ быстрого хода социальнаго развитія, что она старалась затормозить это развитіе. Ея эволюціонизмъ выродился въ пошлое „постепенство“ безъ руководящаго идеала въ будущемъ, ея социальныя реформы носили сначала характеръ тришкинскаго штонанія, они непрочь были реставрировать многіе институты „добраго“ стараго времени. Этическая политическая экономія въ значительной долѣ

была и реакціонной политической экономіей. Это съ присущимъ ему блескомъ и глубиною доказалъ представитель официальной политической экономіи—Вернеръ Зомбартъ.

Онъ справедливо замѣчаетъ, что „капитализмъ создаетъ почти одновременно рабочее движеніе и „этическую“ политическую экономію... Но въ то время, какъ рабочее движеніе выступаетъ прогрессивной силой, т. е. не стремится къ уничтоженію ни одного современнаго завоеванія вышнихъ формъ экономической жизни историческая миссія „этической“ политической экономіи состоитъ въ „задерживаніи“¹⁾.

Почти всѣ этическіе экономисты являются по своимъ философскимъ воззрѣніямъ, поскольку у нихъ таковыя вообще имѣются, позитивистами; они поэтому отрицаютъ существованіе какихъ бы то ни было абсолютныхъ этическихъ началъ. Но въ такомъ случаѣ какой этическій идеалъ долженъ господствовать въ экономической жизни, почему этический идеалъ, выросшій при патріархальныхъ экономическихъ условіяхъ, лучше экономического идеала, выросшаго на условіяхъ капиталистическаго хозяйства, гдѣ та высшая инстанція, которая даетъ оцѣнку различнымъ этическимъ идеаламъ въ области политической экономіи? Этими вопросами историко-этическая и не задается и, цѣликомъ стотъ на этическомъ идеалѣ, соотвѣтствующемъ неразвитому капиталистическому хозяйству, она наивно объявляетъ свой идеалъ идеаломъ всякаго способа производства. Она обращается къ государству съ требованіемъ во имя этики обуздать безпокойную экономіку, она фиговымъ листкомъ этики прикрываетъ свои реальныя экономическія нужды.

Эта связь этики съ реакціей, безчисленные образцы своеобразной „этики“ этическихъ экономистовъ бросаются въ глаза на каждой страницѣ исторіи этой нѣмецкой школы экономистовъ.

Экономисты исторической школы во время борьбы правительства съ привилегіями крупныхъ землевладѣльцевъ всегда открыто становились на сторону послѣднихъ и наставляли на необходимости бережно и любовно относиться къ завѣщаннымъ исторіей правамъ и учрежденіямъ. Историческій „методъ“ сдѣлался въ ихъ рукахъ орудіемъ для оправданія всякихъ мерзостей текущей минуты ссылкой на историческую необходимость и историческіе прецеденты.

Часть историческихъ экономистовъ высказалась всецѣло за сохраненіе цеховъ, другая же часть соглашалась на отміну цеховой организаціи, но лишь при томъ условіи, чтобы отмінялась только по мѣрѣ того, какъ она оказывалась „препятствіемъ“, причемъ правительству рекомендовалась крайняя постепенность и осторожность.

Охраняя „завѣщанныя исторіей“ учрежденія, экономисты исторической школы защищали всѣ формы ремесленнаго быта,

¹⁾ В. Зомбартъ. Идеалы социальной политики. Спб. 1900, стр. 49.

требовали організації союзів ремесленників, но зато враждебно относились къ разрѣшенію свободы союзів для рабочихъ, ссылаясь на то, что „составъ ихъ не гарантируетъ руководящей роли интеллигентнаго элемента“.

Еще въ 1890 г. на собраніи „Общества соціальной политики“ Густавъ Шмоллеръ, котораго покойный король Штуммъ считалъ вреднѣйшимъ соціалистомъ, высказался противъ предложенія Брентано добиваться разрѣшенія свободы профессиональныхъ союзівъ. По обыкновенію экономистовъ этой школы, онъ не отвергалъ этого предложенія цѣлкомъ, а лишь указывалъ на необходимость поступить осторожно и главное постепенно. Онъ былъ противъ законодательнаго разрѣшенія свободы профессиональныхъ союзівъ вообще, советуя разрѣшать ихъ лишь отъ „случая къ случаю“ („von Fall zu Fall“), ставя при этомъ имъ опредѣленные условія. Соціалдемократическіе профессиональные союзы не должны бытъ созѣмъ разрѣшаемы.

Когда Бисмаркъ подготавливалъ знаменитое страхованіе рабочихъ, Шмоллеръ высказался за то, чтобы проведеніе этого страхованія въ жизнь было отсрочено, зато, когда Бисмаркъ потребовалъ сильное расширеніе косвенныхъ налоговъ и введенія исключительныхъ законовъ противъ соціалъ-демократіи, Шмоллеръ сталъ на его сторону, даже безъ обычныхъ фразъ и оговорокъ ¹⁾.

Блестящая критика Зомбарта вызвала негодованіе со стороны „этическихъ“ экономистовъ, и вопросъ объ этической политической экономіи поставленъ на очередь для экономической науки.

Извѣстный мюнхенскій проф. Георгъ Майръ выпустилъ чрезвычайно любопытную для этической школы книжку „Обязанность въ экономической жизни“ ²⁾. Авторъ слѣдующимъ образомъ доказываетъ необходимость этической точки зрѣнія:

Богатое развитіе экономическихъ отношеній и силъ сосредоточиваетъ на себѣ всѣ помыслы и все желаніе, въ результатъ „поверхностному наблюдателю кажется, что вся дѣятельность чловѣка сводится къ экономическимъ интересамъ. Это одностороннее воззрѣніе было приведено въ систему въ т. наз. „материалистическомъ воззрѣніи на исторію“—печальномъ воззрѣніи, противъ котораго должны рѣшительно возстать всѣ, думающіе, что хотя и многое изъ ихъ помысловъ имѣетъ экономическій характеръ или экономическую основу, но, благодареніе Богу, еще и очень многое носитъ иной характеръ и преслѣдуетъ инныя цѣли. Если бы дѣйствительно все сводилось къ экономическимъ стремленіямъ, то не стоило бы жить“. Авторъ затѣмъ перечисляетъ различные благородныя дѣла, ради которыхъ стоитъ жить и заканчиваетъ свою историко-философскую экскурсію словами: „Протестъ противъ матеріа-

¹⁾ Многочисленные факты подобнаго рода можно найти въ книгѣ R. Schüller'a „Die Wirtschaftspolitik der histor. Schule“ Berlin 1899.

²⁾ „Die Pflicht im Wirtschaftsleben“ von Georg von Mayr. Tübingen, 1900.

листического пониманія исторіи является въ наши дни социальною обязанностію всякаго, у кого бьется не одинъ только экономическій пульсъ“.

Авторъ любитъ выражаться высокимъ стилемъ и впадать въ благородное негодованіе, но познакоимся съ этикой самого проф. Майра, какъ типичнаго представителя „этическихъ“ экономистовъ.

„Экономическая жизнь, говоритъ онъ, должна быть подчинена болѣе высокимъ культурнымъ интересамъ. Богъ, князь, отечество, семья, *собственность, наследственное право* (курсивъ нашъ)—вотъ, чтобы привести наиболѣе важныя, идеальныя и реальныя факторы нашей культурной жизни, которые мы должны сохранить ради ихъ самоцѣнности отъ разлагающаго дѣйствія экономическаго развитія“.

Для рабочаго же класса „нравственною обязанностію является необходимость дѣлать сбереженіе и жить въ обрѣзъ“ (стр. 14). Оказывается, что даже при примѣненіи капитала къ той или иной отрасли производства слѣдуетъ руководствоваться этическими принципами и не вкладывать, напр., капитала въ иностранныя предпріятія, если они конкурируютъ съ нѣмцами. Зато развитіе отечественной промышленности оказывается не просто выгоднымъ дѣломъ, а патриотическимъ предпріятіемъ.

Мы уже замѣтили выше, что симпатичнѣйшею стороною классической экономіи служить ея объективизмъ, она называла вещи ихъ настоящими именами и несколько не скрывала, напр., того, что рабочая сила является товаромъ. Занимаясь не столько выясненіемъ капиталистическаго хозяйства, сколько его оправданіемъ, историко-этическая школа и въ этомъ случаѣ осталась вѣрной себѣ и посредствомъ этическихъ словъ постаралась скрыть неэтическое состояніе дѣла.

Майръ прямо заявляетъ, что трудъ не есть товаръ. Какъ же онъ опровергаетъ этотъ очевидный фактъ, конечно, научными соображеніями? О, нѣтъ, читатель, „этические“ экономисты прибѣгаютъ къ аргументамъ *ad hominem* и доказываютъ, что на положеніи: „рабочая сила есть товаръ и новая цѣнность создается трудомъ“ построена „манія величія“ социализма“. Когда рабочему развиваютъ эту теорію, жалуются Майръ, то онъ понемногу самъ начинаетъ вѣрить, что онъ творецъ матеріальнаго богатства капиталистическаго общества. О, что ужъ хорошаго въ этой вѣрѣ! Очевидно поэтому, что надо *говорить*, что рабочая сила не товаръ, и цѣнность создается не трудомъ. И гг. этические экономисты усердно говорятъ это.

Георгъ Майръ не присоединяется „безусловно“ къ „модной враждѣ къ исключительнымъ законамъ“, онъ сочувствуетъ знаменитому „каторжному законопроекту“, внесенному два года тому назадъ въ рейхстагъ и провалившемуся. Аргументація у него здѣсь по обыкновенію „этическая“: трудъ рабочаго не только это профессиональное занятіе для поддержанія суще-

ствованія, но и социальная обязанность, это общественная высоко-правственная повинность, поэтому на нее нельзя смотрѣть съ „эгоистической“ точки зрѣнія только интересовъ рабочаго, интересы „общества“ важнѣе и первыя должны подчиняться послѣднимъ.

Поэтому, когда рабочіе отказываются на какой-либо фабрикѣ работать, то поступаютъ они, по мнѣнію Майра, безнравственно и полиція должна обучать ихъ нравственному поведенію.

Мы убѣдились такимъ образомъ, что если не логически, то психологически и фактически между этикой и реакціей въ политической экономіи существовала неразрывная тѣсная связь.

Классическая политическая экономія сложилась въ періодъ хозяйственнаго развитія, когда существовавшій правовой и политической строй, иѣкогда вызванный экономическимъ развитіемъ, сдѣлался затѣмъ оковами для дальнѣйшаго развитія производительныхъ силъ. Мелочное вмѣшательство государства въ сферу экономической жизни служило лишь поддержкой устарѣлымъ формамъ хозяйства и классамъ, въ немъ заинтересованнымъ, и на каждомъ шагѣ тормазило развитіе капитализма. Насущною задачею англійскихъ капиталистовъ было поэтому добиться невмѣшательства государства и предоставленія всего „естественному ходу вещей“.

Въ тогдашней общественно-экономической жизни не было на-лицо элементовъ для построенія положительной социальной политики, которая не шла бы въ разрѣзъ съ неуклоннымъ развитіемъ производительныхъ силъ. Если мы прибавимъ сюда натурализмъ классической школы, заставлявшій ее смотрѣть на экономическія отношенія какъ на отношеніе не людей, а вещей, развивающихся по естественнымъ законамъ, то станетъ понятнымъ, что классическая школа и не могла создать положительной социальной политики.

Историческая школа безпрестанно указываетъ на этотъ недостатокъ классической экономіи, близоруко при этомъ утверждая, что къ этому отрицательному отношенію къ „социальной политикѣ“ сводится вся сущность классической школы, тогда какъ на самомъ дѣлѣ на теоретическихъ экономическихъ взглядахъ классиковъ это отсутствіе социально-политическихъ соображеній отозвалось самымъ благопріятнымъ образомъ, сохранивъ ей характеръ строгой научности и объективности. Цѣльная экономическая система должна, конечно, *наряду* съ теоріей политической экономіи создать и теорію экономической политики, но тогда какъ экономическая политика должна всецѣло опираться на теорію политической экономіи и руководствоваться ея указаніями, теорія политической экономіи должна разрабатываться совершенно независимо отъ экономической политики.

Историко-этическая школа не сознаетъ этого и поэтому постоянно смѣшиваетъ изслѣдованіе вопроса „что есть?“ съ изслѣдованіемъ вопроса „что должно быть?“

Если на основаніи объективнаго изслѣдованія я говорю, что въ капиталистическомъ обществѣ рабочая сила служить товаромъ, что трудъ, создавая весь продуктъ, получаетъ въ видѣ заработной платы лишь одну часть цѣнности этого продукта, то это не значитъ, конечно, что я такому порядку вещей сочувствую, я въ данномъ случаѣ вращаюсь исключительно въ сферѣ пониманія, а не оцѣнки. Хорошо этотъ фактъ или дуренъ, заслуживаетъ ли онъ поддержки или нѣтъ, воѣ эти вопросы не касаются экономиста какъ теоретика. Но всякій экономистъ не только ученый, но и живой человѣкъ, членъ общества и онъ, конечно, долженъ сдѣлать изъ своей теоріи практическіе выводы. При этомъ, однако, онъ уже покидаетъ почву отвлеченнаго теоретическаго изслѣдованія и переходитъ въ область экономической политики.

Этико-историческая же школа сплошь и рядомъ поступаетъ наоборотъ: она исходитъ изъ своихъ желаній и идеаловъ и по нимъ ужъ кронтъ свою теорію, въ результатѣ чего ей приходится отворачиваться отъ неудобныхъ фактовъ, какъ несуществующихъ. Когда къ классикамъ-экономистамъ обращались съ упреками по адресу капиталистическаго хозяйства, говоритъ французскій экономистъ Шарль Жидъ, то они отвѣчали: „Быть можетъ, для васъ и можно что-нибудь сдѣлать, но во всякомъ случаѣ вы ошиблись дверью, обращаясь къ намъ, постучитесь рядомъ“¹⁾.

Шарль Жидъ, вслѣдъ за Карлейлемъ, находитъ, что подобная политическая экономія — „унылая наука“, и противопоставляетъ ей „новую“ политическую экономію, для которой „политика такъ же неотдѣлима отъ науки, какъ будущее отъ прошедшаго“. Послѣдняя фраза, конечно, совершенно вѣрна, но вѣдъ „будущее“ обусловлено прошедшимъ и характеръ будущаго никакого вліянія на характеръ прошедшаго не имѣетъ, а стало быть и экономическая наука независима отъ экономической политики.

Нѣкоторые представители этического направленія свели роль экономиста къ морализированію по поводу экономическихъ явленій, къ произнесенію этической оцѣнки экономическимъ фактамъ, они устанавливають, какія экономическія блага являются съ этической точки зрѣнія „истинными благами“, какой процентъ на капиталъ, прибыль и цѣна представляются „нравственными“.

По этому поводу Карлъ Менгеръ очень мѣтко замѣчаетъ: „Виды“ и „неистинное“ „безнравственное“ экономическое благо тоже подлежитъ экономическимъ законамъ цѣны и т. п. и тѣмъ самымъ съ экономической точки зрѣнія есть благо, цѣну и цѣнность котораго точно также надо теоретически объяснить какъ и цѣну, цѣнность блага, служащаго величайшимъ цѣлямъ... Какая же наука должна намъ объяснить

¹⁾ Charles Gide. L'école nouvelle. Въ сборникѣ публичныхъ лекцій: „Quatre écoles d'économie sociale. Genève et Paris. 1890, p. 132.

законы „не истинныхъ“ благъ „не этическихъ“ явленій экономической жизни и дать ихъ теоретическое истолкованіе?“

Этико-историческая школа ставитъ себѣ въ заслугу ниспроверженіе догмата классической школы, учившей, что эгоизмъ является единственнымъ мотивомъ дѣйствительности и оперирующей съ абстрактнымъ „экономическимъ человѣкомъ“.

Историко-этическая школа въ полную противоположность классической оперируетъ съ конаретною личностью, влекомой тысячею разнообразныхъ мотивовъ, изъ которыхъ многіе очень добродѣтельны. Человѣкъ—цѣльное существо и никакая наука не должна его разсматривать только какъ „экономическаго человѣка“. Въ полемикѣ съ Лассономъ, замѣтившимъ, что объ этической потитической экономіи можно говорить съ небольшимъ правомъ чѣмъ объ этическомъ поваренномъ искусствѣ. Шмоллеръ доказывалъ, что во всякой своей дѣятельности человѣкъ весь проявляется и даже при вбиваніи гвоздя въ стѣнку проявляется и этическая сторона человѣческой натуры.

Сами по себѣ, съ точки зрѣнія здраваго человѣческаго смысла, всѣ эти замѣчанія въ основѣ своей вѣрны, но всѣ они игнорируютъ методологическія основы возведенія особой самостоятельной науки.

Гипотеза объ эгоизмѣ какъ объ основномъ, даже единственномъ двигателѣ всякой человѣческой дѣятельности проповѣдовавшаяся напр. Бентамомъ есть сухая рачіоналистическая теорія, упускающая изъ виду ирраціонализмъ и безсознательность общественнаго процесса. Но классики-экономисты своей теоріи эгоизма никогда и не придавали значенія общей философской теоріи. Стоитъ только вспомнить, что тотъ же самый Адамъ Смитъ, который придерживался „догмата эгоизма“ въ политической экономіи написалъ вмѣстѣ съ этимъ замѣчательное сочиненіе „Теорія нравственныхъ чувствъ“, гдѣ подчеркивалъ роль и значеніе альтруистическихъ чувствъ.

„Догматомъ эгоизма“ и „экономическимъ человѣкомъ“ классическая политическая экономія пользовалась лишь какъ вполнѣ законной научной абстракціей безъ которой мы шагу не можемъ ступить въ научной области.

Передъ нами разстилается шумная и пестрая дѣйствительность, стоятъ коваретные люди, съ крайне различною психикою и физикою, волнуемые самыми различными чувствами, стремящіеся къ діаметрально противоположнымъ цѣлямъ. Нашъ умъ получая цѣлый хаосъ воспріятій старается установить въ нихъ извѣстный „нарядъ“, для этого онъ поступаетъ также какъ такъ называемая „типическая“ фотографія:— для того, чтобы получить напр. типъ русскаго солдата, снимаютъ на одну и ту же фотографическую пластинку нѣсколько различныхъ солдатъ, индивидуальныя черты каждаго солдата отразясь на пластинкѣ всего одинъ разъ не проявляются, а общія всѣмъ солдатамъ черты ложась другъ на друга обозна-

чаются резко и ясно, такимъ путемъ погашенія индивидуальных чертъ и суммированія общихъ получается „типическая“ фотографія. Такимъ же путемъ идетъ и всякая наука. Переходъ отъ воспріятія къ представленію, отъ представленія къ понятію есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, все болѣе болѣе переходъ отъ конаретнаго къ абстрактному, отъ индивидуальнаго къ общему. Можно, пожалуй, эту неспособность нашего ума воспринять дѣйствительность во всей ея конаретности и индивидуальности считать признакомъ его ограниченности, но нашъ бѣдный, человѣческій умъ иначе поступить не можетъ. Собственно говоря, въ видѣ интеллектуальной утопіи можно выдвинуть пожеланіе, чтобы существовала всего лишь единая нераздѣльная наука объ единой, нераздѣльной дѣйствительности.

Но, повторяемъ, все это лишь „чародѣйство красныхъ вымысловъ“, къ которому ясный и трезвенный умъ классическихъ экономистовъ не чувствовалъ никакой склонности. Классики-экономисты какъ и представители другихъ наукъ стояли передъ необходимостью *выдѣлать* особые стороны и элементы дѣйствительности о человѣческой дѣятельности въ особый объектъ изученія. Для этого, конечно, они должны были абстрагировать отъ пестрой дѣйствительности однородные элементы, создать изъ нихъ особое царство науки, и путемъ такой абстракціи возвести зданіе самостоятельной экономической науки. Какъ не можетъ войти въ науку вся дѣйствительность въ ея пестрой и грубой конаретности, такъ не можетъ войти ни въ какую отдѣльную науку и весь человѣкъ въ его грубой и пестрой конаретности. Отсюда очевидна полная научная законность приѣма классиковъ, оперировавшихъ не съ человѣкомъ вообще, а только съ „экономическимъ“ человѣкомъ. Это не значитъ, конечно, что классики-экономисты думали, что человѣкъ *въ дѣйствительности* является только экономическимъ существомъ, напр., лишь *для ихъ науки* человѣкъ представляетъ интересъ лишь съ его экономической стороны. Развѣ же другія науки не поступаютъ точно также, развѣ фзіологъ не оперируетъ съ „фзіологическимъ“ человѣкомъ, а психологъ съ „психическимъ“? Развѣ химикъ не изслѣдуетъ явленій исключительно съ химической стороны, отлично при этомъ зная, что химическая сторона въ дѣйствительности неразрывно связана съ фзической?

Мы видимъ такимъ образомъ, что упрекъ, дѣлаемый исторической школой классикамъ за ихъ абстрактнаго „экономическаго“ человѣка“ всецѣло опирается на игнорированіи законныхъ образованій всякой самостоятельной науки.

То же самое приходится замѣтить и объ эгоизмѣ, какъ руководящемъ мотивѣ „экономическаго“ человѣка“. И здѣсь опять-таки это необходимая абстракція для того, чтобы мы могли разобратся въ хаосъ экономическихъ явленій. Въ чисто-экономической области человѣкъ преслѣдуетъ лишь одну цѣль—съ возможно меньшею затратою труда достигнуть возможно большаго экономическаго результата. А это и есть

тотъ „догматъ эгоизма“ противъ котораго возстаетъ историко-этическая школа.

Неудивительно, что при подобной путаницѣ методологическихъ приѣмовъ при подобномъ отсутствіи всякаго присутствія критицизма, историческая школа рѣшительно ничего не сдѣлала для развитія теоретической политической экономіи и надолго убила всякій интересъ къ ней. Ея господствомъ объясняется страшный застой въ официальной политической экономіи Германіи, прекратившійся лишь въ послѣдніе годы, благодаря трудамъ марксистской и австрійской школы.

Этико-историческая школа растворила теорію политической экономіи въ исторію экономической науки. Въ этой послѣдней области заслуги ея громадны, ею отчасти накопленъ, отчасти уже разработанъ богатѣйшій фактический матерьялъ, въ большей своей части еще ждущій могучаго синтеза. Съ поистиннѣ пчелинымъ усердіемъ разрабатывается ими экономическая исторія, но *Sic vos non vobis, mellificatis, apes!* Вина или бѣда исторической школы заключается въ неспособности различать построение науки отъ накопленія матерьяла, исторію экономического строя отъ теоріи политической экономіи, тогда какъ между первой и послѣдней существуетъ такое же отношеніе, какъ между этнографіей и теоретической социологіей.

Историческій анализъ, кажушійся этико-исторической школой единственнымъ средствомъ покончить съ рационализмомъ и абсолютизмомъ классической школы, не далъ имъ, однако, никакой опоры для возведенія своей положительной теоріи. Слѣдствіемъ явилось то, что историко-этическая школа *de facto* отказалась выяснить какіе бы то ни было экономическіе законы.

Историческая школа заранее объявила невозможность познанія причинъ и законовъ экономической дѣятельности, ограничивъ область экономической науки простымъ описаніемъ внѣшняго проявленія хозяйства въ различныя времена и у различныхъ народовъ.

Историческое направленіе въ политической экономіи есть проповѣдь экономического позитивизма, отвѣщающаго на всѣ вопросы, идущіе въглубь предмета, скрюкнымъ „*ignoramus*“.

Характерно, что позитивизмъ въ философіи и позитивизмъ въ экономической наукѣ возникли почти одновременно. Въ 1839 г. выходитъ сочиненіе Огюста Конта: „*Cours de philosophie positive*“, гдѣ всякое изслѣдованіе основныхъ началъ отвергается какъ вредная метафизика и для социальныхъ наукъ рекомендуется методъ внѣшняго наблюденія и историко-сравнительнаго описанія: — „*observation pure*“, „*methode comparative*“, „*methode historique*“, а четыре года спустя появляется сочиненіе Роншера, гдѣ тѣ же самыя правила философскаго воздержанія проповѣдываются и для политической экономіи.

Наставленіе на неразрывной связи всѣхъ сторонъ дѣятельности и незаконности выдѣленія „экономическаго“ въ особый предметъ изученія опять-таки есть чистый позитивизмъ

есть его учением о consensus'ѣ между всеми сторонами общественной дѣятельности.

Философскія идеи исторической школы явились такимъ образомъ законной реакціей противъ рационализма восемнадцатаго вѣка и въ качествѣ таковой несомнѣнно сыграли свою роль, но одного отрицательнаго отношенія къ рационализму было еще мало для построения положительной теоріи, а большаго историческая школа не дала, да и своимъ одностороннимъ методомъ дать не могла.

Всѣмъ сказаннымъ ни малѣйше не умаляется значеніе историческаго метода. Какъ справедливо замѣтилъ Зиммель, „можно признать, что приложимость всякаго экономическаго закона“ можетъ быть выведена изъ особыхъ историческихъ условій даннаго экономическаго состоянія, а познаніе этого закона — изъ особыхъ условій экономическаго строя.

Однако, этотъ историческій процессъ можетъ стать доступнымъ нашему пониманію лишь при предпосылкѣ и оцѣнкѣ извѣстныхъ объективно — обязательныхъ нормъ и понятій, которыя представляютъ аргіогі даннаго историческаго вывода; эти понятія, въ свою очередь, опираются на предшествующее, болѣе далеко отстоящее историческое развитіе, которое, въ свою очередь, нуждается для своего возникновенія (какъ самого по себѣ, такъ и въ познаніи) въ извѣстныхъ, болѣе простыхъ, обязательныхъ нормахъ и т. д.“¹⁾.

Какъ вполне справедливо замѣчаетъ далѣе Зиммель, этотъ *progressus in infinitum* является законнымъ выраженіемъ незаконченности всякаго нашего познанія, выходящаго за предѣлы даннаго состоянія.

Подъ именемъ историческаго „метода“ и борьбы съ абстракціями историческая школа проповѣдуетъ въ сущности полное отсутствіе всякихъ методологическихъ приѣмовъ и превращеніе политической экономіи въ простое описаніе пестраго калейдоскопа событій.

Для вывода основныхъ положеній политической экономіи необходимо точное знаніе исторіи хозяйственныхъ явленій, но сами по себѣ эти положенія суть не историческія, а абстрактныя положенія, полученные помощью абстрагирования отъ всѣхъ особенностей историческихъ формъ, тогда какъ историческая школа, повидимому, находитъ возможнымъ рекомендовать для политической экономіи, такъ сказать, фотографическій методъ сниманія всѣхъ историческихъ формъ хозяйственнаго развитія и собираніе ихъ въ коллекцію подъ именемъ „политическая экономія“.

Этотъ близорукій историзмъ возводитъ въ особое методологическое достоинство отсутствіе всякаго истинно-научнаго метода!

И проповѣдь „этической оцѣнки“ велась и ведется экономистами исторической школы на почвѣ полнаго игнорирования

¹⁾ Г. Зиммель. Къ методологій соціальной науки. Перев. съ нѣм. П. Берлина. „Научное Обозр.“ 1900, № 2, стр. 260.

методологическихъ основъ и пріемовъ возведенія отдѣльной, самостоятельной науки.

Попытки внесенія этического элемента въ политическую экономію не съ исторической школы начались. И древній міръ и въ особенности средніе вѣка постоянно отъ экономическихъ разсужденій переходили къ этическимъ. толковали о „справедливой“ цѣнѣ, справедливомъ процентѣ.

Въ новѣйшее время этическая политическая экономія возникла, какъ мы выше видѣли, какъ реакція мелко буржуазныхъ классовъ противъ быстрого роста капиталистическаго хозяйства и рабочаго движенія.

Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что попытки приложенія морали къ экономикѣ дѣлались еще и англійскими социалистами двадцатыхъ годовъ — Томпсономъ, Греемъ, Бреемъ и мн. др.

Когда Рикардо выставилъ теорію трудовой цѣнности и продолжалъ стоять на точкѣ зрѣнія просвѣщенной буржуазіи, англійскіе экономисты возражали ему: „Если мѣновая цѣнность продукта равна содержащемуся въ немъ рабочему времени, то мѣновая цѣнность рабочаго дня равна его продукту. Иначе сказать, заработная плата должна быть равна продукту труда, а это противорѣчитъ дѣйствительности“. Марксъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе относительно этихъ разсужденій: „Это, сдѣланное со стороны экономистовъ, возраженіе противъ Рикардо было подхвачено потомъ социалистами. Признавая теоретическую правильность формулы, они уличали практику въ противорѣчій съ теоріей и предлагали буржуазному обществу вывести воображаемыя практическія слѣдствія изъ его теоретическихъ принциповъ. Такимъ образомъ, по крайвей мѣрѣ, англійскіе социалисты обратили формулу мѣновой цѣнности Рикардо противъ политической экономіи“.

Фридрихъ Энгельсъ въ предисловіи къ „Нищетѣ философіи“ слѣдующимъ образомъ комментируетъ эти слова Маркса: „Тотъ выводъ изъ теоріи Рикардо, что рабочимъ, какъ единственнымъ производителямъ, принадлежитъ весь общественный продуктъ, продуктъ ихъ труда, ведетъ прямо къ коммунизму. Но, какъ намекаетъ и Марксъ въ вышеприведенныхъ строкахъ, экономически этотъ выводъ формально ложенъ, такъ какъ является простымъ приложеніемъ морали къ экономіи. По законамъ буржуазной экономіи большая часть продукта *не принадлежитъ* производшимъ его рабочимъ. Когда мы говоримъ: „это несправедливо, этого не должно быть“ — то такіе приговоры не касаются до экономіи. Мы выражаемъ ими простое противорѣчіе нашего нравственнаго чувства съ даннымъ экономическимъ фактомъ. Поэтому Марксъ никогда не бралъ ничего подобнаго за основу своихъ коммунистическихъ требованій, а опирался на неизбѣжное крушеніе капиталистическаго способа производства; говоря, что прибавочная цѣнность состоитъ изъ неоплаченнаго труда, онъ просто констатируетъ фактъ“.

Такъ смотрѣли на вопросъ о значеніи этики для экономики Марксъ и Энгельсъ.

Въ послѣднее время нерѣдко хотѣтъ истолковать воззрѣнія Маркса на данный вопросъ въ противоположномъ смыслѣ. Подобное толкованіе находится въ связи съ проповѣдью новой марксистской точки зрѣнія; хотя, поскольку къ нѣкоторымъ изъ этихъ новыхъ точекъ зрѣнія приложимо прилагательное марксистскія, слѣдовало бы выбрать знакъ препинанія между категорическій, чѣмъ точка, и говорить о новой марксистской точкѣ, по крайней мѣрѣ, съ запятой или многоточіемъ... Авторъ новѣйшей работы о Марксѣ, молодая экономистка Маріанна Веберъ, тоже стремится истолковать экономическія воззрѣнія Маркса. Она пишетъ: „Итакъ, общественно-необходимое рабочее время опредѣляетъ объективную, „справедливую“ (?) цѣнность товара — слѣдовательно, пока блага производятся для обмѣна, т. е. при современномъ капиталистическомъ обществѣ, это затраченное время должно служить масштабомъ распределенія благъ, т. е. трудъ всякаго рабочаго долженъ измѣряться въ произведенной имъ массѣ продукта затраченнымъ имъ количествомъ рабочаго времени“³⁾ и соответственно этому вознаграждаться. Ученіемъ о прибавочной цѣнности, говорить въ другомъ мѣстѣ Маріанна Веберъ, Марксъ хотѣлъ указать не только на экономическій, но и этический диссонансъ въ современной жизни⁴⁾.

Такимъ образомъ, и марксизмъ, если не въ томъ видѣ, какъ его плагалъ Марксъ, то, по крайней мѣрѣ, въ томъ, какъ его теперь нѣкоторые понимаютъ, представлялъ то же этическое направленіе въ политической экономіи.

Но на самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего ошибочнаго подобнаго заключенія. Здѣсь опять-таки происходитъ роковое смѣшеніе цѣльности человеческой природы съ крайней дробностью объектовъ науки.

Возьмемъ примѣръ врача. Изслѣдуя больного, врачъ можетъ на основаніи медицины прійти къ заключенію, что у больного подагра, явившаяся слѣдствіемъ неумѣреннаго образа жизни, неумѣреннаго употребленія шампанскаго, трюфелей, паштетовъ, соответственно своему діагнозу врачъ припишетъ соответствующую терапію. Каковы бы ни были нравственныя убѣжденія врача, какъ бы онъ ни относился къ подобному образу времяпрепровожденія, все это для него, *какъ врача*, не имѣетъ рѣшительно никакого интереса.

Лѣча богатыхъ людей отъ ожирѣнія и бѣдныхъ отъ истощенія, лѣча отъ „аристократической“ подагры и пролетарскихъ профессиональных болѣзней врачъ, *какъ врачъ*, относится къ этимъ всѣмъ болѣзнямъ нравственно безразлично.

Но всякій специалистъ не только специалистъ, но и живой человѣкъ. Какъ врачъ, человѣкъ совершенно одинаково отно-

³⁾ Marianne Weber. Fichte's Socialismus und sein Verhältniss zu Marx'sche Doctrin. Tübingen. 1900, стр. 119.

⁴⁾ Ibid., 35 стр.

сится къ болѣзнямъ, явившимся слѣдствіемъ отдачи своихъ силъ на общее благо, и болѣзнямъ, вызваннымъ безпутствомъ, но, какъ живой человѣкъ, онъ относится къ этимъ двумъ явленіямъ совершенно различнымъ образомъ. Первое вызываетъ у него высокое нравственное чувство одобренія, второе—высокое нравственное чувство осужденія. Но медицина, какъ наука, нѣтъ никакого дѣла ни до этого одобренія, ни до этого осужденія.

Все сказанное примѣнимо и къ экономической наукѣ. Сама по себѣ экономическая дѣятельность, развитіе производительности труда не представляетъ, конечно, для человѣчества и развитаго человѣка конечной цѣли, самоцѣли. Нѣтъ, все громадное культурное значеніе развитія производительности труда заключается въ томъ, что оно постепенно освобождаетъ человѣка отъ власти матеріальныхъ интересовъ; такимъ образомъ съ общей точки зрѣнія развитіе производительныхъ силъ встрѣчаетъ сочувствіе не само по себѣ, а лишь какъ средство для достиженія высшихъ не матеріальныхъ цѣлей.

Вслѣдствіе этого, когда человѣкъ вырабатываетъ себѣ міросозерцаніе или рассуждаетъ какъ историкъ культуры, то этимъ онъ неизбежно оцѣниваетъ экономическія явленія съ не экономической точки зрѣнія и сочувствуетъ неуклонному развитію матеріальныхъ силъ только потому, что лишь на почвѣ этого развитія появляется теоретическая возможность реализаціи соціального идеала, а развитіе субъективныхъ факторовъ, вызываемое этимъ же развитіемъ матеріальныхъ силъ, превращаетъ эту теоретическую возможность въ практическую дѣйствительность.

Такъ же, въ общемъ, смотрѣли на дѣло Марксъ и Энгельсъ. Въ самомъ дѣлѣ уже въ приведенной нами выше цитатѣ изъ „Нищеты философіи“ Энгельсъ все время указываетъ, что нравственная оцѣнка „не касается до экономіи“, что моральная истолкованія экономическихъ законовъ „экономически“ ложны, но онъ при этомъ нисколько не устраняетъ умѣстность подобныхъ оцѣнокъ для неэкономиста-теоретика. Онъ прямо говоритъ: „Но формально ложное въ области экономіи можетъ зато оказаться истиннымъ съ точки зрѣнія всемірной исторіи“.

Мы, такимъ образомъ, видимъ, что устраненіе этики изъ экономіи нисколько не обязуетъ экономиста, *какъ человека*, къ нравственному индифферентизму, оно только выражаетъ собою частный случай общаго методологическаго требованія, чтобы въ сферу изученія данной науки не врывались точки зрѣнія постороннихъ научныхъ вѣдомствъ. Эти этические точки зрѣнія начинаютъ врываться въ экономическую науку всегда со стороны общественныхъ группъ, боящихся будущаго и не увѣренныхъ въ завтрашнемъ историческомъ днѣ. Къ нимъ въ особенности питаютъ „влеченіе, родъ недуга“ идеологи мелкой буржуазіи, идеалы которыхъ стоятъ въ противорѣчій съ ходомъ экономическаго развитія. Когда развитіе

крупнаго производства обезцѣнило трудъ мелкихъ производителей, то эти послѣдніе, устами своихъ идеологовъ-экономистовъ, стали говорить о несправедливости экономического развитія и требовать „справедливой“ цѣны за свой трудъ, т. е., въ переводѣ на экономическій языкъ, требовать, чтобы ихъ товаръ оцѣнивался по затратѣ не общественно-необходимаго, а индивидуально затраченнаго труда.

Напротивъ, общественный классъ, реализація идеаловъ котораго зависитъ отъ дальнѣйшаго неуклоннаго развитія производительныхъ силъ, никогда не прибѣгаетъ къ этикѣ для санкціонирования своей общественной программы.

Насколько важна или не нужна этическая оцѣнка для общественныхъ теорій, насъ здѣсь совершенно не интересуетъ, у насъ идетъ рѣчь исключительно о значеніи этики для экономической науки и цѣль наша была показать ненаучность введенія этического направленія въ область экономического познанія.

Менгеръ вполнѣ справедливо замѣтилъ, что „стремленіе къ этическому направленію въ политической экономіи есть отчасти пережитокъ античнаго и, въ извѣстномъ смыслѣ, средневѣковаго—аскетическаго міросозерцанія, въ значительной же части жалкій костыль для научной безпомощности... Характерно, что почти всегда, когда обнаруживается недостатокъ силъ для разрѣшенія проблемы своей науки, прибѣгаютъ къ помощи результатовъ другихъ наукъ и механическимъ примѣненіемъ ихъ пытаются достигнуть желаемаго разрѣшенія проблемы своей науки“¹⁾.

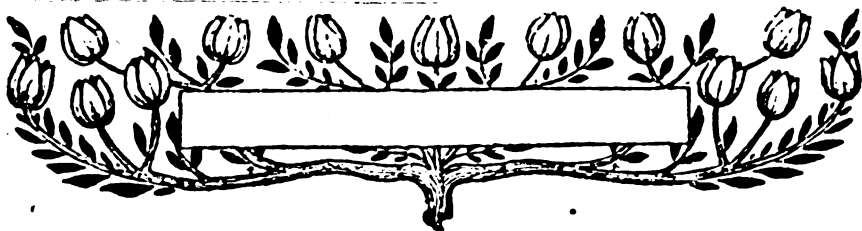
Для тѣхъ же экономическихъ школъ, которыя не отчаялись въ возможности „собственными средствами“ справиться съ экономическими проблемами, не нуженъ этотъ „жалкій костыль“ морализирования.

„Не будемъ задерживать нашего развитія, загромождать путь къ лучшему будущему балластомъ отжившихъ фразъ и сомнѣній; будемъ всѣми силами содѣйствовать экономическому прогрессу въ твердой увѣренности, что на широкой основѣ матеріальнаго благосостоянія мы сможемъ развить и высшія формы человѣчности. Исторія подтверждаетъ этотъ жизнерадостный взглядъ“²⁾.

П. Берлинь.

¹⁾ Carl Menger. Untersuchungen über die Methode der Politischen Oekonomie. Leipzig. 1883, стр. 289.

²⁾ Зомбартъ. Идеалы социальной политики. Спб. 1900, стр. 74.

Великій юмористъ и подвижникъ.

По случаю пятидесятилѣтія со дня кончины

Н. В. Гоголя-Яновскаго.

О, юность, юность! Божій міръ
Ты убрала цвѣтами;
Не знаешь ты, какъ нагъ и сиръ
И залить міръ слезами.

А. Плещеевъ.
И горькимъ словомъ посмѣюсь!
Иеремія.

Недавно вышедшее въ свѣтъ новое изданіе „Писемъ Н. В. Гоголя“, въ четырехъ объемистыхъ томахъ, подъ редакціей В. И. Шенрока, содержитъ всѣ ранѣе опубликованныя и до сихъ поръ нигдѣ не напечатанныя письма русскаго юмориста; не мало труда было потрачено на внимательную провѣрку огромнаго большинства писемъ по подлинникамъ.

Достаточно полный фактическій матеріалъ даетъ возможность, художественно или научно, какъ хотите, воспроизвести личную эволюцію автора, выдѣлить субъективные элементы, вошедшіе въ созданные имъ художественные образы и литературныя понятія, а тѣ и другія объяснить непосредственными живыми впечатлѣніями и условіями общественной дѣятельности.

Наша задача гораздо скромнѣе: напомнить кое-какіе внушительные факты и высказать соображенія, на которыя наводить чтеніе писемъ въ новомъ дополненномъ изданіи.

Въ индивидуальномъ развитіи Гоголя намѣчаются три основныхъ періода: подражательный, истинно-творческій и аналитическій, вполне не закончившійся синтетическимъ или сознательнымъ творчествомъ. Направляющая его личной эволюціи можетъ быть представлена слѣдующей формулой.

Въ раннюю пору восторженной юности смѣлый вольница съ возвышенными, хотя и неопредѣленными, гуманными стремленіями, съ безотчетно-веселымъ, искрящимся малороссійскимъ

юморомъ, вскрывающимъ бѣдноту и несовершенство русской жизни, осмѣивающій недостатки и безобразія обывателей, безпощадно отрицающій пошлыя русскія будни; когда же въ борьбѣ за индивидуальность у смѣлаго вольницы поубавилась энергія воли, разстроилось здоровье, почувствовалось переутомленіе жизнью, когда пришлось для сохраненія нравственной самостоятельности отказаться отъ всякихъ разчетовъ на личное счастье,—въ его произведеніяхъ и письмахъ все настойчивѣе и сознательнѣе звучитъ проникновенный голосъ аскета, выступающаго передъ публикой съ проповѣдью покающаго очищенія и сентенціями соотечественникамъ.

Кто не страдаетъ мыслебоязнью,—скажетъ, не лукавя: все минетъ, останется одна правда, идеально чистая и полезная человѣчеству. Личная жизнь и творчество великаго юмориста для многихъ до сихъ поръ являются психологической и нравственной загадкой, — и нельзя удивляться этому явленію: слишкомъ много накопилось о немъ разнорѣчивыхъ показаній и свидѣтельствъ, и слишкомъ мало прилагался къ нимъ психологическій анализъ.

Особенно нуждается въ объясненіи глубокій душевный кризисъ, пережитый Гоголемъ и, повидимому, совершенно нарушившій нравственную цѣлостность и органическую непрерывность его субъективнаго развитія и литературнаго вліянія.

Послушаемъ, что говорятъ по этому поводу авторитетнѣйшіе русскіе критики. Такой проницательный художникъ—психологъ, какъ Л. Н. Толстой, сохранившій въ идеологіи своего духа логику здраваго смысла, открываетъ въ мистикѣ насмѣшливаго малоросса глубоко-жизненные элементы и неотразимо-ясное, живое сознаніе объективныхъ условій. Вотъ что говоритъ Левъ Николаевичъ: „Перечелъ я книгу—переписку Гоголя съ друзьями—въ третій разъ. Всякій разъ, когда ее читалъ, она производила на меня сильное впечатлѣніе. Гоголь много сказалъ въ своихъ письмахъ, но пошлость, имъ обличаемая закрывала: „онъ сумасшедшій!“ и Гоголь, нашъ Паскаль, лежитъ подъ спудомъ. Пошлость господствуетъ, и всѣми силами я стараюсь сказать то же, что сказалъ Гоголь“ ¹⁾. По справедливому замѣчанію г. Веселовскаго ²⁾: что подлежитъ за-границей общему обсужденію, у насъ вызываетъ обыкновенно озлобленный крикъ: „Ruf nach Polizei!“ При современныхъ Гоголю социальныхъ условіяхъ и свойствахъ его индивидуальности пережитый въ зрѣломъ возрастѣ душевный кризисъ былъ необходимъ и лишь случайно, и то далеко не въ чрезмѣрной степени, при его аскетической жизни, осложнялся нѣкоторыми болѣзненными симптомами, не постигшими, наир., Чаадаева, который создалъ, какъ извѣстно, оригинальнѣйшую мистическую доктрину, болѣе отрѣшенную отъ жизни, чѣмъ какія бы то ни было сентенціи юмо-

¹⁾ Въ январьской книжкѣ „Сѣв. Вѣстн.“ 1893 г. приводится эта цитата изъ письма гр. Л. Н. Толстого.

²⁾ А. Н. Веселовскій. „Изъ этюда о Гоголѣ“. „Вѣстн. Евр.“ 1891 г., III.

риста, глубоко задумавшагося надъ разрѣшеніемъ нравственныхъ проблемъ крѣпостного строя.

Первый критикъ послѣ-гоголевскаго поколѣнія, человѣкъ искренній и талантливый, Н. Г. Чернышевскій, котораго едва ли возможно заподозрѣть въ суетвѣрныхъ предразсудкахъ, объясняетъ пережитый Гоголемъ душевный кризисъ исполнѣ естественной потребностью выработать стойкія нравственныя убѣжденія. „При развитіи, подобномъ тому, какое получилъ Гоголь (исключительно подъ вліяніемъ религіозной и общественной традиціи), только для очень немногихъ, самыхъ сильныхъ умомъ людей настаетъ пора умственной возмужалости, та пора, когда человѣкъ чувствуетъ, что ему недостаточно основываться въ своей дѣятельности только на отрывочныхъ сужденіяхъ, вызываемыхъ отдѣльными фактами, и необходимо имѣть систему убѣжденій“ ¹⁾. Подобное объясненіе въ свое время не обратило на себя достаточнаго вниманія потому, что у насъ вообще мало цѣнятъ искреннія убѣжденія и преклоняются, унижая свое человѣческое достоинство, передъ фактомъ и успѣхомъ.

Позднѣйшіе, такіе наблюдательные критики, какъ гг. Пыпинъ, Веселовскій и Скабичевскій, вовсе не видятъ въ аскетической проповѣди нашего юмориста рѣшительнаго разрыва съ юношескими порывами и гуманными идеалами или какой-либо сознательной измѣны поэтическому творчеству. Но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ психологически не обследованъ „казусъ“ Гоголя, какъ „кризисъ обыденнаго мышленія“, за которымъ слѣдуетъ переходъ къ методамъ „чистаго опыта“. Обратимся къ г. Скабичевскому: „въ немъ, т. е. въ Гоголѣ, а не въ г. Скабичевскомъ, была слишкомъ сильна жилка пропаганды, что ясно видно изъ всей переписки его съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Кого только онъ ни назидаль, начиная съ матери и сестеръ и кончая Погодинымъ и Шевыревымъ. Что же мудренаго, если ему показалось недостаточнымъ осмѣивать пошлыхъ людей, а захотѣлось вмѣстѣ съ тѣмъ и внушить имъ тѣ самыя идеалы и принципы, на основаніи которыхъ онъ ихъ осмѣивалъ? Это побужденіе усиливалось въ немъ по мѣрѣ того, какъ и самъ онъ все глубже и глубже проникался этими принципами по мѣрѣ своей зрѣлости и, наконецъ, дошелъ до того изступленнаго экстаза, въ которомъ ему начали грезиться видѣнія, дѣйствительный и фактическій міръ перемѣшались въ его глазахъ и онъ вообразилъ себя чѣмъ то въ родѣ пророка. Это было сумасшествіе, если хотите, но то самое, съ какимъ въ средніе вѣка совершались религіозныя перевороты, вродѣ Магомета, Гусса, Лютера и прочихъ реформаторовъ. Гоголя обвиняли при этомъ въ страшномъ высокомеріи, скрывающемся подъ напускнымъ смиреніемъ. Но, спрашивается, какой же фанатикъ, увлекшійся до энтузіазма своей идеей, не воображаетъ, что онъ пришелъ

¹⁾ Чернышевскій. Критич. статьи. СПб. 1895.

обновить міръ, и что міръ долженъ внимать ему и идти за нимъ, иначе всё пошлѣетъ? Да и возможно ли увлеченіе пропагандой безъ того качества, которое обыкновенно, когда пропаганда намъ нравится, называютъ величіемъ, возвышеннымъ энтузіазмомъ и пр., а когда не нравится, то высокомеріемъ? — а также хлестаковщиной, не правда ли? — Было бы совершенно ложно думать, что міръ Собакевичей, Сквозникъ-Дмухановскихъ, Коробочекъ можетъ казаться пошлымъ и лишенымъ всякаго образа и подобія человѣческаго только съ высоты чайльдъ-гарольдовскихъ или бельтовскихъ идеаловъ. Отъ него съ ужасомъ отшатнулся бы и любой среднѣеко-вый аскетъ вродѣ Савонароллы. Гоголь же обладалъ именно той сильной, нетерпимой натурой, которую обыкновенно глубоко возмущаетъ разладъ дѣйствительности съ идеаломъ, къ какому-бы вѣку ни принадлежалъ этотъ идеалъ, и, обладая гениальнымъ юморомъ, Гоголь принялся осмѣивать окружающую его жизнь изъ чистой потребности своего духа, внѣ всякихъ вліяній какихъ-либо, философскихъ или политическихъ, внѣ всякихъ художественныхъ традицій¹⁾. Съ послѣднимъ нельзя согласиться: на творчество Гоголя наложена рука Пушкина, да были еще кой-какія художественныя традиціи.

Съ особенной осмотрительностью надо относиться къ письмамъ Гоголя къ его матери, содержащимъ скрытый субъективный смыслъ и лишь отчасти характеризующимъ его психическія отношенія къ объективному міру. Обстоятельно зная жизнь и произведенія русскаго юмориста, съ чувствомъ умировотворенія прочитываете его полтавскія и нѣжинскія письма до рокового момента, совпавшаго какъ разъ съ періодомъ полового созрѣванія организма и перехода отроческаго само-чувствія въ юношеское самосознаніе. Совершенная случайность, т. е. независимое отъ индивидуальной воли обстоятельство выбило юнаго Гоголя изъ колеи нормальнаго психо-физиологическаго развитія: то была кончина его отца. Шестнадцатилѣтній юноша остается единственнымъ представителемъ мужского элемента въ семьѣ, состоящей изъ молодой непрактичной матери и малолѣтнихъ сестеръ: „я предался всей силѣ безумнаго отчаянія“,—отвѣчаетъ юноша на увѣдомленіе матери: „къ вечеру примѣтилъ я въ себѣ только печаль, но уже не порывную, которая, наконецъ, превратилась въ легкую, едва примѣтную меланхолію, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣнія ко Всевышнему“,—глубже анализируетъ юноша свое настроеніе передъ матерью: „развѣ не оставалось ничего, что бы меня привязывало къ жизни? Развѣ я не имѣю еще чувствительной, нѣжной, добродѣтельной матери, которая можетъ мнѣ замѣнить и отца, и друга, и всего, что есть милѣе, что есть драгоцѣннѣе?...“²⁾ Это обстоятельство вызываетъ въ немъ чрезмѣрный подъемъ религіознаго чувства, несомнѣ-

¹⁾ А. М. Скабичевскій. Сочиненія, т. I, стр. 501 и др.

²⁾ Письма Н. В. Гоголя. Т. I, стр. 26.

стиый со свѣтскимъ воспитаніемъ, и побуждаетъ къ иниціативѣ вольницы въ семейныхъ отношеніяхъ. Ничего, поныдному, особеннаго нѣтъ въ его письмахъ къ нѣжнолюбимой матери, кромѣ бессознательно-страстнаго восторга и блестящаго слога... Прочитывая юношескія признанія одно за другимъ, невольно чувствуется въ нихъ непрерывно возрастающій трепетъ глубокой воспримчивости, повышенной женской чувствительности, молитвенное настроеніе восторженной институтки или какой-нибудь монастырки!.. Вольница приспособляетъ къ себѣ условія, подвижникъ самъ приспособляется къ средѣ... Юный Гоголь входитъ въ положеніе, большей частью субъективно, нежели дѣйствительно, главы семейства, съ освобожденіемъ его вакантнаго мѣста. Въ повышенныхъ его правахъ и относительно меньшихъ обязанностей сказывается Sturm und Drang,—то стремительный натискъ смѣлой вольницы...

Когда юношѣ шелъ семнадцатый годъ, онъ пишетъ матери: „Ваши слова: что вы уже больше для себя и для міра сего не живете, что, можетъ быть, я скоро долженъ занять мѣсто отца малолѣтнихъ моихъ сестеръ — слова сіи поселили печальныя предчувствія въ моемъ сердцѣ. Зачѣмъ предаваться горестнымъ мечтаніямъ? Зачѣмъ раскрывать грозную завѣсу будущности? Можетъ, быть она готовитъ вамъ спокойствіе и тихую радость, ясный вечеръ и мирную семейную жизнь. Будемъ надѣяться на Всевышняго, въ рукѣ котораго находится судьба наша. Что касается до меня, то я совершу свой путь въ семъ мірѣ, и ежели не такъ, какъ предназначено всякому человеку, то, по крайней мѣрѣ, буду стараться, сколько возможно, быть таковымъ“¹⁾. Вдумчивый юноша чрезвычайно озабоченъ каждымъ шорохомъ въ душѣ матери, напряженно слѣдитъ за мельчайшими подробностями въ домашнемъ обиходѣ, заочно даетъ дѣльные совѣты въ хозяйствѣ и наставленія о воспитаніи сестеръ. Послѣ петербургскихъ неудачъ, внезапно уѣхавъ, неожиданно даже для самого себя, за границу, юный Гоголь пишетъ изъ Любека: „Простите, милая, великодушная маменька, простите своему несчастному сыну, который одного только желалъ бы нынѣ — повергнуться въ объятія ваши и излить предъ вами изрытую и опустошенную бурями душу свою“²⁾. Страстные душевные изліянія въ письмахъ къ матери даютъ Кулишу поводъ сказать, что „мать была его единственной страстью“,—это, конечно, надо понимать въ переносномъ смыслѣ. Поступивъ въ департаментъ удѣловъ, онъ пишетъ матери: „Безумецъ! какъ я могъ въ часы, когда неудача и несчастія подавляли меня, какъ я могъ въ эти часы отчаиваться и изливать желчь на весь міръ, когда есть одно существо, ангелъ со всѣми ангельскими совершенствами, который любитъ меня со всѣми моими слабостями, которому одному

¹⁾ Т. I, стр. 83.

²⁾ Т. I, стр. 130.

«Только моя жизнь дороже всего на свѣтѣ,—и я могъ, въ полномъ избыткѣ счастья, почитать себя несчастливѣйшимъ!»¹⁾ Эту мечту души своей, этотъ беззавѣтно любящій его прелестный образъ, возвышенный и неуловимый, какъ первыя грезы юности, распространяетъ онъ на свою почтенную матушку, «выпроводившую» его на службу въ сѣверную столицу. Относя нѣкоторыя восторженныя выраженія къ реторичности слога, нельзя не видѣть, что эмоціально-рефлекторныя порывы, потрясающіе весь организмъ юноши, что пафосъ и лирика сыновней любви выходятъ иногда изъ нормальныхъ предѣловъ.

Въ отвѣтъ на письмо, въ которомъ мать бросила подозрѣніе на нравственность сына, по возвращеніи изъ Любека Гоголь говоритъ: «Какъ вы могли, маменька, подумать даже, что я—добыча разврата, что нахожусь на послѣдней степени униженія человѣчества! Наконецъ, рѣшились приписать мнѣ болѣзнь, при мысли о которой всегда трепетали отъ ужаса даже самыя мысли мои! Въ первый разъ въ жизни, и дай Богъ, чтобы въ послѣдній, получилъ я такое страшное письмо. Мнѣ казалось все равно, какъ будто я слышу проклятіе. Какъ вы могли подумать, чтобы сынъ такихъ ангеловъ родителей могъ быть чудовищемъ, въ которомъ не осталось ни одной черты добродѣтели! Нѣтъ, этого не можетъ быть въ природѣ. Вотъ вамъ мое признаніе: одни только гордые помыслы юности, проистекшіе, однакожъ, изъ чистаго источника, изъ одного только пламеннаго желанія быть полезнымъ, не будучи умѣряемы благоразуміемъ, завлекли меня слишкомъ далеко. Но я готовъ дать отвѣтъ предъ лицомъ Бога, если я учинилъ хоть одинъ развратный подвигъ»²⁾. Влюблялся ли Гоголь когда-нибудь не въ мечту, а въ конкретную, живую женщину? По этому интересному вопросу Гоголь даетъ не возбуждающій сомнѣнія отвѣтъ въ письмѣ къ другу земляку А. С. Данилевскому на его сообщеніе о любовныхъ похожденияхъ: «Очень понимаю и чувствую состояніе души твоей, хотя самому, благодаря судьбу, не удалось испытать. Я потому говорю благодаря, что это пламя меня бы превратило въ прахъ въ одно мгновеніе. Я бы не нашелъ себѣ въ прошедшемъ наслажденія, я силился бы превратить это въ настоящее и былъ бы самъ жертвою этого усилія. И потому-то, къ спасенію моему, у меня есть твердая воля, два раза отводившая меня отъ желанія заглянуть въ пропасть. Ты счастливецъ, тебѣ удѣлъ вкусить первое благо въ свѣтѣ — любовь; а я... Но мы, кажется, своротили на байронизмъ»³⁾. Имя Гоголя тогда уже пользовалось громкой литературной извѣстностью: ему приближался 24-й годъ. Сносаясь позднѣе со многими женщинами различныхъ возрастовъ, характеровъ и сословій, Гоголь ограничивать съ ними интимныя отношенія тѣсной дружбой и живымъ общеніемъ на почвѣ нравственнаго самоусовершенствованія и почиталъ анахоретомъ.

¹⁾ Стр. 155.

²⁾ Стр. 196.

³⁾ Т. I, стр. 292.

По окончаніи нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ девятнадцатилѣтній юноша отправляется въ Петербургъ съ небольшимъ запасомъ денегъ и съ пламеннымъ желаніемъ служить родинѣ и „человѣчеству“. Пріѣхавъ въ сѣверную столицу съ цілою кучей рекомендательныхъ писемъ родственниковъ и провинціальныхъ знакомыхъ, онъ медлитъ околачивать пороги „благодѣтелей“ и петербургскихъ канцелярій. Получивъ отъ матери первое письмо съ деньгами, юный Гоголь отвѣчаетъ на него: „Вы не ошиблись, почтеннѣйшая маменька: я точно сильно нуждаюсь въ это время, но, впрочемъ, это все пустое. Что за бѣда — посидѣть какую-нибудь недѣлю безъ обѣда? того ли еще будетъ на жизненномъ пути? Всего наберешься“¹⁾. Съ того времени онъ наживаетъ мало-по-малу хроническое желудочно-кишечное расстройство, установившее позднѣе режимъ его повседневной жизни...

Опредѣлившись на службу съ крайне ничтожнымъ содержаніемъ, Гоголь не можетъ обойтись безъ вспомошествованія родственниковъ. Вотъ что онъ пишетъ матери по этому поводу: „Доказательствомъ моей бережливости служить то, что я еще до сихъ поръ хожу въ томъ самомъ платьѣ, которое я сдѣлалъ по пріѣздѣ въ Петербургъ изъ дому, и потому вы можете судить, что фракъ мой, въ которомъ я хожу повседневно, долженъ быть довольно ветхій и потерся также не мало, между тѣмъ какъ до сихъ поръ я не въ состояніи былъ сдѣлать новаго, не только фрака, но даже теплаго плаща необходимаго для зимы. Хорошо еще, что я немного привыкъ къ морозу и отхваталъ зиму въ лѣтней шинели“ (и во фракѣ)²⁾. Все это, однако же, не помѣшало юному мечтателю пріобрѣсть гемсроды отъ сидячей жизни въ холодной квартирѣ, нестерпимую зубную боль и, при зябкости южанина и слабости нервномъ тѣлосложеніи, довольно таки часто заболѣвать отъ петербургской слякоти и стужи.

Въ первое время по пріѣздѣ въ Петербургъ восторженного юношу питали, согрѣвали и услаждали возвышенныя мечты о назначеніи человѣка, оживленныя веселыя бесѣды съ земляками о милой поэтической Украинѣ и упоранія на Бога. Но своимъ интеллектуальнымъ запросамъ юноша долго не находилъ удовлетворенія. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ никакихъ широкихъ умственныхъ и общественныхъ движеній не существовало въ Петербургѣ: все было придавлено, „сбито съ прямого пути, неотразимо обижено“, все замолкло, затихло послѣ декабрьскаго погрома. Идеалистически настроенный юноша мало, правда, интересовался политическими вѣяніями; слишкомъ былъ онъ воспитанъ въ страхѣ Божіемъ, почтеніи къ старшимъ и „благодѣтелямъ“. Но даже и такого „маменькина сына“ смутила и озадачила мертвенная общественная тишина и канцелярская дѣловитость столичной жизни: „Тишина въ

¹⁾ Стр. 117.

²⁾ Т. I, стр. 148.

немъ—ишшегъ онъ матери о Петербургѣ—исобыкновенная, никакой духъ не блеститъ въ народѣ, все служащее да должностные, всѣ толкуютъ о своихъ департаментахъ да коллегіяхъ, все подавлено, все погрязло въ бездѣльных, ничтожныхъ трудахъ, въ которыхъ бесплодно издерживается жизнь ихъ⁴. Но время идетъ, деньги тратятся, поддерживая полуголодное существованіе, дальше, кажется, нечего ждать: пора толкнуться въ эдемъ двадцатаго числа.

Но предпріимчивый вольница все еще гордо борется съ „мелочами“ жизни: внезапно дѣлаетъ попытку поступить въ актеры, печатаегъ свою нѣжинскую ндиллію „Ганць Кюхель-гартенъ“, пробуетъ поставить на сцену комедію отца, собираетъ чрезъ посредство матери, родственниковъ и знакомыхъ матеріалы для задуманныхъ малороссійскихъ повѣстей, работаетъ надъ ними и, на первыхъ порахъ, во всемъ испытываетъ неудачи и разочарованія.

Дѣйствительно нуждаясь въ самомъ необходимомъ, юный Гоголь со злобной ироніей отзывается въ письмахъ къ матери о чиновничьей службѣ: „Мнѣ предлагаютъ мѣсто съ 1000 рублей жалованья въ годъ. Но за цѣну ли, едва могущую выкупить годовой наемъ квартиры и стола, мнѣ должно продать свое здоровье и драгоценное время? и на совершенные пустяки—на чтѣ это похоже? въ день имѣть свободнаго времени не болѣе, какъ два часа, а прочее все время не стходить отъ стола и переписывать старыя бредни и глупости господъ столоначальниковъ и проч., въ которыхъ мнѣ столько пользы, сколько Елисею Васильевичу Надержинскому—сосѣду матери по имѣнью—въ сухомъ деревѣ, на которомъ нѣтъ ни хорошаго янсту, ни рясныхъ вѣтвей?“¹⁾ Отдать свое время чиновничьей службѣ,—это значило для него размѣняться на мелочи. Поэтъ „пошлости“, какъ называлъ Гоголя Градовскій, волей-неволей самъ находился въ тискахъ житейскихъ мелочей съ первыхъ самостоятельныхъ шаговъ на жизненномъ поприщѣ до самой кончины. Нельзя было негодовать на ничтожныя „мелочи“ жизни, обидно было бы на нихъ плакаться, оставалось только смѣяться, а искрящимъ веселымъ юморомъ щедро одарила его сама природа. Сперва онъ лукавою насмѣшкой бьетъ мелочи жизни порознь, какъ метались въ глаза и преслѣдовали его, затѣмъ воображеніемъ пытается ихъ суммировать и обобщить въ художественныхъ призракахъ и, наконецъ, обезсиленный, укрывается отъ нихъ въ аскетической морали. Экономическое положеніе Гоголя, по воспитанію и природѣ, эстетика-реалиста, немногимъ развѣ отличалось отъ положенія мыслящаго пролетарія изъ неслужащихъ или безземельныхъ дворянъ, разночинцевъ и выходцевъ изъ простаго народа...

Таковы первыя вполне сознательныя вылазки Гоголя про-

¹⁾ Т. I, стр. 148.

²⁾ Т. I, стр. 122.

тивъ „пустяковъ и глупостей“ рутиннаго канцелярскаго дѣла. Подобное отношеніе объясняется отчасти низкимъ уровнемъ нравственности и образованія дореформенныхъ чиновниковъ, отчасти неприспособленностью самого административнаго механизма къ цѣлесообразному удовлетворенію потребностей народа и государства.

Насколько можно судить по его многимъ письмамъ и художественнымъ произведеніямъ, особенно по сбереженнымъ главамъ второго тома „Мертвыхъ Душъ“, гдѣ такъ ярко и убѣдительно представлена канцелярщина, русскій юмористъ понимаетъ и „глупости господъ столоначальниковъ“ причемъ личность столоначальниковъ, иногда милыхъ и любезныхъ людей, играетъ совершенно страдательную роль. Позднѣе Гоголь такъ сильно отзывался о канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ: *„глупая, безтолковая работа, которой ничтожность я всегда ненавиждѣлъ...“*

Чтобы не попасть въ административное колесо обветшалаго механизма, юный Гоголь рванулъ было при первой возможности за границу. Выгоды службы и призрачныхъ почестей никогда не имѣли надъ нимъ чарующей власти. На школьной скамьѣ еще въ Нѣжинѣ мечталъ онъ о путешествіи въ Америку, чудную „страну счастья и разумнаго, производительнаго труда“. Однако, денежные средства, которыя онъ случайно получилъ, отказавшись отъ доли наслѣдства, позволили ему только мелькомъ взглянуть на Любекъ, Травемюнде и Гамбургъ. Послѣ подбадривающихъ впечатлѣній свободной самостоятельной жизни, возвратившись въ Петербургъ, юный Гоголь энергичнѣе принялся устраивать свои матеріальныя дѣла, занялся службой, въ то же время усердно работая надъ повѣстями изъ малороссійскаго быта, подготавливая ихъ къ печати.

Чрезвычайно интересно было бы прослѣдить начальные моменты его юмористически-художественнаго творчества, но, къ сожалѣнію, въ періодъ подъема поэтическаго настроенія, сильно сокращается его переписка и относится большей частью къ внѣшнимъ событіямъ жизни. Въ письмахъ къ матери умалчивается даже о знакомствѣ съ Дельвигомъ, Жуковскимъ и Плетневымъ, доставившемъ ему сперва мѣсто учителя—10-го марта 1831 г.,—а потомъ частные уроки. О первомъ событіи юмористъ сообщаетъ матери: „Государыня приказала читать мнѣ въ находящемся въ Ея вѣдѣніи институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Впрочемъ, вы не думайте, чтобы это много значило. Вся выгода въ томъ, что я теперь немного больше извѣстенъ, что лекціи мои мало-по-малу заставляютъ говорить о мнѣ и главное, что имѣю гораздо болѣе свободного времени: вмѣсто мучительнаго сидѣнія по цѣлымъ утрамъ, вмѣсто 42 часовъ въ недѣлю, я занимаюсь теперь 6, между тѣмъ жалованье даже немного болѣе: вмѣсто глупой, безтолковой работы, которой ничтожность я всегда ненавиждѣлъ, занятія

мой теперь составляютъ неизъяснимое для души удовольствіе¹⁾. Вскорѣ онъ сближается съ поэтомъ Пушкинымъ, участіе котораго въ творчествѣ Гоголя опредѣляется собственнымъ признаніемъ послѣдняго: „ничего не предпринималъ, ничего не писалъ я безъ его совѣта“²⁾. Это признаніе друга поэта, конечно, много преувеличено, въ особенности относительно „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“ и „Миргорода“.

Лѣтомъ 1832 года Гоголь отправляется къ себѣ въ Малороссію и, проѣздомъ черезъ Москву, знакомится съ Погодинымъ, Максимовичемъ, Щепкинымъ, Загоскинымъ и Аксаковыми; изъ деревни въ Петербургъ возвращается въ двѣнадцать маленькихъ сестрами, которыхъ помѣщаетъ въ патріотическій институтъ. Работая надъ исторической повѣстью „Тарасъ Бульба“, увлекается поэтической стороною прошлаго и приходитъ въ восхищеніе отъ украинскихъ пѣсенъ; выѣстъ съ Максимовичемъ, тоже собирателемъ малороссійскихъ пѣсенъ, задумывается о занятіи каѣдры во вновь открываемомъ кіевскомъ университетѣ; но мечты его осуществляются совершенно неожиданнымъ образомъ: благодаря участію друзей, увлеченныхъ его художественнымъ дарованіемъ, молодой юмористъ получаетъ каѣдру всеобщей исторіи въ петербургскомъ университетѣ и, конечно, чтеніе лекцій не обошлось безъ соотвѣтственныхъ его таланту украшеній... Главнымъ центромъ его жизненныхъ интересовъ становятся, совершенно отвлекшіе его отъ занятій въ университетѣ, только что вышедшіе въ свѣтъ „Арабески“ и „Миргородъ“ и художественныя концепціи „Женитьбы“ и „Ревизора“. Въ концѣ 1835 года Гоголь покидаетъ каѣдру и всецѣло отдается окончательной обработкѣ и постановкѣ на сцену комедіи „Ревизоръ“.

Постановка на сцену знаменитаго „Ревизора“ доставила Гоголю много хлопотъ съ придирчивой цензурой, запретившей комедію. Со своей стороны оказавшій Гоголю возможное заступничество поэтъ Пушкинъ съ затаенною горечью въ сердцѣ говорилъ фрейлинѣ Россетъ³⁾: „Избави васъ Богъ жить съ чиновниками! Мнѣ тоже хотѣлось плакать—отъ злости. Все это вѣрно, бѣдный Гоголь будетъ уничтоженъ цензорами, ворами, крикунами, людьми благонамѣренными, каковы Булгаринъ и Сенковский,—это вредоносная клика! Скажутъ, что Гоголь не обнаружилъ достаточнаго уваженія къ властямъ, предержащимъ, къ этой опорѣ существующаго порядка или, вѣрнѣе, безпорядка“. Въ „Хроникѣ С.-Петербургскихъ театровъ“ находимъ слѣдующій разсказъ о постановкѣ на сцену „Ревизора“: „Гоголю, какъ и всѣмъ сатирическимъ писателямъ, нападающимъ на недостатки современнаго общества и особенно администраціи, большого труда стоило добиться до представленія своей пьесы. При чтеніи ея цензура перепуга-

¹⁾ Т. I, стр. 174.

²⁾ Стр. 484.

³⁾ Послѣдующія цитаты взяты изъ „Матеріаловъ“ для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. I—III тт.

лась и строжайше запретила ее. Оставалось автору апеллировать на такое рѣшеніе въ высшую инстанцію. Онъ такъ и сдѣлалъ. Жуковскій, князь Вяземскій, графъ Віельгорскій рѣшились ходатайствовать за Гоголя, и усилія ихъ увѣнчались успѣхомъ. „Ревизоръ“ былъ вытребованъ въ Зимній дворецъ, и графу Віельгорскому поручено его прочесть. Графъ, говорятъ, читалъ прекрасно; рассказы Бобчинскаго и Добчинскаго и сцена представленія чиновниковъ Хлестакову очень понравились и затѣмъ, по окончаніи чтенія, послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе играть комедію.

Первое представленіе ея состоялось на Александровскомъ театрѣ 22-го апрѣля 1836 года. Зала наполнилась избранной публикою, вся аристократія была на-лицо, зная, что государь обѣщалъ быть въ театрѣ. Роли распредѣлились какъ нельзя лучше... Успѣхъ былъ колоссальный. Публика хохотала до упадку и осталась очень довольна исполнителями. Государь, уѣзжая, сказалъ: „Тутъ всѣмъ досталось, а болѣе всего мнѣ“. Что однако жъ не помѣшало удержаться комедіи въ репертуарѣ.

Въ своемъ дневникѣ А. В. Никитенко рассказываетъ: „Комедія Гоголя „Ревизоръ“ надѣлала много шума. Ее безпрестанно даютъ—почти черезъ день. Государь былъ на первомъ представленіи, хлопалъ и много смѣялся. Я пошелъ на третье представленіе. Была государыня съ наслѣдникомъ и великими князьями. Ихъ эта комедія тоже много тѣшила. Государь даже велѣлъ министрамъ ѣхать смотрѣть „Ревизора“. Впереди меня, въ креслахъ, сидѣли графъ Чернышевъ и графъ Канкринъ. Первый выразилъ свое полное удовольствіе; второй только сказалъ: стоило ли ѣхать смотрѣть такую глупую фарсу!.. Многие полагаютъ, что правительство напрасно одобряетъ эту пьесу, въ которой оно такъ жестоко порицается. Я видѣлся вчера съ Гоголемъ. Онъ имѣетъ видъ великаго чело-вѣка, преслѣдуемаго оскорбленнымъ самолюбіемъ. Впрочемъ, Гоголь дѣйствительно сдѣлалъ важное дѣло. Впечатлѣніе, произведенное его комедіей, много прибавляетъ къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя накапливаются въ умахъ отъ существующаго порядка вещей“. Но реакціонеры разнюхали, чье мясо кошка съѣла, и обрушились на бѣднаго автора.

Многіе сановные „темные люди“ и чиновники роптали: „Теперь, значитъ, ужъ ничего не осталось. Законовъ не нужно, служить не нужно. Вицмундиръ, вотъ, который на мнѣ,—его, значитъ, нужно бросить: онъ просто тряпка... Говорятъ: „бездѣлушка, пустяки, театральное представленіе“. Нѣтъ, это не простая бездѣлушка; на это обратить нужно строгое вниманіе. За этакія вещи и въ Сибирь посылаютъ. Да если бы я имѣлъ власть, у меня бы авторъ не пикнулъ. Я бы его въ такое мѣсто засадилъ, что онъ бы и свѣта Божьяго не взвидѣлъ“. Другіе, болѣе откровенные, называли и это самое мѣсто: „въ Нерчинскъ!“ Раздосадованный и утомленный хлопотами по постановкѣ комедіи на сцену и шумными безтолковыми пересудами

молодой Гоголь, праздновавшій свою двадцатьседьмую весну, собирается въ путешествіе за границу поправить разстроенное здоровье и собраться съ силами къ новымъ литературнымъ трудамъ.

Передъ отъѣздомъ за границу Гоголь пишетъ Погодину: „Грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состояніи находится у насъ писатель. Всѣ противъ него и нѣтъ никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него. „Онъ зажигатель! Онъ бунтовщикъ!“ И кто же говоритъ? Это говорятъ мнѣ люди государственные, люди выслужившіеся, опытные люди, которые должны бы имѣть на сколько-нибудь ума, чтобъ понять дѣло въ настоящемъ видѣ, люди, которые считаются образованными и которыхъ свѣтъ, по крайней мѣрѣ русскій свѣтъ, называетъ образованными. Выведены на сцену плуты, и всѣ въ ожесточеніи, зачѣмъ выводить на сцену плутовъ. Пусть сердятся плуты; но сердятся тѣ, которыхъ я не зналъ вовсе за плутовъ. Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества, разлитаго на наши классы. Столица щекотливо оскорбляется тѣмъ, что выведены нравы шести чиновниковъ провинціальныхъ; что же бы сказала столица, если бы выведены были хотя слегка ея собственные нравы? Я огорченъ не нынѣшнимъ ожесточеніемъ противъ моей пьесы; меня заботитъ моя печальная будущность. Провинція уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны, но жизнь петербургская ярка передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая черта ея—и какъ тогда заговорятъ мои соотечественники! И то, что бы приняли люди просвѣщенные съ громкимъ смѣхомъ и участіемъ, то самое возмущаетъ желчь невѣжества; а это невѣжество всеобщее. Сказать о плутѣ, что онъ плутъ, считается у нихъ подрывомъ государственной машины; сказать какую-нибудь только живую и вѣрную черту—значить, въ переводѣ, опозорить все сословіе и вооружить противъ него другихъ, или его подчиненныхъ. Разсмотри положеніе бѣднаго автора, любящаго между тѣмъ сильно свое отечество и своихъ же соотечественниковъ, и скажи ему, что есть небольшой кругъ, понимающій его, глядящій на него другими глазами, утѣшить ли это его? Москва больше расположена ко мнѣ, но отчего? Не оттого ли, что я живу въ отдаленіи отъ нея, что портретъ ея еще не былъ виденъ нигдѣ у меня, что, наконецъ... не хочу на этотъ разъ выводить всѣ случаи“¹⁾.

Когда дошли за границу вѣсти о смерти поэта Пушкина, роковой случай, совершенно не предусмотрѣнный Гоголемъ, ничто уже не могло возратить юмориста въ культурную среду петербургскаго общества. На призывъ изъ Москвы профессора Погодина обжившійся за границей Гоголь отвѣчаетъ изъ Рима: „Для чего я приѣду? Не видалъ я развѣ дорогого сбо-

¹⁾ Письма В. Н. Гоголя. Т. I, стр. 378.

рица нашихъ просвѣщенныхъ невѣждъ?... О, когда я вспомню нашихъ судей, меценатовъ, ученыхъ умниковъ, благородное наше аристократство, сердце мое содрогается при одной мысли! Должны быть сильныя причины, когда онѣ меня заставили рѣшиться на то, на что бы я не хотѣлъ рѣшиться. Или, ты думаешь, мнѣ ничего, что мои друзья, что вы отдѣлены отъ меня горами? Или я не люблю нашей неизмѣримой, нашей родной русской земли! Я живу около года въ чужой землѣ, вижу прекрасныя небеса, міръ, богатый искусствами и чело-вѣкомъ— то то-бы Пушкину раздолье!—но развѣ перо мое принялось описывать предметы, могущіе поразить всякаго? Ни одной строки не могъ посвятить я чуждому. Непреодолимою нѣпью прикованъ я къ своему, и нашъ бѣдный, неяркій міръ нашъ, наши курныя избы, обнаженные пространства предпочелъ я небесамъ лучшимъ, привѣтливѣе глядѣвшимъ на меня. И я ли послѣ этого могу не любить своей отчизны? Но ѣхать, выносить надменную гордость безмозглаго класса людей, которые будутъ передо мною дуться и даже мнѣ пакостить,—нѣтъ, слуга покорный! Въ чужой землѣ я готовъ все перенести, готовъ нищенски протянуть руку, если дойдетъ до этого дѣло; но въ своей—никогда!“¹⁾ Заграницей онъ пишетъ общественный романъ, завѣщенный поэтомъ Пушкинымъ, поэму „Мертвыя Души“, широкой кистью набрасывая отрицательные русскіе типы дореформеннаго быта.

Не прошло года его пребыванія за-границей, какъ Гоголь обращается къ своему протезе Жуковскому съ письмомъ изъ Рима: „Я долженъ продолжать мной начатый, большой трудъ, который писать взялъ съ меня слово Пушкинъ, котораго мысль есть его создание и который обратился для меня съ этихъ поръ въ священное завѣщаніе. Я дорожу теперь минутами моей жизни потому, что не думаю, чтобъ она была долговѣчна; а между тѣмъ... я начинаю вѣрить тому, что прежде считалъ басней, что писатели въ наше время могутъ умирать съ голоду. Но чуть ли это не правда... Я думалъ, думалъ и ничего не могъ придумать лучше, какъ прибѣгнуть къ государю“. Время отъ времени Гоголь получаетъ, благодаря посредничеству Жуковского и Плетнева, вспомошествованія отъ государя, особъ царствующаго дома, и пользуется кредитомъ отъ своихъ знакомыхъ. Несмотря на экономную жизнь, русскій юмористъ не могъ содержать себя доходами отъ продажи своихъ произведеній,—главнымъ образомъ, по причинѣ непрактичности его сдѣлокъ съ издателями, отчасти, вслѣдствіе малочисленности русскихъ читателей въ его время.

Многія заграничныя письма Гоголя, по изяществу и выразительности языка, глубинѣ и оригинальности содержанія,—своего рода литературныя произведенія. Появись они въ свое время, могли бы вызвать оживленную, полезную для выясненія взглядовъ автора, журнальную полемику. Сознаніе худож-

¹⁾ Т. I, стр. 434—5.

ника-юмориста не застоялось бы въ созерцательныхъ образахъ и тѣсномъ общеніи въ кружкѣ близкихъ людей, подчиняющихся его нравственному и интеллектуальному вліянію. Въ письмахъ Гоголь перѣдко затрагивается, порою глубоко анализируется, всегда въ живой, страстной и увлекательной формѣ, эстетическіе, нравственные, философскіе и политическіе вопросы,—и все это только въ частныхъ корреспонденціяхъ къ друзьямъ и знакомымъ! Такое явленіе едва ли возможно въ настоящее время. Кому же теперь придетъ охота излагать чуть ли ни цѣлые трактаты въ частныхъ письмахъ къ знакомымъ? Тогда другое дѣло: пресса и гласность находились въ жалкомъ положеніи. Истрѣчались такіе главари кружковъ, какъ извѣстный Станкевичъ, ничѣмъ не заявившій себя въ литературѣ, а, между тѣмъ, яркимъ лучомъ свѣта горитъ его звѣзда въ движеніи русскаго самосознанія. Другіе энтузіасты пошли еще дальше и глубже; біеніе своего сердца и вибрацію мысли запечатлѣли въ летучихъ листкахъ къ друзьямъ и недругамъ. Рукописныя стихотворенія, драмы, повѣсти и философскіе этюды были въ большомъ распространеніи. Нисколько, поэтому, неудивительно, что въ послѣдствіи частная переписка стала опубликовываться, хотя случаи и событія, вызвавшіе ее, потеряли злобу общественнаго дня и давно канули въ вѣчность. Тоже самое приходится сказать о письмахъ нашего юмориста, сохранившихъ біографическій или, если хотите, психологическій интересъ. По общему объему, т. е. по количеству печатныхъ листовъ, письма превосходятъ его художественныя произведенія и развѣ немногимъ уступаютъ его сочиненіямъ въ собственномъ смыслѣ. Никакъ нельзя утверждать, чтобы творцы занимательныхъ посланій когда-либо пренебрегали услугами типографскаго станка,—что въ послѣдствіи доказалъ и Гоголь,—тѣмъ болѣе такіе изъ нихъ, которые—конечно. въ томъ числѣ и Бѣлинскій, и Гоголь,—чрезвычайно нуждались въ литературномъ заработкѣ. Какая же причина тому, что частная переписка по общественнымъ, нравственнымъ и научнымъ вопросамъ замѣняла оживленную журнальную полемику?.. Во всякомъ случаѣ, это было общимъ явленіемъ, характернымъ для того времени, явленіемъ, показывающимъ наглядно, что даже въ наиболѣе интеллигентныхъ кружкахъ личная жизнь, частныя отношенія преобладали надъ общественными. Тогда у насъ только-что слагалась общественность, въ смыслѣ нравственнаго и интеллектуальнаго сплоченія гражданъ, возникало русское общественное мнѣніе и начало ему положила литература.

II.

Въ 1842 году вышелъ въ свѣтъ первый томъ поэмы „Мертвыя Души“, надъ которымъ Гоголь работалъ шесть лѣтъ. О впечатлѣніи на современниковъ и общественномъ значеніи этого литературнаго труда можно судить по отзывамъ та-

кого чуткаго критика, одареннаго постоянно бьющейся жилой гражданственности, какимъ былъ В. Г. Бѣлинскій: „Вообще ни одинъ поэтъ на Руси—говоритъ онъ въ отзывѣ—не имѣлъ такой странной судьбы, какъ Гоголь: въ немъ не смѣли видѣть великаго писателя даже люди, знавшіе наизусть его творенія, къ его таланту никто не былъ равнодушенъ: его или любили восторженно, или ненавидѣли. И этому есть глубокая причина, которая доказываетъ скорѣе жизненность, чѣмъ мертвенность нашего общества. Гоголь первый взглянулъ смѣло и прямо на русскую дѣйствительность, и если къ этому присовокупить его глубокій юморъ, его безконечную иронию, то ясно будетъ, почему ему еще долго не быть понятнымъ, и что обществу легче полюбить его, чѣмъ понять... Ни въ журналахъ, ни отдѣльно не являлось ничего капитальнаго, ничего такого, что составляетъ лѣчное приобрѣтеніе литературы и, какъ лучи солнечныя въ фокусѣ стекла, сосредоточиваетъ въ себѣ общественное сознаніе, въ одно и то же время возбуждая и любовь, и восторженныя похвалы, и ожесточенныя порицанія, полное удовлетвореніе и совершенное недовольство, но во всякомъ случаѣ общее вниманіе, шумъ, толки и споры. Какое-то апатическое уныніе овладѣло литературой; торжество посредственности было полное; видя, что ничто ей не мѣшаетъ, она овладѣла и романомъ, и повѣстью, и театромъ... И вдругъ, среди этого торжества мелочности, посредственности, ничтожества, бездарности, среди этихъ пустоцветовъ и дождевыхъ пузырей литературныхъ, среди этихъ ребяческихъ затѣй, дѣтскихъ мыслей, ложныхъ чувствъ, фарисейскаго патриотизма, приторной народности,—вдругъ, словно освѣжительный блескъ молніи среди томительной и тлетворной духоты и засухи, является твореніе чисто русское, національное, выхваченное изъ тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патриотическое, безпощадно сдергивающее покровъ съ дѣйствительности и дышащее страстной, нервистой, кровной любовью къ плодovitому зерну русской жизни; твореніе необъятно-художественное по концепціи и выполнению, по характеристамъ дѣйствующихъ лицъ и подробностямъ русскаго быта,—и въ то же время глубокое по мысли, социальное, общественное и историческое“¹⁾... Жертвой безпощаднаго гоголевскаго юмора пали мелкопомѣстные и многодушные помѣщики-крѣпостники, провинціальныя дореформенныя чиновники отъ почтмейстера до губернатора, вышивающаго по тюлю. Заграничная посылка была такъ сильна и убійственна для многочисленныхъ обывательскихъ классовъ, что русскій юмористъ счелъ долгомъ объяснить по поводу *такого* исполненія „завѣщанія“ Пушкина.

— „Героя мой вовсе не злодѣи—объяснялся юмористъ,—прибавъ я только одну добрую черту любому изъ нихъ, читатель помирился бы со всѣми. Испугало ихъ то, что одинъ

¹⁾ Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго въ 4-хъ томахъ. Изд. Ф. Павленкова. Т. III, стр. 727—9.

за другимъ слѣдуютъ у меня герои—одинъ пошлѣе другого, что нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія, что негдѣ даже и пріотдохнуть или духъ перевести бѣдному читателю, и что, по прочтеніи всей книги, кажется, какъ бы точно вышелъ изъ какого-то душнаго погреба на свѣтъ Божій. Мнѣ бы скорѣе простили, если бы я выставилъ картинныхъ изверговъ; но пошлости не простятъ мнѣ. Русскаго человѣка испугала его ничтожность болѣе, нежели всѣ его пороки и недостатки. Но это ничтожество русскаго человѣка вытекаетъ изъ его пороковъ и недостатковъ, его беззащитности передъ случаемъ и жалкой зависимости отъ однообразной, обезличивающей человѣческую волю, обстановки.

Картечь гоголевскаго юмора, заряженная въ пушку „мертвыхъ душъ“, пробила брешь въ крѣпостномъ правѣ, но не выяснила зависимости его отъ социальнихъ условій русской жизни. Въ своихъ произведеніяхъ Гоголь даетъ малую посылку для социальнаго силлогизма: характеры и отношенія людей зависятъ отъ общественной организаціи; г) эти отношенія и характеры порочны, безобразны и достойны осмѣянія; слѣдовательно, для устранения показанныхъ личныхъ недостатковъ и злоупотребленій необходимы социальныя реформы. Большая посылка и заключеніе популяризируются Бѣлинскимъ во многихъ его критическихъ статьяхъ и рецензіяхъ. Однако, безъ малой посылки никакой силлогизмъ невозможенъ. Откуда же мы возьмемъ эмпирическое обобщеніе и статистику нравовъ? Какъ подсчитать и выразить нравственныя движенія человѣка? Вѣрный дѣйствительности художественный образъ сразу даетъ и обобщеніе жизни, и яркій примѣръ, влияющій на нравственное чувство. Гоголь далъ тѣ отрицательныя факты въ общемъ видѣ, къ которымъ всѣ приглядѣлись... Подмѣченные его рѣдкой наблюдательностью и воспроизведенные юмористическою кистью, факты эти глубоко возмутили общественное чувство и здравый смыслъ. Вліяніе его художественныхъ произведеній было такъ велико, что вызвало многія подражанія въ обличительной литературѣ. Великій англійскій историкъ-раціоналистъ Бокль говоритъ: „Самыми цѣнными пріобрѣтеніями законодательства были мѣры, уничтожавшія какіе-нибудь прежніе законы; а въ числѣ законовъ, которые были вновь издаваемы, наилучшими всегда оказывались законы объ отмѣнѣ прежде изданныхъ постановленій“. И, защищая русскій флагъ, Севастополь пережилъ траги-комедію, конечно, не подъ градомъ англійскихъ и французскихъ теорій, а подъ довольно вещественными, чугунными ядрами, специально приспособленными для войны. Насколько интенсивно шла въ это время работа общественнаго сознанія—видно хотя бы изъ того факта, что прошло только *девятнадцать* лѣтъ отъ выхода въ свѣтъ „Мертвыхъ Душъ“ до манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

До сихъ поръ настойчиво утверждаютъ, что „Выборныхъ мѣста изъ переписки съ друзьями“ подорвали общественное

вліяніе русскаго юмориста. Но такъ ли дѣйствительно? На дѣлавшая много шуму и вызвавшая горячія пренія, книжочка эта, подобно „Похвалѣ глупости“ гуманиста Эразма, богослова и сатирика, то же „Писемъ темныхъ людей“ Ульриха фонъ-Гуттена — одного изъ авторовъ, — сыграла роль, что называется, отрицательной пропаганды или доказательства отъ противнаго. Не ограничиваясь сведеніемъ „нищеты и несовершенствъ“ русской жизни до нагляднаго опошленія, „лукавый хохолъ“, какъ ласкательно называла его фрейлина Россетъ, прибѣгнувъ къ сократовскому методу выспрашиванія и наведенія, что и утверждается юмористомъ во многихъ письмахъ: „они покажутъ мнѣ болѣе *меня самого* и покажутъ мнѣ въ то же время *васъ*, то есть *моихъ читателей* (курсивъ самого „лукаваго хохла“). Не увидѣвши яснѣе, что такое въ настоящую минуту я самъ и что такое мои читатели, я былъ бы въ рѣшительной невозможности сдѣлать дѣльно свое дѣло“¹⁾.

Во многихъ отношеніяхъ неудобно вторгаться въ анализъ психо-физиологическихъ началъ хотя бы мистики, опирающейся на религіозное чувство и традицію. По той же причинѣ вовсе не коснемся „*югольскаго юмора*“²⁾, тембръ и ритмъ котораго во многихъ созвучіяхъ совпадаютъ съ мистикой, представляющей обратную сторону медали... Послѣдующіе годы жизни Гоголя не дали крупныхъ социальныхъ событій. Обратимся къ здоровымъ элементамъ его переписки по поводу изданной книги.

Въ это время къ Н. В. Гоголю приходило множество обличающихъ его писемъ и въ отвѣтахъ на нихъ онъ сумѣлъ постоять за себя. На обвиненіе въ ханжествѣ и склонности къ католичеству Гоголь отвѣчалъ С. П. Шевыреву: „Что же касается до *католичества*, то скажу тебѣ, что я пришелъ ко Христу скорѣе *протестантскимъ*, чѣмъ *католическимъ* путемъ“³⁾ (вездѣ курсивъ Гоголя). Сановные „темные люди“, дореформенные чиновники и крѣпостники-помѣщики не протянули юмористу дружественной руки: но и убѣжденные славянофилы и либералы отвернулись отъ него, страстно и безпощадно обвиняя его въ отступничествѣ отъ защиты угнетенной человѣческой личности въ ея естественныхъ интересахъ и стремленіяхъ, въ измѣнѣ просвѣтителному и гуманическому движенію.

Во многихъ своихъ письмахъ Гоголь оправдывается отъ вводимыхъ на него обвиненій. Въ черновикѣ письма къ Бѣлинскому, до отвѣта 10-го августа 1847 года, Гоголь объясняетъ, какъ понимаетъ онъ социальное значеніе своихъ юмористическихъ произведеній: „Насмѣшка и нелюбовь слышались у меня не надъ властью, не надъ коренными законами нашего государства, но надъ извращеніемъ, надъ уклоненіемъ, надъ неправильными толкованіями, надъ дурнымъ приложеніемъ

¹⁾ Т. III, стр. 321.

²⁾ Для психологич. смѣха даны научныя основанія въ книгѣ Рибо „Психологія чувствъ“, вышедшей на русскомъ въ двухъ переводахъ.

³⁾ Т. III, стр. 355.

ихъ. Нигдѣ не было у меня насмѣшки надъ тѣмъ, что составляетъ основаніе русскаго характера и его великія силы¹⁾. Въ отвѣтъ на знаменитое письмо Бѣлинскаго онъ замѣчаетъ: „На всякой сторонѣ есть равно благородные и умные люди, но мнѣ показались только непримолкнутой истиной, что я вовсе не знаю Россіи, что много измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ я въ ней не былъ, что нынѣ нужно почти сннова узнавать все то, что есть въ ней теперь, а выводъ изъ всего этого вывелъ я для себя тотъ,—что не слѣдуетъ выдавать въ свѣтъ ничего, не только никакихъ живыхъ образовъ, но даже и двухъ строкъ какого бы то ни было писанія, покуда, пріѣхавши въ Россію, не увижу многого собственными глазами и не пощупаю собственными руками“²⁾. По тому же поводу онъ пишетъ Анненкову: „Всякому необыкновенному человѣку слѣдуетъ до времени не обнаруживать своего внутренняго процесса, которые совершаются, теперь повсемѣстно, и прежде всего въ людяхъ, стоящихъ впереди: всякое слово его будетъ принято въ другомъ смыслѣ, и что въ немъ состояніе *переходное*, то будетъ принято другими за *нормальное*. Вотъ почему всякому человѣку, одаренному талантомъ необыкновеннымъ, слѣдуетъ прежде состроиться сколько-нибудь самому“³⁾. На что и были направлены всѣ нравственныя усилія Гоголя до послѣднихъ моментовъ жизни, рановременно оборвавшейся, на 43 мѣ году, отъ неумѣлаго пользованія врачами его организма, какъ это доказываютъ новѣйшія изслѣдованія специалистовъ.

Памятникомъ отношенія Гоголя къ пролетаріатскому движенію и его взгляда на роль и назначеніе интеллигенціи служатъ его собственныя слова въ упомянутомъ письмѣ къ Анненкову: „Я еще новичекъ въ этомъ дѣлѣ, но сколько могу судить по тѣмъ результатамъ, которые отбираю теперь отъ всѣхъ людей, прилежно наблюдающихъ надъ дѣйствующими нынѣ силами въ Европѣ, я, однако жъ, замѣтилъ нѣкоторую неполноту въ вашихъ наблюденіяхъ и упущенія, которыя вы сдѣлали на вашемъ пути. Это я приписываю тому, что вы сдѣлали представителемъ всего для себя Парижъ и оставили совершенно въ сторонѣ Англію, гдѣ важная сторона современнаго дѣла. По моему разумѣнію, вамъ почти необходимо туда съѣздить, и не то, чтобы изглянуть только на Лондонъ, но именно прожить въ Англію, затѣмъ избрать въ предметъ наблюденій не одинъ какой-нибудь классъ *пролетаріевъ*, изученіе котораго стало теперь моднымъ, но взглянуть на всѣ классы, не выключая никакого изъ нихъ. Несмотря на чудовищное совмѣщеніе многихъ крайностей, до такой степени противоположныхъ, что если бы кто изъ насъ заговорилъ о нихъ обѣихъ вдругъ, могли бы подумать, что ораторъ хочетъ служить и Богу, и чорту вмѣстѣ; несмотря на это, мѣстами

1) Т. IV, стр. 33.

2) Т. IV, стр. 45.

3) Т. IV, стр. 81.

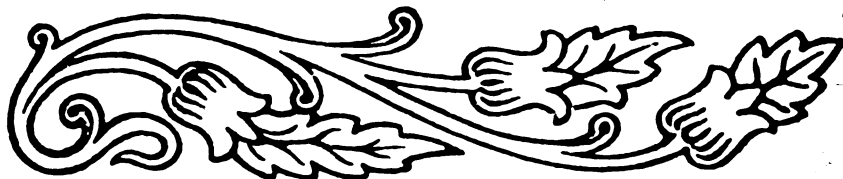
является такое разумное сліпіе того, что доставила человѣку выпшая *гражданственность*, съ тѣмъ, что составляетъ первообразную *патріархальность*, что вы усомнитесь во многомъ, равно какъ и въ томъ, дѣйствительно ли въ насъ отражается полно вся нынѣшняя современность. Мнѣ кажется еще, что вы напрасно чуждаетесь спеціального труда. Какой-нибудь спеціальныи трудъ долженъ быть непременно у каждаго изъ насъ. Сверхъ пребыванія на боевой вершинѣ современнаго движенія, нужно имѣть свой собственный уголокъ, въ который можно было бы на время уходить отъ всего. Нельзя, чтобы каждый изъ насъ не получилъ на долю свою какой-нибудь способности, ему принадлежащей; нельзя, чтобы не было ея и у васъ, иначе бы мы все походили другъ на друга, какъ двѣ капли воды, и весь міръ былъ бы одна мануфактурная машина. Безъ этого спеціального труда не образуется характеръ индивидуала, изъ которыхъ слагается общество, идущее *впередъ*. Безъ этихъ своеобразно работающихъ единицъ *не быть* общему прогрессу" ¹⁾). Таковъ завѣтъ юмориста-подвижника новому поколѣнію, проводившему въ жизнь великія социальныя реформы.

Въ своихъ воспоминаніяхъ... В. Анненковъ рассказываетъ о послѣдней встрѣчѣ своей съ Гоголемъ въ Москвѣ осенью 1851 года. Юмористъ „продолжалъ думать, что по отсутствію поддержки въ русскихъ характерахъ преслѣдованіе печати и жизни не можетъ долго длиться, и совѣтовалъ литераторамъ и труженикамъ всякаго рода пользоваться этимъ временемъ для тихаго приготовленія серьезныхъ работъ ко времени облегченія. Эту же мысль развивалъ онъ при мнѣ и въ 1849 году на вечерѣ у Александра Комарова. Тогда произошла довольно наивная сцена. Некрасовъ, присутствовавшій тоже на немъ, замѣтилъ: „Хорошо, Николай Васильевичъ, да вѣдь за все это время надо еще ѣсть“. Гоголь былъ ошѣшенъ, устремилъ на него глаза и медленно произнесъ: „Да, воистинно это трудное обстоятельство" ²⁾). Съ этимъ „обстоятельствомъ“ да съ цензурой Гоголь никакъ не могъ поладить до конца своей жизни.

И. М. Новъ.

¹⁾ Письма Н. В. Гоголя. Т. IV, стр. 82.

²⁾ Стр. 515. П. В. Анненковъ и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1835—1885 годовъ. (пб. 1892.

Злая роса.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

VII.

Въ подвалѣ было уже темно. На письменномъ столѣ рѣзко бѣлѣлось еще письмо, полученное, должно быть, утромъ. Бородинъ раздѣлся и зажегъ лампу. Ходасевича, по обыкновенію, не было дома.

Не спѣша, Бородинъ прочелъ письмо сестры.

Настя писала, что измучилась, жаловалась на одиночество, на этихъ чужихъ дѣтей, которыя говорили ей дерзости, плевали ей на платье и ни въ грошъ ее не ставили. А родители все это видѣли и улыбались.

— Чего же вы хотите?— Вѣдь это дѣти, говорили они.

„Когда, наконецъ, наступитъ Пасха и я вырвусь къ вамъ гостить?— Просто не дождусь.— Бросила бы все сейчасъ, да у мамы нѣтъ бурнуса и ватерпруфъ весь износился у нея.— Ахъ, тоска, Димушка! Лютая тоска“...

Бородинъ между строкъ читалъ то, чего она не договаривала по своей деликатности:

„Когда же, Димушка, тебѣ дадутъ прибавку и ты возьмешь къ себѣ и меня, и маму?— Мы обѣ такъ изстрадались“.

Этого она не писала, но Бородинъ чувствовалъ эти нѣмые укоры и страдалъ отъ безсилія помочь сестрѣ. Онъ нѣжно любилъ эту кроткую, безотвѣтную дѣвушку, которая не вышла замужъ и счастья не узнаетъ никогда.

Еще сильнѣе любилъ онъ мать. Отца, офицера, умер-

шаго черезъ три года послѣ брака, онъ не помнилъ совѣтъ. Мать онъ всегда видѣлъ въ слезахъ, въ нуждѣ и безпросвѣтной работѣ. Въ гимназію за него и Настю платили тетки, сестры отца. Въ старшихъ же классахъ онъ давалъ уроки, заработокъ несъ матери и сокращалъ свои потребности съ дѣтства.

Онъ и теперь отдавалъ ей часть своего жалованья. Она служила рукодѣльной дамой въ одномъ казенномъ училищѣ. Имѣла квартиру, столъ и девять рублей въ мѣсяцъ. Бородинъ въ ея крохотной комнаткѣ проводилъ всѣ часы досуга. Онъ любилъ мать за ея скомканную жизнь, за ея дѣтское почти малодушіе, съ которымъ она встрѣчала мелочные уколы жизни. Онъ не забывалъ, какой героиней выказала она себя въ критическія минуты. — Онъ любилъ ее за ея рѣдкую, сдержанную ласку, за ея довѣрчивость и душевную ясность, которая не потускнѣла даже среди унижительной бѣдности. Онъ зналъ, что мать его — гордячка. Будетъ голодать, но займы не попросить, и цѣнилъ ее за это еще больше. Семья одна давала ему отраду, но эта отрада была блѣдная. Привязанность его питалась печалью, выросла на жалости, какъ унылые камыши на болотѣ...

Однако, въ послѣднее время онъ тяготился бывать и у нея. Не разъ онъ заставлялъ ее въ слезахъ, она осыпала его упреками. Нѣтъ больше у нея силъ работать! Отчего онъ не ищетъ другого мѣста? — Вѣдь она всю жизнь мечтала, какъ дѣти вырастутъ, успокоятъ ее... что они будутъ жить вмѣстѣ, какъ другіе. — А вотъ ей приходится терпѣть отъ капризныхъ дѣвчонокъ, отъ дерзкихъ классныхъ дамъ, отъ этой надутой начальницы! Когда же этому конецъ? Иѣтъ, онъ ее мало любитъ, если не ищетъ... Гдѣ искать? Ахъ! Почему она знаетъ? Это его дѣло, онъ мужчина. Нельзя быть лежачимъ камнемъ и т. д.

Нервы ея были въ конецъ разстроены.

Трудно передавать, въ какое подавленное состояніе приводили Бородина эти сцены. Ни искать, ни хлопотать, ни кланяться, ни добиваться — онъ ничего этого органически не умѣлъ. Слезы матери вызывали въ немъ взрывъ отчаянія. Да, съ ея точки зрѣнія, онъ ничего кромѣ презрѣнія не заслуживалъ. Изъ университета исключили, карьеры себѣ не сдѣлалъ, дальше сорока рублей не идетъ по службѣ, да и этимъ-то дѣломъ тяготится.

Онъ уходилъ отъ нея, измученный этимъ страшнымъ непониманіемъ его души, возмущенный запросами, которые она къ нему предъявляла, но страдая искренно

за ея горе, которому помочь быть безсиленъ. Его внутренний міръ быть ей такъ же чуждъ и ненуженъ, какъ дворнику Егору.

— Надо, однако, вечернихъ работъ поискать, уроковъ,—говорилъ онъ себѣ, уходя ночевать послѣ подобныхъ сценъ.—Надо просить Шимаевского. У него всегда уроки. Пускай она броситъ службу,—какъ-нибудь проживемъ.

Но на другое же утро ужасъ передъ жизнью, передъ ея неизбежной прозой и мелочами,—ужасъ имѣть семью и отвѣчать за нее, нести на своихъ плечахъ этотъ грузъ—все это парализовало его волю и отымало послѣдній вкусъ къ жизни.

Бѣдствовать, лишаться послѣдняго комфорта, вѣчно дрожать за завтра, опуститься до степени пролетарія,—о,—стоитъ ли жить при такихъ условіяхъ?!

А главное,—не имѣть ни времени, ни возможности читать, идти впередъ, работать безкорыстно,—спуститься до роли машины и вьючнаго скота ради матери и сестры,—задавить высшія свои потребности!

Эта мысль его озлобляла.

Проходили день за днемъ—и все оставалось постарому.

Бородинъ бросилъ письмо сестры и легъ на постель.

„Въ сущности, подумалъ онъ, не каждому ли изъ насъ—только до себя? Зачѣмъ навязываютъ намъ этотъ долгъ, эти жестокія обязанности жить для родныхъ, несомнѣнно ведущія къ угнетенію личности, къ произволу съ одной стороны и безцѣльной жертвѣ съ другой?“

Онъ вспомнилъ о другомъ письмѣ, вынулъ его изъ кармана и тяжело вздохнулъ.

Наврядъ ли и оно доставитъ пріятное ощущеніе? Стоитъ ли читать?

Но любопытство и жажда развлечься взяли верхъ.

Эго писала Вѣра, барышня двадцати-четырехъ лѣтъ, сосѣдка его тетокъ, у родителей которой былъ тоже небольшой хуторъ.

Еще дѣтьми они были влюблены другъ въ друга, а потомъ каждое лѣто возобновляло впечатлѣнія Бородина, блѣднѣвшія за учебный годъ въ столицѣ.

Всѣ были увѣрены, да и они—когда Бородину было шестнадцать лѣтъ—думали, что потомъ женятся.

Ореолъ первой любви такъ шелъ къ красивой головкѣ Вѣры и она носила его съ честью. Она отказывала всѣмъ женихамъ, бѣднымъ офицерамъ и богатымъ помѣщикамъ, очаровательно водила ихъ за собой, какъ свиту—и ждала...

Высокая блондинка, съ сверкающими, большими глазами истерички, она казалось соскочила со страницъ романа Достоевскаго. Столько въ ней было странностей, капризовъ и безволія и неуловимой смѣны—настроений! У нея не было ни одного грубаго жеста, ни одного чувственнаго порыва...

Она кончила въ мѣстной гимназіи, много читала, но Бородинъ никогда не могъ опредѣлить ея нравственной фizioноміи. Она казалась загадкой и это именно его привлекало. — Насмѣшливая и дерзкая съ другими, она была безгласней игрушкой въ рукахъ того самого Бородина, котораго когда-то ласкала небрежно, съ видомъ королевы, когда ему было семнадцать лѣтъ. Онъ казался мальчикомъ, она была уже взрослой.

Роли перемѣнились, когда двадцатилѣтнимъ студентомъ, на второмъ курсѣ онъ пріѣхалъ къ теткѣ на хуторъ. Ея любовь была ему не нужна. Другія чувства завладѣли его душой, другія идеи его сознаніемъ. Отъ него вѣяло холодомъ, онъ рѣзко просилъ не рассчитывать на него, потому что онъ никогда не женится. Все это слишкомъ буржуазно и пошло.

Трудно сказать, до какого пароксизма страсти довела ее эта неожиданная холодность! У нея не было уже ни самолюбія, ни своей воли, ни страха за будущее. Она открыто бравировала своими чувствами, она отдавалась ему безъ расчетовъ, не прося награды или гарантій. Ему стоило только протянуть руку.

Онъ остался безстрастнымъ.

Въ этомъ году было ихъ послѣднее свиданіе. Она очевидно устала ждать и надѣяться. Ей было двадцать-четыре года. Женихи уходили понемногу, подружки вышли замужъ и разѣхались, все пустѣло кругомъ.

О, она отлично понимала, что Бородину не на что теперь жениться и содержать семью. Сама она не умѣла работать и боялась его „утопить“. Она опять-таки ни на что не рассчитывала. Но онъ былъ такъ неудовлетворенъ жизнью и подавленъ. Ей было жаль его. Наконецъ ей самой такъ страстно хотѣлось счастья и забвенія, хотя на мигъ... Юность уходила, не давъ ничего, кромѣ бесплодно угасшихъ порывовъ и нѣсколькихъ поэтическихъ минутъ въ прошломъ.

Она познакомила его съ послѣднимъ претендентомъ, недавно пріѣхавшимъ въ эти края помѣщикомъ. Это былъ здоровый молодой человекъ, волосатый, сильный, банальный и шумный. Онъ былъ влюбленъ безумно, у него было прекрасное состояніе и доброе сердце.

Вѣра безпощадно издѣвалась надъ нимъ, особенно въ присутствіи Бородинъ.

— Хочешь, Дима,—сказала она ему разъ,—блистая странно какъ то глазами,—забудемся... хоть разъ въ жизни... чтобъ было, чѣмъ ее вспомнить?

— А потомъ?

Она махнула рукой.

— Не все-ли равно?

— Нѣтъ, все-таки, — настаивалъ Бородинъ, съ недоброй усмѣшкой.

— Я выйду замужъ за моего медвѣдя. Онъ отъ меня не откажется...

— Да, этотъ финалъ недурень...

Она покраснѣла отъ его тона.

— Ты не вѣришь, что мнѣ идти за него или за другого,—все равно. что въ омутъ головой?

Онъ зло засмѣялся.

— Нѣтъ, право, это недурно придумано. Въ объятіяхъ этого здороваго господина много теплѣе, чѣмъ въ омутѣ. Вы Вѣра Федоровна, настоящая героиня *in de siecl'я*...

Она безпомощно заплакала, но онъ ушелъ, злобный и ревнивый.

Кончилось тѣмъ, что онъ потребовалъ, чтобъ она ѣхала за нимъ въ качествѣ его любовницы въ Москву.

Она выслушала съ ужасомъ.

— Насколько?

— На три мѣсяца...

— Хорошо, прошептала она покорно.—Пусть будетъ такъ. Но помни, что назадъ я уже не вернусь.

Въ глазахъ ея мелькнула угроза и Бородинъ вздрогнулъ.

Онъ зналъ, что она не вернется.

Эта страсть заигла, наконецъ, и его. Онъ ночи думалъ объ Вѣрѣ, днемъ ея недоставало ему. Но стоило имъ встрѣтиться, какъ онъ уже чувствовалъ разочарованіе, неудовлетворенность, тоску. Онъ безпощадно критиковалъ ее, гадалъ, что она, какъ и онъ, безнравственна. И этимъ она ему нравилась... Но онъ не прощалъ ей отсутствія яркой индивидуальности. Загадочность ея была просто какой-то моральной анеміей и съ этой стороны Вѣра была очень типична для конца вѣка. Онъ чувствовалъ, что она надоѣстъ ему раньше, чѣмъ черезъ три мѣсяца. А потомъ? У него не хватитъ жестокости разстаться съ ней и, кажется, она на это рассчитываетъ? Быть можетъ, еще вполне безсознательно...

Жениться?..

Боже! Какой пошлый финалъ! Съ одной стороны—долгъ къ матери и сестрѣ, съ другой жена и дѣти...

Онъ содрогался отъ ужаса. Какъ все это узко! Какъ далеко отъ идейнаго простора, въ которомъ онъ жилъ раньше, который представлялъ къ жизни?

Неужели и ему придется кончить тѣмъ же? И быть, какъ всѣ?

Ночь, въ которую онъ это передумалъ,—дня за два до отъѣзда въ Москву—вызвала въ немъ взрывъ такого отвращенія къ жизни, что онъ не пошелъ на свиданье,—рѣшительное свиданье, гдѣ Вѣра ждала его, готовая на все. Онъ уѣхалъ, не простясь, и написалъ изъ Москвы.

По дорогѣ въ столицу онъ жалѣлъ о невозвратномъ мгновеніи, о своемъ безстрастіи. И онъ не могъ простить Вѣрѣ того, что его желанія еще вчера были такъ слабы.

Какъ-будто она въ этомъ виновата?

„Въ сущности, только любовь можетъ дать забвеніе въ наше время,—говорилъ онъ себѣ подъ грохотъ поѣзда.—Безъ нея не стоитъ жить теперь, когда некуда идти и нечего дѣлать. Все мертво, инертно, — идеи, слова, люди... Въ эпохи упадка процвѣтаютъ искусства и рафинируются страсти... Зачѣмъ, зачѣмъ я не видѣлся съ Вѣрой?“

Онъ доходилъ до отчаянія, разжигая свои сожалѣнія.—Странная была эта страсть, чисто-головная, питаемая фантазіей, ярко-чувственными образами, которые подсказывали ему его годами задавленные порывы.

Онъ съ нетерпѣніемъ и страхомъ ждалъ письма отъ Вѣры. Ему казалось, что она оскорблена, что все между ними кончено.

Но когда, наконецъ, мѣсяца полтора спустя, это письмо пришло,—образъ Вѣры былъ уже вытѣсненъ изъ его души смуглымъ личикомъ Оленьки Шатиловой.

Вѣра, конечно, простила ему всѣ униженія. Ея письма дышали отчаяніемъ. Бородинъ читалъ ихъ съ удовольствіемъ.

— „Какъ красиво!“ — думалъ онъ. — „Искренняя страсть всегда вдохновляетъ.—А главное,—ни одного лишняго слова“.

„О, какая тоска! Какая пустота!“—кончала Вѣра.—И гдѣ пеходъ? Неужели выйги замужъ безъ любви?—Отказаться отъ завѣтной мечты—принадлежать тебѣ первому?“

— „Я-бы сказалъ—красивой мечты“,—думалъ онъ.—„Удивительно непріятны эти банальныя фразы! Поло-

жительно никто не имѣетъ потребности въ обновленіи языка. Какъ это грустно! На Западѣ эта потребность развита. Мы до нея не доросли*...

VIII.

Бородинъ равнодушно на этотъ разъ развернулъ письмо. Въ немъ ничего не было новаго. Вѣра жаловалась на тоску, молила участія. О любви не было ни слова. Она, кажется, догадывалась, что Бородинъ увлеченъ другой,—и ждала только дружбы.

Письмо выпало изъ рукъ.

Ему не было жаль эту дѣвушку и ничего уже не жаль было въ прошломъ. Оно умерло. Воображеніе было слишкомъ слабо, чтобъ представить ясно неудовлетворенность и страданія другого.

Ахъ, какъ трудно встать!

Сгорбившись и качаясь, какъ разслабленный, онъ перешелъ къ столу, зажгъ лампу и сѣлъ писать сестрѣ:

„Прежде всего, прошу тебя не пиши о своей тоскѣ и непріятностяхъ мамѣ. Ты ее напрасно и безплодно смущаешь. Пиши одному мнѣ. Хотя, конечно, и мнѣ непріятны твои невзгоды, но я философски смотрю на вещи и привыкъ смиряться передъ неизбѣжнымъ. Утѣшить мнѣ тебя нечѣмъ. Не могу же я увѣрить тебя, что страдать не стоитъ, разъ тебѣ больно, или что страдать необходимо? Ты сама понимаешь, что мы живемъ для счастья и что страданье — зло.

И потомъ у тебя есть пунктикъ, который меня раздражаетъ. Къ чему ты всякій разъ причитаешь надо мной! Я ужасно не люблю этого, какъ и „жалкихъ“ словъ вообще. Я и самъ себя не жалѣю. И вообще совѣмъ—совѣмъ—таки не жалокъ.

Наконецъ и жизнь моя вовсе не „убогая“. Она удовлетворяетъ самымъ изысканнымъ потребностямъ ума. И театры, и библіотеки, и ученые собранія, и клубъ съ танцами, и спектакли, и флиртъ, и общество. Это ли еще „убогая“? А если мнѣ и этого не надо, такъ это дѣло моего вкуса“.

Онъ задумался, грызи ручку пера своими мелкими, красивыми зубами. Выраженіе скуки затуманило его глаза. Не докончивъ письма къ сестрѣ, онъ спряталъ его въ ящикъ и началъ свой отвѣтъ Вѣрѣ.

Ни обращенія, ни обычныхъ вопросовъ... Онъ писалъ, какъ-будто продолжая развивать свои мысли:

„Есть вѣрное средство не чувствовать какого-нибудь

тягостнаго состоянія, это—углубиться въ его анализъ. Анализируя страданье, мы уже на половину перестаемъ страдать. Но, конечно, для этого нужно имѣть склонность постоянно копать въ себѣ.

Или же подвести подъ какую-нибудь теорію рядъ фактовъ, угнетающихъ сознание. Можетъ быть къ тебѣ это тоже совершенно непримѣнимо?

Будь ты поэтомъ, ты вылила бы свое горе въ стихахъ и нашла бы силы имъ любоваться. Будь ты писательницей, повѣсть своихъ страданій излечила бы тебя.

А чѣмъ можно тебя утѣшить при данныхъ условіяхъ?

Бери примѣръ съ меня. Я особенно склоненъ къ теоріямъ, зачастую почти бессмысленнымъ и похожимъ на бредъ сумасшедшаго. Но жизнь мою онѣ безспорно облегчаютъ и даже красятъ.

Вотъ, если хочешь узнать, моя теорія „пережитыхъ и непережитыхъ впечатлѣній“.

Я разсуждаю такъ:

Еслибъ моя прошлая жизнь до настоящаго момента была полна наслажденій, то въ этотъ моментъ я все-таки чувствовалъ бы себя такимъ же неудовлетвореннымъ и нравственно голоднымъ, какимъ чувствую себя и теперь, когда въ дали прошедшаго все холодно, мертво и безцѣльно.

Но такъ какъ настоящій моментъ—величина, безконечно-малая, а для слѣдующихъ моментовъ безразличная, то не все-ли равно,—испыталъ ли я въ безконечно-малый прожежутокъ времени наслажденіе или нѣтъ?

Теорія, какъ видишь, ничего не стоящая, ни по содержанию, ни по логикѣ... А между тѣмъ, я теперь всегда руководюсь ею. Благодаря ей, я почти не жалѣю, что не жилъ никогда полной жизнью, не наслаждался, не страдалъ.

Меня, напримѣръ, нимало не трогаютъ слова Лермонтова: „А годы проходятъ, все лучшіе годы“.

Пусть проходятъ. Когда пройдутъ, я ихъ не пожалѣю. Или стихи Шевченки:

Лита мои молодши
Марно пропадають,
Очи гаснуть, черны брови
Отъ вітру димяють.

Пусть гаснутъ!

Вѣдь отрекаются же отъ земныхъ благъ во имя вѣчнаго блаженства. А я отрекаюсь отъ нихъ во имя бессмысленной теоріи.

И какъ знать, кто будетъ правъ передъ лицомъ „бесконечности“?

Впрочемъ, не теорія руководить моими чувствами и поступками, а, вѣрнѣе, чувства и поступки я подвожу подъ теорію. Хотя, конечно, одно на другое взаимодѣйствуетъ.

У меня нѣтъ желанья, или, скорѣй, энергіи—получить то количество пріятныхъ впечатлѣній, какія „суждены на долю человѣка“,—а можетъ, и на мою. У меня нѣтъ силы шевельнуть пальцемъ, чтобъ подманить счастье. Я, должно быть, боленъ особой болѣзнію, равнодушіемъ къ собственному благу.

Но, къ сожалѣнію, я еще не достигъ нужного совершенства,—не могу еще равнодушно видѣть чужое страданіе. Ты удивишься, конечно, о чемъ я тутъ жалѣю?

Но видишь ли, ни помочь, ни утѣшить я органически какъ-то неспособенъ. Имѣй я даже пылкую душу и талантъ инициатора, что могъ бы я сдѣлать, въ качествѣ мелкой сошки? Въ социальномъ смыслѣ я ничтожество. Къ чему же тогда бесплодно страдать? Кому это нужно? Кого облегчить?

И я хотѣлъ бы навсегда и безслѣдно вытравить въ душѣ альтруистическіе инстинкты.

Наврядъ ли тебѣ нравится, что мои письма всегда наполнены одними отвлеченными илеями. Факты были бы интереснѣе, но ихъ нѣтъ... Не надо забывать, что жизнь сама по себѣ, а я въ сторонѣ отъ нея, самъ по себѣ...

Прощай, Вѣра...

Старайся найти исходъ, если умѣешь искать.

Твой Вадимъ.

IX.

Бородинъ небрежно отбросилъ и это письмо и вынулъ изъ ящика небольшую синюю тетрадку. Это былъ дневникъ, который онъ велъ съ большими перерывами. Онъ сталъ писать.

17-го октября. Ночь.

Какъ странно! Я нынче почувствовалъ себя униженнымъ. Катя Степанова, эта заурядная барышня стояла, такъ сказать, на высотѣ положенія, а не я.

Я трусь. Это правда. Мнѣ показалось, что съ этой стороны, по крайней мѣрѣ, Кати исчерпала меня всего. Да, увы! Я чувствовалъ себя униженнымъ. Я не испы-

тываль упрековъ совѣсти, не усомнился въ вѣрности моихъ воззрѣній, но мнѣ досадно на судьбу за то, что я слабъ и безстрастенъ.

То же было съ Вѣрой. Я предчувствую, то же будетъ и съ Оленькой Шатиловой. Въ концѣ концовъ, и она станетъ меня презирать за безстрастіе и боязнь трагическаго, могущаго нарушить обыденный порядокъ жизни. И отъ нея я буду принужденъ уйти съ позоромъ.

Что нужно мнѣ, наконецъ? Чего хочу? Боюсь всего, что не похоже на *вчера*. И все-таки ни о чемъ такъ не молю судьбу, какъ о томъ, чтобъ мое *завтра* не было похоже на *вчера*... на эти сѣрые, долгіе годы, что угасли, не давъ ни радостей, ни слезъ, какъ гаснутъ въ темномъ огромномъ залѣ робкія свѣчи, не озаривъ его мрака и не спугнувъ его тѣней.

Х.

Дневникъ Бородина.

20-е декабря.

Меня опять потянуло къ ней. Что? Не знаю... Смутная надежда, пережить что-нибудь новое... забыться... испытать тайное сладострастіе отъ прикосновенія къ ней.

А можетъ быть (какъ и къ Вѣрѣ) меня влечетъ къ ней сознаніе моей безпредѣльной власти надъ ея душой, надъ ея судьбой, этотъ гипнозъ моей близости, вызывающей и напрягающей ея неудовлетворенную страсть. Въ моей слабой душѣ живетъ неутолимая жажда властолюбія. Я знаю, мнѣ стоитъ сказать слово, чтобъ она отдалась мнѣ.

Но этого слова я не произнесу. О, нѣтъ! Она мнѣ не нужна.

Ночь.

Быль. Сидѣли одни, въ живописной позѣ. Всѣ уѣхали въ театръ. Она отказалась подъ предлогомъ головной боли, потому что ждала меня. И это мнѣ было пріятно.

Я заставилъ ее говорить о завѣтныхъ, дѣвичьихъ мечтахъ,—о шалостяхъ и запретныхъ играхъ подростающихъ дѣвочекъ. Она ничего не умѣетъ скрыть отъ моихъ вкрадчивыхъ, настойчивыхъ вопросовъ. Я какъ бы вижу всѣ изгибы ея души. И мнѣ странно-пріятно проникать въ этотъ неизвѣстный намъ, мужчинамъ, дѣвичій міръ, о которомъ беллетристы не знаютъ ничего.

Мы говорили долго, не называя вещи ихъ именами,

разговоръ походить на бредъ двухъ сумасшедшихъ. Я утомился, наконецъ. Въ головѣ и на душѣ стало пусто. Пріятныя ощущенія притупились. Чувство напряженной неудовлетворенности въ насъ обоихъ упало.

Я читалъ ея дневникъ, который она писала, съ тѣмъ, чтобъ показать мнѣ. Всѣ фразы были подогнаны такъ чисто, знаки препинанія стояли аккуратно на мѣстахъ. Какъ женщина, она злоупотребляла эпитетами. Многозначій было такъ много, что это одно заставило бы меня заподозрить ея искренность. Въ общемъ, слогъ былъ баналенъ и на меня повѣяло непроходимой скукой. Натуралисты-писатели были неправы, говоря, что дневникъ даже зауряднаго человѣка интересенъ,—какъ живой, человѣческій документъ. Нѣтъ. Заурядные люди не имѣютъ права на дневники. Но она читала свои изліянія черезъ мое плечо и, потрясенная ими, плакала.

Потомъ голова ея легла на мою грудь. Я спокойно шелестилъ страницами и не понималъ ея чувствъ. Эпитеты *священная, идеальная* и проч., которыми она характеризуетъ свою „любовь“ (къ мнѣ?), топорились какъ то въ моемъ сознаніи и не приставали къ *любви*, какъ я ее понимаю. Авторъ этихъ записокъ попрежнему оставался для меня креатурой полового инстинкта.—

Я глядѣлъ на нее со стороны и видѣлъ ея лицо, искривленное плачемъ. Это было некрасиво.

Не всякій, очевидно, имѣетъ право плакать при постороннихъ.

А къ Вѣрѣ такъ шли слезы. Ея лицо не мѣнялось, только глаза дѣлались больше и сіяли. Она вообще была поэтична и красива; очень красива.

Потомъ мнѣ стало жаль Катю. Я не могу выносить слезъ—вообще. Я нѣжно обнялъ ея плечи и погладилъ по головѣ, какъ ребенка.

Она заплакала еще сильнѣе, но я чувствовалъ, что ей сладки эти слезы.

Потомъ я вкрадчивымъ тономъ скептика, познаващаго тщету всего земного, сталъ развѣнчивать любовь (которой не зналъ никогда) и подводить къ одному знаменателю и благородныя, и низкія чувства.

Она понемногу успокаивалась, не отъ словъ, конечно (наврядъ ли она ихъ понимала), а отъ тона моего, а больше всего отъ нашей близости и моей ласки.

Вдругъ она сказала, съ тоской въ голосѣ:

— Нѣтъ... вы меня не понимаете. Вы все думаете о себѣ, а не хотите стать въ мое положеніе.

И опять она была права.

Выработанное на научныхъ и философскихъ теоріяхъ міросозерцаніе заслонило совершенно непосредственный взглядъ на вещи огромнаго большинства людей и сдѣлало для меня недоступнымъ пониманіе ихъ чувствъ. Я былъ опять одностороненъ.

Въ домѣ стояла тишина. Когда внизу грохотала пролетка, хрусталь и серебро въ углу на этажеркахъ, сотрясаясь, слабо звенѣли.

Мы сидѣли обнявшись, молча, такіе близкіе—и оба такіе чуждые другъ другу и одинокіе...

Сна спрашиваетъ со стыдомъ и страхомъ, какимъ-то придавленнымъ голосомъ:

— А на отвѣтъ можно надѣяться?

То есть отвѣтъ на ея любовь.

Я колебался, я былъ не въ силахъ отвѣтить грубо и правдиво—нѣтъ.

А вѣдь Вѣрѣ я такъ и отвѣчалъ. Нервы что ли у меня стали слабѣе? Съ той я былъ безпощаденъ. Почему?

Я прижалъ къ себѣ головку Кати, чтобъ смягчить невольную жестокость отвѣта, и уклончиво промолвилъ:

— Милая Катя... Я никогда ничего не общаю.

— Но вѣдь намъ же пріятно со мною? Быть со мною. . вотъ такъ?

— Да, пріятно... Но и только... Это все... Я не знаю чувствъ. Я знаю только ощущенія.

— Какъ мнѣ васъ жаль! Бѣдненькій Димушка!

Я вздрогнулъ.

Она грустно и кротко глядѣла на меня. И странно!

Я, который только что жалѣлъ эту простую дѣвушку и чувствовалъ себя олимпійцемъ, могущимъ все подвести къ одному знаменателю,—я почувствовалъ себя жалкимъ и ничтожнымъ, какимъ-то низшимъ типомъ, сравнительно съ ней. Почувствовалъ, что всѣ мои теоріи пріятныхъ ощущеній не стоятъ даже призрака любви.

И я грустно, невыразимо-грустно глядѣлъ въ пустое пространство, склонивъ голову на руки.

Катя наклонилась и поцѣловала меня въ лобъ.

Я печально улыбнулся, всталъ.

— Пора идти. Я не хочу встрѣчаться съ вашими.

— Исполните мою просьбу? спросила она грустно, у дверей.

— Да... постараюсь...

— Не дѣлайте же такъ, чтобъ я полюбила васъ... чтобъ любовь стала роковой и мучительной.

Ея голосъ задрожалъ.

Она сказала это такимъ страннымъ тономъ, и въ звукахъ этого голоса мнѣ почудился призракъ страданія. И еще другой призракъ—Моей Вини.

И мое сердце сжалось.

Этого я не хотѣлъ.

Я почувствовалъ себя, какъ тотъ жалкій мудрецъ, который сумѣлъ пустить волшебнаго крылатаго хоня, а остановить его не умѣлъ.

Неужели я сдѣлалъ неправильный расчетъ? И сумма удовольствій окажется несравненно меньшей, чѣмъ сумма страданій для бѣдной Кати, а слѣдовательно, и для меня?

Я пристально взглянулъ въ ея черты.

Какое великое искусство умѣть извлекать изъ чловѣка все лучшее, что есть въ немъ!

Передо мной была все та же, давно знакомая, исчерпанная, казалось, до дна барышня.

Но какъ измѣнило искреннее чувство ея банальное лицо! Оно придало движеніямъ грацію страстности, дало голосу новыя, глубокія вибраціи и все, что она говорила, было интересно.

Стоя у притолки, вытягивая и нервно ломая руки, она рассказывала о своей любви, о мечтахъ. Въ ея рѣчахъ, недомолвкахъ и жестахъ я читалъ теперь явственно исторію женской души, жаждущей мужской ласки и чувственныхъ наслажденій и томящейся среди однообразія жизни. Мнѣ была понятна эта невозможность для нея противиться моимъ ласкамъ. Я какъ эстетикъ наслаждался этой музыкой чувствъ.

— Что же дѣлать теперь? спросилъ я.—Разстаться?

Въ ея лицѣ мелькнуло неподдѣльное отчаяніе. Она уцѣпилась за мою руку.

— Нѣтъ... нѣтъ...

— Да развѣ это въ моей власти заставить любить себя? Или разлюбить?

— Отъ васъ зависитъ многое, загадочно отвѣтила она.

Я ушелъ.

И вотъ теперь задумался надъ своимъ поведеніемъ.

Не наивно ли безнравственное заблужденіе дурно мыслящаго юноши эта моя излюбленная „теорія пріятныхъ ощущеній“? Правъ ли я, культивируя чувство во всякой женской душѣ? Не ведетъ ли это въ большинствѣ случаевъ къ большей суммѣ страданій, чѣмъ удовольствій?

Подожду ходить.

А жаль. На фонѣ моей сѣрой жизни эти свиданія были не лишними нѣкоторой яркости узорами.

Чего хочу я? Почему прохожу равнодушно мимо этихъ дѣвичьихъ молящихъ глазъ, мимо этой готовности и любви? Неужели это безсиліе души?

Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Я не хочу этого думать.

Иногда въ душѣ вспыхиваютъ такіе порывы... Я позабылъ юношескія мечты, но все же я переросъ средняго человѣка и его мѣщанскій идеалъ. Я жду чего-то... Неужели обмануть надежды на лучшее?

Гдѣ она—эта родная половина души—по греческой легендѣ? Гдѣ великая любовь, которая встряхнетъ меня и поведетъ.

Куда?

Гдѣ арена для подвиговъ?

Какихъ?.. Я грезилъ когда-то, но позабылъ всѣ грезы, какъ утромъ, проснувшись въ дождливый осенній день, смутно, тщето вспоминаешь волшебные сны. Передо мной тупикъ. Сѣрая стѣна внезапно встала предо мною, когда я бродилъ, ища выхода — и мнѣ некуда идти... Горизонтъ закрытъ и ни одного клочка надо мной — голубого неба.

Такъ пусть бы пришла любовь и поглотила меня всего, безъ остатка, взяла бы силы души, дала бы забыть!

... Быть равнодушнымъ, значитъ терять.

21 Октября.

Почему всѣ эти дни мнѣ вспоминается Вѣра? И какая-то теплая волна приливаетъ къ сердцу. Мнѣ ее жаль. Наша любовь была какъ кошмаръ, мучительно-недосказанный, безсвязный, безъ конца.

Она меня долго будетъ помнить. Тѣмъ хуже для нея. Въ ея душѣ горѣла искорка, которую я былъ безсиленъ разжечь въ яркій факелъ. Эта искорка будетъ долго тлѣть и угаснетъ, не согревъ души, не озаривъ ея жизни.

Грустно...

Но я такъ заплесневѣлъ, что мнѣ не жаль того, чего не было и что могло бы быть.

Я даже не хочу попытаться улучшить мое существованіе.

Но уроки жизни не проходятъ даромъ.

Моя теорія любви „распивочно и на выносъ“ оказывается несостоятельной. Играть чувствомъ, даже не обма-

нывая, не говоря о любви, не обѣщая вѣрности,—все-таки безнравственно, такъ какъ причиняетъ страданіе.

А какъ послѣдовательно совершается процессъ перехода отъ новаторскихъ взглядовъ къ традиціямъ отцовъ! И какъ далекъ я отъ мысли, что въ моей душѣ есть хоть что-нибудь незыблемое! Все измѣняется. Во всемъ оказывается эволюція. И передъ ней я снимаю шапку.

Однако, чѣмъ наполнить жизнь? Къ сожалѣнію, я безвозвратно утратилъ способность къ систематическому труду. Устаю черезъ какихъ-нибудь два часа. Головные боли, кошмары, бессонница. А писателя изъ меня все равно не выйдетъ. Пора покончить и съ этой иллюзіей.

Быть посредственнымъ литераторомъ — какое униженіе!

23 Октября.

Сестра пишетъ, что Вѣра собирается замужъ. Пусть! Я не ревную. Кажется, нѣтъ. Это атавистическое чувство мнѣ чуждо. Однако, почему она не отвѣчаетъ на мое второе письмо?

Письмо Бородина.

29-е октября.

„Многоуважаемая Вѣра Федоровна! Не могу удержаться отъ желанія полюбопытствовать, какой злой рокъ не позволяетъ вамъ отвѣтить на мои,—правда,—немного циничныя, но не лишенныя литературныхъ достоинствъ письма? Служать ли тому причиной какія-нибудь внѣшнія вліянія и препятствія, или ваша добрая воля? Вы, быть можетъ, обидѣлись на то, что, описавъ вамъ мой идеалъ (вырождающагося человѣка)—женщину, которую вы напоминаете, какъ силуэтъ дорогое лицо,—я назвалъ васъ блѣднымъ призракомъ этого идеала? Или васъ задѣло то, что, бросивъ вамъ нѣсколько горячихъ и ласковыхъ словъ, я не былъ увѣренъ, по тому ли адресу отсылаю письмо? Не сердитесь. Если я не люблю васъ, то и никого не люблю. Я равнодушенъ къ какой-то фикціи, созданной моимъ досужимъ воображеніемъ. Когда-то вы, какъ кошмаръ, владѣли мной. То время далеко. Потомъ вы умѣли довольствоваться суррогатомъ любви, какую я могъ вамъ предложить. Что же васъ оскорбляетъ теперь? Какія новыя вліянія насъ раздѣлили?

Во мнѣ есть одна странная черта, Вѣра Федоровна, и вы, быть можетъ, ея не знали.

Я говорю и пишу не то, что чувствую, а скорѣе

чувствую то, что говорю и пишу. Приступая къ какому-нибудь объясненію, или письму, я самъ еще не знаю, что скажу или напишу? Это зависитъ отъ вдохновенія. Но я начинаю чувствовать то, что описываю, и вѣрить тому, что говорю... Это, пожалуй, ложь, но только ложью она можетъ оказаться въ будущемъ, когда одно настроеніе смѣнитъ другое. Но въ каждую данную минуту я правдивъ и искрененъ.

Значитъ вамъ упрекнуть меня не въ чемъ. Я вамъ не лгалъ. Прощай, Вѣра, прощай, бывший кошмаръ мой. Пока еще твой Вадимъ.

XI.

Письмо Вѣры.

3-е ноября.

Ты меня измучилъ. Боже мой! Зачѣмъ такъ глумиться, когда я такъ невыносимо страдаю? Отъ Насти ты знаешь, что я должна дать П. Н. рѣшительный отвѣтъ. Я выпросила отсрочку—недѣлю. Научи меня, что дѣлать? мнѣ жутко... Ждать впереди нечего. Мнѣ скоро двадцать пять лѣтъ. Я похудѣла, дуриѣю. Я ни къ чему неспособна и не хочу трудиться, быть гувернанткой, жить въ нуждѣ. Лучше не жить. Во имя чего? Только съ тобой нужда не была бы страшна. Но ты первый проклялъ бы меня.

Я плачу...

Неужели идти по торной дорогѣ и кончить, какъ всѣ? Варить варенье, родить дѣтей, плакать отъ измѣны мужа съ горничными, толстѣть и опускаться? Мечты мои... Какая пронія! Я задыхаюсь... Ну, позови меня, возьми мою жизнь,—насладимся хоть годъ вдвоемъ! Меня будутъ грызть эти мечты, которыя не сбылись.

Но ты охладѣешь черезъ мѣсяцъ. Ты меня не любишь. Придется умирать или...

Я жду какъ приговора твоего отвѣта. Вся судьба моя въ твоихъ рукахъ. Скорѣе отвѣчай. Ради Христа скорѣй...

Отвѣтъ Бородина.

7-е ноября.

Да, выбора нѣтъ, Вѣра. Выходи... Я еще уцѣлѣлъ въ этой сутолокѣ жизни, хотя постепенно терялъ въ ней то, чѣмъ былъ силенъ когда-то, чѣмъ отличался

огъ другихъ. Я не поручусь теперь, что жизнь не побѣдитъ и меня, и что я не кончу какъ всѣ.

Кто женился, тотъ конченный человѣкъ. Онъ сошелъ съ круга, по которому люди бѣгутъ, спотыкаясь и падая, за недостижимымъ призракомъ счастья.

И день твоей свадьбы будетъ днемъ тризны по прежней Вѣрѣ. Прощай и постарайся приспособиться. Въ привычкѣ, можетъ быть, найдешь и радость.

Прости за обманутыя надежды. Я мертвый человѣкъ.

Когда-то мы были другъ для друга всѣмъ и грезили о счастьѣ непохожемъ на все, насъ окружавшее.

Время сдѣлало свое.

Да будетъ...

А. Вербицкая.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Оригинальный курортъ.

Очеркъ провинціальныхъ нравовъ.

Перебывавъ разновременно въ нѣсколькихъ водолечебныхъ курортахъ, я рѣшилъ поѣхать, для разнообразія, въ совершенно неизвѣстный, но гдѣ можно бы получать облегченіе отъ недуга и пріятно провести время. И вотъ изъ печатнаго „Путеводителя“ я, между прочимъ, вычиталъ, что въ N „особенно рекомендуются мѣстныя грязи, излечивающія слабосиліе, нервность, ревматизмъ, золотуху и тучность“. Открываются: теплыя ванны — съ 1-го, а морскія — съ 15-го іюня; заведеніе содержитъ акціонерное общество. а свѣдѣнія о квартирахъ доставляетъ коммиссія купаній; пользованіе общественнымъ собраніемъ и красивымъ садомъ предоставляется пріѣзжимъ за небольшую плату; устраиваются танцы. и „любимое развлеченіе публики — катанье на лодкахъ и ловля наваги“. Ясно, казалось бы, что васъ ожидаетъ. Тѣмъ не менѣе, для соблюденія большей предосторожности, я обратился съ письменнымъ запросомъ въ названную коммиссію и получилъ отъ городского старосты отвѣтъ, что въ мѣстномъ „заведеніи теплая ванна стоитъ 30 коп.; морское купанье — 5 коп., раздѣванье — въ будкѣ, квартира отъ 40 руб. въ мѣсяцъ, продовольствіе отъ 1 рубля въ сутки; морская грязь 1 руб. 50 коп. бочка, есть и лѣсъ“.

Заручившись приведенными печатными и письменными справками, устранявшими всякія сомнѣнія, я отправился въ путь. По мѣрѣ приближенія къ мѣсту число путешественниковъ все убавлялось, почему досужій, попутный кондукторъ на мои разспросы, дополнилъ мнѣ, что поѣзда ходятъ туда и обратно трижды въ сутки, что въ курортѣ препорядочныя гостиныцы, жизнь дешевая и даже веселая. Наконецъ, добрались благополучно до конечнаго пути желѣзнодорожной линіи.

На станціи я, зайдя въ телеграфную комнату, я нашелъ въ ней одну лишь почтенную старушку и спросилъ ее: не вѣстно ли, ей кто приписываетъ депеши?

— Я, отозвалась она.—Я телеграфистка, а мой мужъ—начальникъ станціи.

Написать депешу, я подаль се старушкѣ. Сосчитавъ слова, она спросила 65 коп. Я предложилъ трехрублевую бумажку.

— Извините, сдачи нѣтъ.

— Даже съ этой бумажки?

— Да, наша станція самая бѣдная, такъ какъ мы обрѣтаемся въ пустынѣ.

— Здѣсь городъ, морской портъ, да еще курортъ, слѣдовательно, мѣстность должна быть, напротивъ, людная, оживленная, въ особенности теперь, лѣтомъ.

— О, нѣтъ. Изъ частныхъ лицъ сюда рѣдко кто ѣздитъ, а моряки держатъ все, имъ нужно, — на своихъ корабляхъ, на берегу же имъ рѣшительно нечѣмъ пользоваться: тутъ стоячее болото, ну и нѣтъ, понятно никакихъ ни коммерческихъ операцій, ни фабричной промышленности, ни торговли, ни даже самыхъ ничтожныхъ развлеченій.

— Съ какою же, не слыхали ли вы, цѣлю провели сюда желѣзнодорожную линію?

— Говорятъ, для военныхъ цѣлей, а я полагаю, чтобы дать инженерамъ — работу и доходъ, а намъ — предмогильное мѣсто. Впрочемъ, пора къ дѣлу. Если не имѣете мелкихъ — позвольте рубль: съ него я еще наскребу вамъ сдачу. Совѣтую торопиться съ багажомъ, не то извозники, — ихъ у насъ счетомъ три, — уѣдутъ въ городъ и тогда свезти туда вашъ чемоданъ некому будетъ.

И дѣйствительно, я нашелъ лишь одного извозника. Онъ провезъ меня полемъ съ версту и остановился возлѣ перваго, съ краю, городского деревяннаго, ветхаго дома.

— Тутъ и есть гостинница, заявилъ онъ.—Слѣзайте, пожалуйста, скорѣе: я тороплюсь домой снасти плести.

— Вези въ другую. Пусть будетъ хотя по наружному виду получше.

— Въ нашемъ городѣ всего одна эта гостинница и есть. Была точно и другая, да года два тому назадъ закрылась отъ бѣдности. Везти васъ дальше и некуда.

На расшатанное крыльцо съ трещащими подъ ногами досками выступила рослая, благообразная, молодая женщина. Она назвалась хозяйкою гостинницы и любезно

пригласила меня внутрь, а тамъ по полутемному корридорѣ съ нѣсколькими нумерами по обѣ стороны, показала мнѣ одинъ изъ нихъ съ мизерною обстановкою и окномъ во дворъ, по которому гуляли собака, поросенокъ и куры. Окно было такъ низко отъ земли, что чрезъ него легко было прямо перешагнуть во дворъ; въ комнатѣ пахло сыростью, а въ углахъ виднѣлась плѣсень. Оглядевшись вокругъ, мы спросили, нѣтъ ли почище номера?

— Теперь, извините, нѣтъ, а дня черезъ 3—4 освободится съ 2-мя окнами на улицу: онъ занятъ полковницею, но она ждетъ мужа съ военнымъ кораблемъ и, если онъ придетъ сюда и она съ нимъ уѣдетъ отсюда,—вы переселитесь въ тотъ номеръ.

Пришлось примириться съ сырымъ номеромъ. Я выразилъ желаніе обѣдать, такъ какъ было 5 часовъ пополудни.

— Есть супъ съ мясомъ, простымъ, а жаркое велю приготовить изъ рыбы: ее недавно привезли еще живую, да кофе или чаю, что прикажете,—подамъ. Кушать пожалуйста въ садикъ: тамъ, среди зелени, цвѣточковъ, будетъ пріятнѣе.

Усѣвшись въ садикѣ, я спросилъ водки.

— Простите -- не торгуемъ, конфузливо отозвалась хозяйка.—Это насъ сильно разстраиваетъ, подрываетъ...

— Ужъ незаписались ли вы въ общество трезвости?

— Нѣ-ѣтъ, не то... Прежде мы торговали и, признаться, не дурно, но съ этого года новый акцизный чиновникъ запретилъ: противъ нашего дома видите вонъ церковь, онъ смѣрилъ разстояніе и призналъ, что меньше двухсотъ сажень, потому, дескать, и нельзя... Мы доказывали, что 60—70 лѣтъ стоятъ на своихъ мѣстахъ церковь и домъ, въ немъ гостиница тоже 50 лѣтъ, а въ ней всегда торговали всякими напитками мой дѣдъ, отецъ и мы, но акцизный ничего этого не взялъ во вниманіе, а сладиться съ нимъ оказалось намъ не по силамъ. Мы пожаловались на него, но и жалобу нашу не уважили.

— Такъ нельзя ли хоть какого-нибудь вина?

— Тоже, къ сожалѣнію, нѣтъ. Но что ужъ всѣ привыкли къ пиву, а и его не держимъ для продажи. Биллиардъ вотъ дозволилъ, но какъ пить ничего не дозволяется, то и охотниковъ играть на немъ почти не стало. Просто раззореніе! Даже мужъ въ люди служить ушелъ: на пропитаніе не хватаетъ...

Вдругъ явилась старушка—телеграфистка подъ предлогомъ навѣстить полковницу, а на самомъ дѣлѣ дознаться: кто я

и зачѣмъ прїѣхалъ въ пустыню. Она и зашла въ садикъ „вздохнуть на вольномъ воздухѣ“. Удовлетворивъ ея любопытство, я освѣдомился, каковы мѣстныя купальни?

— Купаться еще рано: вода очень холодна и легко простудиться.

— Не можете ли мнѣ сказать о положеніи теплыхъ ваннъ?

— Право затрудняюсь: мы здѣсь второе только лѣто, ими не пользовались и не интересовались, потому что я бывала на разныхъ заграничныхъ водахъ, среди свѣтскаго, интеллигентнаго общества, а тутъ пустыня аравійская... Мы располагали солиднымъ имѣніемъ, отъ него—значительными средствами и жили въ полномъ удовольствіи, но какъ ввели эмансипацію, подросли дѣти и отъ всеобщаго оскудѣнія поневолѣ, на старости лѣтъ, въ этой мурьѣ очутились—корки грызть, да и ими, по нынѣшнимъ временамъ, скрываться не стану,—довольны...

Она съ гордостью вспоминала свое прошлое и всячески старалась показать, что и въ настоящей своей роли обездоленной телеграфистки—она все-таки мѣстная большая персона. Соскучившись слушать однообразныя ея воспоминанія, я раскланялся съ нею, а на крыльцѣ обратился къ хозяйкѣ съ просьбою просвѣтить меня относительно курорта.

— Кур-орта? ги?... усмѣхнулась она.—Это вы вѣроятно на счетъ того маленькаго домика, который стоитъ на обрывѣ, надъ моремъ. Въ немъ, говорятъ, купаются безъ приспособленій, но такъ ли это—право, не знаю. Пожалуйте туда и вамъ, думаю, все покажутъ и расскажутъ.

Я отправился по указанію, нашелъ чистенькій, маленький домикъ, и наткнулся на пожилую работницу — эстонку, которая не только не говорила, но и не понимала ни слова по-русски. Къ счастью, у выходной двери мнѣ встрѣтилась молодая, приличная женщина. Она отвѣтила мнѣ чисто по-русски, вернула въ домикъ, показала въ двухъ крошечныхъ коморкахъ по двѣ ванны и вывела во дворъ, по которому пролегаль, на значительномъ разстояніи, деревянный, на козлахъ, жолубъ, по которому открыто протекала въ домикъ вода, накачивавшаяся подъ обрывомъ, на морскомъ берегу, резиновой кишки. Все было устроено самымъ первобытнымъ способомъ.

— Не можете ли мнѣ еще кое-что разъяснить?

— Все, что угодно: я эту механику на досугѣ коротко изучила, хотя касательства къ ней никакого не имѣю.

— Откуда берется грязь для теплыхъ ваннъ?

— Привозится верстъ за 500—600 отсюда, въ задѣланныхъ бочкахъ, которыя хранятся въ сараѣ, а при надобности бочки раскупориваются, грязь вынимается сухою, разводится въ ведрахъ теплою водою, выливается въ ванны и въ нихъ купаются.

— Ванны вездѣ приготавливаются, обыкновенно, по определенному градусу съ определеннымъ количествомъ грязи. Кто всѣмъ этимъ здѣсь распоряжается?

— Та самая эстонка, которую вы видѣли: она все знаетъ, но когда ее заторопятъ, она дѣлается безтолковою.

— Руководить ею конечно докторъ?

— Онъ здѣсь весьма рѣдкій гость: одинъ на всю окрестность, по которой и разъѣзжаетъ.

— Такъ фельдшеръ его замѣняетъ?

— Фельдшера у насъ вовсе не водится. Короче, кто хочетъ принимать ванны, тотъ вѣдается съ эстонкою, благо здѣшніе жители почти всѣ понимаютъ и говорятъ по эстонски; а пріѣзжіе тутъ рѣдкость.

— Заведеніе это эксплуатируетъ акціонерное общество и оно, въ собственныхъ интересахъ, должно бы, кажется, пецись о его процвѣтаніи.

— Пять лѣтъ живу я здѣсь и знаю всѣхъ наперечетъ, а объ акціонерномъ обществѣ только отъ васъ впервые слышу.

— Ну, а о комиссіи по доставленію пріѣзжимъ больнымъ справокъ о квартирахъ тоже не слышали?

— И комиссіи, разумѣется, никакой нѣтъ, да и быть то ей незачѣмъ: во всемъ городѣ три улицы въ сотню домовъ, а ихъ легко всѣ обойти въ полчаса. Какъ объ обществѣ, такъ и о комиссіи кто нибудь подшутилъ надъ вами.

— А гдѣ купаются въ морѣ?

— Съ берега на любомъ мѣстѣ, или съ того вонъ мосточка.

— Красивый садъ и общественное собраніе, въ которомъ устраиваются танцы, вамъ уже навѣрно извѣстны?

— Есть садишко и пародія на собраніе, въ которое сходятся иногда нѣсколько человѣкъ выпить пива, отнюдь не больше, а танцы и сегодня будутъ, по обыкновенію, — въ сараѣ, на томъ концѣ берега.

— Все, что я вамъ называлъ, отчетливо значится въ *печатномъ* путеводителѣ по курортамъ.

— Стало бытъ, составитель путеводителя все навралъ, въ

этомъ я васъ смѣло увѣряю. Разочаровать непріятно, но скрывать истину гораздо хуже, недобросовѣстно.

Я направился по кругому берегу. Вдали разбѣгались разноцвѣтные флаги и паруса кораблей; въ разныя стороны плыли лодки; къ пристани приставали шлюпки съ моряками; близь пристани стояли въ водѣ рыболовные суда, нагруженные снастями, около которыхъ возились рыбаки, съ коротенькими трубками въ зубахъ. Пожилой морякъ сообщилъ намъ, что расположенныя на горѣ каменные зданія — казенные склады, пристань морская, а рыбаки ѣздятъ на ловлю верстъ за двадцать въ море.

— Гдѣ же тутъ публика катается въ лодкахъ и ловить навагу?

— Это чья-то выдумка: частныхъ лицъ тутъ не бываетъ, а рыбацкимъ лодкамъ дозволяется стоять потому, что рыбаки иногда намъ полезны; другіе же мѣшали бы нашимъ маневрированіямъ, ученіямъ и стрѣльбѣ.

Поднимаясь въ гору, я увидѣлъ украшенный флагами и ельникомъ огромнаго сарай, въ который стремились взрослые кадеты и прифранченныя молодыя горожанки танцевать. На главной улицѣ я завернулъ въ лавку, въ которой торговали: чаемъ, дегтемъ, ситцемъ, веревками, бумагой, табакомъ, хлѣбомъ, словомъ, всякими предметами потребленія. Освѣдомляюсь у лавочника: гдѣ помѣщается правленіе акціонернаго общества купальнаго заведенія?

— Акціонерное общество? Ха-ха-ха!.. Такого не знаемъ, а ежели вамъ требуется грязь, то продаемъ мы ее здѣсь.

— Какъ такъ?

— Очень просто: пожалуйста подтора рубля, дадимъ вамъ квитанцію, а по ней въ заведеніи эстонка отпуститъ вамъ бочку грязи.

— Что же я съ нею стану дѣлать?

— Да что хотите, а коли не знаете — эстонка васъ научитъ, т. е. будете сами дѣлать ванны, или ей это поручите, потомъ въ ваннѣ отлеживайтесь по полчаса, либо больше, какъ заблагоразсудите. Грязь наша, доложу вамъ, весьма полезна, особливо отъ ревматизма и люди въ ней валяются, какъ свиньи перепачкаются, отмываются и благодарятъ.

— Кромѣ общества я слыхалъ еще о квартирной комиссіи?

— Общество — это я, а комиссія — это староста, насупротивъ живетъ. Больше вамъ и канпелиться не стоитъ.

Добрався до старости: по возрасту, росту, фізіономіи, бакенбардамъ, прическѣ и сложенію—онъ чрезвычайно походилъ на трансваальскаго президента Крюгера. Высказавъ ему свое неудовольствіе по поводу всего видѣннаго и слышаннаго, я упрекнулъ его за то, что онъ письмомъ заманилъ меня сюда, гдѣ нѣтъ ни сноснаго водолечебнаго заведенія, ни удобствъ для квартированія. Онъ молча все выслушалъ, поникнувъ старческой головою.

— Будьте, сдѣлайте милость, снисходительны къ нашимъ недостаткамъ, заговорилъ онъ виноватымъ тономъ;—нашъ городъ всѣми забытый, заброшенный, потому ослабъ, обѣднѣлъ отъ малости дохода и заработка. Здѣсь я родился, провелъ свой вѣкъ, помню какъ въ старину мы жили безъ нужды, какъ постепенно теряли свои привиллегіи, впадали въ уныніе и дожили до того, что у насъ остался одинъ только прежній воздухъ!... Я люблю свой городъ, преданъ ему, а ради него стараюсь и, скрѣпя сердце, привлекаю сюда добрыхъ людей, какъ вы... А нашъ воздухъ, ручаюсь вамъ, лучше всякой грязи, всякаго лекарства и доктора... Поживите у насъ, покорнѣйше прошу васъ, поживите и, повѣрьте моему честному слову,—поздоровѣете безъ ваннъ отъ одного только воздуха!... Квартиру же и пищу я прииму вамъ хорошія за недорогою плату.

Вернувшись въ гостиницу, я засталъ тамъ челоуѣкъ 10—15 кадетъ, изъ которыхъ двое играли на билліардѣ, а остальные смотрѣли, либо поочередно отходили въ уголокъ къ стоявшимъ въ немъ бутылкамъ; хозяйка же, какъ бы на сторожѣ, расположилась предъ входною дверью въ корридорѣ. Догадавшись вѣроятно, что я замѣтилъ происходившее въ билліардной, она покраснѣла отъ смущенія. Не желая ее стѣснять, я прошелъ въ садикъ пораздумать о своемъ затруднительномъ положеніи. Миновало полчаса.

— Староста, самъ староста сюда идетъ, испуганно предварила меня хозяйка.—Ахъ Боже мой, Боже мой, что-то будетъ: староста строгій и ежели замѣтитъ—бѣда...

Староста, оказалось, явился съ предложеніемъ поспотрѣть отысканную имъ для меня квартиру. Онъ проводилъ меня къ красивому деревянному дому, на которомъ виднѣлась крупная, печатная надпись: „Полицейское Управление“. Я остановился въ недоумѣніи.

— Не беспокойтесь, ободрялъ меня староста.—Семейство

преблагородное и его содержаніемъ останетесь вполне довольны.

Въ просторной передней висѣли полицейскія офицерскія и солдатскія пальто; въ первой комнатѣ помѣщалась, судя по обстановкѣ, канцелярія, а изъ нея мы очутились въ приличной гостиной. Немного погодя изъ боковой двери вышла средняго роста, лѣтъ 30—35 на видъ, принаряженная дама, уже знавшая о цѣли нашего посѣщенія. Мы приступили къ дѣлу.

— Я могу отвести вамъ эту самую комнату и предложить полное содержаніе, т. е. чай, завтракъ, обѣдъ и ужинъ за 60 руб. въ мѣсяцъ, съ прислугою, начала она, охорашивая бантикъ на груди и поглядывая въ трюмо, противъ котораго сѣла.—Кушанья будутъ вкусныя, питательныя и свѣжія: дурныхъ продуктовъ мнѣ никто не смѣетъ продавать. Спокой получите полный: противъ нашего дома шума не полагается.

— Но въ сосѣдней комнатѣ—канцелярія куда разные люди должны ходить по ихъ надобностямъ, да и происшествія...

— Обыкновенныхъ занятій въ вашей канцеляріи довольно мало, но и тѣ можно перевести на то время, когда вы будете уходить гулять, напримѣръ часа по два передъ обѣдомъ и столько же передъ чаемъ, а происшествія,—онѣ у насъ болѣзненная рѣдкость,—мужу удобно разбирать и въ надворномъ сараѣ. До какой степени у насъ чинно, тихо, подтверждается тѣмъ, что мужъ рѣдко отлучается и на двое сутокъ, а все, славу Богу, благополучно.

— Ну, а если бѣ во время отсутствія вашего мужа что-нибудь стряслось?

— Я бы распорядилась: дѣятельность мужа мнѣ близко извѣстна и я сумѣю оградить его отъ всякихъ случайностей: это долгъ вѣдь каждой любящей жены. И воспитаніемъ дѣтей,—ихъ у меня трое,—занимаюсь я одна. Кстати прибавлю, что на прогулкахъ, чтобы вы не скучали и не заблудились,—я велю сопровождать васъ моему старшему сыну, а онъ, 9-ти лѣтній мальчикъ, отлично знаетъ всѣ окрестности, послушный, ласковый, веселый и даже забавный.

— Самый городъ кажется мнѣ несоотвѣтственнымъ моему настроенію...

— Оттого, что вы еще не приглядѣлись, а какъ поживете, я увѣрена,—онъ вамъ понравится: жить у насъ прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ: одинъ напр., воздухъ нашъ просто восхитительный! Мой мужъ нѣсколько лѣтъ сряду хворалъ,

а какъ насъ перевели сюда—живо поправился и въ добрый часъ сказать, а въ худой промолчать—вотъ уже два года здоровехонекъ, отъ одного, право, воздуха: онъ уничтожаетъ недуги, хандру, даетъ бодрость духа, аппетитъ, а это все, что человѣку нужно. Благодатный нашъ воздухъ несравненно лучше крымскаго, кавказскаго, даже швейцарскаго. Поживите у насъ мѣсяць-другой и повѣрите этой истинной правдѣ, а потомъ съ благодарностью вспомните и опять посѣтите насъ, а мы рады будемъ васъ принять гостемъ. Мы тутъ такъ славно обсиѣлись и ко всему привыкли, что никуда не тягетъ. Все, чего намъ недостаетъ—это поправки противныхъ финансовыхъ обстоятельствъ: они—точно подгуляли...

Я обѣщаль подумать относительно заманчиваго предложенія, а самъ пошелъ справиться о времени отхода поѣзда, но железнодорожная станція оказалась запертою со всѣхъ сторонъ. Тщетно проискавъ даже сторожа,—я опять вернулся въ гостиницу, но въ ея садикѣ нашелъ уже компанію моряковъ за разными бутылками. Когда они, уходя—прямо при мнѣ предложили хозяйкѣ плату,—она въ крайнемъ смущеніи брала деньги, опасаясь видимо исключительно насъ.

— Съ этими господами рѣшительно ладу нѣтъ, какъ-бы оправдывалась она предо мною проводивъ ихъ.—Приносятъ сюда вино и пиво. Говорю имъ: пить здѣсь нельзя. Мы, отвѣчаютъ они, у васъ не покупали, а свое вольны вездѣ пить, но чѣмъ это дѣлать на лугу, или на берегу,—намъ пріятнѣе здѣсь, гдѣ мы десятки лѣтъ сряду пивали. И никого и ничего не бояся; на водѣ—сами властвуютъ, а на сушѣ—власти ихъ стѣсняются задѣвать, но изъ-за нихъ притѣсняются беззащитныхъ...

— А отчего вы какъ будто испугались давеча прихода старосты?

— Все изъ-за моряковъ же: если-бъ онъ не только увидалъ вино, но услышалъ винный, либо пивной запахъ,—онъ бы вѣкъ мнѣ не простилъ, ужасно суровый исполнитель всякихъ правилъ, а ради общихъ благъ горожанъ, кажется, и луну съ неба досталъ бы, если-бъ могъ, хотя-бъ это угрожало ему разбиться на смерть.

Повѣдавъ ей о своихъ неудачахъ, я выразилъ намѣреніе уѣхать.

— Поѣзда уходить отсюда только разъ въ день въ 6 часовъ вечера, значитъ вамъ ждать почти еще сутки, а паромъ

ходъ, на которомъ мой мужъ кассирствуетъ и держитъ буфетъ,—зайдетъ къ намъ по пути послѣ завтра, но если вамъ у насъ не нравится, а нравится, надо признаться, нечему, или вы торопитесь, то можете уѣхать куда угодно и когда угодно—на лошадахъ: у насъ дороги всѣ исправныя.

— Я бы желалъ въ X попасть, но безопасно ли сухопутьемъ?

— До X отъ насъ считаютъ 90 верстъ и опасности никакой нѣтъ, особливо по нашему уѣзду, а по сосѣднему хотя и случались, помнится, разныя оказіи, даже убійства, но я вамъ отрекомендую такого надежнаго извозчика, на котораго можно положиться, такъ что съ Божьею помощью благополучно доѣдете.

Хозяйкѣ видимо хотѣлось скорѣе избавиться отъ меня и она сообщила меня стоимость проѣзда, хвалила дорогу, а чрезъ $\frac{1}{4}$ часа предоставила и извозчика.

— Въ чемъ повезешь?

— Въ таратайкѣ, на парѣ.

— Нѣтъ-ли рессорной коляски.

— Во всемъ городѣ только одна коляска.

— Ее и достань.

— Будетъ стоить вдвое дороже.

— Заплачу.

— Въ такомъ разѣ постараюсь.

Онъ ушелъ стараться, а хозяйка подтвердила, что во всемъ городѣ одна коляска.

Въ 5 часовъ утра я покинулъ „аравійскую пустыню, съ восхитительнымъ воздухомъ“.

В. Никитинъ.

Борьба партій во Франціи за президентство Гриви.

I.

Четвертаго прошлаго сентябрю Французская республика вступила въ тридцать второй годъ своего существованія. За этотъ періодъ времени она перемѣнила семь президентовъ, тридцать три министерства и пережила множество роковыхъ событій. Самые тяжелыя времена для республики относятся несомнѣнно къ президентству Тьера и Макъ-Магона, когда вершителемъ судебъ Франціи являлось достопамятное національное собраніе. Какъ извѣстно, оно состояло въ большинствѣ изъ монархистовъ и поэтому на самую республику смотрѣло, какъ на временную форму правленія, которую слѣдуетъ замѣнить монархіею, какъ только монархисты всѣхъ фракцій остановятся на одномъ кандидатѣ для французскаго престола. Но до тѣхъ поръ республика была единственною формою правленія, при которой всѣ фракціи монархистовъ могли, оставаясь каждая при своемъ кандидатѣ, идти вмѣстѣ противъ общаго ихъ врага: республиканской партіи. Это и понималъ Тьеръ, когда въ 1849 году, бывши еще ярымъ орлеанистомъ, сказалъ въ палатѣ, обращаясь ко всѣмъ монархистамъ: «la République, c'est le gouvernement qui nous divise le moins» ¹⁾. Точно также въ началѣ семидесятыхъ годовъ республика объединила всѣхъ монархистовъ, но, конечно, не за, а противъ себя. Это была «республика безъ республиканцевъ» — республика, имя которой тщательно избѣгалось въ государственныхъ бумагахъ и бюстъ которой, по распоряженію собранія, былъ снятъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ.

Самъ президентъ республики Тьеръ назывался во избѣжаніе слова «республика» просто «главою исполнительной власти». Такъ продолжалъ называться и его преемникъ Макъ-Магонъ до 1876 г., когда, наконецъ, новая конституція создала официальный титулъ «президентъ республики». Но въ глубинѣ души Макъ-Магонъ нена-

¹⁾ Республика форма правленія, менѣе всего насъ разъединяющая.

видѣлъ республику; онъ не разъ помогать монархистамъ въ ихъ стараніяхъ низвергнуть, а когда эти попытки не удались,—вышелъ въ отставку. На его мѣсто былъ избранъ Жюль Гревъ, первый, президентъ вышедшій изъ рядовъ самой республиканской партіи. Какъ извѣстно, послѣ Гревъ во главѣ республики было еще четыре президента: Карно, Казимиръ Перье, Форъ и Лубъ. Периодъ времени, въ которомъ приходилось управлять каждому изъ нихъ, отличался, смотря по характеру преобладающихъ событій, какою-нибудь особою чертою. Президентство Карно останется памятнымъ, какъ эпоха уличной смуты и вообще тяжелаго политическаго и общественнаго кризиса. Достаточно только вспомнить буланжизмъ и анархистскія покушенія, вызвавшія необыкновенную по своей силѣ политическую реакцію. Это реакционное теченіе и нашло своего представителя въ лицѣ Казимира Перье.

Президентство Феликса Форъ отличалось преобладаніемъ вопросовъ внѣшней политики, если не считать знаменитаго дѣла Дрейфуса и вызванной имъ борьбы, самые важные моменты которой слѣдуетъ отнести къ президентству Эмиля Лубъ. Но такъ или иначе всѣ эти четыре президентства, начиная съ Карно, отличаются одной общей чертой: бурностью политической жизни. Каждое изъ нихъ ознаменовалось разными неожиданными событіями, внесшими большую смуту въ идеалы и вызвавшими крупныя перемены въ политической жизни страны.

Совсѣмъ другую картину представляетъ президентство Жюль Гревъ. Оно отличается своей спокойной политической жизнью, сосредоточенной на важныхъ вопросахъ устройства страны. Стремящаяся теперь политическая борьба выйти каждый моментъ изъ-за стѣнъ парламента и столбцовъ газетъ на улицу и въ митингахъ заключалась тогда, главнымъ образомъ, въ парламентскихъ преніяхъ и въ газетной политикѣ. Конечно, шумъ, дѣятельность, борьба кипѣла и тогда, но она не выходила за предѣлы республиканскаго закона, она не прибѣгала къ насильственнымъ средствамъ.

Первые начали прибѣгать къ насилію буланжисты въ союзѣ съ монархистами. Вотъ почему президентство Жюль Гревъ можно назвать эпохой *парламентской* и въ извѣстномъ, смыслѣ эпохой *организаторской*.

И въ самомъ дѣлѣ, къ началу восьмидесятыхъ годовъ относятся всѣ легшіе въ основѣ третьей республики «органическіе» законы о свободѣ печати, о свободѣ собраній, о свѣтскомъ образованіи и всеобщей воинской повинности. Но эпоха президентства Гревъ представляетъ громадный интересъ и съ точки зрѣнія развитія самой республиканской идеологии.

Въ рѣчахъ тогдашнихъ современниковъ мы можемъ прослѣдить, какъ общія республиканскія начала, объединяющія прежде всѣхъ республиканцевъ подъ однимъ знаменемъ, теперь въ столкновеніи съ жизнью вылились въ болѣе конкретныя формы. Съ одной стороны въ парламентѣ, какъ представители двухъ различающихся идейныхъ теченій, выступаютъ оппортунисты и радикалы, съ другой стороны въ самой массѣ начинается пропаганда коллективизма, обьявившаго себя одинаково противъ всѣхъ «буржуазныхъ партій».

Въ сущности такія дѣленія среди республиканцевъ существовали еще во второй имперіи; они проходятъ красною нитью и черезъ всѣ событія, которыя начались переворотомъ 4 сентября 1870 г. и кончились разгромомъ парижской коммуны въ маѣ 1871 года. Но опасность, которой подверглась республика съ этого послѣдняго событія до выбора Жюля Гриви, соединила всѣхъ республиканцевъ въ одной общей мысли: сохранить и упрочить республиканскую форму правленія.

Когда цѣль была достигнута, притихшія разногласія выступали съ большою силой, такъ какъ теперь передъ республиканскою партией открывалось широкое поле практической дѣятельности и каждая фракція должна была доказать примиримость своихъ принциповъ.

Въ этой борьбѣ вожаками умѣренныхъ республиканцевъ являлись Гамбетта и Ферри. Гамбетта, бывший большую часть времени президентомъ палаты, выступалъ какъ ораторъ сравнительно рѣдко. его министерская карьера 1882 года оказалась кратко временной въ общемъ этотъ періодъ его дѣятельности не былъ особенно блестящимъ. Но тѣмъ не менѣе чувствовалось его скрытое вліяніе на правительство и на самую палату. Другой вождь оппортунистовъ Ферри находился, наоборотъ, въ непрерывной дѣятельности и особенно выдвинулся послѣ смерти Гамбетты, когда онъ сталъ во главѣ знаменитаго министерства, просуществовавшего больше двухъ лѣтъ.

Оппортунисты встрѣчали противодѣйствіе радикаловъ, имѣвшихъ тоже не мало выдающихся представителей. Первый изъ нихъ, какъ по своему таланту, такъ и по своей боевой энергіи, является Клемансо. Пока другіе вожди радикальной партіи, какъ Фрейсине, Флокке, Гэриссонъ и Гюбле, были готовы войти въ сдѣлку съ оппортунистами, Клемансо, наоборотъ, объявилъ себя ихъ заклятымъ врагомъ.

Борьба двухъ фракцій республиканской партіи, относилась одинаково, какъ къ вопросамъ внутренней такъ и внешней политики. Въ зависимости отъ послѣдней находился колоніальный вопросъ, сдѣлавшійся предметомъ столь жестокихъ столкновеній между Клемансо и Ферри.

Изъ вопросовъ внутренней политики самымъ жгучимъ являлся вопросъ объ отношеніи государства къ церкви и вопросъ о пересмотрѣ конституціи.

Но, кромѣ того, какъ увидимъ, здѣсь было еще множество другихъ вопросовъ, касавшихся правосудія, администраціи, фабричнаго законодательства, гдѣ обѣ фракціи входили въ столкновение между собою.

II.

Какъ мы уже замѣтили, сигналъ борьбы былъ данъ выѣстъ съ выборомъ Жюля Гриви въ президенты республики.

Это случилось въ 1879 году, который останется памятнымъ въ исторіи республиканской партіи. Съ одной стороны, съ избраніемъ въ президенты республики, вмѣсто Макъ-Магона, стараго и испытаннаго республиканца Жюля Гриви, вся власть попала въ руки респуб-

ликанской партіи, но съ другой стороны вмѣстѣ съ этимъ для нея наступили годы тяжелой ответственности. Она приобрѣла влияние только благодаря постояннымъ въ массахъ надеждамъ. Теперь настала пора оправдать эти надежды, исполнить данные обѣщанія. Но задача эта оказалась гораздо выше ея силъ. Событія скоро показали, что въ республиканской партіи произошли важныя перемѣны. И вмѣстѣ въ виду не только внутренній переломъ, пониженіе духа, пробужденіе шовинистскихъ страстей, недовѣріе къ городскимъ массамъ и страхъ передъ ними, явившіеся послѣ событій франко-прусской войны и коммуны, но, главнымъ образомъ, новыя политическія задачи республиканской партіи. Съ ней произошла крупная и рѣшающая ея участь перемѣна: изъ оппозиціонной партіи она превратилась въ правящую партію. Будучи оппозиціонной, республиканская партія представляла меньшинство городскихъ массъ, но зато сознательное и прогрессивное меньшинство, но, получивши власть, не вслѣдствіе естественнаго нарастанія республиканскихъ силъ въ странѣ, а по исторической случайности, она стала нуждаться въ закрѣпленіи этой власти, въ поддержкѣ уже не меньшинства, а большинства французскаго народа. Большинство, которое всего нѣсколько лѣтъ назадъ во время плебисцита 1870 года высказалось за имперію, не было проникнуто республиканскими идеями. Она даже боялась ихъ. Когда, послѣ неожиданнаго паденія имперіи, появилась республика, это большинство высказалось за нее, не по сочувствію къ ея идеямъ, а просто изъ страха, что новая перемѣна режима опять возбудитъ въ странѣ нескончаемую гражданскую войну.

Республиканскіе вожди понимали, на какой зыбкой почвѣ покоится ихъ большинство въ странѣ. Но вмѣсто того, чтобы стремиться возбудить въ населеніи привязанность къ республиканскимъ учрежденіямъ, путемъ активной реформаторской политики, они, наоборотъ, сами спустились до недразудковъ этого населенія. Впрочемъ, эта политика, какъ идущая по линіи наименьшаго сопротивленія, являлась самой легкой. При тогдашнемъ настроеніи умовъ среди республиканскихъ вождей главной цѣлью ихъ было сохранить власть за собой и всѣ пути, ведущіе въ Римъ, являлись хорошими.

Сообразно этому измѣнилась и вся тактика республиканской партіи. Политика ея по отношенію къ деревенскимъ массамъ заключалась въ томъ, чтобы убѣдить ихъ, что существующая рутина останется безъ всякаго измѣненія; въ то же время республиканская партія старалась увѣрить крупную и среднюю городскую буржуазію, что она не желаетъ посягать на частную собственность, и что всѣ подозрѣнія въ этомъ смыслѣ неосновательны. Гамбетта уже въ послѣднія времена имперіи высказывался въ этомъ смыслѣ. Но тогда онъ еще сохранялъ въ неприкосновенности политическій идеалъ республиканской партіи: полное демократическое управленіе. Теперь онъ и вслѣдъ за нимъ и всѣ менѣе крупныя вожди партіи начали отказываться отъ этого идеала.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ Гамбетта съ негодованіемъ возставалъ противъ Тьера, когда послѣдній настаивалъ на учрежденіи сената, и говорилъ: «республика будетъ консервативной. или

ей вовсе не будетъ», но теперь онъ самъ сталъ защищать сенатъ, называя его «Великимъ совѣтомъ французскихъ муниципалитетовъ», и сталъ вести консервативную политику.

Въ 1876 году тотъ же Гамбетта объявлялъ непримиримую войну клерикализму, говорилъ словами Гвейра: «Клерикализмъ—вотъ—врагъ», а теперь онъ самъ старался обуздать антиклерикализмъ своихъ друзей. Теперь онъ самъ сталъ отрицать существованіе *соціальной вопроса*, отвергать политику принциповъ и защищать политику постепенности, или, какъ онъ выражался, «политику результатовъ». Старая бельвильская ¹⁾ программа 1869 г. республиканской партіи, являющаяся сводомъ политическихъ и административныхъ демократическихъ реформъ, оставалась на заднемъ планѣ.

Этотъ поворотъ и создалъ въ рядахъ республиканской партіи то пониженіе политической идеологіи и этики, плачевные результаты котораго замѣтны еще и теперь. Но идеализмъ прогрессивныхъ городскихъ массъ не могъ примириться съ новымъ теченіемъ. Между представителями большихъ городовъ, Парижа, Ліона, Марсея и Бордо образовалась та радикальная партія, которая противопоставляла себя республиканцамъ лагеря Гамбетты. Чѣмъ болѣе усиливалась реакція въ этомъ лагерѣ, тѣмъ рѣзче дѣлался и антагонизмъ между обоими теченіями и развитіе самихъ политическихъ событій создавало каждый день новыя причины для столкновенія.

Первымъ важнымъ вопросомъ, по поводу котораго произошло главное сраженіе между обѣими партіями, былъ вопросъ объ амнистии. Отношеніе къ тѣмъ и другимъ къ этому вопросу было лучшимъ показателемъ настроенія, господствовавшего тогда въ обоихъ лагеряхъ.

Будущій вождь крайней радикальной лѣвой Клемансо еще въ 1876 году выставилъ полную амнистію всѣхъ осужденныхъ по событіямъ коммуны и находящихся въ изгнаніи или въ заточеніи, какъ пунктъ своей избирательной программы. Клемансо соглашался, что можно осуждать самую сущность событій коммуны, но нельзя было отрицать, что коммуна была политическимъ движеніемъ, въ которомъ принимали участіе самые живые городскіе элементы, искренно думавшіе, что борются за спасеніе республики. Первымъ дѣломъ республиканской палаты должна явиться амнистія, тѣмъ болѣе, что послѣ событій коммуны прошло шесть лѣтъ и пора было предать ихъ забвенію.

Друзья Гамбетты, наоборотъ, приспособились къ господствовавшимъ въ буржуазныхъ и деревенскихъ слояхъ населенія представленіямъ о коммунѣ и отказывались отъ всякой амнистии.

Борьба въ пользу амнистии особенно разгорѣлась въ 1879 году, когда власть вполне перешла въ руки республиканцевъ. Изъ важныхъ моментовъ этой борьбы за амнистію мы вспомнимъ только тѣ, въ которыхъ сталкиваются главные вожаки двухъ фракцій респуб-

¹⁾ Такъ она называлась по имени Бельвильскаго квартала въ Парижѣ, гдѣ Гамбетта выступилъ, какъ кандидатъ, во время законодательныхъ выборовъ 1869 года.

ликанской партіи. Со стороны радикаловъ, какъ мы замѣтили, выступалъ Клемансо. Въ сущности онъ былъ душою этой борьбы въ палатѣ. Онъ произнесъ нѣсколько рѣчей, которыя остаются лучшими образчиками диалектическаго краснорѣчія. Поводъ къ самому замѣчательному столкновению подало избраніе Бланки.

Послѣдній отсѣивалъ въ тюрьмѣ въ Клерво наказаніе не за самое участіе въ событіяхъ коммуны, — онъ былъ арестованъ раньше, а за народное движеніе 31 октября 1870 года. Это движеніе, направленное противъ правительства національной обороны, окончилось исполнѣм мирно. Бунтовщики помирились съ членами временнаго правительства, которыхъ сначала хотѣли арестовать. Самъ Бланки вышелъ изъ городской ратуши подъ руку съ генераломъ Тамизе. Съ своей стороны правительство въ виду такого мирнаго исхода обѣщало никого не преслѣдовать. Но четыре мѣсяца спустя оно измѣнило своему слову и въ началѣ марта приказало арестовать Флуранса и Бланки. Первый успѣлъ скрыться, а второй былъ схваченъ, когда готовился перебраться черезъ швейцарскую границу. Съ тѣхъ поръ сѣдоюлся республиканецъ, прошедшій большую часть жизни въ тюрьмахъ юльской монархіи и второй имперіи, снова сидѣлъ въ тюрьмѣ Клерво. Здѣсь онъ узналъ о томъ, что 20 апрѣля 1879 года городъ Бордо, чтобы выразить ему сочувствіе и ускорить его освобожденіе, избралъ его своимъ депутатомъ. Это было указаніе правительству помиловать Бланки. Но министерство Ваддингтона, одно изъ самыхъ реакціонныхъ республиканскихъ министерствъ, сохранявшее самыя близкія отношенія съ клерикалами праваго центра, оставило Бланки въ тюрьмѣ. Парламентская коммиссія, утверждавшая выборы, сообразуясь съ поведеніемъ правительства, внесла въ палату 26 мая 1879 г. докладъ, объявившій Бланки неизбираемымъ.

Клемансо потребовалъ слова по этому поводу. Онъ не входилъ въ сущность дѣла, а занялся вопросомъ, насколько законно слѣдовала коммиссія. Обнаруживъ полное знаніе конституціоннаго права, Клемансо указалъ на двѣ незаконности, совершенныя коммиссіей. Первая состояла въ томъ, что коммиссія рѣшила дѣло въ отсутствіе заинтересованнаго лица, т. е. Бланки. Разъ онъ былъ избранъ, онъ имѣлъ право явиться и защищать свое избраніе. Въ этомъ случаѣ имперія оказывалась либеральнѣе республики; она допустила Анри Рошфора, обѣжавшаго въ Бельгію въ 1869 г., послѣ приговора къ шести мѣсяцамъ тюремнаго заключенія, вернуться во Францію и защищать въ Парижѣ свою кандидатуру — Рошфоръ былъ только кандидатомъ и все-таки Наполеоновское правительство оставило исполненіе приговора, а Бланки былъ чѣмъ-то большимъ, онъ былъ облеченъ народнымъ довѣріемъ, былъ носителемъ полномочія. Вторая ошибка коммиссии состояла въ томъ, что она взяла на себя роль, которая принадлежала палатѣ. Послѣдняя представляетъ верховную власть, которая рѣшаетъ, избираемъ депутатъ или нѣтъ.

Въ этотъ день Клемансо говорилъ не какъ политикъ и республиканецъ, а какъ юристъ и защитникъ правовой идеи¹⁾.

¹⁾ Discours à la Chambre des députés, Journal officiel d. 1879, p. 4381 etc.

3-го іюля того же 1877 г. вопросъ снова былъ поднятъ. Клемансо снова просилъ слова, но на этотъ разъ въ немъ говорило негодованіе республиканца, присутствовавшего при совершеніи крупной несправедливости.

Палата, которая уже тогда начала проявлять паническій страхъ передъ министерскими кризисами, колебавшими прочность республиканскаго режима, въ этомъ спорѣ Клемансо съ правительствомъ высказалась въ пользу послѣдняго.

Клемансо и его друзья, воспользовавшись паденіемъ министерства Ваддингтона появленіемъ новаго министерства Фрейсине 22 января 1880 г. внесли новое предложеніе всеобщей амнистіи.

Оно имѣло ту же участь, что и первое предложеніе, съ тою разницею, что на этотъ разъ сторонниковъ амнистіи оказалось гораздо больше, чѣмъ раньше. Подъ вліяніемъ агитаціи, которая велась и въ палатѣ и внѣ ея, правительство оказало болѣе слабое сопротивленіе. Фрейсине обѣщала амнистію, но въ отдаленномъ будущемъ, когда улягутся всѣ воспоминанія прошлаго.

Этотъ относительный успѣхъ усилилъ надежды радикаловъ и они стали вести борьбу съ большою энергіей. Другъ Клемансо Пельтанъ началъ въ газетѣ *«La Justice»* серію очерковъ, подъ заглавіемъ: «Кровавая Майская Недѣля», въ которыхъ рѣзко представлялъ свирѣпость и жестокость побѣдителей. Въ то же время газеты печатали получавшіяся черезъ жившаго въ Женевѣ Рошфора письма отъ сосланныхъ въ Новую Каледонію, полныя описаніями тяжкихъ лишеній и страданій, которыя они переносятъ.

Въ городскихъ массахъ и особенно въ парижскомъ населеніи стало подниматься чувство сильнаго нетерпѣнія. Амнистія сдѣлалась общимъ желаніемъ, предметомъ публичныхъ собраній и политической почвой, на которой рѣшались всѣ частичные выборы, какъ законодательные, такъ и городскіе. Изъ послѣднихъ особенную извѣстность приобрѣло избраніе Тринке 20 іюля 1880 г.; эта избирательная демонстрація получила большое значеніе благодаря двумъ важнымъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, Тринке былъ членомъ коммуны, помилованнымъ въ 1879 году, а, во-вторыхъ, онъ былъ избранъ въ знаменитомъ Бельвильскомъ округѣ (XX парижскій кварталъ), депутатомъ котораго былъ Гамбетта. Всесильный предсѣдатель палаты, настоящій повелитель Франціи получалъ отъ собственныхъ избирателей весьма чувствительный ударъ. На другой день въ палатѣ въ отвѣтъ на ироническія рукоплесканія правой и на прозрачный намекъ Поля де-Кассаньяка, Гамбетта старался увѣрить всѣхъ, что этотъ выборъ «не имѣетъ значенія и не будетъ имѣть завтрашняго дня». Нѣтъ! Гамбетта былъ уязвленъ въ самое чувствительное мѣсто; пострадало его безграничное тщеславіе. Онъ видѣлъ, что его популярности среди массъ разсѣивалась какъ облако подъ сильнымъ вѣтромъ радикальной и социалистической оппозиціи. Выборъ Тринке вывелъ Гамбетту изъ ослѣпленія властью, онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе вернуть утраченную популярность и высказался въ пользу амнистіи, которая и была тогда принята палатой. Но честь осуществленія ея принадлежитъ Клемансо. Этимъ и завершился вопросъ, на которомъ два года сосредоточивалась вся политическая жизнь Франціи.

III.

Успѣхъ амнистiи показалъ радикаламъ, что только путемъ борьбы противъ умѣренныхъ можно добиться осуществленiя республиканскаго идеала.

Сопротивленіе, которое оказала по этому сравнительно мало-важному вопросу еще колебавшаяся въ своемъ оппортунистскомъ духѣ умѣренная республиканская партія, ясно указало на тѣ будущія трудности, которыя должна была встрѣтить на своемъ пути крайняя лѣвая. Чтобы дать большую силу своей оппозиціи, Клемансо основалъ ежедневную газету «*La Justice*», первый номеръ которой вышелъ еще 15 января 1880 года.

Изъ передовой статьи этого перваго номера видно, что Клемансо уже отдавалъ себѣ отчетъ въ упадкѣ республиканской партіи и старался разграничить доктрину оппортунизма отъ доктрины молодой радикальной лѣвой.

Первое обвиненіе, которое Клемансо выставилъ противъ республиканской партіи, была ея бездѣтельность. «Десять лѣтъ прошли съ тѣхъ поръ, какъ провозглашена республика, а еще ничего не сдѣлаво», пишетъ Клемансо. Отвѣтственность за это печальное положеніе падаетъ, по его мнѣнію, на тѣ остальные общественные элементы, на которые хотѣла опереться республиканская партія. «Виновата—вѣчная буржуазія 1830 г., мастера на полумѣры, которыхъ пугаетъ движеніе и беспокоитъ идеи». Отсюда—страхъ реформъ, готовность пожертвовать всемъ для спасенiя министерства, для обезпеченiя ему мирнаго и долгаго существованiя.

Къ несчастью, эти министерства, для спокойствiя которыхъ прилагалось столько заботъ и усилій, распадались сами, какъ плохо сколоченная телега, колеса которой при первомъ движеніи валялись на все четыре стороны.

Для выхода изъ этого застоявшагося болота необходимо было мощное усиліе на пути реформъ.

Хотя «*La Justice*» и выходила номинально подъ главной редакціей Клемансо, но, кромѣ этой первой статьи, онъ писалъ тамъ очень рѣдко. Его мѣсто заступалъ Камилль Пельтанъ. Послѣдній защищалъ радикальную программу, можетъ быть, съ меньшей глубиной, но съ рѣдкимъ писательскимъ талантомъ. Клемансо сосредоточивалъ все свои усилія на парламентской дѣятельности. Отъ времени до времени онъ устраивалъ большія публичныя собранія, приобретавшія характеръ цѣлыхъ событій.

Однимъ изъ первыхъ устроенныхъ имъ собраній было собраніе въ циркѣ Фернандо, въ воскресенье 11 апрѣля 1880 года. Въ этотъ день Клемансо, окруженный друзьями, между которыми былъ и основатель импрессионистской школы художникъ Мане, при громадномъ стеченіи народа отдавалъ отчетъ въ своей парламентской дѣятельности.

Мы не будемъ подробно останавливаться на длинной рѣчи Клемансо, которая, какъ и все его рѣчи, была на другой день напечатана in extenso въ «*La Justice*». Отмѣтимъ только выраженное въ ней рѣзко оппозиціонное отношеніе Клемансо къ новому министерству Фрейсине.

Хотя новый кабинетъ и состоялъ изъ болѣе прогрессивныхъ элементовъ, но онъ поставилъ себѣ только одну цѣль: продлить собственное существованіе. Все искусство Фрейсине заключалось въ ловкой эквилибристикѣ между сенатомъ и палатой и между разными составлявшими ихъ республиканскими фракціями.

«Такимъ образомъ,—говорилъ Клемансо,—стремленіе избѣгнуть рѣшительнаго кризиса привело къ вѣчному кризису».

Политикъ ожиданія Клемансо предлагалъ противопоставить политику реформъ. «Мы можемъ сохранить республику,—говорилъ онъ дальше,—только подъ условіемъ организовать ее, дать ей учрежденія, необходимыя для ея функционированія, для ея прогрессивнаго развитія».

Изъ реформъ, въ которыхъ чувствовалась настоятельная необходимость, онъ выставлялъ свободу печати и собраній и преобразование городскихъ соѣтовъ. Но главнымъ боевымъ кликомъ Клемансо и всей радикальной партіи оставалась борьба съ клерикализмомъ. Практически она сводилась къ отдѣленію церкви отъ государства, къ запрещенію духовныхъ орденовъ и къ введенію обязательной воинской повинности для семинаристовъ. Въ глазахъ Клемансо духовенство продолжало быть главнымъ врагомъ развитія гражданскаго общества. Церковь и государство были двумя взаимно исключаящими одна другую силами.

Но проведеніе какъ этихъ, такъ и другихъ широкихъ реформъ встрѣчало два препятствія. Первое было въ самой республиканской партіи, въ происшедшемъ въ ея взглядахъ переломѣ; другое представляла конституція третьей республики. Клемансо высказывался противъ президентской власти сохранившей всѣ атрибуты монархической безъ права наследованія. Онъ высказывался и противъ существованія сената, созданнаго, по признанію докладчика конституціоннаго проекта 1875 г., Лефебра-Поктальса, чтобы служить плотиною демократической волнѣ. Таковы, въ краткихъ словахъ, основныя идеи программной рѣчи Клемансо.

Здѣсь, на собраніи, въ циркѣ Фернандо Клемансо въ первый разъ вошелъ въ столкновеніе съ новымъ коллективистскимъ движеніемъ. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ рабочіе делегаты, собравшіеся въ Марсели, создали первую рабочую программу.

Коллективизмъ появился впервые во Франціи съ 1878 года, когда начала выходить газета «*l'Egalité*». Во главѣ ея стоялъ Жюль Гедъ, Габріель Девиль, Лабисьеръ и еще нѣкоторые другіе молодые люди. Самый выдающійся изъ нихъ былъ Жюль Гедъ, сдѣлавшійся на всю жизнь неутомимымъ апостоломъ новой доктрины.

Партизаны новаго ученія съ свѣжимъ воодушевленіемъ и большою самоувѣренностью, которую имъ сообщалъ научный характеръ ихъ доктрины, горѣли нетерпѣніемъ помѣряться силами съ опытнымъ вождемъ крайней лѣвой. Монмартрскій кварталъ, гдѣ происходило собраніе, былъ, съ своимъ рабочимъ населеніемъ, самымъ подходящимъ полемъ для сраженія такого рода. Побѣда осталась на сторонѣ Клемансо, но онъ былъ обязанъ этой побѣдой скорѣе большой популярности, которою пользовался и своему ораторскому таланту, чѣмъ логикѣ своихъ отвѣтовъ. Его противники,

полуграмотные рабочіе. выражались плохо, что еще болѣе затрудняло пониманіе ихъ новыхъ и незнакомыхъ для публики доктринъ. Клемансо заключилъ свой отвѣтъ слабыми аргументомъ *ad hominem* — анекдотомъ. Онъ напомнилъ своимъ слушателямъ случай съ Касимъ Граксомъ. Рижскіе патриціи, которые не могли клеветой уничтожить знаменитаго трибуна въ глазахъ народа, прибѣгли къ хитрому средству: они подкупили Ливія Друза, который ходилъ неслѣдъ за Касимъ на собранія и носилъ каждому его предложенія дѣлать другое, еще болѣе крайнее.

Но Клемансо, нетерпѣливо желавшій покончить со своими противниками, забывалъ, что то же самое можно сказать и о немъ. И въ самомъ дѣлѣ, на другой же день «Le Temps» остроумно замѣтило, что по отношенію къ умѣренной республиканской партіи и ея вождямъ Клемансо игралъ роль Ливія Друза ¹⁾.

Отвѣчая на разныя позраженія, Клемансо для болѣе полного разъясненія вопроса предложилъ публичный диспутъ о коллективизмѣ. Но когда на другой день Гедъ, Девиль, Жанъ Лабюскьеръ и нѣкоторые другіе изъ авторитетныхъ представителей новаго теченія, не присутствовавшіе на предыдущемъ собраніи, публичнымъ письмомъ заявили, что съ радостью принимаютъ приглашеніе Клемансо, послѣдній отказался подъ различными предлогами.

Онъ самъ чувствовалъ свою слабость. Его излюбленные авторы и любимѣйшій изъ любимыхъ, Кондорсе, уже устарѣли. Въ ихъ чисто философскихъ и политическихъ доктринахъ Клемансо не могъ найти разрѣшенія современныхъ общественныхъ проблемъ. Но онъ не могъ переимѣнить своихъ основныхъ воззрѣній; онъ не видѣлъ въ новомъ ученіи ничего, кромѣ его матеріалистическихъ посылокъ и коммунистической тенденціи, прямо противоположныхъ республиканской доктринѣ, основанной на абсолютной морали и полной свободѣ личности. Это ученіе было еще болѣе несовмѣстимо съ собственными убѣжденіями Клемансо, съ индивидуализмомъ, который воспитало въ немъ пребываніе въ Соединенныхъ Штатахъ, притомъ онъ всегда могъ приписывать несовершенства своихъ идеаловъ скорѣе людямъ, предназначеннымъ осуществить ихъ, чѣмъ самимъ идеаламъ.

Кромѣ того, Клемансо несомнѣнно смотрѣлъ на себя, какъ на будущаго правителя Франціи. хотя это и не проглядывало ни въ рѣчахъ его, ни въ поступкахъ, по которымъ вовсе нельзя было сказать, чтобы онъ стремился къ власти. А, какъ политическій и государственный мужъ, онъ искалъ въ общественныхъ движеніяхъ только практическаго, т. е. осуществимаго. Скоро въ его программу послѣдовательно перешла большая часть практическихъ требованій такъ называемой рабочей партіи.

Едва прошло шесть мѣсяцевъ послѣ собранія въ циркѣ Фернандо, какъ Клемансо произнесъ другую публичную рѣчь 28 октября, въ Марселѣ.

Сравнивалъ марсельскую рѣчь съ рѣчью въ циркѣ Фернандо, мы замѣчаемъ несомнѣнный прогрессъ. Клемансо уже не прибѣгаетъ

¹⁾ «Le Temps», 15 Avril 1880.

къ любимому аргументу старыхъ республиканцевъ 1830—1848 годовъ о зависимости экономики отъ политики. Во время июльской монархіи такое противопоставленіе было объяснимо, такъ какъ народныя массы не имѣли политическихъ правъ и, слѣдовательно, были лишены возможности защищать свои экономическіе интересы.

Его рѣчь въ Марселѣ вращалась главнымъ образомъ вокругъ рабочихъ требованій насчетъ покровительства дѣтскому труду, сокращенія рабочаго дня для взрослыхъ; подъ конецъ Клемансо даже приветствовалъ тѣхъ самыхъ коллективистовъ, которыхъ въ циркѣ Ферриандо сравнивалъ съ Ливіемъ Друзомъ. Говоря о Марсельскомъ конгрессѣ, на которомъ въ первый разъ была официально принята новая коллективистская программа, Клемансо заключилъ такъ: «Это—четвертое сословіе формулируетъ свои требованія. Будемъ приветствовать эти новые общественные слов!»

Но всего больше Клемансо сходилъ съ самыми передовыми рядами демократіи на почвѣ политическихъ требованій.

Такъ, 28 мая того же 1880 года онъ энергически протестовалъ интерпелляціей въ парламентъ, по адресу тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Константа, по поводу произвольныхъ арестовъ, произведенныхъ полиціей во время одной манифестаціи на Père Lachèze. Нашлось только 28 депутатовъ, которые поддержали Клемансо.

Не болѣе удачна была и его интерпелляція о греческихъ дѣлахъ, которая познакомила насъ съ взглядами Клемансо по иностранной политикѣ. Эта интерпелляція имѣла мѣсто 5 марта 1881 года, при новомъ министерствѣ Ферри, смѣнившемъ павшій вслѣдствіе уступчивости клерикаламъ кабинетъ Фрейссине. Ферри обѣщалъ не допускать отправки боевыхъ запасовъ въ Грецію, которая готовилась къ войнѣ съ Турціей, и несмотря на свое обѣщаніе позволилъ вывезти большія количества пороха. Клемансо стоялъ за политику свободныхъ рукъ. Онъ хотѣлъ, чтобы Франція берегла всѣ свои силы для «вышей цѣли», возвращенія Эльзаса и Лотарингіи. Вотъ почему онъ протестовалъ противъ такой политики, которая могла запутать Францію въ разныя международныя осложненія. Онъ протестовалъ также и потому, что министерство не сдержало обѣщанія, даннаго парламенту, и этимъ показало, какъ мало оно считается съ правами послѣдняго. Но за порядокъ дня, предложенный Клемансо, высказалось всего 19 депутатовъ.

Въ двухъ другихъ случаяхъ Клемансо почти довелъ министерство до паденія: оно удержалось только благодаря перемѣненію голосовъ. Первый случай былъ 31 мая 1881 года при обсужденіи предложенія Бароде относительно пересмотра конституціи. Тогда Клемансо произнесъ одну изъ своихъ большихъ политическихъ рѣчей и въ ней выставилъ всѣ недостатки существующей конституціи. За его предложеніе высказалось 186 депутатовъ изъ 254.

Это солидное меньшинство стало еще значительнѣе, когда 26 іюля Клемансо сдѣлалъ интерпелляцію относительно срока будущихъ законодательныхъ выборовъ. Правительство тщательно скрывало цѣль выборовъ. Оно даже нарочно созывало запасныхъ солдатъ ва военное ученіе, для того чтобы отвлечь вниманіе своихъ противни-

ковъ. Но Клемансо разоблачилъ этотъ планъ. Онъ предсказалъ, что, вопреки пророчествамъ Ферри въ рѣчи, произне сенной имъ въ Эпиналь. въ будущей палатѣ будетъ ревизионистское большинство. За предложенный имъ порядокъ дня высказалось 201 депутатъ. противъ 214 правительственныхъ голосовъ.

IV.

Выборы были назначены на 21-е августа. Кабинетъ Ферри являлся на выборы съ значительнымъ активомъ. Подъ влияніемъ радикальной крайней лѣвой и Клемансо, или по собственной инициативѣ, но министерство Ферри провело въ палатѣ и въ сенатѣ нѣсколько основныхъ законовъ, напр., законъ о свободѣ печати, собраний и значительныя реформы по народному образованію. Кроме того, кабинетъ Ферри выказалъ довольно большую энергію въ борьбѣ противъ клерикализма и распустилъ около 400 конгрегацій. Но этого было недостаточно, чтобы обезоружить радикальную оппозицію. Она судила о министерствѣ не только по тому, что оно сдѣлало, но и по тому, что оно должно было сдѣлать.

Клемансо открылъ избирательную агитацію въ газетѣ «La Justice», гдѣ сталъ печатать біографическія свѣдѣнія о всѣхъ депутатахъ, сопровождаемая отчетомъ объ ихъ дѣятельности въ палатѣ. Онъ долженъ былъ одновременно бороться и противъ молодой коллективистской оппозиціи и противъ официальнаго правительственнаго давленія. Оппозиція коллективистовъ проявилась еще во время муниципальных выборовъ въ январѣ того же 1881 года. Она возобновилась во время законодательныхъ выборовъ. Но коллективисты были еще слабо организованы и ихъ агитація не представляла большой опасности для Клемансо. Иначе обстояло дѣло съ агитаціей другихъ его противниковъ.

Въ томъ же самомъ Монмартрскомъ кварталѣ противъ Клемансо организовался умѣренно-республиканскій комитетъ, не только морально, но и матеріально поддерживаемый правительствомъ.

Въ это время Клемансо пользовался необыкновенной популярностью. Не только Парижъ, но и вся демократическая Франція видѣли въ его лицѣ самаго талантливаго представителя радикальной республиканской партіи. Онъ могъ самъ убѣдиться въ своей популярности во время путешествія въ провинцію въ октябрѣ предыдущаго года. Тогда Клемансо, выѣхавъ съ Нельтаномъ, ѣхалъ въ Итацію, чтобы представлять республиканскую Францію при открытіи памятника въ Монтонѣ, воздвигнутаго въ честь добровольцевъ Гарибальди, павшихъ подъ пулями солдатъ Наполеона III. По дорогѣ Клемансо остановился въ Марселѣ. Здѣсь и былъ ему оказанъ необыкновенно горячій и блестящій пріемъ.

Клемансо произнесъ свою первую избирательную рѣчь въ уже извѣстномъ циркѣ Фернандо 12 августа. Громадная зала была переполнена, множество публики стояло снаружи подъ окнами и на балконѣ, на которомъ Клемансо нѣсколько разъ долженъ былъ показаться. Его избирательный комитетъ, распространялъ избирательную программу, одобренную и подписанную Клемансо, какъ прог-

раму «всей республиканской демократіи». Эта большая программа, содержащая около двенадцати пунктовъ, есть въ сущности повтореніе бельвильской республиканской программы 1869 года. Въ программѣ Клемансо есть даже (гл. V) замѣна постоянныхъ войскъ народною милиціей; требованіе, формулировавшее также и въ старой бельвильской программѣ. Послѣ войны съ Германіей почти всѣ республиканцы сняли этотъ пунктъ съ своихъ программъ. Но пунктъ этотъ продолжалъ оказывать извѣстное обаятельное дѣйствіе на Парижъ, гдѣ институтъ національной гвардіи продолжалъ пользоваться большими симпатіями.

Изъ другихъ требованій новыми въ его программѣ являются главы XIV, XV и XVI, относящіяся къ покровительству труда и отсутствующія въ старой бельвильской программѣ.

Когда Клемансо кончилъ свою рѣчь и сѣлъ, когда прекратились бурныя рукоплесканія, густые ряды слушателей раздвинулись, чтобы дать дорогу неутомимымъ оппонентамъ изъ рабочей партіи. Сначала попросилъ слова рабочій Маесъ. Онъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ поднялся на трибуну, еще дрожавшую отъ рукоплесканій, вызванныхъ рѣчью суроваго оратора крайней лѣвой.

На этотъ разъ Клемансо являлся уже не совсѣмъ неподготовленнымъ. Онъ даже предупредилъ главъ рабочей партіи (такъ называли себя коллективисты), чтобы они явились на собраніе. Клемансо старался пользоваться ихъ же аргументами противъ нихъ самихъ. Такъ, въ отвѣтъ оратору онъ заявилъ, что принимаетъ минимальную программу рабочей партіи, за исключеніемъ второго пункта, требующаго: «минимума заработной платы, опредѣляемаго ежегодно, для каждой мѣстности, сообразно мѣстнымъ цѣнамъ на пищевые продукты». Клемансо находилъ это требованіе практически неосуществимымъ. «На какіе документы будемъ мы опираться при опредѣленіи этого минимума?» Спрашивалъ онъ: Давѣ онъ находилъ это требованіе еще бесполезнымъ, основываясь на брошюрѣ Жюля Гедэ о заработной платѣ.

При произнесеніи имени Гедэ въ толпѣ послышался возгласъ: «котораго вы очень боитесь!» но Клемансо продолжалъ, развивая знаменитый желѣзный законъ минимальной заработной платы ¹⁾.

Въ концѣ собранія 3000 присутствовавшихъ голосовали полное довѣріе своему депутату ¹⁾. Но въ общемъ на этотъ разъ Клемансо держался по отношенію къ коллективистамъ скорѣе оборонительной политики. Онъ старался быть мягкимъ и уступчивымъ и берегъ всю силу своего краснорѣчія для умѣренныхъ республиканцевъ и ихъ вождей — Ферри Гамбетты. Особенно послѣдній сдѣлался постоянной мишенью для нападокъ Клемансо. Друзья Гамбетты объяснили эту непримиримую войну завистью со стороны Клемансо. Но самъ онъ

¹⁾ La Justice (Discours du cirque Fernando in extenso 11 Août 1881). Гедэ отвѣтилъ Клемансо письмомъ отъ 29 августа, въ которомъ доказывалъ правоту гл. 2, приводя въ примѣръ муниципальные тарифы, выработанные именно на основаніи этого принципа. Что касается до желѣзнаго закона, то Гедэ считаетъ его просто агитационнымъ средствомъ. Это письмо напечатано въ третьемъ изданіи брошюры Гедэ: du loi des salaires et ses conséquences, Paris 1901.

объясняя эту борьбу тѣмъ исключительнымъ и опаснымъ для демократическихъ началъ положеніемъ, которое себѣ создалъ Гамбетта. Онъ сдѣлался настоящимъ диктаторомъ Франціи. Какъ истый монархъ, Гамбетта сажалъ и удалялъ министровъ, назначалъ генераловъ, посланниковъ и чиновниковъ. Министры только подписывали его рѣшенія. Такимъ образомъ онъ пользовался всеми привилегіями власти, не неся ей отвѣтственности.

Безграничная власть развила у Гамбетты чрезвычайно надменное отношеніе къ окружающимъ, которое, при его грубыхъ манерахъ, дѣлалось еще невыносимѣе. Клемансо никогда не могъ забыть, какъ Гамбетта съ своего предсѣдательскаго кресла, призывая его группу къ молчанію, закричалъ своимъ громовымъ голосомъ: «*Silence aux trente voix!*» ¹⁾). Борьба Клемансо противъ Гамбетты въ кулуарахъ палаты была давно извѣстна всѣмъ, но она получила особую остроту съ появленіемъ газеты «*La Justice*».

Тактика Клемансо была очень проста; онъ хотѣлъ заставить Гамбетту взять власть въ свои руки. Послѣ паденія кабинета Ваддингтона онъ публично приглашалъ его сдѣлать это.

Но друзья Гамбетты не поддавались на эти соблазнительныя предложенія. Они отвѣчали Клемансо: «Да, мы васъ понимаемъ; вы хотите *истощить* Гамбетту».

Клемансо защищался, говоря, что то, чего онъ хочетъ, вполне соотвѣтствуетъ логикѣ конституціоннаго управленія.

«Мы ограничились — писалъ онъ въ «*La Justice*» — тѣмъ, что констатировали, что большинство этой палаты имѣетъ главу, что этотъ глава не стоитъ у власти и что отъ этого происходитъ большое ослабленіе министерства и палаты. Министерство потому, что оно поставлено въ необходимость искать содѣйствія посторонней силы, роковымъ образомъ вынужденной подчинять его себѣ, и вслѣдствіе этого терять всякій нравственный авторитетъ. Палаты — потому, что, требуя отъ нея прочнаго большинства и отказывая ей въ то же время въ условіяхъ, необходимыхъ для образованія такого большинства, ее осуждаютъ на безсиліе» ²⁾).

Каждый день приносилъ новые элементы въ пользу Клемансо. Его обвиненія становились все опредѣленнѣе. Въ апрѣлѣ 1880 г. въ циркѣ Фернандо онъ открыто заявилъ, что политика Гамбетты носить въ исторіи «страшное имя диктатуры».

И Клемансо не упускалъ ни одного случая, на которомъ можно было бы показать это стремленіе Гамбетты. Онъ находилъ слѣды его даже въ самыхъ его рѣчахъ. На другой день послѣ знаменитой рѣчи Гамбетты въ пользу амнистіи Клемансо написалъ статью подъ заглавіемъ: «*le maître du pouvoir*». Онъ съ особенной настойчивостью подчеркивалъ слѣдующія фразы изъ рѣчи Гамбетты, гдѣ послѣдній выражается какъ настоящий монархъ: «Когда я изучилъ духовное состояніе моей страны, когда я констатировалъ ее усталость» и дальше: «Что касается до чувствъ Европы, я ихъ собралъ, я ихъ записалъ» и т. д. ³⁾).

¹⁾ Молчаніе тридцати голосамъ!

²⁾ *La Justice* du 18 Janvier 1880.

³⁾ *La Justice* 21 Juin 1880.

А что дѣлали въ это время отвѣтственные министры? Фрейсине, два-три мѣсяца тому назадъ откладывавшій амністію на неопредѣленный срокъ, теперь, послѣ повелительнаго жеста Гамбетты спѣшилъ самъ предложить ее. У министровъ не было собственной политики. Франція какъ будто даже не знала ихъ именъ. На официальныхъ празднествахъ личность Гамбетты заслоняла ихъ незначительныя персоны. Часто они даже не считали нужнымъ показываться въ такихъ торжественныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, празднества въ Шербургѣ. Это добровольное ступешаніе себя передъ Гамбеттою со стороны министровъ являлось даже предметомъ насмѣшекъ. Газеты разсказывали забавный анекдотъ о томъ, какъ одинъ фотографъ успѣлъ продать въ Шербургѣ цѣлую партію старыхъ портретовъ Леона Сея, выдавая ихъ за портреты министра Фрейсине.

Клемансо считалъ Гамбетту виновникомъ паденія Фрейсине. Гамбетта въ эту эпоху сдѣлался чрезвычайно воинственнымъ и миролюбивый, характеръ Фрейсине не соответствовалъ его планамъ; «тогда онъ дернулъ кое-какія ниточки и Фрейсине очутился внизу»¹⁾.

На митингѣ въ Марселѣ Клемансо снова возвращается къ Гамбеттѣ, который «властвуетъ безъ противовѣса, безъ контроля и безъ отвѣтственности». Онъ ставитъ Гамбетту даже ниже Тьера, такъ какъ послѣдній не избѣгалъ отвѣтственности.

Въ первое время борьба противъ Гамбетты находила слабый откликъ даже въ рядахъ крайней лѣвой. Гамбета былъ еще всесилень и немного находилось смѣлыхъ депутатовъ вроде Клемансо, рѣшавшихся открыто критиковать диктатора. Клемансо продолжалъ борьбу и во время выборовъ. Гамбетта сначала отвѣчалъ презрительнымъ молчаніемъ, потомъ онъ попробовалъ обезоружить Клемансо, внеся его имя въ списокъ парижскихъ кандидатовъ, которыхъ поддерживала его газета «La République Française». Но эта тактика была слишкомъ груба для того, чтобы достичь цѣли.

«La Justice» продолжала вести рѣзкую кампанію противъ Гамбетты, а самъ Клемансо постоянно выступалъ противъ него на публичныхъ собраніяхъ, гдѣ бороться противъ него было легче, чѣмъ въ парламентѣ. Тамъ Гамбетта еще сохранилъ все свое вліяніе, тогда какъ среди парижскаго населенія онъ достигъ уже высшаго предѣла непопулярности. Противъ него поднялись уже не только Клемансо и его друзья, но и демократы изъ лагеря Рошфора, который только что выпустилъ свой *Intransigent*, и бывшіе коммунары: Жюль Валесъ, Шарль Лонге и новыя коллективисты подъ предводительствомъ Гедэ, Брусса и Шофрена.

17 августа въ 10 часовъ вечера по улицѣ Сень-Блезъ въ гадошъ проѣзжалъ экипажъ, увозившій остатки прежняго величія Гамбетты. Одинъ часъ разрушилъ дѣло цѣлаго десятилѣтія. Гамбетта возвращался изъ собранія своихъ избирателей въ залъ Лакъ-Сень-Фаржо, и возвращался побѣжденнымъ. Избиратели не захотѣли даже выслушать его. Онъ умолялъ, онъ произносилъ слова: Сво-

¹⁾ La Justice 24 Septembre 1880.

бода, Франція, Европа; утомившись просьбами, онъ попробовалъ приказывать, онъ произносилъ гнѣвные, горячія и оскорбительныя слова по адресу этихъ «лѣннихъ рабовъ», онъ стучалъ палкой по столу, чтобы водворить молчаніе, но никто не хотѣлъ его слушать. И теперь Гамбетта прятался, Гамбетта бѣжалъ отъ собственныхъ избирателей, въ сопровожденіи вѣрнаго адъютанта Сиклера. И долго среди шума колесъ и воя вѣтра ему чудились крики: «долой эгоиста! Долой диктатора!».

Во время выборовъ Гамбета, постановившій свою кандидатуру въ двухъ кварталахъ Бельвиля, при сильномъ административномъ давленіи былъ избранъ только въ одномъ изъ нихъ и то всего 17-ю голосами большинства. Въ другомъ округѣ прошелъ одинъ изъ друзей Клемансо, редакторъ Тони Ревильонъ.

За то Клемансо былъ избранъ въ Монмартръ подавляющимъ большинствомъ въ 12,500 голосовъ (за—16.000, противъ 3,500).

Такъ окончилась первая фаза энергической борьбы двухъ холмовъ: Авентина и Палатина,—Монмартра и Бельвиля.

VI.

Распределение партій въ новомъ парламентѣ было таково:

Крайняя лѣвая, во главѣ которой стоялъ Клемансо и которая называлась еще группой радикаловъ-соціалистовъ насчитывала около 50 человекъ. За ними умѣренные радикалы, которые шли иногда съ Клемансо, иногда съ Гамбеттою. Всего многочисленнѣе были партизаны послѣдняго. Они назывались то республиканцами «безъ ярлыка», то республиканцами прогрессистами. Позднѣе они стали извѣстны подъ именемъ оппортунистовъ, республиканскаго центра, или умѣренныхъ республиканцевъ. Въ это время въ палатѣ существовала еще маленькая группа старыхъ друзей Тьера, называвшихся лѣвымъ центромъ. За лѣвымъ центромъ шли разныя монархистскія группы палаты, всѣ вмѣстѣ составлявшія правую. Но здѣсь мы должны замѣтить одно важное обстоятельство. Во Франціи тогда (какъ и теперь) отсутствовали *организованныя* политическія партіи. Тѣ, которые считались вождями, не получали никакихъ избирательныхъ санкцій. Напримѣръ республиканское большинство признавало вождемъ Гамбетту, но на такое же положеніе претендовала и Жюль Ферри. Отсюда—закулисныя интриги и борьба между личностями республиканской партіи. Въ радикальной лѣвой борьба шла между Флокке, Бриссономъ, Гобле, Фрейсине. Каждый изъ нихъ хотѣлъ считаться вождемъ. Одинъ только Клемансо не имѣлъ въ своемъ маленькомъ кружкѣ соперниковъ.

Гамбетта все таки, несмотря на сильное нежеланіе, вынужденъ былъ въ концѣ концовъ взять власть въ свои руки. Другія главы республиканской партіи, хотя и шли съ нимъ за одно, но тайно интриговали противъ него. Чтобы изолировать его большая часть ихъ Фрейсине, Ферри, Леонъ Сэ, которыхъ онъ звалъ вступить въ его кабинетъ отказались.

Клемансо тоже продолжалъ свою борьбу, но велъ ее прямо и честно.

Новая палата въ большинствѣ была за пересмотръ конституціи. Гамбетта раздѣлялъ эту программу, но онъ хотѣлъ, ограниченнаго, частичнаго, заранѣе опредѣленнаго пересмотра, тогда какъ палата была за неограниченный пересмотръ. Она хотѣла, чтобы будущее національное собраніе было самостоятельнымъ и неограничено въ своихъ дѣйствіяхъ. Именно Клемансо сдѣлался горячимъ защитникомъ этого положенія. Палата высказалась въ пользу его 268-ю голосами противъ 218. Это голосованіе вызвало паденіе Гамбетты и второе появленіе Фрейссине въ качествѣ министра-президента. Это былъ второй и послѣдній фазисъ борьбы Гамбетты и Клемансо ¹⁾.

Чтобы избѣжать столкновенія съ сенатомъ, который былъ за частичный пересмотръ, новое министерство отложило обсужденіе конституціоннаго вопроса до болѣе благоприятнаго времени. Тогда поднялся Клемансо и потребовалъ отъ палаты, чтобы она помимо воли министра, привела въ исполненіе уже принятое рѣшеніе. Но боясь новаго министерскаго кризиса, палата отбросила предложеніе Клемансо 357-ю голосами противъ 66. Но и этому новому министерству, суждено было пасть подъ ударами Клемансо, что и случилось во время дебатовъ по египетскому вопросу.

Въ томъ же году, 29 іюня Клемансо спросилъ слова въ палатѣ и сталъ защищать предложеніе Делатра, по которому государство должно было возратить себѣ землю, отпущенную Версальскимъ національнымъ собраніемъ на высотахъ Монмартра, для того, чтобы воздвигнуть тамъ искупительный памятникъ, храмъ „Sacré Cœur“. Палата, несмотря на сопротивленіе Гобле приняла это предложеніе 261 голосомъ противъ 198. Но оно осталось безъ исполненія и церковь была выстроена.

Мѣсяцъ спустя, послѣ преній относительно базилики Sacré Cœur въ палатѣ былъ возбужденъ египетскій вопросъ. Извѣстно, что Англія приглашала Францію принять участіе въ подавленіи египетскаго возстанія. Клемансо рѣшительно высказался противъ этого участія. Онъ, можетъ быть одинъ во всей Европѣ, возвышалъ голосъ въ пользу великодушной и гуманной политики. Онъ энергически взялъ на себя защиту египетскихъ феллаховъ, которыхъ грабили и притѣсняли и мѣстные и иностранные ростовщики и чиновники. Онъ говорилъ противъ скандальныхъ привилегій чиновниковъ изъ Европы, получающихъ царское жалованье и составляющихъ для мѣстнаго населенія невыносимое бремя. „Что же удивительнаго, что египтяне возстали при всѣхъ этихъ условіяхъ!“.

Такія рѣчи были чѣмъ то новымъ, неслыханнымъ во французскомъ парламентѣ XIV столѣтія. Националисты искатели военной славы, партизаны колониальной политики изъ всѣхъ лагерей повели борьбу противъ рекомендуемаго Клемансо воздержанія въ этомъ вопросѣ. Одинъ изъ нихъ Жюль Лемуанъ еще до рѣчи Клемансо

¹⁾ Друзья Гамбетты никогда не могли простить Клемансо его участіе въ паденіи ихъ главы. Свидѣтельствомъ служатъ двѣ книги Жозефа Рейнака, самаго близкаго сотрудника Гамбетты. Первая изъ нихъ „Le Ministre Gambetta“, разсказываетъ исторію этого министерства, а вторая „Le Ministre Clemenceau (1896)“ — фантастическій памфлетъ, направленный исключительно противъ вождя крайней лѣвой.

ѣдно подсмѣивался надъ нимъ: „Мы, кажется, сдѣлаемся очень счастливы, писалъ онъ въ *Journal des Debats* — мы не хотимъ больше имѣть исторіи“.

Позднѣе, 29 октября того же года, на большомъ публичномъ собраніи въ циркѣ Фернандо, Клемансо снова говорилъ о принципахъ, которыми должна руководиться иностранная политика третьей республики. Путь ея въ этомъ отношеніи былъ предначертанъ дѣятелями французской революціи. И Клемансо прочелъ своимъ слушателямъ слѣдующую высокогуманную декларацію, составленную Вольенсомъ и принятую національнымъ собраніемъ 1789 года.

„Несмотря на чрезвычайныя вооруженія сосѣднихъ державъ, національное собраніе, въ первый разъ бросая взглядъ за предѣлы Имперіи, и желая обнаружить принципы, которыми оно будетъ руководствоваться въ своихъ внѣшнихъ сношеніяхъ, торжественно заявляетъ:

1) во первыхъ провозглашаетъ общность человѣческаго рода, составляющаго одно общество, цѣль котораго — миръ и счастье всѣхъ и каждаго изъ его членовъ.

2) Что въ этомъ обществѣ и народы и государства разсматриваются какъ личности, пользуются тѣми же самыми естественными правами и подчиняются тѣмъ же самымъ правиламъ справедливости, какъ и личности въ частныхъ и вторичныхъ обществахъ.

3) Что поэтому ни одинъ народъ не имѣетъ права захватить собственность другого народа, ни лишать его свободы или его естественныхъ преимуществъ.

4) Что всякая война, предпринятая по другому поводу и съ иной цѣлью, нежели защита права, — есть актъ насилія, который большое общество должно подавить, такъ какъ захватъ одного государства — другимъ, угрожаетъ свободѣ и безопасности всѣхъ.

Поэтому національное собраніе установило и устанавливаетъ, какъ членъ французской конституціи, что нація, съ этого момента, не позволитъ себѣ предпринять никакой войны, клонящейся къ увеличенію ея теперешней территоріи“¹⁾.

Но вернемся къ дебатамъ по египетскому вопросу. Кромѣ общаго принципиальнаго аргумента, который Клемансо противопоставлялъ націоналистской политикѣ, онъ приводилъ и другія соображенія, проистекающія отъ теперешняго положенія дѣлъ. Какъ при преніяхъ по греческимъ дѣламъ, такъ и теперь вождь радикаловъ напоминалъ объ исключительномъ международномъ положеніи Франціи. Онъ былъ склоненъ видѣть въ Египетской экспедиціи интригу и подстрекательство Бисмарка²⁾.

„Можетъ быть хотятъ насъ разсѣять по берегамъ Африки, говорилъ Клемансо, такъ же какъ Австрію посылали въ Боснію и Герцеговину, насъ посылаютъ въ Тунисъ и Египетъ“³⁾.

Послѣднія слова оказали дѣйствіе и на тѣхъ депутатовъ, на которыхъ не имѣли вліянія аргументы общаго характера. Требуе-

¹⁾ Discours au cirque Fernando (la Justice 2 Nov. 1882).

²⁾ Замѣчательно, что теперь черезъ 20 лѣтъ нѣкоторые англичане пришли къ той же мысли, т. е. что Бисмаркъ толкнулъ ихъ на эту экспедицію.

³⁾ Discours sur la question Egyptienne du 29 Juillet 1882 (en brochure).

Новая палата въ большинствѣ была за пересмотръ конституціи. Гамбетта раздѣлялъ эту точку зрѣнія, но онъ хотѣлъ, ограниченного, частичнаго, заранее опредѣленнаго пересмотра, тогда какъ палата была за неограниченный пересмотръ. Она хотѣла, чтобы будущее національное собраніе было самостоятельнымъ и неограничено въ своихъ дѣйствіяхъ. Именно Клемансо сдѣлалъ горячій защитникъ этого положенія. Палата высказалась въ пользу его 268-ю голосами противъ 218. Это голосованіе вызвало паденіе Гамбетты и второе появленіе Фрейсине въ качествѣ министра-президента. Это былъ второй и послѣдній фазисъ борьбы Гамбетты и Клемансо¹⁾.

Чтобы избѣжать столкновенія съ сенатомъ, который былъ за частичный пересмотръ, новое министерство отложило обсужденіе конституціоннаго вопроса до болѣе благоприятнаго времени. Тогда поднялся Клемансо и потребовалъ отъ палаты, чтобы она помимо воли министра, привела въ исполненіе уже принятое рѣшеніе. Но боясь новаго министерскаго кризиса, палата отбросила предложеніе Клемансо 357-ю голосами противъ 66. Но и этому новому министерству, суждено было пасть подъ ударами Клемансо, что и случилось во время дебатовъ по египетскому вопросу.

Въ томъ же году, 29 іюня Клемансо спросилъ слова въ палатѣ и сталъ защищать предложеніе Делатра, по которому государство должно было возвратить себѣ землю, отпущенную Версальскимъ національнымъ собраніемъ на высотахъ Монмартра, для того, чтобы воздвигнуть тамъ искупительный памятникъ, храмъ „Sacré Coeur“. Палата, несмотря на сопротивленіе Гобле приняла это предложеніе 261 голосомъ противъ 198. Но оно осталось безъ исполненія и церковь была выстроена.

Мѣсяцъ спустя, послѣ преній относительно базилики Sacré Coeur въ палатѣ былъ возбужденъ египетскій вопросъ. Извѣстно, что Англія приглашала Францію принять участіе въ подавленіи египетскаго возстанія. Клемансо рѣшительно высказался противъ этого участія. Онъ, можетъ быть одинъ во всей Европѣ, возвышалъ голосъ въ пользу великодушной и гуманной политики. Онъ энергически взялъ на себя защиту египетскихъ феллаховъ, которыхъ грабили и притѣсняли мѣстные и иностранные ростовщики и чиновники. Онъ говорилъ противъ скандальныхъ привилегій чиновниковъ изъ Европы, получающихъ царское жалованье и составляющихъ для мѣстнаго населенія невыносимое бремя. „Что же удивительнаго, что египтяне возстали при всѣхъ этихъ условіяхъ!“.

Такія рѣчи были чѣмъ то новымъ, неслышаннымъ во французскомъ парламентѣ XIV столѣтія. Националисты искатели военной славы, партизаны колониальной политики изъ всѣхъ лагерей повели борьбу противъ рекомендуемаго Клемансо воздержанія въ этомъ вопросѣ. Одинъ изъ нихъ Жанъ Лемуанъ еще до рѣчи Клемансо

¹⁾ Друзья Гамбетты никогда не могли простить Клемансо его участіе въ паденіи ихъ главы. Свидѣтельствомъ служатъ двѣ книги Жюль Жюльена, самаго близкаго сотрудника Гамбетты. Первая „Le Ministre Gambetta“, рассказываетъ исторію министерства, а вторая „Le Ministre Clemenceau“, политическій памфлетъ, направленный исключительно противъ вожди крайней лѣвой.

ѣдко подсмѣивался надъ нимъ: „Мы, кажется, сдѣлаемся очень счастливы, писалъ онъ въ *Journal des Debats* — мы не хотимъ больше имѣть исторіи“.

Позднѣе, 29 октября того же года, на большомъ публичномъ собраніи въ циркѣ Фернандо, Клемансо снова говорилъ о принципахъ, которыми должна руководиться иностранная политика третьей республики. Путь ея въ этомъ отношеніи былъ предначертанъ дѣятелями французской революціи. И Клемансо прочелъ своимъ слушателямъ слѣдующую высокогуманную декларацію, составленную Вольтеемъ и принятую національнымъ собраніемъ 1789 года.

„Несмотря на чрезвычайныя вооруженія со стороны Имперіи, и желая обнаружить принципы, которыми оно будетъ руководствоваться въ своихъ внѣшнихъ сношеніяхъ, торжественно заявляеть:

1) во первыхъ провозглашаетъ общность человѣческаго рода, составляющаго одно общество, цѣль котораго — миръ и счастье всѣхъ и каждаго изъ его членовъ.

2) Что въ этомъ обществѣ и народы и государства разсматриваются какъ личности, пользуются тѣми же самыми естественными правами и подчиняются тѣмъ же самымъ правиламъ справедливости, какъ и личности въ частныхъ и вторичныхъ обществахъ.

3) Что поэтому ни одинъ народъ не имѣетъ права захватить собственность другого народа, ни лишать его свободы или его естественныхъ преимуществъ.

4) Что всякая война, предпринятая по другому поводу и съ иной цѣлью, нежели защита права, — есть актъ насилія, который большое общество должно подавить, такъ какъ захватъ одного государства — другимъ, угрожаетъ свободѣ и безопасности всѣхъ.

Поэтому національное собраніе установило и устанавливаетъ, какъ членъ французской конституціи, что нація, съ этого момента, не позволитъ себѣ предпринять никакой войны, клонящейся къ увеличенію ея теперешней территоріи“¹⁾.

Но вернемся къ дебатамъ по египетскому вопросу. Кромѣ общаго принципиальнаго аргумента, который Клемансо противопоставлялъ націоналистской политикѣ, онъ приводилъ и другія соображенія, проистекающія отъ теперешняго положенія дѣлъ. Какъ при преніяхъ по греческимъ дѣламъ, такъ и теперь радикаловъ напоминалъ объ исключительномъ международномъ положеніи Франціи. Онъ былъ склоненъ видѣть въ египетской экспедиціи интригу и подстрекательство Висмарка²⁾.

„Можетъ быть, хотятъ насъ разсѣять по берегамъ Африки, говорилъ Клемансо, такъ же какъ Австрію посылали въ Боснію и Герцеговину, насъ посылаютъ въ Тунисъ и Египетъ“³⁾.

Послѣднія слова оказали дѣйствіе и на тѣхъ депутатовъ, на которыхъ не имѣли вліянія аргументы общаго характера. Требуе-

¹⁾ Discours au cirque Fernando (la Justice 2 Nov. 1882).

²⁾ Замѣчательно, что теперь черезъ 20 лѣтъ нѣкоторые англичане пришли къ той же мысли, т. е. что Висмаркъ толкнулъ ихъ на эту экспедицію.

³⁾ Discours sur la question Egyptienne du 29 Juillet 1882 (en brochure).

мый Фрейсине кредитъ былъ отвергнутъ 416 голосами противъ 75 и министерство пало.

Еще при первомъ появленіи новаго министерства Дюклера, когда оно объявило, что будетъ управлять съ поддержкой „республиканской середины“, т. е. центра (умѣренныхъ) „радикаловъ“, Клемансо, отъ имени крайней лѣвой, объявилъ, что отказывается ему въ довѣріи. Это было наканунѣ лѣтнихъ вакацій. Депутаты спѣшили разойтись по домамъ и дали новому кабинету нѣсколько времени спокойнаго существованія.

Клемансо готовился къ новой борьбѣ. Передъ открытіемъ палаты онъ созвалъ своихъ избирателей въ извѣстный циркъ Фернандо 29 октября въ воскресенье.

Клемансо шелъ на собраніе не съ тѣмъ только, чтобы отдать отчетъ въ своей депутатской дѣятельности, ни съ тѣмъ чтобы изложить планъ своей будущей компаніи.

Но и на этотъ разъ въ собраніе явились коллективисты и притомъ въ такомъ большомъ числѣ, что могли избрать предсѣдателя собранія... одного изъ своихъ. Они вполне раздѣляли критическое отношеніе Клемансо къ правительству, но находили его всетаки недостаточнымъ. Они находили, что Клемансо видитъ только проявленія зла и не замѣчаетъ добра, что онъ не понимаетъ того, что за отвѣтственностью личности скрывается огромная и страшная отвѣтственность цѣлаго режима, цѣлой общественной системы. Рѣчь Клемансо прерывалась и сопровождалась различными возраженіями и никакого рѣшенія принято не было.

Министерство Дюклера послѣ шестимѣсячнаго существованія пало въ концѣ января 1889 г. на вопросъ объ изгнаніи претендентовъ.

Въ то время, какъ оно было у власти начинались жаркіе дебаты по вопросу о судьяхъ. Они длились двѣ недѣли и Клемансо произнесъ нѣсколько рѣчей, въ которыхъ возвышенный тонъ не уступалъ политическому здравому смыслу. Для Клемансо и для радикальной партіи избираемость судей являлась вытекающей изъ самой сущности демократическаго правленія. Эта избираемость была введена въ эпоху революціи и законность ея была до такой степени очевидна, что и самъ Наполеонъ, значительно ограничивъ ее, все-таки не уничтожилъ.

У республиканскаго большинства появился особый страхъ передъ демократіей, который она боялась высказывать открыто, но который заставлялъ его отвергать всѣ истинныя демократическія реформы. Оно уже приспособилось къ этой республиканской по имени, но монархической по духу конституціи, которая сосредоточивала все въ рукахъ верховной власти и оставила такъ мало простора народной инициативѣ.

Инсаровъ.

(До слѣд. номера).

Воспоминанія украинскаго писателя объ И. С. Тургеневѣ.

Каждый новый, хотя иногда, можетъ быть, самъ по себѣ и незначительный, фактъ жизни великаго писателя прибавляетъ свою черту въ общую характеристику его личности. Къ такимъ матеріаламъ второстепеннаго значенія, но тѣмъ не менѣе интереснымъ, относятся ниже мною приводимыя воспоминанія украинскаго писателя объ И. С. Тургеневѣ.

Мое знакомство съ И. С. Тургеневымъ не было ни продолжительнымъ, ни близкимъ, но мнѣ посчастливилось наблюдать его съ тѣхъ сторонъ, съ которыхъ онъ менѣе извѣстенъ, а потому я считаю своею обязанностью внести и свою долю въ публичную память объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ.

Заочное знакомство мое съ И. С. началось въ 1873 г., когда одинъ его пріятель предложилъ мнѣ заняться разборомъ для печати бумагъ умершаго передъ тѣмъ дяди И. С.—ча, Николая Ивановича Тургенева, въ его домѣ въ Буживагѣ подлѣ Парижа, по сосѣдству съ домомъ, гдѣ проживалъ и И. С. Я, который жилъ тогда въ Италіи и собирался ѣхать во Францію, долженъ былъ списаться по этому дѣлу съ И. С. Но такъ какъ я долженъ былъ скоро ѣхать въ Россію, то мнѣ не пришлось воспользоваться этимъ предложеніемъ, о которомъ теперь говорю между прочимъ и для того, чтобъ напомнить, что съ тѣхъ поръ ничего не слышно о разборѣ и публикаціи бумагъ Н. И. Тургенева, которыя, конечно, должны заключать въ себѣ не мало интереснаго ¹⁾.

¹⁾ Статья писана въ 1892 г.

Прим. мор

мый Фрейссине кредитъ былъ отвергнутъ 416 глосами противъ 75 и министерство пало.

Еще при первомъ появленіи новаго министерства Дюклера, когда оно объявило, что будетъ управлять съ поддержкой „республиканской середины“, т. е. центра (умѣренныхъ) „радикаловъ“, Клемансо, отъ имени крайней лѣвой, объявилъ, что отказывается ему въ довѣріи. Это было наканунѣ лѣтнихъ вакацій. Депутаты спѣшили разойтись по домамъ и дали новому кабинету нѣсколько времени спокойнаго существованія.

Клемансо готовился къ новой борьбѣ. Передъ открытіемъ палаты онъ созвалъ своихъ избирателей въ извѣстный циркъ Фернандо 29 октября въ воскресенье.

Клемансо шелъ на собраніе не съ тѣмъ только, чтобы отдать отчетъ въ своей депутатской дѣятельности, — ни съ тѣмъ чтобы изложить планъ своей будущей компаніи.

Но и на этотъ разъ въ собраніе явились коллективисты и притомъ въ такомъ большомъ числѣ, что могли избрать предсѣдателя собранія Жоффрена, одного изъ своихъ. Они вполнѣ раздѣляли критическое отношеніе Клемансо къ правительству, но находили его всетаки недостаточнымъ. Они находили, что Клемансо видитъ только проявленія зла и не замѣчаетъ самого зла, что онъ не понимаетъ того, что за отвѣтственностью личностей скрывается огромная и страшная отвѣтственность цѣлаго режима, цѣлой общественной системы. Рѣчь Клемансо прерывалась и сопровождалась разными возраженіями и никакого рѣшенія принято не было.

Министерство Дюклера послѣ шестимѣсячнаго существованія пало въ концѣ января 1889 г. на вопросѣ объ изгнаніи претендентовъ.

Въ то время, какъ оно было у власти начались знаменитыя дебаты по вопросу о судьяхъ. Они продолжались двѣ недѣли и Клемансо произнесъ двѣ блестящія рѣчи, въ которыхъ возвышенный рационализмъ не уступалъ политическому здравому смыслу. Для Клемансо и для радикальной партіи избираемость судей являлась вытекающей изъ самой сущности демократическаго правленія. Эта избираемость была введена въ эпоху революціи и законность ея была до такой степени очевидна, что и самъ Наполеонъ, значительно ограничивъ ее, всетаки не уничтожилъ.

У республиканскаго большинства появился особый страхъ передъ демократіей, который она боялась высказывать открыто, но который заставлялъ его отвергать всѣ истинныя демократическія реформы. Оно уже приспособилось къ этой республиканской по имени, но монархической по духу конститутціи, которая сосредоточивала все въ рукахъ верховной власти и оставила такъ мало простора народной инициативѣ.

Инсаровъ.

(До слѣд. нумера).

Воспоминанія украинскаго писателя объ И. С. Тургеневѣ.

Каждый новый, хотя иногда, можетъ быть, самъ по себѣ и незначительный, фактъ жизни великаго писателя прибавляетъ свою черту въ общую характеристику его личности. Къ такимъ матеріаламъ второстепеннаго значенія, но тѣмъ не менѣе интереснымъ, относятся ниже мною приводимыя воспоминанія украинскаго писателя объ И. С. Тургеневѣ.

Мое знакомство съ И. С. Тургеневымъ не было ни продолжительнымъ, ни близкимъ, но мнѣ посчастливилось наблюдать его съ тѣхъ сторонъ, съ которыхъ онъ менѣе извѣстенъ, а потому я считаю своею обязанностью внести и свою долю въ публичную память объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ.

Заочное знакомство мое съ И. С. началось въ 1873 г., когда одинъ его пріятель предложилъ мнѣ заняться разборомъ для печати бумагъ умершаго передъ тѣмъ дяди И. С.—ча, Николая Ивановича Тургенева, въ его домѣ въ Буживалѣ подлѣ Парижа, по сосѣдству съ домомъ, гдѣ проживалъ и И. С. Я, который жилъ тогда въ Италіи и собирался ѣхать во Францію, долженъ былъ списаться по этому дѣлу съ И. С. Но такъ какъ я долженъ былъ скоро ѣхать въ Россію, то мнѣ не пришлось воспользоваться этимъ предложеніемъ, о которомъ теперь говорю между прочимъ и для того, чтобы напомнить, что съ тѣхъ поръ ничего не слышно о разборѣ и публикаціи бумагъ Н. И. Тургенева, которыя, конечно, должны заключать въ себѣ не мало интереснаго ¹⁾.

¹⁾ Статья писана въ 1892 г.

Я почиталъ въ И. С. знаменитаго русскаго писателя и пріятеля украинской литературы: переводчика рассказовъ Марка Вовчока, автора воспоминаній о Шевченко, напечатанныхъ при пражскомъ изданіи Кобзаря, внушителя французской статьи о Шевченко г. Эмиля Дюрана въ „la Revue des deux Mondes“ и т. п. Поэтому, послѣ моей ему рекомендаціи по дѣлу о бумагахъ Н. И. Т., я считалъ долгомъ въѣзливости посылать ему отписки моихъ журнальныхъ статей по украинскому вопросу и свои изданія украинскихъ народныхъ пѣсень и сказокъ. Въ 1876 г. я послалъ ему изъ Вѣны повѣсти Федьковича, который представляетъ для карпатской Руси то же самое, что М. Вовчокъ для російской Украйны, — съ моимъ предисловіемъ (писаннымъ по украински) о галицко-русской литературѣ, въ которомъ я дѣлаю между прочимъ характеристику двухъ теченій въ ней.

Отвѣтомъ на эту посылку было письмо ко мнѣ И. С.

„Парижъ, 60, rue de Douai. Вторникъ 21 9 марта 76.

Милостивый государи!

Я получилъ въ одинъ день и ваше письмо, и повѣсти г. Федьковича. Искренно благодарю васъ за столь лестный знакъ вниманія. Я успѣлъ — и безъ большого затрудненія — прочесть ваше предисловіе — и могу сказать, что раздѣляю вполнѣ вашъ образъ мыслей — въ чемъ я, впрочемъ, не сомнѣвался, зная ваши прежніе труды и ваше направленіе. Какъ только я прочту повѣсти г. Федьковича, я позволю себѣ выразить вамъ, съ полной откровенностью, мое мнѣніе. Заранѣ чувствую, что тутъ только и бьется ключъ живой воды, а все остальное — либо призракъ, либо трутъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности.

Вашъ покорный слуга Ив. Тургеневъ“.

Вскорѣ затѣмъ я переѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ обстоятельства (приготовленія къ войнѣ съ турками, потомъ война и т. п.) заставляли меня нѣсколько разъ печатать разныя брошюры и статейки. Писанія эти я отправлялъ И. С. въ Парижъ, и къ нимъ-то относится выраженіе согласія, которое находится въ началѣ письма ко мнѣ Тургенева.

„50, rue de Douai, Paris. Среда 19 декабря 77.

Милостивый государь!

И давно собирался написать вамъ, чтобы поблагодарить васъ за доставленіе мнѣ вашихъ изданій, цѣли и направленію которыхъ я почти безъ исключенія сочувствую. Не знаю, отъ васъ ли я получилъ послѣднюю посылку изъ Женевы, заключающую стихотворный сборникъ „Изъ-за рѣшетки“ и два объявленія объ изданіи „Общины“ и отъ комитета „Общества пособія изгнанникамъ“, но пользуюсь случаемъ, чтобы высказать вамъ нѣкоторыя мои мнѣнія. Что касается до „Общины“, то мнѣ было бы весьма пріятно получать это изданіе, хотя въ объявленіи ничего не сказано ни о способѣ подписки, ни о цѣнѣ. Не могу не замѣтить, что самое это объявленіе, вѣроятно, написано не русскимъ, или же русскимъ, разучившимся писать на родномъ языкѣ; попадаются мѣста, положительно непонятныя (напр. стр. 6, строка 14 сверху и другія), и все изложеніе очень спутано и темно. Къ объявленію отъ комитета не приложенъ уставъ; желательно было бы получить экземпляръ.

Теперь два слова о сборникѣ. Не буду говорить о предисловіи, талантливо и умно написанномъ: ограничусь только заявленіемъ, что я не могу согласиться съ мнѣніемъ автора, будто бы мои труды „содѣйствовали искаженію образа нашего мученика правды ради“. При данныхъ условіяхъ, я могъ сдѣлать только то, что сдѣлалъ, и, повидямому, результатъ не совпадаетъ съ выводами и заключеніями моего критика. Что же касается до самого сборника, то я хорошо понимаю цѣль, съ которой онъ былъ изданъ; онъ не можетъ не подействовать сильно на людей сочувствующихъ: во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ столько правды, горькой жизненной правды; но долженъ сказать съ сожалѣніемъ: таланта въ нихъ нѣтъ и слѣда... Кое-что похожее на талантъ мелькаетъ въ произведеніяхъ „Чернаго“; да и то навѣяно Г. Гейне. Не безъ оригинальнаго оборота два стихотворенія на стр. 103—104, подписанныя М. М. Но, собственно говоря, ни одного поэтического, сильнаго звука, ни одного изъ тѣхъ словъ, которыя „не могутъ умереть“... А обиліе минорныхъ (весьма, впрочемъ, понятныхъ) тоновъ, на которое намекаетъ самъ издатель, въ общемъ возбуждаетъ чувство состраданія, жалости—скорѣе,

чѣмъ негодованія. Нѣтъ, поэтъ этой эпохи русской народной жизни еще не пришелъ... хотя я не сомнѣваюсь, что онъ появится. Все это пока—лепетъ да плачь.

Позвольте вамъ привести небольшой примѣръ. Я знаю стихотвореніе одного, далеко не гениальнаго, стараго поэта, въ которомъ дѣйствительно поэтически схваченъ одинъ изъ многочисленныхъ моментовъ узнической жизни, узническихъ чувствъ... а именно моментъ радости передъ близкимъ освобожденіемъ. Вотъ оно, это стихотвореніе (оно принадлежитъ Я. П. Полонскому¹⁾):

1.	3.
Густая крапива	Бывалое горе
Шумитъ подь окномъ,	Заснуло въ груди...
Плакучая Ива	Свобода и море
Повисла шатромъ.	Горятъ впереди.
2.	4.
Веселыя лодки	Прибавилось духа,
Въ дали голубой,	Исчезла тоска...
Желѣзо рѣшетки	И слушаетъ ухо,
Визжитъ подь пиллою.	И пилить пила!

Если я не ошибаюсь, ничего по вѣрности тона, по совпадению чувства съ выраженіемъ—ничего подобнаго во всемъ сборникѣ нѣтъ. Всякій пострадавшій, напримѣръ, имѣетъ полное право проклинать „тирановъ“; но если онъ дѣлаетъ это въ стихахъ то пусть его проклетіе будетъ столь же красиво, сколь и сильно—или пусть онъ проклинаетъ прозой.

Вы, можетъ быть, со всѣмъ этимъ не согласитесь; но мнѣ все-таки было пріятно завязать съ вами сношенія и я прошу васъ вѣрять въ искренность моего уваженія.

Вашъ покорнѣйшій слуга Ив. Тургеневъ“.

Письмо это, впрочемъ, направлено было ко мнѣ отчасти по недоразумѣнію, такъ какъ И. С. предположилъ, что это я послалъ ему напечатанный въ Женевѣ сборникъ стихотвореній „Изъ-за рѣшетки“. На самомъ дѣлѣ послалъ этотъ сборникъ Германъ Александровичъ Лопатинъ, принимавшій участіе и въ редакціи предисловія къ сборнику и, по крайней мѣрѣ, послѣ, довольно частый посѣтитель Тургенева и, какъ говорили,

¹⁾ Тургеневъ ошибся: стихотвореніе принадлежитъ А. О. Фетъ.
Прим. автора.

даже отчасти служившій ему моделью для фигуры Нежданова (?). Отвѣчая на письмо Тургеневу, я ему сообщилъ, что я не имѣлъ никакаго прикосновенія къ сборнику и предисловію, и въ то же время передалъ, что въ молодой женевской русской эмиграціи я знаю людей, которые остались вовсе не недовольны „Новью“. Послѣ этого я получилъ отъ И. С. письмо:

„50, rue de Donai, Paris. Пятница 1 марта 78.

Милостивый государь!

Я давно собирался отвѣчать на ваше большое письмо и присланныя брошюры; но все не могъ выискать свободнаго времени—и теперь еще долженъ отложить это удовольствіе до другого, впрочемъ, не отдаленнаго дня. Въ прошлое воскресенье я вамъ писалъ нѣсколько строкъ о довольно серьезной болѣзни нашего общаго пріятеля Рольстона, который еще на прошлой недѣлѣ долженъ былъ поѣхать къ вамъ въ Женеву; но я имѣю причины предполагать, что мое письмо вовсе не было отправлено и потому мнѣ приходится на всякій случай увѣдомить васъ, что болѣзнь его (острый ревматизмъ), къ сожалѣнію, не ослабѣла съ тѣхъ поръ и эпоху его выздоровленія опредѣлить невозможно. Вѣроятно, эта болѣзнь заставитъ его измѣнить всѣ его планы¹⁾. Онъ находится здѣсь въ гостиницѣ (Hôtel Byron, 20 rue Laffitte), ухоть за нимъ хорошій; пріятели его посѣщаютъ; старикъ отецъ прибылъ къ нему изъ Лондона; опасности нѣтъ, но онъ весьма слабъ и не поднимается съ постели. Жаль его, бѣднаго; всѣ его путешествія ему не удаются.

Отлагаю нашу бесѣду до другого раза, а теперь прошу васъ принять увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи.

Ив. Тургеневъ“.

По поводу болѣзни Рольстона я, кажется, получилъ отъ И. С. еще одно письмо, которое, къ сожалѣнію, теперь не могу найти у себя. Затѣмъ вскорѣ мнѣ пришлось свидѣться съ Тургеневымъ впервые на международномъ литературномъ конгрессѣ въ Парижѣ, во время выставки 1878 года.

На литературный конгрессъ я сунулся, отчасти „не спро-

¹⁾ Рольстонъ передъ тѣмъ писалъ мнѣ, что онъ хочетъ пожить въ Россіи въ качествѣ домашняго учителя въ какой нибудь богатой и respectableмъ семьѣ.

Примѣч. автора.

сясь броду", прочитавши въ газетахъ о томъ, что будетъ всемірный литературный конгрессъ подъ патронатомъ такихъ лицъ, какъ В. Гюго и И. С. Тургеневъ.

Въ нѣсколько дней была импровизована и напечатана моя брошюра для конгресса.

Первые готовые экземпляры ея были посланы при соотвѣтственныхъ письмахъ въ бюро конгресса и специально В. Гюго и Тургеневу, а затѣмъ я помыслилъ въ Парижѣ съ сундукомъ, наполненнымъ экземплярами какъ этой брошюры, такъ и моихъ изданій. На самой швейцарско-французской границѣ моему оптимизму нанесенъ былъ первый ударъ: французскіе чиновники объявили мнѣ, что не могутъ пропустить безъ цензурнаго пересмотра моихъ книгъ и едва согласились наложить на сундукъ пломбы, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ осмотрѣнъ въ Парижѣ. А въ Парижѣ оказалось, что сундукъ мой долженъ ѣхать въ Берси, причемъ оказалось, что моментъ моего приѣзда былъ утро воскресенья, такъ что сундукъ мой долженъ былъ ждать меня въ Берси до понедѣльника. Къ вѣщей моей бѣдѣ, въ сундукѣ были не только экземпляры моей брошюры, которые я рассчитывалъ роздать въ тотъ же день членамъ конгресса, во время торжественнаго засѣданія, но и мое бѣлье и парадное платье. По дорогѣ въ Дижонъ, я прочелъ въ газетахъ, что уже состоялось preliminaryное засѣданіе конгресса, въ которомъ рѣшено было поставить главною его задачею выработку проекта международнаго закона объ охранѣ авторской литературной собственности даже и отъ переводчиковъ и склоненіе правительствъ всѣхъ странъ къ принятію этого проекта. Я почувствовалъ, что мой протестъ не на руку конгрессу. Но назадъ идти было уже поздно, а потому я рѣшилъ выпить до конца чашу, какую судьба пошлетъ мнѣ, не огорчаясь, если въ ней окажется кисловатенькая микстурка.

Оставшись въ Парижѣ безъ брошюръ и безъ сертука, я кой какъ почистившись и купивши бѣлье, успѣлъ добыть въ бюро конгресса билетъ на входъ въ театръ Chatelet, гдѣ должно было быть торжественное открытіе конгресса рѣчами В. Гюго, Тургенева, Ж. Симона и пр., и помѣстился по возможности въ тѣни, желая вообще держаться въ роли зрителя, пока я не добуду экземпляры моей брошюры. Но въ первую же

четверть часа меня окликнулъ знакомый русскій литераторъ, потомъ другой и объявили, что Тургеневъ обо мнѣ спрашиваетъ и просилъ ихъ меня разыскать. Но вотъ на сценѣ театра появился учредительный комитетъ конгресса, среди членовъ котораго нетрудно было узнать знаменитую фигуру Н. С. Тургенева. О рѣчахъ французовъ въ этомъ засѣданіи я говорить не буду. Упомяну только о рѣчи В. Гюго, которая представляла гимнъ парижскому универсализму и оканчивалась намекомъ на необходимость амнистїи. Последнее принято было публикой довольно холодно: всего три-четыре голоса крикнуло: *vive l'amnistie!* и это были иностранцы. Видно было, что съ В. Гюго установился на конгрессѣ такой *modus vivendi*: великій мужъ былъ нуженъ для освященія его именемъ коммерческихъ видовъ конгресса, и ему оказывались божескія почести и предоставлено было право заявленія и его личныхъ взглядовъ, но послѣднихъ никто не думалъ поддерживать. Да, впрочемъ, кромѣ этого намека на амнистію въ народномъ засѣданіи, В. Гюго никакихъ радикальныхъ заявленій больше не дѣлалъ, а только принималъ божескія почести и прикладывалъ свою олимпійскую печать къ резолюціямъ конгресса.

Тургеневъ говорилъ, помнится, сейчасъ послѣ В. Гюго. Очевидно, публичный ораторъ изъ нашего романиста былъ плохой: довольно сконфуженная манера, какой-то пискливый голосъ, слабый, особенно для его фигуры, да и содержание посредственное. Въ началѣ рѣчи стояло даже совсѣмъ странное признаніе ораторомъ своей незначительности, съ заявленіемъ, что ораторъ „даже не имѣетъ большого чина“ (такъ и сказано было: *tchine*). Больше всего говорилъ Тургеневъ о значеніи французской литературы для русскихъ, начиная отъ „вѣка Мольера“, котораго пьесу *Les precieuses ridicules* перевела для домашняго театра царица Софія (Дрогія смѣянная), и до „вѣка В. Гюго“.

Часть русской печати порядкомъ разбранила Тургенева за эту рѣчь,—да и тотчасъ послѣ засѣданія, въ буфетѣ театра *Chatelet*, куда повели меня русскіе для представленія Тургеневу, нѣкоторые изъ русскихъ литераторовъ замѣтили ему, что онъ слишкомъ уже много авансовъ далъ французамъ.— „Да вѣдь они другого языка не понимаютъ, — оправдывался

Тургеневъ, — никакихъ иностранныхъ литературъ не цѣнятъ и не знаютъ“ и тутъ же разсказалъ анекдотъ о В. Гюго, уже извѣстный въ русской печати, о томъ, какъ В. Гюго въ разговорѣ съ нимъ смѣшалъ драмы Шиллера и Гёте.

Относительно моего рапорта конгрессу объ украинской литературѣ у меня съ Тургеневымъ установилось такое соглашеніе: завтра спозаранку я отправлюсь въ Берси, получу свой сундукъ и къ 11 часамъ привезу свои брошюры Тургеневу, онъ раздастъ ихъ членамъ конгресса въ послѣобѣденномъ засѣданіи, а потомъ мы выберемъ день, когда Тургеневъ сдѣлаетъ докладъ о моей брошюрѣ, я скажу нѣсколько словъ и, смотря по обстоятельствамъ, предложена будетъ резолюція. Надеждъ на большой успѣхъ Тургеневъ не имѣлъ и замѣтилъ мнѣ, что иностранцевъ на конгрессѣ мало, а большая часть членовъ — французы болѣе или менѣе коммерческаго направленія, причемъ молодые романисты, какъ Доде, Золя и др., отсутствуютъ.

На другой день я въ 8 часовъ былъ уже въ Берси въ таможи, но оказалось, что не только книги, но и платье мое получить не такъ легко. О книгахъ чиновники, собравшіеся едва послѣ 9 часовъ, сказали, что онѣ должны идти въ цензуру министерства внутреннихъ дѣлъ, а платье изъ сундука не хотѣли выдать, такъ какъ регламентъ запрещаетъ раздѣлять коли. Провившись съ 1½ часа, переговаривая съ чиновниками до шефа включительно, я едва послѣ 11 часовъ свое платье и бѣлье, — и, конечно, къ Тургеневу не могъ и думать ѣхать. Нашелъ я его послѣ завтрака въ залѣ засѣданія конгресса и разсказалъ свои невзгоды. Рѣшено было отложить докладъ о брошюрѣ до полученія ея изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а пока я и Тургеневъ раздавали болѣе симпатичнымъ членамъ конгресса то небольшое количество экземпляровъ брошюры, которое я вытребовалъ изъ Женевы *rous bandes*. Вообще же къ конгрессу я былъ совершенно равнодушенъ и ходилъ въ него рѣдко, а Тургеневъ явно иронизировалъ надъ нимъ въ разговорахъ съ русскими, которыхъ было, впрочемъ, очень немного. Тѣмъ не менѣе формально Тургеневъ былъ довольно занятъ конгрессомъ, въ засѣданіяхъ котораго часто предсѣдательствовалъ. Исполнять президентскія обязанности Тургеневъ плохо: онъ не показывалъ

никакої енергії, обычной у французських президентів, не знав навіть формальностей і во всем слухався секретаря, одного из французських бульварних романістів. Секретарь і вообще бюро обрахались з Тургеневим даже з нѣкаторымъ нетерпиміємъ, по знаменитий рускій романістъ былъ нуженъ конгрессу какъ имя, для приданія міжнароднаго характера конгрессу, вь сущности французскому, и состоявшему по большій часті изъ второстепенностей, романістів и драматурговъ, а вь научной літературѣ изъ компіляторовъ. Но если манера обращенія нѣкоторыхъ французськихъ членовъ конгресса зъ Тургеневымъ и общее положеніе послѣдняго на конгрессѣ могли возбудиť неудовольство у русскихъ, то обращеніе зъ Тургеневымъ одного французскаго літератора зъ славянскимъ іменемъ, можно сказати шестистепеннаго, и къ которому французы относятся зъ пріоніей,—было смѣшно, по крайней мѣрѣ для многихъ. Онъ постоянно ставилъ свое имя рядомъ зъ іменемъ Тургенева, жалуюсь на то, какъ нарушаются его авторскія права, а вь антрактахъ между засѣданіями старался пройти по залѣ подъ ручку зъ Тургеневымъ, который совершалъ этотъ маршъ зъ необыкновеннымъ добродушіемъ.

Разъ прихожу вь залу во время антракта. Тургеневъ зъ первыхъ же словъ жалуется мнѣ на одного русскаго писателя: „вообразите, не дальше какъ 1/4 часа назадъ, созсѣмъ распушилъ меня, какъ мальчишку: вы, говорить, не умѣете держати себя, позволяете третировати себя свысока всякой дрянї, панибратсвуєте зъ ***! и пошелъ и пошелъ!—Да что вы ко мнѣ пристаѣ, говорю, зъ ***?! Какой онъ мнѣ пріятель?! Да можете его...“ (тутъ Тургеневъ сказаль довольно циническій глаголъ).

Однимъ утромъ я пріѣхаль вь засѣданіе, вь которомъ предсѣдательствовалъ Тургеневъ. Вь залѣ я встрѣтилсь зъ Мавро-Маки (Mauro-Machi). Этотъ италіанецъ, бывшій гарібальдійцемъ, одинъ изъ вице-президентовъ конгресса, прочиталь мою брошюру, проникся сочувствіемъ и оказываль мнѣ всяческое вниманіе и покровительство, беря меня во время антрактовъ подъ руку я представляя меня болѣе извѣстнымъ членамъ конгресса и рассказывая по возможности содержаніе моего протеста. — „Тургеневъ говорилъ о вашей брошюрѣ“, — сказаль

миѣ Мавро-Маки. — Какъ говорилъ? да вѣдь мы условились, что докладъ будетъ, когда я буду въ состояніи роздать членамъ конгресса брошюру! говорю я Мавро-Маки, которому было извѣстна исторія моего сундука. — „Да, говорилъ. Разсказалъ содержаніе ея, но никакой резолюціи не предложилъ. Тогда я предложилъ воспроизвести вашу брошюру въ полныхъ протоколахъ конгресса“.

Миѣ оставалось только выразить моему покровителю mille grazie, а потомъ, выручивши, наконецъ, и то какимъ-то чудомъ, свой сундукъ изъ канцеляріи макмагонскаго министерства, раздать мою брошюру членамъ конгресса, преимущественно иностранцамъ, и считать, что я еще сравнительно хорошо вышелъ изъ не совсѣмъ ловкаго положенія.

Между тѣмъ нужно было готовить общія резолюціи конгресса. Изъ дебатовъ выяснилось два направленія: французское, которое стремилось какъ можно болѣе строго и на дальній срокъ оградить право собственности авторовъ на литературныя произведенія, ихъ передѣлку, переводъ, представленія и т. п., и иностранное, особенно меньшихъ народовъ и болѣе отсталыхъ, которое хотѣло наибольшаго простора, по крайней мѣрѣ для переводовъ. Рѣшено было разбиться конгрессу на національныя группы и, выработавъ въ нихъ предложенія, представить ихъ на баллотировку общаго собранія, гдѣ, конечно, французы должны были подавить иностранцевъ огромнымъ большинствомъ. Славяне (нѣсколько поляковъ, одинъ-два чеха, меньше десятка русскихъ) должны были собраться въ квартирѣ Тургенева, rue Donai, 50. Въ назначенный часъ я засталъ тамъ членовъ конгресса. Языкъ для все-славянскихъ разговоровъ былъ принятъ французскій, конечно, ради поляковъ. Мы всѣ стояли за полную свободу переводовъ, изъявляя готовность огражденія авторскихъ правъ на оригиналы въ театрахъ, на передѣлки (adaptation) и т. п. Тургеневъ, соглашаясь съ нами въ принципахъ, говорилъ, что французы не согласятся и на такую уступку, а потому предлагалъ уступить имъ больше, признавъ право автора на дозволеніе перевода въ теченіе 2—5 лѣтъ, смотря по категоріямъ произведеній. Рѣшили принять проектъ резолюціи Тургенева, причемъ нѣкоторые члены заявили, что сохраняюгъ за собою

право въ общемъ собраніи вотировать и за болѣе широкую свободу переводовъ.

Настало это общее собраніе. Предсѣдательствовалъ сначала Тургеневъ, а потомъ В. Гюго. Тургеневъ доложилъ свой прозекъ резолюціи о переводахъ. Французы накинулись на него съ явной злостію. Одинъ изъ романцевъ, кажется, португалецъ или румынъ, замѣтилъ въ поддержку предложенія Тургенева, что есть страны, гдѣ литература пока часто не даетъ никакого барыша, а даже требуетъ пожертвованія, а потому писатели изъ богатыхъ народовъ должны довольствоваться рекламой въ пользу ихъ произведеній въ такихъ странахъ.

— Пусть мнѣ заплатятъ хоть два су, закричалъ одинъ французъ,—да заплатятъ, по крайней мѣрѣ признають мое право!

Это говорилъ компиляторъ, который самъ, или, лучше сказать, руками своихъ секретарей, не стѣснялся загребать чужую литературную собственность въ свои книгопеченія. Въ собраніи раздались аплодисменты.

Тургеневъ, защищая свое предложеніе, сказалъ между прочимъ и такой аргументъ: „въ Россіи переводами занимается главнымъ образомъ учащаяся молодежь“.

Когда дошло до вота, то громздное большинство французовъ провалило предложеніе Тургенева, противъ какихъ-нибудь 20—30 голосовъ, поданныхъ за него почти исключительно иностранцами. Одинъ французскій бульварный романистъ, принадлежавшій къ бюро, предложилъ, чтобъ въ протоколѣ было отмѣчено: какія націи вотировали противъ принципа литературной собственности? Это предложеніе было уже совсѣмъ не похоже на пресловутую французскую вѣжливость; В. Гюго взглянулъ искоса на автора предложенія съ тѣмъ выраженіемъ наблюденія, болѣе чѣмъ укора, съ какимъ смотрять на неумѣстныя выходки учениковъ очень респектабельные гувернеры,—и предложеніе не имѣло послѣдствій.

Вслѣдъ за освященіемъ права авторской собственности вотировано было предложеніе нѣсколькихъ французскихъ журналистовъ о томъ, чтобы печать вездѣ была избавлена отъ административнаго произвола, а подчинена была только суду. Это былъ вопросъ тоже въ сущности литературной собственности, такъ какъ полицейскій произволъ, напр., закрывающій

газету, уничтожалъ собственность, лишалъ заработка цѣлую массу людей и т. п. Но предложеніе это встрѣтило возраженія со стороны французовъ же, причемъ произошла довольно живая перепалка, почти перебранка, между бонапартистами и макмагонцами, составлявшими большинство, и немногими радикальными республиканцами. При подачѣ голосовъ почти всѣ иностранцы подали голосъ за предложеніе послѣднихъ, но французы огромнымъ большинствомъ провалили его, какъ неудобное въ виду того, какъ говорили нѣкоторые, что правительства, сбившись резолюціей, ограничивающей ихъ власть надъ печатью, откажутъ въ своей поддержкѣ и проекту охраны авторской собственности, которая, охрана, и есть главная цѣль конгресса. При видѣ этого раздѣленія голосовъ можно было предложить внести въ протоколъ: „какая нація вотировала противъ свободы печати?“, но никто изъ иностранцевъ не сдѣлалъ такого предложенія. Тургеневъ не поднялъ руки ни противъ, ни за по данному вопросу.

Конгрессъ окончился. Оставался только заключительный банкетъ. Тургеневъ сказалъ намъ, что онъ не явится на банкетъ. Конгрессъ, видимо, надоѣлъ ему, да и на банкетѣ пришлось бы опять говорить рѣчь, а на это Тургеневъ, видимо, былъ не мастеръ. На всѣ наши упрощиванія Тургеневъ отвѣтилъ послѣднимъ резонансомъ: „я обѣщала дамамъ провожать ихъ въ этотъ вечеръ въ Folies Bergères“.

Кромѣ встрѣчъ по дѣлу съ конгрессомъ я имѣлъ еще два свиданія съ Тургеневымъ. Разъ онъ пригласилъ меня къ себѣ въ rue de Donai. „Приходите, потолкуемъ“, сказалъ онъ. Я явился въ назначенный часъ въ его комнату.

Замѣчательно было у этого отъявленнаго „западника“ постоянное скептическое отношеніе къ западнымъ европейцамъ, особенно къ французамъ, среди которыхъ онъ жилъ.

— Да вотъ вамъ образецъ, какъ они насъ понимаютъ, продолжалъ Тургеневъ.—На-дняхъ я встрѣтилъ N. N. (онъ называлъ имя одного французскаго историка), онъ передалъ мнѣ свои впечатлѣнія отъ моей „Нови“.—Я, говоритъ, совсѣмъ дезоріентировалъ насчетъ вашихъ нигилистовъ. Я столько слышалъ о нихъ дурного, что они стригаютъ собственность, семью, мораль... А въ вашихъ романахъ нигилисты—единственные честные люди. Особенно поразило меня

ихъ цѣломудріе. Вѣдь ваши Марьяна и Неждановъ даже не поцѣловались другъ съ другомъ ни разу, хотя поселились въ уединеніи рядомъ. У насъ, французовъ, это вещь невозможная. И отъ чего это у васъ происходитъ? Отъ холодности темперамента?..“

Въ это свиданіе Тургеневъ завелъ со мной разговоръ и объ Украинѣ и выражалъ сожалѣніе, что ему не удалось ближе познакомиться съ этой страной и населеніемъ ея, рѣдкія встрѣчи съ которымъ возбуждали въ немъ горячія симпатіи; памятникомъ этихъ симпатій остаются въ его романахъ: Маша въ повѣсти „Затишье“ и Михалевичъ въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“. — „У малороссовъ, говорилъ Тургеневъ, есть особый видъ идеализма и твердости, крайне симпатичный по сравненію съ утилитаризмомъ или распущенностью великороссійскаго. Я вотъ и изъ журналовъ нашихъ потому люблю больше всѣхъ „Вѣстникъ Европы“, что въ редакціи его мало великороссовъ, и въ немъ наименѣе нашей великороссійской распущенности: онъ беретъ вещи не широко, но отчетливо, и уже стоитъ на томъ, что говорить“.

Разговоръ нашъ былъ прерванъ какимъ-то новымъ визитомъ.

Черезъ нѣсколько времени я получилъ записку отъ Тургенева, въ которой онъ приглашалъ меня завтракать въ одинъ ресторанъ (онъ собственно жилъ въ то время въ Буживалѣ и только наѣзжалъ въ Парижъ). Оказалось, что кромѣ меня приглашены Лавровъ и Лопатинъ. Тургеневъ, очевидно, подбиралъ однородную компанію, но нѣсколько ошибся. Разговоръ за завтракомъ вышелъ довольно скучный, какъ бываетъ въ русскихъ обществахъ, котораго члены принадлежать къ разнымъ „кружкамъ“. У меня въ памяти ничего не осталось изъ банальностей, которыя мнѣ тогда пришлось слышать и говорить.

Я упоминаю объ этомъ завтракѣ, только какъ объ одномъ изъ доказательствъ, если не близости, то хорошаго знакомства Тургенева съ Лавровымъ, отъ котораго немного спустя Тургеневъ отрекся публично. Отреченіе это было однимъ изъ многихъ проявленій слабости характера у Тургенева, которая доходила до вещей поистинѣ изумительныхъ. Если позволено мнѣ высказаться о впечатлѣніи, какое на меня лично

производить Тургеневъ, то я скажу, что не видалъ я чело-
вѣка такой широты и свободы мыслей, такой разнородности
интересовъ; съ этихъ сторонъ у Тургенева была поистинѣ
„богоравная“ натура, какъ сказалъ бы древній грекъ. Не-
обыкновенна была и доброта Тургенева, который вѣчно
устраивалъ чьи-нибудь дѣла, часто людей, не имѣвшихъ на то
никакого права. Но тамъ, гдѣ надо было показать какую-
нибудь твердость характера, смѣлость, передъ политической
ли властью, или передъ первымъ, кто просто — накричитъ на
Тургенева или посмѣется надъ человекомъ, съ которымъ, по-
видимому, Ив. Сергѣевичъ находится въ самыхъ пріятельскихъ
отношеніяхъ, тамъ богоравный Тургеневъ пасовалъ и отрекался
отъ мнѣній, отъ отношеній. Мнѣ довелось видѣть эти черты
характера Тургенева и потому я чувствовалъ къ нему то „обо-
жаніе“, близкое къ институтскому, то почти физическое
отвращеніе.

Послѣднее чувство сильно развилось во мнѣ послѣ вѣстей
о поведеніи Тургенева во время поѣздки его въ Россію въ
1879 г., особенно послѣ напечатанія письма его къ М. М.
Стасюлевичу, гдѣ Тургеневъ объявилъ себя „либераломъ
старого покроя, ожидающимъ реформъ только свыше“. Печатавъ
послѣ того особой брошюрой „Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю“,
я коснулся и этого письма Тургенева, указавъ его несообраз-
ности съ исторіей развитія идей его товарищей по 40-мъ годамъ,
какъ, напр., Бѣлинскій, и съ исторіей англійскаго либерализма.
Брошюру эту я послалъ Тургеневу, но никакого отъ него
письма не получилъ. Скоро затѣмъ послѣдовало публичное
въ „Le Temps“ отреченіе Тургенева отъ близкаго знакомства
съ Лавровымъ. Вслѣдъ за тѣмъ мнѣ случилось быть въ Парижѣ.
Одинъ общій знакомый передалъ мнѣ, что видѣлся на-дняхъ
съ Тургеневымъ въ Буживалѣ и что тотъ говорилъ съ нимъ
обо мнѣ и освѣдомлялся обо мнѣ. Я попросилъ знакомаго
передать И. С. мой поклонъ, но поѣхать къ нему въ Бужи-
валь не рѣшился.

Годъ спустя, получилъ отъ Н. Н., одного моего близкаго
пріятеля и хорошаго знакомаго Тургенева, тогда уже сильно
больного, письмо, въ которомъ Н. Н., отъ имени Тургенева,
проситъ меня указать переводы на болѣе распространенные
языки скандинавскихъ и славянскихъ народныхъ легендъ и

пѣсенъ. Я послалъ небольшой списокъ, но скоро затѣмъ мнѣ пришлось быть въ Парижѣ. При случаѣ, спрашиваю Н. Н., зачѣмъ Тургеневу понадобились легенды и пѣсни?—и узнаю, что нужны онѣ собственно для одного француза-музыканта, близкаго человѣка къ Тургеневу, какъ источникъ сюжета для ораторіи или для оперы. Смѣясь, я сказалъ, что я имѣю въ мысляхъ цѣлый сюжетъ для оперы, построенный изъ пѣсенъ украинскихъ, и что я его сообщилъ одному пріятелю музыканту украинцу и знакомому украинскому писателю, но послѣдній изуродовалъ сюжетъ, а первый не написалъ на него оперы, такъ я радъ былъ бы, если бъ французы выполнили мой планъ. Меня заставили разсказать этотъ планъ, и онъ понравился. Стали увѣрять, что онъ понравится и Тургеневу и рѣшили сообщить ему объ этомъ дѣлѣ. Черезъ нѣсколько времени Тургеневъ пригласилъ меня и двухъ посредниковъ (въ томъ числѣ Н. А. Герценъ) къ себѣ въ Буживаль.

Мы пріѣхали и застали И. С. въ его домикъ флигелькѣ въ паркѣ г-жи Віардо. И. С., хотя и одѣтый, лежалъ на кровати. Онъ былъ страшно худъ, отчего, впрочемъ, его божественные глаза казались еще большими и производили чарующее впечатлѣніе. Но при худобѣ И. С. былъ страшно слабъ, говорилъ тихимъ голосомъ и скоро утомлялся отъ разговора. Послѣ первыхъ привѣтствій, онъ обратился ко мнѣ со словами: „что у насъ дѣлается въ Россіи?“—и сталъ жачоваться на управленіе гр. Д. А. Толстого. Планъ оперы, который Тургеневъ меня заставилъ разсказать, ему очень понравился, и онъ просилъ меня пріѣхать къ нему въ другой разъ, чтобы сойтись вмѣстѣ съ французомъ-музыкантомъ и окончательно установить этотъ планъ. Довольно длинный и живой разговоръ утомилъ Тургенева и мы должны были выйти, а тѣмъ часомъ наступило время для разныхъ медицинскихъ манипуляцій надъ больнымъ, и мы уѣхали въ Парижъ. На другой или третій день я получилъ французское письмо, писанное дочерью г-жи Віардо и только подписанное дрожащею рукою И. С., а вслѣдъ затѣмъ телеграмму.

„Les Frères Chalet. Le 29 Juin 1883.

Mon cher Monsieur

Je suis chargé par mon ami, Monsieur D., de vous faire savoir

qu'il se met à votre disposition pour toutes les heures qu'il vous plaira à partir de Samedi.

„Recevez mes meilleurs compliments

Ivan Tourgueneff“.

Только поднись сдѣлаю рукою Тургенева, который тогда былъ сильно боленъ и уже самъ не могъ много писать. После того я получилъ телеграмму отъ 3 іюля:

„Avez reçu ma lettre. Je vous attends demain

Tourgueneff“.

Я опять поѣхалъ въ Буживаль, гдѣ и засталъ музыканта, пріятеля Тургенева. Тема для оперы понравилась и ему, я обѣщалъ прислать изъ Женевы переводы необходимыхъ украинскихъ пѣсень, а онъ обѣщалъ взяться за работу. Свиданіе съ И. С. было на этотъ разъ чрезвычайно короткое. Намъ сказали, что у него передъ тѣмъ былъ Лавровъ и что И. С. очень утомленъ. Я зналъ отъ N.N., съ кого рымъ ѣздилъ въ Буживаль, что Тургеневъ черезъ него просилъ Лаврова пріѣхать къ нему, не сердясь за письмо, которое Тургеневъ напечаталъ годъ тому назадъ въ „Le Temps“. Я совершенно увѣренъ, что Тургеневъ не раздѣлялъ вполнѣ идей Лаврова никогда, а особенно въ тогдашній ихъ періодъ, но все-таки И. С., очевидно, стыдился своего письма въ „Le Temps“ о Лавровѣ, такъ какъ долгое время знакомство Тургенева съ Лавровымъ было далеко не шапочнымъ¹⁾.

Немного времени спустя, я получилъ отъ своего спутника въ поѣздкахъ въ Буживаль телеграмму о смерти Тургенева. Я попросилъ его возложить на гробъ великаго покойника вѣнокъ отъ имени „украинской печати“. Сдѣлалъ я это между прочимъ потому, что нѣкоторые украинцы, вспоминая Пигасова, повторяютъ печатно о томъ, будто бы Тургеневъ былъ нерасположенъ къ развитію украинской литературы.

Сообщилъ С. Сухонинъ.

¹⁾ Впрочемъ, этотъ вопросъ всего лучше былъ бы разъясненъ напечатаніемъ писемъ Тургенева къ Лаврову.

Викторъ Гюго.

(Къ столѣтней годовщинѣ его рожденія) ¹⁾.

I.

Въ половинѣ мая 1885 года по Франціи разнеслась вѣсть о болѣзни Гюго. Мститому поэту было 83 года. Газеты ежедневно печатали бюллетень врачей: болѣзнь то будто ослабѣвала, то снова усиливалась. Никто, однако же, ни на минуту не сомнѣвался, что жизнь знаменитаго писателя кончалась. Дѣйствительно, черезъ недѣлю—22-го мая онъ угасъ.

„Викторъ Гюго умеръ!“ воскликнулъ, открывая въ тотъ день засѣданіе, президентъ сената, Ле Руайе. И по сенату прошло взволнованное движеніе. Всѣ почувствовали, что кто-то огромный и сильный покинулъ этотъ міръ, кто-то смѣлый и человѣчный ушелъ и точно унесъ за собою цѣлую эпоху, какъ онъ самъ, полную жара и блеска, какъ онъ самъ, отжившую, отошедшую въ вѣчность.

Глава тогдашняго министерства, г. Бриссонъ, заявилъ, что Виктору Гюго будутъ устроены національныя похороны. Одинъ изъ депутатовъ, не помню именно, кто, внесъ предложеніе о томъ, чтобы Гюго былъ погребенъ въ Пантеонъ. Но Пантеонъ тогда еще назывался церковью Св. Женевьевы: декретомъ правительства эта церковь была, въ виду похоронъ Гюго, превращена въ родъ мавзолея для праха великихъ людей (впрочемъ, съ тѣхъ поръ и это назначеніе Пантеона измѣнилось: въ немъ похороненъ, какъ извѣстно, бывшій президентъ республики, Сади Карно; президентъ же республики, Сади Карно, былъ человѣкъ, обладавшій многими и прекрасными душевными качествами, но на званіе великаго человѣка даже и самъ онъ никогда не претендовалъ).

Парижскій архіепископъ въ длинномъ письмѣ, адресованномъ

¹⁾ Род. 26 февраля 1802 года.

тогдашнему министру исповѣданій, г. Гобле, сильно протестовалъ, но напрасно, противъ такого поступка относительно церкви Св. Женевиѣвы. Это было не первое письмо, написанное парижскимъ архіепископомъ по поводу Виктора Гюго: съ самаго же начала болѣзни послѣдняго онъ съ замѣчательною деликатностью написалъ его невѣсткѣ, г-жѣ Локруа, о томъ, что готовъ, дескать, явиться къ смертному одру поэта для исполненія обычныхъ религіозныхъ обрядностей; ему было отвѣчено, что Гюго выразилъ желаніе не видѣть возлѣ себя духовныхъ лицъ въ послѣднія мгновенія своей жизни. Все это, разумѣется, вызвало нензбѣжные споры среди газетной братіи, живущей и дышущей злобою дня.

Похороны были назначены на 1-е іюня. Цѣлыя сутки передъ тѣмъ гробъ Гюго былъ выставленъ на пышномъ и монументальномъ катафалкѣ подъ гигантской Триумфальной Аркой, возвышающейся надъ Парижемъ съ площади Звѣзды. Сама арка была освѣщена драпировкой изъ траурнаго крепа.

1-го іюня, въ день похоронъ, съ шести часовъ утра улицы Парижа были полны народа. Множество любопытныхъ провели ночь въ Елисейскихъ поляхъ, чтобы завтра имѣть хорошее мѣсто на пути, по которому долженъ былъ слѣдовать погребальный кортежъ. На площади Согласія, въ семь часовъ утра, всѣ двѣнадцать статуй были увѣшаны гроздьями людей; террасы Тюльерійскаго сада были переполнены толпою. Утро было сѣрое, темное; надъ Триумфальной Аркой скользили черныя тучи, смѣшивая, — говоритъ репортеръ, у котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, — свой трауръ съ трауромъ людей. Но опасенія дожда совершенно исчезли у всѣхъ при видѣ ласточекъ, рѣвавшихъ высоко надъ этимъ монументомъ“.

Къ десяти часамъ прибыли къ Аркѣ власти, затѣмъ делегация отъ разныхъ обществъ и близкіе Виктора Гюго.

Въ одиннадцатизвѣ Дюрпа Инвалидовъ раздался пушечный выстрѣлъ, а вслѣдъ затѣмъ военная музыка заиграла *Погребальный маршъ Шопена*.

Потомъ начались рѣчи. Рѣчи мы пропустимъ. Въ половинѣ двѣнадцатаго кортежъ тронулся въ направленіи къ Пантеону. Онъ состоялъ изъ ста слишкомъ тысячъ человѣкъ и проходилъ подъ взглядами милліона слишкомъ зрителей. Одиннадцатые колесницы, запряженныхъ четырьмя и шестью лошадьми, несли вѣнки и цвѣты: ихъ было болѣе чѣмъ на милліонъ франковъ, и они были посланы изъ различныхъ городовъ и странъ. Были цвѣты и изъ Россіи. Съ Россіей, впрочемъ, Гюго и при жизни былъ въ дружескихъ сношеніяхъ.

Позади этихъ великолѣпныхъ колесницъ, отягченныхъ цвѣтами, плелись скромныя дроги, — траурныя дроги бѣдныхъ (*le corbillard des pauvres*), — на которыхъ подвигался къ своей гробницѣ прикрытый однимъ лишь чернымъ сукномъ гробъ Виктора Гюго: такъ онъ самъ велѣлъ себя похоронить.

А за гробомъ шли въ своихъ расшитыхъ мундирахъ академики и дипломаты, судьи въ красныхъ мантияхъ, гене-

разы въ своихъ перьяхъ и мундирахъ, делегаціи съ ихъ знаменами и значками и толпа, толпа, толпа.

Около двухъ часовъ голова кортежа подошла, наконецъ, къ Пантеону. Здѣсь опять говорились рѣчи, и эти рѣчи мы опять пропустимъ. Гробъ былъ поставленъ на катафалкѣ у ступеней Пантеона, и передъ этимъ гробомъ прошелъ весь погребальный кортежъ. Это шествіе продолжалось восемь часовъ.

Затѣмъ гробъ былъ опущенъ въ гробницу, колесницы разъѣхались, люди разошлись, площади опустѣли, и все приняло свой обычный видъ. Только однимъ человѣкомъ на свѣтѣ меньше стало.

Правда, что этотъ человѣкъ былъ Викторъ Гюго.

II.

1.

„Моя жизнь“, могъ бы сказать о себѣ Викторъ Гюго словами Лассалы, — „моя жизнь была велика, смѣла и блестяща“. Съ самаго ранняго дѣтства мальчикъ уже жилъ политическими чувствами. Его отецъ былъ генералъ Наполеоновской арміи и приверженецъ императора; его мать, родомъ изъ Вандеи, была горячею сторонницею Бурбоновъ. На Викторѣ Гюго должны были отразиться, не могли не отражаться разногласія его родителей. Наполеонъ палъ. Мать Виктора Гюго была рада необычайно, хотя это событіе непоправимо разбило положеніе и карьеру ея мужа. Викторъ Гюго носилъ лиліи въ петлицѣ, — онъ былъ убѣжденъ, что поступаетъ хорошо, такъ какъ его мать этого хотѣла. Онъ находился подъ вліяніемъ матери, такъ какъ она, въ виду недосуга отца, занималась воспитаніемъ дѣтей. Въ глазахъ мальчика Наполеонъ былъ тираномъ, деспотомъ. И однимъ изъ первыхъ стихотвореній Виктора Гюго, — которому было тогда всего тринадцать лѣтъ — была политическая діатриба, брошенная Наполеону послѣ его пораженія при Ватерлоо.

Въ ней маленькій поэтъ между прочимъ восклицаетъ:

Tremble! voici l'instant où ta gloire odieuse
Subira du destin la main victorieuse.
Sombre, inquiet, en proie aux remords déchirants,
Aux remords qui toujours poursuivent les tyrans,
Tu voulus tout dompter dans ton brûlant délire,
Et pour mieux l'affermir, tu perdis ton empire;
Mais du sang des Français cimentant les malheurs,
Ta chute même, hélas! nous fit verser des pleurs.
O champs de Waterloo! bataille mémorable!
Jour à la fois pour nous heureux et déplorable! *)

Для тринадцатилѣтняго ребенка такіе стихи болѣе, чѣмъ замѣчательны: они изумляютъ и формой, и зрѣлостью выраженной въ нихъ мысли и силой выраженія. Относятся ли они дѣйствительно къ 1815 году? Вопросъ этотъ невольно самъ собою

*) Цитировано въ *Victor Hugo raconté par un témoin de sa vie*.

напрашивается на уста въ виду того, что на біографическія данныя, сообщаемыя книгой *Victor Hugo raconté par un témoin de sa vie*, книгой, изъ которой всѣ біографы Гюго берутъ свои свѣдѣнія, полагаться далеко нельзя. Эта книга была написана женою Виктора Гюго, „подъ диктовку мужа“, говоритъ Эдмонъ Бире. А Викторъ Гюго, нужно сказать, никогда не отличался уваженіемъ къ исторической точности ни въ своихъ романахъ, ни въ своей автобіографіи. Эдмонъ Бире написалъ цѣлыхъ пять книгъ ¹⁾, въ которыхъ, слѣдуя шагъ за шагомъ за авторомъ *Victor Hugo raconté*, методически и неуклонно раскрываетъ всѣ его вольныя и невольныя заблужденія, и въ общемъ выставляетъ Виктора Гюго въ чрезвычайно невыгодномъ свѣтѣ. Но Бире роялистъ, католикъ, консерваторъ. Онъ ненавидитъ Гюго за его республиканизмъ и за его свободомысліе, и его собственныя, Бире, показанія могли бы быть заподозрѣны. Существуютъ, однако же, и другія доказательства того, наприкладъ, что Викторъ Гюго подъ сравнительно поздними своими стихотвореніями подписывалъ очень раннія даты, молотя эти стихотворенія иногда на цѣлыхъ сорокъ лѣтъ, или что онъ рассказывалъ какіе-нибудь даже и пустяшныя сами по себѣ случаи своей жизни такъ что они его окружали какой-то особой значительностью, тогда какъ они произошли самымъ обыкновеннымъ образомъ. Такъ, авторъ *Victor Hugo raconté* рассказываетъ, что Сентъ-Бевъ, явившись въ первый разъ къ Гюго, пришелъ чуть ли не на поклоненіе къ поэту. Самъ Сентъ-Бевъ говоритъ, что дѣло было значительно проще. Да и съ чего онъ поклонялся бы Гюго, который въ моментъ ихъ перваго знакомства былъ еще авторомъ *Odes et Ballades* не болѣе?

Какъ бы то ни было, но что поэтическое дарованіе Гюго было изъ исключительно раннихъ, видно изъ стихотворенія, написаннаго имъ въ 1817 году, на тему, заданную для конкурса Академіей. Стихотвореніе это оказалось лучшимъ изъ всѣхъ представленныхъ на судъ академиковъ. Но поэтъ говоритъ въ немъ, что ему 15 лѣтъ, и это заставило академиковъ, боявшихся какой-нибудь шутки со стороны неизвѣстнаго автора, присудить награду другимъ. „Если, сказано въ докладѣ о присужденіи наградъ, г-ну Гюго *дѣйствительно* только 15 лѣтъ, Академія должна ему выразить поощреніе“, и ему былъ данъ почетный отзывъ. И кто на мѣстѣ почтенныхъ членовъ Французской Академіи не выразилъ бы сомнѣнія насчетъ возраста автора при чтеніи такихъ стиховъ:

Loin du bruit, loin du trouble et loin de l'imposture,
 Tu ¹⁾ m'aides à sonder le sein de la nature,
 Et ton flambeau sacré, pénétrant ses décrets,
 A mes yeux étonnés dévoile ses secrets.
 Quelquefois, déroulant les fastes de l'histoire,
 Tu m'apprends à connaître, à mériter la gloire,
 Tu m'apprends à hair, malgré leurs vains lauriers,

¹⁾ Edmond Biré. *Victor Hugo et la Restauration, Victor Hugo avant 1830, Victor Hugo après 1830*, 2 vol., *Victor Hugo après 1852*.

²⁾ Поэтъ обращается къ наукѣ.

Les conquérants cruels, les farouches guerriers.
 Quand du monde pour moi la carrière commence,
 L'étude des vieux temps me sert d'expérience;
 Chaque siècle écoulé trace à mon souvenir
 Le tableau des écueils de ma vie à venir.
 Et, dans leur nuit obscure interrogeant les âges,
 Je m'apprête à braver le sort et ses orages,

Si le ciel me lançant sur le torrent du monde,
 Livre mon frêle esquif à la merci de l'onde,
 Moi, qui, toujours fuyant les cités et les cours,
 De trois lustres à peine ai vu finir le cours,
 Qui pourra me guider? Quelle main courageuse
 Dirigera ma nef sur la mer orageuse?

И т. д.

Стихотвореніе, выдержки изъ котораго только что сдѣланы, должно считаться литературнымъ дебютомъ Виктора Гюго. Въ самомъ дѣлѣ, „почетный отзывъ Академіи былъ въ тѣ времена событіемъ. Газеты заговорили о Гюго; онъ сталъ почти знаменитымъ“¹⁾.

Въ теченіе пяти лѣтъ, отдѣляющихъ этотъ дебютъ отъ появленія сборника *Odes et Ballades* Гюго пишетъ много стиховъ, помѣщаетъ въ маленькомъ журналѣ, который онъ издавалъ вмѣстѣ со своими братьями, *Le Conservateur littéraire*, рядъ интересныхъ критическихъ статей о французскихъ и англійскихъ писателяхъ.

Но все это было только приготовленіемъ къ настоящей писательской дѣятельности, къ *Odes et Ballades*, и, еще пять лѣтъ спустя, къ знаменитому въ литературной исторіи Франціи и надѣлавшему въ свое время такого сильнаго шума предисловію къ драмѣ *Cromwell*.

2.

Odes et Ballades появились въ 1822 году. Книжка обратила на себя всеобщее вниманіе. Къ ней отнесся съ большимъ сочувствіемъ Сентъ-Бевъ, также начинавшій тогда свою карьеру; ее замѣтилъ и король Людовикъ XVIII, который отыскалъ въ ней оду, посвященную ему лично, и въ этой одѣ строфу, противъ коей написалъ: *Superbe!* и приказалъ выдавать Виктору Гюго изъ своихъ личныхъ средствъ пенсію въ 1000 франковъ, увеличенную затѣмъ до 2000 франковъ.

Все біографы Гюго, и даже самъ Бире, согласны, что пенсія этой поэтѣ не искалъ, ни даже не ожидалъ, но она пришла кстаті. На ходъ нравственнаго развитія и личной политической эволюціи Гюго она во всякомъ случаѣ не оказала ни малѣйшаго вниманія. Если роялистскіе и религіозные стихи перваго сборника Виктора Гюго стяжали ему единодушныя похвалы, то романъ его, *Han d'Islande*, выпущенный черезъ годъ

¹⁾ Victor Hugo raconté.

послѣ *Odes et Ballades*, вызвала, напротивъ, со стороны критики того времени ожесточенныя нападки. И только кружокъ передовыхъ литераторовъ, во главѣ котораго находился Шарль Нодье, привѣтствовалъ съ восторгомъ оригинальное произведение новаго писателя. Нодье былъ однимъ изъ творцовъ и во всякомъ случаѣ однимъ изъ предтечъ романтическаго движенія во французской литературѣ. Статья, написанная имъ въ защиту *Han d'Islande* и съ силою направленная противъ классицизма, вызвала запальчивую полемику, и романъ вскорѣ послѣ появленія былъ изданъ вторично.

Въ слѣдующемъ, 1824-мъ, году вышло второе изданіе сборника *Odes et Ballades*, а затѣмъ въ 1826-мъ—третье. Въ предисловіи къ этому третьему изданію Виктора, Гюго уже чувствительно приближается къ романтикамъ, во главѣ которыхъ онъ съ такимъ блескомъ и такой рѣшительностью станетъ черезъ годъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отдаляется отъ Бурбоновъ, дѣлается сторонникомъ Наполеона, т. е. либераломъ, такъ какъ въ тѣ времена быть почитателемъ Наполеона значило быть либераломъ, человѣкомъ оппозиціи. Въ февралѣ 1827 г. онъ написалъ знаменитую *Ode à la Colonne*, которая вооружила противъ него роялистовъ, оскорбленныхъ тѣмъ, что поэтъ воспѣлъ въ этой одѣ славу Наполеона. Гюго стали называть измѣнникомъ, перебѣжчикомъ. Крики и шумъ, которые вызывало его имя, усилились вскорѣ еще болѣе, хотя на этотъ разъ они исходили уже не отъ политической партіи, оставленной поэтомъ, а изъ литературныхъ сферъ, изволновавшихся при появленіи его драмы *Cromwell*. Предисловіе къ этой драмѣ произвело гораздо болшую сенсацию, чѣмъ сама драма, потому что оно представляло собою манифестъ молодой романтической школы, презрительно отвергавшей всѣ почтенныя, святыя, узаконенныя стариннымъ обычаемъ правила классицизма и требовавшей для творчества полной, совершенной свободы.

Со стороны классиковъ на молодого драматурга посыпались рѣзкіе упреки, оскорбленія и брань. Зато артистическая молодежь, поэты, художники, журналисты, выражали Виктору Гюго пламенный восторгъ передъ этимъ предисловіемъ къ *Кромвелю*, которое, по выраженію Теофили Готье, „сверкало лучами, какъ скрижали завѣта на Синаѣ“.

Кромвель не былъ поставленъ на сценѣ за смертью Тальмы. для котораго эта драма была написана. Но съ нея, точнѣе сказать, съ предисловія къ ней начинается для Гюго та широкая и громкая слава, которая съ тѣхъ поръ не переставала окружать его имя.

8.

Гюго былъ, выражаясь словами одной южно французской пословицы, „палачемъ труда“; трудъ былъ функцией его организма, дѣйствовавшей съ такою же неустанною правильностью, съ какою работали его легкія, сердце и, если здѣсь позволено вспомнить извѣстное сравненіе Тэна,—„печень“. *Crom-*

well вышелъ въ свѣтъ въ началѣ 1828 года, а въ юнѣ 1829 уже была готова другая драма *Marion de Lorme*; въ промежуткѣ между этими двумя пьесами Гюго выпустилъ свои ослѣпительныя *Orientales* и потомъ *Послѣдній день осужденнаго на казнь*. И *Les Orientales*, и *Le dernier jour d'un condamné* были событіями въ тогдашней литературѣ. Но сенсация, произведенная появленіемъ *Marion de Lorme*, затмила собою впечатлѣніе, вызванное двумя предыдущими книгами поэта. Пьеса репетировалась на сценѣ французской комедіи. Вдругъ, директоръ послѣдней получаетъ изъ цензуры извѣдомленіе, что драма запрещена. Гюго отправился къ министру; министръ ни за что не согласился разрѣшить пьесу. Гюго попросилъ и получилъ аудіенцію у Карла X; король также ни за что не соглашался позволить играть *Marion de Lorme*. Но, чтобы смягчить свой отказъ, онъ повысилъ пенсію Гюго съ 2000 до 6000 франковъ. Гюго тотчасъ же отвергъ эту прибавку. Отказъ поэта и запрещеніе пьесы подняли, разумѣется, отчаянную полемику между газетами, дружественными правительству и враждебными ему. Результатъ этого волненія былъ тотъ, что, когда Гюго представилъ въ цензуру въ томъ-же 1829 году другую драму, *Hernani*, запретить ее уже не рѣшились, хотя, какъ сказано въ докладѣ цензурной комисіи, „эта пьеса полна неприличій всякаго рода. Король въ ней часто выражается какъ разбойникъ, разбойникъ обращается къ королю какъ къ грабителю“. Цензура ограничилась тѣмъ, что потребовала измѣненія нѣсколькихъ фразъ, черезчуръ непочтительныхъ по отношенію къ королевскому сану.

25 февраля 1830 года состоялось первое представленіе *Hernani*. На него смотрять, какъ на день рѣшительнаго сраженія между романтизмомъ и классицизмомъ, день великаго гнѣва — *dies irae, dies illa* — классиковъ и день ихъ полнаго пораженія. Классики точно предчувствовали это и заблаговременно обратились съ петиціей къ Карлу X. прося его воспретить доступъ французской комедіи для пьесъ новаго направленія. Но на этотъ разъ король отвѣтилъ: „Въ дѣлѣ литературы у меня, господа, нѣтъ никакой власти, а только, какъ у cadaго изъ насъ, кресло въ партерѣ“. Было замѣчено, что на репетиціяхъ въ темномъ уголкѣ залы сидѣлъ постоянно какой-то старичекъ: — это оказался драматургъ-классикъ, записывавшій тѣ мѣста пьесы, которыя должны были быть оснистаны друзьями классицизма. Этихъ мѣстъ оказалось много: Гюго, потомъ, съ рукописью въ рукѣ, пришелъ къ тому заключенію, что положительно ни одного полустиха драмы классики не пропустили безъ свистковъ, шканья, гика и крика.

Со своей стороны и романтики не дремали. Гюго заранѣе принялъ свои мѣры. Онъ роздалъ пятьсотъ билетовъ своимъ друзьямъ, готовымъ, какъ выразился Теофиль Готье, „послѣдовать за нимъ на суровыя горы романтизма и мужественно защищать ихъ ущелья противъ нападений классиковъ“. Въ

числѣ этихъ молодыхъ людей было не мало такихъ, которые составили себѣ потомъ выдающееся имя въ литературѣ, живописи, музыкѣ и проч. Между ними были Бальзакъ и Берлиозъ. Каждый изъ этой молодой и страстной толпы былъ снабженъ карточкой изъ красной бумаги съ испанскою надписью: *Hierro* (железо, символъ силы, мужества и прямоты). Молодой Франціи, какъ называли эту толпу проницательскіе классики, было предоставлено право входить въ театральную залу, начиная съ двухъ часовъ дня: она собралась къ двѣнадцати. Одѣтая въ эксцентрическіе костюмы, выдѣляясь среди спокойныхъ горожанъ экстравагантностью шевелюръ и бородъ, толпа эта, дѣлывъ два часа ждавшая, чтобы открыть двери театра, привлекала вниманіе прохожихъ, вызывая изумленіе, негодованіе, ужасъ. Въ нее стали бросать всякаго рода грязью, капустными кочанами и проч.

Наконецъ двери открылись. Молодая Франція устремилась въ театр. Тамъ она, дожидаясь начала представленія, закусывала, разговаривала, пѣла, спорила, шумѣла, хохотала. Зажглась люстра. Мало-по-малу стали собираться „филистимляне“ — классики, „академики“, „голые черепа которыхъ вымостили переднюю часть залы“. Вскорѣ между ними и ихъ противниками завязались горячіе, запальчивые діалоги, перебранки, оскорбленія. Сдѣлавшійся потомъ знаменитымъ въ исторіи романтизма красный жилетъ Теофиля Готье привлекалъ собою почему-то съ особенною силою яростныя взгляды классиковъ, выходившихъ изъ себя отъ гнѣва при видѣ этого багрянаго пятна.

Дѣло, говорятъ историки этого достопамятнаго вечера, дошло бы непременно до драки, если бы занавѣсъ не взвился и не заставилъ всѣхъ обернуться къ сценѣ.

Но тутъ, съ первыхъ же стиховъ, война снова разгорѣлась. Романтики отставали отъ классиковъ пядь за пядью, стихъ за стихомъ, права новой техники — и въ концѣ концовъ отстояли. Этотъ вечеръ сталъ въ послѣдствіи называться *la bataille d'Hernani*.

4.

Время было безпокойное, готовилась іюльская революція. Литература, даже когда она этого и не имѣла въ виду, мимовольно сплеталась съ политическими теченіями. Авторъ *Victor Hugo raconte* приводитъ выдержки изъ статьи одной изъ газетъ тогдашняго времени, — статьи, вызванной предстоявшимъ представленіемъ *Hernani*. „Какое бы, говорить газета, ни было значеніе *Hernani* для литературной республики, — французской монархіи нечего безпокоиться по поводу этой пьесы“. Оказалось, что было чего безпокоиться.

Карлъ X палъ. Его замѣстилъ Луи-Филиппъ. Существенныхъ переменъ не произошло никакихъ. Когда стало извѣстнымъ, что Гюго намѣренъ поставить на сценѣ французской комедіи свою драму *Le Roi s'amuse* (дѣло было осенью 1832 г.;

этой драмѣ предшествовалъ сборникъ стихотвореній *Feuilles d'Automne* и романъ *Notre-Dame de Paris*, появившіеся въ 1831 г.), министр публичныхъ работъ, въ вѣдѣніи котораго состояли тогда театры, потребовалъ, чтобы ему была показана рукопись. Гюго отказался показать: июльская революція упразднила цензуру. Тогда министръ пригласилъ его къ себѣ потолковать и спросилъ, правда ли, что личность Франциска I представляетъ намекъ на Луи-Филиппа. Гюго отвѣтилъ, что неправда. Министръ, повидимому, удовлетворился этимъ отвѣтомъ.

Обстоятельства, при которыхъ состоялось первое и единственное представленіе *Le Roi s'amuse*, въ общемъ схожи съ тѣми, какія сопровождали постановку *Hernani*. Молодые друзья Гюго на этотъ разъ, впрочемъ, пѣли передъ началомъ и въ антрактахъ марсельезу и карманьолу. Пьеса была освистана. На другой день она была запрещена подъ тѣмъ предлогомъ, что она безнравственна.

Гюго подалъ въ судъ на министра и, конечно, проигралъ процессъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ началѣ 1833 года, *Lucrèce Borgia*, поставленная на сценѣ другого театра, имѣла необычайный успѣхъ. Еще нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ концѣ того же 1833 года и съ такимъ же успѣхомъ была играна другая драма Гюго *Marie Tudor*.

Въ 1834 году Гюго выпустилъ сборникъ статей различнаго содержанія, озаглавленный *Littérature et Philosophie mêlées*. Статьи эти рисуютъ намъ эволюцію автора, совершавшуюся въ немъ въ теченіе 15 лѣтъ, съ 1819 до 1834 года, и доведшую его до революціонныхъ воззрѣній въ политикѣ и въ литературѣ. Въ томъ же году вышла его книга *Claude Gueux*, направленная противъ смертной казни.

За этими сочиненіями слѣдуетъ драма *Angelo*—въ 1835 году и въ томъ же году томъ стихотвореній *Les Chants du Crépuscule*.

Въ 1836 году въ дѣятельности Гюго замѣчается перерывъ: онъ не написалъ, по крайней мѣрѣ, не опубликовалъ ничего, кромѣ либретто для оперы *Esmeralda*, заимствованнаго изъ его же *Notre-Dame de Paris*.

Въ 1837 году появляются его стихотворенія *Les Voix intérieures* и драма *Ruy Blas*, выдержавшая представленій пятьдесятъ и, какъ водится, столько же разъ освищенная. Въ 1838 году Гюго печатаетъ новый томъ стихотвореній *Les Rayons et les Ombres*.

III.

Изъ перечисленнаго выше списка произведеній Гюго видно, съ какою систематичностью онъ работалъ: каждый годъ онъ печаталъ одинъ-два тома прозы или стиховъ. Нужно прибавить къ этому, что печаталъ онъ еще не все, что писалъ. Многія изъ его произведеній, относящихся къ этому времени, выходили въ свѣтъ потомъ гораздо позже.

Къ сорока годамъ онъ былъ самымъ замѣчательнымъ по-

этомъ своего времени. драматургомъ, пьесы котораго вызывали, какъ мы видѣли, самыя страстныя волненія въ тогдашней публикѣ и критикѣ. романистомъ, книги котораго читались нарасхватъ. Онъ былъ на высотѣ своей славы; у его дома собирались по вечерамъ толпы народа, чтобы на него посмотреть, и онъ часто показывался у оконъ своей квартиры, окруженный друзьями.

Однако это не помѣшало его драмѣ *Les Burgraves*, поставленной на сценѣ въ 1842 году, быть ошиканной по примѣру почти всѣхъ пьесъ, написанныхъ имъ раньше. *Les Burgraves*— послѣдняя попытка Гюго завоевать себѣ, какъ драматургъ, признаніе своихъ современниковъ. Онъ оставляетъ театръ, хотя въ его портфель есть еще нѣсколько совершенно оконченныхъ пьесъ. Его начинаетъ привлекать другая область— политика.

Благодаря своимъ близкимъ, личнымъ отношеніямъ съ Луи-Филиппомъ, онъ дѣлается въ 1845 году пэромъ Франціи, а затѣмъ сенаторомъ. Но, какъ государственнѣйшій дѣятель, Гюго никогда ничѣмъ не выделялся. кромѣ развѣ напыщеннаго, театральнаго краснорѣчія. Его политическія воззрѣнія— неопредѣленны. Сначала онъ вступаетъ въ консервативную партію. Но иногда вотируетъ, какъ радикалъ. Въ 1849 году, уже будучи членомъ учредительнаго и потомъ законодательнаго собранія, Гюго вдругъ является республиканцемъ и социалистомъ. Нѣкоторое время онъ отстаиваетъ, какъ, впрочемъ, и многіе другіе, противъ Кавеньяка кандидатуру будущаго Наполеона III на президентство республики. Затѣмъ онъ нападаетъ на этого послѣдняго, и послѣ переворота 2-го декабря онъ принужденъ бѣжать изъ Франціи, чтобы спастись отъ мщенія новаго правительства. Голова Гюго была оцѣнена: 25.000 франковъ были обѣщаны тому, кто задержитъ или даже убьетъ поэта.

Теперь Гюго является передъ нами въ новомъ видѣ: это памфлетистъ (*Napoléon le Petit*), гнѣвный сатирикъ (*Les Châtiments*), политическій публицистъ (*L'Histoire d'un Crime*). Со времени изгнанія популярность Виктора Гюго возрастаетъ еще болѣе. Его *Наполеонъ Малый*, его *Казни* расходятся во Франціи,—гдѣ обѣ книги, разумѣется, запрещены,—въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Ихъ провозятъ изъ Бельгіи, гдѣ онѣ были напечатаны, скрытыми въ стѣнныхъ часахъ или въ гипсовыхъ бюстахъ, или въ жестяныхъ коробкахъ подъ видомъ будто бы консервовъ. Полиціи иногда удается арестовать эти книги на границѣ, но большая часть ихъ ускользаетъ отъ ея чутія.

Гюго далъ слово „не возвращаться во Францію, пока не вернется туда свобода“. Онъ не воспользовался поэтому амнистіей 1859 года и прожилъ въ изгнаніи вплоть до паденія второй имперіи. За это время, кромѣ только что названныхъ произведеній, имъ были написаны и опубликованы сборники стихотвореній *Les Contemplations*—въ 1856 году и *La Légende*

des Siècles—въ 1859. Два года спустя выходятъ въ свѣтъ его знаменитый романъ *Les Misérables*, начатый еще въ 1848 году. Затѣмъ, второй томъ стихотвореній *Les Chansons des rues et des bois* появляется въ 1865 году, а за нимъ слѣдуютъ два романа: *Les Travailleurs de la Mer*,—въ 1866 году, и не менѣе знаменитый, тѣмъ *Les Misérables* и *Notre-Dame de Paris*,—*L'homme qui rit*,—въ 1869.

Послѣ возвращенія во Францію Гюго опять на нѣкоторое время, на этотъ разъ очень короткое, вмѣшивается въ политическія дѣла своей страны въ качествѣ члена національнаго собранія. Но, какъ и во всю жизнь, главнымъ образомъ онъ посвящаетъ свои усилія литературѣ. Можно даже подумать, что, несмотря на его глубокую старость—ему уже было 70 лѣтъ,—родина оживила его силы. Въ 1872 году онъ печатаетъ *L'Année terrible*—стихотворенія, внушенныя поэту событіями войны. Затѣмъ, въ 1874 г. появляется его романъ *Quatrevingt-treize* и небольшое сочиненіе *Mes Fils*, посвященное его умершимъ сыновьямъ. Въ 1875 году выходятъ въ свѣтъ три тома автобіографическаго характера, *Actes et Paroles: avant, pendant et depuis l'exil*. Въ 1877 году—новая серія *Légende des Siècles*, и въ томъ же году—томъ прелестныхъ стихотвореній *L'Art d'être grand père*, вызванныхъ тихими обязанностями дѣда по отношенію къ Жоржу и Жаннѣ, внуку и внучкѣ Виктора Гюго. Къ 1877 году относится также и *L'Histoire d'un crime*, написанная 25 лѣтъ назадъ, но которую авторъ опубликовалъ только теперь, въ виду дѣйствій маршала Макъ-Магона, заставлявшихъ опасаться новаго государственнаго переворота.

Въ 1878 году Гюго публикуетъ религіозную и антиклерикальную поэму *Le Pape*, за ней идутъ книги—*La Pitié suprême* въ 1879 году и *Religion et Religions* въ 1880 году. Въ этомъ же, 1880 году, появляется и еще одна поэма *L'Ame*, въ которой Гюго попытался осмѣять педантизмъ. Въ 1881 году восьмидесятилѣтній поэтъ выпускаетъ новую книгу *Les Quatre vents de l'Esprit*. За этими стихами слѣдуетъ драма *Torquémada*,—въ 1882 году, и третья серія *Légende des Siècles*—въ 1883 году. Въ 1884 году появляется *Le Théâtre en liberté*.

Смерть Гюго не прервала періодическаго появленія произведеній поэта. Последний продолжаетъ еще какъ будто жить между нами. Въ 1886 году выходитъ въ свѣтъ поэма *La fin de Satan*, въ 1887 г.—*Choses vues*; въ 1888 г. появляется сборникъ неизданныхъ стихотвореній Гюго *Conte la lyre*, въ 1891 г.—поэма *Dieu*, въ 1893 г.—новая серія *Conte la lyre*; въ 1894 г.—*Océan*. Затѣмъ слѣдуютъ *En Voyage*, *Переписки* и т. д., и т. д. Посмертныя сочиненія Гюго выходятъ до сихъ поръ. Въ прошломъ году появились *Lettres à ma fiancée*, а въ нынѣшнемъ—*Post-scriptum de ma vie*. И рукописи, оставленныя Гюго, еще далеко, далеко не всѣ напечатаны!

Но если, такимъ образомъ, Викторъ Гюго еще живъ среди насъ, то, съ другой стороны, онъ пережилъ себя задолго до

своего конца: „онъ живымъ вступилъ въ безсмертіе“, какъ говорили о немъ его вѣжливые соотечественники. Время, когда онъ въ расцвѣтѣ молодости разрушалъ во имя свободы искусства условности предшествующей поры, не походило уже на ту эпоху, среди которой Гюго оказался по возвращеніи во Францію. То были дни безумія и упоенья, „когда—говорить Тоофиль Готье,—соки новой жизни бурно струились въ жилахъ, когда все и зарождалось, и пускало почки, и разомъ расцвѣтало вдругъ, когда благоуханія, отъ которыхъ кружилась голова, шли отъ цвѣтовъ, когда воздухъ опьянялъ и люди безумно жаждали лиризма и искусства“¹⁾. Прошло сорокъ лѣтъ, и явились другіе люди, которые смѣялись надъ своими романтическими дѣдами. Да и сорока лѣтъ еще не прошло. Реакція противъ романтизма обозначается гораздо раньше. Вскорѣ послѣ паденія драмы Гюго *Les Burgraves*, на сценѣ Одеона была поставлена съ огромнымъ успѣхомъ пьеса Понсара *Lucrece*, являвшая собою первое отчетливое выраженіе того эклектическаго творчества, которое явилось на смѣну романтизма. Мы видѣли, что Гюго пришлось уже въ 1843 году уступить сцену другимъ.

Позднѣе явились другія теченія: Флоберъ кладетъ основаніе натуралистической школѣ въ 1857 году. Но и здѣсь опять, если натурализма не отдѣлять отъ реализма, то необходимо указать на то, что послѣдній, въ лицѣ Стендала, подрываетъ основы романтизма еще раньше: въ 1840 году со своей *Chartreuse de Parme* и даже раньше еще—въ 1830 году, въ годъ торжества *Hernani*, съ своимъ романомъ *Le Rouge et le Noir*.

Стендаль, впрочемъ, безуспѣшно воевалъ съ романтизмомъ, однимъ изъ первыхъ сторонниковъ котораго онъ былъ сначала и самъ, если только предположить, что онъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ въ виду создать романъ въ духѣ, враждебномъ романтизму: на *Chartreuse de Parme* обратилъ вниманіе одинъ только Бальзакъ—однимъ только Бальзакъ въ 1840 году былъ способенъ одѣнить это въ высшей степени замѣчательное произведеніе Стендала. Къ тому же сама статья Бальзака прошла незамѣченной.

Но, когда приблизительно въ одно время съ появленіемъ *Madame Bovary* Флобера Тэнъ напишетъ свой этюдъ о Стендалѣ, читатель уже гораздо внимательнѣе отнесется къ этому послѣднему. Можно сказать, что къ этому времени, т. е. къ половинѣ 50-хъ годовъ, роль Гюго, какъ художника, была уже совершенно окончена. Романтизмъ исчезъ изъ жизни выѣстъ съ чахлой второй республикой, исчезъ онъ, строго говоря, и изъ искусства. *Les Misérables*, появившіеся въ 1862 году, и *L'Homme qui rit*, вышедшій въ свѣтъ семь лѣтъ спустя, интересовали публику и мощью таланта, создавшаго ихъ, и, быть можетъ, въ особенности, личнымъ обаяніемъ написавшаго ихъ поэта-изгнанника. Но въ моментъ ихъ появленія эти романы представляли собою уже послѣдніе, хотя и сплывные еще, отголоски отжившаго, отзвучавшаго искусства.

¹⁾ Th. Gautier. *L'Histoire du romantisme*.

Личность Гюго была окружена почетомъ и уваженіемъ. Но какъ надъ поэтомъ, какъ надъ художникомъ надъ нимъ уже стали подсмѣиваться. Когда въ 1880 году появилась его поэма *Осела*, Зола въ своей рецензіи о ней даетъ понять читателю, что настоящій-то оселъ въ сущности самъ Гюго. Зола, человѣкъ страстный, глубокій, сильный, былъ позмущенъ насмѣшками надъ наукой, которыя, какъ ему показалось, содержала поэма *L'Ance*, и онъ выступилъ въ защиту этой трезвой науки, осмѣянной будто бы романтизмомъ. Ноявляются другіе гонители романтической поэзіи—люди безъ идеаловъ, безъ опредѣленныхъ стремленій, безъ идей, безъ страстей, представители того будто бы скептицизма, который на мѣткомъ языкѣ здраваго смысла называется *je m'en foutisme* и превосходнымъ по полнотѣ выражителемъ котораго является Жюль Лемэтръ въ его литературной дѣятельности вообще и въ его статьѣ о Гюго, въ частности и въ особенности. Этими людямъ будутъ непонятны, странны и смѣшны и огромныя, жаркія чувства поэта, выражавшіяся въ грандіозныхъ образахъ, и его идеи, основанныя на одной лишь вѣрѣ, на одномъ лишь предчувствіи лучшаго будущаго,—идеи, не оправданныя дѣйствительностью и тѣмъ самымъ—въ глазахъ этихъ „скептиковъ“—осужденныя ею.

Но пройдетъ еще немного времени, и самъ натурализмъ долженъ будетъ въ свою очередь выдерживать насмѣшки, проклятія и нападенія. Что касается *je m'en foutisme*, мы увидимъ представителей его,—этихъ Лемэтровъ, этихъ Барресовъ—въ роли проповѣдниковъ и защитниковъ насилія и лжи.

А тотъ, кто съ 1820 года и до самой своей кончины неустанно писалъ стихи и печаталъ свои отважные романы, драмы и памфлеты, а Викторъ Гюго остается непоколебимымъ и вѣчнымъ, какъ мраморъ, какъ мѣдь. Что изъ того, что форма его произведеній устарѣла: содержаніе ихъ еще молодо, страсть, которою они дышутъ, еще не отжита, чувства, которыя они внушаютъ, еще двигаютъ людьми.

И 26 февраля 1902 года французы будутъ чествовать память человѣка, умершаго только физически, но душою еще живого и еще дѣйствующаго среди насъ. Если роль его какъ художника-романтика была кончена уже давно, его значеніе, какъ сѣятеля разума, добраго, вѣчнаго, еще далеко не прекратилось. Мы попробуемъ оцѣнить и эту роль, и это значеніе во второй части нашей статьи. И мы увидимъ, что, несмотря на то, что жизнь Виктора Гюго была въ сущности бѣдна внѣшними, эффектнымъ событіями, и что онъ почти ничего другого и не дѣлалъ, какъ только писалъ книги, что его біографія можетъ быть въ сущности резюмирована въ перечнѣ его сочиненій, сдѣланномъ выше,—жизнь его была дѣйствительно,—говоря словами Лассалы—„и велика, и смѣла, и блестяща“.

Г. Савичъ.

Маленькіе разказы.

ПОЪЗДКА.

Все случилось оттого, что однажды вечеромъ въ трактиръ Тѣстова было вынито болѣе чѣмъ слѣдуетъ. Илья Ильичъ былъ въ хвастливомъ настроеніи, Аристархъ-же Пафнutyчъ со своею всегдашнею ехидною улыбочкою подтрунивалъ и подсмѣивался. На дворѣ стоялъ морозъ, стекла были въ узорѣхъ; разговоръ вдругъ коснулся погоды и кто-то замѣтилъ, что въ Ниццѣ и теперь тепло, не смотря на февраль мѣсяцъ.

Вотъ тутъ-то и лежитъ всему причина, будто чортъ дернулъ за ухо Илью Ильича, возьми онъ и гаркни: „Пожелаю—на эфтой недѣлѣ въ самой Ниццѣ пообѣдаю“—не соображалъ онъ съ пьяныхъ глазъ, что за Ницца такая, ресторанъ, думалъ, какой али трактиръ.

Услыхалъ тутъ похвалбу эту Аристархъ Пафнutyчъ и выговорилъ съ улыбочкой:—не видать тебѣ Ниццы этой, что своихъ ушей.

Весь вспыхнулъ Илья Ильичъ; какъ не видать? да, чтобъ ему—московскому купцу, чего нибудь не видать, ежели но-желаетъ. — Не бывать тому —заоралъ онъ, —жисть свою по-ложу, а Ниццу повидаю.

— Ладно, — ухмыльнулся Аристархъ Пафнutyчъ, — что, братъ, давай обѣ закладъ, три тыщи желаешь?

— Желаю,—согласился Илья Ильичъ. Побились, по рукамъ ударили, розняли, все какъ слѣдуетъ, еще выпили и разошлись кто-куда.

Хотя и былъ Илья Ильичъ гораздо выпивши, а все очу-хавшись на слѣдующее утро первымъ дѣломъ о Ниццѣ вспо-мнилъ, закладъ вспомнилъ и все, какъ слѣдуетъ. Одѣлся онъ, умылся и пошелъ о Ниццѣ справки наводить. Спросилъ двор-ника,—почесалъ тотъ за ухомъ, отвѣтилъ что не знаетъ. Спро-

силъ извощика-лихача, посмотрѣлъ тотъ на небо, на каланчу, шанку поправить и сказалъ, что слыхатъ-то онъ слыхивать, но чтобы знать-то не знаетъ; должно новнй шантанъ еще въ постройкѣ—не открытый, а вотъ откроюгъ, то ужъ тогда, сколько Ильѣ Ильичу угодно будетъ—доставитъ. Спросилъ городского—пошелъ тотъ въ участокъ справиться, ничего не узналъ, вернулся, доложилъ:—что, молъ, наше степенство такого заведенія у насъ не ѣдется, ошибка, должно, какая.

Нечего дѣлать, поѣхалъ Илья Ильичъ къ самому Аристарху Пафнютъичу, а тотъ его съ улыбочкой встрѣтилъ, что молъ отъ Ниццы-то отказался, денежки привезъ.

Обозлился Илья Ильичъ закричалъ:—кой чортъ, ты братъ, деньги-то выкладывай, а только эфтой Ниццы нигдѣ сыскать не могу, къ тебѣ пріѣхать за указкой.

Смѣется Аристархъ Пафнютъевичъ, да и говоритъ съ присказочкой:—Ишь, что выдумалъ, Ницца то эта самая, сударь мой родименькій, не близко, не далеко, за тридцать земель, въ сороковомъ государствѣ—вотъ какъ—въ за-границѣ самой.

Какъ услышалъ Илья Ильичъ про границу, точно обухомъ его кто по головѣ хватилъ, глаза изъ орбитъ полезли, въ груди сперло, посмотрѣлъ онъ на своего противника, что звѣрь лютый и вымолвилъ:

— Ишь-ты, нехристь, адова душа, что выдумалъ.

Аристархъ Пафнютъичъ стоитъ да посмѣивается:—Пожалуй, братъ, три тыщи, закладъ-то проморгалъ.

Ушелъ отъ него не простившись Илья Ильичъ. И дернула же нелегкая закладъ держать, впоно до добра не доводитъ, каялся Илья Ильичъ, плакался, нить зарекался, а въ полдень съ обиды-ли, съ горя-ли, а снова напился.—И думалъ онъ идти, да деньги выложить, но упрямство, гордость не позволила; какъ, чтобы, онъ, Илья Ильичъ, да заклада своего не выдержалъ. Думалъ онъ, колебался, горевалъ, а въ концѣ концовъ ѣхать собрался.

Деньгишъ перевелъ черезъ банкъ, да съ собой прихватилъ; нашелъ интеллигента какого-то, что на всѣхъ языкахъ гораздъ, маленькій, щупленькій, на выпивку только плохъ, молебень отслужилъ, свѣчей ко всѣмъ иконамъ поставилъ; напился какъ свинья, чтобы себя не помнить, когда въ вагонъ сажать будутъ, какъ изъ Москвы уѣзжать придется, со всѣми попрощался и покатилъ: а на платформѣ Аристархъ Пафнютъичъ стоялъ и ухмылялся, не вѣрилось ему, что попадетъ-таки Илья Ильичъ въ Ниццу, не такъ-то это легко, какъ кажется, и заблудиться можно, и катастрофа, несчастіе—все бываетъ.

Долго-ли коротко-ли ѣхалъ Илья Ильичъ, хорошенько онъ не помнитъ, одно, что осталось у него въ головѣ это то, что пить и ѣсть вездѣ было въ волю, особенно послѣ того, какъ онъ помѣстился въ train de luxe, гдѣ кромѣ особеннаго куна въ его распоряженіи имѣлся цѣлый вагонъ ресторанъ—ходячій трактиръ, какъ окрестилъ его Илья Ильичъ.—Это новоизобрѣтеніе пришлось ему какъ нельзя болѣе по вкусу

и онъ искренно сокрушался о томъ, что таковыхъ ходячихъ трактировъ не имѣется въ російскихъ поѣздахъ и самымъ добродушнѣйшимъ образомъ просиживалъ въ вагонъ-ресторанѣ съ утра до ночи къ великому удовольствію лакеевъ, къ удивленію всѣхъ пассажировъ и къ великой злобѣ своего спутника.

По вытѣженію этого послѣдняго во все время своего путешествія Илья Ильичъ велъ себя свинья-свиной, ни о чемъ не думая, а только пилъ и кушалъ и, особенно, пилъ, обращая на себя всеобщее вниманіе.

Въ теченіе путешествія, интеллигентъ оставлялъ дремавшаго временами своего принципала, знакомился съ другими путешественниками, и искренно сокрушался и жаловался на разныхъ иностранныхъ языкахъ въ зависимости отъ національности собесѣдника на то, что капиталы въ Россіи отданы въ руки столь необразованныхъ животныхъ и ословъ, какъ его спутникъ, который хотя и похрапывалъ временами, но, тѣмъ не менѣе, преисправно платилъ за билеты перваго класса за себя и за спутника и за ѣду и питье безъ конца, относя все въ умъ своему на счетъ своего супротивника Аристарха Панфнутыча и не разсуждая вовсе о томъ, что закладъ шелъ лишь о трехъ тысячахъ, а имъ было переведено, да захвачено съ собой въ басурманскій край про всякій случай около десяти тысячъ рублей.

Все шло, какъ нельзя лучше. Благодаря опытности своего спутника, Илья Ильичъ нигдѣ не заблудилъ, благодаря же благоустройству желѣзныхъ дорогъ—никакого несчастія или катастрофы не случилось.—Илья Ильичъ хотя и вспоминалъ временами о Москвѣ, мечтая то о поросенкѣ или щакѣ, представлялъ себѣ временами стопу съ квасомъ, тѣмъ не менѣе благодушествовалъ и поглощалъ за неимѣніемъ ничего болѣе подходящаго шампанское въ количествѣ превосходящемъ всякое представленіе лакеевъ вагона-ресторана. Временами онъ поругивалъ Аристарха Панфнутыча за свое путешествіе, обзывалъ своего спутника мокрою курицею, языкомъ безъ костей и другими прозвищами весьма обидными для интеллигентнаго ума.

Какъ бы тамъ ни было, съ каждою минутою, съ каждымъ часомъ, Илья Ильичъ приближался къ Ниццѣ и, должно быть, путешествіе ему было очень по вкусу, ибо когда однажды утромъ сопровождавшій интеллигентъ сообщилъ ему, что черезъ часъ они будутъ въ Ниццѣ, онъ выразилъ нѣкоторое безпокойство, удивленіе и даже подозрѣніе, неужели же такъ скоро они могли столько проѣхать?—Затѣмъ впервые посмотрѣлъ въ окно, увидѣлъ сперва пальму и произнесъ:

— Ишь, чортова кукла, здѣсь такъ растетъ, а у насъ подай ея благородію оранжерею-съ.

Затѣмъ увидѣлъ сосну и захлебнулся отъ удовольствія: „мать моя,“ вскричалъ онъ, „Господи Іисусе,“ никакъ сосна, наша то сосна,—и его счастьемъ, кажется, не было бы предѣла, если бы интеллигентъ со злобой въ голосъ не замѣтилъ: „Обрадовались, сосна; здѣсь еще не то увидите“.

Когда же, наконецъ, Илья Ильичъ, покинулъ вагонъ и его огромная фигура очутилась на платформѣ, покзала Нидны, то и тутъ онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе; нѣсколько пассажировъ переглянулись, одна дама даже вскрикнула, а какой то желѣзнодорожный служащій, отступивъ шага два произнесъ: „on amène ça surement pour l'arrivée du président, drôle de monument. Sera-t-il épaté?“

Сопровождаемый интеллигентомъ и носильщикомъ съ вещами Илья Ильичъ направился къ первому извозчику, омнibus отелей онъ старательно обошелъ, какъ нѣчто еще мало ему знакомое.

Помѣстившись въ первой коляскѣ, Илья Ильичъ обождалъ, чтобы въ слѣдующей были бы положены всѣ вещи и слѣгъ интеллигентъ. Когда все было готово онъ рѣшительно произнесъ нѣсколько разъ подрядъ „въ готель“, извозчикъ понялъ и они поѣхали.

Въ подъѣздѣ одной изъ лучшихъ гостинницъ города, Илья Ильичъ былъ встрѣченъ какъ самый обыкновенный посѣтитель, даже, если можно такъ выразиться, съ нѣкоторымъ недовѣріемъ: не въ свое, молъ, братъ, стойло полѣзъ.

Но стоило только Ильѣ Ильичу, несмотря на всѣ убѣжденія интеллигента, рѣшительно отказаться отъ услугъ лифта, по русски послать къ чорту директора гостинницы, который, какъ казалось Ильѣ Ильичу, имѣлъ желаніе насильно впихнуть его въ лифтъ и потребовать себѣ комнату въ низу, какъ вся окружающая прислуга прониклась къ его особѣ чѣмъ то вродѣ поклоненія и самъ не замѣтивъ того, Илья Ильичъ подъ руки былъ введенъ въ первый этажъ, въ одинъ изъ лучшихъ номеровъ и поставленъ на балконъ съ прекраснымъ видомъ на море.

Директоръ гостинницы, что-то расхваливалъ, прислуга разглядывала громадную фигуру, интеллигентъ еще поднимался въ лифтѣ, Илья Ильичъ созерцалъ море и удивлялся.

— Ишь-ты ширь, гладь-то какая! воды то, воды то, всю не выпьешь—обратился онъ къ директору.

— Oh, monsieur sera bien, monsieur ne manquera de rien, monsieur sera tranquille. Deux cents francs par jour, — лепеталъ онъ.

Илья Ильичъ кивалъ головой и продолжалъ созерцать, когда въ дверяхъ появилась голова интеллигента, Илья Ильичъ повернулся и сказалъ: „спроси этого мошенника“, онъ ткнулъ пальцемъ на директора, „выпьешь ли онъ всю эту воду“.

Интеллигентъ презрительно улыбулся и перевелъ: „Monsieur demande le prix de la chambre“.

Номеръ понравился Ильѣ Ильичу и онъ остался въ немъ; самое же большое впечатлѣніе на него произвело море и онъ около часа простоялъ на балконѣ, созерцая безграничное растиравшееся передъ нимъ водное пространство. „Вотъ она штука то“, произносилъ онъ время отъ времени, „ишь-ты набралось воды не то, что въ Москвѣ рѣкѣ“.

Одѣвшись и умывшись Илья Ильичъ, въ сопровожденіи интеллигента, отправился на поиски трактира, завтракать въ гостиницѣ онъ не пожелалъ. Первый ресторанъ, выѣску котораго замѣтилъ Илья Ильичъ и прочелъ интеллигентъ оказался *Jetée Promenade*.

Поохавъ и посѣтовавъ на то, что онъ стоитъ на столбахъ и на самой вѣдѣ, Илья Ильичъ, который успѣлъ уже проголодаться, рѣшительно вторгнулся въ его помѣщеніе. — Усѣвшись за однимъ изъ столиковъ на терассѣ, обративъ на себя своимъ нѣсколько черезъ-чуръ громкимъ голосомъ всеобщее вниманіе, Илья Ильичъ, потребовалъ кушать и пить. — Едва интеллигентъ успѣлъ взять въ руки карту и началъ переводить названія блюдъ, какъ метръ д'отель, догадавшись съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, сдѣлалъ рукой какой то знакъ и столъ будто самъ собою покрылся закускою и появилась бутылка русской водки Смирнова. Глаза Ильи Ильича раскрылись широко, онъ заключилъ въ свои мощныя руки бутылку и прерывающимся голосомъ произнесъ: „Она... она самая... Смирнова... матушка наша православная и какъ ты сюда попала страдалница, ужъ я тебя, я тебя, приговаривалъ онъ съ наслажденіемъ, опоражнивая рюмку за рюмкой.

Завтракъ подвигался, опорожненныя блюда уносили, пустыя бутылки занимали часть стола; Илья Ильичъ былъ доволенъ и кругомъ всѣ были довольны; метръ-д'отель улыбался, лакеи прислуживались, интеллигентъ возмущался.

Произошло нѣсколько инцидентовъ. — Во первыхъ Илья Ильичъ замѣтилъ человѣка въ формѣ русскаго студента и заоралъ на весь ресторанъ: „Господинъ студентъ, соотечественникъ, пожалуйте сюда, нью за образованность“.

Студентъ было саркастически улыбнулся и намѣревался уйти, но вмѣсто того рѣшительно подошелъ къ Ильѣ Ильичу и представился. Теперь онъ былъ уже сильно выпивши и объяснялся въ любви съ какимъ то изящнымъ франнузомъ, который безъ всякаго разрѣшенія и приглашенія помѣстился за столъ Ильи Ильича—это разъ. Во вторыхъ. Илья Ильичъ слышалъ русскую рѣчь и обернувшись замѣтилъ трехъ мужчинъ, пившихъ чай. „Эй, русскіе—соотечественники“, заоралъ онъ, „сюда милые люди, выпьемъ“. Господа о чемъ то быстро заговорили между собой и одинъ изъ нихъ подошелъ къ Ильѣ Ильичу требовать объясненій и предложить удовлетвореніе; Илья Ильичъ рѣшительно отказывался его понимать и дѣло кончилось тѣмъ, что вмѣсто чая всѣ три господина пили шампанское, сидя по сторонамъ Ильи Ильича.

По французски Илья Ильичъ мало что зналъ, но отдѣльныя слова, которыя ему приходилось слышать при столкновѣніяхъ съ женщинами-француженками и въ шансонеткахъ, онъ запомнилъ и потому, когда уже въ извѣстномъ градусѣ онъ почувствовалъ нѣкоторую тоску по женскому обществу, то подозвавъ метръ д'отеля рѣшительно произнесъ: „кокотъ,

фамъ". этого было довольно, его поняли, общество сразу увеличилось.

Интеллигентъ противъ своего обыкновенія слегка на веселѣ возмущался вслухъ: „Что за жизнь? Что за время препровожденіе? Вино и женщины, когда, если можно такъ выразиться, находишься въ такой тропической обстановкѣ.

Илья Ильичъ ходилъ, какъ нельзя болѣе, на грѣющаго на солнцѣ кота, отдѣльныя басовыя ноты, слетавшія съ его губъ, мало чѣмъ отличались отъ мурлыканья.

Остальная компанія вела себя не столь прилично, сколь свободно. Часть публики изъ-за сосѣднихъ столиковъ ушла, шокируемая непристойнымъ поведеніемъ, другая, болѣе многочисленная наблюдала не то съ завистью, не то съ любопытствомъ.

Такъ началъ свой первый день въ Ниццѣ Илья Ильичъ.

Часовъ около четырехъ по полудни вся компанія поднялась и направилась къ выходу. Илья Ильичъ желалъ непременно троекъ и ташилъ всѣхъ въ Стрѣльну, упустивъ совершенно изъ виду, что онъ не въ Москвѣ. Съ чувствомъ нѣкотораго неудовольствія по причинѣ полного отсутствія троекъ и отъ души поругивая подлыхъ французишекъ за подобное упущеніе, влезъ Илья Ильичъ въ ландо и занялъ собственной персоной все заднее сидѣніе экипажа. Всѣ спутники его размѣстились, кто въ кабріолетѣ, кто на извозчикахъ и всѣ тронулись за городъ. Убаюкиваемый уѣрнымъ покачиваніемъ экипажа, Илья Ильичъ дремалъ и невозмутимо выносилъ всевозможныя выходки сопровождавшихъ дамъ.

Очнулся онъ только тогда, когда, около семи часовъ вечера, экипажъ его остановился у входа въ London House.

Между шассерами, лакеями и метръ д'отелями произошло нѣкоторое замѣшательство при появленіи столь многочисленной компаніи; первымъ движеніемъ ихъ было даже противостоять грудью столь грозному и разношерстному нашествію. — Но стоило Ильѣ Ильичу своимъ обыкновеннымъ голосомъ гаркнуть „шампанскаго двѣ дюжины“, какъ положеніе сторонъ сразу измѣнилось, метръ д'отели кланялись, лаксы суетились, шассеры метались. Илья Ильичъ былъ учтиво взять подъ руки, кто то подталкивалъ его сзади и незамѣтно онъ очутился въ отдѣльномъ кабинетѣ на мягкомъ диванѣ; спутники его размѣстились кто-гдѣ. — Одна изъ дамъ обнимала Илью Ильича за шею, другая сидѣла у него на колѣняхъ. Шампанское было принесено, Илья Ильичъ пилъ во всю и обнималъ своихъ дамъ, метръ д'отель стоялъ передъ ними въ самой приниженной позѣ и заказывалъ самъ себѣ тонкій обѣдъ изъ самыхъ дорогихъ блюдъ, считая механическія киванья головой Ильи Ильича за знаки согласія.

Интеллигентъ ругался вслухъ, обзывая своего принципала обжорою и другими еще менѣе лестными прозвищами и тянулъ шампанское. Студентъ предлагалъ обратить деньги въ пользу голодающихъ и убѣждалъ въ этомъ сидѣвшую у него на ко-

лѣняхъ даму, ни слова не понимавшую по русски, съ искренностью человѣка на все готоваго. Остальная компанія была въ различныхъ положеніяхъ и на различныхъ градусахъ. Такъ провелъ Илья Ильичъ свой первый вечеръ.

На слѣдующее утро онъ диктовалъ телеграмму въ Москву своему пріятелю Аристарху Панфутычу. Илья Ильичъ сидѣлъ въ ночной рубашкѣ у стола, на которомъ стояло нѣсколько сифоновъ съ сельтерской водой, въ комнатѣ былъ полный беспорядокъ—смѣшеніе вещей мужскаго и дамскаго туалета. Интеллигентъ съ суровымъ выраженіемъ лица и повязанной мокрымъ полотенцемъ головой сидѣлъ у стола и приготавлился писать, изъ сосѣдней комнаты изрѣдка доносились женскіе голоса.

Илья Ильичъ диктовалъ: „Аристархъ, дуля тебѣ подъ носъ—вотъ что“.

— Такую телеграмму писать нельзя,—завизжалъ интеллигентъ, не примуть.

— Разсказывай, они тутъ по русски не понижаютъ, катать дальше—свижу въ Нипциѣ, пью русскую водку, ѣмъ и...—здѣсь Илья Ильичъ пустилъ такое словечко, что интеллигентъ швырнулъ перо въ сторону, вскочилъ и закричалъ:

— Это ужъ, какъ угодно, обращайтесь куда желаете, а я не могу, понимаю ли, не могу писать такихъ вещей, такой-съ ерунды-съ.

Илья Ильичъ поднялъ на него глаза, открылъ ихъ, закрылъ и вымолвилъ:

— Эка-ты, братъ, штука. Ну, не хошь не пиши—твое дѣло. А что закладъ-то нашъ обязательно значъ, да сообщи, что водку пили, блины ѣли и что самая эта Нипца намъ премного нравится по всякой части, а также и насчетъ женскаго пола... да.

Интеллигентъ нервными шагами ходилъ взадъ и впередъ и ворчалъ себѣ подъ носъ:—и свяжетъ же судьба съ такимъ идіотомъ, пью и ѣмъ, ѣмъ и пью и ничего больше.

— Ну, пиши, что-ль, мокрая,—заворчалъ Илья Ильичъ,—чего расхорохорился, самъ-то большая что-ль птица.

— Необразованный вы—вотъ что, не понимаете, какъ съ людьми говорить, „неделикатны“, вдругъ завизжалъ интеллигентъ,—достоинство человѣческое унижаете, вы... вы... мужикъ.

— Кунецъ, добродушно поправилъ его Илья Ильичъ,—а насчетъ достоинства не разсуждай, ты—что. Вотъ кичишься образованностью, а въ карманѣ—шишь—дѣлать-то ничего не умѣешь, развѣ языкомъ болтать. А я—что—мужикъ, говоришь, такъ чтожъ, а въ карманѣ тыщи и все, братъ, самъ сдѣлалъ, все самъ; отъ отца ни гроша, ни копѣчки не имѣлъ... да.

Интеллигентъ не слушалъ, онъ присѣлъ къ столу, написалъ телеграмму по французски и протянулъ ее Ильѣ Ильичу, тотъ взялъ ее, посмотрѣлъ, повертѣлъ и съ удивленіемъ взглянулъ на своего спутника.

— Здѣсь по русски писать нельзя, не принимаютъ,—сказалъ интеллигентъ.

Илья Ильичъ поводитъ губами, покачалъ головой и произнесъ:—а какъ же Аристархъ Панфнутычъ ее тамъ разберетъ, онъ-то, по французски, я чай, не гораздъ.

— Что-жъ переведутъ, иначе нельзя,—рѣшительно произнесъ интеллигентъ и Илья Ильичъ покорился.

Такимъ образомъ нѣсколько дней провелъ Илья Ильичъ въ Ниццѣ; но скоро стало ему не въ моготу и потянуло домой, да съ такой силой, что даже тоска взяла и пить отказался. Дорога назадъ показалась ему долгой, ничто не развлекало; все время онъ охалъ, вздыхалъ и ворчалъ; въ вагонъ-ресторанъ почти не заходилъ.

За то ужъ подъѣзжая къ Москвѣ, такая радость его охватила, что всѣхъ перецѣловалъ бы.

На вокзалѣ Илью Ильича встрѣчали пріятели и ужъ обнимался и цѣловался онъ съ ними, какъ никогда въ жизни, даже съ Аристархомъ Панфнутычемъ и съ тѣмъ примирился. Не выдержалъ только и вымолвилъ:—Ну и подвелъ же ты меня, сударь мой, прокатилъ, что называется.

Съ вокзала поѣхали прямо къ Тѣстову, поздравляли съ благополучнымъ возвращеніемъ, пили за здоровье Ильи Ильича, спрашивали. Однимъ словомъ Илья Ильичъ былъ героемъ дня. Степенно и послѣдовательно съ передышками разсказалъ онъ пріятелямъ про сосну и про пальму. Затѣмъ перешелъ къ напиткамъ и пицѣ и сдѣлалъ даже слѣдующее разсужденіе:—велика, молъ, сила народная, коли водка русская родимая по всему свѣту разошлась, вспомнилъ о блинахъ и икрѣ и облизнулся, когда же разговоръ перешелъ на женщинъ то Илья Ильичъ только руками разводилъ, глаза то закрывалъ, то открывалъ. Когда же онъ наконецъ собрался съ духомъ и сообщилъ обо всемъ и о сущности, то зависти пріятелей не было предѣловъ и у многихъ явилось даже желаніе прокатиться пообѣдать въ Ниццу. Больше никакихъ достопримѣчательностей Илья Ильичъ не замѣтилъ и закончилъ свой разсказъ тѣмъ, что объявилъ, что за недостаткомъ времени осмотрѣться не успѣлъ, но кажется ему, однако, что все въ эфтомъ Ниццѣ какъ у насъ, развѣ что троекъ нѣтъ, половые иначе одѣты и горъ, какъ будто бы, побольше.

Въ заключеніе Илья Ильичъ поблагодарилъ Аристарха Панфнутыча за доставленное ему развлеченіе, которое стоило ему только то, что онъ выигралъ отъ своего противника и сказалъ:—Вотъ и въ Ниццѣ побывать сподобился, свѣту Божьяго повидать, иностранца посмотрѣть. всякой штучки попробовать и все твоей милости ради, Аристархъ Панфнутычъ, спасибо тебѣ, сударь мой и за денежки твои, что мнѣ прозакладывалъ.

В. Даринъ.

СОЧУВСТВІЕ.

Санины довольно крупные помѣщики. Семейство Саниныхъ не многочисленное — мужъ, жена двое сыновей въ возрастѣ до десяти лѣтъ и шестимѣсячная дочь. Санины, по отзывамъ всѣхъ сосѣдей, — люди гостепріимные и радушіишіе, когда ни пожалуешь — вечеромъ, утромъ, ночью — голоднымъ не уѣдешь. Марья Петровна симпатичнѣйшая женщина, въ мѣру высокая и полная; кромѣ своего хозяйства и воспитанія дѣтей, занятая мѣстною благотворительностью, помощью неимущимъ и страждущимъ, она — любитель, дилетантъ, докторъ и аптекаръ. Семенъ Ивановичъ Санинъ — добрѣйшей души человѣкъ, весь на распашку, высокъ, полонъ, въ мѣру безтолковъ; хозяйство, однако, любить, кое-какъ его ведетъ, охотникъ-же и коннозаводчикъ страстный. Сыновья Саниныхъ — Сеня и Вася — мальчики славные, достаточно откормленные и не вполнѣ непослушные. Шестимѣсячная ихъ дочь — появленіе которой во всемъ домѣ чаяли, что манна небесной и чего чего только не продѣлывали, чтобы заполучить ее — и доктора, и молебны, и монастыри — существо безсловесное, но очень крикливое.

У Саниныхъ большое несчастье. Шестимѣсячная ихъ дочь послѣ тяжелой, но краткой болѣзни скончалась несмотря на старанія нѣсколькихъ докторовъ, кои всѣми силами своихъ знаній и практики препятствовали столь роковой развязкѣ. Марья Ивановна даже плакать не можетъ, ходитъ, словно тѣнь, кругомъ ничего не видитъ. Семенъ Ивановичъ отъ горя стонетъ точно раненый звѣрь; мальчишки притихли, по угламъ сидятъ, да плачутъ.

Въ деревнѣ дѣло извѣстное, — умеръ кто въ усадьбѣ — все село сейчасъ знаетъ, а не пройдетъ и полчаса, какъ и по всему округу новость разнесется, всякому узнать интересно, какъ и почему и отчего; своихъ новостей мало, поневолѣ чужими интересуешься.

Несчастье это случилось у Саниныхъ около шести часовъ утра, а потому неудивительно, что около десяти по аллеѣ, ведущей къ усадьбѣ, раздался стукъ колесъ и звонъ колокольчика, не прошло и пяти минутъ, какъ у подъѣзда Санинскаго дома остановилась коляска четверкой. Изъ экипажа вышла небольшая, круглая, съ небольшою-же, на короткой шеѣ, головкой дама — княгиня Кучкова, ближайшая сосѣдка всего въ верстахъ пяти. Изъ дверей дома выскочилъ лакей, бросился было къ княгинѣ, затѣмъ къ экипажу, метнулся направо, на лѣво и, наконецъ, остановился съ выраженіемъ полного тупоумія на своемъ и безъ того уже не умномъ лицѣ. Княгиня подняла и опустила вѣки на глазахъ — это ея любимая привычка и промолвила: Баринъ дома?

— Дома-съ, только-съ у насъ..... началъ было лакей.

— Знаю, перебила княгиня, доложи и она вошла въ переднюю.

На встрѣчу къ ней выбѣжалъ самъ Санинъ, ему очнь хотѣлось придать своему лицу любезное выраженіе, и онъ старался сложить губы въ привѣтливую улыбку, но вмѣсто того выходила гримаса самаго не подходящаго значенія.

— Ah, mon cher, mon pauvre Семенъ Ивановичъ, заѣла княгиня своимъ груднымъ голосомъ съ чисто-русскимъ чуть-чуть на „о“ выговоромъ, „какое несчастіе, какой ребенокъ и вдругъ, только что узнала, мнѣ Даша горничная моя, знаете ее, сказала, а ей ключникъ Архипъ, а Архипушкѣ—кучеръ Василій.... дда.... а онъ какъ узналъ—не знаю. Этакое горе.... и такъ... и княгиня прижимала къ плечу голову прикладывавшагося ей къ ручкѣ Санина и цѣловала его въ лобъ

— Oh, мой Богъ, quel malheur.

— Милости просимъ, княгиня, въ гостиную, приглашалъ Санинъ.

У крыльца снова раздался стукъ подѣхавшаго экипажа и донесся громовой голосъ одного изъ сосѣдей—Добрушкина Петра Петровича.

— А, княгиня, уже здѣсь, всегда раньше всѣхъ, что баринъ допрашивалъ онъ лакея, отвѣтовъ котораго слышно не было. Ага, того, значитъ улетѣла пташечка... нда, братъ, всякое дѣло бываетъ..... и младъ и старъ и средняго вѣка чело-вѣкъ смерти подверженъ.

— Только что узнала, ужъ раньше не могла, говорила между тѣмъ усаживаясь княгиня, какъ, думаю, такое несчастіе chez mon cher Семенъ Ивановичъ, ну и приказала заложить.

Въ дверяхъ гостиной появилась громадная фигура Добрушкина.

— Родной, ты мой, Семенъ Ивановичъ, вопіялъ онъ вотъ не гадалъ, не предполагалъ такъ скоро увидѣться и по такому, должно сказать, несчастному и прискорбному случаю, Сочувствую, глубоко сочувствую, хотя самъ и не отецъ. А, княгинюшка, и вы здѣсь, вотъ, можно выразиться, препятнѣйшая и неожиданнѣйшая встрѣча, никакъ не ожидалъ.

И Петръ Петровичъ обнималъ Санина и цѣловалъ ручку княгини. Только что господинъ Добрушкинъ намѣревался сѣсть, какъ въ дверяхъ показался мѣстный священникъ, плотный чело-вѣкъ средняго роста съ весьма благообразнымъ лицомъ и весьма обильною роскошною шевелюрою и бородой. Движенія его были рассчитаны и плавны, голосъ звучалъ отчетливо и ясно.

— Узнавъ,—началъ онъ въ дверяхъ—о посылаемомъ вамъ и супругѣ вашей и семьѣ вашей Всемогущимъ Богомъ великомъ испытаніи о смерти возлюбленной дочери вашей Анны, пришелъ выразить вамъ и всѣмъ вашимъ мое глубокое сочув-

ствіе и горе по сему скорбному событію, которое, яко отецъ самъ и пастырь сугубо понимаю.

Священникъ крѣпко пожалъ руку Санину, поздоровался съ княгиней и Добрушнѣинымъ и спросилъ:—а что же супруга ваша, можетъ быть она нуждается въ пастырскомъ утѣшеніи. Да не печалится мать, а возрадуется, ибо Всеблагій знаетъ, что творить.

— Садитесь, батюшка,—перебилъ его Санинъ,—жена сейчасъ выйдетъ, она ужасно убита.

— И такъ это понятнѣе и иначе быть не можетъ,—встала княгиня,—Марія Петровна *c'est une sainte femme*—и она подняла и опустила вѣки.

— Примѣрная, можно сказать, женщина, мать, хозяйка—прогремѣлъ Добрушкинъ.

— Добрѣйшая особа, благотворительница,—подтвердилъ священникъ.

Опять раздался стукъ подѣхавшаго экипажа и чрезъ нѣсколько минутъ въ гостиной появились Надежда Степановна Головкова съ супругомъ Александромъ Васильевичемъ.

— Только что узнала и сейчасъ же къ вамъ; помилуйте, а я то думала моему Сашенькѣ невѣста,—кудахтала она, устремляясь къ Санину.—Горе-то какое, несчастье,—продолжала она, разводя руками

— Горе-то, несчастье,—подтвердилъ супругъ.

— Дѣвочка такая была чудная, красавица, не унималась Надежда Петровна.

— Красавица была покойница,—считалъ долгомъ подтвердить супругъ.

Прошло еще нѣсколько времени и гостиная была переполнена народомъ; были здѣсь почти всѣ ближайшіе сосѣди, принимать которыхъ такъ любили въ обыкновенное время Санины.

Бекетовъ, молодой человѣкъ, только что окончившій одно изъ приимлегированныхъ высшихъ заведеній, одѣтый, какъ картинка, пріѣхавшій послѣ выпуска отдохнуть къ себѣ въ имѣніе; онъ и самъ хорошенъко не понималъ, какимъ образомъ онъ вдругъ, узнавъ о случившемся, приказалъ заложить экипажъ и очутился у Саниныхъ, должно-быть какъ и остальные онъ подчинился тому же деревенскому настроенію, ѣхавъ поскорѣе, узнать что и какъ, посмотреть, посочувствовать.—Найдя здѣсь столь многочисленное общество, онъ обозвалъ мысленно всѣхъ собравшихся,—провинціалами, ослами, не понимающими чужаго горя и собрался какъ нибудь ретироваться, какъ вдругъ появились Вассакиѣ мать и дочь, очень хорошенъкая дѣвушка, къ которой у Бекетова было нѣсколько особенное отношеніе и онъ остался.

Были здѣсь уѣздный исправникъ Прытковъ, по дѣламъ службы бывший невадалекъ и совершенно случайно узнавшій о таковомъ роковомъ ударѣ судьбы; еще изъ мелкопомѣстныхъ постоянныхъ соохотниковъ и соярмарочниковъ Санина, Быстро-

ковъ, славный малый и пьяница, Синеглазкинъ, барышникъ въ душѣ и ловкій человекъ и Дѣдуховъ, изъ разсердившихся, когда то очень богатыхъ помѣщиковъ — фантазеръ и резонеръ. — Все они сочли своею священной обязанностію и долгомъ засвидѣтельствовать, какъ выразился за всѣхъ трохъ Дѣдуховъ, ихъ искреннее сочувствіе и соболѣзнованіе по столь непредвидѣнно и неожиданно понесенной незамѣнимой уtratѣ и пожелать достойнѣйшему Семену Ивановичу утѣшенія возможно скоро и не горевать ужъ чрезмѣрно, ибо ничего такого нѣтъ, что не замѣняется и весьма возможно, что Господу Богу будетъ благоугодно наградить его въ будущемъ не только одною, но и двумя дочерьми.

Санинъ всѣхъ ихъ терпѣливо, выслушивалъ благодарилъ за участіе, временами отворачивался, чтобы скрыть набѣгавшую на глаза слезу, старался быть любезнымъ и привѣтливымъ.

Наконецъ въ дверяхъ показалась Марія Петровна, всѣ бросились къ ней, — *Ma chère, mon enfant*, говорила обнимая ее княгиня, мужайтесь, имѣйте терпѣніе.

— У васъ еще два мальчика, они утѣшатъ васъ, — шептала ей Вассацкая.

— А я-то думала, надѣялась, дѣвочка ваша, чудная такая, — лепетала Головова.

— Пріимте со смиреніемъ испытаніе, посылаемое вамъ Господомъ Богомъ и не взроштите, — произнесъ священникъ.

— Марья Петровна, мать моя, — гремѣлъ Добрушкинъ, — не убивайтесь, себя пожалѣйте.

Бекетовъ переминался съ ноги на ногу и не находилъ ничего подходящаго, дабы вставить и свое слово.

Исправникъ потиралъ руки и бормоталъ про себя: — позвольте и мнѣ, и мнѣ принести...

Быстроковъ рыдалъ, какъ ребенокъ. Синеглазкинъ съ самымъ мрачнымъ выраженіемъ лица стоялъ въ углу и глухимъ голосомъ произносилъ вслухъ, но для себя: — царствіе ей небесное, со святыми упокой...

Дѣдуховъ, на котораго никто не обращалъ вниманія шепталъ себѣ подъ носъ рѣчь, которую онъ собирался произнести на могилѣ новопреставленной Анны, дочери высокочтимыхъ Маріи Петровны и Семена Ивановича.

Марія Петровна сперва кое-какъ держалась, но потомъ разрыдалась чуть ли не до истерики; дамы подхватили ее подъ руки и увели въ сосѣднюю комнату, откуда-то явился докторъ, гдѣ-то скрывавшійся первое время послѣ роковой развязки. Марью Петровну уложили, чѣмъ-то отпаивали, около нея хлопотали.

Хозяинъ ушелъ распорядиться закуской и обѣдомъ.

Мужчины остались одни и у всѣхъ будто гора съ плечъ свалилась.

— Тяжело бываетъ на чужое горе смотрѣть, — вырвалось у Добрушкина.

— Не легко-съ,—съ улыбкой подтвердитъ исправникъ.

— Да-съ,—произнесъ Головкинъ.

— Ежели оно выражается такъ искренно и глубоко, какъ у высокочтимого Семена Ивановича и добрейшей Марьи Петровны,—замѣнилъ священникъ.

Быстрыковъ только издохнулъ, Синеглазкинъ еще разъ громогласно произнесъ—царствіе ея небесное.

Дѣдуховъ началъ было свою рѣчь и приложивъ руку къ груди и оставивъ одну ногу слегка впередъ сказалъ:—Милостивые Государя.... но Добрушкинъ не далъ ему кончить:—Заткнись, анаема,—прогремѣлъ онъ.

Разговоръ скоро перешелъ на предметы посторонніе. Добрушкинъ подтрунивалъ надъ Головкинымъ, называя его жеманной юбкой, бабникомъ; Бекетовъ у окна мечталъ о чемъ-то; исправникъ, Быстрыковъ и Синеглазкинъ препирались на счетъ достоинствъ какого-то рыжаго жеребца „Амулета“, священникъ и Дѣдуховъ разсуждали на тему безсмертія души и загробной жизни.

Около трехъ часовъ по-полудни все общество перешло въ столовую; изъ чувства ли гостепріимства или просто по привычкѣ, Семенъ Ивановичъ рѣшительно никого не отпустилъ уѣхать, не отвѣдавъ его хлѣба-соли.—Нѣсколько развлеченная разнообразными хозяйскими хлопотами, Марья Петровна явилась къ обѣду уже почти успокоенной. Самъ же Санинъ, хотя и смотрѣлъ по сторонамъ угрюмо, но послѣ второй рюмки водки глядѣлъ на вещи менѣе мрачно и временами даже вмѣшивался въ общій разговоръ.

Княгиня, сидѣвшая по правую руку отъ Марьи Петровны съ удовольствіемъ отвѣдывала подаваемого блюда и нѣтъ-нѣтъ, то опускала, то подымала вѣлки. Она любила покушать и каждое ѣденіе, по какому бы поводу и въ какой бы обстановкѣ ни происходило, доставляло ей не малое удовольствіе.—Въ періодъ между блюдами княгиня наклонялась въ сторону хозяйки и, мѣшая французскую рѣчь съ русской, говорила:—Ah, un bon cuisinier или что нибудь въ этомъ родѣ и потомъ какъ будто спохватившись—*mais mangez donc*, нельзя же такъ, ничего не кушать. Ну, горе-горечь, и такъ сказать, *c'est vrai*, но у васъ же еще есть дѣти, мужъ, вы должны сохранять себя для нихъ. Ваша дѣвочка.... *elle est maintenant près du trône du Grand Dieu*.

— Она смотритъ теперь на васъ и радуется, замѣчала Васацкая—вообразите—мелгательно прибавляла она,—*vorte fille elle est maintenant un petit ange*, съ бѣлыми крылышками, съ длинными свѣтлыми волосами. Oh, *elle est si belle*.

Головкина тоже сидѣла сказать что-нибудь:—О, это бытъ такой чудный ребеночекъ, выкрикивала она,—такой послушный, увѣряю васъ, я не встрѣчала ничего подобнаго.

— Я не встрѣчалъ ничего подобнаго, съ другого конца стола подтверждалъ супругъ.

— Ахъ, ты, тетушкина туфля, шепотомъ [на весь] столь басилъ Добрушкинъ.

Бекетовъ сидѣлъ рядомъ съ барышней Васацкой и горячо говорилъ:—Поставьте себя на мѣсто несчастной матери, представьте, вѣдь и у насъ могутъ быть дѣти, вѣдь, можетъ быть, и вамъ суждено потерять одного изъ нихъ.

— Ахъ, что вы говорите. оставьте, перебила его дѣвушка,—говорите о чемъ-нибудь другомъ. Вы скоро думаете уѣзжать изъ деревни.

— Сочувствую ли я? вопрошалъ священника Дѣдуховъ,—понимаю ли? представляю ли я себѣ?

— Сочувствуете ли и понимаете ли, переспрашивалъ батюшка,—полагаю, что да.

— У него-съ, если вамъ угодно знать, не спорьте со мной, горячился Синеглазкинъ,—я его какъ свои пять пальцевъ знаю, у него-съ подсѣды, да-съ... вотъ-что...

— У него, у „Амюлета“ подсѣды, вышель изъ себя исправникъ,—да вы, да вы, милостивый государь, послѣ этого сумасшедшій фанфаронъ-съ.

— Я ему всегда это говорилъ—фанфаронъ, подтвердилъ Быстряковъ,—выпьете, господа, красненькаго по стаканчику.

Изъ всѣхъ присутствовавшихъ болѣе или менѣе молчаливыми были только сами хозяева. Семенъ Ивановичъ сдѣлалъ развѣ одно-два замѣчанія насчетъ Амюлета, справился о цѣнахъ и урожаѣ у Головкова и временами предлагалъ гостямъ выкупать или выпить чего-нибудь, да Марья Петровна просила княгиню или Вассацкую положить на тарелочки то одного, то другого. Обѣдъ медленно, но все-таки подходилъ къ концу, разговоръ перешелъ на вещи совсѣмъ постороннія. Наконецъ, встали изъ-за стола и почти сейчасъ же гости начали прощаться.

— Очень мнѣ пріятно, говорилъ, откланиваясь, исправникъ,—что непредвидѣнный случай далъ мнѣ возможность засвидѣтельствовать вамъ, хотя и по столь непріятному обстоятельству, мою преданность и сочувствіе.

Быстряковъ и Синеглазкинъ тоже прощались: — Ужъ вы сообщите, когда похороны, мы пріѣдемъ, всенепремѣнно пріѣдемъ, нельзя-съ иначе.

Дѣдуховъ предлагалъ священнику заставить хоръ разучить вѣчную память на какой-то другой весьма тоскливый, скорбный мотивъ, котораго безъ слезъ ни одинъ человѣкъ слышать не можетъ.

Священникъ справлялся о времени панихидъ и говорилъ, что все устроить самъ, чтобы высокоуважаемый Семенъ Ивановичъ не беспокоился.

Вассацкая и Бекетовъ уѣхали вмѣстѣ, прося Марью Ивановну еще разъ вѣрить въ искренность ихъ чувствъ и считать ихъ между лучшими друзьями.

Головковы прощались дольше всѣхъ, но въ концѣ концовъ тоже уѣхали.

Кучеръ княгини какимъ-то образомъ оказался пьянымъ настолько, что былъ не въ состояніи запретъ лошадей и по-

дать экипажъ, въ чемъ, однако, княгиня увидѣла только указанія судьбы и сказала:—И сама-то я и такъ хотѣла остаться у насъ, а тутъ оказія эта. Судьба, значитъ, указываетъ, вотъ и хорошо. Я съ вами посижу.

Добрушкинъ крѣпко обнялъ Санина, слова не сказалъ и уѣхалъ.

Когда всѣ уѣхали и въ гостиной остались хозяева и княгиня, то она тихо молвила: — *C'est vrai*, это большое горе. *Mais* такое сочувствіе очень утѣшительно. *Je vois qu'on vous aime*—и она подняла и опустила вѣки нѣсколько разъ подъярьдъ.

В. Даринъ.

Женское образованіе въ Россіи *).

I.

Исторію женскаго образованія въ Россіи слѣдовало бы начать съ царствованія Екатерины II. О состояніи просвѣщенія въ допетровской Руси вообще существуютъ два мнѣнія: одни считаютъ существованіе школъ до Петра рѣдкимъ исключеніемъ, другіе, наоборотъ, покрываютъ всю Московскую Русь цѣлой стѣю церковно-приходскихъ училищъ. Одни признаютъ древнюю Россію чуть ли не поголовно безграмотной, другіе готовы считать распространеніе грамотности обязательнымъ и повсемѣстнымъ. По мнѣнію однихъ, вся наука нашихъ предковъ ограничивалась часословомъ и псалтиремъ, между тѣмъ какъ, по мнѣнію другихъ, на Руси преподавалась вся средневѣковая энциклопедія свободныхъ знаній. Весь контекстъ явленій русской культуры заставляеть, однако, скорѣе присоединиться къ первому взгляду. Просвѣщеніе въ Московской Руси никогда не достигало той всеобъемлющей широты, которая свойственна была схоластической наукѣ Западной Европы съ ея *septem artes liberales*. Оно обычно не заходило за предѣлы грамотности и начитанности въ божественныхъ книгахъ. Въ этихъ же предѣлахъ оно было доступно не только мужчинамъ, но и женщинамъ. Разсадниками грамотности служили, разумѣется, монастыри. О существованіи среди монахинь жепщинъ высокообразованныхъ можно встрѣтить многочисленныя указанія въ «Житіяхъ святыхъ» и въ «Степенной книгѣ». Авторъ житія Ефросиніи Суздальской, дочери черниговскаго князя Михаила Всеволодовича, основавшей въ началѣ XIII в. въ Суздаль женское училище, приписываетъ ей даже знаніе «аѳинской премудрости»: «аще и не въ Аѳинѣхъ учися блаженная, но аѳинѣйски премудрости изучи: философію же и риторію, и всю грамматику, числа и круговъ обхожденія, и вся премудрости». Конечно, женщины съ такими познаніями являлись исключеніями, и притомъ большая часть ихъ относится къ женщинамъ высокаго происхожденія—княжнамъ и княгинямъ.

*) Е. . Лихачева. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи. 4 т. 1890—1901.

При Петрѣ русское просвѣщеніе пошло по новому руслу, утративъ свой прежній исключительно религіозный характеръ и пересадивъ къ намъ западно-европейскую школу. Однако, практическая цѣль, съ какою Петръ заводилъ училища.—именно создать для государственныхъ потребностей разнообразныхъ техниковъ и чиновниковъ, не давала ему времени подумать о женскомъ образованіи.

Даже и то обстоятельство, что послѣ Петра на престолѣ почти непрерывно были женщины, сердцу которыхъ дѣло это, казалось, должно было быть близкимъ, не измѣняло положенія. Лишь съ того момента, когда Екатерина II, по выраженію поэта, «на ветхія тогда ступени трона ступила безтрепетной ногой», дѣлу женскаго образованія данъ былъ сильный толчекъ. Будучи сама воспитана въ направленіи философіи XVIII в., придававшей главное значеніе развитію ума и безавѣтно вѣрившей въ его могущество, Екатерина II не могла, конечно, не обратить вниманія на то, что въ ея новомъ отечествѣ образованіе женской половины ея подданныхъ находится въ полномъ пренебреженіи. Еще будучи великой княгиней, она мечтала о созданіи въ Россіи учрежденія, подобнаго Сень-Сиру, основанному г-жей Мэнтенонъ въ 1686 г. По вступленіи на престолъ Екатерина не замедлила привести свою идею въ исполненіе. 5-го мая 1764 г. былъ объявленъ именной указъ «о воспитаніи благородныхъ дѣвицъ въ С.-Петербургѣ при Воскресенскомъ монастырѣ». Къ указу были приложены уставъ и штатъ «Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ». Въ основаніи устава лежало составленное И. И. Бецкимъ «Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества», конфирмованное императрицей 12-го марта 1764 г. Идея Бецкаго заключалась въ томъ, чтобы путемъ воспитанія въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ «создать новую породу отцовъ и матерей».

Съ учрежденія «Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ» начинается активная дѣятельность правительства на пользу женскаго образованія. Долгое время правительству пришлось дѣйствовать совершенно одиноко. Учрежденіе общественнаго учебнаго заведенія для знатныхъ дѣвушекъ не встрѣтило, особенно вначалѣ, сочувствія, а вызвало скорѣе изумленіе. «Можно съ увѣренностью сказать, говорить въ объясненіе этого обстоятельства г-жа Лихачева, что при учрежденіи общества кромѣ императрицы и Бецкаго, едва ли нашелся бы еще десятокъ лицъ во всей Россіи, которыя понимали бы цѣль, съ которою оно основывается, и еще менѣе такихъ, которыя сочувствовали бы этой цѣли». Желających отдавать своихъ дѣтей въ новое учебное заведеніе оказывалось мало, да и тѣ, повидимому, привлекались сюда даровымъ содержаніемъ. Въ наказахъ, привезенныхъ съ собою депутатами Екатерининской комиссіи 1767 г. для сочиненія проекта новаго уложенія, въ которыхъ, вообще говоря, съ достаточной полнотой выразились стремленія и желанія тогдашняго общества, почти не встрѣчается указаній на необходимость учрежденія женскихъ учебныхъ заведеній. Только въ трехъ наказахъ отъ шляхетства Малороссійской губерніи высказана мысль, что «и женскій полъ имѣетъ необходимую нужду въ воспитаніи», вследствие чего шляхетство проситъ императрицу

«устроить на казенный счетъ, гдѣ покажется за благо, особый домъ воспитанія, къ которому присовокупить ученіе всего имъ надобнаго и полезнаго». А въ наказѣ, данномъ Малороссійской коллегіей депутату Натальину, признается нужнымъ «для воспитанія и ученія обою пола благородныхъ, и для такого же обою пола сирыхъ, обратить по одному монастырю мужескому и дѣвичьему». Указаніе на монастыри, какъ на наиболее пригодныя для обученія и воспитанія учрежденія, свидѣтельствуетъ о наличности прежней точки зрѣнія, объединявшей воспитаніе и обученіе съ призрѣніемъ, какъ богоугоднымъ, благотворительнымъ дѣломъ.

Несмотря на индифферентизмъ общества, правительство не оставляло дѣла женскаго образованія. Екатерина II достигла въ этомъ отношеніи значительныхъ результатовъ. Образование при ней распространялось не только въ высшемъ сословіи, но и среди мѣщанъ. При ея вступленіи на престолъ въ Россіи не было ни одного женскаго учебнаго заведенія, кромѣ нѣсколькихъ плохихъ частныхъ пансіоновъ; въ годъ ея смерти, кромѣ воспитательнаго общества для 200 благородныхъ дѣвицъ и при немъ училища для 240 мѣщанскихъ дѣвушекъ, насчитывалось еще 1121 учащихся дѣвочекъ въ народныхъ училищахъ разныхъ губерній. За все же время существованія при ней народныхъ училищъ, всѣхъ учившихся въ нихъ дѣвочекъ показано за всѣ года 12.595. Дѣло, начатое Екатериной II, пошло послѣ ея смерти въ хорошія руки. Екатерина скончалась 6-го ноября 1796 г., а уже 12-го ноября послѣдовало повелѣніе императора Павла императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ начальствовать надъ воспитательнымъ обществомъ благородныхъ дѣвицъ.

Своею дѣятельностью въ этомъ направленіи, Марія Ѳеодоровна, по справедливому замѣчанію біографа ея, Е. С. Шумигорскаго, вписала свое имя крупными чертами въ исторію русскаго просвѣщенія. Современники императрицы видѣли въ ней администратора и выдающагося государственнаго челоѣка. Карамзинъ выражалъ мнѣніе, что Марія Ѳеодоровна была бы лучшимъ министромъ просвѣщенія въ Россіи. Плетневъ называлъ ее министромъ благотворительности *). Иначе относилась къ ней свекровь ея, Екатерина II. «Будь у меня десять внучекъ, писала она Гримму, я бы назвала ихъ всѣхъ именемъ святой Дѣвы Маріи; тогда, по моему, онѣ держались бы прямо, заботились бы о своей талѣ и цвѣтѣ лица, ѣли бы за четверыхъ и, наконецъ, достигли бы того, что вездѣ, гдѣ бы онѣ ни жили, ихъ называли бы превосходными гражданками». Дѣйствительно, разница въ характерахъ и въ самомъ направленіи ума между Екатериной и ея невѣсткой была слишкомъ сильна, чтобы онѣ могли сойтись и понять другъ друга. Въ дѣлѣ женскаго образованія главное вниманіе Екатерины было обращено на развитіе ума воспитанницъ, для чего особенно рекомендовала она «приваживать ихъ къ чтенію книгъ, которое образуетъ вкусъ, сердце и умъ». При Маріи Ѳеодоровнѣ, напротивъ, центръ тяжести перемѣстился

*) Е. С. Шумигорскій. „Императрица Марія Ѳеодоровна“. Спб., 1892 г., т. I, стр. VI.

въ сторону воспитанія семейныхъ добродѣтелей. Марія Теодоровна, повидимому, вполне усвоила относительно женскаго образованія взгляды своей матери, принцессы Доротеи, прекрасно выраженные въ одномъ коротенькомъ стихотвореніи, занесенномъ въ дневникъ этой принцессы подъ заглавіемъ «Philosophie de femmes»:

«Il n'est pas honnête et pour beaucoup de causes
Qu'une femme étudie et sache tant de choses
Former aux bonnes mœurs l'esprit de ses enfants,
Faire aller son ménage, avoir l'œil sur les gens
Et régler la dépense avec économie
Doit être son étude et sa philosophie» *).

Въ этомъ стихотвореніи заключается цѣлая программа воспитанія, и пужно замѣтить, что она значительно уже екатерининской. На самомъ дѣлѣ и она оказалась невыполненной. Ставить цѣлью воспитанія подготовку къ семейной жизни и при этомъ отрывать дѣтей на все время воспитанія отъ семьи и держать ихъ въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ—было слишкомъ непоследовательно. Исторія доказала ошибочность этой системы. Результатомъ ея было появленіе на русской почвѣ типа «кисейныхъ барышень», совершенно не подготовленныхъ къ жизни. Тѣмъ не менѣе, институты до второй половины XIX в. оставались почти единственнымъ типомъ женскихъ учебныхъ заведеній и всегда пользовались особымъ вниманіемъ правительства. Согласно указанному общему направленію институтскаго образованія въ періодъ завѣдыванія имъ императрицей Маріей Теодоровной программы общеобразовательныхъ предметовъ подвергаются нѣкоторому сокращенію. Уже въ 1797 г. въ Смольномъ институтѣ была введена новая программа, по которой усилено преподаваніе Закона Божія и поставлены на первый планъ новые языки. Самое преподаваніе многихъ предметовъ (исторія, географія, физики) велось на французскомъ языкѣ, что особенно затрудняло подысканіе преподавателей. Дѣятельность самой императрицы проявлялась, главнымъ образомъ, въ наблюденіи за воспитаніемъ и содержаніемъ институтокъ, и въ этомъ отношеніи ея заботливость прямо трогательна. Въ этомъ можно убѣдиться, читая ея переписку съ начальницами институтовъ, многочисленные выдержки изъ которой приводитъ г-жа Лихачева. Самыя мелкія явленія въ жизни институтокъ неизмѣнно доводились до ея свѣдѣнія. «Жаль, говоритъ г-жа Лихачева, что воспитанницамъ не читали и что онѣ не знали того, какъ сердечно говорила императрица о нихъ въ своихъ письмахъ къ начальницамъ, и какъ ярко въ этихъ письмахъ высказывалась ея любовь къ нимъ, ея дѣйствительно материнская заботливость о мельчайшихъ ихъ нуждахъ». Въ общемъ, надо сказать, что въ эпоху управленія Маріи Теодоровны женское образованіе не углубляется, но расширяется, въ смыслѣ увеличенія самого числа институтовъ. На помощь правительству начинаетъ понемногу приходить и общество. Въ 1805 г. тверской губернской предводитель дворянства представилъ министру внутреннихъ дѣлъ единогласное постановленіе тверскаго дворянства

*) Шумиловскій. Op. Cit., т. I, стр. 26.

учредить въ Твери институтъ благородныхъ дѣвицъ. Въ 1812 г. харьковское общество благотворенія основало такой институтъ въ Харьковѣ и выработало для него уставъ. Какъ наиболѣе раннее проявленіе самостоятельной инициативы русскаго общества, уставъ этотъ представляетъ, конечно, большой интересъ. Существеннымъ отличіемъ его отъ правилъ, дѣйствовавшихъ во всѣхъ институтахъ, было допущеніе, рядомъ съ пансіонерками, и полупансіонерокъ, и приходящихъ, «дабы заведеніе сіе сдѣлать болѣе общественнымъ». Не менѣе важную особенность харьковскаго устава представляло нарушеніе сословнаго начала, строго проводившагося при Маріи Феодоровнѣ. Уставъ допускаетъ въ институтъ наравнѣ съ дворянками дѣвушекъ и изъ купечества, и другихъ званій, кромѣ крестьянскаго и мѣщанскаго сословій. Наконецъ, роль начальницы была значительно ограничена. Эти отступленія свидѣтельствуютъ о томъ, что общество не только сознавало необходимость женскаго образованія, но и видѣло недостатки господствовавшей системы. Вслѣдъ за харьковскимъ институтомъ, также на средства дворянства, былъ открытъ, въ 1818 г., институтъ въ Полтавѣ. Наконецъ, незадолго до смерти Маріи Феодоровны, подъ ея покровительство поступили еще два института, казанскій и одесскій.

Такимъ образомъ, Марія Феодоровна оставила дѣло женскаго образованія вполне налаженнымъ. Послѣ ея кончины, въ 1828 г., оказалось, что вѣдомство, находившееся подъ ея покровительствомъ, настолько разрослось, что потребовалось для него создать особое центральное учрежденіе, которое Николай I наименовалъ IV отдѣленіемъ собственной канцеляріи. Въ этомъ обособленіи женскаго образованія отъ министерства народнаго просвѣщенія слѣдуетъ видѣть отголосокъ прежнихъ возрѣній, что женское образованіе есть дѣло филантропіи, наряду съ призрѣніемъ бѣдныхъ. Дѣла управленія вѣдомствомъ императрицы Маріи не суть въ собственномъ смыслѣ дѣла государственнаго управленія, а скорѣе дѣла царской благотворительности¹⁾. Затѣмъ, вплоть до 1856 г., женское образованіе продолжало развиваться въ прежнихъ рамкахъ. Число институтовъ увеличивалось, но характеръ ихъ оставался неизмѣннымъ. Сознаніе недостатковъ институтской системы, къ концу этого періода сдѣлалось общимъ. Почти во всѣхъ замѣткахъ, появлявшихся въ литературѣ 40-хъ и 50-хъ годовъ по вопросу о положеніи женщинъ въ семьѣ и въ обществѣ, высказывалось неудовлетвореніе ихъ тогдашнему воспитанію и образованію, въ которомъ иностранные языки отбѣсняли изученіе русскаго, и главное вниманіе обращалось на развитіе памяти, а не мышленія, послѣдствіемъ чего являлась тугодумность ума и отвращеніе къ наукамъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ, въ эпоху пробужденія русскаго общества, всплылъ вопросъ и о реформѣ женскаго образованія. Само правительство, въ лицѣ министра народнаго просвѣщенія А. С. Порона, признало, что «учрежденіе открытыхъ школъ для дѣвицъ

¹⁾ Н. М. Коркуновъ „Русское государственное право“ т. II, стр. 170.

въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и даже въ большихъ селеніяхъ было бы величайшимъ благодѣяніемъ для отечества и, такъ сказать, довершило бы великую и стройную систему народнаго образованія. обнимая собой всеобщія и спеціальныя нужды всѣхъ состояній».

По этому докладу министра, 5 марта 1856 г., послѣдовало высочайшее повелѣніе «приступить къ соображеніямъ объ устройствѣ на первый разъ въ губернскихъ городахъ женскихъ школъ, приближенныхъ по курсу къ гимназіямъ, по мѣрѣ способовъ, которые къ тому могутъ представиться». 28 марта того же года попечителямъ учебныхъ округовъ былъ разосланъ циркуляръ, въ которомъ министръ просилъ ихъ представить свои соображенія объ устройствѣ открытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній для средняго класса. Изъ отвѣтовъ нѣкоторыхъ попечителей видно, что для нихъ самая идея такихъ учебныхъ заведеній казалась странной. Такъ, по мнѣнію попечителя Кіевскаго округа, система закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній вызывается самымъ существомъ нравственнаго воспитанія женщины. Въ случаѣ устройства открытыхъ училищъ потребовались бы, вѣроятно, понудительныя мѣры со стороны правительства, чтобы заставить родителей посылать въ нихъ дочерей. Относительно программъ большинство попечителей высказалось за сохраненіе институтскихъ программъ въ новыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Наконецъ, по вопросу о средствахъ, интересенъ отвѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланского, писавшаго, что надѣяться на дворянство и городскія общества нельзя, ибо дворянство жертвуетъ на институты и въ случаѣ новыхъ пожертвованій потребуетъ, конечно, учрежденія такихъ же заведеній. Что же касается городскихъ обществъ, то «при весьма низкой степени развитія и благосостоянія въ нихъ» эти пожертвованія будутъ весьма незначительны, да и то въ немногихъ городахъ.

Несмотря на такое пессимистическое отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ, въ отдѣльныхъ городахъ были произведены сборы и подписки, губернское начальство обращалось къ дворянству и купечеству, но общество, занятое вопросомъ крестьянской реформы, не проявило особой щедрости. Только благодаря отдѣльному крупному жертвователю, помѣщику Григорову, было основано въ Костромѣ, въ 1858 г., первое въ Россіи всесловное женское училище для приходящихъ, переименованное въ 1860 г. въ гимназію. Заслуживаетъ упоминанія попытка кружка полтавской интеллигенціи устроить женское училище исключительно общественными силами. Нѣсколько дамъ безвозмездно приняли на себя обязанности классныхъ дамъ, учителя гимназіи и кадетскаго корпуса обязались преподавать въ училищѣ даромъ первыя шесть лѣтъ. Купечество обѣщало свое содѣйствіе. Полтавское училище было открыто въ 1860 г.

Слабость инициативы, къ проявленію которой русское общество не успѣло еще привыкнуть, настоятельно указывала на необходимость сильной правительственной поддержки. Къ счастью для дѣла, такая поддержка явилась во время. 19-го февраля 1858 г. припѣцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій представилъ государю и импе-

ратрицѣ проектъ отдѣльнаго женскаго всеобщаго училища, составленной инспекторомъ классовъ Павловскаго института, профессоромъ Вышнеградскимъ. Проектъ этотъ былъ переданъ на рассмотрениеъ главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, и уже 22-го марта 1858 г. состоялся именной указъ совѣту объ устройствѣ Маринскаго женскаго училища. Поразительная быстрота, говорить по этому поводу г-жа Лихачева, съ которою была принята въ правительственныхъ сферахъ и осуществилась въ столицѣ идея открытой всеобщаго женской школы, составляетъ огромную заслугу передъ русскимъ обществомъ покойнаго Н. А. Вышнеградскаго. Последний, по свидѣтельству ближайшихъ его сотрудниковъ по устройству Маринскаго училища, обладалъ замѣчательно свѣтлымъ умомъ, педагогическимъ талантомъ, умѣлъ увлекать своихъ слушателей, привязывать къ себѣ дѣтей и владѣлъ даромъ организатора дѣла. Умѣнью привлекать людей онъ склонилъ на сторону своей идеи принца Ольденбургскаго, завоевалъ расположеніе къ новому типу женскихъ учебныхъ заведеній въ высшихъ сферахъ, и въ среднемъ классѣ, изъ котораго вышли первыя воспитанницы новаго училища. Торжественное открытіе училища въ присутствіи императрицы Маріи Александровны, состоялось 19-го апрѣля 1858 г. Такъ какъ въ теченіе лѣта къ Вышнеградскому поступило множество заявленій отъ родителей, желавшихъ отдать своихъ дочерей, то съ осени было открыто кромѣ Маринскаго еще три училища Коломенское, Васильевское и Петербургское, общій надзоръ за которыми сохранилъ Вышнеградскій.

Такимъ образомъ, въ Петербургѣ женскія открытыя учебныя заведенія были созданы тѣмъ же самымъ вѣдомствомъ учреждений императрицы Маріи, которое и до сихъ поръ заботится о женскомъ образованіи. Въ провинціи, на основаніи положенія о женскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, высочайше утвержденаго 30-го мая 1858 г., они должны были открываться въ городахъ, жители которыхъ наиболѣе нуждаются въ средствахъ для образованія своихъ дочерей, и гдѣ представится возможность дать училищу необходимыя для открытія и существованія его средства отъ правительства, отъ разныхъ вѣдомствъ и сословій и отъ частныхъ пожертвованій. Прежде другихъ были открыты по этому положенію училища въ Твери — 11-го августа 1858 г., и затѣмъ въ Вышнемъ-Волочкѣ. Характерно, что вышневолоцкое купечество, установивъ обязательный сборъ въ пользу училища съ купцовъ всѣхъ гильдій, поставило непремѣннымъ условіемъ своего содѣйствія, чтобы новое училище было подчинено не министерству народнаго просвѣщенія, а главному совѣту женскихъ учебныхъ заведеній, подъ попечительствомъ принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго и подъ начальствомъ Н. А. Вышнеградскаго. Очевидно, что просвѣтительная дѣятельность послѣдняго уже успѣла создать широкую популярность и ему, и вѣдомству, въ которомъ онъ служилъ. Желаніе вышневолоцкаго купечества, несмотря на его противорѣчіе новому положенію, было съ высочайшаго соизволенія удовлетворено, и училище названо Маринскимъ. Но вообще, какъ и предсказывалъ министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, далеко не

вездѣ общество выказало готовность идти навстрѣчу начинаніямъ правительства. Такъ, несмотря на настойчивыя предложенія мѣстной администраціи, херсонское общество всѣхъ сословій не изъявило согласія на пожертвованія для женскихъ школъ. Отъ прославской дирекціи поступило сообщеніе, что дворяне воспитываютъ своихъ дочерей въ пансіонахъ и институтахъ, купцы, мѣщане и ремесленники считаютъ излишнимъ давать образованіе дочерямъ, находя его бесполезнымъ, если не вреднымъ. При открытіи въ 1860 г. Фундуклеевскаго училища въ Кіевѣ, начальникъ его, адъюнктъ-профессоръ Линиченко, между прочимъ, сказалъ: «къ сожалѣнію и къ стыду нашему, никто не положилъ лепты въ сокровищницу на пользу просвѣщенія. Всякій извинился обстоятельствомъ: село купилъ, жену поихъ... народъ не жертвовалъ по бѣдности, купечество, дворянство и другія сословія не обратили вниманія на важность женскаго училища». О равнодушіи общества къ женскимъ училищамъ много говорилось и въ печати. Одни объясняли его глупъ, что наше общество слишкомъ привыкло къ опеку и ждетъ всего отъ правительства; другіе, наоборотъ, приписывали слабость интереса слишкомъ малому вліянію и участию, которое отводилось обществу новымъ положеніемъ 1860 г., предоставившимъ частнымъ лицамъ единственное право — жертвовать деньги. Во всякомъ случаѣ слабость общественнаго содѣйствія и притекающая отсюда скудость средствъ обратили на себя вниманіе правительства, въ лицѣ назначеннаго въ апрѣлѣ 1866 г. министромъ народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстого, которому послѣ долгихъ хлопотъ удалось, наконецъ, въ 1870 г. добиться установленія ежегоднаго дополнительнаго кредита министерству въ суммѣ отъ 50 до 150 тысячъ рублей на воспособленіе женскимъ учебнымъ заведеніямъ. Такимъ образомъ, общій расходъ министерства на женское образованіе былъ въ 1870 г. незначителенъ болѣе 200 тысячъ рублей.

Но не только скудость средствъ и равнодушіе общества составляли препятствіе для правильнаго развитія женскаго образованія. Пробужденіе общественнаго самосознанія въ шестидесятыхъ годахъ, сопровождавшееся неизбѣжными крайними увлеченіями, вызвало съ другой стороны усиленную бдительность. Наука, просвѣщеніе приравнивались къ огню, съ которымъ играть опасно. Особенно воспламеняющій составъ приписывался естественнымъ наукамъ, интересъ къ которымъ, дѣйствительно, чрезвычайно усилился въ обществѣ. Такое подозрительное отношеніе къ наукѣ не было, конечно, новостью. Русское общество, и въ особенности его молодое поколѣніе, стараясь разрѣшить волнующіе его вопросы, всегда искало отвѣта въ наукѣ. Какая отрасль наукъ пользовалась наибольшимъ довѣріемъ, это зависѣло, конечно, отъ состоянія знаній въ Западной Европѣ. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ русское общество погружалось въ дебри метафизической философіи, усердно изучая Шеллинга и Гегеля. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ такую же роль играли науки естественныя, мѣсто Шеллинга и Гегеля заняли Бюхнеръ и Мюллеръ. Наконецъ, въ настоящій моментъ мы переживаемъ увлеченіе экономическими науками. Всѣ эти науки

оказывали, конечно, каждая въ свое время, огромное влияние и на выработку мировоззрѣнія, и на все направленіе практической дѣятельности. И, такъ какъ это направленіе не всегда шло въ параллель съ официальнымъ, то немудрено, что оно вскорѣ вызывало подозрѣніе, которое затѣмъ переходило на самую науку. Характернымъ примѣромъ такого отношенія къ наукѣ можетъ служить исторія, повлекшая за собой оставленіе Н. А. Вышнеградскимъ должности начальника женскихъ гимназій. Дѣло въ томъ, что на учрежденныхъ въ 1863 г. при Маріинской женской гимназій педагогическихъ курсахъ Вышнеградскій допустилъ преподаваніе естественныхъ наукъ. Онъ полагалъ, что для женщины, какъ матери и воспитательницы, необходимо знаніе физической и нравственной природы ребенка, и что это знаніе обуславливается знакомствомъ со строеніемъ и постепеннымъ развитіемъ его внутреннихъ и вѣншихъ органовъ, т. е. съ анатоміей и съ физиологіей. Конечно, говорить по этому поводу г-жа Лихачева, Вышнеградскій руководствовался при этомъ не желаніемъ угодить моднымъ увлеченіямъ молодежи, а желалъ поставить дѣло правильно. Однако, со втораго же года учрежденія курсовъ ему пришлось убѣдиться, что такое нововведеніе вызываетъ въ нѣкоторой части общества не только вредное и злобное, но и прямо опасное для дѣла раздраженіе. По поводу преподаванія на курсахъ анатоміи и физиологіи явились обвиненія, что курсы пропагандируютъ нигилизмъ и безнравственность. Передъ такими обвиненіями волей-неволей приходилось отступать. По предложенію Вышнеградскаго, конференція курсовъ пересмотрѣла программу по естественнымъ наукамъ. Въ результатъ было вовсе уничтожено преподаваніе эмбриологіи, и вообще постановлено, что «изложеніе всѣхъ предметовъ, независимо отъ научнаго образованія молодыхъ дѣвушекъ, должно быть тщательно примѣняемо къ особенностямъ ихъ пола, и поэтому подробности, могущія оскорбить дѣвическую стыдливость, должны быть внимательно обходимы». Въ то же самое время попечитель женскихъ гимназій, принцъ Ольденбургскій, въ разосланномъ по гимназіямъ циркулярѣ обращалъ вниманіе начальствующихъ лицъ на то, чтобы «естественныя науки преподавались не иначе, какъ со всегдашнимъ указаніемъ на премудрость Божию, какъ на единственный источникъ блага». Продолжавшіяся нападки на педагогическіе курсы заставили вовсе исключить въ 1865 г. изъ программы анатомію и физиологію. Положеніе Вышнеградскаго, вслѣдствіе многочисленныхъ заявленій, поступавшихъ на него, сдѣлалось невыносимымъ. Въ мѣѣ 1866 г. онъ обратился къ принцу съ просьбой назначить ревизіонную комиссію, которая разслѣдовала бы его образъ дѣйствій и положила бы конецъ нареканіямъ на него и на курсы. Такая комиссія, дѣйствительно, была назначена и состояла изъ представителей вѣдомства учрежденій императрицы Маріи, министерства народнаго просвѣщенія и духовнаго вѣдомства. Комиссія потребовала къ себѣ списки всѣхъ руководствъ, употреблявшихся въ женскихъ гимназіяхъ и на курсахъ, всѣхъ стихотвореній, выученныхъ воспитанницами, и тетради съ ихъ сочиненіями. Мнѣнія членовъ ко-

мисіи раздѣлились. Представители IV отдѣленія (Чистяковъ, Тибо де-Бриньоль и Тимофеевъ) вынесли, въ общемъ, отрадное впечатлѣніе и отъ гимназій и отъ курсовъ. Даже преподаваніе естественныхъ наукъ не нарушало этого впечатлѣнія. «На экзаменахъ по анатоміи и химіи, заявилъ Тибо де-Бриньоль, дѣятели отвѣчали такъ отчетливо, опредѣленно и сознательно, какъ это рѣдко бываетъ въ университетѣ. Видно, что онѣ занимались этими предметами съ любовью и увлеченіемъ. А такое серьезное занятіе наукою не можетъ не облагораживать каждыя». Иначе отнеслись къ дѣлу представитель министерства народнаго просвѣщенія Лемоніусъ и представитель духовнаго вѣдомства, священникъ Барсовъ. Въ общемъ, коммиссія признала, что собственно въ гимназическомъ преподаваніи ничего вреднаго для религіи и нравственности не было. Однако, преподаваніе на педагогическихъ курсахъ нѣкоторыхъ предметовъ, сопровождаемое диссекціей труповъ животныхъ и соотвѣствующими при семъ объясненіями, было найдено несообразнымъ съ потребностями женскаго воспитанія. Результатомъ дѣятельности коммисіи было, съ одной стороны, оставленіе Вышнеградскихъ должности начальника женскихъ гимназій, причемъ на его мѣсто былъ назначенъ одинъ изъ представителей духовнаго вѣдомства въ коммисіи, профессоръ петербургской духовной академіи, Н. Т. Осипицъ, съ другой стороны, анатомія и фізіологія были окончательно исключены изъ программы педагогическихъ курсовъ и замѣнены русской грамматикой, географіей и элементарнымъ курсомъ естественной исторіи.

Педагогическіе курсы, по плану Вышнеградскаго, носили, несомнѣнно, характеръ высшаго учебнаго заведенія. Послѣ его ухода они потеряли этотъ характеръ. Такимъ образомъ, первая попытка создать высшее женское учебное заведеніе кончилась неудачно. Причина неудачи, какъ справедливо говорить г-жа Лихачева, заключалась не въ ошибочности самой идеи, а въ условіяхъ того переходнаго, исключительнаго, крайне тревожнаго времени, которое русское общество переживало въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ. Идея же о необходимости высшаго образованія и для женщинъ уже носилась въ воздухѣ и вскорѣ, несмотря на всѣ препятствія, получила осуществленіе.

Исторія высшаго женскаго образованія въ Россіи заслуживаетъ особаго вниманія, какъ совершенно оригинальное явленіе въ жизни русскаго общества. Последнее постоянно, и не безъ основанія, подвергается упрекамъ въ отсутствіи самостоятельности, предпримчивости, въ слабости частной инициативы. Справедливость требуетъ признать, однако, что въ данномъ случаѣ, въ дѣлѣ созданія высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, инициатива шла отъ общества, и самое осуществленіе этой идеи принадлежитъ тому же обществу, въ лицѣ его наиболѣе просвѣщенныхъ представителей.

Уже въ 1859 г. въ Петербургскомъ университетѣ, и нѣсколько позже въ Харьковскомъ, Кіевскомъ и въ Одесскомъ, женщины стали посѣщать лекціи въ качествѣ вольнослушательницъ. Въ Петербургѣ большинство ихъ ходило только на лекціи извѣстныхъ профессоровъ—Костомарова, Стасюлевича, Спасовича, но три женщины по-

сѣщали всѣ лекціи избраннаго ими факультета и наѣзжались держать кандидатскій экзаменъ. Женщины посѣщали также и лекціи въ медико-хирургической академіи. Возможность посѣщенія университета женщинами не была предусмотрена уставомъ 1835 г. Поэтому, при составленіи проекта новаго устава, въ 1861 г., вопросъ этотъ, въ числѣ прочихъ, былъ предложенъ на разсмотрѣніе совѣтамъ университетовъ. Избранная по этому поводу петербургскимъ совѣтомъ коммисія подъ предѣлательствомъ Савича изъ профессоровъ Кавелина, Голтунскаго и Стасюлевича единогласно пришла къ заключенію, что допущеніе женщинъ къ совѣстному со студентами, по какому бы то ни было факультету, слушанію университетскихъ лекцій не только представляетъ какого-либо препятствія, но было бы справедливымъ и полезнымъ. Коммисія позагала возможнымъ также разрѣшить женщинамъ поднѣргаться испытаніямъ на всѣ ученыя степени и получать дипломъ, который давалъ бы имъ права на штатныя учительскія и воспитательныя должности въ женскихъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеніяхъ на медицинскую практику. Въ такомъ же смыслѣ высказались совѣты казанскій, харьковскій, отчасти и киевскій. Только совѣтъ Московскаго университета рѣшилъ не допускать совѣстнаго слушанія женщинъ со студентами ни подъ какимъ предлогомъ, ибо это можетъ имѣть вредное вліяніе на успѣшнѣйшій ходъ занятій молодыхъ людей, обучающихся въ университетѣ.

Событія 1861 года повліяли на рѣшеніе вопроса о допущеніи женщинъ въ университетъ въ отрицательномъ смыслѣ. Несмотря на благоприятное заключеніе ученаго комитета главнаго правленія училищъ, изъ проекта устава было исключено примѣчаніе къ § 100, которымъ женщинамъ разрѣшалось посѣщать университетъ. Неудачный исходъ этого дѣла не могъ, конечно, уничтожить назрѣвшую уже тогда потребность въ высшемъ образованіи женщинъ. Но тревожныя обстоятельства того времени, отразившіяся и на неудачѣ попытки Н. А. Вышнеградскаго, отсрочили рѣшеніе вопроса на нѣсколько лѣтъ. Въ 1868 г., на первомъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей въ С.-Петербургѣ было прочитано заявленіе Е. И. Конради, въ которомъ она обращалась къ съѣзду съ просьбой ходатайствовать передъ правительствомъ о проведеніи въ жизнь той или другой мѣры, которую оно сочтетъ наилучшею для того, чтобы сдѣлать русскихъ матерей не познимальными, но дѣйствительными руководительницами первоначальнаго образованія ихъ дѣтей, насколько образованіе это соприкасается со спеціальною отраслью знанія, составляющею цѣль самого съѣзда. Но неизмѣнною особою педагогическаго отдѣла, съѣздъ не вошелъ въ обсужденіе этого заявленія. Тогда обсужденіе его перешло въ отдѣльныя дамскіе кружки, въ одно изъ которыхъ пришла къ рѣшенію подать ректору Петербургскаго университета прошеніе о томъ, чтобы въ стѣнахъ университета, въ свободныя отъ занятій студентовъ часы, или въ другомъ зданіи, гдѣ имѣются тѣ же учебныя пособія, профессора читали лекціи для женщинъ по предметамъ историко-филологическихъ и естественныхъ наукъ. Подъ этимъ прошеніемъ, поданнымъ ректору 11-го мая 1868 г., подписались

около 400 женщинъ, въ числѣ которыхъ были и дамы высшаго общества: жена и дочь военнаго министра Д. А. Милютина, графиня Толстая, графиня Ростовцева etc. Совѣтъ университета, разсмотрѣвъ прошеніе въ особой комиссіи, постановилъ: выразить полное сочувствіе стремленію организовать правильные, дѣльные. но отнюдь не популярныя курсы по филологическимъ и естественнымъ наукамъ; признать неудобнымъ предоставленіе для этой цѣли университетскихъ аудиторій; предоставить матеріальную часть организации курсовъ самимъ просительницамъ обѣщать полное содѣйствіе совѣта какъ по пересмотру этого плана, такъ и по устройству учебной части. Въ виду такого, въ общемъ благоприятнаго отвѣта, кружокъ дамъ, изъ котораго исходило прошеніе, рѣшилъ подать осенью того же года министру народнаго просвѣщенія прошеніе о разрѣшеніи открыть предполагаемые профессорами курсы и въ то же время избрать комиссію для организации матеріальной стороны дѣла. Осенью состоялось засѣданіе этой комиссіи подъ предѣтельствомъ президента медико-хирургической академіи Нарановича и при участіи 43 профессоровъ, на сочувствіе которыхъ новому дѣлу можно было разсчитывать. Когда выяснилось, что средствъ для открытія курсовъ, кромѣ ожидаемой платы за слушаніе лекцій, въ размѣрѣ 6000 р. въ годъ, не предвидится, то профессора предложили съ своей стороны первый годъ работать безвозмездно. Затѣмъ, 27-го ноября 1868 г., депутация, состоявшая изъ проф. А. Н. Бекетова, Н. В. Стасовой и Е. Н. Ворониной, была у министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстого. Послѣдній прежде всего указалъ учредительницамъ на отсутствіе матеріальныхъ средствъ, причемъ замѣтилъ, что министерство съ своей стороны никакой субсидіи дать не можетъ. Это заявленіе министра станетъ намъ понятно, если мы вспомнимъ, какихъ трудовъ стоило ему добиться ассигнованія ежегоднаго пособія министерству на женскія учебныя заведенія, въ суммѣ 150000 р., которое было получено лишь въ 1870 г. Съ другой стороны, министръ выразилъ сомнѣніе и въ самой необходимости высшаго образованія для женщинъ. По его мнѣнію, это было затѣей маленькаго кружка высшаго образованія женщинъ вовсе не надо, такъ какъ она выйдетъ замужъ и всѣ науки броситъ въ сторону. Черезъ нѣсколько времени, въ своемъ официальномъ отвѣтѣ, изложенномъ въ видѣ письма къ А. П. Философовой, графъ Толстой сообщилъ мнѣніе попечителя Петербургскаго учебнаго округа, признававшего женщинъ неподготовленными къ слушанію университетскихъ курсовъ и рекомендовавшего, во всякомъ случаѣ, обратиться съ своимъ ходатайствомъ въ вѣдомство учрежденій императрицы Маріи. Къ этому графъ Толстой присовокупилъ съ своей стороны, что, сочувствуя стремленію женщинъ получить высшее образованіе, онъ полагалъ бы наиболее удобнымъ устроить для сего общія публичныя лекціи. Получивъ такой отвѣтъ, учредительницы рѣшили принять предложеніе министра, въ надеждѣ, что со временемъ можно будетъ добиться желаемого. 20-го января 1870 г. были открыты петербургскіе публичныя курсы, на которые заранее записалось около 900 чело-вѣкъ, изъ нихъ 767 женщинъ. Лекторами явились профессора Бестужевъ-Рюминъ, Менделѣевъ, Петрушевскій, Овсянниковъ, Бе-

кетовъ и др. Лекціи читались по вечерамъ, четыре раза въ недѣлю. Благодаря частнымъ пожертвованіямъ, матеріальная сторона курсовъ была въ хорошемъ состояніи.

Начатое въ Петербургѣ движеніе въ пользу высшаго женскаго образованія быстро распространилось по всей Россіи. Въ университетскихъ городахъ женщины, естественно, стремились разрѣшить вопросъ о высшемъ образованіи, пользуясь силами и средствами университетовъ. Въ этомъ смыслѣ подаю было графу Д. А. Толстому ходатайство московскими дамами. Получивъ отъ него такой же отвѣтъ, какъ и петербургскія, просительницы также рѣшили согласиться на устройство публичныхъ лекцій. Но, не надѣясь на содѣйствіе профессоровъ, онѣ обратились къ директору 2-й мужской гимназіи, Ф. Н. Королеву, съ просьбой устроить для нихъ такіе курсы, которые служили бы дополненіемъ къ получаемому дѣвушками въ женскихъ среднихъ заведеніяхъ образованію. Въ виду того, что здѣсь не было рѣчи о созданіи женскаго университета, и программы были значительно уже петербургскихъ, оказалось возможнымъ приспособить публичныя лекціи исключительно для женщинъ. Курсы эти, получившіе названіе Лубянскихъ, были открыты осенью 1869 г. Такіе же среднеучебные курсы, но имѣющіе специальною цѣлью подготовку къ ожидавшимся публичнымъ лекціямъ въ университетскомъ объемѣ, были открыты въ томъ же году, и также по инициативѣ группы женщинъ, желавшихъ заниматься наукой, и въ Петербургѣ. Курсами этими заведывалъ извѣстный педагогъ І. Паульсонъ, и въ нихъ принимали участіе лучшія педагогическія силы того времени — Гердъ, Бутушевскій, Рашевскій, Страннолюбскій и Краевичъ. Курсы эти извѣстны были въ обществѣ подъ названіемъ Аларчинскихъ. Что касается Москвы, то Лубянскіе курсы по своей элементарной программѣ (въ объемѣ курса мужскихъ гимназій), конечно, не могли удовлетворить стремленія къ высшему образованію. И среди профессоровъ Московскаго университета явились безкорыстные ревнители высшаго женскаго образованія. Въ февралѣ 1871 г. проф. Герье обратился къ попечителю московскаго учебнаго округа, съ просьбой разрѣшить ему открытіе систематическихъ научныхъ курсовъ для женщинъ. Свою просьбу проф. Герье мотивировалъ тѣмъ, что высочайшимъ повелѣніемъ 14-го января 1871 г., министерству народнаго просвѣщенія разрѣшено расширять въ случаѣ возможности педагогическую дѣятельность женщинъ. Между тѣмъ, онѣ по своему образованію къ ней недостаточно подготовлены. Проектируемые курсы и имѣли въ виду поднять уровень образованія и развитія женщинъ. Курсы были разрѣшены министерствомъ, въ видѣ опыта, на три года, причемъ никакихъ правъ оканчивавшимъ не было предоставлено. Срокъ ученія на курсахъ былъ опредѣленъ двухлѣтній. Открытіе курсовъ проф. Герье состоялось 1-го ноября 1872 г. Менѣе успѣшны оказались попытки сторонниковъ женскаго движенія въ Кіевѣ и въ Харьковѣ. Ходатайство кіевскихъ профессоровъ объ открытіи специально для женщинъ платныхъ публичныхъ лекцій при университетѣ въ 1874 г. было оставлено министерствомъ безъ отвѣта. Также неудовлетвореннымъ осталось ходатайство, поданное графу Д. А. Толстому при проѣздѣ его черезъ Харьковъ

въ 1870 г. и покрытое 263 подписями, «о преобразованіи среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній въ реальныя, съ программой, приуроченной къ университетскому курсу, и о допущеніи женщинъ въ университетъ».

Всѣ эти ходатайства свидѣтельствовали о несомнѣнной наличности стремленій женщинъ къ высшему образованію. Невозможность удовлетворить эти стремленія на мѣстѣ побуждала ихъ отправляться за границу, преимущественно въ Швейцарію, для поступленія въ тамошніе университеты. Число отъѣзжавшихъ было настолько значительно, что правительство вынуждено было обратить на него вниманіе. Въ 1873 г. по высочайшему повелѣнію была образована коммиссія изъ министровъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, начальника III отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи и товарища главноуправляющаго IV отдѣленіемъ ея для обсужденія вопроса о мѣрахъ, вызывающихъ постоянное возрастаніе отъѣзда женщинъ за границу. По мнѣнію коммисіи, причины этого возрастанія заключаются отчасти въ положеніи у насъ женскаго образованія. Коммиссія нашла существенно необходимымъ учрежденіе высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній со строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ, основаннымъ на изученіи историко-филологическихъ предметовъ, по образцу высшихъ женскихъ училищъ въ Берлинѣ. Въ правительственномъ сообщеніи 21-го мая 1873 г. было указано на ненормальность постоянной эмиграціи учащихся женщинъ за границу, на проистекающія изъ этого опасности въ политическомъ отношеніи, такъ какъ большинство ихъ увлекается революціонной пропагандой, и было обѣщано, что правительство озабочится учрежденіемъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній сначала въ Петербургѣ и въ Москвѣ, а затѣмъ, по мѣрѣ изысканія средствъ, и въ другихъ университетскихъ городахъ. Такимъ образомъ, правительство признало и высшее женское образованіе дѣломъ государственнымъ и рѣшило пойти навстрѣчу желаніямъ общества. Это было уже огромнымъ шагомъ впередъ, ибо только три года тому назадъ, въ 1870 г., министръ народнаго просвѣщенія, графъ Толстой, въ отвѣтъ на ходатайство, поданное ему въ Харьковѣ, сказалъ относительно высшаго женскаго образованія, что «за отсутствіемъ въ немъ надобности для общихъ государственныхъ цѣлей и въ виду крайне ограниченнаго числа лицъ женскаго пола, серьезно стремящихся къ такому высшему образованію и достаточно къ тому подготовленныхъ, правительство не можетъ взять на себя ни заботы о немъ, ни издержекъ на него». За три года точка зрѣнія на этотъ вопросъ успѣла измѣниться. Но, собственно, моментомъ начала активнаго содѣйствія правительства созданію особыхъ женскихъ высшихъ учебныхъ заведеній слѣдуетъ считать 1872 г. Осенью этого года были открыты женскіе врачебные курсы въ Петербургѣ. Въ цитированномъ уже выше высочайшемъ повелѣніи 14-го января 1871 г. первымъ пунктомъ было постановлено всѣми мѣрами содѣйствовать распространенію и преусилію правильно устроенныхъ, отдѣльныхъ для женщинъ курсовъ акушерскихъ наукъ и привлеченію на оныя какъ можно болѣе слушательницъ. Въ 1872 г. дочь полковника, А. А. Родственна, пожертвовала 50 тысячъ рублей на

устройство женскихъ врачебныхъ курсовъ въ Петербургѣ. Пожертвованіе это дало возможность тогдашнему военному министру, Д. А. Милютину, горячо сочувствовавшему дѣлу высшаго женскаго образованія, войти къ государю съ докладомъ, въ которомъ онъ просилъ разрѣшить устроить такіе курсы при медико-хирургической академіи, причемъ текущіе расходы покрывать изъ платы за слушаніе лекцій. Первоначально предполагалось, что курсы будутъ выпускать ученыхъ акушеровъ, степень, значеніе которой надо было еще опредѣлить въ законодательномъ порядкѣ. Но такъ какъ всѣ курсы слушались женщинами наравнѣ со студентами академіи, то оказалось несправедливымъ ограничивать ихъ права, тѣмъ болѣе, что въ послѣдовавшую русско-турецкую войну женщины наглядно доказали свое знаніе дѣла и умѣніе работать. Комиссія, образованная при военномъ министерствѣ подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Исакова для разсмотрѣнія вопроса о правахъ медицинской практики женщинъ въ 1878 г., пришла къ заключенію, что женскіе врачебные курсы представляютъ учрежденіе необходимое и полезное для общества и государства, и потому должны быть сохранены и получить окончательное утвержденіе законодательнымъ порядкомъ. Комиссія полагала нужнымъ предоставить окончившимъ право самостоятельной практики безъ ограниченія ея женскимъ поломъ и дѣтскимъ возрастомъ. 14-го іюня 1880 г. Высочайшимъ повелѣніемъ окончившимъ на врачебныхъ курсахъ женщинамъ былъ дарованъ нагрудный знакъ отличія на право самостоятельной врачебной практики. Такимъ образомъ, открытые въ 1872 г. врачебные курсы были первымъ и единственнымъ высшимъ женскимъ учебнымъ заведеніемъ, предоставлявшимъ окончившимъ права наравнѣ съ оканчивающими курсъ въ университетахъ. Къ сожалѣнію, неопредѣленное положеніе, которое занимали курсы въ военномъ министерствѣ, привело къ тому, что когда въ 1882 г. понадобилось освободить Николаевскій военный госпиталь для помѣщенія въ немъ клиникъ военно-медицинской академіи, то, несмотря на признанную самими военнымъ министромъ, ген.-ад. П. С. Ванновскимъ, желательность поддержки медицинскихъ курсовъ на пользу обществу, пріемъ на курсы былъ прекращенъ, и самые курсы вскорѣ упразднены. Возстановленія ихъ, подъ названіемъ женскаго медицинскаго института, русскому обществу удалось дожидаться лишь въ настоящее царствованіе, въ 1897 г. Послѣ указаннаго правительственнаго сообщенія 21-го мая 1873 г. дѣло высшаго женскаго образованія вступаетъ на правильный путь. Общественная инициатива въ дѣлѣ устройства высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній встрѣчаетъ правительственную поддержку. Въ 1876 году министерствомъ народнаго просвѣщенія были выработаны общія положенія, на основаніи которыхъ могли открываться высшіе женскіе курсы. Въ слѣдующемъ году ученый комитетъ министерства разсматривалъ проектъ устава петербургскихъ курсовъ, составленный проф. К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, московскихъ, составленный проф. Герье, кіевскихъ и казанскихъ. Всѣ эти проекты были съ нѣкоторыми поправками утверждены. Въ 1879 г. были открыты курсы и въ Одессѣ, такъ что къ 1880 г., на которыхъ останавливается изслѣдованіе Е. И. Ляхачевой, не

было курсовъ изъ университетскихъ городовъ только въ Харьковѣ и въ Дерптѣ. Правда, провинціальныя курсы оказались недолговѣчными и въ восьмидесятыхъ годахъ, уцѣлѣли только Бестужевскіе курсы въ Петербургѣ и курсы проф. Герье въ Москвѣ.

Особый интересъ представляетъ исторія петербургскихъ курсовъ. Г-жа Лихачева, сама принимавшая дѣятельное участіе въ ихъ организаціи, останавливается на ней особенно подробно. Курсы были открыты 20 го сентября 1878 г., при 795 слушательницахъ (изъ нихъ 526 постоянныхъ). Капиталь курсовъ къ этому времени составлялъ 222 р. Затѣмъ, благодаря образовавшемуся обществу для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, платъ за слушанье лекцій и, наконецъ, субсидіи министерства (съ 1879 г. по три тысячи рублей), матеріальное положеніе курсовъ понемногу окрѣпло. Ежегодная стоимость ихъ была около 60000 рублей. Еще труднѣе, чѣмъ обезпечить курсы съ матеріальной стороны, было защищать ихъ отъ многочисленныхъ враговъ женскаго просвѣщенія. Раздраженные успѣхомъ новаго дѣла противники его не останавливались въ своихъ дѣйствіяхъ и курсы, можетъ быть, были бы закрыты, если бы на защиту ихъ не выступилъ графъ Д. А. Толстой. Онъ утверждалъ, что ничего выходящаго изъ ряда со времени открытія курсовъ не было. Только благодаря этому заступничеству курсы были спасены. Вопросъ о правахъ слушательницъ, окончившихъ курсы, остался открытымъ. По проекту Бестужева-Рюмина имъ предполагалось выдавать аттестаты на право преимущественно передъ окончившими ученіе въ пансіонахъ и институтахъ и вообще въ среднихъ заведеніяхъ, преподавать въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ученый комитетъ не согласился съ этимъ предположеніемъ, боясь, что вслѣдствіе преобладанія женщинъ преподавательницъ, менѣе подготовленныхъ, чѣмъ мужчины, понизится общій уровень женскаго образованія.

Существованіе массы желающихъ учиться и при этомъ условіи, переполненіе курсовъ сѣзжающеюся со всѣхъ концовъ Россіи женскою молодежью можно объяснить только безкорыстной любовью къ знанію, исканіемъ истины.

Въ настоящемъ бѣгломъ очеркѣ мы намѣтили только въ общихъ чертахъ постепенный ростъ средняго и высшаго образованія, оставивъ совершенно въ сторонѣ все, что касалось элементарнаго обученія, профессиональнаго образованія и специальныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, напримѣръ, духовнаго вѣдомства, относительно которыхъ интересующіеся могутъ найти много новыхъ данныхъ въ трудѣ Е. І. Лихачевой. Мы видѣли, что начало правильному и систематическому женскому образованію положено было у насъ правительствомъ, въ лицѣ Екатерины II. Общество отнеслось къ ея попыткамъ довольно индифферентно. Цѣля въ просвѣщеніи только утилитарную сторону, общество не видѣло необходимости давать образованіе женщинамъ, ибо не предполагало возможности вернуть затраченные на него капиталы. Лишь благодаря настойчивости правительства, сознаніе пользы и необходимости женскихъ учебныхъ заведеній распространилось въ первой половинѣ XIX в., но крайней мѣрѣ среди

дворянства, такъ что большинство институтовъ въ этотъ періодъ возникло по ходатайству дворянства и на его средства. Реформы Александра II дали толчекъ и дѣлу женскаго образованія. Съ одной стороны, выдвинувшіеся впередъ интересы среднего сословія побудили правительство создать рядомъ съ чисто сословными учебными заведеніями, институтами, заведения новаго типа, гимназіи. Затѣмъ, женщины, какъ средняго сословія, такъ и принадлежащія къ обѣдѣвшему дворянству, стали естественно стремиться къ заработку, добиваться интеллигентнаго труда наравнѣ съ мужчинами. Наконецъ, всеобщее оживленіе, тотъ подъемъ духа, который характеризуетъ общественное настроеніе 60-хъ годовъ, пробудили въ русской женщинѣ дремавшую въ ней жажду знанія, утолить которую не въ силахъ были ни институты, ни гимназіи. На этой почвѣ выросло женское движеніе, требовавшее полного уравненія женщинъ въ правахъ съ мужчинами, эмансипаціи, и прежде всего доступа къ высшему образованію. Правительство относилось вначалѣ недовѣрчиво къ этому движенію, считая его дѣломъ весьма небольшой группы болѣе передовыхъ женщинъ. Но когда, вслѣдствіе отсутствія у насъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, наплывъ русскихъ женщинъ въ заграничныя университеты сталъ возрастать, правительство признало необходимость оказать поддержку обществу въ его стремленіи къ созданію высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. Результатами совместной работы правительства и общества въ этомъ направленіи Россія справедливо можетъ гордиться: къ началу восьмидесятыхъ годовъ, говоритъ г-жа Лихачева, хотя почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ женщины допускались въ университеты, но ни въ одномъ изъ нихъ не было такихъ самостоятельныхъ, широко въ послѣдніе годы поставленныхъ учреждений, какъ наши медицинскіе курсы при медико-хирургической академіи, и даже какъ наши высшіе курсы въ Петербургѣ *).

Въ послѣднее время поступательное движеніе въ этой области возобновилось. Достаточно вспомнить открытіе женскаго медицинскаго института, преобразование московскихъ курсовъ проф. Герье въ московскіе высшіе женскіе курсы и, наконецъ. Высочайшее повелѣніе, состоявшееся въ августѣ прошлаго года о допущеніи женщинъ въ Александровскій университетъ въ Гельсингфорсѣ.

В. Маттевъ.

*) Материалы, 1880—1880 г., стр. 616.

Каторжникъ.

(изъ записокъ русской богемы).

Въ 1869 г., когда я проживалъ на подмосковной дачѣ, случай свелъ меня съ горемыкой-художникомъ Р—имъ, который послѣ того вѣкоторое время и квартировалъ у меня, периодически то пропадая на вѣсколько дней и даже недѣль, то снова возвращаясь. Р—ій былъ неисправимый алкоголикъ, и эта болѣзнь погубила его талантъ. Ко мнѣ онъ явился чуть не прямо изъ Рима, гдѣ, по несчастью, совершилъ преступленіе и отбывалъ каторжныя работы. Объ этомъ эпизодѣ онъ не любилъ распространяться.

— О, это длинная исторія, всегда отвѣчалъ Р—ій на мои разспросы, но однажды добавилъ:—если насъ мои приключенія интересуютъ, хотите, я вамъ дамъ мои записки, онѣ у меня сохранились; я ихъ въ картузъ зашилъ, онѣ тамъ такъ и остались. Сначала я было хотѣлъ изорвать ихъ и бросить, потомъ раздумалъ, вотъ онѣ и пригодились.

Говоря это, Р—ій досталъ изъ-подъ дивана свой старый картузъ и, распоровъ подкладку, вручилъ мнѣ свертокъ очень засаленной бумажки. Я взялъ дневникъ Р—аго, отправился къ себѣ и сталъ читать. Меня поразило, отъ какой случайности погибъ талантливый, молодой человѣкъ. Каторга его погубила и изъ скромнаго застѣнчиваго юноши, едва выпивавшаго въ компаніи стаканъ пива, сдѣлала горькимъ пьяницей. Все лѣто я тщетно боролся съ недугомъ Р—аго, употреблялъ всевозможныя средства, чтобы удержать его отъ пагубной страсти, но изъ этого ровно ничего не вышло. Поздно осенью я уѣхалъ за границу, поручивъ Р—аго заботамъ моего

управляющаго. Возвратившись весной въ Москву, я узналъ, что Р—ій въ началѣ ноября, по обыкновенію, исчезъ изъ дома и болѣе уже не возвращался. Конечно, мой управляющій далъ знать въ полицію, но и полиція не могла разрѣшить вопроса, куда дѣвался Р—ій: замерзъ ли онъ пѣшій гдѣ-нибудь подъ заборомъ огорода, или его убили. Всѣ эти свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ моимъ управляющимъ, для меня были крайне печальны.

Долго записки Р—аго лежали между моими старыми бумагами, я было и забылъ о нихъ, но недавно одинъ знакомый мнѣ старій художникъ, знавшій Р—аго, напомнилъ мнѣ о немъ. Я взялъ записки Р—аго, перечиталъ ихъ и рѣшилъ напечатать исторію его походовъ такъ, какъ онъ самъ описалъ ее въ дневникѣ, безъ малѣйшаго измѣненія.

Въ 1859 г. я отправился изъ Ц—ой академіи въ Италію, для усовершенствованія, какъ тогда меня увѣряли, моего недюжиннаго таланта. Путешествіе мое до Милана не сопровождалось ничѣмъ особеннымъ; я благополучно прибылъ въ столицу Ломбардіи и началъ осматривать ея достопримѣчательности. Миланъ тогда представлялъ собою политическое бродило и агентство для артистовъ, по преимуществу пѣвцовъ и пѣвицъ; но, такъ какъ политикой я не занимался, то и подвиги *храбраго* Радецкаго въ Венеціи и Ломбардіи, а равно *окриуры* всѣхъ пѣвцовъ и пѣвицъ меня нимало не занимали. Въ Миланѣ я не работалъ, а только флиаировалъ и ко всему приглядывался, осматривалъ музеи, церкви, картинныя галлерей и даже погостилъ кладбище. Конечно, болѣе всего меня поразило соборъ Дуомо,—это кружево изъ мрамора, какъ его называлъ одинъ американскій архитекторъ. Заложенный въ XI вѣкѣ, соборъ Дуомо и въ 1859 г. еще не былъ совсѣмъ готовъ, тѣмъ не менѣе путешественники съ любопытствомъ осматривали причудливую архитектуру собора и четыре тысячи святыхъ во весь ростъ, лучшихъ итальянскихъ скульпторовъ, поставленныхъ на его кровлѣ. Внутренность храма не представляетъ собою ничего особеннаго, но наружный фасадъ миланскаго собора Дуомо справедливо пользуется всемірной славой.

Вообще же все то, что я осматривалъ въ Миланѣ, мнѣ показалось болѣе достойнымъ вниманія скульптора и археолога, чѣмъ начинающаго художника-живописца. Изъ Милана

я поѣхалъ въ Венецію, тамъ для моей спеціальности было болѣе обширное поприще. Французамъ Наполеона I и австрійскимъ солдатамъ не удалось разграбить всехъ художественныхъ шедевровъ, ихъ осталось еще много во дворцѣ дожей, въ соборѣ св. Марка, въ церквахъ и музеяхъ.

Меня прежде всего поразили самый городъ своей художественной оригинальностью: траурныя гондолы, скользящія по каналамъ, гранитныя дворцы, угрюмо смотрящіяся въ Большой каналъ, вдаль широко раскинувшаяся Адриатика, какого-то особеннаго бирюзоваго цвѣта, невольно переносили мысль къ минувшимъ вѣкамъ, когда Венеція была царицей морей. Но эта мертвая тишина, время отъ времени нарушаемая стукомъ шаговъ австрійскихъ солдатъ по площади св. Марка, и жерла пушекъ, направленныхъ на площадь съ того берега Большого канала, гдѣ австрійцы преобразили монастырь IX столѣтія въ цитадель, наводили на душу тоску невыразимую; работа не шла на умъ, и голова была занята совершенно иными мыслями. Я недолго оставался въ Венеціи, поѣхалъ во Флоренцію, Неаполь и, наконецъ, остановился въ Римѣ, гдѣ и началъ мою работу.

Римъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ, управляемый Піемъ IX-мъ, папой-королемъ, былъ дѣйствительно столицей католицизма. Все находилось въ рукахъ духовенства: поштика, судопроизводство, административная и военная части. Папа Піи IX также, какъ и его предшественники, поощрялъ искусство; для художника были открыты двери: Ватикана, Сикстинской капеллы, храма св. Петра, церквей, монастырей, музеевъ, кладбищъ и пр. Въ Римѣ стекались художники и скульпторы со всехъ странъ свѣта, устраивали студии и свободно работали, гдѣ имъ было угодно, подъ однимъ условіемъ: отнюдь не заниматься политикой. Въ ту эпоху благочестивые отцы католической церкви сильно начали побаиваться карбонаровъ, маззиневской молодой Италіи, неаполитанскихъ заговоровъ, гарибальдійскихъ движеній, но политикой, какъ замѣчено мною выше, я не интересовался, а потому и не обращалъ на себя вниманія полиціи. Подобно моимъ соотечественникамъ и я въ Римѣ, также какъ въ другихъ городахъ Италіи, избѣгалъ знакомиться съ русскими, хотя въ то время въ Римѣ ихъ было множество. Работая въ Сикстинской капеллѣ Ватикана, я познакомился съ итальянскимъ художникомъ пѣккимъ Гастано Вимеркатти; намъ пришлось копировать одинъ и тотъ же образъ. Вимеркатти былъ молодой человекъ почти

однихъ лѣтъ со мною, работа насъ сблизила, и между нами мало-по-малу возникли дружескія отношенія; мы почти не разстанались: вмѣстѣ работали, гуляли, посѣщали студіи извѣстныхъ художниковъ, церкви, музеи, картинныя галлерей и всегда вмѣстѣ обѣдали въ знаменитой въ то время остеріи „Виноградской лозы“: я говорю знаменитой потому, что въ ту эпоху въ остеріи „Виноградской лозы“ служила одна дѣвушка изъ Витербо, привлекавшая своей необыкновенной красотой всю свѣтскую и духовную братію Вѣчнаго города, а также фланрирующихъ форестьеровъ. Посѣтители иначе не называли Терезу (имя прислужницы), какъ „la bella Cantadina“, и она дѣйствительно была прекрасна. Выше средняго роста, стройная, совершенная брюнетка, съ лицомъ нѣсколько продолговатымъ, матоваго цвѣта, большими черными, какъ уголь, глазами, обѣщавшими блаженство *paradiso* и муки *inferno*, съ небольшимъ, точно выточеннымъ носомъ съ маленькой горбинкой по срединѣ, что придавало ея лицу выраженіе гордости и энергіи; вообще семнадцатилѣтнюю красавицу Терезу можно было назвать чистокровною, породистой римлянкой, что, сказать по правдѣ, большая рѣдкость въ Римѣ, который посѣщаетъ масса иностранцевъ, пользующихся вниманіемъ туземныхъ красавицъ. Крестьянскій нарядъ къ Терезѣ необыкновенно шелъ. Бархатный спензеръ, съ круглыми металлическими пуговицами, стягивалъ ея стройную талію и немного выпуклую грудь, а коротенькая юбочка позволяла любоваться маленькими ножками, обутыми въ башмачки со свѣтлыми стальными пряжками. Благочестивые патеры, посѣщавшіе остерію якобы для продовольствія своихъ особъ макаронами, ризотами и пеперонами, заглядывались на красавицу Терезу и непрерывно приглашали ее къ себѣ на исповѣдь, но молодая дѣвушка была глуха къ этимъ приглашеніямъ, предпочитая исповѣдываться у стараго и строгаго отца Родриго, одного изъ священниковъ храма св. Петра. Фланрирующие иностранцы также не могли похвастаться особеннымъ вниманіемъ Терезы; она подавала имъ разныя кушанья, вино и фрукты, но на предложеніи ухаживателей прокатиться по улицѣ Корсо или въ Пинчіо согласія не давала. И патеры, и форестьеры удивлялись такой несговорчивости Терезы, получавшей всего пятнадцать лиръ въ мѣсяць (3 р. 75 к.). Я и мой товарищъ, конечно, заинтересовались Терезой. Вимеркатти съ перваго же раза сталъ за ней ухаживать и говорить ей комплименты. Молодая дѣвушка и съ нимъ вела себя такъ же, какъ съ другими: очень мило

прислуживала, вѣжливо отвѣчала на вопросы и только. Собственно, я съ перваго же раза заинтересовался красавицей, но велъ себя далеко не такъ развязно, какъ мой товарищъ. Коробки конфетъ, которыя я покупалъ, иногда отдавалъ Терезѣ Вимеркатти, деньги за обѣдъ также платилъ онъ и по моей просьбѣ никогда не бралъ сдачи. У меня духа не хватало предлагать Терезѣ конфеты или давать ей деньги. Вокорѣ я замѣтилъ, что Тереза поняла кой образъ дѣйствій; принимая конфеты отъ Вимеркатти, она хотя и говорила ему *grazie signore*, но на меня смотрѣла очень пристально и лукаво улыбалась, точно хотѣла сказать: знаю, отъ кого эти подарки.

Вимеркатти этого не замѣчалъ и все болѣе и болѣе ухаживалъ за Терезой, наконецъ, дошелъ до того, что позволялъ себѣ и нѣкоторыя фамиллярности: порывался обнять ее талию, пожать руку выше локтя, посылалъ воздушные поцѣлуи и говорилъ двусмысленности. Молодая красавица удивительно ловко и граціозно парировала всѣ жесты горячаго итальянца, а на воздушные поцѣлуи и двусмысленности не обращала ни малѣйшаго вниманія. Пылкій и, сказать правду, нѣсколько грубый Вимеркатти, наконецъ, сталъ понимать, что всѣ его ухаживанья не встрѣчаютъ сочувствія въ Терезѣ, а, напротивъ, возбуждаютъ въ ней отвращеніе. А когда Тереза наотрѣзъ отказалась погулять съ нимъ послѣ того, какъ въ остеріи прекратится торговля, Вимеркатти не на шутку озлился и вскричалъ:

— *Accidente sta porca di Viterbo* (чортъ возьми эту свинку изъ Витербо). Ведетъ себя, какъ какая-нибудь дукесса, рыло воротить и не хочетъ принять никакихъ предложеній. Скажите, какая добродѣтель! говорилъ онъ злобно, — крестьянка, да еще и служить въ кабацѣ!

— Почему же ты не допускаешь, что и въ крестьянкѣ могутъ быть такіе же чувства, какъ въ герцогинѣ? возражалъ я.

— Этого никогда не было, да и не могло быть, горячился Вимеркатти, — иначе она бы не служила въ остеріи, гдѣ всякій норовитъ ее облапять.

— Ну, вотъ, какъ видишь, Тереза составляетъ исключеніе, продолжалъ я, — ее не такъ-то легко, какъ ты выражаешься, облапять.

— Да, она тонкая кокетка; несмотря на то, что мужичка, а, какъ видно, цѣну себѣ знаетъ, говорилъ Вимеркатти.

— Я не понимаю, почему ты сознаніе собственного достоинства называешь кокетствомъ? возразилъ я. — Какъ по отно-

женію насъ, такъ и по отношенію всѣхъ посѣтителей остеріи, Тереза ведетъ себя чрезвычайно порядочно и съ большимъ тактомъ. Я не замѣтилъ, чтобы она кого-нибудь завлекала. Нельзя назвать кокетствомъ, если она подходитъ къ столикамъ, когда посѣтители ее зовутъ; это ей обязанность. Костюмъ ея также ровно ничего не доказываетъ, кромѣ того, что она привыкла чисто одѣваться.

— Чисто одѣваться! Нѣтъ, это далеко не то, нетерпѣливо возразилъ Вимеркатти:—замѣтилъ ли ты, какъ она всегда къ лицу одѣта? Каждый локонъ, бантикъ, пуговка, пряжечка вовсе не доказываютъ привычки къ чистотѣ, а все это приложено именно для того, чтобы себя украсить, понравиться.

— Но, милый мой, ты уже впадаешь въ крайности, замѣчалъ я:—какъ же ты хочешь, чтобы молодая дѣвушка старалась себя обезобразить? Мнѣ кажется, такихъ оригиналокъ и среди старыхъ нельзя найти.

— Ну, что съ тобой толковать, по всему видно, что ты идеалистъ, злобствовалъ мой пріятель, махнувъ на меня рукой.

Нерѣдко неудача ухаживанія была причиной того, что Вимеркатти прямо начиналъ ругаться и бросалъ комы грязи въ ничѣмъ неповинную дѣвушку. Въ такихъ случаяхъ я прекращалъ разговоръ и брался за шляпу. Вимеркатти успокаивался и молча провожалъ меня до моей квартиры.

Такъ проходило время. Мой пріятель сердился, что его ухаживанія за Терезой не имѣютъ желаннаго результата, а я, напротивъ, все болѣе и болѣе находилъ интересною гордую римлянку и, сознаюсь, грѣшный человѣкъ, въ концѣ концовъ влюбился въ нее безъ ума и безъ памяти. Тереза мнѣ казалась какимъ-то свѣтлымъ идеаломъ, о которомъ я сталъ мечтать днемъ и ночью. Прислужница въ остеріи, простая бѣдная крестьянка, она въ глазахъ моихъ была явленіемъ, какого я никогда во всю мою жизнь не встрѣчалъ. Получая грошевое жалованье, она отклоняла самыя выгодныя предложенія: этотъ фактъ всего болѣе поражалъ Вимеркатти, осуждавшаго Терезу за то, что она, какъ онъ выражался рыло, моротила отъ всѣхъ, когда ей дѣлали самыя лестныя предложенія многіе богатые синьоры и даже кардиналы. Именно это и возвышало въ моихъ глазахъ молодую дѣвушку. Какъ въ Россіи, такъ и за границей я видѣлъ, что передъ золотомъ все преклоняется, а тутъ простая бѣдная крестьянка съ презрѣніемъ отворачивается отъ роскоши, охраняя свое достоинство. Отсюда является весьма понятнымъ, почему я такъ вы-

соко ставивъ Терезу. Не надо было быть идеалистомъ, чтобы не признать бѣдную дѣвушку, отказывавшуюся отъ денегъ, чуть не феноменомъ и не влюбиться въ нее. Къ счастью, послѣднего мой пріятель не замѣчалъ; онъ, хотя и считалъ меня идеалистомъ, но не допускалъ возможности влюбиться въ крестьянку. Мое поведеніе относительно Терезы онъ приписывалъ свойству моего характера, что я, какъ идеалистъ и притомъ застѣнчивый, неспособенъ фамиліярничать съ ней, какъ это дѣлаетъ онъ, Вимеркатти, а конфеты и деньги для передачи Терезѣ я предоставляю ему, Вимеркатти, изъ пріязни. для того, чтобы ея ухаживаніи за хорошенькой дѣвушкой имѣли благоприятный для него результатъ. Такъ незамѣтно проходило время. Тереза съ чуткостью женщины поняла меня. она увидѣла, что произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Иногда ея взглядъ, брошенный на меня, былъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ. При этомъ я, разумѣется, краснѣлъ и спѣшилъ опустить глаза, а она улыбалась, но какъ улыбалась! Я не забуду этой улыбки никогда въ цѣлую мою жизнь. Если существовала на землѣ когда-либо чистая платоническая любовь, то и смѣло могу сказать, что въ то время полюбилъ Терезу платонически. Вимеркатти, ослѣпленный своей животной страстью и злобой на Терезу, не замѣчалъ, что я и она давно уже полюбили другъ друга безъ всякихъ словесныхъ объясненій. Тереза мастерски умѣла пользоваться моментомъ. Когда Вимеркатти читалъ газету или занимался поданнымъ ему кушаньемъ, глаза красавицы, брошенные на меня, загорались страстью и говорили мнѣ о сочувствіи. Я уже не могъ сомнѣваться, что Тереза меня любитъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и не подлежить ни малѣйшему сомнѣнію, что мои отношенія къ Терезѣ не измѣнились бы, и въ болѣе продолжительный срокъ, потому что я, по моей крайней застѣнчивости, никогда бы не рѣшился сдѣлать смѣлый шагъ, если бы не случай, этотъ вѣчный покровитель всѣхъ влюбленныхъ, не помогъ мнѣ. Разъ Вимеркатти почему-то не пришелъ на работу въ Ватиканъ, и я отправился въ остерію „Виноградной лозы“ одинъ. При моемъ появленіи Тереза, ставившая приборы на столъ, за которымъ сидѣли какіе-то двое патеровъ, повернула голову въ мою сторону и ея глаза какъ-то особенно сверкнули, а на губахъ показалась самодовольная улыбка.

Я занялъ мѣсто въ углу зала за маленькимъ столикомъ.

Тереза тотчасъ же отправилась къ буфету, взяла посуду и подошла къ моему столу.

— Почему вы одинъ безъ нашего товарища? спросила она, ставя приборъ передо мной.

— Не знаю, почему Вимерлатти не пришелъ, отвѣчалъ я, — мнѣ пришлось работать одному.

— Я очень рада, что нашъ товарищъ не пришелъ, тихо сказала она, — мнѣ давно хотѣлось поговорить съ вами объ одномъ очень важномъ дѣлѣ.

Я превратился въ слухъ.

— Вы, кажется, серьезно меня полюбили, продолжала она, — я это давно замѣтила, пожалуйста, не краснѣйте, мнѣ кажется, что тутъ ничего нѣтъ дурного; а лучше вы мнѣ скажите, знаете ли вы, гдѣ чахотится развалины Колизея и можете ли вы туда прійти завтра въ 11 часовъ вечера?

Сердце мое замерло отъ восторга и я шепотомъ отвѣчалъ:

— Недалеко отъ Колизея я живу, на площади Трояна.

— И прекрасно, а прійти можете? спрашивала меня Тереза.

— Конечно, приду, что за вопросъ, тихо проговорилъ я.

— Если придете, то и узнаете, люблю ли я васъ, сказала, улыбаясь, Тереза, — а теперь пока кушайте вашу министру, прибавила она, отходя отъ моего стола.

Но мнѣ было не до министры. Ложка дрожала въ моихъ рукахъ и я не въ силахъ былъ проглотить куска, всѣ фибры моего организма были напряжены. Мнѣ бы хотѣлось передать то, что я тогда чувствовалъ, но едва ли я сумѣю это сдѣлать. Я былъ молодъ и первый разъ любить. Предложеніе Терезы прійти на свиданіе вскипятило всю мою кровь и вскружило голову. Я вышелъ изъ остеріи и побрелъ, какъ пьяный, куда глаза глядятъ. Сначала я отправился на квартиру болѣе по привычкѣ, чѣмъ сознательно. Но дома не находилъ мѣста, не былъ въ силахъ ничѣмъ заняться. Образъ красавицы Терезы заслонялъ собой всѣ набросанные мною на полотнѣ сюжеты. Въмѣсто Мадонны я видѣлъ Терезу съ ея очаровательной улыбкой, Тайная вечеря, снятіе съ креста, воскресеніе Христово, вообще всѣ концы въ моей студіи для меня не существовали. Я видѣлъ всюду только одну Терезу и мое пламенное воображеніе уже рисовало мнѣ картины блаженства завтрашняго свиданья. Эту ночь я, конечно, не спалъ, до утра бродилъ по улицамъ Рима. Часу въ девятомъ, возвратясь на квартиру, я взялъ все необходимое для работы и по обыкновенію отправился въ Ватиканъ. Вимерлатти былъ уже тамъ и работалъ.

Здороваясь со мной и пожимая мнѣ руку, онъ спросилъ:

— Что съ тобой, здоровъ ли ты, какой ты блѣдный?

— Я здоровъ, спать не совсѣмъ покойно, отвѣчалъ я.

— Смотри, братъ, не подхвати римскую малярію, прибавилъ мой пріятель.

— Богъ милостивъ, сказалъ я, принимаясь за работу.

До полудня мы проработали молча, лишь время отъ времени перекидываясь незначительными фразами. Сначала я было рѣшилъ въ умѣ не идти обѣдать въ остерію „Виноградной лозы“, отговориться нездоровьемъ, но потомъ отдумалъ и мы въ часъ пополудни отправились обѣдать. Припоминая этотъ эпизодъ изъ моей жизни, я не могу забыть того глубокаго изумленія, которое было со мной въ этотъ день при встрѣчѣ съ Терезой. Я давно слышалъ, что женщины вообще чрезвычайныя мастерицы себя маскировать, но никогда себѣ не могъ представить, чтобы было возможно такъ искусно скрывать свои чувства, какъ скрывала ихъ въ этотъ день Тереза. Во все время нашего обѣда она даже на меня ни разу и не взглянула. По моей впечатлительности мнѣ пришло въ голову, ужъ не раздумала ли она идти на свиданіе. Но, когда мы собрались уходить и Вимеркатти подошелъ къ окну, чтобы взять шляпу, Тереза вдругъ точно обожгла меня своимъ взглядомъ и выразительно кивнула мнѣ головой. Я точно ожилъ и убѣдился, что Тереза не перемѣнила своего рѣшенія.

Придя на квартиру, я было хотѣлъ чѣмъ-нибудь заняться, но и на этотъ разъ ни рисовать, ни читать ничего не могъ. Пробѣгавъ изъ угла въ уголъ и выпивъ цѣлый графинъ воды, я надѣлъ шляпу и вышелъ на улицу. Сначала направилъ шаги мои въ Пинчіо, тамъ, выбравъ уединенную скамейку, сѣлъ и предался сладостнымъ мечтаніямъ. Рука не подымается, чтобы передать бумагѣ всю нелѣпость воздушныхъ замковъ, которые я, страстно влюбленный, тогда строилъ. Мечтательный отъ природы, я возвелъ предметъ моего обожанія на недостигаемую высоту: Тереза казалась мнѣ какимъ-то божествомъ, существомъ не отъ міра сего. Въ то время мнѣ хотѣлось быть міровой знаменитостью, зарабатывать миллионы и ихъ сложить у ногъ моей богини. Но мечтанія, несмотря на ихъ радужность и очевидную нелѣпость, не совсѣмъ затемнили мой разумъ: я сознавалъ, что мнѣ до знаменитости далеко, что прежде всего мнѣ надо учиться и учиться. Нѣкоторыя копія, заказанныя мнѣ, за которыя я могъ получить деньги, не были еще готовы, и вспомнилъ объ этомъ и побѣжалъ обратно на квар-

тиру. Придя домой, я съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ бросился къ полотну, назялъ кисть и сталъ кончать одну изъ копій, но, увы, послѣ выпитаго стакана воды я увидѣлъ, что не окончилъ мою картину, а лишь испортилъ ее; чуть ли не со слезами я кинулъ кисть и бросился изъ дома. Не знаю, какъ я попалъ на мостъ св. Ангела. Мрачно глядя на крѣпость, откуда несчастные шли на висѣлицу или на каторгу. Заходящія лучи солнца падали на мутныя волны Тибра, шумно разбивающіеся у подножія угловыхъ башенъ крѣпости. Я остановился на мосту и, точно очарованный, уставилъ глаза на это страшное зданіе, исторія котораго полна ужасами. Тяжелое чувство легло на мою душу, въ глазахъ потемнѣло и мнѣ вдругъ показалось, будто я вижу Терезу въ глубокомъ траурѣ. Увы! то было нехорошее предчувствіе. Постоявъ нѣкоторое время, я поспѣшилъ уйти съ моста и повернулъ направо на улицу Корсо. Тамъ двигалась толпа людей, туда и сюда проѣзжали экипажи, но все это движеніе нимало не отвѣчало моему настроенію духа; мнѣ хотѣлось быть одному и свободно предаться сладостной мечтѣ о предстоящемъ блаженствѣ. Но остаться одному мнѣ не удалось. Свернувъ на Piazza Colonna, я вошелъ въ одну изъ кофеенъ и, занявъ мѣсто въ углу за маленькимъ столикомъ, сталъ смотрѣть на сидѣвшихъ и входившихъ посѣтителей. И здѣсь, въ кофейнѣ, какъ и повсюду въ Римѣ, на всемъ лежало католическое благочестіе. Надъ буфетомъ висѣли не часы, какъ это бываетъ обыкновенно, а большой черный крестъ съ распятымъ Христомъ, выточеннымъ изъ слоновой кости, кругомъ разставленные столики были покрыты черной клеенкой.

Посѣтители, духовные, статскіе и военные, молча сидѣли за своими столиками, скромно опустивъ глаза въ чашки кофе, разговоръ между ними происходилъ чуть не шопотомъ, они точно боялись собственныхъ своихъ голосовъ. Глядя на всѣхъ этихъ благочестивыхъ католиковъ, смиренно сидящихъ кругомъ, мнѣ почему-то пришли на умъ слова Христа Спасителя: „горе вамъ, книжники, фарисей и лицемеры“. Не допивъ своего кофе, я поспѣшилъ выйти на улицу. Въ этотъ день я исхожу весь Римъ вдоль и поперекъ. Передъ закатомъ солнца я опять воротился домой, тамъ мнѣ сказали, что Вимеркатти былъ и спрашивалъ, куда я пошелъ, но ему отвѣчали незнаемъ. Такая любезность моего пріятеля мнѣ очень не понравилась; его визитъ именно въ тотъ день, когда я долженъ былъ идти на свиданіе съ Терезой, былъ положи-

тельно не катати. Я легъ на диванъ и сталъ глядѣть въ потолокъ. Мысли мои путались, я рѣшительно не могъ ни о чемъ думать, кромѣ предстоящаго свиданія. Время, какъ мнѣ казалось, тянулось нестерпимо долго. Наконецъ, солнце сѣло. Въ комнатѣ стало темно, и пролежалъ еще нѣкоторое время на диванѣ, опять сталъ мѣрить мою комнату и, несмотря на то, что еще не было и девяти часовъ, вышелъ изъ дома. Пройдя площадь Троиная, я свернулъ въ узкій переулокъ, ведущій въ маленький крытый рынокъ, и потомъ по каменной лѣстницѣ вышелъ на знаменитый холмъ, у подножія котораго рисовался силуэтъ развалившася громаднаго зданія, древняго величія и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчнаго позора языческаго Рима—Колизея. Въ ночное время, при лунномъ свѣтѣ въ особенности, это полуразвалившееся зданіе имѣетъ какой-то фантастическій, таинственный видъ. Острыя верхушки лапъ и башенъ, освѣщенныя блѣдными лучами мѣсяца, подымаясь къ небу, точно молятъ его простить великимъ злодѣямъ совершенныя ими преступленія въ продолженіе ряда вѣковъ; тамъ, внизу, на аренѣ Колизея, куда не проникаетъ лучъ солнца, откуда и въ наше время христіанскаго Рима будто слышатся стоны гладіаторовъ, умирающихъ для забавы безчувственной толпы, рыканье голодныхъ звѣрей и священные гимны христіанскихъ праведниковъ, обреченныхъ на страшную смерть. Арена Колизея, насыщенная кровью, давно уже заросла крапивой и допухомъ, лежа цезаря, передъ которой останавливались съ принѣтствіями гладіаторы, обреченные на смерть, ради потѣхи римскихъ гражданъ, развалилась и клѣтки дикихъ звѣрей завалены мусоромъ. Развалины Колизея до сихъ поръ пугаютъ суевѣрныхъ римскихъ гражданъ, имъ кажется, что души замученныхъ людей въ ночное время бродятъ среди развалинъ. Католическіе священники, желая поселить въ народѣ отвращеніе къ языческому Риму, поддерживаютъ этотъ суевѣрный страхъ. Въ своихъ проповѣдяхъ они иначе не называютъ Колизей, какъ проклятымъ мѣстомъ, гдѣ въ ночное время бродятъ души растерзанныхъ звѣрями христіанъ и убитыхъ гладіаторовъ, а въ полночь прилетаютъ вѣдъмы и на аренѣ устраиваютъ шабашъ. Толпа вѣрить благочестивымъ пастырямъ и ночью далеко обходить Колизей. Воры и грабители пользуются этой дурной славой о Колизей и нерѣдко зимой въ ночное время разводять огонь на аренѣ. Полицейскіе далеко видятъ эти огни, но, получивъ строгое приказаніе отъ начальствующихъ епископовъ и архіеписко-

повъ не касаться чертовщины, они не трогаются съ мѣста. Въ эпоху папъ-королей въ Римѣ бороться съ нечистой силой имѣли право только духовныя лица. Въ виду всего этого прохожіе, замѣтивъ ночью въ Колизеѣ огонь, далеко обходили проклятыя развалины.

Лучшаго мѣста для свиданія Тереза не могла выбрать. Ей не разъ приходилось слышать отъ патеронъ разные ужасы о Колизеѣ, но она, какъ дѣвушка умная, не вѣрила этимъ сказкамъ.

Тереза, назначивъ мнѣ свиданіе въ Колизеѣ ночью, не могла подвергнуться нескромнымъ взглядамъ; а бандитонъ, которые иногда устраивали свиданіе въ Колизеѣ, она не боялась. Бандиты и влюбленные никогда не мѣшали другъ другу. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ и объясняется предпочтеніе влюбленныхъ Колизея всѣмъ римскимъ садамъ и паркамъ.

Когда я подошелъ къ Колизею, луна уже показалась на темномъ небѣ и городской шумъ мало-по-малу сталъ стихать. Подойдя къ входу, я невольно остановился, этотъ мракъ наводилъ на меня какой-то ужасъ. Въ головѣ быстро смѣнялись мысли одна другой мрачнѣе. Исторія Колизея въ мнѣ пришла мнѣ на память и я чувствовалъ, что могу дойти до галлюцинацій.

Сдѣлавъ нѣсколько туровъ по холму, я сталъ всматриваться вдаль. Мало-по-малу глаза мои стали различать предметы. Я, конечно, сосредоточилъ все мое вниманіе на тѣхъ мѣстахъ, по которымъ должна была проходить Тереза. Долго я всматривался и ничего не могъ различить, кромѣ кровель, домогъ и куполовъ церквей, слабо освѣщенныхъ блѣдными лучами мѣсяца. Наконецъ, отъ площади св. Петра я увидалъ отдѣлившуюся и движущуюся точку, она постоянно увеличивалась и я ясно увидалъ идущую фигуру. Сердце мое замерло отъ восторга, дыханіе прекращалось въ груди. Прислонившись къ стѣнѣ, я продолжалъ ожидать; фигура спустилась съ холма и для меня уже не было сомнѣнія, что она прямо идетъ къ развалинамъ. Тереза была такъ тщательно закутана въ мантилью, что узнать ее не было никакой возможности.

Сбросивъ съ головы капюшонъ мантильи, она быстро подошла ко мнѣ и, молча взявъ меня подъ руку, повела къ входу Колизея. Я молча слѣдовалъ за ней, какъ послушный ребенокъ. Подойдя къ угловой башнѣ, она повернула въ корридоръ, заваленный мусоромъ, и поднялась къ ломамъ второго этажа. Въ одной изъ нихъ она сѣла на каменное возвышеніе и указала мнѣ мѣсто возлѣ себя. Она еще болѣе откинула

назадъ капюшонъ, взглянула на меня и улыбнулась; до сихъ поръ мы не перемолвились ни однимъ словомъ. Я уставилъ на нее мои глаза и замиралъ отъ восторга. Лучи мѣсяца освѣщали ея лицо матоваго цвѣта, ея глаза горѣли, какъ двѣ свѣчки. Она мнѣ казалась красивѣе, чѣмъ когда-нибудь. Я совсѣмъ растерялся и не въ силахъ былъ вымолвить слова, точно у меня языкъ отнялся отъ восторга. Тереза видѣла все это и любовалась моимъ смущеніемъ. Промолчавъ еще немного, она улыбнулась и прошептала:

— Отчего вы не такой, какъ всѣ?

Я еще болѣе сконфузился и, конечно, не могъ отвѣчать на ея вопросъ.

Тереза продолжала:

— Знаете, зачѣмъ я васъ сюда пригласила? Чтобы сказать, какъ я васъ люблю.

Съ этими словами она обняла меня и точно обожгла мои губы поцѣлуемъ.

Я совсѣмъ потерялъ голову. обезумѣлъ отъ счастья, сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ и замеръ.

— Да, да, я люблю тебя, шептала Тереза, — ты возвысилъ меня въ моихъ собственныхъ глазахъ. Ты первый показалъ мнѣ, что я человѣкъ, а не вещь, которую можно купить для забавы. За это я тебя полюбила и готова для тебя сдѣлать все, что ты захочешь.

Я что-то лепеталъ непонятное, но что именно, не знаю, до сихъ поръ не могу сообразить.

Тереза, немного отклонивъ назадъ голову, говорила:

— Знаешь, когда я въ первый разъ увидала тебя, не скрою, ты мнѣ очень понравился, показался мнѣ такимъ красивымъ съ своей шапкой русыхъ кудрей и дѣтскимъ румянцемъ на щекахъ, но я, признаться, не обратила на тебя особеннаго вниманія: мало ли у насъ въ остеріи бываетъ красивыхъ юношей. Но впоследствии ты меня прямо поразилъ. Я никогда не могла себя представить, чтобы на свѣтѣ могли быть такіе мужчины, какъ ты, я всѣхъ судила по нашимъ итальянцамъ. У нихъ вѣчно одно на умѣ, они не допускаютъ ничего человѣческаго въ женщинѣ, въ особенности, если она бѣдна. Они воображаютъ, что каждую дѣвушку можно склонить на все, если дѣлать ей подарки (*regale*). Ты же, напротивъ, всегда конфузился, когда Вимеркатти давалъ мнѣ твои конфекты и не бралъ у меня сдачи. Мнѣ вовсе не трудно было догадаться, что и то и другое принадлежитъ тебѣ, а не твоему товарищу.

Все это я поняла и оцѣнила тебя, ты сразу выросъ въ моихъ глазахъ и сталъ интереснымъ. Я видѣла, какъ ты страдалъ отъ пошлой фамплярности со мной Вимеркatti, хотя всѣ эти заигрыванія твоего пріятеля со мной возбуждали во мнѣ отвращеніе, а иногда и смѣхъ. Отъ грубости Вимеркatti, ты кажется болѣе страдалъ, чѣмъ я. Мнѣ пора припикнуть къ такимъ маневрамъ моихъ милыхъ соотечественниковъ; я уже семь мѣсяцевъ служу въ остеріи „Винограднои лозы“. мнѣ предлагали и золото, и почетъ, и райское блаженство на небѣ; все это я уже слышала и не одинъ разъ. Аристократы и капиталисты посылали мнѣ кошельки съ золотомъ, князья церкви, т. е. кардиналы, приглашали меня къ себѣ на ужины, а благочестивые патеры звали меня къ себѣ на исповѣдь. Не скрою отъ тебя, что и мой хозяинъ сеньоръ Кирьяни, владѣтель остеріи, заинтересованъ былъ во всѣхъ этихъ подступахъ и всегда мнѣ говорилъ: да вы, Тереза, просто сумасшедшая (мата), что не соглашаетесь на предложеніе кардинала или барона, вы не хотите понять своего счастья и т. д., и т. д. Все это возбуждало во мнѣ омерзене и смѣхъ.

Эта разумная и трезвая рѣчь моеи очаровательной собесѣдницы благотѣльно подѣйствовала на меня, я сталъ приходить въ себя, опьяненіе нѣсколько разсѣялось и я сказалъ:

— Тереза, я люблю тебя искренно, горячо. не могу жить безъ тебя, брошь ты свою остерію и будь моеи женой.

— О, другъ мой, вскричала, обнимая меня. Тереза, —я всегда готова принадлежать тебѣ, когда ты захочешь, хоть сейчасъ!

— Нѣтъ, моя милая, отвѣчалъ я, окончательно опомнившись, —теперь, въ эту минуту я не имѣю права давать волю своимъ чувствамъ, я не пошлый ухаживатель, а искренно, глубоко любящій тебя человекъ. Какъ скоро я окончу заказанную мнѣ копію „Снятія съ креста“ и получу деньги, какъ мнѣ обѣщали, мы обвѣчаемся и уѣдемъ въ Россію.

— Вези меня въ свою Сибирь женой или любовницей, какъ ты хочешь, я на все согласна, потому что ты хорошій и я люблю тебя, говорила Тереза, прижимаясь ко мнѣ.

— Почему ты думаешь, что я тебя повезу въ Сибирь?

— Ты же въ Россію хочешь ѣхать со мною? отвѣчала она.

— Да, въ Петербургъ, но не въ Сибирь, улыбаясь, сказалъ я.

— Развѣ Петербургъ не въ Сибири? удивленно спросила Тереза.

Я постарался разувѣрить ее въ этомъ глупомъ предраз-

судьбѣ, которымъ страдаютъ всѣ иностранцы, въ особенности итальянцы.

— Вотъ какъ! удивилась Тереза, — а мнѣ говорили, что ваша Santa Russia Сибирь, и что тамъ вѣчные морозы, и что вы русскіе... при этомъ она замолчала и потупила глаза.

— Ну, доканчивай же, что ты хотѣла сказать, спросилъ я.

— Я боюсь, ты, пожалуй, разсердишься, тихо сказала Тереза.

— Даю тебѣ слово не разсердиться, увѣрялъ я ее.

— Мнѣ рассказывали, будто русскіе тамъ у себя въ Сибири ѣдятъ маленькихъ дѣтей, еле слышно прибавила Тереза.

— Я отъ души расхохотался и спросилъ ее:

— И ты повѣрила такимъ нелѣпостямъ?

— Да, мнѣ это говорили многіе и даже мой духовникъ, отецъ Родриго. Когда я на исповѣди призналась ему, что полюбила тебя, онъ мнѣ сказалъ: „смотри, дочь моя, будь осторожна, русскіе у себя въ Сибири ѣдятъ маленькихъ дѣтей и тебя заставляютъ дѣлать то же самое“.

Я опять разсмѣялся и вмѣсто отвѣта крѣпко поцѣловалъ этого чуднаго, наивнаго ребенка; Тереза своимъ дѣтскимъ довѣріемъ обезоруживала мою страсть, спасала меня отъ многихъ бѣдъ. У меня никогда не доставало духа нарушить чистоту, нашихъ отношеній. Въ развалинахъ Колизея, въ темную ночь, когда мы были одни, я съ такимъ же благоговѣйнымъ восторгомъ относился къ Терезѣ, какъ и въ остеріи „Виноградной лозы“ при Вимеркатти и большомъ обществѣ, окружавшемъ насъ. Наши свиданія въ Колизеѣ устраивались каждый день. Мы сидѣли, обнявшись, говорили о нашей свадьбѣ, строили воздушные замки, я рассказывалъ Терезѣ о Россіи, о Петербургѣ, конечно, лепетали разный любовный вздоръ и безпрестанно цѣловались. Наши свиданія были каждый день въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. Мнѣ не было надобности просить объ этомъ Терезу, она, въ свою очередь, прощаясь со мной, никогда не говорила мнѣ, чтобы я приходилъ на другой день. Мы оба аккуратно являлись къ Колизею въ 11 часовъ ночи. Не явиться на свиданіе, для насъ казалось невозможнымъ. Долгіе часы мы проводили вмѣстѣ и нерѣдко поцѣлуй потемнялъ мой разумъ, впрочемъ, не до такой степени, чтобы я окончательно забылся. Тереза, несмотря на ея итальянскій пылъ, цѣнила во мнѣ эту сдержанность. Такъ мы наслаждались въ продолженіе долгаго времени. Какъ вдругъ надъ нашими головами разразилась бѣда, которую не ожидать ни я, ни Тереза. Къ несчастью, всему быть причиной наглій

цинизмъ моего пріятеля Вимеркатти. Наружнія мои отноше-
нія къ нему, разумѣется, были прежнія, я не показывалъ вида,
что сблизился съ Терезой. Мы работали вмѣстѣ и, по обы-
кновенію, каждый день ходили обѣдать въ остерію „Виноград-
ной лозы“. Вимеркатти, какъ было видно, не отчаявался по-
корить сердце Терезы, продолжалъ съ ней фамиліарничать,
говорилъ ей разныя двусмысленныя пошлости, порывался
обнять ея талію, что, какъ и прежде, ему никогда не удавалось.
Я велъ себя особенно сдержанно, не выказывалъ сердечной
боли, глядя и слушая моего пріятеля. Тереза также вела себя
превосходно, ни мало-мальски не измѣняя себѣ, она точно
такъ же обращалась со мной, какъ и прежде. Вимеркатти ни-
коимъ образомъ не могъ догадаться о нашихъ свиданіяхъ.
Моя сдержанность показала ему равнодушіемъ къ Терезѣ,
такъ что одинъ разъ онъ мнѣ сказалъ:

— Неужели тебѣ не нравится эта миловидная крестьяночка?

На такіе вопросы я никогда не отвѣчалъ, только улыбался.
Вимеркатти относилъ все это къ моему равнодушію къ Терезѣ,
а несговорчивость молодой дѣвушки и ея отвращеніе къ нему
перетолковывалъ по-своему, будто молодая красавица не же-
лаетъ занятъ имъ, бѣднымъ художникомъ, рассчитывая попасть
на содержаніе къ какому-нибудь барону или князю церкви.
Все это меня крайне возмущало, но, повторяю, я сдерживался
и слушалъ совѣты Терезы не обращать вниманія на фарсы,
какъ она называла Вимеркатти, этого сумасшедшаго дурака.

Въ такомъ положеніи были дѣла въ продолженіе нѣкотораго
времени, когда, наконецъ, терпѣніе мое допнуло и я прорвался
самымъ роковымъ для меня образомъ.

Разъ Тереза по случаю легкаго нездоровья не пришла въ
остерію, ея мѣсто заняла другая прислужница.

— Почему Терезы нѣтъ? спросилъ Вимеркатти.

— Она нездорова, отвѣчала новая прислужница.

— Знаемъ мы это нездоровье, сказалъ Вимеркатти, — она,
вѣроятно, занята.

Меня сильно покоробилъ цинизмъ итальянца, я не утерпѣлъ
и спросилъ его:

— Скажи мнѣ, пожалуйста, по какому поводу ты дѣлаешь
такія обидныя заключенія?

— По какому поводу! вскричалъ Вимеркатти, — вотъ стран-
ный вопросъ. Молодая красивая крестьянка служить въ
остеріи, кажется, нетрудно понять, почему [она отсутствуетъ].

Я начиналъ окончательно терять терпѣніе, мое дыханіе

точно задерживалось въ груди, горловая спазма душила меня какъ клещами.

— Тебѣ, кажется, болѣе, чѣмъ кому-нибудь, оказалъ я, — слѣдовало бы воздержаться отъ грязныхъ заключеній о поведеніи Терезы.

— Я понимаю, другъ мой, на что ты намекаешь, отвѣчать Вимеркатти, злобно сверкнувъ глазами, — но вѣдь мой неуспѣхъ у Терезы происходитъ вовсе не отъ ея добродѣтели, какъ ты наивно думаешь, а потому, что я недостаточно богатъ.

— Ты вздоръ говоришь! вскричалъ я, — и мнѣ непріятно тебя слушать.

— Ты можешь меня не слушать, но отъ этого добродѣтель *синьорини* Терезы не прибавится, она будетъ продолжать свое выгодное ремесло, расхохотался Вимеркатти.

— Что ты этимъ хочешь сказать, спросилъ я, совѣмъ задыхаясь отъ волненія.

— Неужели тебѣ не понятно? Ты желаешь, чтобы я тебѣ объяснилъ? Изволь, милый другъ, продолжалъ въ томъ же тономъ мой пріятель. — Всѣ дѣвушки, прислуживающія въ остеріяхъ, если онѣ молоды и хороши собою, привлекаютъ публику и почти всегда бываютъ весьма выгодной статьей дохода, какъ для себя, такъ и для хозяевъ такихъ заведеній. Почему ты думаешь, что красавица Тереза должна быть исключеніе? Отъ меня она рыло воротитъ по причинѣ весьма понятной, она не рассчитываетъ получить хорошее вознагражденіе за свою благосклонность ко мнѣ; иное дѣло именитый кардиналъ или богатый баронъ, о! съ ними она, конечно, болѣе любезна, чѣмъ со мной, бѣднымъ художникомъ.

— Упи вынуть отъ вздора, который ты мелешь! вскричалъ я внѣ себя отъ негодованія.

Вимеркатти громко расхохотался, отплатился на спинку стула, какъ-то особенно выразительно зашипѣлъ, пристально посмотрѣлъ на меня и оказалъ:

— Ба! ба! ба! господинъ идеалистъ, какъ ты близко къ сердцу принимаешь репутацію *синьорини* Терезы, все это становится подозрительнымъ, ужъ не удалось ли и тебѣ быть въ числѣ ея кліентовъ?!

— Подлецъ! вскричалъ я, вставая.

— О, если ругаешься, то можно уже навѣрное сказать, что ты былъ любовникомъ Терезы, отвѣчалъ Вимеркатти, нагло мѣривъ меня глазами.

— Я былъ любовникомъ Терезы, я? Повтори, негодяй, что ты сказалъ, кричалъ я, окончательно выходя изъ себя.

— И повторю. сто разъ повторю, если ты такъ защищаешь Терезу, значить не можетъ быть сомнѣнія, что ты былъ ея любовникомъ. Я готовъ это закричать среди площади, при всемъ честномъ народѣ, продолжать кричать Вимеркатти.

Наши объясненія происходили громко. Всѣ присутствовавшіе въ остеріи обратили на насъ вниманіе; на многихъ лицахъ появились ироническія улыбки.

Я окончательно потерялъ голову.

— А, если такъ, задыхаясь, сказалъ я, — то вотъ же тебѣ, негодяй!

Съ этими словами я схватилъ стоявшую на столѣ бутылку и ударилъ ею по головѣ Вимеркатти. Къ несчастію, ударъ припелся какъ разъ по виску и произошло совершенно для меня неожиданное обстоятельство. Вимеркатти пошатнулся въ сторону и грузно упалъ, обливаясь кровью. Всѣ всполошились и бросились къ нашему столику; нѣкоторые стали поднимать Вимеркатти, начали прикладывать къ его головѣ мокрыя салфетки. Между тѣмъ одинъ патеръ подошелъ къ раненому, приложилъ руку къ его сердцу и, обращаясь ко всѣмъ присутствовавшимъ, сказалъ:

— Всѣ ваши хлопоты лишнія, онъ умеръ, пошлите за полиціей.

Вскорѣ явились карабинеры и меня арестовали.

Меня тотчасъ же отправили въ крѣпость св. Ангела. Тамъ, послѣ краткаго опроса въ святой офиціи, меня посадили въ маленькій казематъ съ толстой желѣзной рѣшеткой въ окнѣ, выходившемъ на Тибръ. Въ казематѣ не было никакой мебели, кромѣ кровати съ матрасомъ. набитымъ болотной травой, застланнымъ грубымъ суконнымъ одѣяломъ, деревяннаго табурета и небольшого столика, на которомъ стояла глиняная кружка съ водой и лежала библія.

Въ первые часы ареста голова моя была точно въ туманѣ, я ничего не могъ сообразить, будто все это со мной совершилось во снѣ. Остерія „Виноградной лозы“, убитый мною Вимеркатти, Панчіо, Колизей, Тереза, все это перепуталось въ моей головѣ. Когда тюремный сторожъ привелъ меня въ казематъ и захлопнулъ дверь, я легъ на постель, точно утомившись послѣ трудной, тяжелой работы. Уставивъ глаза къ потолокъ, я думать о прошломъ, повторю, безъ малѣйшей связи. Ко мнѣ сознаніе пришло лишь въ то время, когда желѣзные запоры загремѣли въ моей двери и появился сторожъ съ кускомъ хлѣба въ рукахъ и миской какого-то варена; это былъ мой

ужинъ. Первый лучъ сознанія, освѣтившій мой мозгъ, былъ причиною моего глубокаго горя, я повернулъ лицо къ подушкѣ и заплакалъ, какъ маленькій ребенокъ; сознаніе, что я убилъ человѣка, приводило меня въ ужасъ. Къ моему великому счастью, я долго плакалъ, слезы какъ бы размягчили тотъ камень, который давилъ мнѣ грудь. Я почувствовалъ себя значительно лучше, хотя сознаніе всего ужаса моего положенія причиняло мнѣ жгучую боль сердца. Прежде всего я, конечно, думалъ о Терезѣ, какъ подѣйствуетъ на нее мой поступокъ. Я зналъ навѣрное, что Тереза меня осудитъ, она постоянно была противъ моихъ вспышекъ, когда Вимеркатти позволялъ себѣ пошлости съ ней. Тереза всегда мнѣ говорила, что не слѣдуетъ принимать близко къ сердцу грубныя выходки Вимеркатти, но вмѣстѣ съ тѣмъ я утѣшалъ себя надеждой, зная разсудительность Терезы. Неужели, думалъ я, она не пойметъ, что я не имѣлъ намѣренія убить Вимеркатти, этотъ грѣхъ случился противъ моей воли. Затѣмъ мнѣ была извѣстна вся строгость уголовныхъ законовъ папской области. Я приходилъ въ ужасъ отъ мысли предстоявшей мнѣ кары. За послѣднее время въ Римѣ осуждали на каторгу или вѣшали за самыя ничтожныя преступленія. Правда, всѣ эти преступленія имѣли политическую окраску, но у страха глаза велики, мнѣ казалось, что и мое преступленіе судьи подведутъ подъ общія положенія уголовного кодекса.

Первые дни десять меня не требовали къ допросу, точно обо мнѣ забыли, потомъ явился ко мнѣ тюремщикъ и объявилъ мнѣ, что меня требуютъ въ святую офицію. Приведя въ возможный порядокъ мой черезчуръ небрежный туалетъ, я послѣдовалъ за тюремщикомъ. Мы прошли длинный корридоръ, дворъ, опять корридоръ, длинный и мрачный, въ концѣ котораго была дверь, ведущая въ святую офицію. Тюремщикъ ввелъ меня туда и громко прокричалъ мою фамилію или скорѣе № каземата, гдѣ я сидѣлъ.

— Avanti! т. е. приближьтесь, важно сказалъ попъ, сидѣвшій за столомъ, покрытымъ чернымъ сукномъ.

Я посмотрѣлъ на распятіе, висѣвшее надъ столомъ, и, поручивъ себя милосердію Бога, приблизился къ столу.

— Кто вы такой, ваше имя, фамилія и вѣроисповѣданіе? задалъ мнѣ гнусавымъ голосомъ вопросъ патеръ-слѣдователь.

Я сказалъ.

— Давно ли вы живете въ Римѣ? продолжалъ слѣдователь.

— Одиннадцатый мѣсяцъ, отвѣчалъ я.

— Ваша профессія?

— Художникъ.

— Откуда вы пріѣхали въ Римъ? спрашивалъ патерьъ.

— Изъ Петербурга, отвѣчалъ я.

— Въ Туринѣ и Флоренціи были?

— Былъ только проездомъ.

— У насъ есть тамъ знакомые? допытывался слѣдователь.

— Да, среди моихъ соотечественниковъ русскихъ.

— Вы имѣете знакомыхъ во Флоренціи?—спрашивалъ патерьъ.

— Очень мало.

— При дворѣ короля Виктора Эммануила вамъ случалось бывать?

— Никогда не бывалъ.

— А между итальянскими дипломатами у васъ есть знакомые?

— Никого изъ нихъ я не знаю.

— Съ министромъ Кавуромъ вамъ случалось бесѣдовать?

— Нѣтъ.

— А скажите мнѣ, вскинулъ на меня пытливый взглядъ благочестивый патерьъ,—а на островъ Капрери вы ѣздили?

— Никогда не былъ тамъ.

— Но вы со всѣми вашими соотечественниками, проживающими въ Италіи, знакомы?

— Только съ тѣми, которые пріѣхали въ Италію для изученія искусства.

— Ну, а съ М—вымъ и съ П—вымъ вы, вѣроятно, знакомы, продолжалъ слѣдователь.

— Я ихъ не знаю, чѣмъ они занимаются?

— Они пристали къ бандѣ извѣстнаго корсара Гарибальди и пользуются популярностью въ извѣстномъ кружкѣ такъ называемыхъ либераловъ Италіи.

— Я политикой никогда не занимался, а потому и не принадлежалъ ни къ либеральной, ни къ консервативной партіямъ. Путешествуя по итальянскимъ городамъ Милану, Венеціи, Флоренціи, Неаполю, я посѣщалъ только картинныя галлерей, музеи, церкви, копировалъ произведенія великихъ художниковъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на совершающуюся кругомъ меня агитацію, въ какую бы сторону она ни клонилась.

— Да, вы политикой не занимались, согласился со мной слѣдователь,—мы это видѣли изъ всего того, что взято на вашей квартирѣ.

Меня крайне удивилъ подробный допросъ слѣдователя—откуда я пріѣхалъ и съ кѣмъ былъ знакомъ, и весьма поверхностный допросъ собственно о моемъ преступленіи. Лишь впоследствии я разрѣшилъ эту загадку. Правительство папы съ кардиналомъ Антонелли во главѣ, въ концѣ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ, не шутя напуганные Маззини и Гарибальди, положившихъ для себя главной задачей отнять Римъ у папы, все свое вниманіе сосредоточило на политической агитаціи, которая, несмотря на всѣ строгости, стала проникать въ Римъ, даже въ Ватиканъ. На разбои, убійства, грабежи, воровства благочестивые отцы католической церкви, управлявшіе папской областью, смотрѣли сквозь пальцы или наказывали весьма слабо. Въ эпоху папъ-королей подъ Римомъ и въ самомъ Римѣ расплодилось такое множество бандитовъ, что сельскіе жители и горожане принуждены были платить имъ дань для того, чтобы быть покойнымъ у себя дома и не быть убитымъ и ограбленнымъ на улицѣ. Полиція знала обо всемъ этомъ и не принимала никакихъ мѣръ противъ бандитовъ. Между тѣмъ малѣйшая политическая неблагонадежность вела къ висѣлицѣ или самое меньшее къ каторжнымъ работамъ.

Слѣдователь, убѣдившись, что я не участвовалъ въ *присказкѣ* либераловъ, сталъ мнѣ задавать весьма поверхностные вопросы о моемъ преступленіи.

— Скажите, за что вы убили этого несчастнаго Вимеркатти? спросилъ онъ меня.

Не желая вмѣшиваться Терезу въ слѣдствіе, я отвѣчалъ, что ссора наша произошла изъ-за того, что Вимеркатти позволилъ себѣ дурно относиться о моемъ отечествѣ Россіи, но этотъ мой маневръ мнѣ не удался.

— Вы говорите неправду, дѣйствительно возразилъ мнѣ слѣдователь,—вы убили Вимеркатти изъ ревности. Онъ также ухаживалъ за прислужницей остеріи Терезой, какъ и вы, и вамъ это не понравилось.

— Вы говорите о дѣвицѣ, которая прислуживала намъ въ остеріи „Виноградной лозы“ спросилъ я.

— Да, о крестьянкѣ изъ Ватербо Терезѣ.

— Я долженъ заявить вамъ, г. слѣдователь, что никогда не ухаживалъ за дѣвицей Терезой это первое, а второе и самое главное—поведеніе дѣвицы Терезы по отношенію всѣхъ посѣтителей остеріи было настолько прилично, что оно ни въ комъ не могло возбудить ревности, сказалъ я.

— Однако, чѣмъ же объяснить нашу горячую защиту Терезы и ссору изъ-за нея съ Вимеркатти. По поноду этого у насъ имѣются показанія нѣсколькихъ свидѣтелей, присутствовавшихъ въ остеріи въ то время, когда произошла ссора между вами и Вимеркатти. Нѣтъ, вы лучше не запутывайте вашего дѣла, для васъ же хуже будетъ, прибавилъ слѣдователь, — не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что вы убили Вимеркатти изъ ревности.

— Но я протестую всѣми силами моей души противъ такого обвиненія, вскричалъ я, — дѣвица Тереза, повторяю, не могла возбудить ревности.

— Полноте. апатично возразилъ слѣдователь, — противъ васъ будутъ всѣ свидѣтели.

— Я не скрываю, что цинизмъ Вимеркатти возмутилъ меня, но это была не ревность.

— А что же по-вашему? улыбнулся слѣдователь.

— Мнѣ просто было гадко слушать, какъ Вимеркатти чернилъ честную дѣвушку.

— И вы вступились за ея честь?

— Да, вступился.

— Это за честь крестьянки-то, служащей въ остеріи? Но, ради Бога, кто же вамъ повѣритъ, расхохотался слѣдователь. — Лучше подпишите-ка протоколъ и покончимъ эти разговоры.

Съ послѣднимъ я долженъ былъ согласиться. Господинъ слѣдователь также, какъ и всѣ его соотечественники, не допускалъ возможности вступить за честь крестьянки. Я подписалъ протоколъ. Патеръ - слѣдователь позвонилъ, явился тюремщикъ.

— Проводите сивьора въ его помѣщеніе, сказалъ слѣдователь, обращаясь къ тюремщику. Нѣсколько ободренный благодушіемъ патера-слѣдователя я сталъ просить его позволить мнѣ писать мой дневникъ.

— А писемъ къ либераламъ писать вы не будете? — улыбаясь, спросилъ меня патеръ.

— Конечно, не буду отвѣчалъ я, — потому что не знаю ни одного либерала.

— Хорошо, я отдамъ приказаніе, чтобы вамъ дали бумагу перо и чернила, кивнулъ головой слѣдователь, давая этимъ знать, чтобы меня обратно отвели въ казематъ.

На этотъ разъ обо мнѣ опять забыли и забыли надолго. Благочестивымъ отцамъ католической церкви, какъ и впо-

слѣдствіи узналъ, было не до меня, обвинявшагося въ убійствѣ не съ политической цѣлью. Всѣ святныя офиціи были завалены дѣлами о карбонарахъ, маззинистахъ, гарибальдійцахъ и т. д. Съ тѣхъ поръ, какъ было дознано, что я не принадлежалъ ни къ какой политической партіи и не имѣлъ сношенія съ флорентійскими либералами, мое положеніе сдѣлалось значительно свосѣе. Каждый день утромъ меня выпускали гулять на тюремный дворъ и я свободно писалъ мой дневникъ. Затѣмъ всѣ слухи о нечистотѣ и обилии насѣкомыхъ въ казематокъ крѣпости св. Ангела оказались прямо несправедливыми. Не знаю какъ было въ другихъ этажахъ, но тамъ, гдѣ я былъ помѣщенъ, чистота соблюдалась самымъ старательнымъ образомъ. Каждый день утромъ, когда меня выпускали гулять, сторожъ мель мою камеру и наверху отворялъ форточку для очищенія воздуха. Одно для меня было крайне непріятно, это пища. Меня кормили минестрой и саломъ, а въ постные дни гороховой похлебкой; вино, которое мнѣ приносили, я не могъ пить, даже съ водой, до такой степени оно было кисло. Я просилъ, чтобы мнѣ позволили докончить начатія копій картинъ, но на это разрѣшенія не послѣдовало. За все время слѣдствія, продолжавшагося мѣсяцевъ восемь, меня водили къ допросу раза три не болѣе. Собственно объ убійствѣ меня мало спрашивали; слѣдователь уже рѣшилъ, что я убилъ Вимеркати изъ ревности. А такъ какъ покойный, также какъ и я, не принадлежалъ ни къ какой политической партіи, то слѣдователь и судъ весьма равнодушно отнеслись къ его трагической кончинѣ. Убійства изъ ревности совершались въ Римѣ чутъ ни ежедневно, судьи уже привыкли къ такимъ казусамъ. Хотя законъ въ папской области каралъ очень строго всякаго рода убійство.

Наконецъ, моя участь была рѣшена. Послѣ восьмимѣсячной процедуры слѣдствіе было окончено и судъ, на основаніи закона, существовавшаго въ папской области, приговорилъ меня къ смертной казни черезъ повѣшеніе, но, принимая во вниманіе, что въ моемъ дѣлѣ не было ничего политическаго и что убійство совершено мною не съ корыстной цѣлью, а изъ ревности, нашелъ возможнымъ ходатайствовать передъ его святѣйшествомъ о смягченіи мнѣ наказанія, замѣною пятнадцатилѣтнею каторгой смертную казнь. Папа Пій IX уважилъ ходатайство суда, значительно смягчивъ его приговоръ, назначивъ мнѣ девятилѣтнюю каторгу.

По выходѣ изъ тюрьмы св. Ангела я узналъ отъ тюремнаго сторожа, что какая-то молодая синьора просила допустить

ее видѣться со мной, раза три она была въ святой офиціи, но ей свиданія не разрѣшили, такъ какъ ст. подслѣдственными арестантами тюрьмы св. Ангела свиданія запрещены закономъ. Я, конечно, догадался, кто была эта молодая синьора, и образъ моей прелестной Терезы не покидалъ моего воображенія во все время каторги.

Кончатъ мой дневникъ или, правильнѣе, описаніе моихъ зло-счастныхъ похождевій мнѣ пришлось уже по отбытіи срока каторжныхъ работъ въ Римѣ, гдѣ я тогда прожилъ трое сутокъ, и въ Киевопечерской лаврѣ—въ Кіевѣ. Римъ въ то время страшно измѣнился, я его не узнавалъ. Событія въ Сициліи и Неаполѣ и въ особенности послѣдняя римская экспедиція гарибальдійцевъ сильно встревожили святѣйшаго отца папу Пія IX и всѣхъ благочестивыхъ отцовъ католической церкви. Всеобщія волненія въ Италіи и заговоры въ Римѣ не прекращались и послѣ битвы подъ Ментоной. Гарибальди навелъ ужасъ на папу и его перваго секретаря кардинала Антонелли. За всякое неосторожное слово, при малѣйшемъ подозрѣніи въ либерализмѣ гражданъ хватали и бросали въ нижніе этажи тюрьмы св. Ангела. По рассказамъ, эти казематы для политическихъ были ужасны: сырые, вонючіе, темные. По выходѣ изъ тюрьмы мой первый визитъ былъ, конечно, въ остерію „Винограднои лозы“. Но тамъ я уже никого не засталъ изъ прежнихъ, отъ хозяина до прислуги всѣ были новыя. При всемъ моемъ желаніи узнать, хотя что-нибудь, о Терезѣ, я не могъ, даже по имени ее никто не зналъ. Тогда мнѣ пришло на мысль послѣднее средство. Я сталъ узнавать, гдѣ живетъ духовникъ Терезы, священникъ Родриго. Къ счастью моему, старикъ былъ живъ. Я прямо отправился къ нему. Онъ жилъ недалеко отъ церкви св. Петра въ маленькомъ одноэтажномъ домикѣ, занимая двѣ комнаты. Постучавъ молоткомъ въ дверь, которую мнѣ отворила какая-то старуха, я вошелъ въ пріемную съ обстановкой болѣе чѣмъ скромной. Кругомъ стояли пять деревянныхъ стульевъ топорной работы, столъ, покрытый черной клеенкой и только на стѣнахъ висѣли картины или, правильнѣе, образа святыхъ католической церкви и надъ ними въ переднемъ углу распятіе. Старушка, отворявшая мнѣ дверь, пошла доложить о моемъ приходѣ. Вскорѣ изъ другой комнаты вышелъ бѣлый, какъ лунь, священникъ, это и былъ отецъ Родриго.

Узнавъ, кто я такой, онъ печально покачалъ головой и прошепталъ, глядя на меня:

— Poveretto, poveretto! (бѣдненькій, бѣдненькій).

— Клянусь вамъ святой отецъ, я не хотѣлъ убивать Вимеркатти, сказалъ я, какъ бы оправдываясь.

— Знаю, сынъ мой, знаю, отвѣчалъ старикъ,—мнѣ все сказала Тереза. но зачѣмъ было такъ горячо принимать къ сердцу глупыя слова Вимеркатти, вотъ тебя Господь и наказалъ.

— О, я искупилъ мое преступленіе, вырвалось у меня,—я много выстрадалъ въ эти девять лѣтъ и къ довершенію моего несчастья лишился моей невѣсты, Тереза для меня погибла навсегда. Скажите, святой отецъ, гдѣ она теперь находится; я о ней не могъ ничего узнать.

— Да, сынъ мой, печально отвѣчалъ Родриго.—Тереза для тебя погибла навсегда, она вышла замужъ за виноторговца Бергамини и уѣхала въ Ломбардію. Она долго скучала, все ходила въ офицію крѣпости св. Ангела, хотѣла видѣться съ тобой, но ее не допустили.

Я слушалъ съ ужасомъ этотъ рассказъ и дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Наконецъ, я вотъ еще что тебѣ скажу, продолжалъ отецъ Родриго,—года два спустя, когда ты съ партіей былъ отправленъ для прорытія канавъ на Понтейскихъ болотахъ, слухъ прошелъ, что ты умеръ отъ маляріи, Тереза просила меня навести справки, правда ли, что ты умеръ, но я ничего не могъ узнать, потому что всѣ каторжные числились по номерамъ, а не по фамиліямъ. И послѣ этого Тереза болѣе года скучала; службу въ остеріи Виноградной лозы она бросила и поступила въ сибѣлки больницы св. Августина, тамъ ее увидалъ Бергамини, она ему очень понравилась, долго онъ за ней ухаживалъ, наконецъ, сдѣлалъ предложеніе и получилъ согласіе. Передъ отъѣздомъ въ Миланъ она заходила ко мнѣ проститься и, заливаясь слезами, сказала мнѣ, что будетъ вѣрной женой Бергамини, но что тебя не забудетъ до гробовой доски. Вотъ тебѣ, сынъ мой, самыя вѣрныя свѣдѣнія о твоей бывшей невѣстѣ, забудь о ней, но молись Богу, чтобы она была счастлива, въ заключеніе сказалъ старикъ.

Я молча слушалъ рѣчь священника и противъ моей воли слезы градомъ капали изъ глазъ.

— Не плачь, на все воля Божья, утѣшай меня священникъ.—Думаешь ли ты остаться въ Римѣ или уѣдешь? спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, сказалъ я, вставая,—не въ силахъ я остаться

въ Римѣ, уѣду къ себѣ на родину; благослови меня, святой отецъ.

— Господь тебя благословитъ, иди съ Богомъ, а деньги-то у тебя есть спросилъ онъ,—вѣдь путь не ближній.

— Есть нѣсколько сольди, отвѣчалъ я.

Отецъ Родриго вышелъ въ другую комнату и, вскорѣ возвратившись, сказалъ, вручал мнѣ десять лиръ:

— Возьми это, сынъ мой, не брезгай скудной лептой старика, я далъ бы тебѣ болѣе, но это все, что у меня есть, и съ этими словами онъ благословилъ меня.

Я горячо поцѣловалъ его руку и вышелъ.

Въ тотъ же день я отправился пѣшкомъ по дорогѣ къ Тосканской границѣ. Пока деньги были, я заходилъ въ харчевни, потомъ находилъ пріютъ у крестьянъ, эти простые добрые люди ничего не брали съ меня за ночлегъ, кусокъ поленты и кринку холода. Въ папской области въ то время въ народѣ царило всеобщее уныніе, неудача послѣдней попытки Гарибальди взять Римъ, какъ видно было дѣйствовала на всѣхъ угнетающимъ образомъ, въ Тосканѣ же, напротивъ, былъ страшный подъемъ духа, по городамъ и деревнямъ народъ толпами ходилъ по улицамъ съ музыкой и пѣніемъ, безпрестанно слышались крики: „да здравствуетъ Гарибальди! Римъ или смерть!“ и т. д. Во Флоренціи движеніе было въ особенноти сильно. Полиція не только не препятствовала уличнымъ демонстраціямъ, но даже сама имъ, повидимому, покровительствовала. Въ остеріяхъ, кофейняхъ, на площадяхъ проносились рѣчи самаго замѣчательнаго характера, пили за здоровье народнаго кумира Гарибальди, проклинали патеровъ, министра Ратацци и Наполеона III. Вообще въ ту эпоху всеобщее возбужденіе дошло до своего апогея, можно было безошибочно заключить, что присоединеніе Рима къ Италіи не есть воля одного Гарибальди или Маззини, а цѣлаго народа. Дальнѣйшее мое путешествіе по сѣверной Италіи убѣдило меня, что Римъ рано или поздно будетъ присоединенъ къ Италіи. Въ Австріи нѣмцы очень сурово ко мнѣ относились и, если бы не славяне, я бы умеръ съ голода.

Я не буду описывать римской каторги. Замѣчу лишь одно, что жестокости каторжныхъ работъ въ папской области превосходили всякое вѣроятіе. Голодные, на длинныхъ цѣпахъ, съ тяжелыми желѣзными шарами на ногахъ, помѣщенные въ какихъ-то болотныхъ ямахъ, каторжные умирали, какъ осеннія мухи, отъ страшной малярии. Попы, разумѣется, не обратили бы

на это ни малѣйшаго вниманія, если бы вмѣстѣ съ каторжными не умирали и караулившіе ихъ карабинеры. Пришлось разстаться съ мыслью осушенія Понтейскихъ болотъ.

Въ Римѣ, какъ замѣчено мною, я пробылъ только три дня. Полицейскіе, присматривавшіе за мной, мнѣ говорили: уходи ты поскорѣе, тутъ не до тебя, ты самъ видишь всѣ головы потеряли лучше, иди ты съ Богомъ; я и пошелъ, Христовымъ именемъ добрался я до Кіева. Въ Кіевѣ въ общей трапезѣ въ лаврѣ довелось мнѣ за обѣдомъ разговориться съ однимъ изъ послушниковъ.

— Ты откуда? спросилъ онъ меня.

Я сказалъ.

— Какъ изъ самага Рима, гдѣ папа живетъ? удивился послушникъ.

— Да, оттуда, отвѣчалъ я.

— Что же ты тамъ дѣлалъ? допытывался послушникъ.

— Рисовать учился, говорилъ я.

— Стало быть иконы писать умѣешь? спрашивалъ послушникъ.

— Когда-то умѣлъ, теперъ не знаю, отвѣчалъ я.

— Ты долго ли у насъ въ Кіевѣ-то пробудешь? спросилъ послушникъ.

— Нѣсколько дней пробуду, сказалъ я, — мнѣ спѣшить некуда.

— Погоди, другъ, надо сказать о тебѣ казначею, продолжалъ послушникъ, — онъ, зная, дастъ тебѣ работу, у насъ въ средней церкви хотятъ икону написать; казначей ищетъ живописца.

Послѣ обѣда послушникъ пошелъ къ отцу казначею и, вскорѣ возвратившись пригласилъ меня слѣдовать за нимъ. Мы отправились. Около соборной церкви въ самой серединѣ лавры казначей жилъ въ маленькой уютной кельѣ. Это былъ старикъ лѣтъ подь шестьдесятъ, высокій, худой, съ жиденькой бородкой и очень живыми глазами.

Разспросивъ меня, и кто я такой, откуда и куда я иду отецъ казначей предложилъ мнѣ нарисовать образъ архангела Гавріила на царскихъ дверяхъ собора. Я, разумѣется, согласился и даже цѣны не назначилъ за эту работу. На другой день мнѣ было дано все необходимое для рисованія, какъ-то: краски, кисти и пр. и я принялся за дѣло. Моя работа понравилась настоятелю и мнѣ было предложено распи-

сать херувимами потолокъ въ другой церкви, но дѣло не состоялось по моей слабости. Получивъ сорокъ рублей за мою работу, я ушелъ изъ лавры и, разумеется, выпилъ. Деньги мои отчасти я пропилъ, отчасти ихъ у меня вытащили, осталось въ карманѣ только семнадцать копѣекъ, съ которыми я и отправился опять христовымъ именемъ въ Москву...

Н. Поповъ.

Письма изъ-за границы.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

(Продолженіе).

III.

Парижъ.

Русское студенчество въ Парижѣ состоитъ почти исключительно изъ людей совершенно необезпеченныхъ; далеко не многіе имѣютъ регулярно получаемую субсидію съ родины и эти деньги, такъ сказать, у счастливыхъ являются фондомъ здѣшняго существованія, остальная, большая часть, довольствуется временными пособиями и ищетъ заработка, который здѣсь достается съ величайшимъ трудомъ. Переписка, переводы, наконецъ, литературныя занятія въ русскихъ журналахъ—можно получить только изрѣдка, поэтому приходится не брезгать какой бы то ни было работой, напримѣръ, ручнымъ трудомъ, службой проводникомъ по Парижу пріѣзжихъ русскихъ и т. д. Сообразно съ финансовымъ положеніемъ студенчества равна и вся остальная ихъ жизнь. Въ то время, какъ французская молодежь Латинскаго квартала проводитъ, въ большинствѣ случаевъ, вечера въ кафѣ, театрахъ, Bullier и т. д., русскихъ учащихся тамъ очень рѣдко можно встрѣтить.

Русская молодежь ютится въ маленькихъ комнаткахъ верхнихъ этажей домовъ Латинскаго квартала, утромъ посѣщаетъ лекціи въ русской школѣ, днемъ слушаетъ французскихъ профессоровъ, часто по вечерамъ, отъ 8 до 10 час. снова лекціи въ русской школѣ.

Остальное время студенты проводятъ за занятіями, чтеніемъ, собраніями, на которыхъ обсуждаются какіе-либо интересующіе студенчество вопросы, собираются, обыкновенно,

у кого-нибудь по нѣсколько человѣкъ (больше нельзя, помѣщеніе не позволяетъ, а идти въ кафѣ стоитъ денегъ), вмѣстѣ читаютъ или занимаются. Однимъ изъ любимыхъ занятій—посѣщеніе всевозможныхъ конференцій и рефератовъ, которые здѣсь, по всевозможнымъ вопросамъ, происходятъ почти ежедневно.

„Иногда бываетъ такъ, говорилъ мнѣ одинъ студентъ.—дома сидѣть силъ нѣтъ—холодно, печку топить дорого, испишь камни, дома сидѣть можно только когда онъ горитъ, тогда тепло, придвинешь письменный столъ къ самому огню и работаешь. Прогоритъ уголь или коксъ,—снова станетъ холодно, комната сейчасъ же выстываетъ. Идешь въ Женеьеву¹⁾, тамъ тепло... часами сидишь... занимаешься, читаешь или письма пишешь. Вернешься домой—снова стужа, чтобы раздѣться и лечь въ постель—надо набираться храбрости... Зубъ на зубъ не попадаетъ, пока, наконецъ, согрѣешься подъ одѣяломъ... а утромъ вставать еще того хуже... встать съ кровати—все равно, что въ прорубь окунуться... иногда подъ одѣяломъ начинаешь одѣваться и вотъ такъ живешь изо дня въ день... лѣтомъ, конечно, легче, по крайней мѣрѣ не приходится терпѣть отъ стужи...”

Завтракаютъ и обѣдаютъ большинство въ такъ называемомъ *table d'hôte russe*—на rue Patters № 10. Маленькая комната, въ первомъ этажѣ, рядомъ кухня—это студенческая столовая. Вывѣски на улицѣ нѣтъ. Столовую содержатъ сами же студенты. Дежурный подаетъ обѣдающимъ, никакой прислуги нѣтъ, все, такъ сказать, по-семейному. Одна изъ студентокъ завѣдуетъ хозяйствомъ, ей платятъ за сѣдненное. Пища достаточно вкусно приготовлена, порціи сытны и стоимость ихъ доведена до минимума. Хозяйство столовой не рассчитано на барыши, „администрація“ не только кредитуетъ обѣдами неимѣющихъ возможности немедленно расплачиваться, но вовсе неимущимъ отпущаетъ обѣды даже безплатно. Когда получается какой-либо незначительный барышъ, то „администрація“ столовой увеличиваетъ число безплатныхъ порцій и вообще старается улучшить ихъ качество и уменьшить стоимость. Въ самомъ помѣщеніи столовой находится читальня, по окончаніи обѣденнаго времени, со столовъ убираются скатерти, раскладываются имѣющіеся газеты и журналы и за чтеніемъ ихъ студенты проводятъ свободное время. Библіотека не богата, такъ какъ средствъ на выписку изданій недостаточно. Крайне желательно, чтобы періодическая пресса пришла на помощь высылкой своихъ изданій. Прочитать русское печатное слово, идущее съ далекой родины, съ вѣстями иногда близкими сердцу—доставляетъ большое удовольствіе на чужбинѣ.

Кромѣ этой читальни, имѣется еще другая, при Тургеневской библіотекѣ. Помѣщается она совсѣмъ на окраинѣ города, въ маленькихъ комнаткахъ одного изъ верхнихъ этажей дома

¹⁾ Библіотека.

на второмъ дворѣ въ № 323 улицы S' Jacques. Во время моего посѣщенія библіотеки я засталъ тамъ, вечеромъ, въ читальнѣ, нѣсколькихъ русскихъ рабочихъ, въ блузахъ. Люди эти читали газеты, сочиненія Тургенева, Достоевскаго, Пушкина.

Присмотрѣ за изданіями лежитъ на самихъ читателяхъ, послѣдній, остающійся въ читальнѣ, долженъ погасить газъ, запереть квартиру и ключъ отдать консьержу. Библіотека достаточно богата, съ большимъ выборомъ книгъ беллетристическихъ и научныхъ по всевозможнымъ вопросамъ. Книги, при представленіи залога, даются на домъ, открыта она, для перемѣны книгъ, три раза въ недѣлю отъ 7½ до 8½ часовъ вечера.

При необходимости много заниматься, а главное заниматься совершенно самостоятельно, такъ какъ въ русской школѣ нѣтъ не только обязательнаго посѣщенія лекцій, но никакихъ репетицій или экзаменовъ¹⁾, студенты поставлены въ трудное положеніе, благодаря отсутствію достаточнаго числа необходимыхъ учебныхъ книгъ, курсовъ и научныхъ сочиненій. Приходится довольствоваться имѣющимися немногими экземплярами, передавать ихъ другъ другу, записывать лекціи профессоровъ. Выписка нужныхъ пособій стоитъ дорого и огромному большинству не подъ силу.

Желающій получить удостовѣреніе, никакихъ нигдѣ правъ или преимуществъ не дающее, о прослушаніи имъ курса въ высшей школѣ, долженъ по какому-либо предмету написать сочиненіе и публично его защитить.

Вотъ въ краткихъ чертахъ, насколько возможно для бѣглой журнальной замѣтки, эскизъ положенія вновь открытой русской школы въ Парижѣ, и учащейся молодежи, которая устремилась сюда, на далекую чужбину, перенося невзгоды бѣдности, исключительно затѣмъ чтобы искать свѣта науки и знанія...

Въ вечеръ подъ новый годъ русскіе студенты устроили благотворительный спектакль, состоявшій изъ малороссійской пьесы „По Ревизіи“ Кропивницкаго, второго акта драмы Т. Шевченко „Назаръ Стодоля“ (Вечорницы) и сценки „Подъ Новый годъ“. Любители очень удачно справились со своими ролями, а во второй пьесѣ недурно пѣлъ малороссійскія пѣсни студенческой хоръ. Публики въ Salle des Mille Colonnes, гдѣ давали спектакль, набралась такая масса, что многимъ пришлось, за недостаткомъ мѣста, стоять во время представленія. Вечеръ закончился оживленными танцами... Странно было въ Парижѣ всюду слышать русскую рѣчь, слышать со сцены малороссійскіе мотивы, видѣть паробковъ, горилку, пить чай изъ огромнаго самовара, поставленнаго на столѣ... Словомъ, все окружающее показывало, что находишься не въ Парижѣ, а на студенческомъ вечерѣ одного изъ русскихъ городовъ.

¹⁾ Въ непродолжительномъ будущемъ, подъ руководствомъ профессоровъ, предполагаются практическія занятія.

IV.

Пушкинскій музей въ Парижѣ.

Врядъ ли многимъ русскимъ, не только постоянно живущимъ въ своемъ отечествѣ, но и посѣщающимъ Парижъ, извѣстно, что здѣсь, въ центрѣ столицы міра, есть уголокъ, въ которомъ находятся цѣнныя реликвіи русской литературы, коллекція вещей, принадлежавшихъ Пушкину, и собрано возможно все, что было написано и продолжаетъ появляться о великомъ поэтѣ, а также вещи, посвященныя его памяти.

Въ Елисейскихъ поляхъ, въ № 25 улицы de Malignan, находится небольшая квартира А. Э. Онѣгина, которую въ Парижѣ, среди членовъ русской колоніи, зовутъ музеемъ. Болѣе подходящаго имени трудно придумать. Двѣ комнаты, занимаемая А. Э., представляютъ изъ себя именно музей глубокаго интереса.

Г. Онѣгинъ съ любовью показываетъ посѣтителю свои сокровища, главнѣйшія изъ которыхъ составляютъ папки съ собственноручными рукописями Пушкина напимѣрь, подлинникъ цѣликомъ рукой поэта написанной поэмы „Графъ Нулинъ“.

Перечислить того, что содержатъ въ себѣ всѣ папки, число которыхъ довольно значительно, трудно, скажу только, что въ нихъ находится далеко не мало строкъ великаго поэта, которыя совершенно неизвѣстны публикѣ, такъ какъ еще ни разу не появлялись въ печати. Время отъ времени А. Э. Онѣгинъ дѣлитъ тайной своего богатства и на страницахъ журналовъ появляются выдержки изъ документовъ, у него хранящихся; къ сожалѣнію, это рѣдко происходитъ.

Кромѣ рукописей Пушкина у А. Э. хранится значительное количество подлинниковъ бумагъ другихъ лицъ—въ большинствѣ случаевъ близкихъ къ Пушкину. Въ „музее“ имѣется значительное число рукописей и писемъ Жуковского, въ числѣ которыхъ одно чрезвычайно цѣнно и, кажется, нигдѣ не напечатанное, съ содержаніемъ результата порученной Жуковскому разборки, вѣстѣ съ генераломъ Дубельтомъ, тотчасъ же послѣ смерти Пушкина, бумагъ поэта и донесеніе объ этомъ императору Николаю I.

Я не имѣю разрѣшенія А. Э. Онѣгина, потому и не считаю себя вправе передавать содержаніе этой цѣнной по своему содержанію бумаги, характеризующей благородство взглядовъ и честныхъ убѣжденій, открыто высказываемыхъ Жуковскимъ императору. Жуковскому же принадлежитъ большая, съ начала до конца его рукой написанная черновая тетрадь и т. д.

Я вынесъ убѣжденіе изъ бѣгло сдѣланнаго мною просмотра всѣхъ папокъ коллекціи, что никакое собраніе сочиненій Пушкина не будетъ имѣть права называться „полнымъ“, если для него не будетъ цѣликомъ использовано все то, что хранится въ „музее“ г. Онѣгина.

У А. О. имѣется очень богатая коллекція всевозможныхъ изданій сочиненій Пушкина, въ числѣ которыхъ есть въ настоящее время очень рѣдкія и цѣнныя, кромѣ того представляетъ большой интересъ Pouschkiniana—собраніе, насколько возможно, всего, что писалось о Пушкинѣ, на различныхъ языкахъ, вещей, такъ или иначе связанныхъ съ воспоминаніемъ о поэтѣ. Въ краткой замѣткѣ трудно перечислить ихъ, для этого пришлось бы составлять обширный каталогъ.

Кромѣ сказаннаго г. Онѣгинъ владѣетъ большой коллекціей портретовъ русскихъ писателей, снятыхъ въ разное время, письмами Тургенева, съ которымъ онъ былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, вещами, принадлежавшими Пушкину, Лермонтову, Жуковскому, Гоголю, Тургеневу и др., иногда представляющими изъ себя unіqu'и. Многія вещи и изданія приобрѣтены г. Онѣгинымъ за границей, такимъ образомъ цѣнности не вывезены изъ Россіи, а такъ сказать ожидаютъ возвращенія.

Остается пожалѣть, что это собраніе, составляющее частную собственность, недоступно, не только массѣ русской публики, но и остается неизвѣстной для пріѣзжихъ. Можно искренне пожелать, чтобы манускрипты, принадлежашіе г. Онѣгину, въ возможно скоромъ времени были напечатаны и хранились въ такомъ мѣстѣ, гдѣ они стали бы доступными обзоренію публики.

Посѣщеніе „Пушкинскаго музея“, при любезномъ гостепріимствѣ А. О. Онѣгина, производитъ глубокое и отрадное впечатлѣніе, сознаніе, что далеко на чужбинѣ русскими свято чтится память великаго поэта и корифея нашей литературы.

У.

Парижскіе наброски.

Веселый, съ шумной толпой на улицахъ и бульварахъ Парижъ охватываетъ собой не только пріѣзжаго, но и постоянного жителя столицы міра. Парижанинъ влюбленъ въ свой городъ. Онъ не находитъ въ немъ никакихъ недостатковъ, да и не одни парижане-французы, то же чувство овладѣваетъ, насколько я наблюдалъ, и русскими, поселившимися въ Парижѣ на постоянное жительство, не позволяя ни къ чему отнестись критически. Недовольному лучше невысказывать своихъ взглядовъ, ими ровно никого не убѣдишь. Отдавая Парижу должное, находя въ немъ удивительный порядокъ и благоустройство, въ мелочахъ всегда можно найти такое, что было бы желательнымъ улучшить и внести большія удобства. Мнѣ приходилось высказывать нѣсколько замѣчаній относительно парижскихъ порядковъ и здѣсь я встрѣчалъ всюду ихъ оправданіе, мнѣ кажется, исключительно вслѣдствіе, какъ я говорилъ, болѣзненной влюбленности у парижанъ во все парижское; укажу на то, что всюду за границей заказныя письма

разносить особіе почтальоны обыкновенно между 7—9 ч. утра, при чемъ этотъ почтальонъ непременно требуетъ собственноручной росписки того лица, кому письмо адресовано. Онъ входитъ въ спальню, принося съ собой чернильницу, будить васъ заставляя росписаться. Ни какія просьбы о приходѣ въ другіе часы или объ оставленіи письма подъ росписку консьержа или portier не помогаютъ, непременно нужно росписаться самому; укажу еще: однажды на большомъ обѣдѣ я высказалъ удивленіе, что въ Парижѣ не принято помѣщать на дверяхъ квартиры, кромѣ торговыхъ помѣщеній, фамиліи ея владѣльца; приходится каждый разъ спрашивать у консьержа, гдѣ такой-то живетъ, консьержъ отвѣчаетъ—въ такомъ-то этажѣ, вторая или третья дверь направо или налево. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ домахъ счетъ этажей начинается съ перваго, а въ другихъ первый называется антресолемъ, второй первымъ, третій—вторымъ и т. д., то необходимо спрашивать, есть ли антресоль или нѣтъ, затѣмъ, идя по лѣстницѣ, считать этажи и все это продѣлывать каждый разъ, такъ какъ довольно трудно запомнить, кто въ какомъ этажѣ живетъ. Въ счетѣ этажей нетрудно ошибиться принявъ одинъ за другой, и ошибочно позвонить не въ ту дверь, причемъ иногда слуга довольно грубо отвѣчаетъ, что слѣдуетъ быть внимательнѣе иногда же приходится слышать: *c'est la même chose, monsieur, si vous avez le temps—soyez bien venu!* Я сказалъ, что нахожу существующій почти во всѣхъ домахъ Петербурга обычай помѣщать карточку на дверяхъ квартиры очень удобнымъ, такъ какъ онъ очень облегчаетъ возможность найти желаемую квартиру.

Цѣлый рядъ возраженій посыпался мнѣ въ отвѣтъ. Этимъ будто бы сохраняется инкогнито квартиранта не только для проходящихъ по лѣстницѣ, но и отъ живущихъ въ томъ же домѣ, квартирохозяинъ ограждается отъ всякихъ могущихъ произойти шантажей и т. д.

Я не могъ съ этимъ согласиться—кому нужно знать чье-либо мѣсто жительства, тотъ, конечно, его узнаетъ; для этого существуетъ много способовъ, хотя бы цѣлый рядъ конторъ, два раза въ недѣлю публикующихъ свои адреса въ „*Le journal*“, предлагая желающимъ наведеніе всевозможныхъ, какъ они говорятъ, „секретныхъ“ справокъ въ родѣ отысканія мѣста жительства, богатой невѣсты и жениха, устройства всевозможныхъ „знакомствъ“, наведенія справокъ о приданомъ или прошлой жизни кого-либо, выселѣживанія за кѣмъ-либо и т. д.

Учрежденія эти очень любопытны и я какъ-нибудь, при случаѣ, поговорю о нихъ подробнѣе. Такъ какъ адреснаго стола въ Парижѣ не существуетъ, то одной изъ ихъ главныхъ доходныхъ статей является отыскиваніе чье-либо адреса.

— Совсѣмъ не нужно, чтобы, каждый кто хочетъ могъ знать, гдѣ я живу, возражали мнѣ, когда я высказывалъ сожалѣніе на отсутствіе адреснаго стола, на мой взглядъ, очень полезнаго и удобнаго учрежденія,—адресъ долженъ быть извѣстенъ только тѣмъ, кому я его дамъ.

У А. Э. имѣется очень богатая коллекція всевозможныхъ изданій сочиненій Пушкина, въ числѣ которыхъ есть въ настоящее время очень рѣдкія и цѣнныя, кромѣ того представляетъ большой интересъ Pouschkiniana—собраніе, насколько возможно, всего, что писалось о Пушкинѣ, на различныхъ языкахъ, вещей, такъ или иначе связанныхъ съ воспоминаніемъ о поэтѣ. Въ краткой замѣткѣ трудно перечислить ихъ, для этого пришлось бы составлять обширный каталогъ.

Кромѣ сказаннаго г. Онѣгина владѣетъ большою коллекціей портретовъ русскихъ писателей, снятыхъ въ разное время, письмами Тургенева, съ которымъ онъ былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, вещами, принадлежавшими Пушкину, Лермонтову, Жуковскому, Гоголю, Тургеневу и др., иногда представляющими изъ себя unіqu'и. Многія вещи и изданія приобрѣтены г. Онѣгинымъ за границей, такимъ образомъ цѣнность не вывезены изъ Россіи, а такъ сказать ожидаютъ возвращенія.

Остается пожалѣть, что это собраніе, составляющее частную собственность, недоступно, не только массѣ русской публики, но и остается неизвѣстной для пріѣзжихъ. Можно искренне пожелать, чтобы манускрипты, принадлежащія г. Онѣгину, въ возможно скоромъ времени были напечатаны и хранились въ такомъ мѣстѣ, гдѣ они стали бы доступными обзоренію публики.

Посѣщеніе „Пушкинскаго музея“ при любезномъ гостепріимствѣ А. Э. Онѣгина, производитъ глубокое и отрадное впечатлѣніе, сознаніе, что далеко на чужбѣ русскими свято чтится память великаго поэта и корифеевъ нашей литературы.

У.

Парижскіе наброски.

Веселый, съ шумной толпой на улицахъ и бульварахъ Парижъ охватываетъ собой не только пріѣзжаго, но и постоянного жителя столицы міра. Парижанинъ влюбленъ въ свой городъ. Онъ не находитъ въ немъ никакихъ недостатковъ, да и не одни парижане-французы, то же чувство овладѣваетъ, насколько я наблюдалъ, и русскими, поселившимися въ Парижѣ на постоянное жительство, не позволяя имъ ничему отвести критически. Недовольному лучше не высказывать своихъ взглядовъ, ими ровно никого не убѣдиши. Слѣдующая Парижу должное, находя въ немъ удивительный порядокъ и благоустройство, въ мелочахъ всегда можно найти такое, что было бы желательнымъ улучшить и ввести большія удобства. Мнѣ приходилось высказывать нѣсколько замѣчаній относительно парижскихъ порядковъ и здѣсь встрѣчалъ всюду ихъ оправданіе, мнѣ кажется, исключительно вслѣдствіе, какъ я говорилъ, болѣзненной любви у парижанъ во все парижское; укажу на то, что всюду за границей заказныя письма

разносятъ особыя почтальоны обыкновенно между 7—9 ч. утра, при чемъ этотъ почтальонъ непременно требуетъ собственноручной росписки того лица, кому письмо адресовано. Онъ входитъ въ спальню, принося съ собою чернильницу, будитъ васъ заставляя росписаться. Ни какія просьбы о приходѣ въ другіе часы или объ оставленіи письма подъ росписку консьержа или portier не помогаютъ, непременно нужно росписаться самому; укажу еще однажды на большомъ обѣдѣ я высказалъ удивленіе, что въ Парижѣ не принято помѣщать на дверяхъ квартиры, кромѣ торговыхъ помѣщеній, фамиліи ея владѣльца; приходится каждый разъ спрашивать у консьержа, гдѣ такой-то живетъ, консьержъ отвѣчаетъ—въ такомъ-то этажѣ, вторая или третья дверь направо или налево. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ домахъ счетъ этажей начинается съ перваго, а въ другихъ первый называется антресолемъ, второй первымъ, третій—вторымъ и т. д., то необходимо спрашивать, есть ли антресоль или нѣтъ, затѣмъ, идя по лѣстницѣ, считать этажи и все это продѣлывать каждый разъ, такъ какъ довольно трудно запомнить, кто въ какомъ этажѣ живетъ. Въ счетѣ этажей нетрудно ошибиться принявъ одинъ за другой, и ошибочно позвонить не въ ту дверь, причемъ иногда слуга довольно грубо отвѣчаетъ, что слѣдуетъ быть внимательнѣе иногда же приходится слышать: *c'est la même chose, monsieur, si vous avez le temps—soyez bien venu!* Я скажу, что нахожу существующій почти во всѣхъ домахъ Петербурга обычай помѣщать карточку на дверяхъ квартиры очень удобнымъ, такъ какъ онъ очень облегчаетъ возможность найти желаемую квартиру.

Цѣлый рядъ возраженій посыпался мнѣ въ отвѣтъ. Этимъ будто бы сохраняется инкогнито квартиранта не только для проходящихъ по лѣстницѣ, но и отъ живущихъ въ томъ же домѣ, квартирохозяинъ ограждается отъ всякихъ могущихъ произойти шантажей и т. д.

Я не могъ съ этимъ согласиться—кому нужно знать чье-либо мѣсто жительства, тотъ, конечно, его узнаетъ; для этого существуетъ много способовъ, хотя бы цѣлый рядъ конторъ, два раза въ недѣлю публикующихъ свои адреса въ „Le journal“, притомъ желаящимъ наведеніе всевозможныхъ, какъ они говорятъ, „секретныхъ“ справокъ въ родѣ отысканія мѣста жительства, сыздой невѣсты и жениха, устройства всевозможныхъ „знакомствъ“ наведенія справокъ о приданомъ или прошлой жизни кого-либо, выслѣживанія за кѣмъ-либо и т. д.

Учрежденія эти очень удобны и я какъ-нибудь, при случаѣ, поговорю о нихъ подробнѣе. Такъ какъ адреснаго стола въ Парижѣ не существуетъ, то одной изъ ихъ главныхъ доходныхъ статей является отыскиваніе чье-либо адреса.

— Совѣмъ не нужно, чтобы, каждый кто хочетъ могъ знать, гдѣ я живу, поздравляю мнѣ, когда я высказывалъ сожалѣніе на отсутствіе адреснаго стола, на мой взглядъ, очень полезнаго и удобнаго учрежденія,—адресъ долженъ быть извѣстенъ только тѣмъ, кому я его дамъ.

Въ одинъ изъ предыдущихъ моихъ прїѣздовъ въ Парижъ мнѣ понадобилось отыскать лицо, адресъ котораго я позабылъ, и, не зная какъ поступить, я обратился къ полицейскому съ просьбой научить, что мнѣ слѣдуетъ сдѣлать для полученія нужныхъ мнѣ свѣдѣній.

— Подайте прошеніе на имя префекта полиціи, сообщите имя и фамилію лица, котораго адресъ вы желаете получить, изложите, причины по которымъ вы его желаете видѣть, оставьте въ полиціи свой адресъ; мы разыщемъ нужное вамъ лицо, передадимъ ваше заявленіе, и если это лицо пожелаетъ вамъ сообщить свой адресъ, наше прошеніе будетъ удовлетворено.

Сохраненіе полнаго инкогнито домашняго очага—вещь крайне желательная, но это остается только въ теоріи—такъ какъ за деньги всегда все можно разузнать. Къ сожалѣнію, въ настоящее время за деньги въ Парижѣ можно имѣть еще иное: помѣщать почти во всѣхъ газетахъ, за исключеніемъ, можетъ быть, двухъ, трехъ, какъ, напр., „Le temps“, „Journal des debats“ статьи и статьи-рекламы о чемъ угодно. Парижская пресса поставлена въ такія условія: газеты вслѣдствіе конкуренціи должны выпускать ежедневно не менѣе шести печатныхъ страницъ, причемъ № долженъ стоить не болѣе одного су (5 сантимовъ). Совмѣщеніе этихъ двухъ необходимыхъ условій является фактически, невозможнымъ, такъ какъ только бумага и печать стоятъ дороже, поэтому редакціи помѣщаютъ обыкновенно на страницахъ газетъ телеграммы, одну, двѣ статьи, нѣсколько репортерскихъ замѣтокъ все же остальное оплачивается авторами статей, причемъ цѣна очень высока, она колеблется приблизительно отъ 10 до 50 франковъ за строчку и зависитъ отъ распространенности изданія, мѣста помѣщенія замѣтки и шрифта. Такого рода „сотрудничество“ является безъ всякаго стѣсненія; я видѣлъ въ редакціяхъ гнѣше для пріема подобныхъ „статей“, въ этихъ „гнѣше“ сообщаютъ цѣны за строчку, отдѣльные какъ у насъ цѣны за объявленія. Повидимому, въ непродолжительномъ времени газеты вынуждены будутъ увеличить свой форматъ до 8 страницъ въ день. Къ какимъ мѣрамъ прибѣгнуть онѣ для увеличенія доходовъ—трудно напередъ сказать. Какимъ образомъ пришла ежедневная печать въ такое положеніе, я въ своихъ краткихъ замѣткахъ передавать не буду, потому что объ этомъ, въ интересной статьѣ, подробно сообщить одинъ изъ сотрудниковъ „Вѣстника Всемирной Исторіи“.

Особенно жалки во всѣхъ почти газетахъ сообщенія изъ Россіи, которой обыкновенно отводится мѣсто наряду съ Венесуэлой, Аргентинской республикой, Аравіей, Марокко и т. п. мелкими государствами; сплошь и рядомъ эти сообщенія состоятъ изъ наглой лжи и выдумокъ въ родѣ сообщенія газеты „Patrie“ въ началѣ января, всполошившаго всю русскую колонію въ Парижѣ.

Гораздо съ большимъ интересомъ относятся къ Россіи и русской литературѣ ежемѣсячные журналы. Почти во всѣхъ

журналахъ, въ отдѣлахъ обзорнія иностранной литературы, отведено достаточное мѣсто русской литературѣ.

Лабори, Натансонъ, Фино и другіе директора журналовъ ¹⁾, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться, относятся съ величайшимъ интересомъ не только къ Толстому, но даже къ второстепеннымъ русскимъ писателямъ.

— Ваша литература вноситъ такъ много новаго и настолько интересуется нашу публику, что мы съ живѣльшимъ интересомъ слѣдимъ за русскими журналами, говоритъ мнѣ Лабори, директоръ „Grande revue“, бывший адвокатъ Дреифуса.

— Русская литература настолько своеобразна, настолько тонка по своей психологій, чужда, въ большинствѣ случаевъ, интриги, на одномъ адюльтерѣ основанной, что вліяніе ея на читателей должно являться самымъ благотворнымъ, высказывалъ Фино, директоръ „La Revue“.

Послѣдній журналъ ввелъ у себя особое обзорніе русской литературы и русскихъ журналовъ. Этотъ интересный отдѣлъ ведетъ русскій, постоянный сотрудникъ „Вѣстника Всемирной Исторіи“, Г. С. Савичъ.

Въ окнахъ книжныхъ магазиновъ всюду видѣются переводы даже второстепенныхъ современныхъ русскихъ писателей. „La Presse“ печатаетъ въ фельетонахъ переводъ романа г. Потапенко, а „Le Journal“ — повѣсть Горькаго „Трое“. Въ театрѣ „Ренессансъ“ готовится къ постановкѣ, въ переводѣ нашего сотрудника „Свадьба Кречинскаго“ Сухово Кобылина. Если французское общество до сихъ поръ имѣетъ очень скудное представленіе о Россіи вообще, объ ея внутренней жизни и т. д., то, насколько я могъ убѣдиться, оно хорошо знакомо съ русской литературой, въ особенности съ беллетристикой. При отсутствіи у французовъ вообще интереса къ чему-либо иностранному, это является большимъ, съ нашей стороны, успѣхомъ.

VI.

Близость наступленія карнавала была оповѣщена огромными афишами, всюду появившимися въ Парижѣ въ началѣ января съ объявленіемъ о первомъ балѣ-маскарадѣ въ Большой оперѣ въ субботу 11 января.

Маскарады въ оперѣ, усердно посѣщаются публикой, отличаются особымъ оживленіемъ и происходятъ не болѣе 4—5 разъ въ годъ. За нѣсколько дней всюду въ ресторанахъ, кафе и т. д. предлагаютъ билеты со скидкой съ входной цѣны (20 франковъ). Это такъ называемые почетные именные билеты, разсылаемые дирекціей оперы разнымъ лицамъ, которыя не стѣсняются перепродавать ихъ.

Къ покупкѣ билетовъ съ уступкой надо относиться осто-

¹⁾ Во Франціи редакторъ называется директоромъ (directeur) журнала (revue), а сотрудникъ, ведущій какой-либо отдѣлъ, редакторомъ (redacteur).

Въ одинъ изъ предыдущихъ моихъ прїѣздовъ въ Парижъ мнѣ понадобилось отыскать лицо, адресъ котораго я позабылъ, и, не зная какъ поступить, я обратился къ полицейскому съ просьбой научить, что мнѣ слѣдуетъ сдѣлать для полученія нужныхъ мнѣ свѣдѣній.

— Подайте прошеніе на имя префекта полиціи, сообщите имя и фамилію лица, котораго адресъ вы желаете получить, изложите, причины по которымъ вы его желаете видѣть, оставьте въ полиціи свой адресъ; мы разыщемъ нужное вамъ лицо, передадимъ ваше заявленіе, и если это лицо пожелаетъ вамъ сообщить свой адресъ, ваше прошеніе будетъ удовлетворено.

Сохраненіе полнаго инкогнито домашняго очага—вещь крайне желательная, но это остается только въ теоріи—такъ какъ за деньги всегда все можно разузнать. Къ сожалѣнію, въ настоящее время за деньги въ Парижѣ можно имѣть еще иное: помѣщать почти во всѣхъ газетахъ, за исключеніемъ, можетъ быть, двухъ, трехъ, какъ, напр., „Le temps“, „Journal des debats“ статьи и статьи-рекламы о чемъ угодно. Парижская пресса поставлена въ такія условія: газеты вслѣдствіе конкуренціи должны выпускать ежедневно не менѣе шести печатныхъ страницъ, причемъ № долженъ стоить не болѣе одного су (5 сантимовъ). Совмѣщеніе этихъ двухъ необходимыхъ условій является фактически, невозможнымъ, такъ какъ только бумага и печать стоятъ дороже, поэтому редакціи помѣщаютъ обыкновенно на страницахъ газетъ телеграммы, одну, двѣ статьи, нѣсколько репортерскихъ замѣтокъ все же остальное оплачивается авторами статей, причемъ цѣна очень высока, она колеблется приблизительно отъ 10 до 50 франковъ за строчку и зависитъ отъ распространенности изданія, мѣста помѣщенія замѣтки и шрифта. Такого рода „сотрудничество“ является безъ всякаго стѣсненія; я видѣлъ въ редакціяхъ гше для пріема подобныхъ „статей“, въ этихъ „гше“ сообщаютъ цѣны за строчку, отдѣльныя какъ у насъ цѣны за объявленія. Повидимому, въ непродолжительномъ времени газеты вынуждены будутъ увеличить свой форматъ до 8 страницъ въ день. Къ какимъ мѣрамъ прибѣгнуть онѣ для увеличенія доходовъ—трудно напередъ сказать. Какимъ образомъ пришла ежедневная печать въ такое положеніе, я въ своихъ краткихъ замѣткахъ передавать не буду, потому что объ этомъ, въ интересной статьѣ, подробно сообщить одинъ изъ сотрудниковъ „Вѣстника Всемирной Исторіи“.

Особенно жалки во всѣхъ почти газетахъ сообщенія изъ Россіи, которой обыкновенно отводится мѣсто наряду съ Венесуэлой, Аргентинской республикой, Аравіей, Марокко и т. п. мелкими государствами; сплошь и рядомъ эти сообщенія состоятъ изъ наглой лжи и выдумокъ въ родѣ сообщенія газеты „Patrie“ въ началѣ января, всполошившаго всю русскую колонію въ Парижѣ.

Гораздо съ большимъ интересомъ относятся къ Россіи и русской литературѣ ежемѣсячные журналы. Почти во всѣхъ

журналахъ, въ отдѣлахъ обзорѣнія иностранной литературы, отведено достаточное мѣсто русской литературѣ.

Лабори, Натансонъ, Фино и другіе директора журналовъ ¹⁾, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться, относятся съ величайшимъ интересомъ не только къ Толстому, но даже къ второстепеннымъ русскимъ писателямъ.

— Ваша литература вноситъ такъ много новаго и настолько интересуется нашу публику, что мы съ живѣльшимъ интересомъ слѣдимъ за русскими журналами, говорилъ мнѣ Лабори, директоръ „Grande revue“, бывший адвокатъ Дрейфуса.

— Русская литература настолько своеобразна, настолько тонка по своей психологій, чужда, въ большинствѣ случаевъ, интриги, на одномъ адюльтерѣ основанной, что вліяніе ея на читателей должно являться самымъ благотворнымъ, высказывалъ Фино, директоръ „La Revue“.

Послѣдній журналъ ввелъ у себя особое обзорѣніе русской литературы и русскихъ журналовъ. Этотъ интересный отдѣлъ ведетъ русскій, постоянный сотрудникъ „Вѣстника Всемирной Исторіи“, Г. С. Савичъ.

Въ окнахъ книжныхъ магазиновъ всюду видѣются переводы даже второстепенныхъ современныхъ русскихъ писателей. „La Presse“ печатаетъ въ фельетонахъ переводъ романа г. Потапенко, а „Le Journal“ — новѣсть Горькаго „Трое“. Въ театрѣ „Ренессансъ“ готовится къ постановкѣ, въ переводѣ нашего сотрудника „Свадьба Кречинскаго“ Сухова Кобылина. Если французское общество досихъ поръ имѣетъ очень скудное представленіе о Россіи вообще, объ ея внутренней жизни и т. д., то, насколько я могъ убѣдиться, оно хорошо знакомо съ русской литературой, въ особенности съ беллетристикой. При отсутствіи у французовъ вообще интереса къ чему-либо иностранному, это является большимъ, съ нашей стороны, успѣхомъ.

VI.

Близость наступленія карнавала была оповѣщена огромными афишами, всюду появившимися въ Парижѣ въ началѣ января съ объявленіемъ о перпомъ балѣ-маскарадѣ въ Большой оперѣ въ субботу 11 января.

Маскарады въ оперѣ, усердно посѣщаются публикой, отличаются особымъ оживленіемъ и происходятъ не болѣе 4—5 разъ въ годъ. За нѣсколько дней всюду въ ресторанахъ, кафе и т. д. предлагаютъ билеты со скидкой съ входной цѣны (20 франковъ). Это такъ называемые почетные именные билеты, разсылаемые дирекціей оперы разнымъ лицамъ, которыя не стѣсняются перепродавать ихъ.

Къ покупкѣ билетовъ съ уступкой надо относиться осто-

¹⁾ Во Франціи редакторъ называется директоромъ (directeur) журнала (revue), а сотрудникъ, ведущій какой-либо отдѣлъ, редакторомъ (rédacteur).

рожно; случается, что какой-нибудь „предпримчивый“ камло отпечатастъ нѣсколько билетовъ, продастъ ихъ иностранцамъ, а при входѣ, что мнѣ случалось видѣть, билетъ оказывается нигде не годнымъ. Кстати о дешевыхъ покупкахъ. Я долженъ указать на слѣдующій пріемъ, далеко не рекомендующій автора, старающагося сбыть свое произведеніе.

На бульварахъ появилось нѣсколько камло, которые, держа въ рукахъ небольшую забандероленную книжку, выкрикивали: *le plus grand succès du jour—c' Aiglon ouvrage complet, 30 centimes!*

Тѣ же крики раздавались на подъѣздѣ театра Сарры Бернаръ при разѣздѣ послѣ представленія „Орленка“. Я, въ числѣ многихъ другихъ, купилъ книжку, думая, что вышло удешевленное изданіе популярной пьесы Рюстана. Каково же было мое удивленіе, когда я, вернувшись домой, сорвалъ съ обложки бандероль и увидѣлъ, что приобрѣлъ не пьесу Рюстана „Aiglon“, а романъ какого-то господина Катюзилуса подъ тѣмъ же названіемъ!

Этимъ объясняется, почему книжка продается подъ бандеролью. Вотъ къ какого рода пріемамъ прибѣгаютъ иные авторы для сбыта своихъ произведеній!

Къ слову приходится съ грустью сказать, что обманъ или вымогательство происходятъ на каждомъ шагѣ. Я мимоходомъ упомянулъ о театрѣ, теперь прибавлю, что вокругъ парижскихъ театровъ происходитъ совершенно открытое барышничество съ билетами.

Стоитъ только подойти къ подъѣзду театра, тотчасъ же окружить толпа барышниковъ, заявляя, что лучшихъ мѣстъ въ кассѣ больше нѣтъ. Справки въ кассѣ убѣждаютъ, что дѣйствительно остались въ продажѣ только мѣста, откуда наименѣе всего видно. Въ то же время у барышниковъ имѣются всевозможные билеты.

То же самое, происходитъ если брать билетъ при входѣ (обыкновенно почти во всѣхъ парижскихъ театрахъ за $\frac{1}{2}$ часа до представленія плата за мѣста уменьшается). Въ первой кассѣ выдаютъ билеты, которыя, зачѣмъ-то обмѣниваютъ на новый во второй кассѣ, въ третьемъ мѣстѣ его простригаютъ, наконецъ, четвертая инстанція—капельдинерша (*ouvreuse*), указываетъ мѣсто, обыкновенно такое, откуда ровно ничего не видно. Замѣчая ваше неудовольствіе, квазимодообразная капельдинерша (я только въ одномъ театрѣ видѣлъ недурненькихъ, во всѣхъ остальныхъ лица совершенно нетерпимыхъ) предлагаетъ за *petite benedice*, въ 1—2 франка дать другое мѣсто. Разумѣется, приходится соглашаться. Капельдинерша отличается невѣроятной навязчивостью, она не отстанетъ до тѣхъ поръ, пока у нея не купятъ программу, за которую, обыкновенно, требуетъ вдвое противъ назначенной цѣны.

Большой обиды нельзя доставить тѣмъ, что купить программу у другой капельдинерши. Каждой отведено нѣсколько рядовъ и продажа лицамъ, сидящимъ въ креслахъ этихъ ря-

довъ, ея доходъ. Однажды я купилъ афишу, проходя между рядами кресель, у другой капельдинерши. Боже мой, какъ разсердилась та, которая считала своимъ „правомъ“ продать мнѣ программу. На меня посыпался цѣлый градъ упрековъ! Гибъ былъ столь силенъ, будто я нанесъ ей кровную обиду. Пришлось уплатить 30 сантимовъ, чтобы успокоить расхваливающую оскорбленную невинность.

Афиши продаютъ въ двухъ мѣстахъ—при входѣ и въ залѣ театра, въ первомъ мѣстѣ покупать не слѣдуетъ, о чемъ заявляетъ публикѣ дирекція, такъ какъ программа продается неизвѣстными лицами, часто старая и неполная. Любопытно, что подобная продажа, совершенно открыто практикуемая, не преслѣдуется вовсе, о ней только предостерегаютъ... когда вы уже вошли въ залу!..

Капельдинерши позволяютъ себѣ обходить въ послѣднемъ антрактѣ публику, выпрашивая на чай, независимо отъ того, что имъ уже было дано; особенно онѣ назойливы въ *théâtre des Capucines* (въ единственномъ театрѣ, гдѣ капельдинерши молоденькія и хорошенькія). Выдавая платье, ни одна не поможетъ его надѣть, *это* онѣ считаютъ ниже своего достоинства. Вообще, начиная съ неистовой, надоедливой кляки и т. д. и кончая невозможно узкими проходами между креслами (приходится вставать, сидѣнье поднимается и только такимъ образомъ можно пропустить проходящаго), отсутствіе достаточнаго количества выходовъ—въ случаѣ пожара страшная катастрофа человѣческихъ жертвъ неминуема, — слѣдуетъ сказать, что порядка въ парижскихъ театрахъ куда меньше, чѣмъ въ петербургскихъ. Говоря о театрѣ, слѣдуетъ сказать, что во Франціи существуетъ цензура только для театральныхъ зрѣлищъ. Иногда цензура запрещаетъ какую,нибудь пьесу къ постановкѣ, въ такомъ случаѣ пьеса печатается въ огромномъ количествѣ экземпляровъ съ особымъ аншлагомъ: пьеса запрещенная цензурой, объ этомъ ея качества камло усердно выкрикиваютъ на бульварѣ и изданіе быстро распродается. Мнѣ передавали, что нѣкоторые авторы, не надѣясь на возможность постановки пьесы, нарочно добиваются ея запрещенія, чтобы извлечь выгоду изъ изданія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что театральная цензура доживаетъ послѣдніе дни, являясь предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ всей прессы, общество, повидимому, также рѣшительно требуетъ ея полного уничтоженія. По этому поводу вносится запросъ въ парламентъ и, нѣтъ сомнѣнія, остатокъ „дореформенной“ эпохи, скоро будетъ уничтоженъ.

Я увлекся и отошелъ въ сторону. Буду продолжать начатое описаніе вечера 11 января.

Въ вечеръ маскарада площадь Большой оперы, всегда оживленная, отличалась особымъ движеніемъ. Масса любопытныхъ толпилась на самой площади, вокругъ театра и на углахъ сосѣднихъ улицъ. Балконъ оперы ярко освѣщенъ краснымъ бенгальскимъ огнемъ. Въ нишахъ стоятъ музыканты, издавая

громкіе звуки въ длинныя трубы, подобно такимъ, какъ въ оперѣ „Аида“.

Съѣздъ начался въ 11 часовъ. Ежеминутно подкатывали къ подъѣзду кареты, изъ которыхъ выходили изящныя маски и домино. Въ 12 часовъ трудно было пробраться въ зданіе. Весь вестибюль, лѣстница, корридоры сплошь были усеяны публикой — море головъ! Дамы только въ костюмахъ или въ домино. Всюду смѣхъ, крики, громкій говоръ! Какая разница между маскарадами въ Большой Парижской оперѣ и въ Мариинскомъ театрѣ! Въ то время, когда въ Grande Opera за шумомъ и смѣхомъ толпы часто трудно разслышать слова своего сосѣда—въ Петербургѣ чопорная, падутая, зѣбающая толпа, въ большинствѣ случаевъ состоящая изъ однихъ только мужчинъ, мѣрно движется, будто слѣдуетъ за похоронною процессією...

— Посмотрите, какъ мнѣ скучно! Зачѣмъ я попалъ сюда! какъ будто написано на лбу у каждого „веселящагося“ петербуржца. А засмѣется кто-нибудь тотчасъ же замолкнетъ, звукъ его голоса дико, какъ въ склепѣ прозвучитъ по залѣ, окружающіе съ удивленіемъ посмотрятъ на оригинала, которому вдругъ стало весело.

Не мѣсто у насъ солнцу, веселью и смѣху!..

Странное впечатлѣніе производятъ они у насъ, являясь какими-то чуждыми пришельцами среди чиновной публики. Усердіе, молчаніе, почтительный видъ, низкій поклонъ „особѣ“—петербургская атмосфера, съ нею наша публика вполне освоилась и, повидимому, ею довольна...

Огромная зала Grande Opera блестяще освѣщена. Три оркестра гремятъ безостановочно. Всѣ ложи полны, въ нихъ много знакомыхъ петербуржцамъ лицъ — Гуэзеро, Кавальери и т. д. Особенно оживленно около ложъ. Здѣсь занятіе довольно своеобразное: дамы держатъ въ рукахъ удочки, на которыя насажены цвѣты, въ партерѣ кавалеры стараются схватить „причанку съ удочки“. Только что думаешь что удалось—смотришь, а цвѣточекъ выскользнулъ изъ рукъ. Около ложъ подпрыгивающая толпа кавалеровъ... Радостный крикъ раздается, когда кому-либо удастся схватить „приманку“. Посрединѣ залы происходятъ танцы. Мужчины не только не снимаютъ шляпъ въ залѣ но и танцуютъ съ цилиндромъ на головѣ.

Въ разныхъ углахъ залы наемныя танцовщицы изъ Moulin-rouge пляшутъ самый отчаянный канканъ. Не рѣдкость увидѣть такія сцены: идетъ кавалеръ, а на плечахъ у него, ногами обнявъ шею, сидитъ дама. Вообще нравы на маскарадѣ самыя вольныя: обнять любую даму, похлопать по трико несколько не возбраняется. Въ четвертомъ часу утра начался разъѣздъ. Всѣ лучшіе рестораны въ эту ночь не закрывались вовсе. Маскарадъ въ Grande Opera—первый вѣстникъ приближенія карнавала.

На другой день по Парижу были расклеены огромныя

афиши съ возвѣщеніемъ, что нѣ воскресенье 26 января въ 8 часовъ вечера придетъ въ Ниццу его величество Карнавалъ XXX^а.

Официальная программа празднествъ гласила слѣдующее.

Dimanche 26 Janvier, à 8 h. du soir Arrivée de S. M. Carnaval XXX et de son Cortège dans sa bonne Ville de Nice.

Jendredi 30 Janvier, à 2 heures Première Bataille de Fleurs sur la Promenade des Anglais.

Le Soir, à 10 heures Au Cercle de la Méditerranée Grand Bal Fleuri au Profit des Pauvres de la Ville.

Dimanche 2 Février, à 2 heures Défilé de tous les Chars e Mascarades.

Le Soir, à 8 heures et demie Corso aux Flambeaux.

Jendredi 6 Février. à 2 heures Deuxième Bataille de Fleurs Promenade des Anglais.

Le Soir, à 11 heures Premier Veglione au Théâtre de l'Opéra Distribution de Bannières.

Dimanche 9 Février, à 2 heures Premier Corso Carnavalesque (Bataille de Confetti). Mascarades, Analcades, Cavalcades et Chars. Sur la Place Masséna, immédiatement après le Corso Grand Bal populaire.

Le soir, à 11 heures Grande Redoute (Saumon) au Casino Municipal. Distribution de Bannières.

Lundi 10 Février, à 2 heures Troisième Bataille de Fleurs Promenade des Anglais. Distribution de Bannières.

Mardi 11 Février, à 2 heures 2-me Corso Carnavalesque (Bataille de Confetti).

Le soir, à 8 heures Grand Feu d'Artifice. Carnaval brûlé en effigie. Grande Retraite Militaire aux Flambeau.

A 11 heures Deuxième Veglione au Théâtre de l'Opéra. Distribution de Bannières.

Samedi 22 Février, à 10 h. du soir Grand Bal Empire.

Fêtes de la Mi-Carême et du Printemps.

Jendredi 6 Mars, à 2 heures 4-me Bataille de Fleurs.

Le soir, à 10 heures Redoute Blanche au Casino Municipal.

Lundi 31 Mars et Mardi 1-er Avril Grande Fête Enfantine dans les Jardins Publics.

13 Avril et 4 Mai Fête du Printemps à l'Hippodrome du Var.

Les 16, 19, 22, 24, 26 et 29 Janvier Courses Internationales.

Le 16 Février Courses Vélocipédiques.

Du 27 Février au 8 Mars Grandes Régates Internationales. Fêtes Automobiles.

Dimanche 6 Avril Corso d'Automobiles Fleuri.

Mardi 8 Avril Courses d'Automobiles.

Mercredi 9 et Jendredi 10 Avril Exposition des Automobiles au Garage de l'A. C. N.

Vendredi 11 Avril Course du Mille et du Kilomètre Lancé.

Samedi 12 Avril Course de Cote Concours d'Élégance
de la Turbie. de Monte-Carlo.

VII.

Липамъ, впервые отправляющимся за границу или не желающимъ напрасно тратить деньги, передъ тѣмъ, чтобы купить желѣзнодорожный билетъ, я совѣтую зайти въ двѣ-три специально желѣзнодорожныя конторы и разузнать о возможно болѣе дешевой покупкѣ билета.

Вслѣдствіе праздника карнавала въ Ниццѣ особое объявленіе гласило объ удешевленныхъ обратныхъ билетахъ, дѣйствительныхъ на 20 дней, за 182 фр. 60 сант. въ I классѣ съ правомъ продолжить срокъ дѣйствія, платя за каждые 10 дней 10%. Предполагая пробить въ Ниццѣ 3—4 недѣли, мнѣ пришлось бы такимъ образомъ заплатить около 200 франковъ. Другая контора предложила мнѣ болѣе выгодную комбинацію—взять билетъ за 170 франковъ въ I классѣ, дѣйствительный въ теченіе 60 дней слѣдующаго пути: Парижъ, Ліонъ, Марсель, Ницца, Генуя, Туринъ, Ліонъ, Парижъ. Этотъ билетъ стоитъ дешевле и даетъ возможность совершить небольшую экскурсію по Італіи.

Въ третьей конторѣ желѣзной дороги Paris—Lyon—Méditerranée, или, какъ ее здѣсь сокращенно называютъ, P. L. M., мнѣ указали иной, еще болѣе дешевый путь, Парижъ, Марсель, Ницца, и обратно—Ницца, Марсель, Нимъ, Клермонъ—Ферранъ, Парижъ въ I классѣ за 158 франковъ 10 сант., дѣйствительный на 45 дней. Изъ сопоставленія цѣнъ видно, что за одно и то же путешествіе въ Ниццу и обратно можно заплатить 200 фр. и 158 фр.! Все дѣло заключается въ изученіи условій путешествія. Общество P. L. M. недавно выстроило превосходный вокзалъ съ поразительно роскошнымъ помещеніемъ для буфета, а вагоны попрежнему оставила очень и очень неважными, главное неудобство которыхъ состоитъ въ томъ, что они принаровлены къ дневному путешествію и на ночь спинки дивановъ не поднимаются, такимъ образомъ нежелающіе дѣлать колоссальной приплаты въ 50 франковъ за одну ночь въ спальномъ вагонѣ, вынуждены спать сидя.

Движеніе по желѣзнымъ дорогамъ въ настоящее время огромное. Днемъ отходятъ нѣсколько поѣздовъ въ Ниццу, а вечеромъ вмѣсто двухъ отправилось четыре *trains rapides*, черезъ $\frac{1}{2}$ часа одинъ за другимъ, состоящія только изъ вагоновъ I класса, причемъ всѣ вагоны во всѣхъ поѣздахъ были переполнены.

На утро картина сразу измѣнилась—всюду виднѣются пальмы латаніи, большинство пассажировъ отъ Марселя одѣта полѣтнему.

Шестой разъ я дѣлаю переѣздъ отъ Марселя до Ниццы и постоянно этотъ путь производитъ на меня сильное впечатлѣніе красотою природы. Поѣздъ почти все время идетъ берегомъ Средиземнаго моря. Быстро смѣняются города и деревушки, утопающія въ зелени... Всюду пальмы, кактусы, ла

танін, мандариновыя рощи съ деревьями, усѣянными плодами. Ландшафтъ ежеминутно мѣняется, одна картина волшебной фееріи превращается въ другую и чѣмъ дальше, тѣмъ красивѣе, больше и больше зелени и цвѣтовъ. Промелькнули райскіе уголки St. Raphael, Antibes, Cannes, Juan-les-Pins, наконецъ, показалась утопающая въ зелени, яркимъ солнцемъ залитая красавица Ницца, жемчужина Ривьеры.

Городъ дѣятельно готовится къ празднествамъ. Улицы застроены щитами, транспарантами, всюду столбы для флаговъ, магазины заполнены масками, костюмами. Переходя такъ сказать, отъ поэзіи къ прозѣ, я долженъ сказать, что жизнь въ Ниццѣ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе дорожаетъ. Въ промежутокъ десяти лѣтъ я третій разъ пріѣзжаю въ Ниццу и возрастаніе цѣнъ для меня очень замѣтно.

Чтобы дать о нихъ понятіе, скажу только, что въ одномъ отелѣ, гдѣ я предполагалъ остановиться и куда пріѣхалъ прямо съ вокзала, расположенномъ не даже на берегу моря, съ меня спросили за помѣщеніе въ третьемъ этажѣ, состоявшее изъ небольшой гостиной и двухъ маленькихъ спаленъ, 60 франковъ въ сутки безъ пансіона, т. е. только за комнаты!

Ницца очень оживлена. Улицы полны народомъ, всѣ въ лѣтнемъ, по утрамъ на набережной большинство дамъ въ свѣтлыхъ туалетахъ.

Южное солнце, несмотря на половину января, яркими, теплыми лучами оживляетъ пеструю толпу.

На улицахъ всюду продаютъ розы, фіалки... Счастливый, благодатный край, не знающій мороза, тумановъ, дневной тьмы, слякоти и другихъ атрибутовъ, въ изобиліи судьбой одарившей насъ, жителей Петербурга...

Черезъ нѣсколько дней—карнавалъ такъ, сказать, кульминаціонный пунктъ сезона. Представители прессы здѣсь пользуются съ особымъ вниманіемъ. На другой же день по пріѣздѣ получилъ отъ любезнаго мэра города Ниццы билеты на всѣ предстоящія празднества—въѣздъ карнавала, балы, маскарады, битвы цвѣтовъ, конфетти и т. д.

Объ этихъ празднествахъ, вообще жизни въ Ниццѣ, ея окрестностяхъ, на Ривьерѣ, объ игрѣ въ рулетку въ Монте-Карло, а также объ островахъ св. Маргариты, гдѣ въ тюрьмѣ былъ заключенъ знаменитый узникъ „Желѣзная маска“, я подробно расскажу въ слѣдующемъ письмѣ.

VII.

Липахъ, впервые отправляющимся за границу или не желающимъ напрасно тратить деньги, передъ тѣмъ, чтобы купить желѣзнодорожный билетъ, я совѣтую зайти въ двѣ-три специально желѣзнодорожныя конторы и разузнать о возможно болѣе дешевой покупкѣ билета.

Вслѣдствіе праздника карнавала въ Ниццѣ особое объявленіе гласило о удешевленныхъ обратныхъ билетахъ, действительныхъ на 2 мѣсяца, за 182 фр. 60 сант. въ I классѣ съ правомъ продолжитъ срокъ дѣйствія, платя за каждые 10 дней 10%. Предполагая провести въ Ниццѣ 3—4 недѣли, мнѣ пришлось бы такимъ образомъ заплатить около 200 франковъ. Другая контора предложила болѣе выгодную комбинацію—взять билетъ за 170 франковъ въ I классѣ, действительный въ теченіе 60 дней слѣдующаго мѣсяца: Парижъ, Ліонъ, Марсель, Ницца, Генуя, Туринъ, Ліонъ, Парижъ. Этотъ билетъ стоитъ дешевле и даетъ возможность совершить небольшую экскурсію по Италіи.

Въ третьей конторѣ желѣзной дороги Paris—Lyon—Mediterranée, или, какъ ее здѣсь сокращенно называютъ, М., мнѣ указали иной, еще болѣе дешевый путь, Парижъ, Марсель, Ницца, и обратно—Ницца, Марсель, Нимъ, Клермонъ—Ферранъ, Парижъ въ I классѣ за 158 франковъ 10 сант., действительный на 45 дней. Изъ сопоставленія вышло видно, что за одно и то же путешествіе въ Ниццу и обратно можно заплатить 200 фр. и 158 фр.! Все дѣло заключается въ изученіи условій путешествія. Общество P. L. M. недавно выстроило превосходный вокзалъ съ поразительно роскошнымъ помещеніемъ для буфета, а вагоны попрежнему оставила очень и очень неважными, главное неудобство которыхъ состоитъ въ томъ, что они принаровлены къ дневному путешествію и на ночь спинки дивановъ не поднимаются, такимъ образомъ нежелающіе дѣлать колоссальной приплаты въ 50 франковъ за одну ночь въ спальномъ вагонѣ, вынуждены спать сидя.

Движеніе по желѣзнымъ дорогамъ въ настоящее время огромное. Днемъ отходя нѣсколько поѣздовъ въ Ниццу, а вечеромъ вмѣсто двухъ отправилось четыре trains rapides, черезъ 1 1/2 часа одинъ за другимъ, состоящія только изъ вагоновъ I класса, причемъ всѣ вагоны во всѣхъ поѣздахъ были переполнены.

На утро картина сразу измѣнилась—всюду виднѣются пальмы латаніи, большое количество пассажировъ отъ Марселя одѣта по лѣтнему.

Шестой разъ я дѣлаю переѣздъ отъ Марселя до Ниццы и постоянно этотъ путь производитъ на меня сильное впечатлѣніе красотами природы. Поѣздъ почти все время идетъ берегомъ Средиземнаго моря. Быстро смѣняются города и деревушки, утопающія въ зелени... Всюду пальмы, кактусы, ла

танін, мандариновъ и роши съ деревьями, усѣянными плодами. Ландшафтъ ежеминутно мѣняется, одна картина волшебной фееріи превращается въ другую и чѣмъ дальше, тѣмъ красивѣе, болѣе и больше зелени и цвѣтовъ. Промелькнули райскіе уголки St. Raphael, Antibes, Cannes, Juan-les-Pins, наконецъ, гдѣ казалась утопающая въ зелени, яркимъ солнцемъ залитая красавица Ницца, жемчужина Ривьеры.

Городъ дѣятельно готовится къ празднествамъ. Улицы застроены щитами, транспарантами, всюду столбы для флаговъ, магазины заполнены масками, костюмами. Переходя такъ сказать, отъ поэзіи къ прозѣ, я долженъ сказать, что жизнь въ Ниццѣ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе дорожаетъ. Въ промежутокъ десяти лѣтъ я третій разъ пріѣзжаю въ Ниццу и возрастаніе цѣнъ для меня очень замѣтно.

Чтобы дать о нихъ понятіе, скажу только, что въ одномъ отелѣ, гдѣ я предполагалъ остановиться и куда пріѣхалъ прямо съ вокзала, расположенномъ не даже на берегу моря, съ меня спросили за помѣщеніе въ третьемъ этажѣ, состоявшее изъ небольшой гостиной и двухъ маленькихъ спаленъ, 60 франковъ въ сутки безъ пансіона, т. е. только за комнаты!

Ницца очень оживлена. Улицы полны народомъ, всѣ въ лѣтнемъ, по утрамъ на набережной большинство дамъ въ свѣтлыхъ туалетахъ.

Южное солнце, несмотря на половину января, яркими, теплыми лучами оживляетъ пеструю толпу.

На улицахъ всюду продаютъ розы, фіалки... Счастливы, благодатный край, не знающій мороза, тумановъ, дневной тьмы, слякоти и другихъ атрибутовъ, въ изобиліи судьбой одарившей югу, жителей Петербурга...

Черезъ нѣсколько дней—карнавалъ такъ, сказать, кульминаціонный пунктъ сезона. Представители прессы здѣсь пользуются съ особымъ вниманіемъ. На другой же день по пріѣздѣ получилъ отъ любезнаго мэра города Ниццы билеты на всѣ предстоящія празднества—въѣздъ карнавала, балы, маскарады, битвы цвѣтовъ, кюббетти и т. д.

Объ этихъ празднествахъ вообще жизни въ Ниццѣ, ея окрестностяхъ, на Ривьерѣ, объ игрѣ въ рулетку въ Монте-Карло, а также объ островахъ св. М. Мариты, гдѣ въ тюрьмѣ былъ заключенъ знаменитый узникъ „Желѣзная маска“, я подробно расскажу въ слѣдующемъ письмѣ.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Развлеченіе.

VIII.

Театры.

Въ этомъ письмѣ я снова вернусь въ Парижъ дабы сдѣлать бѣглый обзоръ его развлеченій.

Въ Парижѣ большихъ театровъ много. Въ теченіе мѣсяца, бывая ежедневно, по одному разу въ каждомъ, можно посѣтить всѣ, но, въ настоящій мой пріѣздъ я былъ очень разочарованъ ихъ репертуаромъ. Новыхъ пьесъ и здѣсь, по видимому нѣтъ; почти всѣ театры пробавляются старьемъ: въ оперѣ—„Фаустъ“, „Лозингринъ“, „Ромео и Джульета“ и „Вильгельмъ Телль“, въ комической оперѣ: „Карменъ“, „Лакме“, „Гензель и Гретель“, „Черное домино“, „Мирелль“, „Манонъ“, въ Одеонѣ: „Свадьба Фигаро“, и т. д., все это хорошо, очень хорошо, но старо, гораздо старше меня самого...

Въ драматическихъ театрахъ тотъ же репертуаръ, такъ сказать, набившій оскомину; въ французской комедіи—„Скупой“ „Андромаха“, „Севильскій Цирюльникъ“, „Шейлокъ“, „Romanesques“, „Patrie“ и т. д.

Изъ новыхъ пьесъ „L'Enigme“ и „Le Nuage“, только что поставленная, съ трескомъ провалившаяся белиберда, о которой говорить не стоитъ. О первой пьесѣ много было сообщено въ русскихъ газетахъ и прибавить къ этому нечего, не могу не сказать, что драма разыграна дѣйствительно превосходно и смотрится съ захватывающимъ интересомъ.

Въ „Водениль“—„Режанъ въ отъѣздѣ“,—возобновлена и дѣлаетъ сборы заграничная пьеса „Vébé“; въ театрѣ Сарры Бернаръ—болѣе 300 разъ подъ рядъ переполняя ежедневно публикой идетъ „Орленокъ“ Ростана, въ Porte-Saint-Martin даютъ „Le Maître de forges“ (Горнозаводчикъ) Жоржа Оне и т. д. Самыми интересными пьесами пока (до новаго года) являются въ Gymnase—превосходно разыгранная драма „la Bascule“—этотъ театръ положительно не уступаетъ Comedie Française и въ Ренессансѣ „la vie publique“, пьеса, развертывающая передъ зрителемъ всю современную жизнь. Несмотря на ея содержаніе пьеса эта у насъ не могла бы заинтересовать публику, такъ какъ все ея дѣйствіе принаровлено исключительно къ воспроизведенію мѣстной жизни во всѣхъ ея даже мелкихъ подробностяхъ. У Антуана съ большимъ успѣхомъ идетъ „au Téléphone“. Объ этой пьесѣ и ея новомъ направленіи, вѣроятно только что появились рецензіи въ русскихъ газетахъ, и потому я говорить о ней не буду, въ остальныхъ театрахъ даютъ или старыя пьесы или не представляющія никакого интереса.

Оперетка, дитя парижскихъ бульваровъ—совершенно пала, новаго или интереснаго въ этой области также нѣтъ совсѣмъ: въ Gaité даютъ—„дочь М-ме Анго“, въ Шатлэ—„Путешествіе Сюжетты“, въ Буффъ—„Мадамъ Аршидюкъ“, даже маленькіе бульварные опереточные театры пробавляются такими новинками какъ „Корневильскіе колокола...“ Я думаю, что достаточно приведеннаго, чтобы видѣть, что игривое дитя Оффенбаха повидимому умерло вмѣстѣ съ своимъ создателемъ, по крайней мѣрѣ преемниковъ его нѣтъ въ настоящее время.

Слѣдующій родъ развлечения комедія-буффъ находитъ пріютъ въ театрахъ: Folie-Dramatique, Dejazet, Cluny, Palais-Royal. Въ первомъ даютъ „Le billet de logement“ довольно забавный водевилъ, всю соль котораго составляютъ скабрёзныя словечки въ достаточной мѣрѣ и всюду разсыпанныя, во второмъ „La tortue“, старая заграничная пьеса, дававшаяся въ прошломъ году, въ совершенно искаженномъ видѣ въ Петербургѣ на сценѣ Михайловскаго театра, состоящая главнымъ образомъ изъ раздѣваній и пересодѣваній, въ третьемъ „Le Fils surnaturel“ довольно забавный водевилъ но и только, и, наконецъ, въ четвертомъ „L'affaire Matieu“. Я шелъ въ „Palais Royal“, вспоминая свои прежнія посѣщенія его, надѣясь не только смѣяться до слезъ весь вечеръ, но улыбаться и послѣ вспоминая нѣкоторыя сцены... „L'affaire“ до нѣкоторой степени забавна и больше ничего. То, что я увидѣлъ въ „Palais Royal“ѣ“ далеко отъ прежняго, далеко отъ того неудержимаго порыва смѣха, который царствовалъ въ театрѣ... слова актеровъ иногда заглушались раскатами смѣха всего театра. Въ теченіе цѣлаго акта приходилось утирать слезы на глазахъ... теперь не то, въ „Palais Royal“ѣ“ нѣтъ ни прежняго юмора, ни прежняго веселья...

Въ Парижѣ имѣется не одинъ десятокъ маленькихъ театровъ, многіе изъ которыхъ, какъ напр., „des Capucines“ представляютъ изъ себя чрезвычайно изящную бомбоньерку, наполненную элегантною публикой (всѣ во фракахъ, дамы въ свѣтлыхъ туалетахъ). Въ этихъ театрахъ даютъ обыкновенно очень интересныя одноактные пьесы. Въ нихъ у насъ постоянно чувствуется недостатокъ и я обращаю вниманіе г.г. переводчиковъ на эти театры, въ нихъ можно найти значительное число очень интересныхъ пьесъ. Другой жанръ маленькихъ театровъ, какъ бы представителемъ котораго я возьму theatre Sans-gêne, гдѣ такъ сказать „гвоздь“ вечера составляетъ пантомима. Въ названномъ театрѣ какая—„Le coucher d'Yvette“. Содержаніе ея состоитъ въ томъ, что въ спальню входитъ пріѣхавшая съ вечера хорошенькая женщина, раздѣвается и ложится спать. Больше ничего. Все дѣло въ изяществѣ исполнительницы и ея туалетахъ. Сцена ведется съ чисто парижской граціей, поучиться которой нашимъ дамамъ ¹⁾

¹⁾ Pardon mes dames, за постоянную откровенность.

не мѣшало бы. Туалеты, отъ бальнаго и. . до ночнаго капота и рубашки, верхъ изящества и вкуса. Парижанки не только умѣютъ одѣваться, но и... раздѣваться такъ, что залюбуешься...

Замѣтку о театрѣ я долженъ закончить посѣщеніемъ народныхъ театровъ, которыхъ въ изобиліи въ Парижѣ, въ каждомъ кварталѣ по нѣсколько. Я остановлюсь на, такъ сказать, типичныхъ представителяхъ, помѣщающихся въ противоположныхъ концахъ города: въ Бельвилѣ—théâtre Belleville. Афиши этого театра, краснаго цвѣта, большими черными буквами позвѣщаютъ представленіе драмы „Анархистъ“. Пьеса, по своему содержанію, обычная бульварная мелодрама, переполненная всевозможными и невозможными ужасами. Публика смотритъ представленіе съ захватывающимъ интересомъ, вся превращаясь въ слухъ и зрѣніе и въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ возгласами принимаетъ горячее участіе въ происходящемъ на сценѣ.

Другой театръ Gaité Montparnasse въ кварталѣ монпарнассѣ. Здѣсь даютъ дивертиссементъ и затѣмъ пьесу. Последняя въ противоположность репертуару народныхъ русскихъ театровъ представляетъ изъ себя цѣлый рядъ самыхъ скабрёзныхъ сценъ, идущихъ подъ общій хохотъ публики, большинство которой въ блузахъ. Въ томъ же родѣ и дивертиссементъ. „Рискованные“ куплеты перемѣшиваются съ социалистическими воззваніями самаго крайняго элемента.

Этимъ я закончу обзоръ театровъ и перейду къ другимъ зрѣлищамъ.

IX.

Кафе-Концерты.

Кафе-Концертовъ въ Парижѣ очень много, болѣе двадцати изъ нихъ печатаютъ анонсы въ газетахъ, другіе рекламируются при посредствѣ такъ называемыхъ homme sandwich человѣка у котораго къ сивнѣ придѣлано большое объявленіе о театрѣ, въ рукахъ палка съ большимъ щитомъ съ такимъ же объявленіемъ или еще инымъ способомъ, какъ я видѣлъ въ латинскомъ кварталѣ: по тротуару идутъ человѣка 4—6 одинаково и довольно экстра-ординарно одѣтыхъ и кричащихъ въ одинъ голосъ—идите сегодня туда-то, тамъ будетъ такое то представленіе, есть такіе, которые совѣтъ не рекламируются, всего я полагаю, наберется не менѣе сотни. Я не стану повторять извѣстнаго: — устройства ихъ поражающаго въ однихъ своей роскошью, а въ другихъ полнымъ ея отсутствіемъ, скажу только что во всѣхъ кафе-концертахъ надо брать мѣста или въ первыхъ рядахъ кресель или въ тѣхъ же,—на балконѣ, иначе ничего не видно, такъ какъ, даже во время представленія, не только дамы сидятъ въ шляхахъ но и мужчины не снимаютъ цилиндры (единственный общепринятый головной уборъ въ Лондонѣ и Па-

рижѣ). Шляпу носить на головѣ въ антрактахъ оперы, гуляютъ въ фойѣ театровъ, въ пальто и шляпѣ сидятъ въ приемной министровъ.

Совершенно справедливо считается для цилиндра самое удобное мѣсто быть на головѣ его обладателя, что является какъ разъ обратнымъ Петербургу, гдѣ необходимо обнажать голову, какъ бы подчасъ это неудобно ни было, напримѣръ, на почтѣ, въ хвостѣ передъ столомъ чиновника, держа въ рукахъ деньги, пакетъ, часто зонтикъ, вы должны держать въ рукахъ цилиндръ, который при давки, постоянно у насъ существующей, благодаря слишкомъ малому для Петербурга числу почтовыхъ отдѣленій¹⁾, и раннему ихъ ежедневному закрытію, или въ маленькихъ ресторанахъ, гдѣ мнѣ разъ не хотѣли дать рюмку водки до тѣхъ поръ, пока я не снялъ шляпы, несмотря на то, что въ одной рукѣ у меня находились покушкі и палка, слѣдовательно свободной оставалась только другая. Мнѣ пришлось сложить всѣ вещи на окно, всѣ столики были заняты, и только тогда, снявъ шляпу получилъ рюмку водки и бутербродъ. Насколько я помню, въ Петербургѣ только у одного Доминика, посѣтители пользуются правомъ быть въ шляпахъ. Однако я отошелъ въ сторону, перехожу непосредственно къ взятой мной темѣ: въ „Folies-Bergère“ элѣгантнѣйшемъ парижскомъ кафе-концертѣ представленіе состоитъ изъ нѣсколькихъ №№ дивертиссемена, среди которыхъ имѣютъ особый успѣхъ красавица испанка Гуэрреро, бывавшая въ Петербургѣ и Léonidas, съ его собаками и кошками. Это превосходный дрессировщикъ животныхъ, которыя у него продѣлываютъ невѣроятныя вещи. Я еще не видывалъ столь хорошо выдрессированныхъ животныхъ.

Затѣмъ выходитъ на сцену... Анна Жюдикъ... Старушку, которая, говорятъ, проглотила въ Петербургѣ въ свое время достаточное количество выкупныхъ свидѣтельствъ, помнящую золотныя времена Егарева, Дорота, Буффа и т. д.—сдва уже слышно... Пора бы ей перестать желать плѣнять публику, со временемъ борьба невозможна... Изъ уваженія къ прошлому, ей хлопаютъ...

Сюи вечера составляетъ небольшой въ 3-хъ картинахъ балетъ „Lorenza“ съ Клео де-Меродъ. Балетъ, состоящій почти исключительно изъ танцовщицъ (что существуетъ во всѣхъ театрахъ—мужчины играютъ только комическія роли—обманутаго старика-мужа, полицейскаго или разбойниковъ), поражающихъ богатствомъ, роскошью и разнообразіемъ очень откровенныхъ костюмовъ, имѣетъ большой успѣхъ.

Въ антрактахъ, въ залѣ, подъ музыку, гуляетъ многочисленная публика, среди которой масса элѣгантныхъ *petites parisiennes*, улыбающихся при встрѣчѣ и готовыхъ развлечь скучающаго или одинокаго...

¹⁾ См. объ этомъ мою статью въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ въ ноябрѣ 1900 года.

Въ Casino de Paus спектакль состоитъ изъ обычнаго, ничѣмъ не выдающагося дивертиссента, балета-пантомимы „La samango“, хорошо поставленнаго, съ роскошными костюмами танцовщицъ, недурной заглавной исполнительницей Angèle Hégaud, и борьбы между разными чемпионами. Въ общемъ интереснѣе спектакля антракты съ такой же публикой, какъ въ „Фолі“.

Въ отдѣльномъ помѣщеніи находится маленькая сцена, специально посвященная *danse de ventre'y*. Поддѣльные мавританки пляшутъ довольно недурно, но все таки ясно видна фальсификація... Какъ ни плавныя движенія, а все-таки далеко не то, что я видѣлъ въ Алжирѣ на знаменитой Казибѣ¹⁾... здѣсь нѣтъ настоящей, восточной нѣги...

Въ „Olympia“ превосходный балетъ „Праздникъ въ Севильѣ“, имѣющій большой успѣхъ, также какъ давнишняя петербургская знакомая Отеро. Балетъ поставленъ роскошно, костюмы и декорации очень хороши.

Къ числу кафэ-концертовъ я отнесу театры, гдѣ привился родъ развлечения, наиболѣе въ настоящее время имѣющій успѣхъ въ Парижѣ—обозрѣніе всевозможныхъ событій текущаго года. Спектакль обыкновенно состоитъ изъ дивертиссента, въ большинствѣ случаевъ, очень зауряднаго, а послѣ него обозрѣнія, въ которомъ передъ зрителемъ, въ каррикатурномъ видѣ, проходятъ всѣ злобы дня текущаго года—политическія, литературныя, театральныя и т. д. Обозрѣнія выдерживаютъ десятки представлений при переполненныхъ сборахъ, ставятся, въ особенности въ отношеніи костюмовъ, съ большой роскошью; ни одно дѣйствующее лицо дважды въ одномъ и томъ же костюмѣ не появляется на сцену. Въ „обозрѣніи“ почти всѣ роли исполняются женщинами, появляющимися одѣтыми очень фантастически и въ то же время откровенно—дальше настоящаго положенія дѣла, въ этомъ вопросѣ, мнѣ кажется, идти некуда. Очень часто весь костюмъ стоитъ, повидимому, очень недорого, такъ какъ состоитъ изъ одного только трико, даже безъ фыговаго листка... Весь вечеръ передъ вами, какъ въ калейдоскопѣ, ежеминутно мѣняясь, ласкаютъ глаза женскія группы, создаваемые причудливой фантазіей режиссера. Невозможно передать содержаніе обозрѣнія—это рядъ картинъ, пересыпанныхъ куплетами, островами, скабрзными словечками, — французъ буквально все умѣетъ обратить въ насмѣшку, преподносимую въ самой блестящей обстановкѣ.

Подобныя пьесы можно ставить только во Франціи, гдѣ женщины умѣютъ быть элегантными, — искусство, вѣроятно, съ молокомъ матери или, въ большинствѣ случаевъ, кормилицы, всасывающееся въ ихъ кровь. Онѣ умѣютъ и одѣться и... раздѣться. Все это выходитъ у нихъ мило и

¹⁾ См. мою статью „Путешествіе по Сѣверной Африкѣ“—журналъ „Сѣверъ“, 1895 г.

изящно. *Passez moi le mot, mesdames*, у насъ всегда какъ-то „отдаетъ“ бабой... Нужно быть изящной съ начала до конца, во всѣхъ движеніяхъ, манерахъ, если хотите — изломанной, тогда самые рискованные костюмы и позы не шокируютъ. На это способны однѣ французенки и больше никто.

Въ театрѣ „*Parisiana*“ даютъ *revue* въ 6 картинахъ — „*Tout en l'air!*“ Калейдоскопъ политическихъ злобъ дня, воспроизводимыхъ цѣлымъ полкомъ фантастически раздѣтыхъ женщинъ, среди которыхъ выдѣляется своимъ сложеніемъ и красотой въ *scènes plastiques* Gaby Garter, весь костюмъ которой составляютъ... трико и башмаки...

Въ театрѣ „*La Cigale*“ въ дивертиссементѣ особымъ успѣхомъ пользуется пѣсенка *Max'a Morel*. — Почему я сталъ республиканцемъ? — потому что, благодаря революціи, снесена Бастилія и на мѣстѣ ея устроена площадь, на которой я могъ дважды прибить мою тещу (*belle-mère* и здѣсь, какъ всюду, является справедливой мишенью для остротъ, нѣтъ, кажется, уголка на земномъ шарѣ, гдѣ бы эти почтенныя особы не отравляли человѣческую жизнь). Затѣмъ, благодаря республикѣ, царитъ свобода, — въ ресторанѣ я имѣю полное право выбора бѣлаго или краснаго вина, въ кафѣ могу говорить, что мнѣ вздумается, хотя, благодаря предоставленію этого права всѣмъ и каждому, никто никого не слушаетъ, наконецъ, во времена имперіи, я неоднократно попадалъ въ полицію за крикъ на улицѣ „да здравствуетъ республика“, а теперь, при республикѣ, можно кричать все, что кому угодно — да здравствуетъ республика, король, императоръ, нельзя только закричать одного: „да здравствуетъ градоначальникъ“ ¹⁾. Я это разъ попробовалъ и за то былъ немедленно избитъ толпой.

Послѣ дивертиссементъ идетъ въ 8 картинахъ обзорѣніе „*A nous la veine*“, въ которомъ удивительно хороша J. Bloch въ роли безобразной мадагаскарской королевы, пріѣхавшей въ Парижъ на всемірную выставку. О самой пьесѣ можно только повторить сказанное о предыдущей — остроумно, скабрено, рядъ разнообразныхъ картинъ, главнымъ образомъ представляющихъ каррикатуры на политическую злобу дня, цензуру и полицію. Бѣдный г. Лепинъ (префектъ парижской полиціи), въ сотнѣ кафѣ-концертахъ по нѣскольку разъ въ вечеръ ему жестоко достается! Женскіе костюмы въ обзорѣніи роскошны, всѣ въ такъ называемомъ новомъ стилѣ (главнымъ образомъ они состоятъ изъ трико, башмаковъ и шляпы).

Обзорѣніе заканчивается сценой въ военномъ дортуарѣ, куда являются подруги солдатъ. Происходитъ рядъ самыхъ скабранныхъ сценъ, танцы, причемъ мужчины изображаютъ лошадей, а дамы — всадниковъ и многое другое...

Обзорѣнія даются въ десяти театрахъ: *Scala*, *Eldorado*, не буду ихъ перечислять, скажу только, что наиболѣе эффектно — въ *Variété*, гдѣ передъ вами весь вечеръ дефилируетъ

¹⁾ *Vive le prefect de police!*

букетъ хорошенькихъ женщинъ, но наиболѣе изъ всѣхъ остроумнымъ мнѣ показалось обозрѣніе въ маленькомъ театрѣ у С.-Лазарскаго вокзала — *Perinière*, гдѣ даютъ гечие подь названіемъ „*A la poile de Kock*“. Въ числѣ уморительныхъ сценъ нельзя не упомянуть, — слѣдствіе новаго закона о духовныхъ конгрегаціяхъ, — отбытіе членами ихъ воинской повинности — обученіе на сценѣ фронту и ружейнымъ приемамъ монаховъ, эволюціи и парадъ кокотокъ всѣхъ національностей подь звуки гимна споръ, сосьетеровъ французской комедіи обь отьмѣнѣ наполеоновскаго московскаго декрета. Въ разгаръ спора на сцену выходитъ Наполеонъ I. Онъ говоритъ, что на этотъ разъ онъ пришелъ въ Парижъ, чтобы посмотрѣть, какъ изображаютъ въ „Орленкѣ“ его сына; онъ одного только не понимаетъ, гдѣ же его сынъ? Повидимому, Ростанъ думаетъ, что Наполеонъ I былъ отцомъ Сарры Бернаръ... Сцена кончается оживленнымъ канканомъ сосьетеровъ.

Въ танцѣ Наполеонъ принимаетъ, къ дикому восторгу публики, самое горячее участіе. Излишнее прибавлять, что префектъ полиціи, городовые и мишстерство постоянно являются темой для самыхъ ядовитыхъ остротъ, сопровождаемыхъ громомъ апплодисментовъ публики, именно публики, а не кляки, какъ то принято въ парижскихъ театрахъ, гдѣ кляка всюду царствуетъ и своими апплодисментами, часто совсѣмъ не кстати, мѣшаетъ слушать пьесу или оперу.

На этомъ бѣгломъ обзорѣ я кончу набросокъ о кафэ-концертахъ, такъ какъ упоминаніе о десяткѣ остальныхъ было бы повтореніемъ уже сказаннаго мной, и перейду къ другому рода зрѣлищамъ.

X.

С A B A R E T S.

I.

Латинскій кварталъ.

Латинскій кварталъ, обиталище французскихъ студентовъ, студентокъ и вымирающаго типа — гризетокъ — спокойный, серьезный, съ обычнымъ для Парижа движеніемъ на бульварахъ, съ наступленіемъ вечера и ночи измѣняетъ свой видъ. По улицамъ встрѣчаются толпы молодежи, всѣ кафэ, не говоря о наиболѣе любимыхъ на *Boul' Mich'* ¹⁾ — *Panthéon*, *François d'Harcourt*, *La Source*, *Soufflet*, *Jachette*, *Lorraine*, переполняются публикой, столики берутся чуть не съ бою. крикъ, смѣхъ, шутки царятъ въ воздухѣ...

Поздно ночью столики сдвигаются въ сторону, начинаются самые непринужденные танцы. Мѣста въ кафэ не хватаетъ — танцующіе переходятъ на улицу, въ бѣшенномъ *grand rond*ѣ несутся вокругъ мирно стоящихъ стражей порядка...

¹⁾ Boulevard Saint-Michel.

Въ этомъ кварталѣ есть свой спеціальный органъ „L' étudiant“, посвященный студенческимъ дѣламъ и кокеткамъ квартала. Въ газетѣ обсуждается съ полной откровенностью все, происходящее въ Quartier, любимое мѣсто жигелей котораго — названнаго кафэ. Cabarets — не много! Noctambules, — большая зала, уставленная столиками, съ самыми откровенными картинами по стѣнамъ. Главными артистами-исполнителями являются поэты и музыканты Латинскаго квартала, одѣтые въ рабочія блузы съ огромными артистическими галстуками „Barbiche 1830“. Пѣсни ихъ, какъ говорятъ французы, „très decolté“. Припѣвъ обыкновенно подхватывается всѣми присутствующими. То же происходитъ на rue Cujas въ Grillon. Артисты не стѣсняются темами не только анекдотовъ, ими рассказываемыхъ съ маленькой эстрады около рояля, но и пѣсенокъ. Здѣсь мало касаются политики и министерства, въ большинствѣ случаевъ высмѣиваются различныя происшествія самого квартала.

Я не помню названія еще одного характернаго кафэ, въ которомъ исполнителями являются сами присутствующіе, въ большинствѣ случаевъ, повидимому, другъ друга знающіе.

Довольно большая зала, по обыкновенію заставленная столиками, биткомъ набита самой разнообразной публикой — сидящей въ непринужденныхъ позахъ. Обнять свою даму, посадить къ себѣ на колѣни или поцѣловать ее при всѣхъ — вещь вполне обычная, никого не удивляющая. Время отъ времени кто-нибудь выкрикнетъ фамилію одного или одной изъ присутствующихъ, это имя подхватывается другими и, если остальными поддерживается аплодисментами, вызываемый встаетъ на стулъ или на столъ и начинаетъ пѣть, декламировать или рассказывать анекдоты. Здѣсь, въ этихъ сборищахъ, приобретается извѣстность публики часто будущими знаменитостями. Артисты-литераторы съ именами, съ положеніемъ, приходятъ сюда, чтобы лишній разъ напомнить о себѣ. Я помню, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я былъ въ этомъ же кафэ. Присутствующіе начали кричать: Верленъ, Верленъ — и на столъ загроздилъ пожилой человекъ, давно не бритый, въ грязномъ платьѣ, съ какой-то косынкой на шеѣ и началъ декламировать свои стихи. Это былъ Поль Верленъ, имя котораго хорошо извѣстно нашей читающей публикѣ. Декламаторъ былъ, повидимому, тронутъ пріемомъ, ему оказаннымъ и прочелъ цѣлую серію стихотвореній.

Теперь тоже, иные выкрикиваемые имена встрѣчаются громомъ аплодисментовъ — это будущіе любимцы толпы, — другіе сопровождаются смѣхомъ, шиканьемъ. Это неудачники, по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту. Я не буду говорить объ остальныхъ увеселеніяхъ этого рода квартала, одно учрежденіе похоже на другое по своей программѣ и публикѣ, я упомяну только о слѣдующемъ. Однажды, довольно поздно вечеромъ мнѣ пришлось идти по бульвару Michel и на Avenue de l'observatoire, я увидѣлъ Bullier ¹⁾, блестяще освѣщенное

¹⁾ Я и въ своихъ бѣглыхъ наброскахъ очень о многомъ не говорю,

въ необычный для него день. (Балы въ Bullier производятъ по воскресеньямъ, средамъ и субботамъ) и хотѣлъ подойти къ кассѣ узнать въ чемъ дѣло. Въ это время ко мнѣ приблизился полицейскій и сказалъ, что я не имѣю права входа, такъ какъ въ Bullier сегодня допускаются только костюмированные студенты, высшихъ школъ Парижа. Во время разговора къ намъ подошелъ распорядитель, который узнавъ, что я русскій журналистъ¹⁾, пригласилъ меня войти. Я очутился въ огромной толпѣ. Описаніе костюмовъ, (костюмированными были рѣшительно всѣ, чего у насъ также въ нашихъ скучнѣйшихъ маскарадахъ не бываесть, гдѣ бродятъ сонные мухи во фракахъ) я не буду дѣлать, это была смѣсь всевозможныхъ нарядовъ, кончая до самыхъ откровенныхъ. Въ залѣ стоялъ гулъ тысячи голосовъ, за которыми едва былъ слышенъ оркестръ. Танцы отличались оживленіемъ, положительно вся зала принимала въ нихъ участіе. Видно, что люди пришли затѣмъ, чтобы веселиться а не ходить надувшись съ тупымъ выраженіемъ лица всякому встрѣчному, знакомому надоѣдая сообщеніями о своей прирожденной чисто петербургской скукѣ.

Былъ поздній часъ. Публика покидала Bullier направляясь ужинать. Всѣ рестораны и кафе квартала въ эту ночь не закрывались совсѣмъ. Разряженная толпа, безъ всякихъ накидокъ, въ маскарадныхъ костюмахъ, направлялась въ рестораны. Улица напоминала собою карнавалъ въ Ниццѣ. Въ кафе невозможно достать столикъ. Шумъ, смѣхъ заглушали слова, заглушали стукъ ножей и вилокъ...

Какая разница съ Петербургомъ! Тамъ въ залѣ застоликъ сидятъ живыя муміи. Разговоръ идетъ полупшепотомъ. Смѣха не услышишь—это неприлично, „общественную тишину и спокойствіе“ нарушаютъ румыны визжащей, дѣйствующей на нервы, музыкой... Кончатъ играть, перестанутъ шевелиться ихъ лица съ усами, какъ у таракана, глазами масляно смотрящими на столы съ бутылками и опять „общественная тишина и спокойствіе“ погружается какъ бы въ какой-то летаргическій сонъ, окутывающій присутствующихъ точно осенній туманъ холодную столицу... Скучно, скучно у насъ, также скучно, какъ здѣсь весело, также снотворно и молчаливо, какъ здѣсь оживленно и громко...

Лишь утромъ, когда Парижъ вставалъ, на улицахъ появлялись разношники, армія метельщиковъ выходила чистить и мыть тротуары, разряженная толпа покидала рестораны. Начинался день съ его нуждами, его интересами...

такъ какъ въ особенности латинскій кварталъ достаточно извѣстенъ нашей публикѣ. Балы въ Bullier неоднократно были описаны во всѣхъ подробностяхъ „непринужденнаго“ въ нихъ время препровожденія молодежи.

С. С.

¹⁾ За границей званіе журналиста—лучшій ключъ, которымъ можно отпереть любую дверь. Журналисты, въ противоположность нашимъ порядкамъ, вездѣ имѣютъ доступъ и лучшіе мѣста.

С. С.

II.

Монмартръ.

Монмартръ—священный холмъ, возвышающійся надъ Парижемъ. На вершинѣ его церковь, а ниже ея—центръ интеллектуального и артистическаго сосредоточія Парижа. Нѣкогда знаменитый Рудольфъ Салисъ основалъ здѣсь свой *cabaret Chat Noir*, съ тѣхъ поръ Монмартръ представляетъ центръ развлеченій и удовольствій. Нѣкогда здѣсь были мельницы—теперешнія мельницы (*moulin rouge, moulin de la galette*) ничего общаго съ прежними неимѣютъ. Монмартръ—центръ чисто парижскихъ развлеченій, здѣсь вы встрѣтите золотую молодежь, отсюда выходятъ литературныя и артистическія знаменитости, здѣсь мѣсто жительства художественнаго міра и обиталище богемы и арміи кокотокъ...

О многихъ театрахъ я уже говорилъ, нѣкоторые изъ нихъ находятся на Монмартрѣ, теперь я буду говорить о *cabarets*. Я не стану ихъ даже перечислять, возьму только характерныхъ представителей.

„Cote d'azur“. Вы входите въ большую залу. Страшно накурено. Масса публики. На сценѣ разные артисты поютъ куплеты. Публика подхватываетъ припѣвъ, кто чѣмъ можетъ, иные поютъ, другіе въ тактъ стучать палками.

— L'amour-oh,—là, là, пѣла публика, когда я вошелъ въ залу.

— Oh-là-là, кричалъ *garçon*, подавая мнѣ кофе.

— Il faut chanter, mon bon homme, обратился онъ ко мнѣ, хлопнувъ меня рукой по плечу.

Нравы на Монмартрѣ—мѣстные.

Самыя скабрёзныя шансонетки чередуются съ поэтическими полными меланхоліи:

„Adieu, madame la lune“ несется со сцены грустный романсъ...

Особый успѣхъ имѣютъ патріотическія пѣсенки, когда на сцену выходитъ артистъ, одѣтый солдатомъ. Онъ поетъ о могуществѣ Франціи, объ ея будущей славѣ...

— „Если погромъ (1870 г.) нуженъ былъ намъ для свободы, для великихъ идей первой революціи, для освященія и крестинъ сильной республики, то я привѣтствую его. Онъ зря свободы, первый камень зданія, надпись на фронтонѣ котораго—свобода, равенство, братство“.

Публика приходитъ въ неистовый восторгъ!..

Восторгъ этотъ доходитъ до послѣднихъ предѣловъ, когда на экранѣ появляются изображенія Наполеона I или президента Карно... Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, вскакиваютъ съ мѣстъ, въ залѣ поднимается невообразимый шумъ, крики „vive la France“ заглушаютъ марсельскую оркестра..

Неподалеку находятся три учрежденія „Le cabaret du ciel“, „Le cabaret de l'enfer“ и „Le cabaret du néant“.

Первое изъ нихъ на улицѣ освѣщено голубоватымъ огнемъ

фасадъ представляетъ небо, звѣздами устѣянное. Двери подобны входу въ церковь. Швейцаръ одѣтъ ангеломъ.

Въ большой залѣ, со столомъ по срединѣ, убранство соответствуетъ названію. Служатъ „серафимы“, въ бѣлыхъ парикахъ, съ вѣнками изъ розъ, съ крыльями на спинѣ... Послѣ небольшого представленія, даваемого „жителями неба“, вы поднимаетесь во второй этажъ. Въ лазоревомъ гротѣ помѣщается сцена. Здѣсь рай Магомета. Занавѣсъ поднимается и опускается нѣсколько разъ—предъ вами является рой хорошихъ женщинъ въ одномъ трико, во всевозможныхъ позахъ...

Сосѣдній кабачекъ освѣщенъ краснымъ огнемъ. У входа стоятъ скелеты. швейцаръ въ костумѣ мефистофеля.

— Entrez, chers damm's, говоритъ онъ входящимъ.

— Avancez, belles impures, asseyez-vous, charmantes pécheresses, vous serez flambées d'un côté comme de l'autre такъ привѣтствуютъ черти входящихъ въ длинную залу, уставленную столами, освѣщаемыми краснымъ пламенемъ. Изъ гротовъ выдѣлаютъ змѣи, ящерицы (конечно искусственныя) при фантастическомъ освѣщеніи — эффектъ достигается довольно значительный.

Далѣе вы идете черезъ „l'autre de Satan“ во второй этажъ—полутемный гротъ, съ ярко краснымъ огнемъ освѣщенной сценой. Здѣсь—происходитъ рядъ живыхъ картинъ—„раздѣваніе женщины“, „семь смертныхъ грѣховъ“, и т. д. изображаемыхъ также женщинами въ одномъ трико.

Третій cabaret, напротивъ первыхъ двухъ, задрапированъ снаружи чернымъ съ бѣлыми полосами. При входѣ два швейцара, одѣтые факельщиками.

Похоронный маршъ слышится изнутри...

Вы входите въ большую комнату. Скелеты по угламъ, люстры изъ череповъ и костей. Столы сдѣланы въ видѣ гробовъ. Всюду изображенія смерти...

— Voici les microbes de la mort, buvez les avec résignation“, говоритъ факельщикъ, подавая пиво, налитое въ стаканъ, сдѣланный изъ черепа.

Рядомъ съ вами въ сосѣднемъ креслѣ посаженъ скелетъ. Картина довольно оригинальная!..

— Allez mourir! кричитъ одинъ. одѣтый налачемъ...

Всѣ поднимаются во второй этажъ, гдѣ, въ совершенно темной комнатѣ, на сценѣ—гробъ, бокомъ поставленный, какъ будто вы смотрите внизъ, въ могилу. Желающему предлагаютъ немедленно умереть.

Кандидата не находится...

Тогда идетъ „мѣстный“, становится въ гробъ (для зрителей онъ имѣетъ видъ лежащаго покойника). Укрываютъ саваномъ и при посредствѣ ряда электрическихъ эффектовъ достигается отвратительнѣйшая картина—полнаго разложенія трупа до превращенія его въ скелетъ. Затѣмъ происходитъ „воскресеніе“. Трупъ оживаетъ и превращается въ человѣка.

При выходѣ предлагаютъ взглянуть въ маленькое отверстіе въ стѣнѣ. Здѣсь вы увидите эффектъ, достигаемый при помощи ряда извѣстныхъ способомъ установленныхъ зеркалъ и приспособлений — самого себя, съ закрытыми глазами, лежащимъ въ гробу, одѣтаго въ бѣлый саванъ, усыпанный цвѣтами.

Недалеко отъ названныхъ учреждений находится „Le Quat-z-arts“, кабачекъ, содержимый монмартрскими поэтами и музыкантами. Онъ состоитъ изъ двухъ комнатъ. Во второй, довольно большой, въ углу стоитъ пьянино и маленькая эстрада. Здѣсь читаютъ стихи, поютъ пѣсенки скабрезнаго и по большей части, политическаго содержанія. Нѣтъ такого факта въ текущей жизни не только Франціи, но и чуть ли не всего свѣта, мѣсто которому не было бы удѣлено на этой эстрадѣ.

Многія пѣсни поражаютъ своимъ остроуміемъ, игривостью мотива. Изъ цѣлаго ряда мною прослушанныхъ, я думаю, что *только* двѣ можно будетъ привести, что я и дѣлаю. Объ остальныхъ придется помолчать.

La guerre du Transwaal raconté par ma Concierge.

AIR: Ah! mes enfants

J' sais pas si v's ét's comm' moi, ma bonn' madam' Tapoire,
Mais j' comprends pas grand chose à toutes leurs histoires,

Ah! mes enfants!

Qu'i's racont'nt à présent tons les jours dans l'jornal,
Et qu'i's appell'nt comm' ça la guerr' du... du Stranval!

Ah! mes enfants!

Mon homm' qu'est très calé sur les mathématiques
M'a dit que ce Stranval c'est du côté d' l'Afrique,

Ah! mes enfants!

C'est vous dir' censement, qu' c'est pas tout près d'ici,
C'est même encor plus loin qu' Levallois ou Passy...

Ah! mes enfants!

Y a là-bas des sauvag's qui sav'nt mêm' pas seul'ment
S'i's s'appellent Boërs, Bours, Beurs, ou autrement,

Ah! mes enfants!

Et dans ce pays-là, l' mond' sont rich's à millions...
L'or y pouss' comm' qui dirait des champignons!

Ah! mes enfants!

Alors comm' vous savez. l' princ' de Gall's qu'a des dettes
Chez tous les troquets de Montmartre et d' la Vilette,

Ah! mes enfants!

S'a dit tout par un jour: „Maman n'veut plus marcher!
A' n' me fous plus un rond, elle a les pieds nick'lés!...

Ah! mes enfants!

C' serait p't-être un' bonne affaire. et plus j'y réfléchis,
Plus je comprends que... qui paye mes dett's m'enrichis!“

Ah! mes enfants!

Là-dessus, i' va trouver un monsieur très malin,
Un typ' qui la connaît, du nom de Chamberlain....

Ah! mes enfants!

Après... j' sais plus très bien... J' sais seulement qu' l'Angleterre
Par pure humanité a déclaré la guerre...

Ah! mes enfants!

Qu' les Anglais voulaient avoir le Boër et t' manger...
Et pis qu'en les a vus s'embarquer... pour changer!

Ah! mes enfants!

Seul'ment, paraît qu' ça n' va pas comm' sur des roulettes.
Et qu' i's r'çoiv'nt un'... bourrée qu' est pas dans un' musette!

Ah! mes enfants!

Eux qui gueulaient si fort en partant pour là-bas
L' Pèr' la Victoire, et l' Rul'e-ta-boss'-Britannia!

Ah! mes enfants!

Moi, j' pourrais pas vous dire au juste ou ça en est,
Ces gens-là, voyez-vous, connaiss'nt mêm' pas l' français!

Ah! mes enfants!

I's vous ont d' c'es tas d' mots qu' il faut que vous cherchiez...
Moi, quand j' demande à m'n homme, i' m' répond qu' je l' fais... [rire]

Ah! mes enfants!

On parl' d'un' Ladysmitt d'un' valeur sans égale.
C'est pour sûr, une ancienn' maitress' du princ' de Galles...

Ah! mes enfants!

Y a l' Vas-y-voir Office, qui blagu' tout à son aise:
On m'a dit qu' c'est un' fabriqu' de carott's anglaises!

Ah! mes enfants!

I's pratiqu'nt l'espionag' là-bas, comme en Europ'
Mêm' que, y a quelque temps, on pris l'espion Kop!

Ah! mes enfants!

Cett' guerre, à mon avis, c'est c' que j'ai dit toujours
On la fait pour de l'or, c'est une affair' de Bours'!

Ah! mes enfants!

Bref, j' sais pas trop comment qu' ça finira, ma chère,
Mais pour moi, les Anglais sont dans de sâl's affaires!

Ah! mes enfants!

Et c' monsieur Chamberlain qui m'a l'air d'un crâneur.
N'a pas core éventé le fil à couper l'Boer!...

Ah! mes enfants!

LA PLUIE EN PROVENCE.

Monologue.

Quand ils reçoiv'nt le Président,
Les gens du Nord pavois'nt leurs villes
Illuminent leurs monuments
Et c'est tout! C'est pas difficile,
Té! Des drapeaux et des lampions
Pour le chef d'Etat de la France?
Mazett'! C'est minc' comm' réception!
On fait mieux les chos's en Provence.

Nous autres, quand le Président
S'est amené dans nos parages,
On a voulu, naturell'ment,
Pour qu'il soit content d' son voyage,
Lui montrer quèqu' chos' d'i' prévu
De nouveau, d'inconnu en France
Et voilà pourquoi qu'il a vu
Tomber de la pluie en Provence!

Ah! péciaire! Il en est tombé.
A rendr' jalous' la capitale!
Tout l' cortège était inondé!
Une averse phénoménale
Mon bon! Non jamais, c'est certain.

On n' vit pareil déluge en France!
 Sa cravat' blanche en a déteint!...
 Zuze un peu! D' la pluie de Provence!

Le Président était trempé!
 „Vé! qu'il dit, si c'est pas d' la pluie
 „C'est bougrement bien imité!
 „Bou un D'ious! La bell' cérémonie!
 „Coquin d' sort! Ces gens du midi
 „N' regardent pas à la dépense!
 „Ils font bien les choses, qu'il dit:
 „Qué! On a du cœur en Provence!”

Le pauvre! quand il est parti
 Il était ému jusqu'aux larmes?
 Il a décoré tout l' pays
 Tant il y a trouvé de charmes!
 Et mêm' qu'avant de s'en r'venir,
 Il a voulu, en r'connaissance,
 Emporter, comme souvenir,
 Un litre d'eau d' pluie de Provence!

Въ такомъ же родѣ—„La boîte àc fursy“, находящаяся въ бывшемъ помѣщеніи Chat Noir'a. La boîte состоитъ изъ двухъ залъ—первая имѣетъ видъ таверны втораго акта изъ оперы „Карменъ“, вторая зрительная. Здѣсь поють пѣсенки исключительно политическаго содержанія. У дверей „La boîte“ есть входъ въ пивную „le gourbi“, гдѣ танцуютъ „danse du ventre“.

Этотъ же танецъ на Монмартрѣ процвѣтаетъ въ Moulin-rouge, въ особомъ домикѣ, сдѣланномъ въ видѣ слона, въ одной изъ ногъ котораго лѣстница, ведущая въ зрительный залъ. Я не буду говорить о Moulin-rouge и другомъ въ этомъ родѣ. Одовольноскабрезныхъ ихъ „живыхъ картинахъ“ скажу только, что канканъ въ этихъ учрежденіяхъ попрежнему процвѣтаетъ, причемъ, я помню, въ былые годы, танцорокъ такъ сдвигала толпа, что имъ мѣста не оставалось. Теперь больше простору для танцевъ, толпу раздвигаютъ, чтобы не мѣшать канкану... полицейски!!...

Не останавливаясь на цѣломъ рядѣ разныхъ cabarets, мы войдемъ въ маленькій кафэ-концертъ со страннымъ названіемъ „L'ape rouge“. Этотъ „Красный оселъ“ имѣетъ небольшую комнату, всѣ стѣны которой увѣшаны кошунственными изображеніями священнаго писанія. Надъ кассой большая вывѣска: „Ici pour conserver ses amis ne fait pas credit“.

Пѣсенки, соотвѣтствующія обстановкѣ...

Чтобы окончить бѣглый взглядъ на монмартрскіе cabarets, слѣдуетъ упомянуть о трехъ почти однородныхъ учрежденіяхъ: Bruyant, Conservatoire de Montmartre и Cabaret Réaliste (Александра Брюана) (на Большихъ бульварахъ). Это особаго рода cabaret. Я буду говорить подробнѣе, какъ наиболѣе интересно, о послѣднемъ, все то же можно отнести и къ остальнымъ. Основателемъ этого рода cabaret былъ знаменитый Aristide Bruant, нынѣшніе владѣльцы—его ученики.

У входа въ cabaret стоятъ швейцарь-уродецъ. Онъ стучитъ, дверь отворяется. Предъ вами значительныхъ размѣровъ комната, наполненная публикой. Поднимается крикъ съ обычнымъ привѣтомъ:

„Holà... là! Ah! C'te queule, c'te binette!
Holà... là! Ah! C'te queule qu'il a!“

Общій взрывъ ругательства встрѣчаетъ входящаго... таково обычное привѣтствіе.

— F... toi aux fauteuils d'orchestre, обращается къ посетителю лакей съ огромной шляпой на головѣ...

— Voilà un maquerneau! привѣтствуютъ другого входящаго.

— Voyez vous les pucelles, кричатъ дамамъ...

— J'ai l'honneur de vous présenter deux cochers de fiacre avec leur jument и т. д.

Входящій долженъ „за любезность“ отвѣтить подобной же „любезностью“.

— Tais-toi, salaud! кричатъ ему, если отвѣтъ неудаченъ...

Стѣны cabaret покрыты всевозможными изображеніями. Здѣсь маски знаменитыхъ убійцъ—Carrara, Pranzini, Eygault, Camahut, Henry, стихи въ честь убійцы президента Карно, каррикатуры на политическихъ дѣятелей, въ углу стоитъ гильотина, съ надписью надъ ней: „liberté“, въ другомъ кровать изъ камеры тюрьмы Рокеттъ ¹⁾ и т. д. въ такомъ же родѣ.

Bruant, одѣтый въ бархатный костюмъ, ходитъ по срединѣ залы и поетъ пѣсню, подъ роуль.

Alexandre Bruant превосходный артистъ и мимикъ, его можно съ большимъ удовольствіемъ слушать. На сцену ему выступаютъ другіе, то хоръ пѣвцовъ, исполняющихъ свои NN прогуливаясь между столиками. Пѣсни, по большей части политическаго содержанія. Одну изъ нихъ, описывающую Cabaret, я приведу:

Lors-qu'un badaud, ou bien futur Hoche,
Passe devant mon busant cabaret,
S'il veut entrer on fait tinter la cloche,
Pour l'annoncer au suisse guilleret.
La porte s'ouvre et tout le monde entonne
Un frais refrain pour sa réception
Et l'arrivant, fier du mot de Cambronne
Me paye un franc. Sa consommation.

Chez L'bruyant Alexandre,
Alexandre L'bruyant
Nouvel Anaximandre
Tout est fort attrayant
Chez L'bryant Alexandre,
Alexandre Bruyant
Nouvel Anaximandre
Tout est fort attrayant.

L'on est surpris lorsque je dévisage,
En m'exprimant harmonieusement,

¹⁾ Теперь эта тюрьма скрыта съ земли.

L'hôte charmant, tout à son avantage,
Le plus souvent un bel accouplement.
Il n'en est pas que je ne complimente
En lui donnant son véritable nom;
Aussi chez moi jamais ne se tourmente
Le bon client qui fait tout mon roman. Ref.

Mon cabaret ne ressemble à nul autre,
On est à l'aise, on est vraiment chez soi.
A sa façon chacun de nous se vautre,
Car en payant voici quelle est la loi:
De Pranziini l'on admire la face,
La guillotine et son adroit couteau,
Du fort Chabrol, quand on est perspicace,
L'on voit la gloire au fond d'un pot plein...d'eau! Re.

Tous nos chanteurs ont une voix puissante,
Et leurs chansons sont des morceaux choisis
Notre musique est fringante, enivrante,
Et vous transporte au paradis promis...
Aussi, voyez, je vais faire fortune,
Grâce à vous tous, intelligents pierrots,
Ne m'en gardez pas la moindre rancune
Si je vous prends pour niais ou pour sots. Ref.

Chers parisiens, à ma reconnaissance,
Je vous le jure, un jour, vous aurez droit.
Voilà pourquoi, le soir, on vous encense,
Quand vous partez, d'un refrain fort adroit.
Revenez donc nous faire une visite,
Au doux retour des grands bains de mer d'Eu,
Accompagnés d'une belle Aphrodite
Au nez spongieux, brillanté d'un caleu! Ref.

Многія пѣсни удивительно остроумны, а монологи читаются съ настоящимъ драматическимъ искусствомъ. Я очень жалѣю, что не могу хотя нѣкоторыхъ привести здѣсь.

Уходящихъ также провожаютъ криками или пѣніемъ, въ родѣ слѣдующаго:

Tout ceux qui s'en vont
Sont des cochons и т. д.

Я не буду говорить о цѣломъ рядѣ различныхъ кафѣ въ родѣ тѣхъ, гдѣ собираются почти исключительно женщины, гдѣ на представителей сильнаго пола мало обращаютъ вниманія, о brasseries съ болѣе или менѣе костюмированной прислугой — собесѣдницами и т. д. Только съ восходомъ солнца кончается Монмартръ своей вечеръ; изъ театровъ, cabarets и т. д. переселяясь въ рестораны „Le rat mort“, „Le tréteau du Tabarin“, „La Capitole“ и десятки другихъ, переполняющихъ собой всѣ улицы. Послѣ трехъ часовъ ночи въ нихъ „столпо вореніе вавилонское творится“, стонъ въ воздухѣ стоитъ. Самый комфортабельный послѣдній, въ изящной залѣ-палаткѣ вы ужинаете въ цвѣтникѣ элегантныхъ „petites parisiennes“, среди которыхъ много очень хорошенъкихъ. Здѣсь же на эстрадѣ поютъ куплеты.

Давно уже утро на дворѣ, а ужинъ лишь къ концу подходитъ... Поздно ложится спать шумный Монмартръ.

XI.

Ночь на Рождество.

Бурный, живой, шумный Парижъ даже и для его постоянного жителя принимаетъ замѣтно необычную фیزیономію, начиная съ 20 декабря.

Всюду на улицахъ выстроены деревянные шалаши-лавочки, балаганы, карусели, особня трибуны для продавцовъ, съ которыхъ послѣдніе обращаются съ цѣлыми рѣчами къ проходящей публикѣ, расхваливая качество своего товара. Издали будто трибунъ говорить съ огромной толпой—подойдешь, торговецъ рекламируетъ какую-нибудь дрянъ въ родѣ помады для рошенія волосъ...

По улицамъ, всегда шумнымъ, оживленнымъ, наполненнымъ безконечной толпой, трудно двигаться. Всюду крики камло, продавцовъ газетъ, брошюръ, разной дряни, здѣсь же дають представленія клоуны, акробаты, фокусники, гремятъ шарманки, визжать фонографы и т. д. Кафэ переполнены, мѣста нельзя достать. Оживленіе достигаетъ апогея въ день 24 декабря, когда весь Парижъ отъ мала до велика тѣснится по бульварамъ.

Надо быть поэтомъ чтобы передать все то, что въ этотъ день, который можно сравнить съ днемъ національнаго праздника 14 іюля, происходитъ на бульварахъ. Всѣ театры переполнены публикой, спектакли дають два раза въ день, у кассы по часу приходится дежурить, чтобы получить мѣсто.

Апогей оживленія—ночь на Рождество—Reveillon. Нѣтъ парижанина, который бы ни провелъ ее болѣе или менѣе шумно. Въ этотъ день уже нельзя было записаться, чтобы получить столикъ для ужина въ ресторанахъ. Меня очень интересовалъ общій *суп д'oeil* во всѣхъ центрахъ и въ ночь на Рождество я объѣхалъ всѣ большіе кафе и рестораны, я бывалъ у Максима, у Duran, Larue, Lucas, Café de la Paix, Café Americain, Paillard, Café de Paris, Marguery, Taverne Olympia—всюду залы залиты свѣтомъ, столы украшены цвѣтами, нѣтъ свободнаго уголка, туалеты... ихъ трудно описать человѣку, привыкшему къ чисто петербургскимъ „сѣренькимъ“ нарядамъ... Всюду шумно, разнообразно, не шепчутся, а громко говорятъ, громко смѣются и этотъ смѣхъ, оживленный, искренній замѣняетъ музыку... Я нигдѣ не замѣтилъ ни выпившихъ, ни нарушеннаго порядка, искреннее веселье повидимому не нуждается ни во взвинчиваніи нервовъ алкоголемъ, или визгомъ румынскаго оркестра, ни въ особомъ специально-игривомъ состояніи духа непосредственно требующемъ составленія протокола.

Ночь на Рождество отчасти можно сравнить съ нашей ночью на Свѣтлый праздникъ, разумѣется, принявъ въ соображенія: Петербургъ и Парижъ, масштабъ нашъ и здѣшній...

Чтобы закончить свое третье письмо изъ Парижа, я посвящу нѣсколько словъ другой сторонѣ здѣшней жизни, которую я наблюдать въ теченіе нѣсколькихъ ночей—жизни трущобъ.

Впечатлѣнію ихъ, я посвящу описанію одной изъ ночей, проведенныхъ мною въ трущобахъ Парижа.

XII.

Трущобы.

Одѣтый въ мягкую старую шляпу, сильно подержанное пальто, въ сапогахъ подбитыхъ большими гвоздями на подошвѣ, я вмѣстѣ съ г. В. нѣсколько ночей посвятили осмотру парижскихъ трущобъ.

Поздно вечеромъ мы сѣли на носъ парохода идущаго внизъ по Сенѣ. Красивая панорама раскрывалась предъ нашими взорами! тысячами огней блестѣлъ Парижъ. Вотъ промелькнулъ Аустерлицкій мостъ. Вдали, облитая слабымъ луннымъ свѣтомъ, въ туманѣ зимней ночи, показалась мрачная грсада, — Соборъ Парижской Богоматери. Высоко темнѣли на синемъ небѣ его башни...

Пароходъ подошелъ къ пристани. Мы сошли, направились по набережной и, наконецъ, приблизились къ длинному, темному одноэтажному зданію.

Это былъ моргъ.

Посрединѣ дома, въ видѣ купола, возвышается потолокъ. Мы поднялись на нѣсколько ступеней и черезъ широкую дверь вошли въ довольно большую комнату, слабо освѣщенную нѣсколькими тускло горящими керосиновыми лампами...

Страшная картина явилась предъ нами.

Прямо, противъ входа, за большой многостекольной рамой, на покатыхъ ложахъ, лежало распростертыхъ четырнадцать покойниковъ...

Четырнадцать страшныхъ, отвратительныхъ, ужасъ внушающихъ труповъ...

Только нѣкоторые изъ нихъ сохранили человѣческое подобіе... одинъ зіялъ глубокими ранами на головѣ, другой весь почернѣлъ гніеніемъ превращаясь въ прахъ, третій съ распухшимъ лицомъ, страшными, полными ужаса широко раскрытыми глазами смотрѣлъ куда-то въ даль...

Это несчастные, найденные трупы, выставленны на показъ, чтобы кѣмъ-нибудь быть узанными. Одинъ трупъ, совершенно черный, со слѣзающимъ съ костей мясомъ уже цѣлый мѣсяцъ здѣсь... Ничего болѣе потрясающаго и вмѣстѣ съ тѣмъ отвратительнаго, я еще не видывалъ... Никому, даже людямъ съ самыми крѣпкими нервами, я не совѣтую, заходить сюда...

Изъ Морга, мы направились по глухимъ закоулкамъ, къ Центральному рынку (Halles).

Въ одномъ изъ переулковъ этого квартала, по странной

причинѣ носящему названіе rue des Innocents, помѣщается воровской притонъ...

Розыскивая его, мы обратились къ уличному продавцу каштановъ съ просьбой указать, гдѣ именно помѣщается это caveau.

— Ah, messieurs, vous cherchez, cabaret des assassins— tenez—voilà!

Онъ указалъ вдали на одно окно, въ которомъ, сквозь темно красную занавѣску, видѣлся свѣтъ.

Мы подошли къ двери, раскрыли ее и очутились въ довольно большой комнатѣ, уставленной столами, за которыми десятки людей, въ лохмотья одѣтые, ѣли.

Сюда, повидямому, для поздняго ужина собираются самыя поддонки Парижа. Трудно описать эти испитыя, измозженныя лица, рубища, которымъ прикрыта страшная худоба тѣла...

Пища съ жадностью съѣдалась, видно, что ея потребители не были избалованы.

Въ углу комнаты винтовая лѣстница.

— Entrez messieurs, par là, обратилась къ намъ хозяйка притона.

Мы спустились.

Подземное помѣщеніе состояло изъ нѣсколькихъ маленькихъ сводчатыхъ конуръ, въ которыхъ только посрединыя комнаты можно стоятъ во весь ростъ, почти доставая головой потолокъ. Видали-ли вы когда-нибудь венеціанскія тюрьмы?—маленькія берлоги, безъ оконъ, пять шаговъ въ длину и столько же въ ширину, безъ воздуха, съ давящимъ потолкомъ и мрачными каменными стѣнами? Если видѣли, то имѣете полное представление помѣщенія, о которомъ говорю.

Всѣ стѣны крупно испещрены различными надписями: „Vive les petites femmes!“ „Mort à qui me la prendra“, „Nenest à toi pour la vie!“ „Mort aux vaches“¹⁾, „Mort aux filles infidèles“ и т. д. Стихи въ честь „жертвъ“ Дейблера²⁾, имена всевозможныхъ „знаменитыхъ“ убійцъ и воровъ, каторжниковъ и т. д.

Въ комнатахъ разставлены столы и скамейки. Мужчины и женщины пьютъ пиво, играютъ въ кости и карты, обнимаются, поютъ пѣсни. Въ одной изъ комнатъ помѣщается маленькая эстрада, гдѣ желающіе могутъ забавлять публику, кто чѣмъ можетъ...

Пьяные голоса, ужасный воздухъ, растерзанныя женщины, зѣвскія лица мужчинъ производятъ тяжелое впечатлѣніе.. Небольшой контрастъ между только что видѣнной смертью въ моргѣ и жизнью здѣсь... Да и что лучше, — трудно рѣшить....

Отсюда мы отправились бродить по старому Парижу. Rue de venise, Quincampoix, Brise-Miche и т. д.—немногіе остатки минувшаго. Узкія улицы, гдѣ тронмъ въ рядъ нельзя идти, едва освѣщенные, съ наглухо закрытыми ставнями, за кото-

¹⁾ Усѣе на поронскомъ нарѣчій —городовой.

²⁾ Парижскій палачъ.

рыми изрѣдка слышится какой-то сдавленный, чахоточный кашель... Гулко отдаются шаги по улицѣ-корридору... Никого вокругъ... Здѣсь когда-то строились баррикады... Удобнѣе ничего нельзя прилумать, забаррикадировать такую узкую улицу нетрудно. Дома стоятъ зигзагами, съ очень удобными мѣстами для засады, часто первый этажъ выступаетъ предъ остальными... Кажется, будто сидишь въ театрѣ, смотри на декорацию средневѣковаго города, а не идешь по Парижу въ двадцатомъ вѣкѣ... На другихъ, такихъ же, улицахъ помѣщаются ночлежные дома. Здѣсь изрѣдка можно встрѣтить дрожащаго отъ стужи человѣка, который проситъ 2—3 су на ночлегъ и хлѣбъ...

Въ углу одной изъ улицъ я увидѣлъ освѣщенную луной характерную картину: въ огромной кучѣ мусора рылись человекъ и огромная собака... Одинъ не мѣшалъ другому, каждый искалъ въ кучѣ мусора то, что ему было нужно...

Пройди нѣсколько темныхъ пустынныхъ улицъ, мы очутились на узкой, но свѣтлой... Здѣсь цѣлый рядъ такъ называемыхъ *blasseries des femmes* самаго низкаго разбора. Не останавливаясь на нихъ по понятнымъ причинамъ, я перейду въ другой кварталъ стараго Парижа, совершенно исчезающій... Осталось только немного маленькихъ, узкихъ улицъ, которыя вели къ описанному Викторомъ Гюго въ романѣ *Notre Dame de Paris* знаменитому *Cour de Miracle*'ю. Самого *Cour de Miracle*'а уже не существуетъ.

Отсюда мы перебросились въ другой кварталъ Парижа, къ самому *Sacre Cœur* на Монмартрѣ.

Чудная картина представляется съ высоты холма на раскинувшийся, милліонами огней сверкающій, городъ.

За церковью улицы снова становятся узкими, снова трудно себѣ представить, что находишься въ столицѣ міра, а не въ какомъ-нибудь маленькомъ итальянскомъ городкѣ.

Въ пустынныхъ, совершенно не освѣщенныхъ улицахъ, гдѣ часто дома выходятъ окнами во дворъ, а сплошной стѣной на улицу, есть нѣсколько притоновъ, куда собираются макросъ ихъ подругами и другіе монмартрскіе поддонки. На глухой улицѣ, *rue des Saulles*, въ саду стоитъ небольшой домъ. Это *sabaret „Le lapin agile“*.

Во второмъ этажѣ—общая зала. Стѣны ея увѣшаны картинами самаго кощунственнаго или неприличнаго содержанія. Посреди комнаты стоятъ столы и скамейки, въ углу пианино и маленькая эстрада. Масса народа. Накурено. Душно...

Желающіе забавляютъ присутствующихъ пѣніемъ самыхъ вульгарныхъ пѣсенъ... Это *sabaret* можетъ служить мѣстомъ наблюденія за самыми темными представителями обоого пола. Здѣсь они у себя и не стѣсняются.

Отсюда мы вновь направились на лѣвую сторону Сены. Былъ уже четвертый часъ утра. „Время“ для посѣщенія кабака „*Le Père Lunette*“, единственнаго уцѣлѣвшаго поблизости отъ извѣстнаго *Château-Rouge* на не менѣе нѣкогда извѣстной *Place Maub (la place Maubert)*.

Въ крошечной грязной улицѣ des Anglais помѣщается маленькая на видъ лавочка, покрашенная нѣ красную краску съ бѣлыми на окнахъ занавѣсками... Это артистическій кабачекъ поддонкомъ улицы... Черезъ винную лавку входъ въ cabaret, который представляетъ нѣзъ себя небольшую комнату, уставленную столами и скамейками. Всѣ стѣны разрисованы масляными красками, на нихъ цѣлый рядъ неприличныхъ картинъ, портретовъ, каррикатуръ. Здѣсь вы видите Гамбетту, Диогена, Поля Кассаньяка, Золя, Чемберлена и т. д. Кабачекъ биткомъ набитъ народомъ, который вторитъ отвратительной старухѣ, стоящей на стулѣ и съ манерами настоящей воуон, горлающей, на воровскомъ нарѣчїи, пѣсни... У Père Lunette'a имѣется „гидъ“, который дастъ „объясненія“ изображеніямъ на стѣнахъ.

Кабачекъ этотъ представляетъ типичный образчикъ разгула самой низкой богемы.

Подъ утро „публика“ раздѣляется. Болѣе состоятельные идутъ на rue du Pont Neuf въ трактиръ подъ страннымъ названіемъ „Le chien qui fume“, другая часть идетъ на маленькую улицу Pigonette въ кабачекъ подъ названіемъ „L'ange Gabriel“. Въ первомъ этажѣ этого учрежденія, который является проходнымъ, виситъ большая картина, изображающая за столомъ пиръ свиней со всѣми послѣдствіями чрезмѣрнаго злоупотребленія пищей и виномъ.

По винтовой лѣстницѣ поднимаются во второй этажъ, гдѣ большое помѣщеніе, на стѣнахъ изображенія самаго кошунственного характера. Мнѣ даже затруднительно дать понятіе о томъ, что именно изображаютъ украшенія залы....

Комната биткомъ набита мужчинами и женщинами. Я уже достаточно говорилъ о нихъ, здѣсь то же „непринужденное“ времяпрепровожденіе...

Хочется на улицу, вздохнуть, наконецъ, свѣжимъ воздухомъ. Цѣлая ночь среди существъ, потерявшихъ всякій человѣческій обликъ, кладезь тяжелое впечатлѣніе.

Мы выходимъ на улицу. Напротивъ Halles.

Жизнь уже кипитъ. Со всѣхъ сторонъ идутъ поѣзда, фургоны, тачки, возы со всевозможною провизіею, царитъ полное утреннее оживленіе, озаряемое восходящимъ солнцемъ.

Я не буду говорить о дальнѣйшихъ нашихъ знакомствахъ съ ночной богемой. Многое явилось бы повтореніемъ изложеннаго а другое, пожалуй, и неудобно было бы печатать...

Размѣры журнальныхъ замѣтокъ заставляютъ меня перейти къ другому.

На этомъ, вѣроятно, я закончу наброски изъ Парижа и приглашу читателей, для перемѣны впечатлѣній, поѣхать со мной на берега лазореваго моря, гдѣ вѣчное лѣто царитъ, солнце ярко свѣтитъ, навѣститъ мою давнишнюю знакомую, красавицу - Ниццу, какъ здѣсь говорятъ, „навстрѣчу его величеству карнавалу“.

С. Сухонинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бѣлый Терроръ.

(Разсказъ изъ временъ реставраціи).

I.

Въ началѣ мая 1798 г. по новымъ бульварамъ Парижа быстро ѣхала карета. Двое мужчинъ сидѣли въ ней. Въ одномъ изъ нихъ по его задумчивому лицу и огненному, выразительному взгляду тотчасъ можно было узнать молодого, популярнаго генерала Бонапарта, покрывшаго себя славою итальянскимъ походомъ 1796—1797 гг. Въ то время уже вся Европа смотрѣла на него съ изумленіемъ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ человѣкъ лѣтъ тридцати, толстый, маленькій и крайне некрасивый. Вся фигура его изображала нѣчто комичное. Это былъ Антуанъ Лавалеттъ, его адъютантъ.

Лавалеттъ былъ сынъ негоціанта. Будучи національнымъ гвардейцемъ во время революціи, онъ въ день крушенія монархіи отважно защищалъ Людовика XVI. Въ 1794 г. принималъ участіе въ итальянской кампаніи въ качествѣ волонтера, а затѣмъ, когда Бонапартъ былъ назначенъ главнокомандующимъ итальянской арміей въ походѣ 1796—1797 гг., совершилъ всю кампанію подъ его начальствомъ. Выдающіяся способности Лавалеттъ, умъ и блестящее образованіе обратили на него вниманіе генерала Бонапарта и онъ взялъ его къ себѣ въ адъютанты.

Бонапартъ и Лавалеттъ, сидя въ каретѣ, молчали. Оба были погружены въ глубокое раздумье. Но вдругъ Бонапартъ, словно проруженный внезапно пришедшей ему въ голову мыслью, прерываетъ молчаніе:

— Лавалеттъ! говорить онъ своему адъютанту, — я не могу васъ сдѣлать эскадроннымъ командиромъ... но я хочу женить васъ!

Лавалеттъ, ни ожидая ничего подобнаго, съ свойственной его характеру веселостью, громко расхохотался.

— Я хочу женить васъ, продолжалъ Бонапартъ, — на Эмили дефинѣ Богарне. Она красива, воспитана... Вы видѣли ее?

— Я видѣлъ ее два раза, отвѣчалъ Лавалеттъ, — но, генералъ, у меня нѣтъ состоянія, и мы на-дняхъ отправляемся въ Египетъ, меня могутъ убить. что будетъ тогда съ бѣдной вдовой? но, кромѣ этого, я болѣе не расположенъ жениться.

— Жениться надо, возразилъ Бонапартъ, — надо имѣть потомство, — это великая цѣль жизни. Быть убитымъ это весьма возможно, ну, такъ что жъ? Она будетъ вдовою одного изъ моихъ адъютантовъ, защитника отечества, будетъ получать пенсію и внослѣдствіи можетъ даже хорошо пристроиться, а теперь, какъ на дочери эмигранта, никто не захочетъ на ней жениться.

Лавалеттъ снова расхохотался.

— Надо скорѣй кончить это дѣло, замѣтилъ Бонапартъ. — Переговорите сегодня же вечеромъ съ моей женой, а мать молодой дѣвушки сейчасъ дастъ свое согласіе. Черезъ недѣлю свадьба, а тамъ я вамъ дамъ еще двѣ недѣли, по прошествіи которыхъ вы придете ко мнѣ въ Тулонъ.

— Хорошо, сказалъ Лавалеттъ — я готовъ исполнить ваше желаніе, но тутъ еще вопросъ, пожелаешь ли молодая дѣвушка идти за меня замужъ, я не хочу, чтобы ее принуждали.

— Да вѣдь это дитя, скучающее въ своемъ пансіонѣ, возразилъ Бонапартъ, — къ тому же ея жизнь у матери далеко не будетъ пріятна. Во время вашего отсутствія она будетъ жить у своего дѣда въ Фонтенбло... Но вы не будете убиты и черезъ два года вернетесь къ ней...

Карета остановилась у подъѣзда и, выходя, Бонапартъ рѣшительнымъ тономъ сказалъ: «Итакъ это дѣло рѣшеное!» *).

Лавалеттъ былъ совершенно озадаченъ. Бракъ, совершаемый по приказанію начальства, казался ему нѣсколько страннымъ, не менѣе страннымъ казалось ему эта быстрота и двухлѣтняя разлука съ молодой женой. Но, не изирая на это, онъ все-таки въ тотъ же вечеръ отправился къ г-жѣ Жозефинѣ Бонапартъ. Жозефина энергично взялась за это дѣло и на слѣдующій день Лавалеттъ очутился въ пансіонѣ г-жи Кампанъ, гдѣ воспитывалась его невѣста. Ей было тогда 17 лѣтъ. Поговоривъ съ ней, Лавалеттъ, совершенно очарованный ея красотою и умомъ, тутъ же сдѣлалъ ей предложеніе. Молодая дѣвушка сильно смутилась, но, покорная волѣ своихъ родственниковъ, дала согласіе. Ровно черезъ недѣлю была свадьба Лавалетта съ Эмилией Жозефиной Богарне, а недѣли черезъ двѣ онъ уже отправлялся въ экспедицію, снаряженную директоріей, подъ начальствомъ Бонапарта, для завоеванія Египта. Молодая жена его поселилась у своего дѣда въ Фонтенбло.

II.

Эмилія Жозефина Богарне была родною племянницею и ерваго мужа Жозефины, графа Богарне, дочерью его старшаго брата, маркиза Богарне, женатаго на Фани Мушаръ (позтессы). Этотъ бракъ былъ крайне несчастливъ, и ея дѣтство было самое грустное. Ей

*) Mémoires du comte de Lavalette.

приходилось быть постоянно свидетельницей раздоровъ своихъ родителей, къ тому же мать соеѣмъ не занималась ею и она росла совершенно брошенной. Этотъ несчастный бракъ кончился разводомъ. Когда настала революція, маркизъ Богарне эмигрировалъ въ Германію, гдѣ и скорѣе женился вторично. Во время террора ее мать, вмѣстѣ съ другими дамами аристократіи, была заключена въ тюрьму св. Пелагии. Выпущенная оттуда послѣ паденія Робеспьера, она въ свою очередь вышла замужъ.

Бѣдной дѣвочкѣ приходилось впоследствии постоянно ладить между матерью и женою своего отца. Жозефина сжалась надъ нею, взяла ее подъ свое покровительство и помѣстила въ пансіонъ г-жи Кампанъ. Когда Жозефина вышла замужъ за Бонапарта, она продолжала заботиться о ней и была очень рада выдать ее замужъ за адъютанта своего мужа. Молодая дѣвушка была красива, изящна и граціозна. Людовикъ Бонапартъ очень ухаживалъ за ней, но Наполеонъ неодобрительно относился къ этому ухаживанію. Жизнь молодой дѣвушки была вообще не радостна и ее даже не пришлося очень уговаривать выйти замужъ за некрасиваго Лавалетта, она охотно шла за него. Въ отсутствіе мужа она жила въ Фонтенбло уединенно. Но тутъ съ ней случилась бѣда. Она заболѣла оспой, измѣнившей ей красивое лицо. Первое время это приводило ее въ отчаяніе, но, когда красныя пятна стали исчезать, она совершенно покорила этой неизгодѣ.

По прошествіи двухъ лѣтъ, Лавалеттъ вернулся здоровъ и невредимъ. Изъ восьми адъютантовъ Бонапарта четыре были убиты и двое тяжело ранены. При встрѣчѣ съ женою Лавалеттъ былъ нѣсколько смущенъ, не найдя въ ней ее прежней красоты, но онъ скоро примирился съ этимъ. У ней остались ее чудные глаза, ее изящество и грація и онъ горячо любилъ ее. Цѣлью его жизни было составить ей счастье. И, не взирая на совершенную противоположность характеровъ, они были вполне счастливы. Лавалеттъ былъ постоянно веселъ, остроуменъ, разговорчивъ, а молодая жена его была молчалива, серьезна, задумчива. Тяжелые дни юности наложили на всея существованіе ее отпечатокъ какой-то затаенной грусти.

III.

Бонапартъ, получивъ въ Египтѣ извѣстіе, что въ Италіи дѣла французовъ идутъ плохо, тайно покинулъ Египетъ 9 октября 1799 г. и прямо направился въ Парижъ. Другой генералъ былъ бы привлеченъ къ отвѣтственности, но Бонапартъ былъ слишкомъ увѣренъ въ своей популярности. Вся Франція восторженно привѣтствовала его возвращеніе. Честолюбивый полководецъ понималъ, что наступило время для той роли, о которой онъ давно мечталъ. Директорія стала ненавистной всея партіи и Бонапартъ, разсчитывая на это недовольство и свою популярность, сталъ дѣйствовать энергично для захвата власти. Онъ сблизился съ директоромъ, аббатомъ Сіекомъ, и результатомъ этого сближенія былъ государственный переворотъ 18 брюмера (9 ноября) 1799 г., а на другой день надъ представителями народа было совершено военное насиліе. Дирек-

торія была отиѣшена и правительственная власть временно передана тремъ консуламъ, Бонапарту, Сейсу и Роже-Дюко.

Въ это время Лавалеттъ оставилъ военную службу и въ награду за оказанныя услуги 18 брюмера былъ назначенъ посломъ въ Германію.

Новая конституція, составленная консулами, была республиканскою только по имени. Съ принятіемъ этой конституціи народомъ. Бонапартъ былъ провозглашенъ первымъ консуломъ. Люневильскій миръ 1801 г. положилъ начало господству Франціи не только въ Италіи, но и въ Германіи, и, опьяненные успѣхами Бонапарта, французы признали его пожизненнымъ консуломъ, что еще болѣе усилило его власть. Такимъ образомъ Франція стала превращаться въ настоящую монархію. Первый консулъ переселился въ Тюллірійскій дворецъ и окружилъ себя блестящимъ дворомъ, при которомъ стали появляться и многіе возвратившіеся эмигранты.

Лавалеттъ вернулся въ Парижъ въ 1801 г. и вскорѣ получилъ назначеніе директора почтъ. Какъ человекъ умный и дѣятельный организаторъ, онъ отлично выполнялъ свои многотрудныя обязанности. Жена его состояла при консульскомъ дворѣ. Но жизнь среди свѣтской суеты не соответствовала складу характера Лавалеттъ. Она не пользовалась своимъ положеніемъ племянницы Жозефины, а держала себя большею частью вдали отъ окружающаго ее со всѣхъ сторонъ блеска. Къ тому же Жозефина относилась къ ней съ покровительственнымъ тономъ. Это положеніе бѣдной родственницы выѣстъ съ какою-то рабскою зависимою крайне оскорбляло ея самолюбіе. Въ 1802 году Лавалеттъ сдѣлалась матерью. Роды были тяжелые и совершенно разрушили ея слабое здоровье. Она уже не была въ состояніи выносить придворной жизни и всѣ условія этикета. Все это утомляло ее и перѣдко утомленіе и скука были написаны на ея лицѣ. Печальное выраженіе ея лица вызывало много ядовитыхъ насмѣшекъ при консульскомъ дворѣ.

Когда настала имперія, роль Лавалеттъ при императорскомъ дворѣ стала еще тяжелѣе. Въ качествѣ родственницы императрицы, она могла рассчитывать на лучшее положеніе, а между тѣмъ она должна была довольствоваться скромною ролью хранительницы гардероба. Но и эта роль, какъ незначительная она ни была, могла бы имѣть нѣкоторое значеніе, если бы возможно было удержать Жозефину отъ безумной расточительности. Лавалеттъ постоянно подвергалась непріятностямъ и разнымъ тревогамъ. Громадныя суммы, которыя Жозефина тратила на туалетъ, вызвали сильный гнѣвъ Наполеона. Наполеонъ бранилъ Лавалеттъ за эти безумные расходы, а Жозефина бранила ее за экономію. По своему кроткому характеру и отсутствію энергіи она не въ состояніи была бороться съ этими невзгодами, тѣмъ болѣе, что была въ полной зависимости отъ своей царственной тетки, которая терпѣть не могла, чтобы вмѣшивались въ ея туалетъ. Несмотря на всѣ свои протесты, каждый день являлись торговцы и Жозефина дѣлала новые заказы. Наконецъ, Лавалеттъ просила Наполеона замѣнить ее болѣе энергичной личностію. Наполеонъ назначилъ ей въ помощницы даму изъ аристократіи, которой хорошо

были извѣстны прежніе порядки королевскаго двора и которая могла вліять на императрицу и обуздывать ея безумныя траты на гардеробъ. Выборъ палъ на г-жу Гамеленъ, которая скоро сошлась съ Жозефиной и они вѣдѣтъ стали прибѣгать къ всевозможнымъ хитростямъ и уловкамъ, чтобы обманывать Лавалеттъ. Дѣлали долги у ростовщиковъ и продолжали покупать и заказывать. Лавалеттъ была возмущена поступками своей помощницы и между ними происходили частныя столкновенья, результатомъ которыхъ было то, что Гамеленъ совершенно отстранила ее отъ дѣла. Жозефина была одна изъ самыхъ расточительныхъ государынь. Гардеробъ ея представлялъ нѣчто невѣроятное. Бархатныхъ, шелковыхъ и шерстяныхъ платьевъ насчитывалось сотнями, не говоря уже объ остальныхъ предметахъ. На все это она бросила безумныя деньги *).

Лавалеттъ, утомленная всѣми этими неприяностями, отказалась отъ своей должности и очень рѣдко являлась ко двору. Назначенная помощницей статсъ-дамы г-жи де-ла-Рошфуко, она лишь замѣняла ее, когда та была въ отлучкѣ или больна.

Въ 1808 году Лавалеттъ получила титулъ графа Имперіи и орденъ Почетнаго Легіона, сохраняя въ то же время должность директора почты.

Послѣ развода Наполеона въ 1809 г. г-жа Лавалеттъ совершенно оставляетъ дворъ и всецѣло предается воспитанію своей дочери.

До этихъ поръ жизнь Лавалеттъ крайне безцвѣтна, роль ея совершенно пассивна, но послѣдствіи трагическія событія ея жизни совершили цѣлый переворотъ въ ея характерѣ, и эта слабая, болѣзненная, апатичная женщина превращается въ дѣятельную, энергичную—въ настоящую героиню.

IV.

Наполеонъ, убѣжденный, что французамъ нужна слава, а не свобода, господствовалъ надъ ними какъ самовластный повелитель. Народный избранникъ возстановилъ всѣ существенныя черты стараго порядка—деспотизмъ, но, зная, что революціонныя принципы постоянно бродили въ умахъ французовъ, сильно опасался народнаго движенія и всякія проявленія свободомыслія строго подавлялись. Передъ походомъ 1812 г. недовольство императоромъ стало уже сильно обнаруживаться въ народныхъ массахъ. Неудачи въ Италіи много содѣйствовали этому недовольству. Съ этого года начинается упадокъ военнаго могущества Наполеона. За пораженіемъ великой арміи въ Россіи въ 1812 г. послѣдовало въ 1813 г. возстаніе въ Германіи противъ владычества Наполеона и вторженіе союзниковъ во Францію въ 1814 г. Потеривъ пораженіе въ Россіи и Германіи, Наполеонъ потерялъ пораженіе и въ самой Франціи. Хотя народная масса еще вѣрила въ его необходимость, но высшее и среднее сословія утратили совершенно эту вѣру. Оппози-

*) Frederic Massqu. Joséphine Impératrice et Reine. Ch. I.

цонное настроеніе становилось все сильнѣе и, когда союзныя войска вступили въ Парижъ, сенатъ объявилъ Наполеона низложеннымъ. Союзники потребовали его полнаго отреченія. Наполеонъ отправился на островъ Эльбу. Населеніе городовъ, черезъ которые онъ проѣзжалъ, встрѣчало его крайне враждебно. Такимъ образомъ имперія рухнула, союзныя государства занялись водвореніемъ Бурбоновъ и 3 мая Людовикъ XVIII торжественно въѣхалъ въ Парижъ.

Съ водвореніемъ Бурбоновъ Лавалеттъ немедленно оставилъ свой постъ. Его замѣнилъ эмигрантъ, старый графъ Ферронъ, вѣрный другъ королевской семьи, ярый роялистъ-фанатикъ. Это былъ человѣкъ весьма ограниченный, неспособный и неопытный и не могъ справиться съ этой трудной дѣятельностью. Подчиненные, вспоминая любимаго ими Лавалетта, ненавидѣли Феррана. Лавалеттъ, подобно многимъ облагодѣтельствованнымъ Наполеономъ, никакъ не могъ примириться съ новымъ правительствомъ и во время первой реставраціи совершенно удалился отъ свѣта, жилъ въ политѣйшемъ уединеніи и не вѣшивался въ политику. Не сообщался даже съ тѣми, которые обольщали себя бонапартистскими надеждами, хотя въ глубинѣ души сохранялъ всегда благоговѣйный культъ къ Наполеону.

Съ возстановленіемъ во Франціи древняго королевскаго рода снова началась борьба демократическаго принципа съ аристократическими привилегіями. О новой конституціи Людовикъ XVIII и слышать не хотѣлъ и обѣщанія, данныя имъ императору Александру I, были сдѣланы безъ намѣренія исполнить ихъ. Съ первой же минуты король сталъ дѣйствовать по принципамъ, несогласнымъ съ тогдашними принципами націи. На разныя должности, какъ военныя, такъ и гражданскія, назначали эмигрантовъ. Все это возбуждало націю и создавало массу недовольныхъ. Скоро стали убѣждаться, что власть Бурбоновъ невозможна. На островъ Эльбу приходили извѣстія изъ Франціи о крайнемъ неудовольствіи противъ новаго правительства. Все, казалось, благопріятствовало смѣлому предпріятію Наполеона возвратиться во Францію и овладѣть властью съ помощью недовольныхъ. Между тѣмъ его приверженцы не бездѣйствовали, стараясь повсемѣстно возбудить въ народной массѣ воспоминанія о народномъ кумирѣ. Наполеонъ использовался настроеніемъ Франціи и раздорами, начавшимися на Вѣнскомъ конгрессѣ, и тайно покинулъ Эльбу. 1 марта 1815 г. онъ высадился на югѣ Франціи. Герцогиня Ангуйемская (дочь Людовика XVI), находясь тамъ съ мужемъ, тиетно старалась поднять Бордо. Обаяніе Наполеона было еще велико, и она была вынуждена поспѣшно отправиться въ Англію. Возвращеніе Наполеона въ Парижъ было триумфальнымъ шествіемъ.

Едва только пролетѣла вѣсть, что императоръ отплылъ изъ острова Эльбы, какъ Лавалеттъ устремился въ зданіе почты. Не удаляя Феррана, онъ началъ распоряжаться самовольно. Немедленно разослалъ по всѣмъ департаментамъ курьеровъ и циркуляры. 26 марта король Людовикъ XVIII былъ принужденъ бѣжать изъ Парижа, а вечеромъ того же дня Наполеонъ вступилъ въ Парижъ. Ферранъ на слѣдующій день явился къ Лавалетту за паспортомъ.

Лавалеттъ выдалъ ему паспортъ на Орлеанъ, а не на Лилль, гдѣ уже находился король, что ему Ферранъ никогда не могъ простить. Такимъ образомъ Лавалеттъ снова занялъ свой постъ.

Началось вторичное царствованіе Наполеона, извѣстное подъ названіемъ «ста дней». Возвратившіеся въ 1814 г. эмигранты стали выѣзжать изъ Франціи, назначенные Бурбонами офицеры исключались изъ списковъ, а уволенные Наполеоновскіе воины снова опредѣлялись на службу. Наполеонъ въ своихъ прокламаціяхъ пытался себя защитникомъ свободы. Онъ теперь самъ видѣлъ, что нужно было дать Франціи либеральную конституцію. Но положеніе Наполеона, вторично достигнувшаго власти, было неутрадно. Финансы были крайне разстроены, армія ослаблена, военныхъ запасовъ вовсе не было и прежде, слѣбное къ нему довѣріе было поколеблено, а между тѣмъ Европа, охваченная паническими страхами его возвращеніемъ, негодовала, и союзныя державы постановили послать большія арміи для вторженія во Францію и не распускать ихъ, пока Наполеонъ не будетъ свергнутъ. 12 іюня 1815 г. Наполеонъ отправился на новую войну съ европейскою коалиціей, 18 іюня послѣдовала битва при Ватерло, а 22-го представители потребовали отъ него отреченія отъ престола въ пользу сына. Союзники снова появились подъ стѣнами Парижа и стодневное царствованіе Наполеона завершилось св. Еленой.

Когда имперія была опять низвергнута, Бурбоны снова вернулись въ Тюльери. Началось преслѣдованіе бонапартистовъ. Преслѣдованіе въ духѣ самыхъ ужасныхъ дней національнаго конвента. Лавалеттъ былъ одинъ изъ первыхъ преслѣдуемыхъ бонапартистовъ. Роялисты были сильно раздражены противъ него и требовали его казни, наравнѣ съ казнью маршала Нея и де-ла-Бедоера. Не взирая на предостереженіе своихъ друзей и даже нѣкоторыхъ роялистовъ позаботиться о своей безопасности, Лавалеттъ не покидалъ Парижа. Фуше, составлявшій списокъ обвиняемыхъ тоже совѣтовалъ ему удалиться. Но Лавалеттъ не удалялся; во-первыхъ, онъ не признавалъ себя виновнымъ, а во-вторыхъ, онъ не хотѣлъ оставить свою жену почти что накаунтъ ея разрѣшенія отъ бремени. Между тѣмъ составлялись приказы, *во имя справедливости*, запятнавшіе навѣки имена Фуше и Тальерана. Имя Лавалетта находилось вмѣстѣ съ именами Нея, ла-Бедоера и другими генералами и офицерами, которые «предали короля 23 марта или которые нанали на Францію съ оружіемъ въ рукахъ, а равно и тѣхъ, которые насильственно захватили власть», и Лавалеттъ былъ арестованъ одновременно съ Неемъ, ла-Бедоеромъ, братьями Лалеканъ, Друэ, Лефевромъ, Бертраномъ Груши, Мутонномъ, Лабордомъ и многими другими, всѣ они были преданы военному суду. Но Лавалеттъ, однако, не удостоился этой чести, рѣшили судить его гражданскимъ судомъ присяжныхъ. Лавалеттъ рѣшился писать Тальерану, съ которымъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и на содѣйствіе котораго вполнѣ разчитывалъ. Онъ написалъ ему длинное письмо, въ которомъ просилъ ходатайствовать за него. Въ этомъ письмѣ проглядывала слабость характера и попытка избавиться отъ суда. Онъ не упоминалъ о своей преданности императору, которому онъ былъ такъ явного

обязанъ, что вполнѣ бы извинило его образъ дѣйствій, онъ лишь протестовалъ противъ своихъ сношеній съ островомъ Эльбой, какъ бы желая отстранить отъ себя гнѣвъ роялистовъ. Лавалеттъ былъ заключенъ въ тюрьму Консержери, куда вскорѣ заключили маршала Нея. Друзья навѣщали его. Недалеко отъ его камеры находилась камера королевы Маріи-Антуанетты, она теперь служила приемной для привилегированныхъ посѣтителей заключенныхъ. «Сколько разъ,—говоритъ Лавалеттъ въ своихъ мемуарахъ,—я ходилъ туда, когда падалъ духомъ и тоска и грусть одоливали меня. Тамъ я набирался твердости, мнѣ стыдно было жаловаться на судьбу при поспоминаніи о страшной участи несчастной королевы Франціи». Камера Лавалетта находилась подъ камерой маршала Нея. Нею по его просьбѣ было разрѣшено играть на флейтѣ, что вѣскольکو развлекало и Лавалетта, но впоследствии это развлечение было запрещено Нею. Ней былъ однимъ изъ талантливейшихъ полководцевъ Наполеона. сынъ ремесленника, онъ въ 1788 г. поступилъ въ военную службу рядовымъ, а въ 1796 г. былъ уже бригаднымъ генераломъ. При провозглашеніи имперіи получилъ маршалскій жезлъ. Рѣшивъ участь сраженія при Фидландѣ въ 1807 г., онъ заслужилъ названіе «храбраго изъ храбрыхъ». Послѣ взятія Парижа уговорилъ Наполеона отречься отъ престола. Людовикъ XVIII сдѣлалъ его членомъ военнаго совѣта и перомъ Франціи и поручилъ ему начальство надъ 6 дивизіей. Когда Наполеонъ возвратился съ острова Эльбы, Ней съ своимъ войскомъ перешелъ на его сторону и тѣмъ рѣшилъ паденіе Бурбоновъ. Послѣ сраженія при Ватерлоо, въ которомъ онъ съ необыкновенною храбростію принималъ участіе, онъ пернулся въ Парижъ и въ палатѣ перовъ совѣтовалъ призвать Бурбоновъ обратно. Но Бурбоны и роялисты не простили ему его измѣны. Онъ рѣшился спасатися бѣгствомъ въ Швейцарію, но былъ арестованъ, привезенъ въ Парижъ и преданъ суду. Военный судъ не призналъ себя компетентнымъ въ рѣшеніи его участи и процессъ его перешелъ въ палату перовъ, гдѣ значительное большинство признало его виновнымъ въ государственной измѣнѣ.

Съ замраніемъ сердца слѣдилъ Лавалеттъ за процессомъ Нея. Наконецъ, настала роковой день. Вошелъ тюремщикъ и Лавалеттъ съ тревогой спрашиваетъ его объ участи Нея. Тюремщикъ грустно взглянулъ на него и ничего не отвѣтилъ. Онъ не рѣшился сказать, что «храбрый изъ храбрыхъ» былъ казненъ. Но Лавалеттъ понялъ. «Ужели на эшафотѣ?» воскликнулъ онъ. «Нѣтъ, отвѣчалъ тюремщикъ,—его разстрѣляли». «Тамъ онъ еще счастливъ!» замѣтилъ Лавалеттъ. Мысль, что ему, пожалуй, суждено будетъ умереть на эшафотѣ, мучала его. Ужели онъ, храбрый солдатъ, погибнетъ на эшафотѣ, какъ обыкновенный преступникъ, и онъ сталъ просить, чтобы его судили военнымъ судомъ, но въ этой просьбѣ ему было отказано. Вскорѣ онъ узналъ и о казни ла-Бедоера. Все это было не утѣшительно. Къ тому же его тревожило положеніе жены, разрѣшившейся отъ бремени мертвымъ младенцемъ и находящейся въ опасности. Но несчастье возбудило въ г-жѣ Лавалеттъ необыкновенную нравственную силу, и една она оправилась отъ тяжелой болѣзни, какъ уже каждый день навѣщаетъ мужа. Но она не въ состояніи

еще ни ходить, ни ѣдить и ее въ креслѣ носильщики приносили въ Консіержери.

V.

20 ноября былъ назначенъ судъ надъ Лавалеттомъ. Онъ явился туда съ орденомъ Почетнаго Легіона. Обвинительный актъ былъ составленъ въ крайне жестокой формѣ. Обвиненіе главнымъ образомъ опиралось на самовольномъ захватѣ власти въ зданіи почтоваго ведомства. Обвинили его и въ покушеніи противъ особы короля, и въ сообществѣ въ заговорѣ съ цѣлью возвращенія узурпатора и въ низверженіи королевскаго правительства. Обвинитель доказывалъ, что захватъ общественной должности Лавалеттомъ подтверждается слѣдующими фактами: онъ будто явился въ зданіе ночью и отъ имени императора занялъ постъ директора и что онъ по всему государству разослалъ слѣдующіе циркуляры: «Императоръ будетъ въ Парижѣ черезъ два часа, столица ликуетъ! Да здравствуетъ императоръ». Лавалеттъ не отрицалъ, что такіе циркуляры были составлены имъ, но объяснилъ, что это было сдѣлано съ цѣлью устранить могущія возникнуть волненія, вслѣдствіе неизвѣстности. Обвиненіе же относительно покушенія и участія въ заговорѣ съ бонапартистами онъ совершенно отрицалъ. Большинство свидѣтелей показали въ пользу его. Клеветали на него лишь аристократы, а главнымъ образомъ Ферранъ, сильно раздраженный противъ него. Представитель обвинительной власти, въ надеждѣ на будущую блестящую карьеру, въ свою очередь не щадилъ его. Иныхъ уликъ не было никакихъ и представитель обвинительной власти, не имѣя никакихъ фактическихъ данныхъ для обвиненія, въ своей рѣчи указывалъ на *намѣреніи* и что въ государственныхъ преступленіяхъ *намѣреніе* должно считаться преступленіемъ. «Намѣреніе, говорилъ онъ, — создаетъ преступленіе». Лавалеттъ прекрасно защищалъ себя, хороша была и рѣчь его защитника Триппе. Оказанныя услуги монархіи и его защита Тюльерійскаго дворца въ 1792 г. не были приняты въ вниманіе. Онъ былъ адъютантомъ Наполеона, родственникомъ Иозефины и занималъ видный постъ во время имперіи, этого было достаточно, чтобы обвинять его въ содѣйствіи возвращенію Наполеона. Но такъ какъ этого доказать не могли, то основывали обвиненіе на личномъ своемъ убѣжденіи, что онъ виновенъ въ преступномъ *намѣреніи*. Противъ аргументовъ ожесточенныхъ роялистовъ защита становилась безсильной. Когда присяжные удалились для совѣщанія, Лавалетта увели въ Консіержери. Тамъ ожидали его друзья, не опасавшіеся навѣщать его постоянно во время его заключенія. Это были Таше де Сентъ-Розъ, Ла-Рошфуко, Фигиеръ, Карвоазенъ и другіе. Всѣ они были убѣждены, что онъ будетъ оправданъ. Лавалеттъ спокойно сѣлъ играть въ шахматы съ Таше. Въ 10 часовъ вечера друзья должны были удалиться. Оставшись одинъ, Лавалеттъ упалъ духомъ и зарыдалъ, какъ ребенокъ. Ему пришлось ждать еще цѣлыхъ два томительныхъ часа, пока совѣщались присяжные. Ихъ совѣщаніе длилось 6 часовъ, они спорили горячо и шумно. Въ полночь послали за Лавалеттомъ. Въ залѣ суда былъ полумракъ, царило мертвое молчаніе. Онъ старался узнать

обязанъ, что исполнѣ бы извинило его образъ дѣйствій, онъ изъ протестоналъ противъ своихъ сношеній съ островомъ Эльбой, какъ бы желая отстранить отъ себя гнѣвъ роялистовъ. Лавалеттъ былъ заключенъ въ тюрьму Консержери, куда вскорѣ заключали маршала Нея. Друзья навѣщали его. Недалеко отъ его камеры находилась камера королевы Маріи-Антуанетты, она теперь служила приемной для привилегированныхъ посѣтителей заключенныхъ. «Сколько разъ,—говорить Лавалеттъ въ своихъ мемуарахъ,—я ходилъ туда, когда падалъ духомъ и тоска и грусть одолевали меня. Тамъ и набирался твердости, мнѣ стыдно было жаловаться на судьбу при воспоминаніи о страшной участи несчастной королевы Франціи». Камера Лавалетта находилась подъ камерой маршала Нея. Нею по его просьбѣ было разрѣшено играть на флейтѣ, что нѣсколько развлекало и Лавалетта, но впоследствии это развлечение было запрещено Нею. Ней былъ однимъ изъ талантливейшихъ полководцевъ Наполеона, сынъ ремесленника, онъ въ 1788 г. поступилъ въ военную службу рядовымъ, а въ 1796 г. былъ уже бригаднымъ генераломъ. При провозглашеніи имперіи получилъ маршальскій жезлъ. Рѣшивъ участъ сраженія при Фидландѣ въ 1807 г., онъ заслужилъ названіе «храбраго изъ храбрыхъ». Послѣ взятія Парижа уговорилъ Наполеона отречься отъ престола. Людовикъ XVIII сдѣлать его членомъ военнаго совѣта и перомъ Франціи и поручилъ ему начальство надъ 6 дивизіей. Когда Наполеонъ возвратился съ острова Эльбы, Ней съ своимъ войскомъ перешелъ на его сторону и тѣмъ рѣшилъ паденіе Бурбоновъ. Послѣ сраженія при Ватерлоо, въ которомъ онъ съ необыкновенною храбростію принималъ участіе, онъ перенулся въ Парижъ и въ палатѣ перовъ совѣтовалъ призвать Бурбоновъ обратно. Но Бурбоны и роялисты не простили ему его измѣны. Онъ рѣшился спасатися бѣгствомъ въ Швейцарію, но былъ арестованъ, привезенъ въ Парижъ и преданъ суду. Военный судъ не призналъ себя компетентнымъ въ рѣшеніи его участи и процессъ его перешелъ въ палату перовъ, гдѣ значительное большинство признало его виновнымъ въ государственной измѣнѣ.

Съ замѣраніемъ сердца слѣдилъ Лавалеттъ за процессомъ Нея. Наконецъ, насталъ роковой день. Вошелъ тюремщикъ и Лавалеттъ съ тревогой спрашиваетъ его объ участи Нея. Тюремщикъ грустно взглянулъ на него и ничего не отвѣтилъ. Онъ не рѣшился сказать, что «храбрый изъ храбрыхъ» былъ казненъ. Но Лавалеттъ понялъ. «Ужели на эшафотѣ?» воскликнулъ онъ. «Нѣтъ, отвѣчалъ тюремщикъ,—его разстрѣляли». «Тамъ онъ еще счастливъ!» замѣтилъ Лавалеттъ. Мысль, что ему, пожалуй, суждено будетъ умереть на эшафотѣ, мучала его. Ужели онъ, храбрый солдатъ, погибнетъ на эшафотѣ, какъ обыкновенный преступникъ, и онъ сталъ просить, чтобы его судили военнымъ судомъ, но въ этой просьбѣ ему было отказано. Вскорѣ онъ узналъ и о казни ла-Бедоера. Все это было не утѣшительно. Къ тому же его тревожило положеніе жены, разрѣшившейся отъ бремени мертвымъ младенцемъ и находящейся въ опасности. Но несчастье возбудило въ г-жѣ Лавалеттъ необыкновенную нравственную силу, и едва она оправилась отъ тяжелой болѣзни, какъ уже каждый день навѣщаетъ мужа. Но она не въ состояніи

еще ни ходить, ни видѣть и ее въ креслѣ носильщики приносили въ Консіержеръ.

V.

20 ноября былъ назначенъ судъ надъ Лавалеттомъ. Онъ явился туда съ орденомъ Почетнаго Легіона. Обвинительный актъ былъ составленъ въ крайне жестокой формѣ. Обвиненіе главнымъ образомъ опиралось на самовольномъ захватѣ власти въ зданіи почтоваго ведомства. Обвиняли его и въ покушеніи противъ особы короля, и въ сообщничествѣ въ заговорѣ съ цѣлью возвращенія узурпатора и въ низверженіи королевскаго правительства. Обвинитель доказывалъ, что захватъ общественной должности Лавалеттомъ подтверждается слѣдующими фактами: онъ будто явился въ зданіе почты и отъ имени императора занялъ постъ директора и что онъ по всему государству разослалъ слѣдующіе циркуляры: «Императоръ будетъ въ Парижѣ черезъ два часа, столица ликуетъ! Да здравствуетъ императоръ». Лавалеттъ не отрицалъ, что такіе циркуляры были составлены имъ, но объяснилъ, что это было сдѣлано съ цѣлью устранить хогушія возникнуть волненія, вслѣдствіе неизвѣстности. Обвиненіе же относительно покушенія и участія въ заговорѣ съ бонапартистами онъ совершенно отрицалъ. Большинство свидѣтелей показали въ пользу его. Клеветали на него лишь аристократы, а главнымъ образомъ Феррапъ, сильно раздраженный противъ него. Представитель обвинительной власти, въ надеждѣ на будущую блестящую карьеру, въ свою очередь не щадилъ его. Иныхъ уликъ не было никакихъ и представитель обвинительной власти, не имѣя никакихъ фактическихъ данныхъ для обвиненія, въ своей рѣчи указывалъ на *намѣреніи* и что въ государственныхъ преступленіяхъ намѣреніе должно считаться преступленіемъ. «Намѣреніе, говорилъ онъ, — создаетъ преступленіе». Лавалеттъ прекрасно защищалъ себя, хороша была и рѣчь его защитника Триппе. Оказанныя услуги монархіи и его защита Тюльерійскаго дворца въ 1792 г. не были приняты во вниманіе. Онъ былъ адъютантомъ Наполеона, родственникомъ Жозефины и занималъ видный постъ во время имперіи, этого было достаточно, чтобы обвинить его въ содѣйствіи возвращенію Наполеона. Но такъ какъ этого доказать не могли, то основывали обвиненіе на личномъ своемъ убѣжденіи, что онъ виновенъ въ преступномъ *намѣреніи*. Противъ аргументовъ ожесточенныхъ роялистовъ защита ставовилась безсильной. Когда присяжные удалились для совѣщанія, Лавалетта увели въ Консіержеръ. Тамъ ожидали его друзья, не опасавшіеся навѣщать его постоянно во время его заключенія. Это были Таше де Сентъ-Розъ, ла-Рошфуко, Фигіеръ, Карноазенъ и другіе. Всѣ они были убѣждены, что онъ будетъ оправданъ. Лавалеттъ спокойно сѣлъ играть въ шахматы съ Таше. Въ 10 часовъ вечера друзья должны были удалиться. Оставшись одинъ, Лавалеттъ упалъ духомъ и зарыдалъ, какъ ребенокъ. Ему пришлось ждать еще цѣлыхъ два томительныхъ часа, пока совѣщались присяжные. Ихъ совѣщаніе длилось 6 часовъ, они спорили горячо и шумно. Въ полночь послали за Лавалеттомъ. Въ залѣ суда былъ полумракъ, царило мертвое молчаніе. Онъ старался узнать

свою участь по выраженію лица присяжныхъ, но они спѣли, словно истукаши, только одинъ изъ нихъ Жюрьенъ, бывшій эмигрантъ, платкомъ утиралъ слезы, а на него онъ менте всѣхъ рассчитывалъ. Вердиктомъ присяжныхъ большинствомъ голосовъ Лавалеттъ былъ признанъ виновнымъ и судъ приговорилъ его къ смертной казни.

«Что дѣлать, милый другъ, — сказала онъ своему защитнику, — это пушечный выстрѣлъ», затѣмъ, обращаясь къ публикѣ въ ту сторону, гдѣ сидѣли его сослуживцы и подчиненные, онъ сказалъ имъ: «Господа, прощайтесь съ вами».

Вернувшись въ тюрьму, онъ тотчасъ написалъ письмо своему бывшему товарищу по оружію герцогу Фельтерн слѣдующаго содержания: «Вотъ что вы можете сдѣлать для меня. постарайтесь по крайней мѣрѣ избавить меня отъ ужасной агоніи гильотины, пусть молодцы арміи разстрѣляютъ меня и такая смерть будетъ для меня благомъ». Въ отвѣтъ онъ получилъ такого рода строки: «Вамъ остается теперь лишь одно, это поручить вашу жену и вашу дочь безпредѣльной милости короля». Тогда Лавалеттъ обратился съ просьбой къ маршалу Мармону, своему давнишнему другу. «Все погиблю, — писалъ онъ ему, — я спокойно выслушалъ свой смертный приговоръ, но признаюсь вамъ, что я содрогаюсь при мысли, что буду окруженъ палачами и взойду на эшафотъ. Умереть намъ, старымъ солдатамъ, ничего не значить, мы отважно идемъ навстрѣчу смерти, но гильотина, вотъ что ужасно! Во имя нашей многолѣтней дружбы не допустите, чтобы одинъ изъ вашихъ товарищей по оружію кончилъ жизнь на эшафотѣ. Пусть пикетъ гренадеръ положить ей конецъ и моей послѣдней иллюзіей будетъ, что я палъ на полѣ брани. Маршалъ Мармонъ немедленно отправился къ королю и ходатайствовалъ для Лавалетта о милости быть разстрѣляннымъ. Но Людовикъ XVIII сухо отвѣчалъ ему: «Нѣтъ, ни за что, его надо гильотинировать».

Друзья Лавалетта упростили его подать приговоръ на кассацию, основывая ее на неправильную постановку вопросовъ присяжнымъ. Надежда была слабая, но все же приведеніе въ исполненіе приговора было такимъ образомъ отсрочено на нѣсколько недѣль.

Результатъ процесса былъ принятъ палатой и цѣлымъ легіономъ ярыхъ роялистовъ съ шумнымъ восторгомъ. Остальные же приняли его съ удивленіемъ и негодованіемъ. Герцогъ де-Бролли, описывая въ своихъ мемуарахъ это событіе и негодую на ожесточеніе партіи роялистовъ, называетъ ихъ «якобинцами монархін». «Местокости этой партіи, — говоритъ онъ, — какъ въ сюртукахъ, такъ и въ юбкахъ, напоминала точь въ точь самые ужасные дни національнаго конвента». Друзья Лавалетта не сложили оружіе, а принялись дѣйствовать энергично. Онъ вообще былъ очень любимъ и популяренъ, всѣ жалѣли его. Взались хлопотать за него маршалъ Мармонъ, кавалеръ Паскье и княгиня Водемонъ. Она заставила г-жу Лавалеттъ написать письмо къ герцогу Дюрасъ, первому камергеру, съ просьбой объ аудіенціи у короля, и сама доставила это письмо въ Тюльери. Отвѣтъ былъ полученъ немедленно, король согласился принять г-жу Лавалеттъ. Въ назначенный день и часъ княгиня Водемонъ съ нею отвозить ее въ Тюльерійскій дворецъ. Герцогъ

Дюрасъ встрѣтилъ г-жу Лавалеттъ и привелъ въ кабинетъ короля. Несчастная женщина бросается ему въ ноги.

«Сударыня, — холодно сказалъ ей Людовикъ XVIII, — я принялъ васъ, чтобы дать вамъ доказательства моего къ вамъ участія»...

Бѣдная г-жа Лавалеттъ съ замираніемъ сердца ждала, что скажетъ онъ ей еще. Но Людовикъ XVIII не продолжалъ и, не вымолвивъ ни единого слова болѣе, отвернулся отъ нея и вышелъ изъ кабинета.

Графиня Лавалеттъ сдѣлалось дурно и ее вынесли оттуда. На слѣдующій день она отравилась въ Консьержери, бросилась въ объятія мужа и долго не могла произнести ни единого слова. Лавалеттъ былъ пораженъ ея блѣдностью и удрученнымъ состояніемъ ея духа. Онъ съ безпокойствомъ и тревогой смотрѣлъ на нее.

Паскье часто навѣщалъ своего несчастнаго друга, оба они теперь придумывали новый способъ, могущій спасти его отъ казни. Лавалеттъ казался всегда спокойнымъ, но какъ-то разъ онъ сказалъ ему: «Будьте утѣрены, я не упаду духомъ, когда настанетъ роковой моментъ, но я буду просить, какъ единственную милость, чтобы меня, хотя бы за два часа до моей смерти, оставили въ камерѣ несчастной королевы. Невозможно, чтобы эти стѣны, свидѣтели еще болѣе ужасной скорби, нежели моя, не внушили бы мнѣ покорность судьбѣ и ту твердость духа, которая мнѣ будутъ необходимы» ¹⁾. Такъ какъ попытка г-жи Лавалеттъ добиться помилованія не привела къ желаннымъ результатамъ, то Паскье и княгиня Водемонъ рѣшили прибѣгнуть къ другому способу, т. е. дѣйствовать на короля черезъ герцогиню Англемскую, и рѣшили обратиться съ этой просьбой къ герцогу Ришелье.

Ришелье былъ извѣстенъ своей готовностью прийти на помощь каждому. Онъ обещалъ устроить это дѣло. Герцогиня Англемская имѣла большое вліяніе при дворѣ. Ришелье даже говорилъ объ этомъ навѣреніи королю. Людовикъ XVIII не далъ ему формальнаго отказа. Казалось, что онъ даже соглашался на это, такъ какъ ходатайство герцогини Англемской не компрометировало его въ глазахъ роялистовъ, столь враждебно настроенныхъ противъ Лавалетта, а она единственно могла заставить ихъ молчать. Между тѣмъ Ришелье и Паскье вездѣ распространяли слухъ, что помилованіе Лавалетта послужитъ лишь въ пользу правительству. Оставалось только обратиться къ герцогинѣ Англемской, но какими способомъ обратиться къ ней? Доступъ къ дочери Людовика XVI былъ крайне труденъ. По мѣрѣ того, какъ приближался роковой день, доступъ во дворецъ для г-жи Лавалеттъ становился невозможнымъ. Были даны самыя строгія приказанія не допускать ее, всѣ входы внутреннихъ покоевъ были охраняемы, у наружныхъ входовъ были поставлены часовые и, когда довели до свѣдѣнія короля, что графиня Лавалеттъ собирается ждать его у подъѣзда, то Людовикъ XVIII отказался отъ своихъ ежедневныхъ прогулокъ. Въ виду всего этого герцогъ Ришелье рѣшился самъ обратиться къ герцогинѣ Англемской. Несмотря на всю суровость и черст-

¹⁾ Mémoires de Pasquier.

ность своего характера, озлобленного несчастьемъ, она довольно благосклонно выслушала его просьбу и сказала ему, что согласна переговорить съ королемъ, но только подъ тѣмъ условіемъ, что, прежде чѣмъ дать ему окончательный отвѣтъ, она проситъ его дать ей нѣсколько часовъ на размышленіе, такъ какъ желаетъ посоветоваться съ людьми, къ которымъ имѣетъ довѣріе. Это размышленіе не было благоприятно. Совѣты ей были даны безпощадными дамами ея двора и графомъ Агультомъ, завѣдующимъ ея дворомъ. Отговаривая ее отъ ея намѣренія, эти дамы брали на свою совѣсть тяжелый грѣхъ, но ихъ поддерживали герцогъ Ангулемскій и графъ д'Артоа (послѣдствіи Карлъ X). У этихъ непримиримыхъ было много аргументовъ противъ помилованія Лавалетты. Простить Лавалетту—говорили они,—это обезкуражитъ роялистовъ и усилитъ партію революціонеровъ и, если быль нанесенъ ударъ главѣ военнаго заговора, маршалу Нею, то надо примѣрно наказать и заговорщиковъ гражданскихъ, которые еще опаснѣе; пощадить гражданского чиновника, это оскорбить армію, такъ какъ всѣ обвиненные военные подверглись законной карѣ. Такимъ образомъ эти непримиримые заставили герцогиню Ангулемскую совершить величайшую ошибку. И много выстрадавшая дочь Людовика XVI замкнула свое сердце милосердію и очевидно доказала всю черствость своей души и ограниченность своего ума, безвозвратно пропустивъ случай, могущій дать ей ту популярность, которую она никогда не имѣла.

Маршалъ Мармонъ продолжаетъ хлопотать. Г-жа Лавалеттъ подъ величайшей тайной сообщила ему свой планъ спасенія мужа посредствомъ бѣгства, но онъ просилъ ее повременить еще и хотѣлъ сдѣлать послѣднюю попытку у короля и герцогини Ангулемской. Онъ надѣялся вызвать милосердіе въ ихъ сердцахъ. Хотя проникнуть г-жѣ Лавалеттъ во дворецъ было почти что невозможно, Мармонъ однако надѣялся, что въ качествѣ командира лейбъ-гвардіей, дающей ему свободный доступъ во дворецъ, ему возможно будетъ устроить это дѣло. Бѣдная графиня Лавалеттъ послѣ своей тяжелой болѣзни и нравственныхъ страданій едва могла ходить, ее носили въ креслѣ, все это внушало къ ней самое искреннее участіе. Не взирая на строгій приказъ не впускать г-жу Лавалеттъ, Мармону, однако, удалось провести ее во дворецъ. Онъ вошелъ съ ней черезъ главный подъѣздъ, а какъ тамъ ее уже никакъ не могли ожидать, то приказанія туда не послѣдовало. Они вмѣстѣ стали въ залѣ гвардейцевъ. Король слушалъ мессу. Если бы онъ могъ предвидѣть, что ему придется встрѣтиться съ графиней Лавалеттъ, то, по всей вѣроятности, онъ отказался бы и отъ мессы. Одинъ изъ придворныхъ, узнавъ графиню, просилъ ее удалиться. Дежурный офицеръ, маркизъ Бартиллакъ, былъ немедленно позванъ.

— Графиня Лавалеттъ запрещенъ входъ во дворецъ, сказалъ онъ маршалу Мармону.

— Вамъ былъ данъ приказъ не впускать ее, отвѣчалъ Мармонъ, — но имѣете ли вы приказъ вывести ее отсюда?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ оставьте ее въ покоѣ. Она пришла просить

короля о помилованіи своего мужа и я увѣренъ, что король исполнитъ ея просьбу. Чѣмъ рискуете вы? Вы племянникъ герцога Илавре, вамъ нечего бояться. Самая строгая кара, которой вы подвергаетесь, заключается въ томъ, что вы нѣсколько дней будете подъ арестомъ. Подвергая себя этому, вы спасаете челоѣка отъ смерти. Это прекрасный поступокъ, не проускайте же такого случая.

— Г. маршалъ, я полагаюсь на васъ, смѣло отвѣчалъ офицеръ, — пусть графиня Лавалеттъ остается здѣсь.

Мармонъ привелъ графиню къ дверямъ королевскихъ покоевъ и выѣстъ съ нею ждалъ окончанія мессы. Месса кончилась и Людовикъ XVIII появился, сопровождаемый своей свитой. Увидавъ г-жу Лавалеттъ, онъ мгновенно остановился и хотѣлъ перннуться, но г-жа Лавалеттъ подошла къ нему, бросилась ему въ ноги и, подавая ему прошеніе, воскликнула: «Помилуйте его, государь, помилуйте!» Но король холодно отвѣчалъ ей: «Сударыня, я сочувствую вашей естественной скорби, но у меня есть обязанности и я не могу не исполнять ихъ». Сказавъ это, король удалился.

Королевская гвардія имѣла жестокоствъ привѣтствовать эти слова громкимъ возгласомъ: «Да здравствуетъ король!»

Но у графини Лавалеттъ было еще другое прошеніе къ герцогинѣ Ангулемской, которая шла за королемъ. Она протянула его герцогинѣ, но тутъ графъ Агультъ, ея камергеръ, сталъ между герцогиней и просительницей. Герцогиня, увидавъ ее, гнѣвно отступила и бросила на нее такой холодный, злобный изглядъ, что г-жа Лавалеттъ опустила руку. Такъ кончилась эта душу раздражающая сцена. Герцогъ Рагюзъ поддержалъ убитую горемъ женщину и довель ее до выхода; ее полуживую привезли домой.

Оправившись отъ волненія, она все-таки надѣялась умили-вить короля и была готова снова возобновить свою попытку. Но Мармонъ уже не заблуждался болѣе. Случай былъ прекрасный, обстановка драматична и, если бъ желали быть милосердными, то воспользовались бы такими благоприятными для этого обстоятельствами. Мармонъ, какъ вѣрный и преданный другъ, подвергаясь самъ не-пріятностямъ, не покидалъ своихъ друзей въ несчастіѣ, онъ на другой же день рѣшился еще на одну послѣднюю попытку. Это было 19 декабря, день рожденія герцогини Ангулемской и двадцатая годовщина ея освобожденія изъ Тампля. Мармонъ считалъ ее менѣе черствой, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ, и приписывалъ ея дѣйствія вліянію дурныхъ совѣтчиковъ монархін. Онъ былъ увѣренъ, что именно въ этотъ день воспоминанія пережитыхъ страданій подѣлствуютъ на душевное настроеніе герцогини и вызовутъ въ ея сердцѣ состраданіе къ страданіямъ другихъ, и рѣшилъ выѣстъ съ г-жей Лавалеттъ прямо явиться къ ней. Но Мармонъ жестоко ошибался. Именно въ этотъ день были приняты самыя строгія мѣры предосторожности. Стража была удвоена и всѣ двери, ведущія къ ея покоямъ, были заперты. И, когда они выѣстъ подѣхали къ Тюльери, ихъ остановили и попросили удалиться. Тутъ Мармонъ уже потерялъ всякую надежду, но въ душѣ г-жи Лавалеттъ она все не угасала, эта надежда доходила даже до какой-то дѣтской наивности, и, вер-

пувшись домой послѣ этой послѣдней неудачи, она сказала Мармону: «Они, вѣроятно, хотѣтъ помиловать моего мужа на эшафотѣ». «Ради Бога, испуганно воскликнулъ Мармонъ, — не рассчитывайте только на это, а дѣйствуйте теперь согласно съ нашимъ планомъ. Только бѣгствомъ возможно его спасти. Теперь насталъ моментъ привести вашъ планъ въ исполненіе, не откладывайте — время не терпитъ!»

VI.

Кассация процесса Лавалетта была отвергнута и 20 декабря рапортъ министра былъ прочитанъ въ советѣ. О помилованіи не могло быть и рѣчи, слѣдовательно надежда на спасеніе рушилась окончательно и казни должна была совершиться на слѣдующій день, роковой моментъ приближался, часы Лавалетта были сочтены.

Первые годы царствованія Людовика XVIII не дѣлали чести его правительству. Это была эпоха непримиримой борьбы съ партіями республиканской и монархической. И та и другая подвергалась безпрерывнымъ арестамъ и гоненіямъ. Страсти омырачали разумъ и ожесточали сердца. Эта печальная эпоха совершенно заслуженно была названа современниками «бѣлымъ терроромъ». Современныя описанія этой эпохи единогласно свидѣтельствуютъ о томъ яростномъ озлобленіи роялистскихъ салоновъ, столь живо напоминавшемъ своею нетерпимостью бурный сборища якобинскаго клуба. Придворныя дамы въ особенности были безпощадны. Каждая стремилась превзойти другую своимъ ожесточеніемъ. Онѣ вполне уподоблялись тѣмъ озлобленнымъ женщинамъ торговкамъ временъ анархіи, прозваннымъ «les tricotteuses». Озлобленіе дажъ высшаго круга противъ Лавалетта доходило до нѣчто невѣроятнаго. Маршала Мармона, показавшаго столько участія г-жи Лавалеттъ, находили достойнымъ смертной казни и его имя произносилось съ тѣмъ ожесточеніемъ, съ которымъ произносилось имя маршала Нея, — Мармона называли преступникомъ за то, что онъ содѣйствовалъ г-жѣ Лавалеттъ въ ея попыткѣ просить короля о помилованіи ея мужа.

Между тѣмъ какъ роялисты бѣсповались, г-жа Лавалеттъ дѣятельно принялась устраивать бѣгство своего мужа. Она повѣрила свою тайну его другу Бодису, на преданность котораго вполне рассчитывала. Она просила его найти убѣжище, гдѣ ея мужъ могъ бы находиться въ безопасности, въ случаѣ ей удачи спасти его. Бодисъ былъ очень друженъ съ бывшимъ жирондистомъ Бриссономъ, который занималъ теперь постъ директора въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Бодисъ вспомнилъ, что г-жа Бриссонъ дала обѣтъ спасти какого-нибудь политическаго изгнанника въ память спасенія ея мужа, преслѣдуемаго во время террора и нашедшаго убѣжище въ Вогезахъ. Онъ сообщилъ ей объ этомъ и она съ радостью готова была содѣйствовать г-жѣ Лавалеттъ въ ея отважномъ предпріятіи. Такимъ образомъ все было устроено, оставалось лишь получить согласіе осужденнаго на такой рискованный шагъ.

Г-жа Лавалеттъ уже нѣсколько дней заставляла приносить себя въ креслѣ въ Консіержери къ 6 часамъ вечера. Она обѣдала съ мужемъ и возвращалась въ 10 часовъ вечера. 19 декабря, день

своей послѣдней попыткѣ въ Тюльери, она приходитъ въ своей обыкновенной частъ. Но она не печальна, ее не удручаетъ ея послѣдняя неудача, она покойна и увѣрена. Она начинаетъ излагать своему мужу, потерявшему уже всякую надежду, планъ его бѣгства. Но Лавалеттъ колеблется. Это было слишкомъ рискованно, малѣйшая неосторожность, малѣйшее подозрѣніе тюремщика—и все погибло. Жена предлагала ему переодѣться въ ея платье, но онъ былъ увѣренъ, что не сумѣетъ сыграть своей роли, его узнаютъ и ему представлялась смѣшная сторона этого бѣгства, если онъ будетъ схваченъ въ женскомъ платьѣ. Но болѣе всего онъ страшится за послѣдствія своего бѣгства, ихъ трудно было предугадать. Жена его должна была остаться въ его камерѣ, а люди бѣлаго террора могутъ легко прибѣгнуть къ средствамъ краснаго террора, выхватить на ней свою злобу и подвергнуть карательнымъ мѣрамъ ту, которая взяла его мѣсто и съ такимъ самоотверженіемъ спасла его. Мысль, что тюремщики могутъ дурно обращаться съ ней, что судъ можетъ приговорить ее къ пожизненному тюремному заключенію, все это заставило Лавалеттъ отказаться отъ великодушія его жены.

«Это безуміе», сказалъ онъ ей.

«Но я умру, если ты умрешь» отвѣчала она ему, и она начала убѣждать его съ тѣмъ краснорѣчіемъ, которое исходитъ лишь отъ сердца, исполненнаго любви и самоотверженія. Прощаясь съ ней, онъ ей:

«Я все сдѣлаю, что ты хочешь и какъ ты хочешь».

На слѣдующій день 20 декабря ровно въ 6 часовъ вечера наканунѣ казни. г-жа Лавалеттъ была въ Консіержери. Ее сопровождали ея дочь Жозефина, гувернантка г-жа Дютоа и лакей Бенда, который остался съ носильщиками. Г-жа Дютоа ждала въ приемной. Такъ какъ было холодно, то г-жа Лавалеттъ надѣла длинный плащъ, подбитый мѣхомъ, на головѣ была большая шляпа съ перьями, въ мѣшкѣ она принесла черную шелковую юбку.

— Все теперь устроено, сказала она мужу, —ты надѣнешь мое платье и шубу и тебя нельзя будетъ узнать. Ты выйдешь отсюда, опираясь на Жозефину; лицо закроешь носовымъ платкомъ, какъ бы утирая слезы; ходи тихо; двери въ корридорахъ низки, смотри, не зацѣпи шляпой. Когда пройдеши малый и большой дворъ, тамъ будутъ тебя ждать носильщики и Бенда. Исполни все, какъ я сказала тебѣ. Старайся сохранить всю свою твердость... Дай мнѣ руку, да, ты смѣлѣе, это хорошо, я тоже не волнуюсь. Но несчастная женщина не замѣчала даже, какъ ее била лихорадка. «Не надо намъ прощаться, прибавила она—это можетъ погубить насъ!

Они сѣли обѣдать, всѣ трое были грустны и молчаливы.

Г-жа Лавалеттъ внутренне волнуется, но старается это скрыть. Лавалеттъ тоже неспокоенъ, онъ страшится за жену, страшится быть узнааннымъ. Но время приближалось, надо дѣйствовать.

— Итакъ, съ Божіею помощію, сказала, наконецъ, г-жа Лавалеттъ, —пора собираться, ты встрѣтишь Бодиса, который укажетъ тебѣ твое убѣжище, я надѣюсь, я увѣрена, что все обойдется благополучно.

Но тутъ случилась, точно на зло, неприятность, которая могла

испортить все дѣло. Гувернантка, никогда не входившая въ камеру Лавалетта, внезапно входитъ туда. Въ приемной было такъ жарко, что ей сдѣлалось дурно, она рѣшилась войти къ нимъ и тутъ съ ней началась рвота, притомъ она громко стонала. Все это могло привлечь вниманіе сторожей и заставить ихъ войти. Г-жа Лавалеттъ была въ отчаяніи и строгимъ тономъ сказала гувернанткѣ: «Оставьте это ребячество, малѣйшій возгласъ можетъ теперь погубить моего мужа, черезъ нѣсколько минутъ вы будете на воздухѣ и все пройдетъ».

Тутъ г-жа Лавалеттъ стала одѣвать мужа, надѣла на него черную шелковую юбку, мѣховую плащъ, шляпу съ перьями. Лавалеттъ былъ малъ ростомъ и черная юбка была ему впору. Иллюзія была полная, онъ былъ неузнаваемъ.

Пробило 8 часовъ, рѣшительный моментъ насталъ. Наружно спокойный Лавалеттъ позвонилъ, чтобы дали знать носильщикамъ.

— Каждый разъ, когда ты уходишь отъ меня, сказалъ Лавалеттъ женѣ, — сюда заглядываетъ консьержъ, стой за ширмами и передвигай тамъ столъ и стулья. Удостоверившись, что я за ширмами, онъ уйдетъ, затѣмъ черезъ нѣсколько времени опять вернется, но это достаточно, чтобы дать мнѣ возможность уйти.

И вотъ послѣдній изгладъ, пожатіе руки... Дверь открывается... «Пропустите ихъ», приказываетъ любезный ключарь. Лавалеттъ выходитъ, опираясь на свою дочь Жозефину, за ними идетъ гувернантка. Г-жа Лавалеттъ остается за ширмами, а минимая г-жа Лавалеттъ, прикрывъ лицо носовымъ платкомъ, имѣетъ видъ горько плачущей женщины, дочь тоже рыдаетъ.

Они проходятъ черезъ коридоры. Лавалеттъ нагибается въ низкихъ дверяхъ, чтобы не задѣть своею шляпой, проходитъ приемную, тамъ пять тюремщиковъ; они медленнымъ шагомъ проходятъ мимо нихъ. Въ этотъ моментъ къ нимъ идетъ навстрѣчу консьержъ Рокетъ и беретъ Лавалетта за руку. Жестъ, въ сущности, совершенно естественный, такъ какъ онъ часто доводилъ г-жу Лавалеттъ до ея кресла, онъ и тутъ, ничего не подозревая, хотѣлъ послѣдній разъ выразить свое участіе несчастной женщиной. Но у Лавалетта потемнѣло въ глазахъ, онъ думалъ, что Рокетъ узналъ его. Рокетъ, хотя и получилъ въ этотъ день строгій приказъ отъ префекта наблюдать за посѣтителями, но онъ и въ мысляхъ не имѣлъ удостовериться въ личности г-жи Лавалеттъ, а, исполненный жалости къ ея скорби, съ грустью произнесъ: «Вы сегодня рано уходите, графиня». Лавалеттъ, конечно, ничего не отвѣчалъ, а продолжалъ рыдать.

Дошли они, наконецъ, и до двери тюрьмы, но сторожъ Эберъ, приставленный къ этой желѣзной двери, могъ быть подозрительнѣе Рокета, и тогда все погибло, но онъ зналъ, что носильщикамъ былъ данъ приказъ идти на свое мѣсто, что должно было удостоверить его, что это только можетъ быть не кто иной, какъ г-жа Лавалеттъ. Но сторожъ не открылъ тотчасъ двери, и эта минута ожиданія была ужасна. Лавалеттъ чувствуетъ, что силы его исчезаютъ, ему кажется, что привратникъ наблюдаетъ за нимъ. Минута ужасна!.. Но вотъ дверь открывается и они выходятъ изъ тюрьмы. Вошли въ

небольшой дворъ, тутъ на нихъ устремляются любопытные взоры двадцати жандармовъ, но они проходятъ мимо нихъ тѣмъ же тихимъ, медленнымъ шагомъ. Вотъ они благополучно миновали и большой дворъ, прошли черезъ открывшіяся передъ ними ворота, спустились по ступенямъ, а тамъ стояло кресло и Лавалеттъ садится. Но, о ужасъ! кресло не двигается, носильщиковъ нѣтъ, нѣтъ и Бенуа. Прѣдъ этимъ неожиданнымъ препятствіемъ, которое рѣшительно ничѣмъ нельзя было объяснить, у Лавалеттъ застыла кровь, голова его кружилась. Онъ ежеминутно ждалъ жандармовъ, но онъ рѣшился бороться съ ними до послѣдней капли крови, пусть лучше они убьютъ его.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ, которыя показались ему вѣчностью, сизъ, наконецъ, услышалъ голосъ Бенуа, объяснявшій ему, что прежніе носильщики ушли и что онъ пошелъ искать другихъ. Причиной этой неудачи было то, что Бенуа въ день бѣгства неосторожно предложилъ одному изъ нихъ 20 франковъ. Чувъ опасность, носильщикъ, въ моментъ какъ надо было нести кресло, испугался и, бросивъ ремни, убѣжалъ; его примѣру послѣдовалъ его товарищъ. Бенуа немедленно побѣжалъ искать другихъ носильщиковъ и, къ счастью, пришелъ еще во-время. И вотъ Лавалеттъ поднимаютъ и несутъ. Повернули направо и остановились противъ улицы Гарле. Тамъ ихъ ждалъ Бодисъ, который, подойдя къ нему, сказалъ: «Сударыня, намъ необходимо идти сейчасъ къ президенту, позвольте мнѣ довести васъ». Лавалеттъ выходитъ, а его дочь садится на его мѣсто и носильщики уносятъ ее. Бодисъ сажаетъ Лавалеттъ въ крытый кабріолетъ, въ которомъ кто-то сидѣлъ. Но едва Лавалеттъ усѣлся, какъ кабріолетъ помчался. Прѣехали улицу Ла-Гарнь, улицу Вожираръ, колесили и по многимъ другимъ улицамъ. Наконецъ Лавалеттъ приходитъ въ себя и видитъ, что съ нимъ сидитъ графъ Шоссену.

— Какъ это вы? восклицаетъ онъ.

— Да, отвѣчаетъ тотъ, — будьте спокойны, у меня тутъ четыре пистолета, въ случаѣ опасности мы будемъ стрѣлять.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Лавалеттъ, — я не хочу погубить васъ.

— Я первый буду стрѣлять и горе тому, кто вздумаетъ арестовать васъ теперь.

Послѣ продолжительной ѣзды, во время которой Лавалеттъ сбросилъ съ себя женское платье и надѣлъ приготовленную графомъ Шоссену одежду жокея и шляпу съ галуномъ, кабріолетъ остановился на улицѣ Плюме. Тамъ опять ждалъ ихъ Бодисъ. Ночь была темная, шелъ сильный дождь. Лавалеттъ простился съ Шоссену и послѣдовалъ за Бодисомъ. Они все время шли пѣшкомъ по безлюднымъ кварталамъ Парижа. Наконецъ пришли въ улицу Грениль къ величественному зданію министерства иностранныхъ дѣлъ.

— Я войду въ домъ, сказалъ Бодисъ, — а пока буду говорить съ консьержемъ, вы войдете во дворъ, налѣво дверь, войдите, подымитесь по лѣстницѣ до послѣдняго этажа, затѣмъ увидите темный корридоръ, тамъ остановитесь и ждите...

Лавалеттъ, увидавъ зданіе министерства иностранныхъ дѣлъ, не вѣрилъ глазамъ своимъ. «Странное мѣсто для убѣжища политиче-

ческаго преступника,—подумалъ онъ, но безпрекословно рѣшился въ точности исполнить инструкцію, данную ему его спасителемъ Бодисъ подошелъ къ подъѣзду герцога Ришелье и сталъ говорить съ консьержемъ

— Кто этотъ человѣкъ, спросилъ консьержъ, увидавъ Лавалетта.

— Это мой лакей, отвѣчалъ Бодисъ.

Лавалеттъ вошелъ во дворъ, поднялся въ третій этажъ; вошелъ въ темный корридоръ и сталъ ждать. Вдругъ онъ почувствовалъ, что какая-то женская рука взяла его за руку и, толкнувъ его въ темную комнату, заперла за нимъ дверь. Тамъ топились печи, онъ отыскалъ спички, зажегъ свѣчку и началъ осматривать свое новое помѣщеніе. Эта была маленькая мансарда, постель, столъ и два стула. На столѣ была записка слѣдующаго содержанія: «Не дѣлайте ни малѣйшаго шума, открывайте окно только ночью, надѣньте туфли и ждите терпѣливо». Прошло нѣсколько времени, является Бодисъ.

— Не удивляйтесь, что вы попали сюда, объясняетъ онъ ему.— Бриссонъ состоитъ тутъ директоромъ и, какъ бывшій жирондистъ, нѣкогда тоже преслѣдуемый, согласился дать вамъ убѣжище. Но малѣйшая неосторожность съ вашей стороны можетъ погубить его. Благодаря своей должности онъ имѣетъ возможность содержать семью. Не взирая на то, что рискуетъ лишиться своего мѣста, онъ все-таки желаетъ, чтобы вы здѣсь остались до тѣхъ поръ, пока вамъ будетъ возможно выѣхать изъ Франціи.

Вскорѣ пришла г-жа Бриссонъ. Не довѣряя никому, она сама принесла ему ужины. Въ полночь пришелъ Бриссонъ.

— Вы не можете себѣ представить, рассказывалъ онъ смѣясь,—какой переполохъ произвело ваше бѣгство въ Парижѣ. Съ быстротой молніи пролетѣла эта вѣсть, поразила и изволновала всѣ умы. Въ Тюльери никто не ляжетъ сегодня спать. Всѣ увѣрены, что вспыхнетъ возстаніе, и всѣ уже видятъ во главѣ многочисленной арміи и вооруженнаго Парижа, запираютъ всѣ заставы, вѣроитно и молочницъ не будутъ пропускать. Возлагаютъ надежды на иностранныя войска. А я долженъ былъ выслушивать всѣ эти глупости, я... укрывающій васъ въ своей мансардѣ.

VII.

Но что происходило въ тюрьмѣ Консьержери въ тревожныя и страшныя минуты бѣгства Лавалетта? Г-жа Лавалеттъ осталась одна въ его камерѣ. Она находилась за ширмами и, когда консьержъ Рокетъ черезъ нѣсколько минутъ спустя отворилъ дверь, она передвигала мебель. Услыхавъ движеніе за ширмами, свидѣтельствующее о присутствіи заключеннаго, онъ закрылъ дверь и удалился. Но едва прошло пять минутъ, какъ онъ опять открылъ дверь, и, видя, что заключенный все еще находится за ширмами, его взяло сомнѣніе и, чтобы убѣдиться, точно ли онъ тамъ, онъ заглянулъ туда. Увидавъ передъ собою графиню Лавалеттъ, онъ громко вскрикнулъ отъ ужаса и удивленія и бросился къ двери, чтобы позвать на ноги весь тюремный персоналъ. Но тутъ г-жа Лавалеттъ схватила его за одежду.

— Умоляю васъ, съ отчаяніемъ воскликнула она, — подождите, ради Бога, подождите, дайте ему успѣть уйти!

— Вы хотите погубить меня, сударыня! кричить съ отчаяніемъ Рокетъ, стараясь вырваться изъ ея рукъ.

Но г-жа Лавалеттъ крѣпко держитъ его за полу одежды, и между ними происходитъ борьба. Наконецъ, онъ дернулъ изо всѣхъ силъ, пола одежды разорвалась и осталась въ рукахъ г-жи Лавалеттъ. Эти мгновенья были дороги, они спасли ея мужа.

Въ тюрьмѣ поднялась суета и шумъ, только и были слышны возгласы: «онъ убѣжалъ, онъ убѣжалъ». Тюремщики, жандармы, ключари бѣгутъ во всѣ стороны. Сторожъ Эберъ, предвидя грозящую ему бѣду, такъ какъ могли считать его сообщникомъ заключеннаго, съ отчаяніемъ запираетъ г-жу Лавалеттъ на замокъ: «А ужъ эта не уйдетъ отсюда, иначе какъ по приказанію», кричитъ онъ съ яростной злобой.

Всѣ разбѣжались на поиски бѣглеца. Но тщетно! Удалось имъ только нагнать носильщиковъ. Но, вмѣсто Лавалетта, они въ креслѣ нашли его дочь и шедшею рядомъ съ ней гувернантку, обѣ были увезены въ тюрьму. Немедленно извѣщаютъ префекта полиціи Англеса, министра полиціи Деказа и главнаго прокурора Беллара. Белларъ первый является въ Консіержери и осыпаетъ г-жу Лавалеттъ упреками, но она отвѣчаетъ ему первыми смѣхомъ. Консіержъ Рокетъ и сторожъ Эберъ арестованы. Деказь, опасаясь за свой портфель, совершенно обезумѣлъ. Онъ принимаетъ всѣ мѣры для поимки бѣглеца. Запираются заставы, приостановлены отъѣзды дилижансовъ, у друзей и знакомыхъ осужденнаго производятся самыя тщательныя обыски, отдается строгій приказъ домовладѣльцамъ и квартирантамъ подъ угрозой тюремнаго заключенія отъ двухъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ доносить о находящихся у нихъ лицахъ, не имѣющихъ законныхъ свидѣтельствъ.

Въ своихъ запискахъ Деказь говоритъ, что, когда онъ сообщалъ королю о бѣгствѣ Лавалетта, то Людовикъ XVIII сказалъ ему: «Вы увидите, что всѣ скажутъ, что это мы!»

По всей вѣроятности, король сказалъ это Деказу, такъ какъ сильно боялся недовольства роялистовъ. Нѣкоторые современники даже утверждали, что король совѣтовался съ своимъ министромъ полиціи о способѣ спасти Лавалетта, и что былъ весьма доволенъ его бѣгствомъ, такъ какъ это избавляло его отъ слишкомъ суроваго припѣненія закона. Но трудно повѣрить такому великодушію короля, такъ бездушно оттолкнувшаго отъ себя несчастную г-жу Лавалеттъ и такъ безпощадно казнившаго Ней и ла-Бедоера. Это было бы приписывать ему ту возвышенность души, которою онъ никогда не обладалъ. Одинъ документъ вполнѣ разрѣшаетъ всѣ сомнѣнія относительно милосердія этого короля по дѣлу Лавалетта. Это приказъ генеральнаго прокурора палачу Самсону о приведеніи въ исполненіе смертнаго приговора надъ Лавалеттомъ. Этотъ документъ находится въ коллекціи приказовъ Самсону, нынѣ приобретенныхъ парижской бібліотекой.

Извѣстіе о бѣгствѣ Лавалетта быстро распространилось по всему Парижу и произвело самыя разнообразныя впечатлѣнія. Бонапар-

тпсты ликовали явно. Люди умѣренные и просвѣщенные сторонники реставраціи искренно радовались, что невинноосужденный избѣжалъ казни, а насмѣшливый народъ выражалъ свое удовольствіе ядовитыми насмѣшками по адресу правительства. Но зато не было предѣловъ ярости роялистовъ. Озлобленіе ихъ выражалось какою-то свирѣпостію и стало принимать даже бурный характеръ. Тутъ играла роль не только жажда мести, но и паническій страхъ передъ новымъ государственнымъ переворотомъ. Роялисты искренно вѣрили въ торжество республиканской партіи, обвиняли министерство въ содѣйствіи бѣгству Лавалетта. На Деказа, совершенно въ этомъ неповиннаго, на префекта полиціи Англеса, на герцога Ришелье, хлопотавшаго о помилованіи осужденнаго, сыпались со всѣхъ сторонъ самыя нещадныя упреки. Въ палатѣ крики бѣшенства, по поводу бѣгства Лавалетта, доходили до крайнихъ предѣловъ, точно спасеніе монархіи зависѣло отъ головы этого человѣка. Въ салонахъ это бѣшенство дошло до апогея безобразія. Дамы высшаго круга, столь очаровательныя по внѣшности, выражали свое негодованіе съ безпримѣрною жестокостію: «Развѣ думаютъ, — восклицали эти фанатички, — что мы будемъ довольствоваться только двумя головами, чтобы вскупить возвращеніе узурпатора!»¹⁾ Роялисты требовали преданія суду министровъ, такъ какъ уже не сомнѣвались въ ихъ содѣйствіи бѣгству Лавалетта.

Но, кромѣ того, гнѣвъ роялистовъ обрушился и на дочь Лавалетта, Жозефину. Выпущенная изъ заключенія и вновь возвратившаяся въ монастырь, гдѣ воспитывалась, она дѣлается предметомъ ненависти воспитанницъ и монахинь-воспитательницъ. Нѣкоторые родители грозятъ взять оттуда своихъ дочерей, если г-жа Лавалеттъ, послѣ своего освобожденія, ее тамъ оставитъ. Одна дама не посовѣстилась въ кругу многочисленнаго общества обозвать эту бѣдную дѣвочку, содѣйствовавшую спасенію своего отца, «маленькой негодяйкой»²⁾.

Засѣданіе палаты 21 декабря 1815 г. отличалось такимъ бурнымъ характеромъ, которое своимъ неистовствомъ вполне уподоблялось засѣданіямъ конвента. Главный прокуроръ Белларъ нещадно нападалъ на министровъ, содѣйствовавшихъ бѣгству «опаснаго преступника», доказывалъ, что Лавалеттъ не могъ бѣжать безъ помощи тюремщиковъ, что въ этомъ онъ самъ убѣдился на мѣстѣ, что преступникъ не могъ не быть узнаннымъ въ женскомъ платьѣ, утверждалъ съ увѣренностью о существованіи обширнаго заговора, взыскалъ всю отвѣтственность на министровъ и требовалъ строжайшаго слѣдствія по этому дѣлу. Эта рѣчь произвела цѣлую бурю.

Началось слѣдствіе. Поиски продолжались, но всѣ попытки Деказа и полиціи оказались тщетными, оставалось лишь примириться съ совершившимся фактомъ и прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, чтобы успокоить волновавшихся роялистовъ. Пускаютъ въ ходъ прессу. Официальная пресса призываетъ публику къ умѣренности, она ратовала, что бѣгство заключеннаго, хотя и прискорбный

¹⁾ Comte de Viel-Castel. *Histoire de la Restauration*. Lamartine. *Histoire de la Restauration*.

²⁾ Guizot. *Mémoires*.

фактъ, но не угрожаетъ опасностью государству. Но роялисты не успокаивались и представили въ палату проектъ адреса къ королю, въ которомъ заявляли, что канцлеръ и министръ полиціи утратили довѣріе націи.

Положеніе становилось серьезнымъ. Заявистники быстрой карьеры Деказа въ особенности возставали противъ него, но его паденіе могло привести и къ отставкѣ всего министерства. Людовикъ XVIII опасался, что власть тогда перейдетъ въ руки партіи, ожесточеніе которой устрашало Францію и которая въ то же время могла вызвать недовольство Европы, къ тому же ему казалось невозможнымъ согласиться на отставку министерства, которое онъ всегда называлъ незаменимымъ. Въ виду такого затруднительнаго положенія Деказъ далъ королю очень удачный совѣтъ: обратиться, черезъ состоящаго при дворѣ г. Праделя, къ одному изъ самыхъ непримиримыхъ, маршалу Пюверъ, и довести до его свѣдѣнія недовольство короля за то, что онъ, какъ человѣкъ, занимающій officialный постъ, префекта Венсена, такъ враждебно относится къ правительству и что ежели палата объявитъ, что нація не имѣетъ болѣе довѣрія къ его министрамъ, то въ такомъ случаѣ король, желая въ этомъ убѣдиться, отнесется съ этимъ вопросомъ къ самой націи. Эта угроза привела къ желаннымъ результатамъ. Роялисты стали обдумывать и взвѣшивать свои шансы успѣха и разомъ присмирѣли. Деказъ исполнѣ достигъ своей цѣли, роялисты начали зансживать въ немъ и министерство удержалось.

Между тѣмъ княгиня Водемонъ придумывала способъ удаленія Лавалетта изъ предѣловъ Франціи. Его пребываніе въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ становилось опаснымъ, его могли найти, наконецъ, и тамъ, и тогда уже ему не миновать эшафота. Княгиня Водемонъ была убѣждена, что только какой-нибудь иностранецъ, независимый и уже никакимъ образомъ не подозрѣваемый, могъ бы взять на себя эту трудную задачу, и она рѣшилась найти такого человѣка и обратиться къ нему съ своей просьбой. Англійскія войска еще находились во Франціи. Она была знакома съ нѣкоторыми англійскими офицерами и ей пришло на мысль просить одного изъ нихъ, г. Брюсса, содѣйствовать бѣгству Лавалетта изъ Франціи. Брюссъ былъ ревностнымъ защитникомъ маршала Нея и охотно согласился на это, ему даже было лестно спасти несчастнаго. Но онъ не могъ дѣйствовать одинъ, не подвергаясь опасности, и рѣшился обратиться къ своему соотечественнику, генералу Роберту Вильсону. Вильсонъ былъ отъявленнымъ врагомъ Франціи и Наполеона, но, глубоко возмущенный систематическимъ преслѣдованіемъ бонапартистовъ во время реставраціи, изъявлялъ полную готовность спасти одного изъ нихъ. Вильсонъ въ свою очередь нашелъ необходимыхъ просить содѣйствовать ему въ этомъ дѣлѣ офицера Элистера и капитана Гутчисона. Заказываютъ по мѣркѣ Лавалетта у портного нѣмца мундиръ квартирмейстера. Рѣшили ѣхать въ престои дорожный каретъ, Лавалеттъ будетъ сидѣть вмѣстѣ съ Вильсономъ, а Гутчисонъ и лакей Вильсона поѣдутъ верхомъ и, въ случаѣ Лавалетта узнаютъ, онъ будетъ имѣть возможность ускользнуть верхомъ. Все было готово къ отъѣзду. Въ воскресенье въ 9 часовъ

вечера Лавалеттъ простился съ своими благодѣтелями. Всѣ были изволнованы. Онъ вышелъ изъ министерства съ Бриссономъ. Бодисъ и Шассену ждали ихъ въ кабріолетъ. Проѣзжая мимо Тюльери, окруженнаго стражей, Лавалеттъ невольно улыбнулся. Сколько тамъ людей были исключительно заняты имъ. Подъѣхали къ квартирѣ Гутчисона, гдѣ Лавалеттъ долженъ былъ переночевать. Тамъ онъ встрѣтилъ генерала Вильсона, Брюсса и Эллистера. Лавалеттъ былъ крайне изволнованъ при видѣ этихъ иностранцевъ, принимавшихъ такое горячее участіе въ его участи. Лавалеттъ простился съ Шассену и Бодисомъ. Вильсонъ тоже вскорѣ уѣхалъ, онъ торопился на великосвѣтскій вечеръ, гдѣ надо было быть, чтобы отвлечь всякое подозрѣніе. Эллистеръ тоже удалился, онъ выѣзжалъ въ тотъ же вечеръ и долженъ былъ встрѣтить ихъ въ Компьенѣ, удалился и Брюссъ, пожелавъ Лавалетту счастливаго пути. Эта ночь была тревожна, къ тому же Лавалеттъ и Гутчисонъ были страшно испуганы. Кто-то сильно сталъ стучаться въ наружную дверь. Но это былъ не кто иной, какъ пьяный жилецъ, который ошибся дверью.

Къ 7 часамъ утра все уже было готово къ отъѣзду. Генераль Вильсонъ пріѣхалъ въ дорожной каретѣ за Лавалеттомъ.

«Все готово, сказалъ онъ ему, — ѣдемъ».

Лавалеттъ садится съ нимъ въ карету, а Гутчисонъ и лакей слѣдовали за ними верхомъ. Отъѣздъ совершился безпрепятственно. Въ этотъ ранній часъ было очень мало народу на улицѣ, къ тому же въ это время никого не могло удивить видѣть англійскихъ военныхъ. Вильсонъ былъ въ обыкновенной генеральской формѣ, въ синемъ мундирѣ и круглой шляпѣ. Лавалеттъ былъ въ мундирѣ квартирмейстера. Въ рукахъ онъ держалъ треуголку Вильсона съ плюмажемъ. Когда они подъѣхали къ заставѣ Клиши, то жандармы стали пристально осматривать ихъ, но, увидавъ англійскаго генерала, отдали ему честь.

Такимъ образомъ въ понедѣльникъ 8 января въ 9 часовъ утра Лавалеттъ выѣхалъ изъ Парижа, не внушая никому ни малѣйшаго подозрѣнія и безъ малѣйшаго препятствія. На пути ихъ нѣсколько разъ останавливали жандармы и задавали разные вопросы, но отвѣты Гутчисона всегда прекращали эту инквизицію. У самаго Компьена ихъ встрѣтилъ сержантъ, посланный адъютантомъ генерала Брайд-ланда, который указалъ имъ приготовленную для нихъ квартиру. Въ 5 часовъ долженъ былъ прибыть туда Эллистеръ подъ именемъ полковника Лоссакъ. Но онъ нѣсколько запоздалъ, такъ какъ его путешествіе не совершилось безъ препятствій. У заставы Сенъ-Дени жандармы потребовали его паспортъ и возвратили его ему лишь только послѣ тщательной провѣрки его наружности съ даннымъ имъ описаніемъ наружности Лавалетта, но этимъ не довольствовались, вслѣдъ за его экипажемъ поѣхалъ жандармъ до Бурже, гдѣ онъ былъ замѣненъ полицейскимъ, который, проѣхавъ нѣкоторое разстояние, вернулся; въ Луврѣ Эллистера опять останавливаютъ жандармы и одинъ изъ нихъ восклицаетъ: «Это не англійскій офицеръ!» Но выговоръ Эллистера неопровержимо доказываетъ, что онъ англичанинъ, и его пропускаютъ. Такимъ образомъ онъ, наконецъ, попадаетъ въ Компьенъ. Затѣмъ Вильсонъ и Лавалеттъ снова

отправились въ путь, простившись съ Гутчисономъ и Эллистеромъ. Вильсонъ ѣхалъ теперь подъ именемъ генерала Вальиса, а Лавалеттъ съ паспортомъ Лоссака. Но лакей Вальсона не говорилъ по-французски и Вильсону на каждой станціи приходится самому выходить изъ кареты и на вопросъ о его личности отвѣчать: «Я англійскій генералъ». Путешествіе продолжалось совершаться безпрепятственно. Но, прибывъ въ Камбре, начальникъ станціи вдругъ объясняетъ имъ, что они не могутъ продолжать путь, по той причинѣ, что проѣздъ въ аванпосты закрытъ, вслѣдствіе чего имъ придется ждать часа два. Какъ это ни было ужасно, но пришлось покориться. Лавалеттъ притворился спящимъ, а Вильсонъ, чтобы отстранить всякое подозрѣніе, пошелъ въ конюшни разговаривать съ почтальонами. Въ 6 часовъ утра они, наконецъ, двинулись. Подъѣзжаютъ къ воротамъ города. Ворота заперты. Кучеръ крикнулъ, но никто не откликнулся. Пришлось опять ждать. Начиная разсвѣтать и привратникъ, наконецъ, открылъ ворота. Они въѣхали вмѣстѣ съ другими пятью каретами, остановившимися по той же причинѣ. Началась перепряжка и они въѣхали оттуда лишь въ 9 часовъ. Лавалеттъ внутренно ужасно волновался. Малѣйшее нетерпѣніе Вильсона, малѣйшее неосторожное слово и все могло рушиться, но Вильсонъ все время сохранялъ свое невозмутимое хладнокровіе. При въѣздѣ въ Валансиенъ, — тѣ же формальности. Спрашиваютъ паспорта. Вильсонъ изъ окошка кареты говоритъ: «Я англійскій генералъ». Но мальчикъ, посланный за паспортами, не довольствуется этимъ, а требуетъ ихъ. Генералъ отдаетъ и черезъ нѣсколько времени получаетъ обратно. При въѣздѣ изъ Валансиена опять, потребовали паспорта и держали ихъ очень долго. Потерявъ всякое терпѣніе, Вильсонъ крикнулъ на жандармовъ. Лавалеттъ притавилъ дыханіе. Было уже 10 часовъ утра, остался лишь какой-нибудь часъ ѣзды до границы. Вильсонъ рассчитывалъ переѣхать ее до разсвѣта, а эти постоянныя задержки начинаютъ уже беспокоить его какой-то нервный страхъ охватываетъ его и ему уже кажется, что ихъ преслѣдуютъ. Ужели, — думалъ онъ, — ихъ арестуютъ на послѣдней станціи? Но вотъ и послѣдняя станція. Спрашиваютъ паспорта, но тутъ уже безъ особенныхъ формальностей, довольствуются тѣмъ, что онъ по обыкновенію заявляетъ: «Я англійскій генералъ» и ихъ пропускаютъ безпрепятственно. Наконецъ, проѣхали и роковую границу и первое слово, сказанное Вильсономъ Лавалетту, было: «Вы спасены!» Но тутъ Лавалеттъ не выдержалъ, все самообладаніе покинуло его, онъ бросился въ объятія Вильсона и нервно зарыдалъ.

Это чудесное спасеніе онъ приписывалъ своей геройской женѣ. «Я особенно благодарю Бога, — сказалъ онъ, — что самоотверженность моей жены увѣнчалась успѣхомъ, она бы умерла отъ отчаянія, если бы это не удалось. Скорблю лишь о томъ, что столько хорошихъ людей пострадали за меня, знаю, что тюремщики мои арестованы, но я клянусь передъ Богомъ, что они не были подкуплены и ничего не знали, всѣмъ я обязанъ моей женѣ».

Лавалеттъ разсказалъ Вильсону это необыкновенное происшествіе. Разговаривая такимъ образомъ, они доѣхали до Монса, гдѣ уже не

спрашивали паспортъ. Тамъ они спокойно пообедали и разстались. Вильсонъ далъ ему нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ прусскому королю, котораго онъ хорошо зналъ, и къ нѣкоторымъ англійскимъ дипломатическимъ агентамъ.

Лавалеттъ отправился въ Баварію, гдѣ былъ радушно принятъ принцемъ Евгениемъ, а Вильсонъ возвратился во Францію и выѣхалъ въ Парижъ черезъ заставу Сень-Мартенъ.

Въ Парижѣ онъ узналъ, что послѣ ихъ отъѣзда изъ Валансиена начальствующія лица почтовой станціи вышли изъ вдругъ подозрительными и оттуда былъ немедленно отправленъ курьеръ съ приказомъ арестовать ихъ на границѣ. Но туманъ помѣшалъ курьеру доѣхать во время и Лавалеттъ благополучно перѣѣхалъ границу.

Все бы обошлось также благополучно и для англичанъ, такъ великодушно содѣйствовавшихъ окончательному спасенію Лавалетта, если бы самъ Вильсонъ былъ осторожнѣе. Но онъ имѣлъ неосторожность написать лорду Грею длинную реляцію конфиденціальную и секретную, въ которой онъ описывалъ свое дѣятельное участіе въ этомъ необыкновенномъ предпріятіи. И такъ какъ за нимъ наблюдали, то это письмо къ лорду Грею было вскрыто и Вильсонъ, Брюссъ и Гутчисонъ были арестованы. Эллистеръ былъ въ своемъ полку и его оставили въ покоѣ.

Только что распространилась вѣсть, что Лавалеттъ покинулъ Францію, какъ роялисты снова заволновались. Англичане были подвергнуты предварительному заключенію, длившемуся около двухъ мѣсяцевъ, и, наконецъ, въ мартѣ они предстали предъ судомъ присяжныхъ вмѣстѣ съ Консьержемъ Рокетомъ, сторожемъ Эберомъ и лакеемъ Лавалетта—Бенуа. Г-жа Лавалеттъ, болѣзненное состояніе которой, а равно и ея супружеская преданность, совершенно обезоружили правительство и правосудіе, была вмѣстѣ съ гувернанткой. г-жей Дютоа, немедленно освобождена, но обѣ находились подъ строжайшимъ наблюденіемъ полиціи. Полицейскій надзоръ былъ до того тягостенъ, что г-жа Лавалеттъ писала королю и просила его, чтобы и опять заключили въ тюрьму, такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ ее оттуда выпустили, она постоянно подвергается всевозможнымъ преслѣдованіямъ и крайне жалѣетъ о Консьержери, гдѣ ее никто не тревожилъ и гдѣ она пользовалась спокойствіемъ, столь необходимымъ для ея разстроеннаго здоровья, затѣмъ она прибавляетъ, что политикой не занимается и лишь политически неблагонадежныхъ къ себѣ не принимаетъ. По просьбѣ защитниковъ обвиняемыхъ, г-жа Лавалеттъ вмѣстѣ съ дочерью и г-жей Дютоа должны были явиться въ судъ въ качествѣ свидѣтельницъ. Появленіе графини Лавалеттъ въ залѣ суда возбуждало всеобщее любопытство и живѣйшее къ ней участіе. Когда она вошла, Вильсонъ, Брюссъ и Гутчисонъ встали и низко поклонились ей. Нервная система бѣдной, больной женщины была такъ потрясена, что она не была въ состояніи отвѣчать на вопросы. Предсѣдатель всячески старался успокоить ее. Послѣ нея вызвали Жозефину, по 14-лѣтняя дѣвочка была до того застѣнчива, что дрожала отъ страха. Отъ нея нельзя было добиться никакихъ отвѣтовъ и ее отпустили.

Не входя въ подробности судебныхъ преній, нельзя, однако, не

упомянуть о блестящей рѣчи защитника англичанъ, Г. Дарле, въ которой онъ сказалъ, «что генералъ Вильсонъ слѣдовалъ лишь влеченію своей благородной души, исполненной гуманныхъ идей, такими же чувствами были одушевлены и его сообщники, а человеколюбивыя дѣйствія не должны быть преслѣдуемы правосудіемъ. Правосудіе караетъ преступленіе, но не доблесть. Бѣгство Лавалетта само по себѣ есть фактъ незначительный, такъ какъ не причинило государству никакого ущерба. Нашли невозможнымъ прилечь къ суду графиню Лавалеттъ за то, что она спасла мужа отъ смерти, несомнѣнно, что и тюремщиковъ не подвергнуть карѣ за то, что они были введены въ заблужденіе, не сдѣлаютъ и безнравственнаго упрека слугѣ Лавалетта за то, что онъ не предалъ своего хозяина. Не дадутъ же и безъ того развращенному обществу скандальное зрѣлище, слуги, наказаннаго за свою преданность». Защитникъ просилъ полного оправданія трехъ англичанъ на основаніи того, что законъ не можетъ называть ихъ дѣйствія преступными. Вильсонъ, плохо говорившій по-французски, сказалъ лишь нѣсколько словъ въ свое оправданіе, Брюссъ же защищалъ себя блестящимъ образомъ; его рѣчь произвела сильное впечатлѣніе. Всѣ были убѣждены, что подсудимые будутъ оправданы. Но присяжные признали ихъ виновными. Оправданы были консержъ Рокетъ и слуга Лавалетта—Бенуа. Привратникъ Эберъ за свою небрежность былъ приговоренъ къ двухмѣсячному тюремному заключенію. Вильсонъ, Брюссъ и Гутчисонъ къ трехмѣсячному аресту. Приговоръ трехъ англичанъ удивилъ всѣхъ, общественное мнѣніе было за нихъ. Либералы и умѣренные открыто выражали имъ свое сочувствіе. Ультра-роялисты, какъ они не шумѣли, но должны были дозволиться этимъ ничтожнымъ удовлетвореніемъ. Этимъ завершилось драматическое событіе «бѣлаго террора».

VIII.

Лавалеттъ остался въ Баваріи, гдѣ нашелъ вѣрное убѣжище и радушное гостепримство принца Евгенія Богарне. Жена его перѣѣхала къ нему съ дочерью. Чтобы не компрометировать Мюнхенскій кабинетъ, который, во избѣжаніе жалобъ и недовольства французскаго посольства, дѣлалъ видъ, что игнорируетъ присутствіе Лавалетта въ Баваріи, Лавалеттъ долженъ былъ вести очень уединенную, почти что замкнутую жизнь. Эта отчужденность отъ внѣшняго міра, въ совокупности со всѣми тревоженіями, которыя ему пришлось пережить, сильно повліяла на его нравственное состояніе и, когда нѣсколько лѣтъ спустя, ему было разрѣшено Людовикомъ XVIII въ 1822 г. возвратиться во Францію, то многочисленные друзья его, чувствуя его возвращеніе, нашли въ немъ совершенно надломленнаго человѣка. Онъ утратилъ и блескъ своего ума и веселость характера. Глубокая скорбь омрачала его. Причиной тому была болѣзнь жены. Пережитыя ею тревоги и волненія сильно потрясли весь ея организмъ и имѣли самое пагубное вліяніе на ея нравственное состояніе. Сперва она стала ощущать какой-то безотчетный страхъ, чуждалась людей, потомъ послѣдовали безсонницы,

галлюцинаціи, однимъ словомъ, всѣ признаки душевной болѣзни. Лавалеттъ по совѣту врачей помѣстилъ ее въ лѣчебницу. Но она дѣлала попытки къ бѣгству и все просила, чтобы ее перевели въ Консіержеріи. Несомнѣнно, что Консіержеріи положило начало ея умышленному разстройству. Примѣнялись всѣ способы лѣченія, но тщетно и Лавалеттъ, видя, что жизнь въ лѣчебницѣ не привела къ желаннымъ результатамъ, взялъ ее обратно и съ удивительнымъ самоотверженіемъ самъ ходилъ за больною. Болѣзнь не проходила. Лавалеттъ переѣхалъ въ деревню, надѣясь, что деревенская тишина благотворно подѣйствуетъ на жену. Но ничто не помогало. Эта безнадежная скорбь окончательно подточила существованіе несчастнаго Лавалетта. Чувствуя близкій конецъ, онъ спѣшилъ кончить мемуары, начатые имъ въ Баваріи. Последнія страницы онъ преимущественно посвящаетъ женѣ. «Почтительство ея тихое—пишетъ онъ,—она постоянно погружена въ глубокое раздумье, но все такая же милая, добрая, кроткая. Все счастье моей жизни исчезло теперь навсегда, я живу лишь воспоминаніями прошлаго». Онъ кончаетъ словами: «я вполне независимъ, я не имѣю ни награды, ни пенсіи, ни содержанія за мое многолѣтнее служеніе отчизнѣ. У меня лишь одно желаніе, одна надежда, чтобы Франція была свободной; быть можетъ, эта мечта когда-нибудь осуществится! А пока я только живу воспоминаніями великой эпохи и великаго человѣка!»

Дѣйствительно, по возвращеніи во Францію Лавалеттъ ничего не добивался, не искалъ популярности, которую ему такъ легко было пріобрѣсти, онъ послѣдніе годы своей жизни лишь всецѣло посвящалъ своей несчастной женѣ. Убитый горемъ, Лавалеттъ, жертва политическихъ страстей, приговоренный къ смертной казни за свою преданность имперіи, тихо скончался въ 1830 году, любимый и уважаемый всѣми, кто зналъ его. Предъ могилой его смолкли вражда и злоба.

Дочь Лавалетта вышла замужъ за барона Форже. Въ своихъ воспоминаніяхъ она говоритъ о матери слѣдующее: «Очень рѣдко моя мать приходила въ себя и то лишь на нѣсколько мгновеній. Ея удрученное состояніе духа производило тяжелое впечатлѣніе и внушало всѣмъ чувство состраданія. Несмотря на болѣзнь, моя мать сохранила свою прелестную наружность. Каждый день выходила гулять съ своей компаньонкой. Принимала знакомыхъ, всѣхъ узнавала, но почти ничего не говорила. Всегда воображала, что она находится въ Консіержеріи».

Графъ д'Идевилъ, хорошо знавшій г-жу Лавалеттъ, рассказывалъ: «Я былъ еще юношей и часто навѣщалъ ее. Какъ-то разъ мы остались съ ней вдвоемъ. Она была очень блѣдна и лежала на кушеткѣ. «Подойди ко мнѣ, маленькій,—сказала она мнѣ,—вотъ возьми мою руку, видишь, какъ я слаба, теперь я не буду въ состояніи удержать тюремщика». Эти слова поразили меня и глубоко вѣсьались въ память».

Несомнѣнно, что эти слова служатъ доказательствомъ того сильнаго душевнаго потрясенія, которому подверглась графиня Лава-

летъ въ ужасный моментъ, когда она пыталась удержать тюремщика съ тою неимоверной силой, которую можетъ только дать героизмъ отчаянія. Эти страшныя мгновенія безспорно спасли Лавалетта, но его бѣдная жена поплатилась за нихъ разсудкомъ. Еще многіе годы пришлось графинѣ Лавалеттъ влечить свое жалкое существованіе. Она умерла въ 1848 г.

Печаленъ былъ конецъ героини этой полной трагизма исторіи, этой несчастной жертвы «бѣлаго террора».

А. Смирнова.

Странички прошлаго.

Нѣсколько словъ о государственныхъ крестьянахъ.

19 февраля минуло 41 годъ со времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Знаменательному этому акту предшествовало значительно раннее устройство бывшихъ государственныхъ крестьянъ, а потому является уместнымъ привести нынѣ нѣкоторыя любопытныя данныя изъ быта послѣднихъ.

Такъ, въ древности сельскіе обыватели считались свободнымъ сословіемъ и пользовались самоуправленіемъ. Проживавшіе на княжескихъ земляхъ назывались черносошными и тягловыми, завѣдывали ими намѣстники или волостели, отъ которыхъ и особенно отъ ихъ слугъ претерпѣвали всякія притѣсненія, временно ослаблявшіяся, потомъ усиливавшіяся и вызывавшія ропотъ, сопротивленіе и негодованіе. Для успокоенія страждавшихъ Іоаннъ IV общалъ самому быть ихъ „судьею и обороною, раззорять неправды и возвращать похищенное“, а въ 1551 году объявилъ, что „жалѣючи крестьянство—отставилъ намѣстниковъ, волостелей и праветчиковъ отъ волостей“. Петръ Великій сперва соединилъ подъ общимъ названіемъ „государственныхъ крестьянъ“ черносошныхъ, одноворцовъ, служилыхъ, ясашныхъ и пашенныхъ людей, а въ 1869 г. предоставилъ сельскимъ обществамъ учреждать, изъ выборныхъ, земскія избы для всѣхъ мірскихъ дѣлъ. Екатерина II, въ 1763 году, обратила въ государственные крестьяне до 900.000 человѣкъ, принадлежавшихъ духовенству и монастырямъ, и ввѣрила ихъ по финансовой и хозяйственной частямъ—казеннымъ палатамъ, а въ полицейскомъ отношеніи—земскимъ судамъ. Павелъ I учредилъ для нихъ экспедицію государственнаго хозяйства и сельскаго домоводства. Александръ I, въ 1810 году, общалъ принять мѣры къ ограниченію крестьянъ отъ притѣсненій чиповниковъ земской полиціи и къ устройству ихъ быта, но послѣдовавшая затѣмъ отечественная война и другія причины воспрепятствовали осу-

шестивленію благого предположенія. Съ 1824 года составленіемъ проекта гражданскаго уложенія для государственныхъ крестьянъ занимались счетомъ 6 комитетовъ.

Въ 1826 г. Николай I учредилъ, въ видѣ опыта, въ С.-Петербургской и Псковской губерніяхъ управленія государственныхъ крестьянами, а въ 1834 г. поручилъ министру финансовъ графу Канкрину составить проектъ законоположенія объ управленіи казенными крестьянами и имуществами. Трудъ этотъ, въ 1836 г., сосредоточенъ былъ въ учрежденномъ временно специально для этого дѣла V отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, подъ руководствомъ графа П. Д. Киселева. Отдѣленіе это собрало разныхъ проектовъ: правительственныхъ—6, а частныхъ лицъ—21. Для уясненія истиннаго положенія крестьянъ посланы были по Россіи: сенаторъ Болгарскій, статсъ-секретарь князь Голицынъ и особые чиновники, которые убѣдились, что крестьяне подвергались повсемѣстно злоупотребленіямъ и поборамъ, что нигдѣ не было ни земельныхъ плановъ, ни вѣрныхъ свѣдѣній о количествѣ находившейся во владѣніи крестьянъ земли, отчего правительство не знало о ихъ нуждахъ и не могло имъ помочь, что способы народнаго продовольствія были недостаточны, а для охраненія народнаго здравія не было никакихъ специальныхъ учреждений, что повинности составляли источникъ обремененія крестьянъ, а неопредѣленность правилъ о рекрутской повинности вызвала побѣги, членовредительство, семейные раздѣлы и безчисленныя злоупотребленія, а въ западныхъ губерніяхъ крестьяне находились еще въ худшемъ положеніи: ихъ личность, трудъ и имущество принадлежали временнымъ владѣльцамъ, истощавшимъ имѣнія до послѣдней степени.

Предложенная реформа въ связи съ произведеннымъ обслѣдованіемъ положенія государственныхъ крестьянъ привела къ учрежденію: центрального министерства—въ 1838 г., а въ 1842 году—мѣстнаго управленія: 47 палатъ государственныхъ имуществъ, уѣзднаго—280 окружныхъ управленій, сельскаго—1307 волостныхъ и 5860 сельскихъ управленій, причемъ въ вѣдѣніе министерства поступило 7.649.442 душъ мужскаго пола (по 8 ревизіи). Министерство горячо принялось за устройство быта отданныхъ на его попеченіе государственныхъ крестьянъ и быстро совершенствовало ихъ бытъ, т. е. строило имъ, по однообразному плану, избы, школы, лѣчебницы, аптеки, сельскія управленія и проч., на счетъ взимавшихся съ нихъ разныхъ мелкихъ сборовъ, образовывало на разные предметы специальные капиталы, надѣляло ихъ землею, охраняло ихъ интересы, ограждало ихъ отъ дурнаго вліянія, создало имъ самоуправленіе, производило всему ежегодныя ревизіи, зорко слѣдило за точнымъ исполненіемъ всѣхъ предначертаній, которыя выразились въ опредѣленіи правъ и обязанностей личныхъ и сельскихъ обществъ, въ обезпеченіи достаточнымъ количествомъ земли, въ опредѣленіи натуральныхъ повинностей, въ религіозно-нравственномъ и школьномъ обра-

зованіи, въ устройствѣ общественнаго призрѣнія, въ охраненіи народнаго здравія, въ благоустройствѣ селеній, въ обезпеченіи народнаго продовольствія, въ образованіи сельскихъ банковъ и проч., и проч.

Такъ систематически велось дѣло до освобожденія, въ 1861 г., помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, а черезъ 5 лѣтъ послѣ того, когда это совершилось—послѣдовать, 18 января 1866 года, законъ и передать государственныхъ крестьянъ въ вѣдѣніе общихъ губернскихъ, уѣздныхъ, а также мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Вы помните изъ предыдущаго, въ какомъ жалкомъ положеніи поступили крестьяне въ вѣдѣніе министерства, а потому благоволите обратить вниманіе на то, съ чѣмъ они, съ 1867 года, перешли въ общія учрежденія.

Въ 1866 году ихъ уже считалось 22.281.473 души обоого пола, а собственно мужского 10.766.100 душъ, т. е. въ 28 лѣтъ населеніе возрасло на 25%, преимущественно вслѣдствіе улучшившагося ихъ матеріальнаго благосостоянія, а насколько улучшилось, вотъ наглядныя данныя.

Крестьяне переданы были министерству съ податною недоимкою въ 18.372.000 руб. сер., а ушли отъ него съ недоимкою только около 3.000.000 руб., да имѣли они уже

Церкви: Часовни: Молитвенныхъ домовъ

	каменныхъ.	деревянныхъ.	каменныхъ.	деревянныхъ.	каменныхъ.	деревянныхъ.
православныхъ . . .	5469	6928	335	4899	35	126
единовѣрческихъ . .	15	53	—	15	5	10
инославныхъ	174	336	14	126	—	—
Итого	4658	7317	349	5638	40	126
Мечетей	178	1640	—	—	—	—

Всѣхъ церквей, часовень и молитвенныхъ домовъ 19.946.

Въ 1838 году было у нихъ 60 училищъ, съ 1880 учениками, а въ 1866 году насчитывалось:

	Въ нихъ училось:	
	мальчиковъ.	дѣвочекъ.
приходскихъ сельскихъ училищъ	2754	121003
начальныхъ школъ грамотности .	3841	71776
школъ: магометанскихъ	904	26314
„ инородческихъ	14	812
„ лютеранскихъ	355	11203
Итого школъ и училищъ .	7869	231308
		49020
		280.328 чел. •

Богатѣленъ въ 1866 г. было 365, а въ нихъ призѣвалось 2.734 чел.

Опекъ надъ малолѣтними сиротами было 47.094, сиротъ 91.286, а ихъ имущества на 5.894 966 рублей.

До учрежденія Министерства на все населеніе было 6 врачей и 3.785 оспопрививателей, а въ 1856 г. они имѣли уже 269 лечебницъ, 1.200 аптекъ, 190 врачей, 61 ветеринара, 1.278 фельдшеровъ, 71 повивальную бабку, 3.726 оспопрививателей и 490 ихъ помощниковъ, а вся медицинская часть обходилась въ годъ 287.963 рубля, на счетъ общественнаго сбора.

Для погорѣльцевъ существовали, съ 1844 г., страховой сборъ по 4 коп. съ души, причемъ выдавали стъ 29 до 42 р. каждому, а съ 1858 введено было взаимное страхованіе со взиманіемъ за постройки: деревянныя—по 1 коп., а каменныя—по 1/2 коп. съ оцѣночнаго рубля и въ 1865 г. числилось застрахованныхъ строеній 3.235.659 на 144.479.889 р., а погорѣльцамъ выдано было 1.672.092 рублей.

Въ 1838 г. числилось 10.240 запасныхъ магазиновъ, а въ нихъ:

въ наличности	2.523.567	четв. хлѣба.
„ недоимкѣ	1.597.342	„ „
„ ссудѣ	2.146.621	„ „

Итого . . . 6.267.530 четв. хлѣба.

Въ 1866 г. въ магазинахъ считалось:

на лицо	10.742.672	четв.
въ недоимкѣ	597.995	„
„ ссудѣ	4.938.981	„

Итого . . . 16.256.648 четв.

Продовольственнаго капитала въ 1838 г. вовсе не было, а въ 1866 г. считалось:

въ наличности	1.525.055	руб.
„ ссудахъ	6.010.676	„
„ недоимкѣ	185.809	„
„ займахъ на разные предметы и въ ссудахъ за частными лицами	275.714	„

Итого . . . 7.996.754 руб.

Изъ казенныхъ ассигновокъ на хозяйственное устройство крестьянъ и изъ сборовъ съ нихъ Министерство бережливо расходовало деньги, почему изъ названныхъ двухъ источниковъ скопляло отдѣльные капиталы, причемъ изъ перваго возвратило въ казну въ 1859 и 1863 гг. 11.000.000 руб., а изъ второго въ 1866 г. набралось 3.838.950 руб.; а мірскаго капитала 7.458.336 руб.

Въ 1865 г. было въ селеніяхъ кассъ: вспомогательныхъ 2362 и сберегательныхъ 1769, итого 4631.

Обороты вспомогательныхъ кассъ заключались въ 1865 г. въ ссудѣ 6 805.552 руб. и въ наличности 1.935.182 руб., итого 8.740.734 руб., сберегательныя кассы ссудили въ 1865 г., вспомогательнымъ — 3.487.247 руб., а имѣли въ наличности 32.053 руб., итого 3.519.300 руб.

Всѣ перечисленные капиталы, магазины, школы, больницы и проч. перешли съ крестьянами въ общія учрежденія.

Независимо сказаннаго Министерство надѣлило крестьянъ изъ свободныхъ казенныхъ земель около $3\frac{1}{2}$ милліоновъ десятинъ, разрѣшило имъ выкупить изъ собственность около 200.000 десятинъ, переселило изъ малоземельныхъ въ новоземельныя губерніи болѣе 200.000 душъ, упрочило осѣдлость 200.000 душъ, 143.000 отставнымъ солдатамъ выдало пособій и пенсій 3.000.000 руб., выкупило до 9.000 однодворцевъ и купило 178 помѣщичьихъ имѣній съ 54.000 душъ. Лучшимъ доказательствомъ безупречнаго управленія министерствомъ крестьянами служило то, что передача ихъ со всѣмъ ихъ достояніемъ совершилась въ самый краткій срокъ, причемъ не оказалось ни затрудненій, ни жалобъ, а за это была объявлена Высочайшая благодарность Губернаторамъ и управляющимъ Палатами Государственныхъ Имуществъ. Вотъ какую плодотворную службу сослужило министерство отечеству.

В. Н.

Изъ жизни византійскаго императора Михаила III.

Въ восточной Римской имперіи, на тронѣ Константина Великаго, цари рѣдко засиживались подолгу. Около царскаго престола шла постоянная борьба, и ступени его часто обгазались потоками крови несчастныхъ соперниковъ. Продолженіе тысячи ста двадцати трехъ лѣтъ, когда существовала Византія, царствовало сто девять лицъ и изъ нихъ естественной смертію умерло только тридцать четыре, восемь погибли на войнѣ или отъ какой-либо случайности, двѣнадцать добровольно или насильственно отказались отъ престола, двѣнадцать умерло въ монастырѣ или въ темницѣ, трое погибли голодною смертію, восемнадцать были осклоплены или лишены зрѣнія, потеряли носы и руки, двадцать были отравлены, задушены, изгнаны, убиты, низвержены съ колонны. Заговоры бывали въ каждое царствованіе и притомъ по нѣскольку. Неудивительно, что достигнутая путемъ насилія власть становилась источникомъ разныхъ злоупотребленій; счастливыя чувствовали непрочность своего положенія и потому спѣшили воспользоваться имъ такъ, чтобы впослѣдствіи не жаль было за мимолетное царствованіе заплатить жизнью.

Къ числу императоровъ, оставившихъ послѣ себя дурную славу, принадлежитъ Михаилъ III, въ двадцать семь лѣтъ своей жизни стяжавшій себѣ позорное имя *Пьяницы*. Михаилъ занялъ царскій престолъ по праву наслѣдства, такъ какъ былъ сыномъ умершаго императора Теофила.

Греческіе историки изображаютъ юношу-царя безнравственнымъ, шутомъ, упивающимся виномъ до безумства и кощунствующимъ до святотатства. Не чувствуя никакой любви къ своимъ родственникамъ, даже къ матери, онъ расточалъ ее „обутыльникамъ“, шайкѣ негодныхъ людей, которые его окружали. Щедрость его переходила въ ничѣмъ неоправдываемую расточительность, когда онъ дѣлалъ подарки своимъ восприимчивымъ дѣтямъ, опустошая такимъ образомъ государственную казну. Константинъ Порфирородный рассказываетъ, что сыну Хилоса, правившаго вмѣстѣ съ нимъ колесницей во время бѣга, при крещеніи Михаилъ далъ сто литровъ золота, другимъ же давалъ по пятидесяти, сорока и тридцати литровъ. Нѣкоему патрицію Хиру, который за царскимъ столомъ рассказывалъ неприличные анекдоты, далъ сто литровъ золота. Михаилъ такъ возстановилъ противъ себя общественное мнѣніе, что и хорошія черты его характера истолковывались въ дурную сторону и почитались за фгиларство. Онъ, напримѣръ, не терпѣлъ пышнаго придворнаго этикета, постанлявшаго византійскаго императора на недосягаемую высоту и заставлявшаго курить предъ нимъ еиміамъ. Обыкновенный образъ жизни и простота въ обхожденіи со всѣми, даже самыми низкими, были ему наиболѣе пріятны, но современники видѣли въ этомъ лишь неразуміе царя.

„Преслѣдуя слишкомъ неумѣренно умѣренность, говоритъ историкъ Георгій Кедренъ, царь поступалъ вопреки своему достоинству. Именно: однажды Михаилъ встрѣтилъ женщину, которая шла изъ бани и несла въ рукахъ тазъ. Оказалось, что онъ воспринималъ у нея ребенка. Царь сошелъ съ коня и, отославши во дворецъ сенаторовъ, которые его сопровождали, захватилъ съ собою нѣсколькихъ безстыдныхъ и распутныхъ людшекъ и пошелъ вмѣстѣ съ женщиной; тазъ же взялъ себѣ въ руки.—„Пойдемъ, женщина, сказалъ царь; ты примешь меня въ своемъ домѣ: я хочу хлѣба съ отрубями и простого сыра“. Когда же женщина отвѣчала, что она ничего не имѣетъ для его пріема, тогда Михаилъ по приходѣ въ домъ быстро взялъ у нея еще мокрую простыню, постлалъ ее на

землю вмѣсто столовой скатерти, взялъ потомъ у женщины ключъ и самъ сталъ заведующимъ обѣдомъ, поваромъ, лакеемъ и стольникомъ. Пообѣдавши съ ней, царь медленно пошелъ пѣшкомъ во дворецъ, осмѣивая чопорность и глупую заботливость о приличіи бывшихъ до него императоровъ. Это вызвало справедливый общій гнѣвъ“, заключаетъ свой рассказъ историкъ.

Любимымъ развлеченіемъ византійцевъ издавна были конскіе бѣга. Подобно древнимъ римлянамъ, изъ-за гладиаторскихъ боевъ забывавшимъ все на свѣтѣ, жители Константинополя страстно были преданы цирку. Михаила всецѣло поглощали развлеченія на ипподромѣ и лошади. Лошадей онъ такъ любилъ, что устранивалъ для нихъ помѣщенія изъ мрамора и украшалъ ихъ на подобіе царскаго жилища. Самъ будучи искуснымъ наѣзникомъ и побѣдоносно соперничая съ своими противниками, онъ совершенно отдавался своему спорту и забывалъ даже свои прямыя обязанности. Тотъ же историкъ г. Кедренъ повѣствуетъ, что однажды, когда Михаилъ стоялъ въ колесницѣ, и уже все было готово къ началу бѣга, пришло вѣстіе о страшномъ опустошеніи Азіи эмиромъ Митилены Амероля. Протонаріи, считая это дѣло нетерпящимъ отлагательства, почтительно подошелъ къ царю съ докладомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подалъ ему полученныя бумаги. Михаилъ сильно разгнѣвался. Сурово взглянувъ на сановника, онъ „бѣшено крикнулъ: какъ ты смѣлъ, глупецъ, во время состязанія говорить мнѣ объ этомъ?“¹⁾

Подробную картину жизни императора рисуетъ Константинъ Порфирородный. „Онъ пренебрегалъ, говоритъ этотъ историкъ, и законами природы и законами государственнаго управленія. Состоявшая при немъ клика развратниковъ и негодныхъ людей, безчестила святость его царскаго достоинства; рассказы безнравственные и постыдные о разгулѣ, пьянствѣ и любовныхъ похожденияхъ и особенно — о кучерахъ, лошадяхъ и колесницахъ отнимали у Михаила все время. Эти люди были предметомъ особаго его попеченія, на нихъ онъ расточалъ деньги. Издѣваясь и ругаясь надъ вѣрой, царь перерадилъ мимовъ и скомороховъ, состоявшихъ при немъ, въ священниковъ, дѣлая все это предметомъ издѣвательства и смѣха. Онъ былъ возницей и кучеромъ, занимая мѣсто на козлахъ въ соотвѣтственной одеждѣ,

¹⁾ Ibid.

соревнуя въ искусствѣ двойного бѣга съ своими осперивками и расходовать на это много денегъ, вмѣсто того, чтобы тратить ихъ на нужды войска, онъ употреблялъ ихъ на зрѣлища; вмѣсто военныхъ предпріятій, онъ шёл на театральныя зрѣлища, на безстыдныя и безумныя вакханаліи и на распутство. Когда же были израсходованы почти все деньги, тогда пришлось по необходимости убивать богатыхъ и конфисковывать ихъ имущество, чтобы имѣть возможность дѣлать подарки кучерямъ, блудницамъ и безстыднымъ людямъ. Наконецъ, онъ приказалъ расплавить золотой развѣсистый платанъ, двухъ золотыхъ львовъ, двухъ литыхъ изъ золота грифовъ, золотой органъ, а также и другіе предметы царской роскоши, вѣсомъ не менѣе двухсотъ центнеровъ, и отдать въ царское казначейство. 370 центинаріевъ золота кромѣ серебра въ монетахъ и въ слиткахъ, которое было оставлено его отцомъ и сохранялось въ дворцовой кладовой, и еще 30, скопленныхъ его матерью Теодорой, императоръ обратилъ въ ничто и растратилъ, такъ что послѣ его смерти ничего не осталось, кромѣ трехъ центинаріевъ.

Изъ состоявшихъ при немъ женоподобныхъ мужчинъ одного онъ нарекъ патріархомъ, а другихъ одиннадцать митрополитами. Именно — Грилла онъ нарекъ патріархомъ, украсилъ его златотканной архіерейской одеждой, возложилъ на него омофоръ, а самъ въ этомъ сборищѣ занялъ мѣсто подъ именемъ митрополита колонійскаго. Каждому изъ своихъ соучастниковъ онъ далъ цитру, приказавъ носить ее подъ священнической одеждой и играть незамѣтно и, такимъ образомъ, съ плясками совершалъ священныя дѣйствія и литургии. При этомъ, когда говорили тайную молитву, приказывалъ, чтобы цитры звучали тихо; когда же наступало время для возгласа священника или отвѣта народа, тогда нужно было ударять по цитрѣ омычкомъ, чтобы онъ звучали сильнѣе, и получалась громкая музыка.

Однажды святѣйшій патріархъ Игнатій со всей своей церковной свитой и чиномъ совершалъ выходъ предъ народомъ, шествуя къ святому храму съ обычными священными пѣніями и церемоніями. Въ это время случился здѣсь и пьяный патріархъ царя—Грилла. Одѣтый въ священныя одежды, воссѣдая на ослѣ, со своими митрополитами и всей своей кликой, шествовавшей съ плясками, онъ шелъ прямо навстрѣчу Игнатию. Подойдя поближе, окружавшіе Грилла набросили на плечи фелони и, ударивъ въ цитры, заплѣли въ тонъ священ-

наго церковнаго пѣнія блудныя сѣва и пѣсни и прыгали, какъ Паны и Сатиры, громко шума и смѣясь надъ своими соперниками іереями и архіереями, и начали истинно дьявольскую пляску и шествіе. Архіерей же Божій, видя это и зная, кто тѣ, кои окружили его, и по чьему приказанію они дѣлали это, съ большою скорбію оплакивалъ начальника и виновника возмутительнаго кошунства, со слезами молился Богу о прекращеніи богохульства и наглости и проклиналъ нечестивцевъ, чтобы не издѣвались надъ святыней и таинствами и не смѣялись надъ тѣмъ, что должно уважать.

Въ другой разъ, насмѣхавсь надъ тѣмъ же патріархомъ и собственной матерью, царь разыгралъ слѣдующую сцену. Усѣвшись на царскій тронъ въ великолѣпномъ залѣ, такъ называемомъ Триклиніи, и посадивъ рядомъ съ собою Грилла въ патріаршихъ одеждахъ и воздавая ему честь, приличную архіерею Божію, онъ послалъ одного изъ своихъ слугъ сказать императрицѣ Теодорѣ: святѣйшій патріархъ Игнатій сидитъ здѣсь со мною, если желаешь получить отъ него благословеніе, прійди и вмѣстѣ со мною получишь его. Между тѣмъ Гриллъ закрылъ голову камлавкой и спряталъ бороду. Императрица мать, будучи благочестивой и боголюбивой женщиной, имѣя большую любовь и горячую вѣру къ святѣйшему патріарху, быстро собралась, когда услышала это. Не смѣя изъ скромности внимательно посматрѣть на сидѣвшаго рядомъ съ царемъ, да и совсѣмъ ничего не подозрѣвая недобраго, не думая и о возможности обмана, припала къ ногамъ Грилла, такъ какъ она была увѣрена, что это истинный архіерей, и просила благословить ее. Тотъ же немного приподнялся съ сѣдалища и повернулся къ ней спиною, сказавъ при этомъ: не говори, что хотя этого я не удостоилъ тебя! Царь хохоталъ, а этотъ нечестивецъ смѣялся еще громче, кругомъ же рукоплескали. Тогда царица, понявъ обманъ и подлогъ, сопровождаемая сожалѣніями нѣкоторыхъ присутствующихъ, осыпала сына проклятіями.

Такъ развлекался Михаилъ. Соправитель его, кесарь Василій, желая всячески помочь дѣлу и не опуская изъ вниманія ничего, что могло бы содѣйствовать исправленію царя, пытался сначала черезъ другихъ дѣйствовать на него, а потомъ осмѣлился и самъ благоразумными увѣщаніями и угрозами вразумить Михаила. Но послѣдній за это возненавидѣлъ Василія и неоднократно покушался, подъ благовидными пред-

логами, избавиться отъ него. Наконецъ, царь захотѣлъ отдать званіе кесаря нѣкому Василикину, одному изъ лицъ, окружавшихъ его, ничтожному человѣку, женоподобному выходцу изъ Никомидіи. Василикинъ былъ гонщикомъ на царской триремѣ, и этого-то Василикина Михаилъ облачаетъ въ царскую порфиру и мантию изъ золотой ткани, даетъ ему діадему и пурпурную, украшенную драгоценными камнями, обувь и прочіе знаки царскаго достоинства, выводитъ его къ сенату и, ухаживая за нимъ, какъ въ древности Неронъ за своимъ фаворитомъ, говоритъ: „смотрите всѣ и удивляйтесь! Не прилично ли ему быть царемъ? Наружность его достойна тирана, вѣнокъ подходитъ къ его волосамъ и все соотвѣтствуетъ его достоинству. И насколько лучше сдѣлать его царемъ, чѣмъ Василия?“

Царь проводилъ безпечную и безпечальную жизнь, находя утѣшеніе въ пьянствѣ и служеніи веселому Діонису, о которомъ думалъ постоянно и которому старался подражать. Участіе въ этихъ попойкахъ нерѣдко принималъ будто бы и патріархъ Фотій, который нравился царю за то, что не стѣснялся сообществомъ Грилла и его шайки и могъ поддержать компанію Михаилу. Фотій, по словамъ историка Симеона Магистра, съ большимъ успѣхомъ соперничалъ съ царемъ въ томъ, кто больше выпьетъ, и однажды на десять стакановъ превзошелъ его. Когда царь, выпивши пятьдесятъ чаръ, былъ уже мертвецки пьянъ, патріархъ, осушивши шестьдесятъ, не обнаружилъ никакихъ признаковъ опьяненія. Отдавшись всецѣло пьянству и совершенно потерявъ разсудокъ, Михаилъ посягалъ и на убійство и непріятныхъ ему людей подвергалъ всякимъ наказаніямъ и пыткамъ. Своимъ приближеннымъ онъ говорилъ: „это зло, зло же нужно уничтожить: у того вырвать глаза, другому отрубить руки или ноги; этотъ пусть будетъ наказанъ смертію, тотъ сожженъ“.. Подъ вечеръ, потерявшій сознаніе, царь укладывался своими прислужниками въ постель и предавался, подобно послѣднему рабу, тяжелому сну. Какъ-какъ разсѣявъ сномъ винные пары и густой туманъ въ мозгу, онъ, пробудившись, ничего не помнилъ изъ того, что было вечеромъ и часто искалъ тѣхъ, кому въ опьяненіи изрекъ смертный приговоръ. А узнавши отъ своей свиты и слугъ, что вечеромъ осудилъ ихъ—какаяся и плакалъ. Иногда тѣ, кого онъ искалъ, были цѣлы, но иногда—оказывалось безпольнымъ раскаяніе. Съ наступленіемъ вечера и до глубокой

ночи царь снова проводилъ время въ пьянствѣ, соединенномъ со всякими безбожными дѣяніями; словомъ, дѣлалъ тоже, что и прежде. Михаилъ закончилъ свою жизнь также худо, какъ и велъ ее. Кесарь Василій, опасаясь за собственное существованіе, рѣшился умертвить императора. 24 сентября 867 года, когда онъ упился виномъ до безчувствія, за ужиномъ въ обществѣ съ кесаремъ, убійцы безъ труда прекратили позорную и жалкую жизнь сына Теофана и Теодоры.

9. Ильинскій.

Литературная летопись.

Русские журналы.

Французский критикъ, наряжающій символизмъ въ мундиръ реализма —
Около одного вопроса.

На Петербургъ неожиданно свалилась труппа берлинскаго „Ибсенъ-театра“. Когда эти строки будутъ напечатаны, отъ этой труппы не останется въ Петербургъ даже грустнаго воспоминанія. По отзывамъ газетныхъ рецензентовъ, эта труппа, специализировавшаяся на Ибсенѣ, не привлекла нашу публику: театръ пустуетъ... Неужели Ибсеномъ, великимъ Ибсеномъ, неумиравшимъ Ибсеномъ перестали интересоваться?..

Существуетъ издавна у насъ и за границей мнѣніе, что русская публика строго реалистична, что она литературными явленіями нереального характера интересуется кратковременно и бросаетъ ихъ, какъ женщина тряпку, вышедшую изъ моды. Мы думаемъ, что это самое и случилось у насъ съ Ибсеномъ. Пессимистическое настроеніе, увлекшее незначительный слой общества Западной Европы, преимущественно литературные кружки, безъ достаточно серьезной причины, всюду начинаетъ спадать, и прежде всего у насъ, гдѣ оно явилось безъ всякаго повода, просто такъ, изъ подражанія. У насъ существуетъ свой пессимизмъ, не имѣющій ничего общаго съ западно-европейскимъ.

Въ недавно напечатанной повѣсти г. Станюковича „Дождалься“ выведенъ типъ русскаго пессимиста — подражателя повторяющаго слова Ницше о разложеніи современнаго культурнаго общества. Фланируя по заграничнымъ курортамъ этотъ господинъ, съ вызывающей увѣренностью и спокойной развязностью, сыплетъ направо и налево фразами о „порочности цѣнностей“ и повергаетъ въ недоумѣніе слушателей откуда нсе это взялось у сѣверо-восточнаго мѣдведя въ шубѣ. И вотъ какого рода разговоръ произойдетъ между нашимъ пессимистомъ и французскимъ рваньею.

— Я не умѣю такъ увлекательно и убѣдительно спорить,

какъ вы, и потому не смѣю продолжать, замѣтилъ любезно рантъе.—Но хоть мы не сходимся въ мнѣніяхъ, это не мѣшаетъ мнѣ уважать и любить русскихъ.

И далѣе прибавилъ съ едва слышной иронической ноткой въ голосъ:

— Вы, конечно, проводите такіе же смѣлые взгляды и въ вашихъ, вѣроятно, интересныхъ книгахъ, которыя, къ сожалѣнію, не могу прочесть.

— Не совсѣмъ! понижая голосъ, отвѣтилъ пессимистъ.

— Но, вѣроятно, вы такъ же смѣло и остроумно указываете на... несовершенства русской жизни, какъ сейчасъ указывали на банкротство нашего строя?.. И не сомнѣваюсь, что вашимъ общественнымъ дѣателямъ такъ же достается, какъ достается отъ нашихъ журналистовъ нашимъ министрамъ?

Тогда пессимистъ уже нервно воскликнулъ:

— Мы въ другихъ условіяхъ...

И не продолжалъ. Онъ сразу былъ сбитъ съ позиціи и доведенъ до признанія, что его пессимизмъ наносный, что онъ имъ только погромыхиваетъ, а отечественный пессимизмъ скромно таитъ въ себѣ: „Мы въ другихъ условіяхъ“.

Ничто не указываетъ, чтобы и само западно-европейское общество было настроено особенно пессимистично, въ духѣ Ницше или Ибсена. Что же касается, въ частности, родины Ибсена, скандинавскаго общества, то оттуда совсѣмъ не раздается безнадежно недовольныхъ голосовъ, кромѣ голоса Ибсена. Бьернсонъ, недовольный современнымъ строемъ жизни, самъ стоитъ въ первомъ ряду этого строя и призываетъ не къ сломкѣ его, а къ унрощенію нѣкоторыхъ общественныхъ и личныхъ отношеній, на которыхъ все еще лежитъ старая плесень.

Современнымъ пессимистамъ эта-то плесень и дорога. Весь пессимизмъ ихъ сводится къ сожалѣнію, что плесень эта все мало-по-малу убываетъ. Въ то же время они не замѣчаютъ, что съ убылью ея появляется въ жизни немало новыхъ уродливыхъ побѣговъ, на борьбу съ которыми и слѣдовало бы обратить всю мощь силъ и таланта. Но они не хотятъ сползти съ стараго мѣста; они только въ отчаяніи, что это мѣсто изподъ нихъ выползаетъ.

Вмѣстѣ съ панегиристомъ Ибсена, Анри Лихтенберже („Пессимизмъ Ибсена“, Міръ Божій), рассмотримъ ибсеновскій пессимизмъ. Изъ всѣхъ истолкователей Ибсена Лихтенберже выдѣляется тѣмъ особымъ взглядомъ, что приписываетъ Ибсену отрицательное отношеніе къ своимъ героямъ. Другіе критики, особенно русскіе символисты, видѣли въ этихъ герояхъ положительные типы, и весь пессимизмъ Ибсена, все его негодование направляли на среду, заѣдающую всякаго человѣка, ставшаго выше толпы, обрушивались на эту среду злѣе самого Ибсена. Нѣкоторыя пьесы Ибсена, преимущественно перваго періода, даютъ поводъ къ такому истолкованію. Но Лихтенберже останавливается только на пьесахъ по-

сѣдняго періода, и Ибсенъ для него цѣненъ потому, что это будто-бы писатель реальность.

Пессимизмъ Ибсена, говорить онъ, не какой-нибудь мистическій, берущій начало въ чувствѣ, въ интенсивной жалости къ неизбежнымъ мукамъ человечества, когда исчезаетъ охота къ жизни, появляется стремленіе къ благодатной смерти, къ буддистской нирванѣ, къ покою могилы, это—не Шопенгауеръ, Вагнеръ, Ницше. Пессимизмъ Ибсена — реалистическій. Критикъ опредѣляетъ этого рода пессимизмъ посредствомъ противоположенія его идеалистическому оптимизму. Послѣдній видитъ міръ въ прикрашенномъ видѣ, его поражаетъ то, что въ человѣкѣ есть великаго, благороднаго, великодушнаго; онъ вѣритъ во внутреннюю правду вещей, которая обезпечиваетъ торжество добра надъ зломъ и наказаніе зла, какъ въ индивидуальной, такъ и въ общественной жизни и исторической эволюціи. Пессимизмъ считаетъ такое оптимистическое представленіе о мірѣ или невольной иллюзіей лживаго пропитательности идеалиста или добровольнымъ ослабленіемъ логикою снатога, который увѣряетъ всѣхъ, что все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, или труса, который боится взглянуть правдѣ въ глаза. Реалистъ видитъ иначе, думаетъ, что видитъ, дѣйствительность такую, какова она есть, т. е. пошлой и печальной, и описываетъ ее такую, какою видитъ, ничего не скрашивая и не смягчая. Человѣкъ кажется ему безобразнымъ, а главное мелкимъ. Онъ пораженъ не только основною душевною пошлостью людей толпы, стада, но даже и въ самыхъ высшихъ индивидуумахъ онъ различаетъ недостатки, которые обезображиваютъ или унижаютъ ихъ. Общество глубоко испорчено, основано на несправедливости, безжалостно къ слабымъ, которыхъ давить съ отвратительною суровостью; оно держится на лживыхъ условностяхъ, съ помощью которыхъ счастливы или лицемерно стараются обмануть другихъ, или скрыть отъ самихъ себя серьезность положенія.

Таково опредѣленіе Лихтенберже, реалистическаго пессимиста. Къ нему онъ относитъ Ибсена.

Повидимому, Лихтенберже полагаетъ, что если онъ докажетъ, что послѣднія пьесы Ибсена такъ же реальны, какъ и первыя (а въ реализмѣ этомъ онъ не сомнѣвается), то реализмъ Ибсена будетъ доказанъ уже несомнѣнно. Вотъ какъ онъ представляетъ себѣ реальное содержаніе пьесъ Ибсена.

Герой драмы „Гансъ Габріэль Борсманъ“, типъ современнаго своеобразнаго идеалиста, рисуется Ибсеномъ въ видѣ галлюцинанта, чрезмерно честолюбиваго и властолюбиваго. Посредствомъ богатства онъ хочетъ управлять всѣмъ міромъ и даже не прочь устроить благосостояніе для тысячъ человѣческихъ существъ. Ибсенъ ничего противъ этого не имѣетъ. Но у этого идеалиста пропала совѣсть. Для достиженія своей цѣли онъ не только безцеремонно ипагаетъ черезъ всѣ препятствія, но и не пренебрегаетъ никакими для того сред-

ствами, даже преступленіемъ. Судьба караетъ его, но она же его и пощадить, когда проснется въ немъ совѣсть.

Въ „Строителѣ Сальнесѣ“ Ибсенъ видитъ плѣнника собственной индивидуальности, своего властнаго темперамента, своего эгоизма художника и творца. Чтобы обезпечить за собою художественное господство, онъ старается задушить нарождающіеся таланты, эксплуатировать ихъ въ свою пользу. Въ отчаяніи, что ему предстоитъ быть „выкинутымъ за бортъ“, онъ дѣлаетъ послѣднее усиліе: онъ хочетъ поразить міръ „необыкновеннымъ“. Но какъ человѣкъ, утратившій смыслъ жизни, онъ создаетъ никому ненужный предметъ. Катастрофа, случившаяся съ нимъ, есть не что иное, какъ наказаніе гордыни.

Въ драмѣ „Когда мы мертвые воскресаемъ“ Ибсенъ нападаетъ на одну изъ общепризнанныхъ *цнностей*. Онъ объявляетъ искусство чисто созерцательное, которое боготворитъ только прекрасную форму,—вредною силою. Художникъ Рубекъ совершилъ неискупимое преступленіе, убилъ жизнь любви въ самомъ себѣ и въ любимой женщинѣ, которая безусловно ему подчинилась, чтобы онъ имѣлъ возможность создать гениальное произведеніе. Жизнь требовала другого, а онъ не хотѣлъ считаться съ жизнью. Наконецъ, произведеніе готово; теперь можно и жить начать. Но поздно; оказывается, что художникъ и изъ себя и изъ нея вынулъ душу, оба оказались внутренне опустошенными. Сознательно они воскресли, но для жизни они погибли.

Вы видите,—говоритъ Лихтенберже,—какъ въ этихъ пьесахъ реализмъ Ибсена рисуется наиболѣе полно.

Почти всѣ пьесы Ибсена покрыты трудно проницаемымъ слоемъ символизма, что развязываетъ критикамъ руки истокорывать Ибсена какъ угодно. Но, по мнѣнію Лихтенберже, символизмъ Ибсена только одна эффектная форма. Стоитъ только раскрыть эту форму и передъ вами обнажится съ поразительной выпуклостью современная жизнь человѣка и ея истинный смыслъ. Но не удалось критику ничего ни раскрыть, ни уяснить. Все усердіе свое онъ потратилъ на сочиненіе надписей надъ ибсеновскими ходячими олицетвореніями. Вотъ, дескать, передъ вами Боргманъ, это есть не что иное, какъ честолюбіе и пропавшая совѣсть, Сальнесъ — надменность, Росмеръ — благородство, Брандъ — герой, Рубекъ — поэтъ, Ирена — самопожертвованіе. Всѣ они были бы необыкновенно великіе люди, если бы каждому изъ нихъ не былъ присущъ необыкновенный же недостатокъ, если бы они не забыли высшихъ законовъ, сверхъ-законовъ, которые управляютъ міромъ. *семие*... А нѣкоторые дѣйствующіе лица пьесъ такъ и остались нераскрытыми Лихтенберже. Передъ зрителемъ проходятъ лица, совсѣмъ не встрѣчающіяся въ жизни, положенія небывалыя. Появляется человѣкъ, рассказывающій, что онъ слышалъ пѣсню о „спящихъ духахъ золота“, слышитъ какая-то таинственная „женщина съ крысами“, въ страшную снѣжную

бурю, въ пустынномъ мѣстѣ вырастаетъ изъ подъ земли загодичная діаконисса и надъ погибшими трупами торжественно возглашаетъ „amen!“ Если все это называется реальнымъ, то что же называется фантастическимъ?.. Отнимите отъ Ибсена этотъ элементъ, называемый теперь *символизмомъ*, и въ пьесахъ его не окажется дѣйствія, останутся одни слова. Въ реальныхъ пьесахъ изъ слова или поступки дѣйствующихъ лицъ реагируетъ такъ или иначе реальная же жизнь. У Ибсена мстить (какъ у пессимиста—непремѣнно мстить) не жизнь, а какая нибудь-ледяная глыба (сколько онъ людей похоронилъ подъ этими глыбами!), или же герой расплачивается за свои грѣхи паденіемъ съ башни или подпадаетъ подъ слѣпую букву закона, обыкновеннаго уголовного закона,—случайно, неожиданно. Словомъ, *deus ex machina* всегда наготовѣ прийти на помощь развязкѣ.

Дѣло, конечно, не въ томъ, какъ понимаетъ реализмъ французскій критикъ Лихтенберже, а въ томъ, что къ сомнительнымъ голосамъ съ Запада у насъ вновь перестали прилагать критическую мѣрку. Лихтенберже увѣряетъ также, что Ибсена нельзя считать и отчаявшимся пессимистомъ; въ немъ кипитъ пламень идеалистической вѣры; онъ призываетъ людей къ коренному духовному перерожденію. Для этого онъ требуетъ отъ людей очень немного: нужно только отрѣшиться отъ вредныхъ пустяковъ, которые считаются людьми за серьезное дѣло. Въ „Докторѣ Штокманѣ“ такимъ пустякомъ считается выборная система управленія. Въ частности же, нѣкоторымъ отдѣльнымъ людямъ, „сверхчеловѣкамъ“, недостаетъ чего-нибудь только одного: проповѣднику Бранду—милосердія, спекулятору Боркману—совѣсти, художнику Рубеку—любви, строителю Сольнесу—альтруизма. Достичь всѣхъ этихъ добродѣтелей, можетъ быть, и можно бы было, если бы Ибсенъ указалъ ближайшіе ходы къ нимъ, кромѣ тѣхъ, которыми идетъ современный человѣкъ. Отчаянный пессимизмъ Ибсена для него самого закрываетъ всякіе ходы. По его представленію: земля—это исчадіе ада, люди—движущіеся трупы, мертвецы, жизнь—разложеніе, смерть—избавительница. Одно изъ основныхъ требованій отъ реального поэта заключается въ томъ, чтобы онъ ставилъ человѣка въ зависимость отъ реальныхъ же явленій жизни. Между тѣмъ, надъ дѣйствующими лицами у Ибсена постоянно виситъ еще какой-то дамокловъ мечъ, высшая судьба, ананке, которая преслѣдуетъ ихъ на каждомъ шагѣ, мститъ имъ за что-то, о чемъ они не имѣютъ и понятія, разбиваетъ ихъ счастье, замыслы, и не за каки-нибудь реальные прегрѣшенія, а за то, что они не выполнили предначертаній высшаго верховнаго закона. Законъ этотъ Ибсенъ постоянно подчеркиваетъ. Онъ прозраченъ. Самъ Ибсенъ, какъ только коснется этого закона, такъ тотчасъ превращается изъ спокойнаго драматурга въ пламеннаго лирика. Напримѣръ, судьбѣ угодно было обрушить на одного героя, всегда готовую къ еи услугамъ, любимую Ибсеномъ,

ледяную лавину. Но этого судьбѣ показалось мало. Сверху послышались ея оглушительныя слова, страшныя еще болѣе потому, что прогремѣли на древне-классическомъ нарѣчій и напомнили грѣшнику, что онъ такъ счастливо отдѣлался отъ земной юдоли плача только благодаря высшему милосердію.

Съ каждой драмой Ибсена наслоенія символизма все утолщаются, фантастическій элементъ становится преобладающимъ, въ качествахъ дѣйствующихъ фигуръ появляются машины, выдвигаемыя крайне прозрачною теологическою мистикой.

А такъ какъ теперь много Ибсена мы себѣ не можемъ и представить, то мнѣніе Лихтенберже, что драмы пессимиста Ибсена проникнуты реализмомъ, совершенно ошибочно. Драмы его уже давно являются пропитанными единственно протестантскою клерикальною словесностью.

Наша реальная публика начала это понимать.

Въ концѣ прошлаго года въ „Русскомъ Богатствѣ“ появились „Отрывки“ г. Михайловскаго о религіяхъ до-христіанскихъ и не-христіанскихъ. Авторъ разсматриваетъ данный предметъ исключительно съ научной точки зрѣнія. Матеріалъ для этого накопился теперь уже достаточный. Существуетъ рядъ писателей, выдвигающихъ „науку о религіи“ въ качествахъ особой, самостоятельной дисциплины, долженствующей занять свое специальное мѣсто въ системѣ нашихъ положительныхъ знаній. Какъ всякая положительная наука, она, естественно, переплетается съ психологіей, соціологіей, этикой, этнологіей и исторіей культуры и, какъ наука, она, разумѣется, не имѣетъ ничего общаго ни съ теологическими трактатами, ни съ метафизическими полетами мысли.

Въ напечатанныхъ пока „Отрывкахъ“ авторъ приводитъ взгляды на данный предметъ нѣкоторыхъ ученыхъ изслѣдователей.

Съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма, какъ извѣстно, религія является одной изъ подробностей надстройки надъ фундаментомъ формъ производства матеріальныхъ цѣнностей и обмѣна ихъ. Нечего и говорить, что авторъ несогласенъ съ этимъ взглядомъ, какъ принципиальный противникъ его. Онъ скорѣе готовъ согласиться съ „нескладной концепціей“ Грассери, лишь бы она шла въ разрѣзъ съ *немистическимъ* ученіемъ. Грассери полагаетъ, что элементы религіи—вѣрованія—тѣ же научныя гипотезы, но зачаточныя, возможныя для ума, обѣданаго опытомъ и развитіемъ, отвѣты на вопросы, задаваемые природою человѣку. Можно бы въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ согласиться съ Грассери, если бы онъ признавалъ подъ „гипотезами вѣрованій“ то же, что признаетъ, и тоже отчасти, самъ авторъ „Отрывковъ“, т. е. вѣрованія позднѣйшихъ наслоеній. Но „гипотезы“ Грассери одного происхожденія съ тѣми взглядами, которые считаютъ „науку существующей для науки“, „искусство для искусства“, и приписываютъ человѣку тотъ же метафизическій „полетъ мысли“.

Ратуя за Грассери, ради пораженія економічних матеріалістів, авторъ готовъ не согласиться даже съ Липпертомъ, который говоритъ, что религія настоящаго времени уже почти сливается съ наукой и что мыѣ, желая знать, какой въ религіи, освѣдомляются о вашихъ взглядахъ на астрономію, геологію, біологію.

Нѣтъ, это не такъ, возражаетъ г. Михайловскій, — „наоборотъ, въ наше время религія и наука для большинства раздѣлены непроходимыми перегородками“. Но, вѣдь, Липпертъ говоритъ вовсе не о большинствѣ, а о томъ меньшинствѣ, которое *скрутъ* въ гипотезы астрономіи, геологіи, біологіи и т. д. Наконецъ, надо же понимать, какъ онъ говоритъ.

Указавши затѣмъ на уподобленіе Ренаномъ „религіознаго инстинкта“ инстинкту „гнѣздованія птицъ“, каковое уподобленіе самъ авторъ „Отрывковъ“ называетъ „легкомысленнымъ“ (какъ будто въ данномъ случаѣ Ренанъ не тотъ же Грассери), авторъ подробно останавливается на мнѣніяхъ Леббока, Спенсера и Тайлора, которые, опираясь на свидѣтельства путешественниковъ и даже миссіонеровъ, утверждаютъ, что первой ступенью религіозныхъ понятій слѣдуетъ считать атеизмъ (Леббокъ преимущественно).

Наши изслѣдованія о первоначальныхъ религіозныхъ представленіяхъ ограничиваются, по необходимости наблюденіями надъ современными дикарями, уже поднявшимися надъ первой ступенью развитія. Слѣдовательно, вопросъ, какъ и въ какомъ видѣ ступилъ человѣкъ на первую ступень религіозности—вѣрующимъ или невѣрующимъ—сводится къ тому же, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, неизбежному вопросу о яйцѣ и курицѣ. Поэтому Спенсеръ, Тайлоръ и Огюстъ Контъ начинаютъ свои изслѣдованія съ появленія у людей хотя бы какихъ-нибудь первыхъ религіозныхъ проблесковъ. По Конту этою первою ступенью былъ фетишизмъ (поклоненіе земнымъ предметамъ), по Спенсеру—почитаніе предковъ, по Тайлору—анимизмъ (одухотвореніе природы). На мнѣніяхъ этихъ лицъ, заслуживающихъ безусловно большого вниманія, мы останавливаться не будемъ, потому что они имѣли въ виду одну цѣль, а авторъ другую, столь же, конечно, почтенную. По мнѣнію его дѣло заключается не столько въ первоначальныхъ формахъ религіи, сколько въ ея общемъ психологическомъ зернѣ, растаивающемъ у разныхъ народовъ, въ разные времена, при разныхъ условіяхъ въ разные формы. Поэтому онъ полагаетъ, и совершенно вѣрно, что за разъясненіемъ происхожденія и роста этого зерна слѣдуетъ прежде всего обратиться къ Фейербаху, который въ такомъ направленіи этотъ вопросъ изслѣдовалъ первый, оказавъ тѣмъ самымъ большую услугу людямъ.

Фейербахъ мало знакомъ русскимъ читателямъ. Поэтому мы приведемъ здѣсь воззрѣнія его на психологическій источникъ религіозныхъ представленій.

По Фейербаху, въ основѣ религіи лежитъ чувство зависи-

мости, чувство или сознаніе человѣка, что существованіе его зависитъ отъ какого-то другого, отличнаго отъ него существа. Чувство это знакомо и животнымъ, но оно въ нихъ не освящено сознаніемъ; поднять его до сознанія, проникнуться имъ можетъ только человѣкъ. Проблески этого сознанія имѣли грубо матеріальный характеръ. Первоначально человѣкъ сознаетъ свою зависимость отъ ближайшихъ къ нему явленій природы, отъ происходящихъ въ нихъ измѣненій, которыя несутъ ему добро или зло, такъ или иначе отражаются на его судьбѣ. Его слабый умъ естественно впдѣтъ во всѣхъ процессахъ природы намѣреніе, цѣлесообразную дѣятельность, подобную его собственной. Напуганный или обрадованный, онъ населяетъ всю окружающую его природу дѣятелями, принимающими участіе въ его жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно ему, алчущими, жаждущими, любящими и ненавидящими. Онъ ихъ уподобляетъ себѣ, только приписываетъ имъ большія силы, чѣмъ и объясняетъ свою отъ нихъ зависимость. Въ мысли, желанія человѣкъ кажется себѣ свободенъ, но въ достиженіи, исполненіи онъ чувствуетъ, что ограниченъ и потому передаетъ это дѣло этимъ всемогущимъ дѣтелямъ, иначе—богамъ. Въ концѣ концовъ, все сводится къ общенію человѣка съ природой. Въ этомъ состоитъ задача культуры вообще. Послѣдняя достигаетъ своей цѣли, съ одной стороны, подрѣзывая у желаній крылья, устраняя желанія неисполнимыя, съ другой—удешевляя силы человѣка теоретическимъ знаніемъ, техникой. Въ богахъ, значитъ, осуществляется то, что доступно желаніямъ человѣка, но недоступно его силамъ. Боги суть олицетворенные, облеченные въ образы желанія и идеалы человѣка. Но желанія и идеалы измѣняются въ исторіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняются и формы религіи, отмѣчая собою новыя періоды исторіи. Человѣкъ, представляющій собою источникъ религіи, въ сущности поклоняется въ лицѣ своихъ боговъ порожденіямъ своихъ же человѣческихъ желаній.

Изъ возраженій противъ Фейербаха г. Михайловскій указываетъ на тѣ, которыя были представлены (и будто бы совсемъ неосновательно) теоретиками экономического матеріализма. Но и самъ долженъ былъ сознаться, что эти теоретики возражали не по существу. Конечно, не по существу, а по другимъ побочнымъ *временнымъ* соображеніямъ. Очевидно, что и по Фейербаху религіозныя представленія есть тоже на что иное, какъ надстройка надъ *экономическимъ фундаментомъ*. Недаромъ Фейербахъ и марксисты стояли въ одной группѣ—лѣвыхъ гегельянцевъ.

Нѣкоторыя поправки и дополненія въ фейербаховъ антропоморфизмъ пытался внести Гюйо. Онъ говоритъ: „Человѣкъ становится истинно религіознымъ, когда строитъ надъ *человѣческимъ* обществомъ другое общество, болѣе высокое и сильное, общество всемірное, *космическое*. Общественность, оставляющая одну пазъ чертъ *человѣческаго* характера, при этомъ расширяется и подымается до небесъ“, и т. д. въ томъ

же родъ. Это онъ называетъ *соціоморфизмомъ*. Можно бы, однако, сойти обоимъ безъ такого рода поправокъ и дополненій. Это не изслѣдованіе религіозныхъ представленій, а само представленіе, которое Гюйо придумалъ и полагалъ пустить въ обращеніе. Не дается современнымъ философамъ серьезная критическая мысль. Понятно, почему г. Михайловскій не всталъ у этого философа, въ его съ трескомъ придуманномъ соціоморфизмѣ, того, что онъ вправѣ былъ ожидать, а именно изслѣдованія, какъ отражается на религіи форма общественныхъ отношеній.

Въ напечатанныхъ „Отрывкахъ“ не мало удѣлено мѣста вопросамъ о древней семьѣ и общинѣ, но роль и значеніе религіи въ этихъ ячейкахъ *будущаго общества* вынесены мало. Повидимому, авторъ согласенъ съ Фюстель-де-Куланжемъ, что „на зарѣ исторіи было столько религій, сколько семей, и всѣ онѣ не только не имѣли между собою ничего общаго, но были чужды другъ другу съ оттънкомъ враждебнаго характера“. Эта семейная или родовая религія долгое время воспрещала двумъ культамъ смѣшиваться или сливаться. Но нѣсколько семей съ теченіемъ времени могли создавать общій культъ. Только этимъ путемъ и могли образоваться тѣ сложныя системы религіозныхъ представленій, которыя сдѣлались общими для обширныхъ и даже разнородныхъ общественныхъ организацій.

Здѣсь же, конечно, кроется и источникъ многобожія, который былъ присущъ древнимъ обществамъ, составлявшимъ, такъ сказать, не организмъ, а конгломератъ.

И. М.

Изъ иностранной жизни и литературы.

Холль Кенъ. — Новая трагедія Габріелла д'Аннувио. — Новый Германскій журналъ. — Китайская періодическая печать. — Современная Турецкая литература. — Колыбель чаровѣчества. — Архивы Ватикана. — Находка древней рукописи о халдейской магін. — Психологія страха. — Роль чорта въ народныхъ легендахъ. — Турокъ о французской политикѣ на Востокѣ.

Вышедшій въ началѣ сентября 1901 года романъ Холль Кена „The Eternat City“ (*Вѣчный Городъ*) уже разошелся въ 100.000 экзempl. и его издатели не успѣваютъ удовлетворять все растущему спросу англійскихъ и американскихъ поклонниковъ таланта Кена. Немедленно послѣ появленія романа онъ былъ переведенъ на итальянскій, шведскій, финскій, норвежскій, французскій, нѣмецкій и др. языки. Въ Россіи Холль Кенъ не пользуется особенной извѣстностью и, если мы не ошибаемся, за исключеніемъ его романа „Христіаннъ“

(The Christian), появившагося въ 1901 году въ „Библіотекѣ Жизни“ (№ 6). другія его произведенія не были переведены на русскій языкъ.

Въ виду того, что романъ Кэна „Вичный городъ“ печатается въ текущемъ году, на страницахъ нашего журнала мы считаемъ не лишнимъ ознакомить нашихъ читателей съ біографіей этого выдающагося англійскаго писателя, являющагося въ настоящее время однимъ изъ любимцевъ американской и англійской читающей публики.

Томасъ Генри Холлъ Кэнъ родился на островѣ Мэнъ. Въ жилахъ его течетъ смѣшанная кровь: мать его норвежскаго происхожденія, отецъ—кельтъ. Дѣдъ Кэна владѣлъ когда-то пятьюдесятью акрами земли на островѣ, но потомъ обѣднѣлъ, земля была продана и уже отцу писателя, пришлось заняться ремесломъ кузнеца. Отецъ Кэна 80-лѣтній старикъ, живетъ теперь на островѣ Мэнъ, на одной изъ дѣловскихъ фермъ, выкупленныхъ Холлемъ Кэномъ, всегдашней мечтой котораго было стремленіе снова сдѣлаться землевладѣльцемъ на родномъ островѣ и выкупить родовую землю. Отецъ Кэна, несмотря на свой преклонный возрастъ до сихъ поръ пользуется прекраснымъ здоровьемъ и, судя по его портрету, удивительно напоминаетъ своей наружностью Л. Н. Толстого.

Первыя воспоминанія Холла Кэна относятся къ тому времени, когда онъ жилъ въ покрытой соломой хижинѣ, до сихъ поръ стоящей въ одной изъ красивѣйшихъ мѣстностей острова. Въ этой хижинѣ въ то время жилъ дядя Кэна, мелкій фермеръ, бывшій въ то-же время мясникомъ. Кэну пришлось переселиться къ дядѣ, когда отецъ уѣхалъ въ Ливерпуль гдѣ онъ получилъ кузнечную работу въ корабельной верфи. Дядя Кэна въ качествѣ мясника каждую недѣлю отправлялся въ маленькій городокъ Дугласъ, гдѣ онъ торговалъ мясомъ на открытомъ воздухѣ, располагая свой товаръ на одномъ изъ деревянныхъ столовъ рыночной площади. Жители городка Дугласъ устроили въ 1899 году торжественный обѣдъ въ честь своего прославившагося соотечественника, Холла Кэна, и онъ въ своей благодарственной рѣчи коснулся тѣхъ дѣтскихъ впечатлѣній, которыя были получены имъ во время ежедневныхъ поѣздокъ въ повозкѣ мясника изъ деревушки Балло въ Дугласъ и которыя оставили неизгладимый слѣдъ въ впечатлительной душѣ талантливаго ребенка.

„Мы ѣздили обыкновенно, — сказалъ Кэнъ въ вышеупомянутой благодарственной рѣчи, — въ открытой повозкѣ безъ рессоръ; для меня въ повозкѣ отводился тѣсный уголокъ, гдѣ я помѣщался, тѣснымъ со всѣхъ сторонъ баравьями и телачими тушами, бычачьими головами и тому подобными прелестями въ то время какъ мой дядя, облеченный въ свою неизмѣнную красную фуфайку, сидѣлъ, свѣсивъ ноги на передкѣ и весело посвистывалъ. Подъѣмы на крутые холмы и внезапные спуски, дикая красота окружающей природы, блескъ сосѣдняго моря, наконецъ, прибытіе въ новый міръ,

какимъ для меня тогда былъ вашъ городъ (Дугласъ)—все это производило на меня впечатлѣніе какого-то волшебнаго несбытачнаго приключенія. Съ того времени мнѣ пришлось не мало путешествовать: я нѣсколько разъ пересѣкалъ Альпы, взбирался на Атласскія горы, но ничто не могло сравниться съ первоначальными впечатлѣніями дѣтства, съ тогдашними чувствомъ несобѣятности міра и могущества природы. Мѣнь, его природа, его люди, съ ихъ обычаями и страстями глубоко запечатлѣлись въ моей душѣ и они-то въ большинствѣ случаевъ вдохновляли меня въ моихъ литературныхъ опытахъ.

Будущій авторъ былъ очень впечатлительнымъ и рано развившимся ребенкомъ. Физическія игры и упражненія, которыя играютъ обычно важную роль въ англійскомъ воспитаніи, не представляли особенной привлекательности для Холлзъ Кэна. Какъ это обыкновенно бываетъ съ даровитыми дѣтьми, любимыми друзьями дѣтства Кэна были книги, причемъ выборъ ихъ былъ довольно оригиналенъ; главное мѣсто въ его дѣтской библіотекѣ заключали старинныя неуклюжіе томи исторіи реформациі, солидные теологическіе трактаты и сборникъ парламентскихъ рѣчей прошлаго столѣтія. Періодъ школьной жизни Кэна (частью на островѣ Мѣнь, частью въ Ливерпульѣ) не отличался продолжительностью: онъ бросилъ школу на 14 году жизни и поступилъ въ ученики къ ливерпульскому землѣмѣру и архитектору Джону Муррею, приходившемуся дальнимъ родственникомъ семьѣ Гладстона и управлявшему Ланкаширскими помѣстьями Робертсона Гладстона. На 19 году жизни, еще во время пребыванія Кэна въ учени у Муррея, Кэнь получилъ лестное предложеніе сдѣлаться управляющимъ однимъ изъ помѣстій Гладстона съ жалованьемъ въ 1200 рублей въ годъ. Несмотря на соблазнительность этого предложенія, Кэнь имѣлъ твердость духа отказаться, изъ боязни, что у него останется мало свободного времени для чтенія и самообразованія. Да и вообще его въ то время занимали вопросы иного порядка: онъ съ жаромъ предавался изученію исторіи и литературы и сочиненій по социологіи. Результатомъ этихъ изученій былъ рядъ статей въ одной мѣстной газетѣ, посвященныхъ социальнымъ злобамъ дня. Статьи эти были навѣяны главнымъ образомъ изученіемъ имѣвшихъ тогда большое распространеніе социально-экономическихъ теорій знаменитаго американскаго реформатора Генри Джорджа. Въ то-же время Холлзъ Кэнь былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ специальныхъ журналовъ: „Строитель“ и „Архитектурныя Новостя“.

Но вскорѣ занятія архитектурой настолько надоѣли Кэну, что онъ счелъ болѣе подходящимъ для себя возвратиться на островъ Мѣнь и занять мѣсто сельскаго учителя въ одной изъ деревушекъ острова. Къ этому же періоду его жизни относится рядъ статей о Парижской коммунѣ, проливающихъ горячимъ сочувствіемъ къ коммунарамъ. Но, пробывъ около полугода въ роли учителя, Кэнь не выдержалъ „преlestей

сельскаго уединенія“ и возвратился опять въ Ливерпуль, гдѣ оначала добывать себѣ хлѣбъ въ качествѣ архитектурнаго чертежника; позднѣе онъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ двухъ мѣстныхъ газетъ „Town Crier“ и „Argus“ и окончательно отдался литературѣ.

Въ 1877 г. Кэнъ прочелъ въ Ливерпулѣ рядъ публичныхъ лекцій на различныя социальныя темы и по исторіи новѣйшей англійской литературы. Въ томъ-же году онъ основалъ общество „литературно-соціальныхъ дебатовъ“; общество это отличалось большимъ радикализмомъ воззрѣній и въ свое время производило не мало шума въ Ливерпулѣ; но оно не отличалось долговѣчностью и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ было закрыто.

До 24-лѣтняго возраста Холлъ Кэнъ жилъ въ Ливерпулѣ, перебиваясь мелкой литературной работой, публичными лекціями и т. п. Одна изъ его лекцій, посвященная поэзіи Данте У, Габріель Россетти (знаменитаго лирическаго поэта и живописца, одного изъ основателей „прерафаэлитскаго движенія“ въ Англіи) повела къ знакомству Кэна съ знаменитымъ поэтомъ, которое вскорѣ перешло въ тѣсную дружбу. По приглашенію Данте Россетти Кэнъ переѣзжаетъ въ Лондонъ и поселяется въ домѣ Россетти, гдѣ онъ прожилъ около 2 хъ лѣтъ. Въ 1882 году Россетти умеръ на рукахъ Кэна.

Послѣ смерти Россетти Кэнъ прожилъ нѣкоторое время въ Лондонѣ, занимаясь журналистикой: помѣщая критическія статьи въ извѣстномъ литературно-критическомъ журналѣ „Academy“ и переводя статьи по текущимъ политическимъ вопросамъ въ Ливерпульскомъ „Mercury“.

Во время пребыванія въ Лондонѣ Холлъ Кэнъ женился и рѣшилъ попытать счастья въ области беллетристики. Первая мысль объ этомъ была дана его другомъ Россетти. „Россетти страдалъ хронической безсонницей, — рассказываетъ Кэнъ въ своихъ воспоминаніяхъ о покойномъ поэтѣ, — чтобы разогнать гнетущую тоску безсонныхъ ночей, я рассказывалъ ему объ островѣ Мэнъ, о его жителяхъ, ихъ предразсудкахъ, образѣ жизни и т. д. Россетти очень нравились мои рассказы и онъ часто говорилъ мнѣ: „почему бы вамъ не описать всего этого“?

Поселившись съ женой въ маленькомъ домикѣ въ Сэндоунѣ Кэнъ со свойственной ему настойчивостью принялся за свою первую беллетристическую работу. „Написаніе первой главы романа, — рассказывалъ тоже онъ, — заняло почти двѣ недѣли: я буквально изнемогъ подъ бременемъ работы. Первую половину романа я переписалъ собственноручно по меньшей мѣрѣ четыре раза. Черезъ пять мѣсяцевъ романъ былъ законченъ и Кэнъ отправился съ нимъ къ м-ру Коттону, редактору Academy (antiqua) съ цѣлью узнать его мнѣніе о своемъ произведеніи. М-ръ Коттонъ посоветовалъ ему сдѣлать нѣкоторыя крупныя измѣненія и Кэну пришлось переделывать заново почти весь романъ, съ которымъ онъ отправился къ своему старому пріятелю, редактору Ливерпульскаго „Mercury“. Прочтя руко-

писк романа редакторъ оказалъ: „Желаете знать мое искреннее мнѣніе? — Да, конечно. — Грубо и требуетъ усиленной обработки“. — Кэнъ съ грустью взялъ свой манускриптъ и отправился съ нимъ въ Лондонъ, гдѣ злосчастный романъ снова былъ переработанъ отъ начала до конца, причѣмъ теперь главное описаніе Кэна было обращено на „шлифовку“ стиля.

Наконецъ, романъ (носившій названіе „The Shadow of the Crime“ — Тѣнь преступленія) былъ принятъ „Меркуріемъ“ и появился въ фельетонахъ этой газеты. Кэнъ получилъ за него 100 ф. ст. (около 1000 руб.). Послѣ появленія въ газетѣ романъ, былъ изданъ отдѣльной книгой и имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, хотя все таки не завоевалъ Кэну виднаго мѣста въ англійской беллетристикѣ. Въ слѣдующемъ году появилось второй романъ Кэна „Сынъ Агари“ (Son of Hagar). Хотя новый романъ принесъ Кэну 300 ф. ст. (около 3.000 руб.), но критика встрѣтила его довольно непріязненно. Отчаявшійся Холлъ Кэнъ рѣшилъ сдѣлать послѣднюю попытку и, въ случаѣ ея неудачи, снова возвратиться къ дѣятельности журналиста. Въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ онъ почти не отходилъ отъ письменнаго стола пока не окончилъ своего третьяго романа. „The Deemster“ (Судья). Романъ принесъ автору 550 ф. ст., былъ встрѣченъ восторженными похвалами критики и выдержалъ въ одинъ годъ нѣсколько изданій. Слава Кэна, какъ беллетриста, была упрочена. Вслѣдъ за „Судьей“ появились его романы: „The Bondsman“ (Рабъ), „The Scaregoat“ (Козель отпущенія), „The Manxman“ (Житель острова Мэна), „The Christian“ (Христіанинъ) и, наконецъ, въ прошломъ году „The Eternal City“ (Вѣчный горедъ). Каждый изъ этихъ романовъ способствовалъ выростанію извѣстности Кэна, какъ одного изъ выдающихся англійскихъ беллетристовъ.

Сравнительно съ другими модными романистами Холлъ Кэнъ мало продуктивенъ и это объясняется тѣмъ, что онъ очень тщательно собираетъ и изучаетъ матеріалы для своихъ произведеній. Такъ, во время работы надъ романомъ „The Bondsman“, онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Исландіи, изучая нѣкоторые детали, необходимыя для его романа. Прежде чѣмъ приступить къ обработкѣ романа „The Christian“, Холлъ Кэнъ провелъ около полугода, изучая клоаки лондонской нищеты.

Въ 1892 году онъ былъ приглашенъ еврейскимъ комитетомъ посѣтить Россію, съ цѣлью изученія положенія евреевъ въ нашемъ отечествѣ. Кэнъ уѣхалъ въ Россію въ сопровожденіи переводчика, провелъ въ ней нѣсколько мѣсяцевъ и пришелъ къ заключенію, что причина всѣхъ бѣдствій евреевъ въ Россіи коренится въ ихъ экономическомъ положеніи, а не въ расовой религіозной розни, какъ думали многіе. Въ этомъ духѣ имъ было написано нѣсколько статей для Times'a. Кэнъ также прочелъ рядъ публичныхъ лекцій о еврейскомъ вопросе въ Россіи.

Въ первоначальномъ наброскѣ романа „The Manxman“ Кэнъ предполагалъ изобразить жизнь русскихъ евреевъ, но потомъ, по мѣрѣ разработки темы, онъ убѣдился, что его знаніе еврейской и русской жизни, вынесенное изъ непродолжительнаго путешествія по Россіи, далеко недостаточно и онъ благоразумно перенесъ мѣсто дѣйствія романа на свой родной островъ Мэнъ, который онъ знаетъ вдоль и поперекъ и гдѣ, хотати сказать, онъ пользуется громадною популярностью среди мѣстнаго населенія, и какъ писатель и какъ человѣкъ. Кэнъ состоитъ мировымъ судьей своего округа и его неоднократно уговаривали поставить свою кандидатуру въ мѣстный Мэнскій парламентъ (House of Keys), но онъ отказывается отъ этой чести, въ виду того, что тогда у него совсѣмъ не останется времени для литературной работы.

Англійская критика уже отмѣтила, что основные мотивы произведеній Кэна почти всегда заимствованы изъ библіи. Такъ, „The Deemster“—исторія блуднаго сына, въ „The Bondsman“—исторія Исава и Иакова, въ „The Manxman“—исторія Давида и Урія, наконецъ, въ „The Eternal City“—исторія Самсона и Далилы. Эти основные мотивы, конечно, вставлены въ рамки современной жизни, но тѣмъ не менѣе, библія является источникомъ моральныхъ вдохновеній Кэна.

— Новая трагедія Габріелля д'Аннуцціо „*Francesca da Rimini*“ вызвала оживленные толки среди европейскихъ художественныхъ критиковъ, въ большинствѣ случаевъ похвальнаго свойства. На родинѣ автора новая трагедія была встрѣчена далеко не съ такимъ восторгомъ, такъ что извѣстный итальянскій критикъ Марцокко счелъ нужнымъ выступить въ послѣдней книжкѣ *Revista d'Italia* съ защитой трагедіи.

Техническая сторона трагедіи, говоритъ Марцокко,—производитъ сильное впечатлѣніе своими несомнѣнными достоинствами и силой выполненія. д'Аннуцціо въ своей новой трагедіи освободился отъ тяжелыхъ путъ исторической традиціи, столь долго связывавшей итальянскую драму. Въ новой трагедіи вы не найдете декламационной реторики и классическихъ тоговъ, въ которыя неизмѣнно привыкли облекать своихъ героевъ итальянскіе драматурги, мало обращающіе вниманія на время и мѣсто дѣйствія и жертвовавшіе всѣмъ звонкой фразѣй. Трагедія д'Аннуцціо построена на реалистическихъ основаніяхъ современной европейской драмы.

„Авторъ потратилъ не мало труда и времени на подготовительную работу. Неизвѣстные историческіе документы, забытые хроники, народныя легенды и преданія дали драгоценный матеріалъ для трагедіи. Трагедія написана великолѣпнымъ языкомъ XIII столѣтія и авторъ съ поразительнымъ искусствомъ сумѣлъ передать на этомъ архаическомъ языкѣ всѣ тончайшія оттѣнки чувства“.

— Въ Берлинѣ началъ выходить новый журналъ „*Der Heide*“ (Язычникъ) съ подзаголовкомъ „*Blätter für religiöse Renaissance*“. Журналъ отличается рѣзкимъ антихристіанскимъ на-

правленіємъ и проповѣдуетъ возрожденіе язычества, хотя проповѣдь эта ограничивается общими фразами и не даєть понятія о характерѣ того новаго культа, которымъ журналъ хотѣлъ бы замѣнить „обветшавшую религію“. Въ передовой статьѣ перваго №-ра, носящей заглавіе „Vestigia Christi“ авторъ указываетъ на релігіозныя войны прошлыхъ вѣкозъ, на сожиганіе колдуновъ и вѣдьмъ, на монашескій аскетизмъ, на разрушеніе высококультурной мавританской цивилизаціи и т. д. Вслѣдъ затѣмъ идетъ указаніе на „борцовъ съ христіанствомъ“, въ каковыя журналъ зачисляетъ Геккеля, Давида Штраусса, Каруса Штерна (автора „Werden und Vergehen“), Ницше и Бюхнера. Беллетристика журнала отличается „передовымъ“ характеромъ и разсказъ „Двѣ сестры“ является неприкритымъ восхваленіемъ „свободной любви“. Въ статьѣ „Мораль и христіанство“ авторъ старается доказать, что браминизмъ и буддизмъ по своимъ этическимъ основамъ стоятъ выше христіанства. Поэма „Gottes Grab“ рисуетъ фантастическую картину паденія христіанства.

Журналъ обратилъ на себя вниманіе рѣзкостью тона и имѣлъ „успѣхъ скандала“, но серьезная германская критика отнеслась къ нему пренебрежительно, какъ къ мальчишескому предпріятію, имѣющему лишь „паталогическій интересъ“ или интересъ „литературнаго курьеза“, рассчитаннаго на дешовый успѣхъ.

Въ Берлинской „*Tagliche Rundschau*“ помѣщенъ не лишешній интереса очеркъ китайской періодической печати. Старѣйшей газетой въ Китаѣ,—даже, пожалуй, въ цѣломъ мірѣ,—является Пекинская „Газета“, публикующая правительственныя указы и иногда новости, при чемъ послѣднія обыкновенно сообщаются безъ всякихъ редакторскихъ комментариевъ. Газета насчитываетъ свыше 700 лѣтъ существованія и представляетъ богатый историческій матеріалъ. Другія китайскія газеты издаются почти исключительно въ торговыхъ городахъ, вслѣдствіе того, что въ крайнемъ случаѣ китайскіе редакторы прибѣгаютъ къ помощи и заступничеству живущихъ въ портахъ вліятельныхъ европейцевъ. Нерѣдки даже случаи „подставныхъ“ редакторовъ изъ европейцевъ. Изъ этихъ провинціальныхъ изданій наиболѣе вліятельныхъ считается газета „Шен-Пао“, издающаяся въ Шанхаѣ и неустанно борющаяся съ взяточничествомъ и развращенностью китайскаго оффиціального міра. Вліяніе ея настолько велико, что нерѣдки случаи, когда, благодаря статьямъ газеты, отмѣнялись несправедливыя приговоры и т. п. „Шен-Пао“ не мало сдѣлала для смягченія жестокихъ уголовныхъ законовъ Китая и вообще стоитъ во главѣ „прогрессивныхъ“ китайскихъ газетъ. Многіе изъ китайскихъ вице-королей пытались зажать ротъ этой несприятной обличительницѣ, но пока ихъ усилія не увѣнчались успѣхомъ. Губернаторъ Чех-Ки-Янга, на котораго особенно нападала газета, обвиняя его во взяточничествѣ, въ Цунгъ-ли-Яментъ (министерство иностранныхъ дѣлъ). Но и это учрежденіе принуждено было отвѣтить, что оно ничего не можетъ подѣлать

съ дерзкой газетой, причемъ одинъ изъ министровъ, принцъ Кунгъ, саркастически прибавилъ: „это — очень интересная газета. Мы сами очень внимательно читаемъ ее въ Пекинѣ“. По слухамъ, императрица является одной изъ усерднѣйшихъ читателейницъ „Шен-Пао“.

Дополненіемъ къ свѣдѣніямъ сообщеннымъ въ „Tägliche Rundschau“ можетъ служить, появившаяся недавно въ Нью-Йоркскомъ „Times“ статья бывшаго редактора этой газеты живущаго теперь въ Шанхаѣ.

Въ Шанхаѣ, — говоритъ м-ръ Фредерикъ Эдди, — издается шесть ежедневныхъ китайскихъ газетъ и одна еженедѣльная. Обыкновенно три-четверти газеты наполнены разнообразными объявленіями и для помѣщенія всѣхъ новостей, фельетона и передовой статьи остается $\frac{1}{4}$, вмѣщающая въ себѣ около 8.000 іероглифовъ, причемъ 4.000 іероглифовъ отводятся на городскія новости и происшествія, такъ что главная работа выпадаетъ на долю репортеровъ. Китайскому наборщику приходится обладать очень цѣпкими руками, выносливыми ногами и крѣпкой спиной. Въ виду обилія іероглифовъ они расположены въ отдѣльныхъ клѣткахъ по стѣнамъ наборной и наборщикъ вертится по всей комнатѣ какъ бѣлка въ колесѣ, нерѣдко влѣзая на лѣстницу въ погоню за какимъ-либо малоупотребительнымъ іероглифомъ. Нѣкоторымъ удобствомъ является то обстоятельство, что въ сосѣдней комнатѣ находится рѣзчикъ и отливальщикъ, которые тутъ-же на мѣстѣ заготавливаютъ особенно сложные іероглифы.

Плата сотрудникамъ очень невысока и не превышаетъ 40 руб. въ мѣсяцъ, но такъ какъ китайскіе журналисты обыкновенно живутъ въ помѣщеніи редакціи, питаются горстью варенаго риса и не особенно заботятся объ изысканности своего туалета, то, по мнѣнію м-ра Эдди, — это мизерное вознагражденіе вполнѣ покрываетъ ихъ несложные нужды.

Судя по приведенному въ „The Religio-Philosophical Journal“ образчику, китайскіе редакторы отличаются утонченной вѣжливостью и всячески подслащаютъ непріятную процедуру возвращенія рукописей. Вотъ что пишетъ при этомъ китайскій редакторъ неудачнику-автору:

„Знаменитый братъ Солнца и Луны! Воззри на раба твоего, который влачится у ногъ твоихъ и цѣлуетъ землю предъ тобой, въ надеждѣ, что ты позволишь ему говорить и дышать.“

„Мы прочли рукопись твою съ восторгомъ. Клянемся прахомъ предковъ нашихъ, намъ никогда не приходилось читать ничего равнаго по совершенству: Если бы мы напечатали ее, намъ бы пришлось не печатать больше ничего, ибо ничто не могло бы сравниться съ твоей несравненной рукописью и мы принуждены были бы закрыть газету, такъ какъ произведенія подосныя твоему, могутъ быть написаны лишь разъ въ тысячелѣтіе. Посему, простираясь во прахъ предъ тобою, возвращаемъ тебѣ твою драгоценную рукопись съ тысячею поклоновъ и извиненій!“

Безъ преувеличенія можно сказать, что о современной Турецкой литературѣ почти ничего неизвѣстно въ Европѣ. Европейцы привыкли думать, что Турки находятъ полное удовлетвореніе своимъ поэтическимъ наклонностямъ въ Коранѣ, кальянѣ и... гаремѣ. Появившаяся въ научномъ приложеніи къ Мюнхенской „*Allgemeine Zeitung*“, статьи о новѣйшей турецкой литературѣ показываютъ, что европейскія представленія о литературѣ Турокъ ложны и что въ оттоманской имперіи въ настоящее время началось довольно серьезное литературное движеніе, заслуживающее вниманія и изученія.

Около 25 лѣтъ тому назадъ,—говоритъ авторъ статьи,—въ Турецкой литературѣ начали проявляться новыя тенденціи шедшія вразрѣзъ съ прежнимъ направленіемъ. Новая школа писателей оказалась очень плодотворной, особенно въ области беллетристики и по конечнымъ своимъ идеаламъ очень близка къ западно-европейской литературѣ.

Въ первомъ ряду современныхъ турецкихъ писателей стоитъ Ахмедъ Мидхатъ, отличающійся необыкновенной плодотворностью въ разнообразныхъ областяхъ литературы и незаурядной талантливостью. Онъ началъ съ переводовъ и передѣлокъ французскихъ сенсационныхъ романовъ и первый же его опытъ въ этомъ родѣ „Матросъ Хассаль“ — передѣлка знаменитаго „Графа Монте-Кристо“, Дюма доставилъ ему широкую популярность. Не меньшимъ успѣхомъ пользуются его „Нравственные Разказы“—передѣлки Фенелона, Вольтера, Лафонтена и др. французскихъ писателей. Вслѣдъ затѣмъ онъ перешелъ къ оригинальнымъ беллетристическимъ произведеніямъ, сюжеты которыхъ взяты изъ современной турецкой жизни. Таковы два его романа изъ константинопольской жизни „Земной ангелъ“ и „Приключеніе Платоубея и Ракима Эффеиди“. Въ романѣ „Чудеса міра“, Ахмедъ Мидхатъ съ большимъ говоромъ описалъ впечатлѣнія турка, попавшаго въ Англію. Но особенно высокую литературную цѣнность имѣютъ его „Занимательные Разказы“, въ которыхъ съ поразительной силой и реализмомъ изображена жизнь современныхъ турокъ. Разказы „Бракъ“, „Всегда голодный“, и „Юность“ авторъ статьи называетъ литературными перлами, которыхъ бы не постыдилась любая изъ европейскихъ литературъ. Большинство этихъ коротенькихъ разказовъ проникнуто пламеннымъ радикализмомъ, а произведшій большое впечатлѣніе разказъ „Бракъ“ является страстнымъ обличеніемъ гаремной жизни. Какъ это ни странно, защитницей гаремной жизни противъ нападокъ Ахмедъ-Мидхата выступила принявшая магометанство вѣмка Елена Бехланъ, жена одного изъ крупныхъ турецкихъ чиновниковъ, написавшая романъ изъ гаремной жизни подъ вызывающимъ заглавіемъ „Полуживотное“. Этой же писательницѣ принадлежатъ переводы нѣсколькихъ драмъ Шиллера на турецкій языкъ.

Вслѣдъ за Ахмедъ-Мидхатомъ, по мнѣнію автора статьи,—можно поставить Муаллима Надши, сборникъ разказовъ ко-

торого появился недавно въ переводѣ на нѣмецкій языкъ. Онъ пишетъ стихами и прозой, причемъ его произведенія отличаются чрезвычайной простотой и художественностью стиля. Рядомъ съ нимъ стоитъ ученый турокъ Сами-Бей, авторъ лексикографическихъ трудовъ, высоко цѣнимыхъ специалистами въ Европѣ. Не ограничиваясь научными работами — Сами-Бей написалъ романъ „Любовь Тилата и Финота“. Романъ этотъ считается однимъ изъ самыхъ выдающихся произведений современной турецкой беллетристики, хотя конструкция его довольно слаба. Это въ сущности рядъ талантливо написанныхъ картинокъ, направленныхъ противъ гаремной жизни.

Среди турецкихъ юмористовъ авторъ отмѣчаетъ Сезан, особенно изощряющаго свое остроуміе надъ злосчастными мужьями, которыхъ гаремныя затворницы всячески изводятъ. Его книга рассказовъ („Мелочи“) пользуется большимъ успѣхомъ, равно какъ и его сатирический романъ изъ гаремной жизни „Свадьба“. Одинъ изъ молодыхъ писателей Мустафа-Решидъ, бывший атташе турецкаго посольства при одномъ изъ европейскихъ дворовъ, написалъ романъ изъ жизни великосвѣтскаго общества въ Европѣ, озаглавленный „Дѣвичій грѣхъ“. Изъ драматурговъ авторъ указываетъ на Кемали (драмы „Огызна“ и „Сялистриа“), Гуссамедина (комедія „Интрига“) и Мехмеда Рифата (дидактическая комедія „Обычай“).

Отмѣтимъ, кстати, появившуюся недавно на англійскомъ языкѣ работу, посвященную исторіи турецкой поэзіи: *A History of Ottoman Poetry, by E. Gibb*. Пока вышелъ лишь первый томъ касающійся ранняго періода (Султанъ Валедъ, Бурханъ, Ашикъ, Ахмеди, Сулейманъ, Шеики, Низини). Однимъ изъ крупныхъ достоинствъ книги являются обильныя цитаты, дающіе читателю возможность составить определенное понятіе о турецкой поэзіи. Мы надѣемся поговорить подробнѣе объ этой интересной работѣ англійскаго ориенталиста по выходѣ втораго заключительнаго тома.

Проф. Самюэль Ваддингтонъ, пытается отвѣтить на интересный вопросъ: какая страна можетъ быть названа по справедливости колыбелью человѣчества, гдѣ именно протекали первые года дѣтства этого „талантливаго ребенка?“ („XIX Century“).

„Довольно распространенная теорія, — говоритъ Ваддингтонъ, — согласно которой человѣчество существуетъ не болѣе ста тысячъ лѣтъ, основана главнымъ образомъ на томъ общезвѣстномъ фактѣ, что до сихъ поръ не было найдено никакихъ человѣческихъ костей или остатковъ, которые могли-бы быть отнесены къ третичной эпохѣ. Но сэръ Чарльзъ Лайелль уже болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ указалъ, что хотя въ долианѣ Соммы была найдена масса кремневыхъ орудій въ аллювіальномъ пескѣ, тѣмъ не менѣе, не смотря на самыя

тщательныя поиски, не было найдено человѣческихъ костей. „Отсутствіе всякаго признака костей,—пишетъ по этому поводу Лийелль,—принадлежащихъ населенію послѣ котораго осталась такая масса изобрѣтенныхъ и сдѣланныхъ имъ кремневыхъ орудій, является поучительнымъ урокомъ относительно цѣнности негативнаго свидѣтельства и трудности опредѣленія лишь по остаткамъ костей степени распространенности истиннаго животнаго или человѣка въ данную эпоху.

Лийелль указываетъ также на Гаарлемское озеро, занимавшее около 45.000 квадратн. акровъ, которое было осушено въ 1853 году... Въ водахъ этого озера произошло не одно кораблекрушеніе, на немъ происходили битвы и сотни голландскихъ и испанскихъ матросовъ нашли въ немъ безвременную могилу; тѣмъ не менѣе въ почвѣ, служившей ложемъ озера не было найдено человѣческихъ костей. „Всѣ находки археологовъ ограничились остатками испанскихъ военныхъ кораблей, заржавленнымъ оружіемъ и нѣсколькими мѣдными монетами“.

„Если,—говоритъ Лийелль,—такое близкое къ намъ время не оставило никакихъ слѣдовъ человѣка въ формѣ костей, какъ же можно ожидать найти ихъ въ почвахъ миоценоваго періода?“

Такимъ образомъ, отрицательное свидѣтельство, заключающееся въ ненахожденіи человѣческихъ костей въ почвахъ раннихъ геологическихъ періодовъ,—по мнѣнію Ваддингтона, еще ничего не доказываетъ, между тѣмъ, напротивъ, имѣются доказательства въ пользу того мнѣнія, что появленіе человѣка на землѣ можно отнести къ эоценовому періоду, который, согласно мнѣнію лорда Кельвина, начался 4.000,000 лѣтъ тому назадъ и во время котораго температура земной поверхности была очень высока. Ваддингтонъ продолжаетъ:

„Если мы примемъ въ соображеніе то обстоятельство, что человѣкъ вырастаетъ въ тропическомъ климатѣ и прогрессируетъ физически и умственно въ тѣхъ странахъ, гдѣ температура въ самые жаркіе періоды года не превышаетъ 70—80° Фаренгейта, если мы въ то же самое время будемъ помнить насколько высока была температура земнаго шара, въ эоценовый періодъ, четыре милліона лѣтъ тому назадъ, намъ сразу сдѣлается яснымъ, что мы должны обратиться къ тогдашнимъ сѣвернымъ областямъ земнаго шара, гдѣ температура въ то время должна была напоминать теперешнюю температуру юга Европы, и въ этихъ областяхъ мы найдемъ наиболѣе подходящее мѣсто для первоначальнаго развитія и совершенствованія нашихъ отдаленныхъ предковъ.

„Если бы человѣкъ былъ тропическимъ животнымъ, мы не нашли бы его въ ледниковый періодъ, когда холодъ гналъ европейскую флору и фауну на югъ, въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Британія или долина Соммы.

„Если мы обратимъ вниманіе на слѣды „доисторическаго человѣка“, находимые въ сѣверо-западномъ углу Европы, мы

будемъ поражены ихъ количествомъ, по сравненію съ аналогичными слѣдами въ другихъ мѣстахъ Европы, Азии и Африки... Невольно въ голову приходитъ мысль искать колыбель человѣчества на сѣверо-западѣ Европы. Но опроверженіемъ этой теоріи является то обстоятельство, что подобные же остатки кремневыхъ орудій и другихъ человѣческихъ слѣдовъ, относящихся къ тому или даже болѣе раннему періоду, находятся въ Америкѣ. Для того, чтобы попасть изъ Торкэ, долины Соммы, Камюра или Дюссельдорфа въ Америку (или изъ Америки въ эти мѣстности), человѣкъ долженъ былъ пользоваться или Беринговымъ проливомъ или, занятымъ теперь моремъ, путемъ чрезъ Исландію и Гренландію. Но если принять это объясненіе придется признать, что еще задолго до ледниковой эпохи (которая, по мнѣнію геологовъ, началась 240.000 лѣтъ тому назадъ и окончилась 80.000 лѣтъ тому назадъ) человѣкъ обиталъ въ Арктической области, или вблизи ея. Если признать, что человѣческая раса обитала въ полярныхъ областяхъ гораздо раньше того періода, къ которому относятся кремневые орудія, находимыя въ Британіи и долинѣ Соммы, то мы должны будемъ отвергнуть гипотезу о нахожденіи колыбели человѣчества на сѣверо-западѣ Европы.

„Если съ другой стороны мы обратимъ вниманіе на слѣды „доисторическаго человѣка“ въ Сѣверной Америкѣ, мы найдемъ, что слѣды эти едва-ли не превосходятъ своимъ обиліемъ находимые въ Европѣ. Немудрено поэтому, что были попытки указать на Америку, какъ на колыбель человѣческой расы. Но эта теорія не выдерживаетъ критики, потому что на Американскомъ континентѣ отсутствуютъ человѣкообразныя обезьяны и нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать ихъ существованіе тамъ въ болѣе отдаленныя эпохи. Несомнѣнно лишь одно, что наши предки обитали въ Сѣверной Америкѣ уже въ позднѣйшій періодъ третичной эпохи и что они попали туда изъ арктическихъ областей чрезъ Беринговъ проливъ или Гренландію“.

Далѣе авторъ доказываетъ, что, когда земля начала охлаждаться, первыми областями земного шара съ достаточно низкой температурой, позволявшей жизни развиваться, были сѣверный и южный полюсы. Въ подтвержденіе онъ ссылагается на мнѣніе двухъ геологическихъ авторитетовъ: Герберта Максвелла и проф. Мьялла которые говорятъ о сѣверныхъ континентахъ, какъ о „лабораторіи, въ которой зарождались новыя племена и виды; они были отправной точкой тѣхъ миграционныхъ волнъ, которые, въ концѣ концовъ, достигли самыхъ отдаленныхъ уголковъ земного шара“.

Въ заключеніе своей интересной статьи Ваддингтонъ говоритъ:

„Я думаю, что колыбелью человѣческой расы было огромное пространство, ограничиваемое на западѣ Уральскими горами, а на востокѣ — Беринговымъ проливомъ, Охотскимъ моремъ и Манджуріей. Я схожусь такимъ образомъ съ мнѣ-

віемъ Уоллеса, который указываетъ на центральную Азію, какъ на мѣсто развитія первобытнаго человѣчества; различіе лишь въ томъ, что ее отодвигало это мѣсто нѣсколько болѣе на сѣверъ. Пространство между уральскими горами и Манджуріей занимаетъ 3.000 миль и человѣческой расѣ было достаточно мѣста, чтобы развиваться и размножаться здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, когда она, размножившись до количества нѣсколькихъ милліоновъ душъ, могла начать переселеніе въ другіе континенты. Указанная мной область очень мало изслѣдована въ геологическомъ отношеніи и ея почва можетъ хранить въ своихъ нѣдрахъ массу цѣнныхъ указаній въ формѣ человѣческихъ костей, первобытныхъ орудій, скелетовъ и т. д. Во время эоценовой эпохи климатъ и температура указанной мной области были сходны съ климатомъ теперешней южной Франціи и слѣдовательно благоприятствовали человѣческой расѣ не только существовать, но и развиваться. Сѣверныя границы указанного мной пространства прилегаютъ къ полярнымъ областямъ и такимъ образомъ моя теорія не противорѣчитъ воззрѣніямъ тѣхъ ученыхъ, которые думаютъ, что восточнымъ пунктомъ развитія животнаго царства были полюсы, а не экваторъ. Близость указанного мной пространства къ Берингову проливу (гдѣ въ то время могъ существовать залитый теперь моремъ перешеекъ, соединявшій два континента) помогала переходу человѣческой расы на континентъ Америки и лишь такимъ образомъ можно объяснить находеніе въ Америкѣ слѣдовъ первобытнаго человѣка, относящихся къ періоду болѣе раннему, чѣмъ остатки находимые въ Европѣ“.

Ваддингтонъ приводитъ еще одно вѣское доказательство въ пользу своей „сѣверной теоріи“ мѣсторожденія человѣка.

„На громадномъ пространствѣ, лежащемъ между Манджуріей и Уральскими горами, имѣются высокія плоскогорія почти совершенно лишенныя лѣса: первобытный человѣкъ изгнанный изъ лѣсовъ (дикими животными) лишенъ былъ возможности лазить по деревьямъ и принужденъ былъ начать *ходить* по этимъ дикимъ плоскогорьямъ и преріямъ. Послѣ долгаго періода его „заднія руки“ развились въ форму человѣческой ноги и утратили характерные признаки, свойственные „заднимъ рукамъ“ человѣкообразныхъ обезьянъ. Но эта трансформация не могла имѣть мѣсто до тѣхъ поръ, пока человѣкъ жилъ въ лѣсахъ и употреблялъ свои „заднія руки“ для охвата вѣтвей и стволовъ, чтобы достать растущія на деревьяхъ фрукты. Такимъ образомъ должно отказаться отъ мысли, что колыбелью человѣчества были *тропическіе лѣса*.“

„Почти напротивъ Манджуріи лежитъ островъ, гдѣ обитаютъ *волосатые Айны*, такъ графически описанные путешественникомъ Лавдоромъ. Не въ нихъ ли нужно искать наиболѣе сохранившихся потомкомъ „доисторическаго человѣка“.“

Теорія Ваддингтона, хотя и не отличается особенной доказательностью, тѣмъ не менѣе, не лишена большого интереса,

какъ одна изъ многочисленныхъ попытокъ заглянуть въ безбрежную глубь отдаленныхъ вѣковъ.

Геттингенскій профессоръ д-ръ Керъ (Kehr) описываетъ въ цѣломъ рядѣ статей (въ *Allgemeine Zeitung*) литературныя сокровища, хранящіяся въ архивахъ и библіотекахъ Ватикана. Матеріалы, имѣющіе громадныя историческія интересы, относятся главнымъ образомъ къ средневѣковой исторіи. Д-ръ Керъ разсыпается въ похвалахъ теперешнему папѣ, широко распахнувшему предъ учеными двери архивовъ, бывшихъ до недавняго времени секретными, причемъ папскіе чиновники одинаково любезны съ протестантскими учеными, какъ и съ католическими. Въ настоящее время вокругъ этихъ архивовъ цѣлая ученая колонія и въ залахъ библіотеки Ватикана нерѣдко не хватаетъ мѣста для всѣхъ желающихъ участвовать въ разработкѣ этихъ драгоценныхъ „историческихъ залежей“. Главными работниками въ области изслѣдованія Ватиканскихъ архивовъ являются: Пруссійскій Историческій Институтъ, Историческое общество имени Горреса (герман. католич. историки), Австрійскій Институтъ Историческихъ Изысканій, французская Ecole de Rome, Венгерская Историческая Школа, Бельгійское, Датское и Польское Историческія Общества. Среди работающихъ не мало дамъ, особенно американокъ и англичанокъ. Д-ръ Керъ говоритъ, что научныя изысканія въ Ватиканскихъ архивахъ лишь начались и что исторія можетъ ожидать отъ нихъ громадныхъ результатовъ.

Большой интересъ въ ученомъ мірѣ вызвалъ докладъ д-ра Гастера въ Лондонскомъ обществѣ библейской археологіи о находкѣ одного изъ древнѣйшихъ манускриптовъ, заключающаго въ себѣ драгоценныя свѣдѣнія о древне-еврейской магіи. О немъ нерѣдко упоминали древне-еврейскіе ученые, но онъ считался безвозвратно утраченнымъ. Д-ру Гастеру удалось случайно приобрести драгоценный манускриптъ, имѣвшій большое значеніе въ библейской и древне-еврейской археологіи, въ глухомъ городишкѣ Низибисъ въ Мессопотаміи. Онъ заключаетъ въ себѣ 6½ листа, написанныхъ двумя или тремя различными почерками, и является коллекціей магическихъ формулъ, многія изъ которыхъ относились ко временамъ глубокой древности. Въ немъ приведены формулы, приписываемыя Моисею, Иліѣ, Елишѣ, Эзрѣ, рабби Аарону и многимъ средневѣковымъ раввинамъ, принадлежавшимъ къ сѣвернымъ „амкеназамъ“ и южнымъ „сефардимами“.

„Наиболѣе замѣчательной частью манускрипта,—сказалъ д-ръ Гастеръ,—является тотъ его отдѣлъ, въ которомъ трактуется объ астрологическомъ вліяніи и употребленіи силъ, властвующихъ надъ каждымъ днемъ недѣли. Въ манускриптѣ подробно описанъ каждый изъ духовъ подѣли, указанъ, какъ должно чертить его изображеніе и даны инструкціи для магическаго употребленія подобныхъ чертежей, равнымъ образомъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ приведены заклинательныя формулы. Открытіе этихъ тайнъ приписывается въ ману-

скриптѣ Разіелю и древному Еноху. Въ извѣстномъ раньше сборникѣ заклинаній „Зогаръ“ часто упоминается магическая „книга Еноха“ и сообщеніе тайнъ магіи Еноху приписывается также Разіелю, который сообщилъ ихъ Адаму, Ною и Аврааму. Авторъ манускрипта вѣсколько видоизмѣняетъ это показаніе „Зогара“, говоря что Разіель открылъ тайны міра халдеямъ. Характерно, что во всемъ манускриптѣ ни разу не упоминается имя Бога, равнымъ образомъ нѣтъ ни одной цитаты изъ Библіи.

„Манускриптъ носитъ заглавіе „Мудрость халдеевъ“. Древне-еврейскіе писатели нерѣдко упоминають о халдейской астрономіи; древнѣйшая изъ дошедшихъ до насъ астрономическихъ еврейскихъ книгъ („Beraita“ раввина Самюэля) основана на „Мудрость халдеевъ“.

До какихъ нелѣпостей могутъ доходить нѣны „научныя изысканія“ могутъ служить хорошимъ образчикомъ двѣ книги вышедшія недавно въ Англіи и Германіи и посвященныя „Одиссеѣ“. Первая изъ этихъ книгъ принадлежитъ Самюэлю Бутлеру и носитъ длинное заглавіе: „Асторіа Одиссеи: когда и гдѣ она писала, кто она была и т. д.“. Авторъ пытается доказать, что Итака, играющая такую важную роль въ „Одиссеѣ“, вовсе не историческій островъ этого имени, а . . сѣверо-западная часть Сициліи!.. Далѣе, что поэма вовсе не была написана іонійцемъ, но была составлена въ Дрепанонѣ (теперешній Тгарані въ Сициліи) и что авторомъ ея была женщина и женщина эта была не кто иная, какъ сама Навзикая! Это произведеніе „ученаго пера“ не какая-нибудь тощая брошюрка, а огромный увѣсистый томъ, испещренный массой научныхъ ссылокъ и доказывающій въ авторѣ обширнѣйшую эрудицію, въ особенности въ области древней географіи. По замѣчанію одного англійскаго ученаго, разбиравшаго эту курьезную книгу, въ ней „науки хоть отбавляй и обладай авторъ здравымъ смысломъ, наука могла бы ожидать отъ него полезныхъ трудовъ“.

Другая книга объ „Одиссеѣ“ принадлежитъ германскому „ученому“, Іосифу Шрейнеру. Она озаглавлена „Одиссея: таинственный эпосъ“ („Die Odyssee. Ein mysteriöser Epos“). Авторъ доказываетъ, что въ Одиссеѣ Гомеръ пытался изобразить... исторію Израиля!

Скорѣе всего обѣ книги принадлежатъ больнымъ графонамъ, которыхъ такъ много расплодилось въ наше „литературное“ время.

W. B.

Чувство страха очень часто разбиралось какъ психологами, такъ и писателями и врачами, и каждый изъ нихъ подходилъ къ нему со своей точки зрѣнія. Но почти никто не старался

найти психологическую причину страха. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „La Revue“ помѣщена статья, посвященная именно этому вопросу *).

Страхъ очень сложное состояніе. Это прежде всего мучительное волненіе, страданіе, появляющееся у человѣка при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ: страхъ передъ хирургической операціей, передъ роковой новостью или даже просто очень распространенный страхъ передъ ворами, ночными убійцами и разбойниками и страхъ одиночества въ безмолвное ночное время. Но въ чемъ состоитъ причина страха? Нужно, разумеется, различать причину физиологическую отъ причины психологической. Физиологическую причину слѣдуетъ искать, конечно, въ органахъ. Чувство страха является волѣдствіе общей пертурбаціи тѣла, сердце начинаетъ биться сильнѣе, горло сжимается и сохнетъ, все тѣло дрожитъ, члены почти парализуются, внутренности сжимаются, такое сотрясеніе всего тѣла вызываетъ волненіе—страхъ. Но какая причина производитъ это физическое потрясеніе, порождающее страхъ? Очевидно, причина эта лежитъ въ насъ самихъ, а отнюдь не внѣ насъ, такъ какъ самая большая опасность, разъ только мы не знаемъ ея, не вызываетъ въ насъ никакого страха. Значитъ причиною страха является непременно мысль; это уже психологическая причина; въ чемъ же она заключается? Заключается она въ представленіи себѣ опасности, точнѣе сказать, въ ожиданіи ея, такъ какъ простое представленіе опасности, безъ повода ожидать ея близкаго наступленія, не возбуждаетъ страха. Такимъ образомъ причина страха заключается въ ожиданіи: въ ожиданіи чего? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо разобрать отдѣльные случаи страха и узнать, какая существуетъ между ними общая связь.

Всѣ отдѣльные случаи страха можно привести къ четыремъ главнымъ типамъ: страхъ смерти, страхъ неизвѣстности, страхъ физическихъ страданій, страхъ волненія. Эти типы иногда комбинируются и образуютъ сложные случаи страха. Что же общаго между этими четырьмя родами страха? Каковъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ, характеръ ожидаемаго происшествія?

На этотъ вопросъ можно дать слѣдующій отвѣтъ: происшествіе, причиняющее страхъ, производитъ всегда *встряску*, *потрясеніе нравственное или физическое*, т. е. оно является настолько неожиданно и настолько внезапно, что сразу же прерываетъ нормальное теченіе нашей жизни.

Такимъ образомъ то тѣлесное и умственное состояніе, которое называется страхомъ, состоитъ въ ожиданіи и именно въ ожиданіи чего-нибудь внезапнаго, неизвѣстнаго, въ ожиданіи потрясенія. Съ одной стороны, страхъ выражается въ глубокой тѣлесной пертурбаціи, въ суммѣ смутныхъ органическихъ ощущеній. Съ другой стороны, страхъ вызывается ожиданіемъ потрясенія: въ это время весь нашъ организмъ

*) La Revue, 1 Décembre 1901.

приготавливается къ принятію этого потрясенія, старается принять наиболѣе удобное положеніе, чтобы противостоять ему или перенести его съ наименьшимъ урономъ для себя. Въ насъ происходятъ тогда всѣ рефлексы, необходимыя для того, чтобы осуществить это положеніе: артеріальная система, дыхательная система, мускульная система стараются измѣниться такимъ образомъ, чтобы искомое положеніе вышло какъ можно совершеннѣе. Отсюда сложныя органическія ощущенія, смутнымъ сознаніемъ которыхъ является страхъ.

Эта гипотеза приводитъ къ заключенію, что человѣкъ, — какъ всѣ живыя существа, — главнымъ образомъ существо привычки. Онъ созданъ, чтобы быть постояннымъ; онъ стремится вѣчно пребывать въ извѣстномъ состояніи, склоненъ измѣняться только незамѣтнымъ образомъ, прогрессировать безъ внезапныхъ переворотовъ и неожиданныхъ встрясокъ. Все что противорѣчитъ разъ принятой привычкѣ, все, что прерываетъ нормальное теченіе жизни, противно его природѣ. Все, это глубоко претитъ ему и возбуждаетъ въ немъ страхъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ человѣкѣ живетъ также и любовь къ перемѣнамъ, вкусъ ко всему новому; но это только второстепенное стремленіе: люди желаютъ перемѣны тогда лишь, когда не находятъ способа прочно привыкнуть къ настоящему состоянію. Самою основою все-таки остается консервативный инстинктъ; инстинктъ вѣчности, если можно такъ выразиться, постоянное усиліе сдѣлать вѣчнымъ то состояніе, въ которомъ мы находимся въ настоящій моментъ.

При наученіи старинныхъ легендъ и преданій сразу бросается въ глаза, какую громадную роль играютъ въ нихъ рассказы о дьяволѣ*), о злыхъ шуткахъ, какія онъ продѣлывалъ надъ человѣкомъ и какія человѣкъ продѣлывалъ надъ нимъ въ отместку. Особенную прелесть придаетъ этимъ, то шутливымъ, то суевѣрнымъ выдумкамъ, какая-то странная смѣсь насмѣшливаго остроумія съ наивнымъ страхомъ, присущая всѣмъ рассказамъ этого рода. Косые глаза, кривыя ноги, маленькія рожа и хвостикъ, зоркая и сухая фигурка, вотъ портретъ легендарнаго чорта, знаменитаго своими неудачами почти столько же, сколько и злодѣяніями, и похожаго на величественнаго сатану лишь какъ отдаленная каррикатура. Лицо, созданное воображеніемъ несложныхъ мозговъ грубаго общества, едва вышедшаго изъ дѣтскаго состоянія, которое, подобно дѣтямъ, забавляетъ и пугаетъ себя имъ же придуманными рассказами и наивно вѣрить въ собственные вымыслы.

Проживъ долго подъ тираніей сатаны, люди среднихъ вѣковъ возмутились, наконецъ, противъ него и стали защищаться обычнымъ оружіемъ — сатирой и насмѣшкой. Они стали подтрунивать надъ сатаной, чтобы не бояться его,

*) La Lecture pour Tous, Decembre 1901.

и изображать его въ смѣшномъ видѣ, чтобы сдѣлать его безопаснымъ. Изъ коварнаго и опаснаго обманщика они сдѣлали его жертвой человѣческихъ обмановъ, постоянно попадающей въ собственныя ловушки. Перейдя на комическія амплуа, чортъ все-таки сохранилъ за собою свою постоянную роль: искупать и губить человѣчество. Онъ знаетъ, кого на чемъ поймать, лакомѣ, онъ предлагаетъ вкусныя блюда, артисту, влюбленному въ свое искусство, онъ обѣщаетъ славу, ученому, корыстному надъ наукой, всеобъемлющее знаніе. Однажды, въ страстную пятницу, онъ встрѣчаетъ стараго пьяницу Фальстафа съ вѣчно пересохшимъ горломъ и голоднымъ желудкомъ и подноситъ ему бутылку хорошаго вина; тотъ разсыпается въ благодарностяхъ и лишь слишкомъ поздно замѣчаетъ, что отдалъ въ промѣнъ свою душу. Чортъ всегда является также гениальнымъ фокусникомъ. Зайдя съ Фаустомъ въ одинъ изъ лейпцигскихъ кабачковъ, онъ угощаетъ всѣхъ присутствующихъ виномъ, какого кто пожелаетъ. Но неловко пролитое на полъ вино обращается въ пламя и всѣ приходятъ въ ужасъ передъ этимъ волшебнымъ явленіемъ. Благодаря своей волшебной силѣ, онъ можетъ принимать всевозможныя формы: то онъ является крошечнымъ существомъ, свободно помѣщающимся въ скорлупѣ орѣха; Эразмъ увѣрялъ даже, что видѣлъ его, какъ онъ скакалъ и прыгалъ, воплотившись въ тѣло блохи; то вдругъ онъ вырастаетъ въ колоссальную фигуру великана. Обратившись въ маленькую мушку, онъ часто вползаетъ въ тѣло неосторожныхъ людей, имѣющихъ обыкновеніе спать съ открытымъ ртомъ. Иногда сатанѣ приходятъ въ голову экстравагантныя идеи, какъ, напримѣръ, дать одному крестьянскому сыну такую необыкновенную силу, что жизнь вскорѣ становится невыносимой для этого несчастнаго юноши. Онъ даетъ пощечину прядильщицѣ, задремавшей надъ своей прялкой, и двадцать пять прядильщицъ, сидѣвшихъ поблизости падаютъ замертво; на деревенскомъ праздникѣ какой-то смѣльчакъ осмѣливается посмѣяться надъ нимъ и slap такъ ударяетъ его, что всѣ танцующіе падаютъ на землю.

Мало-по-малу человѣку удается перехитрить своего врага и поставить его въ смѣшное положеніе. Жители Эксъ-ля-Шапель пожелали выстроить церковь; наняли рабочихъ и тѣ принялись за дѣло; но по прошествіи шести мѣсяцевъ оказалось, что денегъ на постройку не хватаетъ. Во что бы то ни стало надо было достать миллионъ. Чортъ узналъ объ этомъ и тотчасъ же явился къ бургомистру. „Я дамъ вамъ миллионъ, сказалъ онъ, если вы мнѣ обѣщаете душу перваго кто войдетъ въ вашу церковь“. Предложеніе было соблазнительно и бургомистръ принялъ его. Черезъ два года постройка была окончена, но никто не хотѣлъ войти въ церковь первымъ. Горожане пришли уже въ полное отчаяніе, когда вдругъ одинъ монахъ придумалъ какъ пособить горю: „Мы обѣщали ему душу, сказалъ онъ, но не уговорились какую. Бросимъ же въ жертву сатанѣ душу волка, пойманнаго сегодня утромъ

живымъ. Онъ долженъ будетъ удолюствоваться ею⁴. Съ торжественной церемоніей народъ собрался у церкви; открыли двери и вожь былъ впущенъ въ храмъ, гдѣ сатана съ удо вольствіемъ облизывался ожидав хорошую добычу. Какова же была его ярость, когда онъ увидѣлъ себя обманутымъ. Послѣ многихъ неудачъ сатана, очевидно, нашелъ, что жизнь среди людей сдѣлалась невыносимой и пересталъ появляться въ люд- выхъ мѣстахъ и среди бѣлаго дня. Онъ сталъ прятаться въ густые темные лѣса и пустыне заброшенные замки и когда люди случайно попадали въ его владѣнія, онъ жестоко издѣ- вался надъ ними. Въ 1598 г. чортъ явился Генриху IV во время охоты, о чемъ подробно разсказывается въ дневникѣ его царствованія. Извѣстна разсказъ о приключеніи рыцаря Пелопена который, заблудившись въ лѣсу случайно принявъ участіе въ охотѣ дьявола. Онъ употребилъ на это всего только одну ночь, и, какъ оказалось потомъ, эта ночь дли- лась цѣлыхъ сто лѣтъ. Вернувшись домой, онъ нашелъ свою возлюбленную, терпѣливо ожидавшую его въ своемъ замкѣ, драхлой и сморщенной старушкой. Это была чуть ли не самая злая шутка изъ всѣхъ, какія чорту когда либо удавалось сыграть надъ человѣкомъ.

За послѣднее время зѣтъ интересный продуктъ человѣ- ческой фантазіи, то устрашающій, то комичный чортъ, все болѣ- и болѣе теряетъ свою популярность и вѣроятно не очень уже далеко то время, когда ния его совершенно исчезнетъ изъ народныхъ легендъ и преданій.

Въ декабрьскомъ номерѣ „La Grande Revue“ помѣщена статья одного турецкаго автора г. Ахмеда Риза о француз- ской политикѣ на востокѣ *). Отношенія Франціи и востока говоритъ онъ, имѣютъ счень древнее происхожденіе. Еще марсельскіе купцы въ компаніи съ ліонскими имѣли свои конторы во всѣхъ большихъ гаваняхъ Малой Азіи и Сиріи. Европейскіе пилигримы толпами приходили въ Іерусалимъ.

Эти отношенія, бывшія вначалѣ исключительно торговыми и религіозными, приняли политическій характеръ только со времени крестовыхъ походовъ. Борьба христіанства съ по- ламамъ преслѣдовала не только религіозныя, но и политическія цѣли: въ основаніи соціального строя того времени лежала всегда религія.

Церковь объявила войну всему, что не подчинялось ея власти и всѣ христіанскіи націи Европы откликнулись на этотъ призывъ вѣрныхъ подняться противъ невѣрныхъ, хотя германскіе народы и принимали въ этомъ участіе, но все же крестовые походы являлись главнымъ образомъ французскими предпріятіями.

Французскіе короли считались любимыми дѣтьми церкви, которой они нерѣдко оказывали важныя услуги, а церковь поручила имъ роль спасителей и покровителей христіанъ на

*) La Grande Revue, Décembre 1901.

востокѣ. И, въ согласіи съ папами, они дѣлали все возможное, чтобы остановить успѣхи ислама.

Въ царствованія Карла VIII, Генриха IV, Людовика XIV. Наполеона и даже Людовика Филиппа, набрасывались планы крестовыхъ походовъ приблизительно въ той же программѣ, какъ они были задуманы Людовикомъ Свѣтымъ.

Самъ Францискъ I, при своемъ восшествіи на престолъ, былъ заклятымъ врагомъ ислама и турокъ. Онъ даже предлагалъ императору Германскому и Фердинанду Католику проектъ раздѣла Оттоманской имперіи. Иронія судьбы заставила его самымъ неожиданнымъ образомъ измѣнить свою политику. Въ несчастный день Павія, Францискъ I, какъ извѣстно, потерялъ все кромѣ чести, и принужденъ былъ обратиться за помощью къ Салиману Великолѣпному, чтобы избѣгнуть раздробленія собственнаго королевства. Тронутый несчастіемъ французскаго короля, Салиманъ представилъ въ его распоряженіе свои богатство и армію, не выговоривъ себѣ взаимныя никакихъ матеріальныхъ, ни политическихъ выгодъ. Онъ просто хотѣлъ выказать великодушіе по отношенію къ побѣжденному герою. Чтобы какъ слѣдуетъ оцѣнить этотъ поступокъ, надо вспомнить, что въ это же время Карлъ V со своей стороны дѣлалъ Салиману разные предложенія, но тотъ съ высокомѣріемъ отклонилъ ихъ, желая показать, что онъ не преслѣдуетъ никакихъ корыстныхъ цѣлей.

Это соглашеніе Франциска I съ Салиманомъ было настоящимъ счастіемъ для Франціи и оно же положило основаніе ея будущему величію; оно гарантировало европейское равноправіе и свободу совѣсти противъ политики Карла V и самодѣлствія инквизиціоннаго суда. Салиманъ не только спасъ Европу, какъ выразился Мишеле, но онъ спасъ также независимость человѣческой мысли. И долго послѣ того европейскіе государи страшали другъ друга именемъ *великаго турка*.

НОВЫЯ КНИГИ.

А. Вербицкая. Преступленіе Марьи Ивановны и другіе рассказы и очерки изъ жизни одинокихъ. Москва. 1902 г.

„Преступленіе Марьи Ивановны“—шуточный рассказъ, написанный въ преувеличенно-комическомъ тонѣ; поставить его во главѣ книги—на то была воля автора, а читателю представляется только досадовать, что подъ веселымъ, чуть шутковскимъ именемъ помѣщенъ и такой серьезный, глубокий по замыслу рассказъ „Наши ошибки“.

Читая этотъ рассказъ точно слушаешь голосъ наболѣвшей женской души, охваченной внутреннимъ разладомъ, до глу-

бины задѣгой. Какъ груба, жестока, оскорбительна страсть мужчины для такихъ женщинъ, какъ Ольга въ разсказѣ г-жи Вербицкой. И эти женщины знаютъ страсть, періодъ влеченія къ мужу, но съ первымъ же ребенкомъ страсть исчезаетъ. точно нѣтъ больше для нея оправданій послѣ достиженія материнства; является настойчивое желаніе жить съ мужемъ, какъ съ человѣкомъ, другомъ и видѣть къ себѣ уваженіе. Но это только *желаніе*, не имѣющее опредѣленнаго, яснаго содержанія; такъ хочется, и имѣетъ съ тѣмъ нѣтъ силы, нравственной и умственной, чтобы увлечь мужа въ сторону своихъ желаній: просто я такъ хочу, и все остальное мнѣ противно. Противны требованія мужа, какъ къ женщинѣ, противны страстные порывы его любви: чувство отталкивающее настолько развивается одностороннѣе и настолько женщина предается ему, что она уже не видитъ ничего въ своемъ мужѣ, что, казалось бы, какъ разъ и отвѣчаетъ ея настоящимъ желаніямъ. Въѣсто усилія подавить въ себѣ это чувство и смягчить вспышки страсти въ своемъ мужѣ, она все оддаетъ какой-то ненависти и, принимая чуждый и холодный видъ, разжигаетъ еще болѣе страсть.

Тогда начинается мучительная совѣстная жизнь; оба односторонне захвачены разными, идущими въ разрѣзъ другъ другу желаніями. Женщина только и думаетъ о томъ, какъ унижительно быть вещью, средствомъ къ наслажденію въ рукахъ мужа. Мысль мучительная, если всецѣло предаться ей; мучится и Ольга Владиміровна въ разсказѣ автора; пожалуй, это единственный источникъ ея страданій. Если бы не было его, пропала бы и вся ея неудовлетворенность. Но она горда, она вѣрить во все цѣльное абсолютное, вѣчное, она не хочетъ никакихъ примиреній; ея гордость требуетъ, чтобы мужъ самъ понималъ, какъ часто его страсть, преслѣдованіе ея, какъ самки, бывають для нея оскорбительны; она не хочетъ помочь ему бороться съ грубымъ проявленіемъ этой страсти—она умѣетъ своимъ поведеніемъ только еще больше раздражать и дразнить его. Въ этомъ „ошибка“ ея и всѣхъ подобныхъ ей женщинъ. Но пока онѣ не сознаются въ этой ошибкѣ, жизнь для нихъ мучительна; злыми безсердечными становятся онѣ по отношенію къ своимъ мужьямъ, и все семейное счастье рушится.

Мужъ Ольги Владиміровны кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Наканунѣ его смерти происходитъ между нимъ и женой дикая сцена, въ которой страсть его не знаетъ предѣловъ; но самъ онъ знаетъ, что эти послѣднія насилія надъ своей женой онъ искупаетъ смертью. И правда, она начинается снова любить его уже мертвого—односторонность сразу спала.

Рядомъ съ Ольгой Владиміровной страдаетъ ея свекровь, Софія Григорьевна. Она страдала, какъ женщина, со своимъ мужемъ, мучилась теперь за сына и совершенно сломлена его смертью. Сцены между двумя женщинами, полныя то ненависти, то любви, написаны замѣчательно, съ глубокимъ чувствомъ. Обѣ онѣ примиряются на томъ, что нельзя въ любовь кла-

дывать всю свою душу, всю жизнь; отъ любви нужно брать только радости, которая она даетъ; въ другомъ должна искать исхода своимъ стремленіямъ душа.

А. Вербицкая. — Освободилась. Романъ въ 3-хъ частяхъ Москва 1902 г.

Рѣдкую женщину рисуетъ намъ авторъ. Лизавета Николаевна Мельгунова, жена извѣстнаго профессора—хирурга, зарабатываетъ на себя частными уроками, чтобы быть независимой отъ мужа и не чувствовать себя у него на содержаніи! Женщина энергичная и оригинальныхъ взглядовъ; она дѣятельный членъ въ одномъ изъ московскихъ попечительствъ, ведетъ воскресную школу, сама подготавливала своего сына въ гимназію; чтобы помогать ему, подучила латынь; а дома неутомимая хозяйка, которая съ ранняго утра каждый день уходитъ на рынокъ. Мы застаемъ ее въ 35 лѣтнемъ возрастѣ. Любовь между нею и мужемъ давно кончена; мужъ нашелъ успокоеніе на сторонѣ, а она отдалась дѣятельности.

И вотъ въ моментъ, когда ея жизнь кажется такой опредѣленной, налаженной въ сторону непрерывной и настойчивой дѣятельности, она неожиданно слышитъ рѣзкое, даже грубое порицаніе этой дѣятельности: Это подлость—слышитъ она—давать уроки будучи женой богатаго и отнимать у бѣдныхъ хлѣбъ. Жестокія для нея слова срываются у студента Клименко; они глубоко ее задѣваютъ, ей до боли хочется доказать, что она права; она начинаетъ ходить къ студенту въ его бѣдную комнату. Начинается борьбой идей—кончается любовью.

Оригинальна самозащита Лизаветы Николаевны. Она боится денегъ мужа, ее возмущаетъ мысль быть у него на содержаніи; а между тѣмъ у нея бѣдная родня, которая только отъ нея и ждетъ помощи; и она высылаетъ имъ заработанныя деньги, а сама ходитъ въ рваныхъ башмакахъ и даже схватываетъ простуду, когда зимой приходится выбросить калоши, а до покупки денегъ остается еще нѣсколько дней. Своего рода фанатизмъ—съ неменьшимъ упрямствомъ идетъ противъ нея студентъ. Онъ не хочетъ слышать никакихъ ея нравственныхъ доводовъ, не признаетъ за ней права отстаивать свою личность путемъ матеріальной борьбы: нельзя отнимать хлѣбъ у бѣдныхъ, только это онъ и повторяетъ, рѣзко, не щадя Мельгуновой, не переставая нравственно ей мучить. Энергія женщины сразу падаетъ и ей не приходится въ голову отвѣтить, что борьба и конкуренція могутъ идти не только за ѣду и кровь, но и за нравственную жажду, какъ у ней самой, и что нравственной голодъ такъ же ведетъ къ смерти души, какъ голодъ физическій къ смерти тѣла.

Но студенту суждено восторжествовать. Рѣдкій примѣръ представляетъ собой Мельгунова—и вдругъ при первомъ же настойчивомъ возраженіи она уступаетъ и отказывается отъ своего заработка; и ея оригинальность во взглядѣ на матеріальную зависимость отъ мужа начинаетъ казаться тогда

сочиненной авторомъ только для того, чтобы между Мельгуновой и студентомъ завязалась страстная борьба, которая привела бы къ любви, къ „роману“; а для любви всегда требуется въ началѣ ожесточенная борьба.

Грустно происходитъ „освобожденіе“ Лизаветы Николаевны. Любовь ея къ студенту осложняется тѣмъ, что неожиданно пробуждается къ ней, казалось, угасшая любовь мужа. Эта „законная“ любовь требуетъ своихъ правъ, становится между старѣющей женщиной и юношей и заставляетъ страдать обоихъ. Обстоятельства дополняютъ мрачную картину. Студента отъ любимой женщины отрываетъ административная высылка на долгихъ пять лѣтъ. Мысли о смерти все болѣе и болѣе овладѣваютъ Лизаветой Николаевной; не зачѣмъ и прибавлять, что она „освободилась“ черезъ самоубійство.

Женская душа хорошо знакома автору, какъ женщинѣ. Поздняя любовь звучитъ въ его описаніи и грустно и горячо.

„Вся разбитая отъ счастья, она (Лизавета Николаевна)... вернулась на террасу, съ которой ушла, трепещущая на вострѣчу своей судьбѣ, она упала рыдая среди тишины на эти ступеньки. И въ этихъ слезахъ ея была только мука. Она знала, что такая ночь не повторится“ Грустная поздняя любовь, которая каждый лучъ радости принимаетъ, какъ послѣдній.....

Сборникъ Консульскихъ Донесеній.—Изданіе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.—Годъ пятый.—Выпускъ I. 1902 г.

Сборникъ Консульскихъ Донесеній—одно изъ тѣхъ официальныхъ изданій, которыя могутъ легко и съ интересомъ читаться всякимъ. И не удивительно, предметомъ этихъ „донесеній“ можетъ служить все то, что скрывается подъ много говорящимъ словомъ „заграница“. Свѣдѣнія географическія, черты незнакомаго намъ быта со всѣхъ частей свѣта, все это даетъ живую, интересную тему для статей нашихъ консуловъ. Многие изъ нихъ такъ и дѣлаютъ благодаря любви къ наблюдательности надъ нравами страны, ея природой, и не довольствуются сообщеніемъ только торговыхъ свѣдѣній.

Къ такимъ общаго интереса статьямъ можно причислить помещенную въ 1-мъ выпускѣ за этотъ годъ—„Балеарскіе острова“ Л. Броссе. Острова эти мало извѣстны и рѣдко посѣщаются туристами. Растительность на нихъ богатая: цѣлыя миндальныя рощи, удивительныхъ формъ и размѣровъ; разнородныя деревья, много растений прямо тропическихъ; развѣданы обширныя плодовые сады, ограждаемые обыкновенно живыми изгородями изъ туи. Къ красотамъ острововъ нужно отнести замѣчательныя природныя пещеры. Онѣ встрѣчаются здѣсь на каждомъ шагѣ. Въ скалистомъ берегу онѣ обязаны конечно, своимъ происхожденіемъ морскому прибою; но немало встрѣчается ихъ въ глубинѣ острововъ, и онѣ извѣстны подъ названіемъ „Cuevas de Arta“ и „Cuevas del Drach“. „Необыкновенныя размѣры ихъ, причудливыя очертанія, развѣтленія, галлерей, спускающіяся иногда ниже уровня моря, выступы

и подъемы, озера, проточныя воды, высокіе сводчатые гроты съ гигантскими сталактитами и сталагмитами въ видѣ цѣлаго лѣса столбовъ, колоннъ и пилястровъ, поддерживающихъ каменные глыбы,—все это представляетъ изъ себя,—говоритъ авторъ,—поразительное, необыкновенное зрѣлище, не уступающее по интересу наиболѣе извѣстнымъ подобнымъ же достопримѣчательностямъ Европы“.

На одномъ изъ Балеарскихъ острововъ, Мелоркѣ, авторъ нашелъ могилу русскаго, Андрея Спиридова, майора флота, сына адмирала, погребеннаго въ 1769 году. На памятникѣ вырѣзано четырехстишіе:

Ты умеръ бывъ отцомъ оплаканъ и друзьями
Но прахъ твой заключенъ въ пріятельской землѣ
Твой будетъ гробъ гласить дѣла Екатерины.
И новы путь казать російскихъ аргонавтовъ.

Olivier Seylor. Les Maritimes. Paris, 1901.

Настоящее имя автора этой книги—Дирэзонъ. Это бывший мичманъ на одномъ изъ военныхъ судовъ Тулонской эскадры. Въ книгѣ своею онъ съ силой и мужествомъ описываетъ въ художественной формѣ язву того, обособленнаго отъ жизни остальныхъ людей, міра моряковъ, который до сихъ поръ еще не имѣлъ во французской литературѣ своего бытописателя. Это не могло ему пройти даромъ; тотчасъ же по выходѣ книги онъ былъ исключенъ изъ службы, кромѣ того, многія лица, узнавшія себя въ непривлекательныхъ герояхъ Сейлера, сочли необходимымъ потребовать у него удовлетворенія, и авторъ въ теченіе трехъ недѣль дрался пять разъ и пять разъ былъ раненъ. Говорятъ, что серія его дуэлей далеко еще не окончилась на этомъ.

Все это способствовало успѣху книги; она возбудила живой интересъ всей читающей публики, и вскорѣ число ея изданій достигло огромной для такого короткаго времени цифры пятидесяти тысячъ.

Книга Сейлера написана легко и живо; оригинальный и совершенно новый сюжетъ дѣлаетъ ее еще болѣе интересной. Картина однообразной, пустой и пошлой жизни военныхъ моряковъ поражаетъ своею реальностью. Ни одна сколько-нибудь характерная мелочь не ускользаетъ отъ наблюдательности автора, а во многихъ сценахъ онъ является тонкимъ психологомъ и знатокомъ человеческого сердца.

Въ книгѣ Сейлера нѣтъ никакой интриги, или лучше сказать, — это цѣлая сѣть мелкихъ интригъ, переплетенныхъ между собою. Страсти его героевъ также мелки и пошлы, какъ и они сами. Особенно удачно отиѣчаетъ авторъ, какъ постепенно въ продолженіе трехнедѣльнаго плаванія въ Сайгонъ, люди, вѣншіимъ образомъ культурные и вѣжливые, дѣлаются сварливыми, грубыми и заносчивыми. Они начинаютъ ненавидѣть другъ друга и готовы изъ-за всякаго пустяка, какъ неудавшійся обѣдъ, ссориться, ругаться, наговаривать на

своих товарищей другъ другу и даже начальникамъ. Отчасти это объясняется, конечно, принужденной, совѣстной жизнью людей, зависящихъ другъ отъ друга, или являющихся соперниками по службѣ, но, съ другой стороны, эта мелочность и пошлость героев Сейлера указываетъ на низкій нравственный уровень, характеризующій вообще этихъ людей. Въ предисловіи къ разбираемой нами книгѣ извѣстный писатель Поль Адажъ между прочимъ говоритъ такъ: „Вотъ передъ вами люди! не люди толпы, но сильныя души, выбравшія для себя жизнь героевъ. Апостолы западной культуры, они несутъ ее въ далекія страны, рискуя погибнуть въ волнахъ океана или отъ руки вѣроломнаго, дикаго племени“... Предисловіе это находится въ странномъ противорѣчіи съ содержаниемъ книги. Если такія сильныя, героическія души, дѣйствительно, находятся среди французскихъ моряковъ, то, вѣроятно, не въ тулонской эскадрѣ; по крайней мѣрѣ, Сейлоръ ихъ тамъ не встрѣчалъ. Герои его книги представляютъ что-то совершенно другое, не похожее на блестящее опредѣленіе моряка, которое даетъ Поль Адажъ.

На безпощадно-реальныхъ и иногда блестящихъ по выполнению страницъ *Maritimes* передъ нами проходятъ представители морскаго міра, начиная съ важнаго адмирала и кончая мелкимъ мичманомъ; измѣняется только рангъ, пошлость и нравственная пустота морскаго офицера остается одна и та же.

Вся жизнь этихъ людей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, наполнена однимъ только постояннымъ желаніемъ удовлетворить съ одной стороны своимъ грубымъ страстямъ, съ другой — своему мелкому честолюбію. Досугъ свой, — а его много, потому что они почти ничего не дѣлаютъ — эти люди наполняютъ грязными сплетнями, пошлыми до тошноты разговорами о женщинахъ, куреніемъ опиума и развратомъ, принимающимъ въ средѣ этихъ „носителей западной культуры“ самыя отвратительныя, патологическія формы.

Всякій сколько-нибудь общій разговоръ этихъ „апостоловъ цивилизаціи и знанія“ заканчивается дикимъ окрикомъ „Долой жидовъ! вырѣзать ихъ!“ Вотъ картинка прекрасно рисующая грубость этихъ людей. Благодаря недостатку досмотра, трюмъ судна Тольбіакъ оказывается залитымъ водой — большая часть запасовъ пропадаетъ. Послѣ трехнедельнаго размышленія виновнаго проходятъ въ лицѣ одного помощника механика, обязавшаго слѣдить за исправнымъ состояніемъ водокачальныхъ машинъ и трубъ. Начальникъ судна не хочетъ предавать виновнаго военному суду, а предоставить просто рѣшеніе его участи на совѣсть и снисходительность адмирала. Офицеры узнаютъ объ этомъ и пользуются случаемъ, чтобы выразить свое негодованіе противъ начальства. „Конечно, если дѣло механика будетъ предано суду, говорить одинъ офицеръ: онъ захочетъ объясняться и, можетъ быть, бросить пной свѣтъ на всю эту исторію. А такъ, по крайней мѣрѣ,

ное обойдется тихо: всѣ въ одинъ голосъ признають несомнѣнныя качества обвиняемаго, и будутъ просить адмирала замѣнить строгое наказаніе простой высылкой въ тюрьмѣ, гдѣ механику будетъ заткнута глотка! „Мнѣ жаль васъ, Брукъ“ возражаетъ другой офицеръ повторяю, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что этотъ человѣкъ забилъ закрыть неподводящую трубу,—и потомъ... онъ называется Исаакъ!.. Всѣ почувствовали себя вдругъ облегченными. „А это—жидъ!“ слышалось со всѣхъ сторонъ. „Жидъ, жидъ помощникомъ механика, какъ же еще до сихъ поръ его не сдѣлали префектомъ?.. Когда же, наконецъ, устроить новую Варооломеевскую ночь, чтобы вырѣзать все это подлое племя! восклицаетъ одинъ изъ самыхъ ярыхъ антисемитовъ.

Сейлеръ рисуетъ передъ нами нѣсколько сценъ жестокости этихъ „распространителей цивилизаціи“ въ далекихъ странахъ. Въ одномъ мѣстѣ офицеръ рассказываетъ своимъ товарищамъ, какъ цѣлая мирная туземная деревня была сожжена и вырѣзана французскимъ отрядомъ. Особенно характеренъ разговоръ начальника отряда съ миссіонеромъ, за нѣсколько километровъ отъ деревни. Миссіонеръ спѣшитъ остановить отрядъ, утверждая, что туземцы сдаются добровольно. „Я очень сожалѣю, отвѣчаетъ начальникъ отряда: что мы не имѣемъ времени предупредить генерала; что касается меня, то всѣ мои приготовленія сдѣланы и приказанія розданы,—я долженъ атаковать эту деревню“. „Но Вы не встрѣчаете сопротивленія“ съ ужасомъ восклицаетъ миссіонеръ. „Это до меня не касается, я долженъ идти впередъ—и пойду“. „И на зарѣ мирная деревня была сожжена дотла, а спящіе туземцы вырѣзаны сотнями“, такъ офицеръ заканчиваетъ свой потрясающій рассказъ. Другія сцены менѣе возмутительны по своей жестокости и дикости, онѣ невольно напоминаютъ опредѣленіе колониальныхъ войнъ, сдѣланное Тардомъ, какъ „клапана, черезъ который находитъ себѣ свободный выходъ всѣ жестокія, атакъ стическія наклонности культурнаго европейца“.

Герои Сейлера не обладаютъ даже тѣмъ простымъ мужествомъ, которое требуется отъ солдата, при первой легкой паникѣ они теряютъ самообладаніе. Затѣмъ и какъ спеціалисты своего морского дѣла, моряки тулонской эскадры, по разсказу Сейлера, не оказываются на высотѣ положенія; военное судно „Гольбіакъ“, благодаря небрежности и неумѣлости своего персонала, отказывается служить, едва доташившись до Сайгона.

Книга Сейлера произвела сильное впечатлѣніе, какъ иллюстрація къ требованіямъ реформъ въ морскомъ дѣлѣ и перемѣны въ морскомъ персоналѣ, которые люди, освѣдомленные относительно того и другого, предъявляютъ уже давно во Франціи. И вотъ почему Камилль Пеллтанъ, извѣстный депутатъ и звадокъ морского дѣла, рекомендовалъ книгу Сейлера вниманію г-на Ланессана, морскаго министра.

С. Князьковъ. Царь Иванъ Грозный и его время. Очеркъ. Подъ редакціей проф. А. И. Кирпичникова, А. А. Кизеветтера и М. В. Довнаръ-Запольскаго. Изданіе Д. И. Тимковскаго. Ц. 15 к.

То же. Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право. Историческій очеркъ. Подъ редакціей А. А. Кизеветтера. Изданіе т. д. С. Курнина и К°. Ц. 15 к.

Темы брошюръ г. Князькова однѣ изъ наиболѣе благодарныхъ темъ по Русской исторіи. О царѣ Иванѣ Грозномъ и о крѣпостномъ правѣ существуетъ обширный матеріалъ біографическаго, монографическаго и общенаучнаго историческаго характера. Надъ приведеніемъ этого матеріала въ систематичный видъ потрудились русскіе ученые, публицисты и дали рядъ фактическихъ характеристикъ какъ личности и времени Ивана Грознаго (Соловьевъ, Ключевскій, Милуковъ, Кизеветтеръ, Михайловскій и др.), такъ и исторіи крѣпостнаго права въ разные моменты его развитія (Соловьевъ, Ключевскій, Дьяконовъ, Семеновскій, Шелгуновъ, Бѣляевъ, Исаевъ, Гольцевъ, Дитятинъ и др.) и личностей, способствовавшихъ уничтоженію крѣпостнаго права (выдающійся трудъ Джавшіева „Изъ эпохи великихъ реформъ“). Г. Князьковъ для своихъ популярныхъ брошюръ воспользовался лучшими трудами нашихъ историковъ, публицистовъ и возможно подробно научно рассказалъ объ интереснѣйшихъ вопросахъ русской исторіи.

Въ брошюрѣ „Иванъ Грозный и его время“ авторъ удѣлилъ большое вниманіе понятное вниманіе эпохѣ, создавшей Грознаго царя, когда „безграмотство на Руси было полное“ (30 стр.), когда въ обычаѣ русскаго знатнаго и незнатнаго человѣка, за немногими исключеніями, была грубость, насилие, произволъ, ханжество и прочіи антидобродѣтели, ведшія государство къ весьма печальнымъ экономическимъ положеніямъ. Авторъ удачно описываетъ формы народной жизни... Даровитая, жестокая и большая личность Грознаго царя является у автора на почвѣ безнравственныхъ, суевѣрныхъ традицій вѣка. Описывается вся жизнь Грознаго, всѣ выдающіеся пережитія этой терзательной жизни деспота, для котораго смерть едва ли не была своевременнымъ разрѣшеніемъ мучительной загадки.

Очеркъ г. Князькова „Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право“ отличается такою же обстоятельностью, общедоступностью, какъ и только что отмѣченный нами очеркъ о царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Авторъ научно освѣщаетъ сложную исторію крѣпостнаго права, сообразуясь съ достовѣрными историческими изслѣдованіями ученыхъ: Ключевскаго, Дьяконова, Милукова, Исаева и др. Прекрасный фактический матеріалъ предоставляетъ автору возможность набросать рядъ справедливыхъ картинъ крѣпостничества въ самую цвѣтущую его пору существованія, охарактеризовать важныя общекультурныя послѣдствія крѣпостнаго права, ко-

торое принесло Россіи страшный ужасающій вредъ, затормозило просвѣтительное и экономическое развитіе страны и породило и посейчасъ еще несгладившуюся рознь — между „мужиномъ“ и „баринномъ“. „Мы присмотрѣлись къ этой розни, особенно къ нѣбшней ся сторонѣ, и она не бросается намъ въ глаза съ особой рѣзкостью, зато иностранцевъ она поражаетъ. Въ „баринѣ“ они всегда безъ труда признають равнаго себѣ и по одеждѣ, и по привычкамъ, и по интересамъ, „мужикъ“ же кажется имъ челоѣкомъ другого племени, какой-то очень любопытной диловинкой. Внутреннюю же рознь мы можемъ ощущать и сами. Сплошь и рядомъ бываетъ такъ, что при случайныхъ встрѣчахъ за однимъ дѣломъ „мужикъ“ и „баринъ“ долго не понимаютъ одинъ другого, при простыхъ же, не дѣловыхъ отношеніяхъ имъ часто нечего сказать другъ другу. И это не потому, чтобы не нашлось общаго матеріала для разговора, а только потому, что они не привыкли и не умѣютъ говорить другъ съ другомъ. „Баринъ“, живя долгое время на счетъ „мужика“, быть можетъ, вовсе ужъ не такъ далеко оставилъ за собой послѣдняго, но многимъ кажется, что далеко. Отъ иного барина можно услышать мнѣніе, что съ „мужиномъ“ и говорить-то нужно по-особенному. Съ другой стороны и крестьяне, привыкнувъ за время господства крѣпостнаго права видѣть въ каждомъ образованномъ челоѣкѣ „барина“, конечно, не могли относиться къ нему съ полнымъ довѣріемъ и дружелюбіемъ. Приобрѣтенная вѣками привычка быстро исчезнуть не можетъ, и потому немудрено, что крестьяне сохранили привычку чуждаться „барина“ и до сихъ поръ, когда образованными стали не одни „господа“. а и люди, вышедшіе изъ того же крестьянства. Только равномерное распространеніе просвѣщенія можетъ сгладить указанную рознь и объединить всѣхъ русскихъ людей на общую ихъ пользу и счастье родины“ (80 стр.). Отмѣна крѣпостнаго права разсказана г. Князьковимъ по Джаншіеву, что замѣтно по справедливой оцѣнкѣ лицъ, способствовавшихъ отмѣнѣ противоестественнаго права на Руси.

Къ очерку приложены снимки съ портретовъ великихъ защитниковъ русскаго крестьянина. А. Ф.—ъ.

Тардъ Соціальная логика. Перевелъ съ французскаго М. Цей-линнъ СПб. 1901. стр. 491. ц. 1 р. 50 к.

Настоящій трудъ талантливаго французскаго соціолога представляетъ собой дальнѣйшее развитіе и примѣненіе къ соціальнымъ фактамъ „законовъ подражанія“. изложенныхъ въ его извѣстной книгѣ, переведенной на русскій языкъ. Предъидущій „очеркъ“ больше занимался образованіемъ соціальнаго вещества, нежели образованіемъ соціальныхъ тѣлъ, тѣмъ, какъ выдѣляется соціальная ткань, а не тѣмъ, какъ шьется національная одежда“. Теперь авторъ обращается къ принципамъ организаціи устойчивыхъ соціальныхъ группъ обществъ. Предметомъ изслѣдованія становятся индивидуаль-

ный и социальный умъ, языкъ, религія, социальное чувство, экономика, искусство.

Какъ индивидуальная, такъ и социальная психологія, по мнѣнію Тарда, слагается изъ комбинированныхъ актовъ вѣрованій и желаній. Но подъ вѣрованіями онъ разумѣетъ „не вѣру въ религіозномъ смыслѣ, а только согласіе ума съ какой нибудь мыслью“, т. е. всякое сужденіе. „Утвержденіе, отрицаніе, присвоеніе и отчужденіе—таковы тѣ состоянія, между которыми постоянно колеблется умъ, и они настолько же противоположны, какъ только могутъ быть противоположны два полюса магнита или электрической батареи. Но всякая достаточно ясно выраженная противоположность предполагаетъ основное тождество силъ, два противоположныхъ проявленія которой она представляетъ. Два полюса магнита предполагаютъ одинъ и тотъ же магнитизмъ. Но что именно тождественнаго можно найти въ глубинѣ утвержденія и отрицанія какъ не вѣрованіе? Точно также наслажденіе и страданіе или лучше сказать, пріятная сторона ощущеній ихъ непріятная сторона; какъ таковыя представляютъ собой другую сторону душевную противоположность; а что же тождественное находится въ глубинѣ наслажденія и страданія, какъ не желаніе?“ отъ начала до конца психической жизни вѣрванія и желанія проходятъ цѣлый рядъ измѣненій по величинѣ и перемѣнѣ въ знакѣ направленія (положительномъ и отрицательномъ), указывающихъ на нихъ, какъ на настоящія *количества души*, которыя можно принять за отправныя явленія для социальной психологіи.

Признавъ вѣрованія и желанія единственными силами и количествами души, Тардъ пытается построить логическія сужденія, дедукцію и индукцію, на чисто субъективномъ основаніи: приближеніи къ *максимальной увѣренности*. По его опредѣленію, „задача логики состоитъ въ томъ, чтобы, указывать намъ направленіе (положительное или отрицательное) и, —по каждому изъ этихъ направленій,—степень вѣрованія“, какое должно перенести отъ старыхъ понятій къ новымъ или до какой можно достигъ путемъ опытной провѣрки. Не мало остроумныхъ аналогій и апріорныхъ доводовъ тратитъ онъ на рекомендацію своей „логики вѣры“, но цѣль его достаточно очевидно—установить логическое единство сознанія и воли, обязанность индивидуальной и социальной жизни. Сущность и практическое значеніе его социальной доктрины всего думно выражены въ слѣдующемъ обобщеніи. „Какая либо нація въ данный моментъ, для поддержанія своей религіи или своей промышленности, своего языка или своего законодательства, своей науки, или своихъ политическихъ учрежденій, располагаетъ опредѣленнымъ, ограниченнымъ бюджетомъ вѣрованія и желанія, въ которомъ ни одна статья не можетъ возрасти на счетъ другихъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока новые источники вѣры и желанія, т. е. новыя капитальныя открытія не прибавятся къ старымъ. Поэтому мы и видимъ,

что отъ одного возраста націи до другого, пропорція различныхъ издержекъ этого рода чрезвычайно мѣняется; здѣсь, напримѣръ, большая часть вѣрованія приходитъ въ неподвижное состояніе въ традиціяхъ и догматахъ, тамъ она постоянно расходится на теоріи или опытные знанія; здѣсь большая часть желаній застынаетъ въ обычаяхъ и учрежденіяхъ, тамъ разлпвается въ законодательствѣ и промышленности. Нѣтъ ли у насъ нѣкоторыхъ основаній думать, что пропорціональное количество вѣры, вложенной въ слова и словесныя формы, много уменьшилось съ первобытныхъ временъ, когда каждое слово назвалось существомъ, всякая сущность дѣйствительностью. когда сими рѣчи, притомъ мифологической въ самой своей основѣ, было достаточно для того, чтобы создать боговъ (gemma и popina), когда не только безошибочность слова, одѣланнаго плодомъ, но даже всемогущество рѣчи, названной молитвой, не встрѣчала ни въ комъ недо вѣрія? Зато, съ другой стороны, развѣ нѣтъ основанія думать, что количество вѣрованія, расходуемое подъ именемъ науки въ разнаго рода изслѣдованіяхъ, по отношенію къ которымъ языкъ есть только орудіе, и подъ именемъ довѣрія — въ договорахъ, дѣлахъ, многочисленныхъ сношеніяхъ соціальной жизни, пропорціонально сильно возросло? Замѣтимъ мимоходомъ, что съ этой точки зрѣнія можетъ быть прекрасно объясненъ ростъ скептицизма въ обществахъ, находящихся на пути къ цивилизаціи. Если намъ дано определенное количество вѣрованія на то, чтобы распределить его между нашими идеями, то для каждой изъ нихъ тѣмъ больше, тѣмъ онъ малочисленнѣе. Слѣдовательно увеличеніе числа идей должно идти вообще наряду съ ослабленіемъ вѣрованій. „Все это было бы фотографически вѣрно съ дѣйствительностью, если бы соціальная жизнь представляла собой только только вервированное повтореніе идей, чувствованій и дѣйствій; но и самъ Тардъ, какъ мы видѣли, признаетъ существованіе новыхъ *источниковъ* вѣрованій и желаній, открываемыхъ прогрессивнымъ движеніемъ науки, промышленности, искусства и т. д. Вслѣдствіе этого „законы изобрѣтенія“ приобрѣтають особый интересъ и значеніе для его соціальной доктрины.

Построеніе соціальной діалектики Тарда основывается на допущеніи, что „общества, какъ и индивиды, стараются удовлетворить не только свое стремленіе къ равновѣсію, но и свое стремленіе къ непрестанному возрастанію вѣрованія и желанія. Эти двѣ проблемы, трудныя сами по себѣ и притомъ противоположныя другъ другу, порождаютъ третью, заключающуюся въ томъ, чтобы примирить обѣ первыя. Доли бы требовалось только привести къ равновѣсію существующія въ данный моментъ количества вѣрованія или силы желаній. то обществу довольно скоро пришлось бы застыть на одномъ мѣстѣ. Но такъ какъ оно стремится въ то же время болѣе или менѣе увеличить размѣры этихъ величинъ и этихъ силъ, увеличивая ихъ число и дѣлая ихъ разнообразнѣе, но для

удовлетворенія этой второй потребности возникают и логически должны возникнуть новыя открытія, всегда привносимыя извнѣ: торговлей и войной изъ чужихъ странъ или, такъ сказать, извнѣ внутреннего, какъ результатъ уединенныхъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, внѣ-соціальныхъ, индивидуальныхъ условій ученаго и изобрѣтателя; эти переменяющіяся приглашенія возмущаютъ начавшее устанавливаться равновѣсіе и снова ставятъ проблему дальнѣйшаго уравниванія, но уже болѣе сложную, болѣе трудную. Отсюда и происходитъ то, что общества живутъ до тѣхъ поръ, пока они прогрессируютъ. Такимъ образомъ, можетъ быть замѣчено общее направленіе и главнѣйшее фазы *жизни* эволюціи въ области языка, религіи, эстетики. Съ этой цѣлью Тардъ даетъ такую обобщенную схему, иллюстрируя ее многочисленными историческими примѣрами: когда какое либо индивидуальное или социальное движеніе А и В, сходясь по направленію и со-трудничая, произвели С, то, въ тоже время, Д и Е, также сходясь по направленію а сотрудничая, произвели затѣмъ С и вступаютъ другъ съ другомъ въ тѣже отношенія и т. д. „до безконечности, до тѣхъ поръ, пока все не окажется синтезировавшимся въ Z—въ единомъ всеобщемъ принципѣ“. По его представленію, сущность историческаго процесса сводится къ послѣдовательному разрѣшенію противорѣчій и установленію сознанія сталкивающимися вѣрованіями (идеями) и желаніями (хотеніями) и опредѣляемыми ими различными социальными состояніями.

Однако и „соціальной логикой“ Тарду не удалось примирить „законы“ подражанія и изобрѣтенія, разрѣшить загадку появленія тенія и выяснить характеръ творческаго процесса, что признается и самимъ авторомъ, такъ какъ „роль случайнаго въ социологіи—говоритъ онъ—, значительна, внѣ сравненія“. Поэтому, нельзя искать въ его доктринѣ цѣлостнаго законченнаго міросозерцанія. Вообще сочиненія Тарда могутъ раздвинуть социальный кругозоръ вдумчиваго читателя тонкимъ психологическимъ анализомъ историческихъ примѣровъ, остроумными аналогіями между психикой личности и общества и частными социологическими обобщеніями. М. И.

А. Лященко. Пасторъ Муральтъ и первые годы реформатскаго училища. Спб. 1901.

Реформатское училище въ нынѣшнемъ году перешло въ новое прекрасное зданіе, какого нѣтъ ни у одной изъ казенныхъ гимназій. По этому поводу въ училищѣ происходилъ торжественный актъ, и одинъ изъ преподавателей г. А. Лященко произнесъ рѣчь, посвященную памяти основателя училища и его почтеннымъ традиціямъ. Пасторъ Муральтъ былъ ученикомъ и сотрудникомъ знаменитаго Песталоцци; методы этого педагога онъ привилъ и къ основанному имъ при реформатской церкви училищу, которое быстро приобрѣло прекрасную репутацію и въ эпоху Александра I стало положи-

тельно моднымъ. Довѣріе къ училищу достигло такихъ размѣровъ въ послѣдствіи, что отсюда были приглашены учителя для цесаревича Александра Николаевича: К. И. Арсеньевъ, Ф. А. Жилъ, С. И. Варрандъ и Ф. И. Липинъ. Нельзя не отмѣтить, что въ это время реформатское училище было совершенно частнымъ и не имѣло никакихъ правъ (уравнено съ правительственными средними учебными заведениями въ 1863 году). Система преподаванія была *предметная*, т. е. наглядная. Физическое и нравственное воспитаніе шло рука объ руку съ уроками. Естественныя науки изучались рядомъ съ словесными. „Намъ“, говоритъ одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ училища, „показывали мануфактуры, фабрики, мы имѣли довольно ясныя представленія о важнѣйшихъ искусствахъ и ремеслахъ; насъ водили въ звѣринцы, смотрѣть главнѣйшіе экземпляры тѣхъ животныхъ о которыхъ мы слышали на урокахъ зоологій“. Въ наше реформенное время не мѣшало бы вспомнить объ учебныхъ планахъ пастора Муральта.

Павль Бунинъ. Листопадъ. Стихотворенія. Москва. Книгоиздательство „Скоріонъ“. 1901.

Въ то время какъ большинство собратьевъ г. Бунина по музѣ, руководствуясь модой, ударились въ извращеніе русскаго языка и здраваго смысла, онъ остался стойкимъ хранителемъ прежнихъ традицій, почему нѣсколько неожиданнымъ кажется его появленіе подъ флагомъ декадентской фирмы „Скоріонъ“. Конечно, это несущественно и ничуть не связываетъ поэта съ „модернистами“.

Культъ г. Бунина—природа: ей посвящены почти всѣ его вдохновенія И природа любитъ поэта. Она открываетъ ему свои интимныя стороны, тонкіе отгѣнки и переливы своихъ измѣнчивыхъ настроеній, ту скрытую въ ней, едва уловимую красоту, которая разлита во всѣхъ явленіяхъ природы и дѣлаетъ ее въ ощущеніяхъ человѣческой души такимъ же одухотвореннымъ, почти живымъ организмомъ. Г. Бунинъ—не изнервленный поэтъ столицы; правда, и его нельзя назвать жизнерадостнымъ, но все же, сливаясь непосредственно съ природою, онъ чувствуетъ ее какъ здоровый человѣкъ, а не какъ отравленный пессимизмомъ нитикъ. Приведемъ на удачу одно изъ его стихотвореній:

Еще отъ дома на дворѣ
Синѣютъ утреннія тѣни,
И подъ навѣсами строеній
Трава въ холодномъ серебрѣ;
Но ужъ сіяетъ яркій зной,
Давно толпы стучатъ въ сараи,
И голубей веселыхъ стаи
Спаркаютъ сѣбной бѣлѣной.
Съ зари кукушка за рѣкою
Кукуетъ звучно вдалекѣ,

И въ молодомъ березникѣ
 Грибами пахнетъ и листвою.
 На солнцѣ свѣтлая рѣка
 Трепещетъ радостно, смѣется,
 И гулко въ рошѣ отдается
 Надъ нею ладный стукъ вальса.
 А за деревнею, гдѣ межи
 Въ поля привольныя бѣгутъ,
 Гдѣ хуторки бѣлѣютъ рѣке,—
 Ржи серебристыя цвѣтутъ,
 Въ лазури жаворонки рѣютъ,
 Поютъ про степь наперебой,
 И, какъ миражъ, курганы мрѣютъ
 Въ дали воздушно-голубой.

Настроенія поэта самыя чистыя: въ большинствѣ его стихотворенія не только найдутъ отзвукъ въ сердцахъ взрослыхъ читателей, но способны проникнуть и въ душу ребенка, что открываетъ произведеніямъ г. Бунина право на включеніе ихъ въ дѣтскія хрестоматіи. Такая доступность свидѣтельствуетъ о значительномъ талантѣ.

—887.

Редакторъ-издатель С. Сухонинъ.

этихъ „пскаженій“. Но іезуиты, вѣрные благоразумной тактикѣ Риччи, отказались признать критику доминиканцевъ основательной и измѣнить установившіеся обряды. Тогда доминиканцы обратились съ жалобой въ Римъ и послѣ многихъ хлопотъ добились, наконецъ, папской буллы, которая осуждала и запрещала поклоненіе предкамъ, какъ изычское вѣрованіе, которое не можетъ быть признано церковью.

ГЛАВА III.

Возвышеніе манчжуровъ.

Еще въ то время, когда Риччи пользовался въ Пекинѣ крупнымъ вліяніемъ и императорскій тронъ былъ занятъ Ванли, на сѣверо-востокѣ имперіи начали возвышаться маньчжуры, которымъ въ концѣ концовъ было суждено подчинить Китай своему игу.

Послѣ пораженія кинскихъ татаръ монголами въ XIII столѣтіи, ихъ разсѣяныя орды двинулись обратно въ мѣста ихъ первоначальнаго поселенія, вблизи Мукдена. Многіе изъ этихъ кочевниковъ обладали не только воинственнымъ характеромъ, но и значительнымъ военнымъ искусствомъ; такимъ образомъ, среди различныхъ маньчжурскихъ племенъ, обитавшихъ сосѣднихъ территоріяхъ, выросла грозная, хотя сначала незначительная по числу членовъ, воинственная группа.

Сохранилась маньчжурская легенда, повѣствующая о происхожденіи перваго маньчжурскаго вождя, наслѣдникамъ котораго суждено было сыграть такую крупную роль въ исторіи Китая. Однажды, — повѣствуетъ наивная легенда кочевниковъ, — когда дѣвица изъ племени Маньчжу сидѣла на берегу рѣки, воды которой омывають подножіе Длинной Бѣлой Горы, сорока уронила ей на колѣни красный плодъ. Дѣвица съѣла этотъ плодъ, тотчасъ же забеременѣла и родила сына, которому дали имя Эйзипъ Джіоро (Золотой). Столь чудесное рожденіе давало младенцу право на особенный почетъ, и онъ единогласно былъ избранъ вождемъ клана. Внуку этого вождя, носившему имя Нургачу (род. въ 1559 г.), суждено было оправдать чудесное происхожденіе завоеваніемъ для себя и своихъ наслѣдниковъ престола древней китайской имперіи.

Нургачу по достиженіи зрѣлаго возраста сталъ принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ своего племени и вскорѣ въ силу его происхожденія былъ избранъ вождемъ племени. По словамъ историковъ, уже самая его наружность предсказывала ему незаурядную будущность. Туземные историки съ любовью описываютъ его лицо, напоминавшее дракона, съ глазами феникса, его широкую грудь, большіе уши и густой

голосъ. Согласно распространенному повѣрію, подобныя физическія качества указываютъ на то, что ихъ обладателямъ суждено сдѣлаться вождями. Поскольку дѣло касается Нургачу, повѣрье это оправдалось въ точности.

Въ тѣ времена маньчжуръ дѣлились на безчисленные мелкіе кланы, разбросанные по той обширной области, которая отдѣляетъ Великую стѣну отъ Амура. Первымъ дѣломъ, на которомъ проявилась энергія Нургачу, было сключеніе этихъ разсѣянныхъ племенъ въ одно цѣлое. Счастье сопровождало его усилія, а о размѣрахъ его успѣховъ можно судить по той зависти, съ какою на него смотрѣли вожди другихъ клановъ. Сначала китайцы, считавшіе себя верховными властителями маньчжурскихъ племенъ, смотрѣли на движеніе среди маньчжуръ, какъ на ничтожное броженіе, не заслуживающее серьезнаго вниманія. Помимо того, какъ разъ въ это время, въ нѣсколькихъ провинціяхъ имперіи возникъ рядъ серьезныхъ мятежей. Но, наконецъ, Ванли, который тогда еще занималъ тронъ, обратилъ вниманіе на дѣятельность Нургачу, благодаря жалобамъ его враговъ. Ванли взялъ подъ свою защиту нѣкоего Никана, самаго вліятельнаго изъ противниковъ Нургачу. Китайцы нерѣдко впадали въ ошибку, свойственную, впрочемъ, и другимъ націямъ, а именно, — они относились съ слишкомъ большимъ презрѣніемъ къ своимъ врагамъ. Во время наступившей кампаніи имъ пришлось жестоко поплатиться за это заблужденіе.

Въ 1591 году Нургачу успѣлъ настолько подвинуть свое дѣло впередъ, что могъ уже присоединить къ своимъ владѣніямъ область Ялу. Такое очевидное доказательство его успѣховъ вызвало завистливую злобу у тѣхъ изъ сосѣднихъ вождей, которые раньше воздерживались вступать въ организованный имъ союзъ, и семеро изъ этихъ недовольныхъ вельможъ вступили въ соглашеніе съ цѣлью лишить Нургачу тѣхъ успѣховъ, которые въ сущности являлись лишь законной наградой его уму и пронырливости. Они, во главѣ тридцати тысячъ войска, выступили противъ четырехъ тысячъ кочевниковъ, сражавшихся подъ знаменами Нургачу, обладавшаго военнымъ талантомъ Наполеона, побѣдилъ каждого союзника въ отдѣльности и уничтожилъ 4000 лучшихъ воиновъ въ рядахъ противниковъ. Эта побѣда побудила его къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ, и онъ открылъ кампанію нападеніемъ на полуостровъ Лай-отунгъ. Это нападеніе въ сущности являлось незамаскированной атакой на Китайскую имперію, и, чтобы оправдать такой рискованный шагъ, Нургачу послалъ императору жалобу, въ которой по пунктамъ излагалъ претензіи, которыя онъ имѣлъ противъ своего могущественнаго сосѣда. Первый пунктъ этой жалобы въ сущности суммируетъ въ общихъ чертахъ всѣ остальные... „Хотя мои предки,—писалъ Нургачу,—никогда не взяли даже соломинки съ китайской земли и не повредили ни единого вершка ея, кптайцы, тѣмъ не менѣе, вели безпрестанные ссоры съ ними

и безъ всякой причины волновали моихъ сосѣдей, чѣмъ причинили большой ущербъ моимъ предкамъ". Остальные шесть пунктовъ жалобы касались различныхъ специальныхъ обидъ, на которые жаловался Нургачу. Въ слѣдующемъ (1618) году онъ открылъ кампанію противъ Китая, перешелъ китайскую границу и захватилъ города Фушунъ и Чинго.

Китайцы были сильно встревожены этимъ нашествіемъ; но подобныя событія уже часто случались въ исторіи имперіи, и китайцы привыкли относиться къ этому злу пренебрежительно. Чисть, когда имъ пришлось выступить на поле битвы, они, къ своему ужасу, увидали передъ собой большую и хорошо вооруженную армію, вмѣсто кочующихъ разбойничьихъ ордъ, которыя представляли первоначальное зерно этого движенія. Афоризмъ, утверждающій, что провидѣніе всегда бываетъ на сторонѣ болѣе многочисленнаго войска, непримѣнимъ къ китайскимъ войскамъ. Мы еще недавно видѣли, какъ японцы, бывшіе въ значительномъ меньшинствѣ, обратили въ бѣгство и уничтожили тѣ громадныя массы войскъ, которыя китайцы смогли выставить противъ нихъ въ Корей и въ тѣхъ областяхъ, гдѣ маневрировалъ Нургачу въ описываемое нами время.

Сто тысячъ китайскихъ войскъ двинулись противъ 60.000, бывшихъ подъ предводительствомъ вождя племени Нъючи. Командующій китайскими войсками проявилъ такое отсутствіе военнаго искусства, велъ кампанію такимъ образомъ, какъ будто сознательно намѣревался отдать себя и свое войска въ руки непріятеля. Онъ раздѣлилъ свою армію на три независимые отряда и такимъ образомъ чрезвычайно облегчилъ маньчжурскому вождю его задачу. Нургачу тотчасъ же понялъ ошибку своего противника и рядомъ быстрыхъ движеній покончилъ съ каждымъ изъ трехъ китайскихъ отрядовъ. Историки рассказываютъ, что въ этихъ сраженіяхъ было убито 310 офицеровъ и 45.000 солдатъ. Обозъ побѣжденных также попалъ въ руки маньчжуровъ, которые такимъ образомъ приобрѣли запасъ провизіи и могли разнообразить свои весьма скудные раціоны.

Какъ разъ въ то время, когда извѣстія о первыхъ пораженіяхъ, нанесенныхъ китайскими войсками, достигли Пеккина, въ китайскую столицу прибылъ португальскій посланникъ, Гонсальво де-Тексейра, съ миссіей, относившейся къ дѣламъ колоніи въ Макао. Найдя китайское правительство въ такомъ затруднительномъ положеніи, посланникъ, слѣдуя принципамъ „*do ut des*“, предложилъ правительству помощь небольшого контингента португальскихъ войскъ, бывшихъ въ его распоряженіи. Китайская гордость не устояла противъ этого соблазна, хотя мандарины яко бы „презираютъ“ иностранныхъ „варваровъ“, но, когда дѣло шло о подавленіи маньчжуровъ или бунтующихъ тайпинговъ, они всегда выказывали готовность воспользоваться помощью „варваровъ“, если таковая имъ предлагалась. И въ данномъ случаѣ они тотчасъ же приняли

предложеніе посланника, и вскорѣ небольшой отрядъ, состоявшій изъ двухсотъ португальцевъ, вооруженныхъ пишальями, и такого же количества обученныхъ и вооруженныхъ туземцевъ, торжественно отправился въ походъ. Это маленькое войско съ большимъ парадомъ промаршировало изъ Макао почти до Пекина. Но не успѣло оно дойти до столицы, какъ тревога, обуявшая императора, утихла, и португальскаго командира учтиво попросили оставить въ распоряженіи китайцевъ пушки, а войско отвести обратно въ Макао. Португальскія пушки сослужили впоследствии хорошую службу.

Несмотря на весь эффектъ, произведенный пушками, онѣ не смогли, однако, остановить наступательнаго движенія маньчжуровъ, которые послѣ трудной осады взяли городъ Мукденъ и направились къ Лайоянгу. Здѣсь онѣ наткнулись на упорное сопротивленіе, и городъ сдался лишь послѣ того, какъ весь гарнизонъ былъ вырѣзанъ. Туземные историки рассказываютъ, между прочимъ, что горожане послѣ взятія Лайоянга выразили свое подчиненіе новымъ властителямъ тѣмъ, что обрили себѣ волосы на головахъ. Это сказаніе лѣтописцевъ является первымъ указаніемъ на обычай китайцевъ брить голову и носить косу, слѣлавшійся теперь общепринятымъ въ Китаѣ. Такія событія обыкновенно считаются китайскими историками недостойными упоминанія, такъ какъ историки эти посвящаютъ все свое вниманіе хроникѣ придворныхъ и военныхъ событій даннаго періода. Благодаря подобнымъ умолчаніямъ дѣйствительное происхожденіе этого обычая неизвѣстно, и мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы рѣшить вопросъ, — былъ ли это древній маньчжурскій обычай или же онъ возникъ лишь при покореніи Китая маньчурами и былъ введенъ какъ знакъ подчиненія.

Между тѣмъ, въ это время возникли серьезныя волненія въ области Шечуань, и при тогдашнемъ плачевномъ состояніи страны едва ли бы императорскимъ войскамъ удалось скоро возстановить порядокъ въ этой отдаленной области, если бы на помощь имъ не пришла туземная героиня. Нѣкая Тсинлиангъ, женщина-вождь одного изъ туземныхъ племенъ Шечуана, собрала большой отрядъ еще въ началѣ возмущенія и оказала значительную помощь императорскимъ войскамъ, которыя могли быть высланы для подавленія возмущенія лишь въ небольшомъ количествѣ. Вскорѣ, благодаря главнымъ образомъ Тсинлиангу, область была снова подчинена власти императора. Но это возстаніе было зловѣщимъ признакомъ, указывавшимъ на то, что страна разъѣдается внутреннимъ недовольствомъ. Вскорѣ начались волненія въ Юннанѣ и Квейчоу; особенно серьезный характеръ волненія приняли на сѣверо-востокѣ Шантунгской области, гдѣ мятежному вождю Шу удалось взять нѣсколько городовъ. Впрочемъ, Шу удержалъ за собой вліяніе лишь до перваго пораженія, послѣ котораго приверженцы оставили его.

Но особенной опасности подвергалась сѣверо-восточная

часть имперіи, такъ какъ Нургачу постоянно тревожилъ ея границы. Счастье почти всегда сопутствовало ему во всѣхъ его набѣгахъ и нападеніяхъ, пока, наконецъ, ему не пришлось встрѣтить на своемъ пути очень способного и мужественнаго противника, въ лицѣ китайскаго генерала, защищавшаго крѣпость Нингіань, лежавшую на сѣверъ отъ Великой стѣны. Нургачу два раза пытался взять эту крѣпость, но оба раза былъ отраженъ съ громадными потерями. Если бы осажденные пользовались лишь туземнымъ вооруженіемъ, вѣроятно, дѣло окончилось бы иначе, но въ ихъ распоряженіи были пушки, привезенныя португальцами изъ Макао, а также отлитыя въ Пекинѣ, подъ руководствомъ іезуитовъ, и этимъ обстоятельствомъ объясняется пораженіе маньчжуровъ. Нургачу въ это время достигъ уже довольно преклоннаго возраста, и двукратное пораженіе окончательно подорвало его ослабѣвшую энергію. Онъ отступилъ къ Мукдену, гдѣ и умеръ въ 1626 году. Ему наследовалъ его четвертый сынъ Тіентсунгъ, который сначала пытался заключить миръ съ Китаемъ, но, очевидно, его намѣреніе не было искреннимъ, такъ какъ онъ съ самаго начала жестоко оскорбилъ гордость китайцевъ, третируя китайскаго императора, какъ равнаго себѣ. Помимо того, въ самомъ началѣ переговоровъ, до Пекина дошли извѣстія, что маньчжуры вошли съ войскомъ въ Корею и покорили ее. Послѣ этого, конечно, не могло быть и рѣчи о мирѣ, и Тіентсунгъ рѣшилъ начать войну противъ Китая. Но на его дорогѣ къ Пекину стояла крѣпость Нингіань. Усилія Тіентсунга взять крѣпость приступомъ окончились такимъ же пораженіемъ, какое постигло войска его отца. Въ то время, какъ походъ маньчжуровъ былъ задерживаемъ мужественнымъ сопротивленіемъ нингіанскаго гарнизона, китайскій императоръ Тіенчи умеръ (1627) и ему наследовалъ его младшій братъ Тсунгченгъ.

Маньчжуры прекрасно понимали, что такое искусство и храбрость, какія проявилъ защитникъ Нингіана, встрѣчаются очень рѣдко среди китайскихъ военачальниковъ, и что, если маньчурамъ удастся обойти эту неприступную крѣпость, ихъ ожидаютъ легкія побѣды на плодородныхъ равнинахъ сѣвернаго Китая. Извѣстная военная аксіома гласитъ, что вторженіе въ страну можетъ окончиться пораженіемъ, если въ тылу нападающихъ осталась невзятая сильная крѣпость. Но всякое правило имѣетъ исключенія, и Тіентсунгъ считалъ, что данный случай является такимъ исключеніемъ. Онъ предложилъ на разсмотрѣніе своихъ генераловъ новый планъ кампаніи, заключавшійся въ томъ, чтобы, замаскировавъ отступление отъ Нингіана, направиться на Пекинъ. Смѣлость этого плана сначала вызвала возраженія, но въ концѣ концовъ маньчжуры выступили въ походъ. Тіентсунгъ, подкрѣпленный войсками монгольскихъ союзниковъ, повелъ свою армію на югъ, черезъ Таанскій и другіе горные проходы, и вскорѣ маньчжурская армія, оставивъ небольшой отрядъ передъ Нингіаномъ, наводнила

равнины Китая. Но Чунгванъ, защитникъ Нингяна, недолго оставался въ заблужденіи. Вскорѣ его подозрѣнія превратились въ унѣренность, благодаря донесеніямъ лазутчиковъ, сообщившихъ о выступленіи маньчжурскихъ войскъ. Чунгванъ немедленно рѣшилъ помѣшать выполнению плана противника. Онъ зналъ, что въ Пекинѣ мало войска, и потому поспѣшилъ на помощь столицѣ, которой угрожала опасность. Теперь каждая изъ армій старалась обогнать другъ друга, и хотя маньчжуры были на нѣсколько дней впереди, но, вслѣдствіе того, что имъ по пути пришлось осаждать нѣсколько городовъ, Чунгвану удалось достигнуть Пекина раньше ихъ. Прибытіе въ столицу этого талантливаго противника заставило Тіентсунга задуматься,—онъ видѣлъ теперь, что ему не удастся захватить Пекинъ такъ легко, какъ онъ сначала предполагалъ. Тіентсунгъ рѣшилъ прибѣгнуть къ разнымъ мѣрамъ, чтобы избавиться отъ Чунгвана. Мѣры эти отличались чисто азіатской хитростью и низостью. Тіентсунгу удалось взять въ плѣнъ двухъ дворцовыхъ евнуховъ и на этомъ обстоятельстве онъ построилъ свой планъ. Онъ приказалъ нѣсколькимъ изъ своихъ офицеровъ завести разговоръ о Чунгванѣ такъ, чтобы разговоръ этотъ могли слышать находившіеся вблизи евнухи. Офицеры Тіентсунга, согласно полученнымъ приказаніямъ, занели разговоръ о томъ, что Чунгванъ, наконецъ, перешелъ на ихъ сторону и обѣщалъ открыть городскія ворота маньчжурамъ. Вскорѣ затѣмъ дверь тюрьмы евнуховъ была яко бы случайно оставлена открытой, въ расчетѣ, что они, вѣроятно, попытаются бѣжать. Расчетъ этотъ оправдался, и евнухи донесли императору о предполагаемой измѣнѣ его талантливаго вождя. Императоръ не усомнился въ достовѣрности доставленныхъ ему евнухами свѣдѣній и, не давъ Чунгвану возможности оправдаться во взводимыхъ на него навѣтахъ, приказалъ, въ ожиданіи смертной казни, заключить его въ тюрьму. Но даже послѣ коварнаго устраненія Чунгвана, Тіентсунгъ не былъ въ состояніи взять Пекинъ и, желая избѣжать постоянныхъ бесполезныхъ стычекъ, ослаблявшихъ его войска, онъ снялъ осаду и отступивъ къ сѣверу. Китайцы, всегда предпочитающіе преслѣдованіе прямому нападенію на врага, шли по пятамъ его арміи и успѣли возвратить императору нѣсколько городовъ, завоеванныхъ раньше маньчжурами.

Такимъ образомъ, дѣла императора нѣсколько улучшились, но это улучшеніе было очень кратковременнымъ. Не успѣлъ онъ похвалить себя съ отступленіемъ маньчжуровъ, какъ до него дошла вѣсть о чрезвычайно серьезномъ возстаніи въ области Шенси. Во главѣ возстанія стояли два могущественныхъ вождя, Чангъ и Ли, которые, если вѣрить китайскимъ историкамъ, сначала потерпѣли жестокое пораженіе въ стычкѣ съ императорскими войсками. Но надо принять во вниманіе, что китайскія релиціи о сраженіяхъ не всегда отличаются особенной достовѣрностью. Впрочемъ, достовѣрно извѣстно, что однажды императорскимъ войскамъ дѣйствительно удалось

одержать побѣду надъ мятежниками, но и этой побѣдой китайскій генераль воспользовался столь странно, что единственнымъ логическимъ объясненіемъ его поступка является предположеніе объ измѣнѣ. Загнавъ въ горы мятежниковъ, бывшихъ подъ предводительствомъ Ли, китайцы потребовали отъ нихъ безусловной сдачи. Ли, находясь въ совершенно безвыходномъ положеніи, согласился отдать оружіе, но съ удивительною смѣлостью потребовалъ свободнаго пропуска для себя и своихъ войскъ. Китайскій генераль согласился на это требованіе, и его войско могло наслаждаться поразительнымъ арміилицемъ, когда тридцать шесть тысячъ мятежниковъ, бывшихъ вполнѣ во власти китайцевъ, безнаказанно удалились съ поля битвы.

Отступленіе Тіентсунга въ Маньчжурію вовсе, однако, не значило, что онъ отчаялся выполнить задуманный имъ планъ. Онъ началъ готовиться къ новому нападенію весной и дѣятельно занялся вооруженіемъ своей арміи. Маньчжуры, убѣдившись горькимъ опытомъ въ громадномъ значеніи артиллеріи, въ свою очередь запаслись пушками.

Новую кампанію маньчжуры начали тѣмъ, что перешли монгольскіи степи, вплоть до Великой стѣны, обратили вниманіе на хорошо укрѣпленный городъ Тунгчоу, который послѣ нѣкотораго сопротивленія сдался; та-же участь постигла укрѣпленную позицію Сунгшань. Но эти успѣхи мало радовали Тіентсунга, въ виду того, что Нингіань, гарнизономъ котораго теперь командовалъ талантливый генераль Ву-Санкрен, все еще оставался невзятымъ. Тіентсунгъ, имѣя эту грозную крѣпость въ тылу, не осмѣлился начать наступленіе на Пекинъ и принужденъ былъ ограничиваться набѣгами на сѣверныя провинціи имперіи. Судьба была противъ него, и Тіентсунгу не суждено было овладѣть обѣтованной землей. На 52-мъ году жизни онъ скончался въ Мукденѣ, принявъ незадолго до своей смерти императорскій титулъ и давъ своей династіи имя Та-чингъ, которое она носитъ доселѣ.

Между тѣмъ, возстаніе, предводимое Ли и Чангомъ, все разрасталось. Ли овладѣлъ провинціями Шенси, Шанси и Хонанъ, въ то время какъ Чангъ пользовался громаднымъ успѣхомъ въ Хупехъ. Тѣмъ не менѣе, ему пришлось потерпѣть серьезную неудачу подъ Канфенгомъ. Этотъ городъ сыгралъ такую же роль въ кампаніи Ли, какую Нингіанъ игралъ въ кампаніи Тіентсунга. Его многократныя атаки на эту крѣпость оставались тщетными; во время одной изъ этихъ атакъ онъ потерялъ глазъ и въ озлобленіи рѣшилъ прибѣгнуть къ такимъ отчаяннымъ мѣрамъ, какія, къ счастью, не употребительны въ войнахъ болѣе цивилизованныхъ народовъ. Недалеко отъ осажденного города протекаетъ Желтая рѣка, заключенная между двумя высокими берегами, вначительномъ возвышающимися надъ окружающею равниною. Для того, чтобы добиться паденія ненавистнаго города, нужно было лишь разрушить плотину и вызвать такимъ образомъ наводненіе въ

близь лежащихъ мѣстностяхъ. Ли прибѣгнувъ къ этой рар-варской мѣрѣ, и воды рѣки хлынули въ равнину и затопили городъ, причѣмъ пострадало не только императорское войско, но и войска самихъ мятежниковъ. По сказаніямъ историковъ, во время этой катастрофы погибло около 1.000,000 людей. Ли потерялъ около 10,000 войска, но тѣмъ не менѣе его коварный планъ увѣнчался успѣхомъ, и то, чего не въ состояніи были сдѣлать войска Ли, сдѣлали воды Желтой рѣки. Когда плотина была законопачена и наводненіе прекратилось, знамя мятежниковъ развѣвалось надъ Каифенгомъ.

Ли чувствовалъ себя теперь настолько сильнымъ, что принялъ титулъ короля. Но по прошествіи года онъ, опьяняемый успѣхами и честолюбіемъ, нашель этотъ титулъ недостаточнымъ и провозгласилъ себя императоромъ, давъ своей династіи наименование Таи-Шунъ. Въ подражаніе императорскому правительству онъ учредилъ шесть министерствъ и, уступая желаніямъ своихъ приверженцевъ, щедро осыпалъ ихъ различными громкозвучными титулами.

Возсѣвшему, такимъ образомъ, на тронъ Ли оставалось теперь лишь овладѣть столицей и съ этой цѣлью онъ предпринялъ очень рискованный походъ на Пекинъ. По пути ему удалось взять городъ Тайуанъ, главный городъ области Шанси; вслѣдъ затѣмъ онъ повелъ свои войска къ крѣпости Нингву. Эта крѣпость, обладавшая сильнымъ гарнизономъ, была взята лишь послѣ отчаяннаго сопротивленія. Это неожиданное препятствіе нѣсколько замедлило побѣдоносное шествіе Ли, но, впрочемъ, ненадолго. Вскорѣ до него дошла вѣсть о сдачѣ его войскамъ городовъ Татунга и Хсунгва. Передъ нимъ, такимъ образомъ, открывался путь въ Пекинъ, и Ли съ чрезвычайной поспѣшностью прибылъ къ стѣнамъ столицы.

Гарнизонъ столицы былъ довольно многочисленъ и ему, можетъ быть, удалось бы отразить нападеніе врага и выждать прибытіе подкрѣпленій, если бы въ дѣло не замѣшалась измена. Комендантъ южныхъ воротъ Пекина, человекъ „полный предательства“, открылъ эти ворота врагамъ. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовала трусливая защита дворца людьми, которые больше думали о собственной безопасности, чѣмъ о сохраненіи династіи. Императоръ, вмѣсто того, чтобы стать во главѣ войскъ и рискнуть жизнью для спасенія трона, предпочелъ бѣжать. Съ вершины холма, находящагося въ сѣверной части города, онъ смотрѣлъ на объятый пламенемъ и залитый кровью городъ. Убѣдившись, что бѣжать съ сѣверной стороны города намыслимо, онъ возвратился въ городъ, надѣясь отыскать кокой-либо другой выходъ. Но мятежники оцѣпили весь городъ. Императоръ снова возвратился на холмъ и, написавъ вождю мятежниковъ письмо, въ которомъ онъ просилъ его пошадить городъ, повѣсилъ на деревѣ. Первый изъ императоровъ нынѣ царствующей династіи приказалъ впослѣдствіи надѣть на это дерево цѣпи, дабы наказать его за то, что оно послужило орудіемъ смерти сына неба.

Ли очутился такимъ образомъ властелиномъ Пекина и, согласно обычаю, тѣ изъ вельможъ, которые уцѣлѣли, явились водворецъ—выразить свои вѣрноподданныческія чувства. Между этими вельможами былъ нѣкій Ву, сынъ котораго, Ву-Санквей, занялъ мѣсто Чунгвана въ Нингянѣ и защищалъ эту крѣпость съ искусствомъ, не уступавшимъ искусству его предшественника. При приближеніи арміи Ли къ столицѣ императоръ приказалъ Ву-Санквей послѣшить на помощь осажденной столицѣ. Когда Санквей уже находился въ пути, до него дошли вѣсти о паденіи Пекина и смерти императора. Почти одновременно съ полученіемъ этихъ вѣстей онъ получилъ письмо отъ своего отца, Ву, который убѣждалъ его подчиниться Ли, такъ какъ въ противномъ случаѣ всей семьѣ Ву въ Пекинѣ угрожала неминуемая смерть. Ву-Санквей почти былъ готовъ выполнить просьбу отца, но посланецъ, привезшій ему письмо, сообщилъ ему такую подробность изъ исторіи взятія Пекина войсками Ли, которая совершенно измѣнила намѣреніе Санквей.

Въ исторіи имѣется не одинъ примѣръ того, что судьбы имперіи могутъ зависѣть отъ женщины. Въ данномъ случаѣ юная рабыня была косвенной причиною окончательнаго торжества нынѣ царствующей въ Китаѣ маньчжурской династіи. Прежде чѣмъ Ву-Санквей уѣхалъ изъ Пекина, чтобы принять на себя защиту Нингяна, одинъ изъ его друзей подарилъ ему молодую рабыню, „которой красота равнялась ея добродѣтелямъ“. Возможно, что мысль о спасеніи ея отъ смерти во время всеобщаго избіенія, которое должно было наступить въ случаѣ взятія Пекина Ли, заставляла Санквей такъ спѣшить на выручку столицы.

И вотъ, онъ узналъ отъ посланца, что его возлюбленная, носившая имя Ченіянъ, досталась во время разграбленія Пекина въ качествѣ военной добычи одному изъ офицеровъ Ли. Послѣ полученія подобнаго извѣстія Санквей не могъ допустить и мысли о подчиненіи Ли. Онъ немедленно написалъ два письма: одно къ отцу, въ которомъ онъ упрекалъ его за допущенное имъ поруганіе надъ его возлюбленной, а другое—къ регенту Маньчжуріи, приглашая его соединиться и напасть вмѣстѣ на новаго властителя Пекина. Такой внезапный оборотъ дѣла вынудилъ Ли отправиться въ походъ противъ новыхъ союзниковъ. Узнавъ о приближеніи войскъ Ли, Ву-Санквей, находившійся въ крѣпости Шанган-Кванъ, занялся тщательнымъ приготовленіемъ къ встрѣчѣ врага.

Ли, предполагая, что Ву-Санквей, увидавъ отца, рѣшится подчиниться, приказалъ, чтобы старикъ Ву былъ подведенъ къ стѣнамъ крѣпости. Отецъ со слезами и увѣщаніями просилъ сына подчиниться и спасти ему жизнь, но воспоминанія о судьбѣ, которая постигла его возлюбленную въ Пекинѣ, были чересчуръ свѣжи въ памяти Ву-Санквей и онъ кратко заявилъ, что никакія силы не исторгнутъ у него признанія власти мятежниковъ, нанесшихъ ему такое оскорбленіе. Подчиненіе волѣ родителей считается у китайцевъ первымъ зако-

номъ нравственности и, безъ сомнѣнія, при другихъ обстоятельствахъ Ву-Санквей безропотно подчинился бы волѣ отца. Но въ данномъ случаѣ жажда мести перевѣсила чувство обязанности, и онъ ни на одинъ моментъ не задумался обречь отца на смерть. Видя, что его надежды не оправдались, Ли приказалъ немедленно казнить старика Ву, и ему была отсѣчена голова; обѣ арміи были свидѣтельницами безчеловѣчной казни.

Этотъ поступокъ Ли сдѣлалъ невозможнымъ примиреніе, и Ву-Санквей немедленно началъ наступленіе. По словамъ историковъ, Ли имѣлъ въ своемъ распоряженіи 220.000 человекъ. Но Ву-Санквей не испугался этой громадной арміи и, выйдя изъ занимаемой имъ крѣпости, вступилъ въ бой. Нападеніе его отличалось такой стремительностью, что кавалерія мятежниковъ была отброшена и должна была опереться на запасныя силы. Запасныя войска Ли ринулись въ сраженіе и, лишь благодаря безумной храбрости Ву и его сподвижниковъ, не нанесли рѣшительнаго удара. Къ вечеру сдѣлалось яснымъ, что войска Ву-Санквей не выдержатъ, если не получатъ подкрѣпленія. Подкрѣпленіе это прибыло въ самый нужный моментъ. На помощь Ву-Санквей послѣдилъ регентъ Маньчжуріи Доргунъ, скрывавшійся со своими войсками въ горныхъ проходахъ, ожидая удобнаго момента. Войска его внезапно бросились на мятежниковъ, уже торжествовавшихъ побѣду. Ву-Санквей воодушевилъ своимъ примѣромъ войска, и они начали тѣснить врага со всѣхъ сторонъ. Мятежники, не ожидавшіе этого внезапнаго натиска, послѣ кратковременнаго сопротивленія обратились въ бѣгство. Союзники преслѣдовали бѣгущихъ на пространствѣ четырнадцати миль и покрыли поле сраженія горами труповъ. Ву-Санквей погнался за войсками Ли дальше, а маньчжурскій регентъ возвратился въ Шанган-Квань, чтобы дать отдыхъ своимъ войскамъ, истомленнымъ длиннымъ поспѣшнымъ маршемъ изъ Маньчжуріи.

Ли бѣжалъ въ Пекинъ, захвативъ всѣ удобоносимыя драгоценности, и, приказавъ казнить семью и рабовъ Ву, поджегъ дворецъ и бѣжалъ на западъ. Но Ву съ настойчивостью гонимаго пса гнался по его пятамъ и, озаренный ореоломъ недавней побѣды, нанесъ еще нѣсколько пораженій испуганнымъ врагамъ. Люди вездѣ склонны бросать неудачниковъ, и это правило въ особенности ярко проявляется въ Китаѣ, гдѣ успѣхъ служить въ глазахъ народа мѣриломъ всего. Войска Ли теперь испытывали на себѣ всѣ гнетущія послѣдствія неудавшагося возстанія и цѣлыми отрядами бѣжали изъ-подъ знаменъ Ли. Вскорѣ у него осталось лишь двадцать приверженцевъ и, нуждаясь въ одеждѣ и пищѣ, эта кучка разбитыхъ мятежниковъ начала добывать себѣ средства къ существованію, занимаясь грабежомъ бѣдныхъ крестьянъ области Шенси. Но крестьяне, вооружившись земледѣльческими орудіями, напали на разбойниковъ и уничтожили ихъ, такъ что, когда

отрядъ Ву, гнавшійся за Ли, прибылъ на мѣсто его послѣдней стоянки, онъ нашелъ лишь груды труповъ.

Маньчжурскій регентъ Доргунъ, правившій Маньчжуріей въ качествѣ замѣстителя его малолѣтняго племянника, маньчжурскаго императора, торжественно вступилъ въ Пекинъ (1644). Городъ былъ весь сожженъ. Подобно тому, какъ Троя была сожжена благодаря Еленѣ, Пекинъ подвергся той же участи изъ-за прекрасной рабыни, возлюбленной Ву-Санквевен. Доргунъ понялъ, что для основанія и укрѣпленія новой династіи прежде всего необходимо водворить порядокъ въ странѣ и успокоить уязвленное самолюбіе высшихъ классовъ, отнесясь съ наружнымъ уваженіемъ къ нѣкоторымъ ихъ предразсудкамъ. Имѣя въ виду вышеозначенныя цѣли, онъ издалъ воззваніе къ народу, болѣе отличавшееся ловкостью изложенія, чѣмъ правдивостью. Въ воззваніи Доргунъ убѣждалъ китайцевъ, что единственною цѣлью его прибытія въ Пекинъ было желаніе спасти столицу отъ насилія и разграбленія; онъ убѣждалъ жителей Пекина заняться постройкой новыхъ жилищъ, общая охранять ихъ имущество отъ враговъ. Въ то же время онъ, въ знакъ уваженія къ бывшей китайской династіи, далъ титулъ „мирнаго и героическаго властелина“ повѣсившемуся китайскому императору. Выбѣстъ съ тѣмъ Доргунъ объявилъ о переселеніи маньчжурской столицы изъ Мукдена въ Пекинъ, куда долженъ былъ прибыть его шестилѣтній племянникъ, императоръ Маньчжурин, превратившійся въ китайскаго императора. Такимъ образомъ была завершена эта революція и китайскій тронъ заняла новая династія, правящая до сихъ поръ Китаемъ. Юный императоръ принялъ титулъ Шунчихъ.

Во время царствованія мингской династіи крупное значеніе въ управленіи имперіей приобрѣли евнухи. Доргунъ нашелъ подобное возвышеніе евнуховъ опаснымъ и издалъ указъ, согласно которому евнухи не могли занимать никакого officialнаго положенія; указъ этотъ сохраняется въ силѣ до настоящаго времени. Въ общемъ управленіе Доргунъ носило настолько мягкій и примирительный характеръ, что въ скоромъ времени высшіе классы Пекина и сосѣднихъ съ столицею мѣстностей охотно признали новую династію. Но въ болѣе отдаленныхъ провинціяхъ дѣло обстоитъ иначе. Жители центральныхъ областей не имѣли никакого представленія о жестокости Ли и его сподвижниковъ, они не ощущали поэтому того чувства успокоенія, какое наступило въ Пекинѣ, благодаря замѣнѣ тиранніи мятежниковъ постояннымъ правительствомъ. Помимо этого, громадное большинство населенія этихъ провинцій было свободно отъ какой-либо примѣи маньчжурской крови въ ихъ жилахъ, и это обстоятельство вызвало въ нихъ ненависть къ новой династіи. Однимъ объясняется, почему потомки мингской династіи всегда находили наиболѣе сильную поддержку на югѣ имперіи. Стоитъ припомнить сравнительно недавнее возстаніе тайпинговъ, имѣвшее

своей цѣлью возстановленіе чисто-китайской династіи; движеніе это зародилось на югѣ, въ Квангси: могущественное тайное общество Калаохвеи, главная база котораго была на берегахъ Ян-тси-Кіанга, имѣло своимъ девизомъ „низверженіе Чинга и возстановленіе Минга“.

Въ описываемое нами время нѣкій ученый Шихъ-Кофа, руководимый въ своихъ дѣйствіяхъ девизомъ Калаохвеи, началъ агитировать среди своихъ соотечественниковъ въ пользу низвергнутой династіи. Поднятое имъ движеніе приняло столь значительные размѣры, что регентъ Доргунъ счелъ болѣе благоразумнымъ вступить въ переговоры съ мятежниками. Но Шихъ-Кофа заявилъ, что дѣло можетъ быть рѣшено лишь путемъ войны. Послѣ смерти Тсунгченга, представителемъ мингской династіи и номинальнымъ императоромъ былъ избранъ Фу-Вангъ, сынъ принца того же имени, бывшаго фаворитомъ Ванли и поднявшаго возстаніе противъ отца въ виду назначенія послѣднимъ другого принца въ качествѣ престолонаслѣдника. Этотъ выборъ нельзя было назвать особенно удачнымъ. При тогдашнемъ положеніи вещей отъ императора низвергнутой династіи требовалась мудрость, храбрость и энергія.

Фу-Вангъ не обладалъ этими качествами и предавался разврату въ то время, когда каждая минута была дорога. Во время кампаній, начавшейся вслѣдствіе выступленія маньчжурской арміи для подавленія возстанія, Фу-Вангъ являлся скорѣе помѣхой, чѣмъ помощью, и все дѣло веденія кампаній пало на плечи Шихъ-Кофы. Онъ выбралъ опорнымъ пунктомъ древній городъ Янгчоу, лежащій на нижнемъ теченіи Ян-тси-Кіанга, и здѣсь ожидалъ атаки враговъ. Ему не пришлось ждать долго. Маньчжуры, привычные къ долгимъ походамъ, скорѣ явились подъ стѣнами Янгчоу. Послѣ семидневной осады, маньчжуры ворвались въ городъ. Обезсилѣвшій гарнизонъ не былъ въ состояніи противустоять ихъ дикому натиску, и городъ былъ взятъ маньчжурами. Изданный впослѣдствіи дневникъ жителя Янгчоу рисуетъ страшныя картины звѣрской жестокости и кровопролитія, а также устанавливаетъ тотъ фактъ, что быстрое появленіе маньчжуровъ подъ стѣнами города было неожиданностью для сторонниковъ Фу-Ванга. Предводитель возстанія, Шихъ-Кофа, былъ убитъ въ тотъ моментъ, когда онъ пытался бѣжать черезъ сѣверныя ворота, а его войска были почти поголовно истреблены. Маньчжурскій вождь, оставивъ въ Янгчоу гарнизонъ, отправился въ Нанкинъ, гдѣ въ это время кукольный императоръ, Фу-Вангъ, предавался распутству и грязнымъ развлечениямъ. Извѣстіе о приближеніи маньчжуровъ внезапно застало его во время одной изъ дворцовыхъ оргій. Обладая Фу-Вангъ хоть каплей достоинства, онъ долженъ былъ бы стать во главѣ войскъ и выйти навстрѣчу врагу; но онъ предпочелъ бѣжать, оставивъ свою столицу на расхищеніе приближавшимся врагамъ. Въ довершеніе позора, самый побѣгъ Фу-Ванга былъ настолько

неудачно обставленъ, что посланный въ погоню отрядъ вскорѣ настигъ ех-императора; онъ былъ привезенъ обратно въ Нанкинъ и обезглавленъ.

Втеченіе трехъ дней Чангъ-Вангъ, наслѣдовавшій Фу-Вангу, носилъ титулъ императора въ избранной имъ столицѣ, городѣ Гангчоу. Но, очевидно, доблести, присущія прежде мингской династіи, совершенно исчезли у его позднѣйшихъ представителей, и Чангъ-Вангъ открылъ ворота Гангчоу врагамъ, поставивъ условіемъ, чтобы была сохранена жизнь какъ его самого, такъ равно и жителей города. Маньчжуры хотя и согласились на эти условія, лишь на половину выполнили ихъ: пощадивъ жителей, они казнили Чангъ-Ванга. Слѣдующимъ претендентомъ на императорскій престолъ былъ Тангъ-Вангъ, потомокъ Гунгву, перваго императора мингской династіи. Хотя онъ выказалъ болѣе храбрости, по сравненію съ его злосчастными предшественниками, тѣмъ не менѣе всѣ его усилія побѣдить маньчжуровъ остались тщетными и всѣ плодотворныя области, облегающія города Нинпо, Шанхай, Генчоу и Таичоу попали въ руки маньчжуръ. Маньчурамъ удалось захватить Тангъ-Ванга въ плѣнъ въ городѣ Тингчоу и его постигла судьба побѣжденныхъ императоровъ: онъ былъ обезглавленъ.

Хотя приверженцы мингской династіи терпѣли пораженія на сушѣ, у нихъ оставалась нѣкоторая надежда, что значительный флотъ, бывшій подъ командой Ченгъ-Чихлунга, сможетъ еще повліять на исходъ войны. Адмиралъ Ченгъ былъ уроженцемъ приморской области Фухкиенъ и въ молодости подпалъ подъ вліяніе римско-католическихъ миссіонеровъ, которые занимались проповѣдью христіанства въ этой провинціи. Обладая безпокойнымъ характеромъ (а, можетъ быть, и благодаря вліянію португальскихъ миссіонеровъ), онъ переселился въ Макао, а вслѣдъ затѣмъ отправился въ Японію. Подобно большинству иностранцевъ, посѣщающихъ Японію, онъ поддался чарамъ японскихъ красавицъ и женился на японкѣ, которая родила ему сына, получившаго имя Ченгъ-Кунга. Юные годы Ченгъ-Чихлунга прошли въ суровой бѣдности, и, слѣдуя инстинктамъ своей расы, онъ направилъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы скопить побольше денегъ. Вскорѣ ему представилась возможность положить основаніе колоссальному состоянію; правда, возможность эта требовала совершенія безчестнаго поступка, но Ченгъ-Чихлунгъ не остановился предъ такимъ нудякомъ. Вкравшись въ доверіе одного богатаго японскаго купца, онъ предложилъ ему свои услуги — отвезти для распродажи на китайскихъ рынкахъ значительный грузъ различныхъ дорогихъ товаровъ. Прибывъ съ этимъ грузомъ въ Фучоу, Ченгъ-Чихлунгъ безъ замедленія присвоилъ его себѣ и на полученную отъ продажи груза крупную сумму завелъ флотилію пиратскихъ джонокъ, которая грабила побережья и купеческія суда. Судьба благопріятствовала Ченгъ-Чихлунгу въ его разбойничьихъ предпріятіяхъ, и вскорѣ онъ

сдѣлался обладателемъ колоссальнаго состоянія, вмѣстѣ съ которымъ онъ приобрѣлъ также значительный почетъ и вліяніе. Императоръ, руководясь примѣрами своихъ предшественниковъ и боясь вступить въ борьбу съ могущественнымъ пиратомъ, далъ ему чинъ адмирала. Ченгъ-Чихлунгъ получилъ въ чрезвычайно ласкательной формѣ приглашеніе прибыть ко двору. Явившись въ Пекинъ, онъ, вмѣсто полученія ожидаемыхъ почестей, былъ объявленъ государственнымъ плѣнникомъ. Пока царствовалъ императоръ Шунчихъ, „адмиралу“ было дозволено жить въ предѣлахъ городской стѣны и императоръ объявилъ, что Ченгъ-Чихлунгъ находится подъ его личнымъ покровительствомъ. Но едва успѣлъ Шунчихъ умереть, какъ регенты, назначенные въ виду малолѣтства престолонаслѣдника, заключили Ченгъ-Чихлунга въ тюрьму, а вслѣдъ затѣмъ казнили. Сынъ Ченгъ-Чихлунга отъ его японской жены уже въ юности обратилъ на себя вниманіе императора. Пятнадцатилѣтнимъ юношей этотъ отпрыскъ пиратодержалъ блестящую побѣду на конкурсныхъ государствахъ; ныхъ экзаменахъ, и въ награду императоръ далъ ему право присоединить къ своему имени родовое императорское имя Чуа. Кромѣ этого, императоръ простеръ свою любезность такъ далеко, что выразилъ свое сожалѣніе о томъ, что онъ не имѣетъ дочери, и поэтому лишенъ удовольствія имѣть молодого Ченга своимъ зятемъ.

Благодаря полученію права носить родовое имя императора, молодой Ченгъ былъ прозванъ „Квосингва“ (т. е. обладатель національнаго родового имени); иностранцы передѣлывали это имя въ „Коксинга“, и подъ этимъ прозвищемъ онъ фигурируетъ въ исторіи. Когда адмиралъ Ченгъ былъ приглашенъ въ Пекинъ, императоръ надѣялся, что Коксинга будетъ сопровождать отца. Но молодой Ченгъ оказался прозорливѣе своего родителя и вмѣсто того, чтобы отправиться съ отцомъ на сѣверъ, онъ собралъ флотъ отца и вышелъ въ море.

Между тѣмъ, возстаніе въ провинціяхъ продолжалось. Одно время казалось, что Квеи-Вангъ, заявившій претензію на тронъ мингской династіи послѣ смерти Тангъ-Ванга, овладѣваетъ положеніемъ. Его полководцы одержали побѣды въ Кіангси и Квантунгѣ; мало того, даже Кантонъ очутился въ его власти. Но не успѣли еще завоеванныя области и города познакомиться хорошо съ именемъ новаго императора мингской династіи, какъ снова попали подъ власть маньчжуровъ. Послѣ взятія маньчжурами Кантона, Коксинга, который содѣйствовалъ мингской династіи, такъ какъ постоянные мятежи благопріятствовали его пиратскимъ предпріятіямъ, далъ бѣжавшему населенію Кантона убѣжище на своихъ корабляхъ. Собравъ значительныя силы, онъ атаковалъ татаръ на берегу Фухкіена и нанесъ имъ значительное пораженіе. Вслѣдъ за тѣмъ онъ направился къ сѣверу и рискнулъ осадить Нанкинъ. Но эта задача, какъ оказалось, превосходила его силы и, когда его войска уже заранѣе торжествовали побѣду, разсчи-

тивая на слѣдующее утро ворваться въ городъ, маньчжурскій вождь атаковалъ войска Коксинги. Три тысячи солдатъ арміи Коксинги были убиты во время этой атаки, и Коксинга съ остатками своего флота и арміи направился на югъ. Не мѣня успѣшно шли дѣла маньчжуровъ и въ другихъ частяхъ имперіи. Судьба жестоко преслѣдовала Квеп-Ванга.

Читатели, вѣроятно, помнятъ, какъ Ву-Санквей и гнался по пятамъ за мятежнымъ Ли; теперь онъ примѣнилъ ту же тактику по отношенію къ Квеп-Вангу, безпощадно преслѣдуя его въ областяхъ Квечоу и Юннанѣ. Квеп-Вангъ успѣлъ перейти границу и думалъ найти убѣжище въ столицѣ Бурмы, гдѣ онъ былъ довольно гостепріимно встрѣченъ королемъ, но безпощадный Ву-Санквей съ громаднымъ отрядомъ перешелъ бурманскую границу, и бурманскій король благо разумно рассудилъ, что, пожалуй, гостепріимство обойдется ему самому чересчуръ дорого. Поэтому онъ отдалъ своего гостя въ распоряженіе Ву-Санквей, который предать его смерти.

Вплоть до описываемаго нами времени судьба маньчжуровъ была въ рукахъ регента Доргуна, но вскорѣ несчастный случай лишилъ юнаго императора возможности пользоваться его совѣтами. Доргунъ умеръ во время охотничьей экспедиціи въ Маньчжурію, и смерть его глубоко опечалила молодого императора, который почтилъ регента императорскими похоронами и издалъ эдиктъ, посвященный прославленію добродѣтелей покойнаго. Заслуги покойнаго были еще у всѣхъ на памяти, какъ вдругъ противъ него было возведено обвиненіе, что онъ яко бы при жизни замышлялъ возстаніе. Произведено было довольно одностороннее разслѣдованіе и, какъ результатъ этого разслѣдованія, былъ изданъ новый указъ, которымъ покойный лишился всѣхъ почестей и самое имя его предавалось забвенію.

Любопытнымъ свидѣтельствомъ вліянія, которое въ это время успѣли уже приобрести маньчжуры, являются два европейскихъ посольства, прибывшія въ Пекинъ съ цѣлью завязать дипломатическія сношенія съ Шунчигомъ. Хотя посольства прибыли различными путями — голландцы моремъ, а русскіе черезъ Сибирь, — ихъ встрѣтилъ одинаковый пріемъ и притомъ такого рода, что могъ отбить у другихъ охоту слѣдовать ихъ примѣру. Прежде всего, имъ было сказано, что они будутъ допущены предъ лицо императора только подъ условіемъ исполненія различныхъ унижительныхъ церемоній (обрядъ, именуемаго по-китайски „к-от-оу“ — прекл. лѣнія). Голландцы немедленно согласились и получили взаменъ очень мало. Послѣ долгихъ переговоровъ и многочисленныхъ подарковъ имъ былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ: „Вы просите моего позволенія пріѣзжать въ мою страну для торговли, но такъ какъ стража, изъ которой вы прибыли, лежитъ такъ далеко, а вѣтры, дующіе на западныхъ берегахъ, очень свирѣпы и могутъ причинить большой вредъ вашимъ кораблямъ, я могу позволить вамъ пріѣзжать въ мою страну не чаще одного раза

въ восемь лѣтъ, въ количествѣ не болѣе ста человекъ, изъ которыхъ двадцать человекъ могутъ быть допущены въ городъ, въ которомъ находится мой дворъ". Русскіе, въ виду ихъ упорства, не получили даже этихъ сомнительныхъ привилегій и возвратились черезъ Сибирь въ Москву, чтобы доложить о неудачѣ посольства. Таковы были первыя европейскія посольства, прибывшія въ Пекинъ (1656). Приемъ, оказанный имъ, къ счастью, не пропалъ даромъ.

Въ то время, какъ дѣла имперіи мало-по-малу устраивались, Коксинга съ переменнымъ успѣхомъ преслѣдовалъ свои практическія цѣли. Онъ наносилъ значительный вредъ прибрежному населенію, доказательствомъ чего является императорскій указъ, согласно которому жителямъ прибрежныхъ провинцій предписывалось селиться не ближе четырехъ миль отъ берега.

Императоръ Шунчхъ, не успѣвъ окончательно привести въ порядокъ всѣ дѣла имперіи, скончался (1661), процарствовавъ восемнадцать лѣтъ. Онъ назначилъ своимъ наслѣдникомъ второго сына, Кангси.

Трудно было сдѣлать болѣе удачный выборъ. Кангси во всѣхъ отношеніяхъ былъ вполне достоинъ императорскаго поста. Онъ съ юныхъ лѣтъ отличался прямою характеромъ и честностью. Царствованіе его продолжалось 61 годъ, отличалось твердостью и справедливостью, поэтому его кончина вызвала общую скорбь. Ему было всего восемь лѣтъ, когда онъ наслѣдовалъ отцу, и поэтому первые годы его царствованія управленіе имперіей фактически находилось въ рукахъ четырехъ регентовъ, назначенныхъ отцомъ.

Послѣ смерти Квси-Ванга наиболѣе значительнымъ мятежникомъ, съ которымъ пришлось бороться регентамъ, былъ Коксинга. Регенты энергично принялись за борьбу съ этимъ опаснымъ противникомъ. Въ 1663 году китайскій флотъ, при помощи нѣсколькихъ голландскихъ кораблей, атаковалъ пирата въ Амоѣ. Союзники одержали побѣду, и Коксинга предпочелъ переселиться на Формозу, гдѣ онъ объявилъ себя королемъ и вскорѣ умеръ, въ припадкѣ безумія. Наконецъ, въ имперіи на нѣкоторое время водворилось спокойствіе, тѣмъ болѣе, что значительное возстаніе въ области Шехуанъ удалось потушить еще прежде, чѣмъ регенты успѣли покончить съ Коксингой. Возстаніе это, между прочимъ, можетъ служить хорошимъ образчикомъ той свирѣпой жестокости, какая нерѣдко проявляется во время мятежей на Востокѣ. Вождь возстанія, Хси-Вангъ, желая получить поддержку „ученыхъ“, убѣдилъ 30.000 „ученыхъ“ переселиться въ избранную имъ столицу Ченгту. Но они вскорѣ чѣмъ-то вызвали неудовольствіе вожда, и послѣдній безъ дальнихъ разговоровъ казнилъ ихъ всѣхъ, а вслѣдъ затѣмъ предаль казни 600.000 жителей города, вслѣдствіе того, что послѣдніе якобы высказывали недовольство его правленіемъ. Но его кровожадность не была насыщена даже этими преступленіями. Его громадная армія под-

— Ну, да, какъ и другимъ преступникамъ, весело позанималъ Ферранте.—Донна Лукреція своимъ появленіемъ сдѣлаетъ невинными преступниковъ. Таковъ обычай въ Феррарѣ при каждомъ герцогскомъ обрученіи. Не думайте, что я говорю внооскаательно. Все это настоящіе преступники и дѣйствительно будутъ выпущены на свободу. Такъ что теперь не лишнее получить беречь свои драгоценности, не выходить ночью иначе, какъ съ факелами и вооруженной стражей.

— Что сдѣлать донъ Джуліо? спросила она.

О, пустяки! Онъ обольстилъ своими глазами одну женщину и закололъ ее мужа!

— Какой позоръ!

— Онъ невоспитанный мальчикъ! Забравшись въ жизненный виноградникъ, вмѣсто того, чтобы аккуратно срывать лозу за лозой, давить онъ направо и налѣво сладкія ягоды и кровавымъ сокомъ забрызгиваетъ себѣ лицо и руки.

И съ этимъ-то человѣкомъ мечталъ сочетать ее донъ Цезарь!

Снова загрохотали пушки. При знонѣ литавръ и цимбалъ вступилъ кортежъ въ ворота города. Профессора ускорили шагъ и скоро Лукреція остановилась передъ замкомъ, подъ громоздкими сводами котораго были расположены тюрьмы. Вышедшій навстрѣчу старый герцогъ принялъ новобрачную съ сѣдла и вмѣстѣ съ ней и Ангеллой спустился по ступенямъ въ глубокія ворота.

Тамъ стоялъ тюремный начальникъ, который подаль Лукреціи на бархатной подушкѣ огромный заржавѣлый ключъ. Дверь, еле тронутая имъ, закрипѣла на своихъ петляхъ и точно по волшебству широко распахнулась.

Изъ темницы вырвалась толпа узниковъ, которые, падая на колѣни передъ Лукреціей, стали цѣловать ей руки.

Наконецъ, когда тюрьма очистилась отъ своихъ отвратительныхъ жителей, по темнымъ ступенямъ поднялся еще одинъ узникъ, юноша съ благородной осанкой и окрещенными на груди руками. Выйдя на свѣтъ, онъ поднималъ кверху руки, какъ бы привѣтствуя солнце. Потомъ онъ заслонилъ ими глаза, ослѣпленные яркимъ свѣтомъ или красотой женщины, стоявшихъ передъ нимъ. Преклонивъ передъ Лукреціей колѣно, онъ сталъ благодарить ее.

— Привѣтствую васъ за милосердіе, которое живетъ въ каждомъ женскомъ сердцѣ и за княжеское великодушіе, отъ котораго падаютъ цѣпи.

Тутъ взглядъ его дѣйствительно очаровательныхъ синихъ глазъ упалъ на младшую Борджіа. Еле вышедшая изъ дѣтскаго возраста дѣвушка поразила его своимъ суровымъ выраженіемъ.

— Но, герцогиня, продолжалъ онъ,—кто это васъ сопровождаетъ? Не богиня ли это правосудія, укрощенная богиней милосердія?

Ангелла была уже возбуждена путешествіемъ и рѣчами Ферранте, теперь ее возмутила комедія прощенія грѣшника

грѣшницей и мишурныя фразы Джуліо. Когда она смотрѣла въ его удивительные глаза, она чувствовала, что вся душа ея переносится отъ гнѣва и страданія. Ея честные глаза не отрывались отъ него и что-то неуловимое шевельнулось въ ея ртѣ.

— Что вы хотите сказать? спросилъ Джуліо.

Анжелла не выдержала. Она заговорила передъ сотнями свидѣтелей и голосъ ея далеко разнесся по площади.

— Позоръ, позоръ вамъ, донъ Джуліо! Бойтесь Божьего суда!

Наступила гробовая тишина.

Еще разъ прозвучалъ голосъ дѣвушки:

„Позоръ вамъ!“

Странно! Феррарезцы исполнѣ раздѣляли мнѣніе о порочности герцогскаго сына и ея горе о немъ, хотя и любили его за красоту и ласковость.

Кругомъ раздался ропотъ: „позоръ, она права... позоръ ему“. Но донна Лукреція схватила Анжеллу за руку, какъ старшая сестра младшую, провинившуюся въ какомъ-то неприличномъ поступкѣ.

— Какъ могла ты такъ забытья, проговорила она, увлекая прочь взволнованную дѣвушку, разразившуюся слезами отъ стыда и волненія.

При видѣ этого донъ Джуліо смѣшался.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Тамъ, гдѣ широкій паркъ Бельригуардо сливается съ Феррарезскими равнинами, на послѣдней скамейкѣ въ тѣни вѣчно зеленаго дуба сидѣло двое молодыхъ людей. По выраженію ихъ лицъ и обращенію не трудно было догадаться, что они прощаются другъ съ другомъ.

Вотъ одинъ изъ нихъ, молодой венеціанецъ несъ въ черномъ, прижалъ руку къ сердцу и сталъ всматриваться въ лицо глубоко задумавшейся Лукреціи, точно желая на вѣки запечатлѣть въ памяти ея образъ.

— И такъ, вы уходите, Бембо, проговорила она. — Я васъ не удерживаю, чтобы не помѣшать вамъ исполнить мою просьбу. Долго ли вы меня будете помнить?

— Донна Лукреція, отвѣчалъ онъ взволнованно, — какъ долго я буду васъ помнить и любить неизвѣстно, такъ какъ я не знаю своего смертнаго часа.

Онъ проговорилъ это съ такой печалью въ голосѣ, что донна Лукреція отвѣчала, тронутая:

— Я должна дать вамъ что-нибудь на память о себѣ, другъ мой.

Она знакомъ подоввала къ себѣ стройную, темноволосую дѣвушку, ходившую взадъ и впередъ по опушкѣ лѣса, въ

роятно, для того, чтобы не подпустить непрошенного свидетеля или же, чтобы охранять герцогиню отъ себя самой.

— Сядь рядомъ со мной, Анжелла, сказала Лукреція, — и обрѣжь одиѣ изъ моихъ локоновъ.

Она открыла свой мѣшечекъ, вынула изъ него маленькій острый ножикъ съ золотой рукояткой и подала Анжеллѣ, которая и исполнила приказаніе.

Герцогиня стала искать, во что вложить локонъ и не нашла ничего другого, кромѣ, оправленного въ золото и дорогую кожу книжечки съ семью покаянными псалмами — излюбленное чтеніе тогдашняго высшаго овѣта. Она не смущаясь вложила туда локонъ и отдала Бембо этотъ залогъ любви.

Бембо прижалъ его къ губамъ, потомъ къ груди и съ коудушвеніемъ поблагодарилъ герцогиню; только чуть замѣтная ироническая улыбка тронула его губы.

— Пишите мнѣ, сказала ему герцогиня, — всякій разъ, какъ будете думать, что мнѣ угрожаетъ опасность и, что я нуждаюсь въ вашихъ совѣтахъ. Не забывайте меня. Я знаю, вы не бросите меня послѣ того, какъ помогли мнѣ въ созиданіи моего новаго счастья въ Феррарѣ.

— Приятно было видѣть, какъ работали для этого ваши умѣлыя ручки. Присизведеніе ваше безупречно — его трудно поколебать. И вотъ я спрашиваю себя съ горькимъ недоумѣніемъ: требуетъ ли ваша безопасность, чтобы я покидалъ Феррару и лишалъ себя вашего общества, которое какъ золотой лучъ согрѣваетъ и освѣщаетъ все мое существованіе?

— Это свойство у меня отъ отца, беззаботно отвѣчала Лукреція.

Венеціанецъ сдвинулъ бровя.

— Въ вашей крови также и демонъ вашего дома — вотъ угрожающая вамъ опасность, вздохнулъ онъ. — Поэтому-то я неохотно покидаю васъ. Однако, все-таки мнѣ лучше уѣхать... Ваша безопасность, герцогиня, зиждится на довѣріи, которымъ даритъ васъ донъ Альфонсо. Онъ едва ли заподозрилъ бы нашу духовную любовь, но все же лучше... кто любить, тотъ приноситъ себя въ жертву.

— Да, такъ лучше, тихо подтвердила она.

— Позвольте же мнѣ при разставаньи, одѣлатъ вамъ откровенное предостереженіе, герцогиня. Опасность освѣщена въ вашихъ глазахъ свѣтомъ вашего ума, но свѣтъ этотъ простирается лишь до тѣневого круга, гдѣ начинается ваша любовь къ отцу и брату.

При этихъ словахъ Лукреція вопыхнула.

— Не сердитесь! вскричалъ Бембо. — Я вѣдь знаю, что вы какъ невинный ребенокъ попали въ эти пути! Я долженъ говорить откровенно — во имя вашего благополучія! Помните: прошли года со времени вашего вѣзда въ Феррару; супругъ вашъ сталъ правителемъ, вы глубоко пустили корни и приобрѣли расположеніе народа; тутъ умеръ вашъ отецъ. Вы предались безконечнымъ слезамъ и печали, пока не подоспѣлъ

я и не шепнулъ вамъ на ухо: вы оскорбляете своими слезами донъ Альфонсо и забываете нестерпимое положеніе, изъ котораго онъ васъ вывелъ.

Лукреція внимательно слухала Бембо и не могла не отдавать должнаго справедливости его словъ.

— Итакъ, если вы заблуждались въ своей любви къ св. отцу, то теперь, когда онъ отошелъ въ другой міръ, изъ этого не можетъ произойти для васъ несчастія. Но оно грозитъ вамъ со стороны грознаго брата. Цезарь живъ и попрежнему обладаетъ драконовою силой. Онъ, по всей вѣроятности, не сегодня—завтра сброситъ свои цѣпи, чтобы, навѣсти смутеніе на всю Италію. Вотъ этотъ-то подводный камень и угрожаетъ вашей баркѣ. О, еслибы ей удалось счастливо обойти его!.. Возвращеніе донъ Цезаря роковой часъ для васъ. И...—онъ задумался, не избавить ли ее, отъ горькаго лекарства, но потомъ рѣшительно продолжалъ:—...я вы послѣдуете за нимъ, если онъ васъ кликнетъ. Вы будете повиноваться діаволу, подобно вашему отцу, который говорилъ на смертномъ ложѣ: „Ты вонеси меня и я иду“.

Лукреція перекрестилась.

— Дорогая госпожа, Бембо сдѣлалъ движеніе упасть къ ея ногамъ, но остановился, такъ какъ разъ въ эту минуту Анжелла повернула въ ихъ сторону.—Заклинаю тебя, Лукреція, прошепталъ онъ, наклоняясь къ ней,—лишь только наступитъ этотъ опасный часъ и ты почувствуешь, что теряешь надъ собой власть, пади къ ногамъ герцога и признайся, что хочешь преступить его волю—такъ какъ безъ сомнѣнія онъ запретитъ своимъ подданнымъ подъ страхомъ смертной казни сношенія съ дономъ Цезаремъ, появленіе котораго, какъ землетрясеніе поколеблетъ Италію... Но я знаю, мои просьбы тщетны: въ критическую минуту вы бросите поводья и потопчете волю герцога.

— Потопчу ли? какъ бы безсознательно переспросила Лукреція—и вѣроятно рѣшила, что потопчетъ, такъ какъ знала свои пути.

— Госпожа, произнесъ со слезами въ голосѣ Венеціанецъ,—лишь только я услышу, что Цезарь вырвался изъ темницы, я на крыльяхъ вѣтра примчусь въ Феррару умолять васъ не отдаваться въ его руки, а если я приду слишкомъ поздно, вспомните мой совѣтъ! Когда одумаетесь и снова будете владѣть собой, укройтесь отъ гнѣва герцога на груди его, и если вы употребляли людей, какъ орудія къ соединенію съ братомъ, принесите ихъ въ жертву и обреките на произволъ мести герцога. Герцогъ любитъ васъ...

— Мнѣ кажется, что да, вымолвила Лукреція, проясняясь.

— Недавно за столомъ, продолжалъ Бембо, — герцогъ не безъ умысла заговорилъ о донѣ Цезарѣ. При этомъ онъ внимательно слѣдилъ за вами... Вы остались спокойны, только руки, въ которой вы держали бокалъ, слегка задрожала. Онъ долго смотрѣлъ на васъ, какъ бы раздумывая, на что спо-

особна ваша натура и какъ можно съ ней бороться... Безъ сомнѣнія онъ поддержитъ и спасетъ васъ, если только сама судьба не будетъ вашей защитницей!

— Я буду помнить ваши заботы, другъ мой! съ удивительнымъ легкомысліемъ отвѣчала повеселѣвшая герцогиня. — Но довольно обо мнѣ. Дайте мнѣ лучше совѣтъ вотъ относительно ее, она взглядомъ указала на Анжеллу. — Ей угрожаетъ болѣе близкая опасность. Посмотрите-ка сюда!

Хищная птица поднялась изъ лѣсу и стала кружить надъ лѣсомъ. Вдругъ въ кустахъ раздался шорохъ и оттуда вышелъ худощавый мужчина облеченный въ пурпурное одѣянье. Онъ направился къ Анжеллѣ, но обернулся и, увидѣвъ Лукрецію и Бембо, привѣтствовалъ ихъ поклономъ.

— Вы застаете меня, ваше преосвященство, въ минуту прощанія съ моимъ любезнымъ гостемъ изъ Венеціи, съ которымъ мнѣ очень тяжело разставаться—непринужденно обратилась къ нему герцогиня.

— Вы покидаете насъ, Бембо? ласково спросилъ кардиналъ. — Это мнѣ больно. Куда же вы отправляетесь?

— Въ Урбино, ваше преосвященство.

— Съ тѣмъ, чтобы снова вернуться къ намъ?.. Вѣдь вы принадлежите намъ и мы не можемъ обойтись безъ васъ, точно также, какъ еще безъ одной особы, которую хотятъ узать отъ насъ.

Герцогиня притянула Анжеллу къ себѣ на скамейку и продолжала держать ее за руку, какъ бы беря подъ свою защиту.

— Мы образуемъ тутъ тугосплетенный яркій вѣнокъ, продолжалъ кардиналъ, — изъ котораго было бы преступленіемъ вырвать прекраснѣйшій изъ его цвѣтковъ.

Лукреція подняла на него глаза, обдумывая, не наступила ли удобная минута теперь, въ присутствіи Бембо, вывести на свѣтъ его тайныя козни. Она не долго колебалась.

— Кардиналъ, сказала она, — если подъ покидающими насъ въ скоромъ времени вы подразумѣваете и Анжеллу, то знайте, что я забочусь объ ея отъѣздѣ. Возрастъ ея требуетъ замужества, но тутъ я не вижу для нея подходящей партіи; между тѣмъ какъ графъ Контраріо, котораго вы знаете и который обладаетъ всѣми качествами, какія я, какъ покровительница Анжеллы, могу требовать отъ ея мужа. Такова моя воля, но я охотно приму въ соображеніе ваше мнѣніе.

Бембо хотѣлъ удалиться, но Лукреція взглядомъ приказала ему оставаться. Она знала неодолимость кардинала и боялась какой-нибудь вышкы. Но послѣдній казалось не почувствовалъ вызова въ ея словахъ.

Венеціанецъ опутился на дернъ подлѣ женщины, а кардиналъ выбралъ себѣ удобное мѣсто противъ нихъ въ тѣни каптана, стволъ котораго развѣтвлялся надъ землею и покрывалъ ее своими побѣгами; оттолкнувъ ногой пробѣгавшую мимо ащерицу, онъ началъ спокойнымъ тономъ:

— Насколько я знаю графа, онъ совсѣмъ не подходящая партія для Борджіа. Это ничтожный человѣкъ, слѣпленный изъ мелочныхъ добродѣтелей и вѣчныхъ противорѣчій, скала непоколебимыхъ, но узкихъ правилъ, скрага, неспособный безкорыстно полюбить женщину. Я утверждаю, что въ основѣ его домогательства руки этой прекрасной дѣвушки лежатъ грубый расчетъ. Это я изложу вотъ тутъ, на доскѣ.

Онъ вытащилъ дощечку, написалъ карандашемъ и прочелъ слѣдующее:

„Графъ Гекторъ Контраріо сватается за Анжеллу Борджіа потому, что ведетъ съ Феррарезскимъ фискомъ еще эту отпа унаследованный процессъ за извѣстныя, находящіяся въ Феррарезскихъ предѣлахъ, земли; по всей вѣроятности при теперешнихъ судахъ онъ проиграетъ этотъ процессъ безъ помощи высшаго вліянія, какъ напримѣръ—вліянія нашей свѣтлѣйшей герцогини, за одну улыбку которой верховный судья Геркулесъ Строцци готовъ продать душу и честь. А герцогиню и раба ея Строцци можно подкупить, посватавшись за эту дѣвушку, которую герцогиня хочетъ удалить отъ Феррары, потому что ее страстно любить кардиналъ Ипполитто, между тѣмъ какъ она безнадежно и сама того не сознавая тыкаетъ страстію къ величайшему негодю въ мірѣ. Посредственно храбрый графъ не рѣшится безъ внутренней борьбы стать между этими двумя огнями. Но возможно и то, что алчность превосходитъ въ немъ трусость. Вы о немъ другого мнѣнія, герцогиня?“

Лукреція удивлялась этой смѣлой и откровенной оцѣнкѣ положенія дѣлъ, которая не очень расходилась съ ея собственными взглядами, недолюбливавшими однако быть обнаруженными, такъ какъ это было не въ ея расчетахъ.

Но прежде чѣмъ она успѣла что-нибудь отвѣтить, кардиналъ, нагнувшись за цѣпочкой, сплетенной Анжеллой изъ мелкихъ травянокъ и выскользнувшей теперь изъ ея дрожащихъ рукъ, продолжалъ:

— Какъ эти звеня слѣпляются умисель за умисломъ, чтобы соединить насъ съ графомъ, Анжелла Борджіа; но такая, какой я васъ знаю и люблю, вы порвете цѣпи! Потому что Анжелла Борджіа, скорѣе дастъ увлечь себя въ пренеподнюю самому діаволу, если бы онъ ее полюбилъ, чѣмъ продастъ себя. Вотъ что я говорю. Что скажете вы, герцогиня? Онъ обернулся съ угрожающимъ видомъ къ Лукреціи.

Она твердо отвѣчала: Я же выдамъ Анжеллу за графа Контраріо. Я съ вами согласна, что онъ расчетливъ, какъ этого и требуетъ жизнь; но въ немъ нѣтъ неблагородства. Онъ въ состояніи лучше оберегать Анжеллу, чѣмъ я. Чего вамъ надо отъ нея, кардиналъ?—Она не можетъ стать вашей женой, пока вы носите этотъ пурпуръ, а вы не сбросите же его изъ любви къ дѣвушкѣ!

— Какъ знать, герцогиня! вызывающе возразилъ онъ.— Вашъ братъ обмѣнялъ его на герцогство, а я считаю эту

дѣвушку не менѣе завиднымъ добромъ!—Но я не боюсь, чтобы она обратилась къ вашему фавориту, Контраріо; на это она не рѣшится—пусть только попробуетъ, не удастся! Даже изъ желанія спастись отъ меня... И такъ это добродѣтельный графъ меня не озабочиваетъ. Другая мука терзаетъ меня и вертится со мной день и ночь, какъ колесо Иксіона.—Выслушай меня, дѣвушка!..

Анжелла удивленно, но не робѣя встрѣтила его лихорадочный пронизывающій взглядъ.

— Разъ ты отказываешься отъ моей любви, запрещаю тебѣ и любовь того, другого—подъ страхомъ твоей и его смерти!—Какъ ты густо покраснѣла!.. Я ненавижу того, кого ты носишь въ своемъ сердцѣ!.. Онъ мараешь тебя!.. Я не могу этого выносить!.. Вспомни, кто ты и отвернись съ презрѣніемъ отъ того, кто забываетъ тебя въ объятіяхъ Корамбы — или какъ тамъ называется его теперешняя любовница!—Слушайся меня, не то—быть несчастью!

Въ эту минуту подошелъ пажъ и попросилъ всѣхъ вернуться въ паркъ. Собранный тамъ дворъ ожидалъ герцогиню, а герцогъ просилъ къ себѣ въ кабинетъ Венеціанскаго гостя, чтобы дать ему отпускъ. Потомъ онъ желалъ гонорить съ его преосвященствомъ. Строцци и донъ Джуліо также были призваны къ герцогу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Маленькое общество—дамы впереди, кардиналъ, беззаботно болтая съ Бембо, вслѣдъ за ними—направилось кипарисовой аллеей къ замку. Это было простое небольшое разбѣровъ зданіе, къ которому теперь пристраивался новый павильонъ.

Къ свѣтлому фасаду павильона вела широкая лѣстница, на верху которой въ эту минуту находился неутомимый герцогъ, осматривавшій постройку и горячо обсуждавшій что то съ рабочими.

Къ нимъ подошелъ небольшого роста стройный мужчина; онъ привѣтствовалъ кардинала, которому былъ, казалось, особенно преданъ, любезнѣе, чѣмъ герцогиню, какъ ни благосклонно кивнула она ему головой. Это былъ поэтъ Аріостъ.

— Видно, что вы прямо изъ лучезарнаго общества мужъ, такъ ясно ваше лицо! сказала ему Лукреція.

— На этотъ разъ меня просвѣтляетъ духовное общеніе съ моимъ восточнымъ другомъ и, какъ всегда, наше общество, возразилъ Аріостъ.

Онъ указалъ на своего спутника, который со скрещенными по восточному обычаю на груди руками важно привѣтствовалъ герцогиню.

Персидскій торговецъ коврами Бенъ-Эминъ былъ въ Феррарѣ модой дня. Остановившись проездомъ въ Венецію, гдѣ онъ продалъ лучшіе изъ своихъ товаровъ, онъ отирившись

въ Феррару, продалъ двору остатокъ драгоцѣнныхъ ковровъ и при случаѣ познакомился съ Аріостомъ; по его эпопей—первыя пѣсни вышли незадолго передъ этимъ изъ печати—онъ являлся итальянскій языкъ и очень имъ восхищался. Бенъ-Эминъ былъ знатокомъ поэзіи, наизусть зналъ своихъ великихъ персидскихъ поэтовъ и особенно любилъ нравственныя идеи, заключавшіяся въ роскошныхъ образахъ ихъ фантазій.

— Есть особенное удопольствіе, герцогиня, началъ Аріостъ, — въ общеніи съ образованнымъ человекомъ чужой вамъ націи. Вы подсмѣиваетесь вмѣстѣ съ нимъ надъ различіями нравовъ и обычаевъ и въ то же время радуетесь милому общечеловѣческому облику, который побѣдоносно даетъ о себѣ въ яемъ знать вопреки самымъ рѣзкимъ различіямъ. А они не малыя. Такъ, наприимѣръ, шутилъ онъ, — кажется повсюду распространено убѣжденіе, что мужчина даритъ тамъ, гдѣ любитъ женщиной. Не то мой персіанинъ! Бенъ-Эминъ величайшій поклонникъ нашихъ ферраретокъ и внимательнымъ, пламеннымъ взоромъ слѣдитъ за быстрыми движеніями ихъ гибкихъ пальчиковъ, когда онѣ разбираютъ его товары. Но не думаете ли вы, что онъ говоритъ мило улыбающимся ему красавицамъ: „Удержи это, солнце мое!“ или „Возьми это, звѣзда моя?“ Нѣтъ, наоборотъ, онъ объявляетъ невѣроятнѣйшія цѣны, такъ что улыбающіяся губки надуваются. Вотъ какъ жестокъ нашъ Бенъ-Эминъ!

Шутка вызвала взрывъ веселья среди придворныхъ, но Бенъ-Эминъ, спокойно поглядывая своими умными глазами изъ-подъ черной мерлушковой шапочки, съ достоинствомъ обратился къ герцогинѣ.

— Чудо Итали! Совершеннѣйшая изъ женщинъ! началъ онъ на превосходномъ итальянскомъ языкѣ. — Я беру тебя въ судьи. Вступивъ въ Феррару, я повергнулся ницъ передъ тобой, разостлавъ красивѣйшій изъ моихъ ковровъ и смиренно умолялъ тебя считать его своей собственностью. Ты милостиво согласилась выполнить мою просьбу. Не было ли бы оскорбленіемъ для тебя, если бы я, неблагодарный, послѣ тебя сталъ одарять и другихъ, подчиненныхъ тебѣ? Нечего и говорить къ тому же, что-то, что въ отношеніи къ герцогинѣ является заслуженнымъ изъявленіемъ благоговѣнія, можетъ бросить тѣнь на женщинъ менѣе высокаго положенія. Но отъ этого Бенъ-Эминъ далекъ.

Придворные поздравили персіанина съ блестящей самозащитой и должны были сознаться въ душѣ, что изворотливый купецъ не остался въ дуракахъ.

Такъ какъ зной юльскаго дня проникалъ и въ густую кипарисовую аллею, герцогиня съ Аріостомъ и персіаниномъ направилась въ боскетъ, находившійся въ глубинѣ парка, гдѣ кольцо высокихъ вѣтовъ смыкало воздушнымъ сводомъ свои вершины. Посреди боскета на мраморномъ пьедесталѣ стояла мѣдная статуэтка Купидона, путавшагося въ цѣпяхъ,

съ поломанными крылышками и разбросанными стрѣлами. Въ лѣтнее время супруга герцога Альфонса имѣла обыкновеніе принимать здѣсь дворъ.

Меду тѣмъ въ покинутой обществомъ аллеѣ одинъ юноша гнался за другимъ, который старался ускользнуть отъ него въ кусты. Оба были полны силъ и красоты.

— Наконецъ-то ты въ моихъ рукахъ, Джуліо! вскричалъ одинъ изъ нихъ, кладя своему плѣннику руку на плечо.— Кажется, мы оба призваны къ герцогу и намъ предстоитъ вмѣстѣ сдѣлать этотъ короткій путь... Онъ указалъ рукой на аллею, ведущую къ замку.

— Онъ дологъ, Геркулесъ, вздохнулъ донъ Джуліо,—его хватитъ тебѣ для проповѣди, но я покоряюсь судьбѣ!

— Другъ мой, началъ Строцци,—и не стану читать тебѣ проповѣди частью оттого, что давно убѣдился въ тщетности подобныхъ увѣщаній вообще и по отношенію къ тебѣ въ особенности, частью же оттого, что меня ждетъ герцогъ; боюсь, мнѣ придется обсуждать съ нимъ твои послѣднія безумства въ Прателло, обстоятельное донесеніе о которыхъ начальника полиціи Цоппо лежитъ передъ нимъ: крики, кровь, похищенія, насилие, нѣсколько смертныхъ случаевъ.

— О, это не стояло въ программѣ! Предполагалось классическое празднество въ честь Бахуса. Если бы ты только видѣлъ Корамбу съ ея дикою красотой въ видѣ Аріадны!.. Ужъ не лежитъ ли на мнѣ вина въ томъ, что увѣщаніе Аріадны по заблужденію моихъ крестьянъ перешло въ похищеніе сабинянокъ и смертоубійства?

— Ни слова больше объ этомъ, Джуліо! Твое преступное легкомысліе способно исчерпать самое глубокое расположеніе; я давно бы съ отвращеніемъ отвернулся отъ тебя, какъ ты не милъ мнѣ, прекрасный грѣшникъ, если бы ты совершилъ только половину всѣхъ своихъ дѣланій, но все вмѣстѣ это превосходитъ всякія границы, такъ что я смотрю на тебя, какъ на особенное существо, которое предаетъ поруганію всякій человѣческій масштаб. Поэтому вмѣсто того, чтобы дать тебя снова заковать въ цѣпи, я рѣшилъ испросить у герцога твоего удаленія изъ Феррары, по крайней мѣрѣ, на годъ. Вотъ что я хотѣлъ тебѣ сказать. Ты можешь вернуться въ Венецію на военную службу, но прошу тебя не представляй меня безчеловѣчнымъ.—Я вовсе не нравственное чудовище, точно также, какъ и донна Лукреція, безцвѣтные глаза которой заставляютъ тебя безразсудно помогать ей! Которая попираетъ твои правила и повергаетъ во прахъ твою богиню—справедливости! Но въ ней также нѣтъ ничего демонаго, чтобы оправдывало твой трепетъ передъ нею.

— Что я люблю несправедливую — моя судьба, сказалъ Строцци съ горькой улыбкой, — но мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы я долженъ былъ изъ любви къ ней забыть законы и святую правду! Онъ вздохнулъ, съ болью, сознавая,

что слышать эти ядовитыя рѣчи не болѣе не менѣе, какъ отъ своего друга.

— Увѣрю тебя, утѣшалъ донъ Джуліо, тронутый скорбнымъ выраженіемъ друга, — ты слишкомъ серьезно смотришь на эту женщину. Женщина, которая ужасаетъ и плѣняетъ тебя въ то же время, не та Лукреція, весело прогуливающаяся въ паркѣ, ты удивляешься и хочешь объясненія? Ну, да! Я ее считаю проще. Мы знаемъ, откуда она происходитъ и въ какой обстановкѣ выросла. Тебѣ кажется удивительнымъ, что она переноситъ свое преступное прошлое безъ суда и покаянія? Но развѣ ты не видишь, что ее поддерживаетъ на поверхности лишь спасательный поясъ унаследованнаго ею отъ отца легкомыслія? А ты считаешь, какимъ-то демонскимъ величіемъ то, что она свѣтло и беззаботно перепрыгиваетъ черезъ смертельныя глубины къ пристани добродѣтели. Повторяю тебѣ: за исключеніемъ очаровательности, которою она обладаетъ до кончиковъ пальцевъ, донна Лукреція обыкновенная женщина... Самая обыкновенная женщина!.. Со смѣхомъ кончилъ юноша.

Они подошли къ замку; тутъ среди полукруга, который образовали ведущія къ террасѣ лѣстницы, журчалъ и плескался фонтанъ, питаемый струями воды, которыя лила изъ раковины и урна въ исполинскую чашучеладъ морского бога.

Судья хотѣлъ подняться по лѣстницѣ, но донъ Джуліо, обнимавшій его рукой, снова повернулъ къ темному парку и потянулъ за собой противящагося друга.

Онъ вѣдь не успѣлъ еще ни о чемъ переговорить.

— Итакъ, началъ онъ, — братъ снова посылаетъ меня въ Венецію, между тѣмъ какъ самъ же недавно вызвалъ меня отсюда изъ политическихъ видовъ!

— Если бы ты видѣлъ презрительную улыбку, мелькнувшую въ углахъ его губъ, когда пришло донесеніе о твоёмъ немедленномъ исполненіи приказанія! Я былъ при этомъ. Онъ вызвалъ тебя назадъ изъ угожденія папѣ Юлію. Но это было только для виду. Онъ надѣялся, что ты поймешь его тайное желаніе, и не слушаешься.

Суровое выраженіе мелькнуло въ ласковыхъ глазахъ Джуліо. Онъ былъ не настолько мягокъ, чтобы не возмутиться такимъ пренебреженіемъ къ себѣ; но онъ скрылъ подъ улыбкой свое неудовольствіе.

— Это было бы слишкомъ умно для меня. Ты знаешь, я не полководецъ, не солдатъ и не люблю кровопролитія.

— И при этомъ проливаешь ее столько, что она каплетъ съ твоихъ пальцевъ и намѣчаетъ кровавый слѣдъ за тобой...

— Только въ томъ случаѣ, когда кто-нибудь препятствуетъ моему удовольствію, возразилъ Эсте. — Но что говоришь ты, другъ! Вы снова посылаете меня въ Венецію. Наполовину я этому радъ, наполовину огорченъ; отчасти я привязанъ тутъ, отчасти рвусь отсюда вонъ — все это для меня самого загадка.

Которую разрѣшаетъ темноокая Анжелла. Ты ищешь и бѣжишь ея!

— Ничуть, отвѣчалъ донъ Джуліо.—Я къ ней равнодушенъ. Но со времени ихъ вѣзда два года тому назадъ—ты былъ при этомъ и самъ слышалъ, какъ она угрожала мнѣ и осуждала меня передъ всѣмъ народомъ!—съ того дня я самъ не свой... Мысли мои путаются, я бѣшено предаюсь всевозможнымъ безобразіямъ и занятъ однимъ желаніемъ: чтобы та, которая враждебно и холодно отвернулась отъ меня, еще разъ обратила ко мнѣ свое негодующее лицо съ угрозой еще ужаснѣе, чѣмъ въ первый разъ... Но я говорю вздоръ... Отправь меня скорѣе въ Венецію... Хорошо также, что я такимъ образомъ уйду на нѣкоторое время изъ вида брата кардинала. Онъ никогда меня особенно не любилъ, теперь же начинаетъ ненавидѣть невѣроятнѣйшимъ образомъ. Посуди самъ! Какъ-то недавно онъ крѣпко схватываетъ меня за руку и шепчетъ на ухо угрожающимъ тономъ: „Джуліо, запрещаю тебѣ носить въ сердцѣ образъ Анжеллы! Запрещаю тебѣ любоваться ея глазами и упиваться ея дыханіемъ! Подъ страхомъ смерти!“

—Я знаю, отвѣчалъ Строцци,—что несправедливый любить бѣдняжку. А такъ какъ онъ грѣшенъ, какъ міръ, и всемогущъ въ Феррарѣ, дѣвушка давно бы стала добычей коршуна, если бы не...

— И ты не препятствуешь этому, судья? Ты, служитель правосудія! Спаси ее! Вотъ о чемъ прошу тебя, покидая Феррару. Я этого не могу сдѣлать—я бы принесъ ей несчастье...—Онъ замолчалъ и задумался...—какъ я она мнѣ! При вызовѣ брата—ты знаешь, я не трусь—кровь вскипѣла во мнѣ и я бросилъ бы ему обратно въ лицо это безумное запрещеніе, если бы оно относилось къ одной изъ моихъ красавицъ; но я разсудилъ,—онъ задумчиво прикрылъ рукой глаза,—что не люблю эту дѣвушку и только навлекъ бы еще худшія бѣды на ея голову со стороны брата, беря ее подъ свою защиту. Да она этого бы и не допустила... Она презираетъ, осуждаетъ меня, призываетъ мщеніе на мою голову! О, позоръ!—при этомъ воспоминаніи онъ продолжалъ съ озлобленіемъ:—Пусть кардиналъ закидываетъ на нее свои сѣти, хоть я и нахожу это ужаснымъ, отвратительнымъ, какъ весь міръ, когда я трезвъ и не цѣлую женскихъ устъ.

— Успокойся, проговорилъ Строцци,—съ ней ничего не случится, я увѣренъ въ этомъ; ни одна складка ея платья не сдвинется, такъ какъ она подъ защитой Лукреціи Борджіи!

— Ну, хорошо! Оставляю ее на попеченіе этой святой, шутиливо отвѣчалъ донъ Джуліо.—А пока мнѣ хочется посидѣть въ тѣни миртовъ у фонтана и охладить немножко кровь... Если только братъ Ферранте не появится изъ кустовъ и, расположившись рядомъ со мной на травѣ, не станетъ отравлять мнѣ слухъ своими памфлетическими наущеніями и заговорами—такъ что я не буду знать, считать его дуракомъ,

негодяюмъ или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Недавно онъ по-
братски приглашалъ меня завладѣть вдвоемъ короной. Но
будь увѣренъ, если бы я хоть наполовину сталъ соглашаться,
хитрецъ въ ту же минуту сталъ бы моимъ предателемъ!...
Однако, я не иду на его удочку и затыкаю уши въ отвѣтъ
не всѣ его рѣчи. Но скажи мнѣ, Стропци, считаешь ли ты
дона Ферранте способнымъ ради злой проказы добиваться
короны.

— Эти козани останутся безъ послѣдствій и не принесутъ
плодовъ, отвѣчалъ судья,—если только какія-нибудь не-
ожиданныя роковыя обстоятельства не дадутъ созрѣть драко-
нову сѣмени.

— Во всякомъ случаѣ раздѣляйтесь съ нимъ сами, ве-
село засмѣялся Джулио,—а я, вернувшись изъ Венеціи, по-
гляжу, чьи трупы лежатъ вокругъ придворныхъ подмостковъ
въ Феррарѣ. Будь здоровъ, поклонникъ правосудія, и спѣ-
ши—герцогу ждетъ тета.

Онъ обнялъ друга и такъ сильно оттолкнулъ его отъ себя,
что тотъ запнулся. Стропци быстрыми шагами пошелъ къ
замку, а Джулио направился къ фонтану. Тутъ онъ подста-
вилъ утомленное безсонной ночью чело подъ холодную струю.
Въ то время какъ, онъ вытиралъ голову платкомъ, за нимъ
внимательно слѣдилъ изъ-подъ широкой поярковой шляпы
какой-то бродяга, который неподвижно лежалъ въ тѣни фон-
тана, опершись головой на руку. Потомъ онъ вскочилъ на
ноги и склонился передъ Джулио:

— Мое почтенье, ваша свѣтлость, весело привѣтствовалъ
онъ его.

— Можешь оставаться, ласково сказалъ ему Эсте, только
подвинься, тутъ хватитъ мѣста и для двоихъ. Я хочу вздрем-
нуть—постереги меня!

Молодецъ оскалилъ, смѣясь, свои бѣлые зубы и слегка
высунувъ изъ ноженъ привѣщенный къ поясу кинжалъ.

— Ты изъ людей кардинала? спросилъ донъ Джулио.—Какъ
твое имя?

Кардиналъ владѣлъ цѣлой бандой бродягъ.

— Я зовусь—Острый Коготокъ, покорно отвѣчалъ онъ.

— А твое христіанское имя?

— Не помню!

— Новое далъ тебѣ вѣроятно кардиналъ?... А какъ зовутся
остальные твои товарищи?

— Они зовутся, съ позволенія вашей свѣтлости, вотъ какъ:
Бѣдовая Борода, Кабаній Клыкъ, Зубоскаль. Драконова Кровь,
Лютый и Нелѣпый. Насъ семеро. Мы—семь смертныхъ грѣ-
ховъ кардинала, какъ прозвалъ насъ народъ въ Феррарѣ.

— Я знаю и нашъ походный маршъ,—сказалъ донъ Джу-
лио, намекая на каррикатурный дьявольскій маршъ въ Дан-
товскомъ адѣ, откуда кардиналъ, поклонникъ божественнаго
поэта, взялъ имена для своей банды.

Донъ Джуліо разразился свѣтлымъ смѣхомъ. Онъ умѣлъ еще смѣяться совсѣмъ по-дѣтски.

Потомъ, вытягивая руки, онъ сказалъ: „какъ я усталъ!“ и бросился на скамейку, не смущаясь своимъ соседствомъ.

Бандитъ нѣсколько мгновений любовался имъ и прошепталъ съ нѣжностью: „о, прекрасный юноша!“

Сначала утомленный донъ Джуліо погрузился въ глубокое, лишенное сновидѣній забытье; потомъ мало-по-малу открылось его внутреннее око и передъ нимъ понеслась летучая охота, потомъ поспѣшила куда-то толпа вакхическихъ видѣній: неистовствующія тѣла, закинутыя назадъ головы, опрокинутые кимвалы и барабаны... Внимание! Вдали сначала еле слышно, потомъ все громче и громче зазвучали трубы.

Страхъ охватилъ донъ Джуліо. Вдругъ онъ увидѣлъ себя въ кругу судей разныхъ временъ и народовъ. Въ серединѣ сидѣлъ сѣдовласый и суровый Карлъ Великій, положивъ на колено свой рыцарскій мечъ; по правую его руку стоялъ пророкъ Самуилъ, придерживая на груди скрещенными руками свой плащъ; по лѣвую — Римлянинъ Брутъ посреди своихъ ликторовъ, которыми—странное дѣло!—былъ связанъ только что другъ его, Строчи; Джуліо удивлялся, что грѣхи ихъ обоихъ нашли достойными такого высокаго суда. Вдругъ раздался властный голосъ Карла Великаго, который, однако, даже не пошевелилъ губами: „Юлій Эсте, возвѣщаю тебѣ дѣвухой судъ насталъ. Это она сама!“ Тутъ снова зазвучали трубы и все перемишилось. Послѣ стремительнаго перехода сквозь какія-то смутныя видѣнья, донъ Джуліо очутился отдыхающимъ на травѣ; надъ нимъ склонялась Анжелла.

— Глупый! — говорила она, какъ бы продолжая начатый разговоръ:—Развѣ можетъ дѣвушка сказать юношѣ: я люблю тебя! Она вѣдь должна маскировать свои чувства скрывать любовь и желанье подъ злобой и угрозами. Да и можетъ ли чистая женщина безстрашно отдаться тебѣ? Однако, несмотря на все это, безчисленные грѣхи, за которые я должна показывать тебя, и приковываютъ меня къ тебѣ. Виноваты твои волшебные, но преступные глаза. Вырви ихъ и отбрось отъ себя.

Донъ Джуліо удивлялся, какъ дружески и смѣло говорить съ нимъ гордая Анжелла; онъ со страхомъ прислушивался, что послѣдуетъ дальше, а когда Анжелла замолчала, ужасъ его сталъ возрастать съ каждымъ мгновениемъ. Онъ хотѣлъ вскочить, но почувствовалъ, что прикованъ къ землѣ какими-то невидимыми путами и не въ состояніи сдѣлать ни малѣйшаго движенія.

— Не хочешь? — снова начала дѣвушка. — Но это неизбежно!—Тутъ она помочила палецъ въ чашу, которую держала въ лѣвой рукѣ, и капнула ему красной жидкостью сначала въ одинъ, потомъ въ другой глазъ. Онъ почувствовалъ страшную боль и глубокий мракъ окуталъ его.

Донъ Джуліо закричалъ и проснулся на рукахъ бандита, который смотрѣлъ на него съ нескрываемымъ ужасомъ.

— Скверный сонъ, ваша свѣтлость?—спросилъ онъ.

— Ужасный! Будто меня ослѣпили.

— Я видѣлъ это по вашему лицу,—вымолвилъ бандитъ.—
Мое почтеніе, наша свѣтлость; отпустите меня теперь.

Онъ поклонился, во не ушелъ и снова начать понижен-
нымъ голосомъ: — Если ваша свѣтлость согласна подарить
вниманіемъ и довѣріемъ бѣднаго человѣка, то вотъ что я
скажу: уѣзжайте немедленно и незамѣтно изъ Феррары и
посищите какой-нибудь монастырекъ—хоть бы Санта Андреа;
онъ не далеко. Св. отецъ тамъ хорошій, братья скромна. Не
жалѣйте каждому встрѣченному по пути нищему по золотому,
дайте въ Санта Андреа нѣсколько вѣскихъ обѣтовъ. а тамъ—
замкнитесь въ кельѣ и натяните простыню на милые угро-
жаемые глаза,—заключилъ онъ съ чувствомъ.

— Развѣ ты серьезно вѣришь снамъ?—пошутилъ Джуліо,
къ которому быстро вернулось сознание безопасности.

— Я знаю, что знаю, возразилъ бандитъ.

— Разъ мнѣ приснилось такъ же явственно, какъ вамъ,
что я убиваю шурина. Проснувшись, я сдѣлалъ всѣ возмож-
ныя благочестивыя предосторожности.

— Но это должно было случиться!

Онъ глубоко поклонился и ушелъ. Видно было, что онъ
спѣшитъ уйти отъ человѣка, который по твердому его убѣ-
жденію подиалъ злему року.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Донъ Джуліо медленно всходилъ по лѣстницѣ, закинувъ
голову назадъ и напрасно ища взоромъ ясную лазурь неба,
которое во время его сна заволокли тучи.

Когда онъ поставилъ ногу на послѣднюю ступень, изъ дому
вышелъ навстрѣчу ему невѣрными шагами судья Строцци.
Его мертвенная бѣдность и выраженіе глубокаго страданія
въ глазахъ поразили Джуліо. Ласково хлопнувъ друга рукой
по плечу, онъ отвелъ его къ периламъ террасы и сталъ выѣсть
съ нимъ любоваться шумнымъ паденьемъ фонтана.

„Что случилось?“ прошепталъ онъ ему на ухо, „что съ тобой?“.

„Ничего“—отвѣчалъ со страдальчески искривленнымъ ртомъ
Строцци. „Ты ѣдешь на два года въ Венецію. Дѣло твое ула-
жено и оргія въ Прателло остается снова безнаказанной.
Но герцогъ очень недоволенъ и вздыхаетъ о васъ, своихъ
братьяхъ“.

„И объ кардиналѣ?“.

„Обо всѣхъ васъ. Кардинала Ипполита герцогъ прямо на-
звалъ преступникомъ и обвиняетъ въ самовластїи и прене-
бреженїи законами. Онъ приказалъ мнѣ преслѣдовать нисѣ-
лицей и колесованьемъ его банду, если она не будетъ сегодня
же распушена, какъ онъ обѣщалъ. При этомъ герцогъ разго-
ричился“—продолжалъ Строцци—„и страстно заговорилъ о

своемъ желаніи видѣть въ Феррарѣ судопроизводство безусловно справедливое, недоступное лиценціямъ или подкупу: „Какъ въ нашей республикѣ“, сказалъ онъ, обращившись въ сторону. Тутъ я замѣтилъ, что въ одной изъ оконныхъ нишъ стоитъ Бембо, который явился къ герцогу на прощальную аудіенцію и перелистывалъ теперь какую-то книгу, чтобы не мѣшать нашей бесѣдѣ. Онъ вѣжливо улыбнулся въ отвѣтъ на слова герцога.

„Простите, Бембо“, продолжалъ герцогъ, „Васъ ждутъ лошади, такъ какъ вы хотите воспользоваться для путешествія вѣчной прохладой, чтобы избѣжать палящаго июльскаго солнца. Простите моему лицу, что онъ заставляетъ васъ долго дожидаться рукописи, которую вы любезно согласились передать, св. отцу. Ужасный человѣкъ этотъ Левъ. Онъ не любитъ меня; поругайте, передъ нимъ въ мою пользу. А что же вы скажете грозному старику“—засмѣялся герцогъ—„если онъ спроситъ, какая причина побудила васъ оставить Феррару? Онъ знаетъ, что я не охотно расстаюсь съ такими людьми, какъ вы. Онъ точно также, какъ и я, цѣнитъ въ васъ человѣка значительнаго, съ широкой будущностью, который можетъ служить украшеніемъ каждому итальянскому двору. Ну, Бембо, скажите, что вы отвѣтите его Святѣйшеству?“

„Правду, герцогъ“, отвѣчалъ Венеціанецъ своимъ вкрадчивымъ голосомъ. „Ваше Святѣйшество,“ скажу я, „я оставляю Феррару потому, что уважаю герцога и, боюсь, полюбилъ герцогиню. Ни одинъ смертный, пользующійся ея ежедневнымъ обществомъ, не можетъ устоять противъ чаръ этого прелестнаго и таинственнаго существа. Какъ провести въ такомъ случаѣ границу между простымъ восхищеніемъ и увлеченіемъ? Но такъ какъ я готовъ скорѣе подвергнуться тысячѣ мукъ, нежели оскорбить высокую женщину своей страстью или хотя бы только въ мысляхъ обмануть моего гостепріимнаго хозяина, то ухожу. Вотъ что я отвѣчу св. отцу“...

„Смѣло, но умно сказано!“ перебилъ тутъ рассказчика донъ Джуліо, играя со струей воды, пригнанной къ нему дуновеньемъ вѣтра.

„Донъ Альфонсо“—продолжалъ Стропци—„казалось бы, удовлетворенъ этимъ признаніемъ своего гостя. „Я ничего не могъ бы имѣть противъ такихъ рѣчей“, сказалъ онъ, „Въ нихъ видно ваше уваженіе къ намъ. Пишите намъ иногда, Бембо“. Тутъ онъ съ угрожающимъ видомъ обернулся въ мою сторону: „Вотъ этотъ человѣкъ“, сказалъ онъ, „страдаетъ тѣмъ же недугомъ, что и вы, но не такъ мудръ, чтобы искать средствъ къ спасенію. Поговорите съ нимъ и помогите своимъ совѣтомъ“.

Я поднялъ голову и гнѣвно возразилъ: „Я этого никогда не высказывалъ, разумъ, же мой не признаетъ надъ собою судьи! А если бы это несчастье и было на самомъ дѣлѣ, я бы съумѣлъ себя помочь не хуже Бембо. Позвольте мнѣ ухажать, герцогъ! Я задыхаюсь въ Феррарѣ! Я слишкомъ молодъ въ

свои двадцать лѣтъ, чтобы держать священные вѣсы Омеиди. Я—необработанный металл. Во мнѣ борются противорѣчія. Дайте мнѣ отпускъ! Я хочу пройти высшую Парижскую школу, куда уже давно стремлюсь, а потомъ вернусь въ Феррару арміе и полезнае, какъ человекъ, котораго ничто больше не можетъ ослѣпить и подкупить!" Герцогъ строго прервалъ меня: „Не можетъ быть и рѣчи объ томъ, чтобы вы оставили должность Строцци. На моихъ глазахъ начали вы проводить реформу въ нашемъ судопроизводствѣ и я не могу допустить, чтобы въ моемъ государствѣ гласно предпринятое дѣло приостанавливалось и проволакивалось благодаря исключительно одному лишь легкомыслію. Куда бы насъ привела такая недобросовѣстность? Что же касается рабства, въ которомъ вы томитесь, то отрицая его на словахъ, вы краснорѣчиво выдаете его взглядами. Потому то я прошу нашего друга"—онъ взялъ Венеціанца за руку—"объяснить вамъ вашъ опасный внутренний разладъ. Вы ему можете вѣрить, потому что, какъ Данте въ дикомъ лѣсу, спасся онъ бѣгствомъ отъ лютыхъ звѣрей. Будьте его наставникомъ, Бембо. Не смущайтесь моимъ присутствіемъ и говорите безъ недомолвокъ. Мы хорошо знаемъ другъ друга и намъ нечего притворяться". Такъ томилъ насъ безчеловѣчный педантъ.

„Въ самомъ дѣлѣ, гениальная мысль заставлять одного изъ поклонниковъ жены въ своемъ присутствіи распекать другого!" засмѣялся донъ Джуліо. „Это похоже на брата. Я такъ и вижу, какъ ты сердито вращаешь глазами, еле сдерживая злобу, а Бембо настраиваетъ свою истерзанную душу къ образцовому риторическому произведенію. Что же онъ сказалъ?"

„Онъ сдвинулъ въ отвѣтъ свои тонкія брови и мгновенно помолчалъ. Потомъ подошелъ ко мнѣ и съ состраданіемъ взялъ за руку: „Геркулесъ", началъ онъ, „время не терпитъ. Лошади ждутъ меня у воротъ. О, если бы эта, послѣдняя минута, моего здѣсь пребыванія принесла добрый плодъ съ Божьей помощью. Я не имѣю времени извѣщивать своихъ словъ и такъ какъ герцогъ сказалъ, что здѣсь не должно быть таня, я беспощадно снимаю покрывало съ этого вопроса. Твое страданіе—необычайный случай. Чары женской прелести дѣйствуетъ на тебя иначе, чѣмъ на меня, бѣднаго грѣшника. Ты гораздо опаснѣе боленъ, въ основѣ твоего недуга лежитъ твердый и упрямый духъ. Суровымъ разумомъ проклинаешь ты то что очаровываетъ твой взоръ и разжигаетъ сердце. Судья охваченъ страстью къ осужденной!—Вспомни же ея судьбу! Женщина—ребенокъ, выросшая въ несчастной обстановкѣ, безвинно виноватая, благодаря женской слабости, бѣжитъ она, просвѣтленная внутреннимъ свѣтомъ, изъ свѣтлой порока и хватывается за протянутую ей руку помощи въ лицѣ рѣдкаго, единственнаго человека, тонкаго знатока души человѣческой, каковъ твой герцогъ, Строцци! Онъ оцѣниваетъ благородную сущность натуры Лукреціи и поднимаетъ ее на свою высоту. Съ каждымъ днемъ шаги ея становятся все увѣ-

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ (2-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

„САМОПОМОЩЬ“

Популярный журнал для семьи, гигиенический, сельскохозяйственный, технический и педагогический
В №№ журнала въ годъ и 48 приложений „библиотеки Самопомощи“. Подписная цѣна
со всѣми приложениями 4 руб. въ годъ. Адресъ: С.-Петербургъ, Николаевская, № 37.

Въ 1902 году подписчики получаютъ слѣдующія приложения:

Медицина и жизнь. Малокровіе. Гигіена старости. Сонъ и безсонница. Катарръ желудка. Нервность нашего времени. Тучность или ожирѣніе. Гигіена слюбогрудныхъ. Домашняя косметика. Леченіе худобы. Гигіена волосъ. Геморрой и привичные запоры. Домашняя аптека. Техника и ремесла. Пишущія машины. Автомобили. Уходъ за велосипедомъ. Волшебный фонарь. Столяръ-любитель. Ацетиленовое освѣщеніе. Двигатели малой силы. Электричество въ домашнемъ быту. Реценты по фотографіи. Граммофоны. Технические реценты дома. Мелкія производства. Сельское хозяйство и домоводство. Системы полеводства. Уходъ за плодовыми садомъ. Машина и его разведеніе. Замѣтки по пчеловодству. Молочное хозяйство. Искусственные удобрения. Посадка деревьевъ. Устройство дачниковъ. Земледѣльческія орудія. Деревенскія постройки. Обработка почвы. Уходъ за лугомъ. Воспитаніе и педагогія. Переутомленіе дѣтей. Семейное воспитаніе. Учебные столы и скамейки. Дурныя привычки дѣтей. Дѣтскія игры. Мать и дитя. Городъ и деревня для дѣтей. Награды и наказанія въ воспитаніи. Капризные дѣти. Школьная гигиена. Вліяніе наследственности. Нормальная дѣтская.

Премія для подписчиковъ:

Подписавшіеся до 1 Января 1902 года получаютъ журналъ „Самопомощь“ со всѣми приложениями съ Октября с. г.

— Не журнала высылаются съ 4-мя прилож. за 50 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ НА НОВЫЙ

ежемесячный иллюстрированный, научно-популярный журналъ

„ТРЕЗВОСТЬ И БЕРЕЖЛИВОСТЬ“

подъ редак. Прис. Повѣр. Д. Н. Бородинна

при ближайшемъ участіи:

В. В. Бирюковича, П. Д. Боборыкина, И. Ф. Василевскаго (Буква), А. Н. Гурьева, В. И. Касперова, д-ра М. Легрена, (Парижъ) д-ра А. Л. Мендельсона, д-ра Д. П. Никольскаго, А. Е. Оболенскаго, М. А. Паскевича, проф. д-ра А. Фореля, (Цюрихъ) проф. А. И. Чупрова, Н. А. Энгельгардта и А. И. Ярыкина.

Журналъ будетъ выходить одинъ разъ въ мѣсяцъ въ объемѣ отъ 3-хъ до 3-хъ печатныхъ листовъ, по слѣдующей программѣ и по специальности журнала.

Законодательныя мѣры и распоряженія правительства. Иностранная статистика. Законодательства и мѣропріятія иностр. правит. по урегулированію питьевого дѣла. Статистика о развитіи пьянства въ Россіи и заграничѣй. Борьба съ алкоголизмомъ. Отчеты о дѣятельности русскихъ и иностранныхъ обществъ трезвости. Статистика, относящаяся къ торговлѣ и промышленности; положеніе кустарнаго дѣла. Переселенческое дѣло. Страхование жизни, капиталовъ и т. п. Хроника. Корреспонденція, біографіи, очерки и рассказы. Портреты, рисунки, и т. п.

Предпринимая изданіе иллюстрированнаго журнала

„Трезвость и Бережливость“.

редакція воирихъ рассчитываетъ на содѣйствіе провинциальныхъ силъ, какъ въ смыслѣ снабженія журнала живымъ матеріаломъ, такъ и въ смыслѣ указаній относительно насущныхъ потребностей общественной жизни.

Отчеты и обзоръ дѣятельности обществъ трезвости, ссудо-сберегательныхъ товариществъ, бляковъ, профессиональныхъ школъ дадутъ возможность каждому дѣятелю воспользоваться опытомъ другихъ.

Подписная цѣна:

на годъ—3 р., на 1/2 года—1 р. 50 к., на 3 м.—1 р., съ дост. и перес. Отдѣльн. №№ по 30 к.

Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи и въ главн. книжн. магазинахъ.

Иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ Контору Редакціи: С.-Петербургъ, Вознесенскій проспектъ, д. № 57, ка. 18.

Ред.-Изд. *Эмилій Николаевичъ Бородинъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 годъ.

журналъ политическій, литературно-художественный и сатиричeskій
съ каррикатурами

„РАЗВЛЕЧЕНИЕ“

44 годъ существованія.

Цѣль журнала: „РАЗВЛЕКАТЬ“ скучающую столичную и провинціальную публику и заставить смѣяться надъ другими и очень часто надъ самимъ собой. Доступенъ всякому возрасту, полу, знанію и состоянію.

„Развлечение“ — журналъ вполне семейнаго характера и съ веселыми, остроумными и добрымъ отиѣчаетъ комическія стороны жизни.

„Развлечение“ въ 1902 г. дастъ своимъ подписчикамъ:

50 №№ журнала, съ болѣе 800 рисунковъ перомъ, карандашемъ и въ краскахъ извѣстныхъ каррикатуристовъ. Литературный отдѣлъ будетъ выдѣлять въ себѣ массу художества: рассказы, сценъ, стихотвореній и всякаго рода сатирическихъ мелочей. Въ продолженіе всего года будутъ помѣщаться юмористическія иллюстраціи въ краскахъ къ прозаическимъ современнымъ русскимъ и иностранныхъ писателей, каррикатуры политическаго характера, портреты извѣстныхъ артистовъ и художниковъ въ юмористическомъ духѣ и т. п.

Годовая цѣна журнала съ преміями и приложеніями **СЕМЬ рублей.**

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ предоставляется право выбрать преміей одно изъ слѣдующихъ изданій журнала „РАЗВЛЕЧЕНИЕ“:

1) „Царь Бедоръ Ивановичъ“ трагедія графа Толстого. Художественный альбомъ (12 картинъ въ краскахъ).

2) Юбилейный альбомъ „Развлеченія“. Альбомъ въ изящной обложкѣ, заключающій въ себѣ портреты всѣхъ сотрудниковъ журнала, 8 картинъ, исполненныхъ красками, рассказы, сцены, стихотворенія и т. п. „Смѣхъ и слезы“, С. А. Ефимовъ. Смѣшные рассказы и стихотворенія.

3) Полное собраніе юмористическихъ сочиненій А. Недро (А. П. Подурова) (два тома).

4) „Русскія пѣсни въ лицахъ“ (большой художественный юмористическій альбомъ, заключающій въ себѣ около 100 каррикатуръ въ краскахъ).

5) „На родной землѣ“, Е. Опочинина. 1) Очерки и рассказы. 2) Поѣздки въ село Михайловское.

6) Юмористическая хрестоматія (для дѣтей старшаго возраста, отъ 40 до 100 лѣтъ). Подписчики журнала „РАЗВЛЕЧЕНИЕ“ имѣютъ право приобрести отдѣльно каждое изъ означенныхъ изданій за 1 рубль. Премія высылается съ первымъ № журнала.

Допускается разсрочка: при подпискѣ три руб., въ мартѣ два р., въ апрѣлѣ одинъ р. и май одинъ р. (Пробный № высылается за три семикопеечныя марки).

Адресъ редакціи: МОСКВА, Петровка, Богословскій пер., д. Кабанова (противъ театра Корша).

Открыта подписка на 1902-й годъ
на ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„СУДЕБНЫЯ ДРАМЫ“

4-й годъ изданія.

Изд. въ Москвѣ подъ ред. Л. О. Снегирева.

12 книгъ въ годъ съ перес. 4 руб.

Разсрочка только чрезъ контору: при подпискѣ 2 руб., къ 1-му апрѣлю 1 руб. и къ 1-му июню 1 руб.

Кромѣ замѣчательныхъ процессовъ, судебныхъ ошибокъ, (будутъ продолжаться „Вѣликіе адвокаты XIX в.“), мемуаровъ, рѣчей, журналъ „Судебныя Драмы“ по дополненной программѣ будетъ помѣщать историческія изслѣдованія, рассказы по антропологии и социологии въ связи съ уголовн. правотѣдніемъ. Въ 1902 г. Редакція надѣется помѣстить трудъ покойнаго архимандрита о. Досиева „О богомерзкой и богопротивной ереси“.

Иногородные адресуютъ: Москва, Остоженка, д. Снегиревой.

Ред.-Изд. Л. О. Снегиревъ.

ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Ежемесячный, политическій, научный, литературный и иллюстрированный журналъ

1902 „Новый Вѣкъ“. 1902

Полный успѣхъ первыхъ двухъ лѣтъ, наглядно выразившійся въ необходимости выпустить нѣкоторые №№ вторымъ изданіемъ, показываетъ, что общество очень сочувственно отнеслось къ изданіямъ журнала. Въ настоящемъ 1902 году, въ виду уже имѣвшихъ мѣсто событій, будетъ въ отдѣлѣ „Вѣстникъ вѣстникъ“, съ полною правдивостію, извѣстныя тѣ политическія обстановка, которая въ настоящее время имѣетъ мѣсто при отношеніяхъ съ Европой и съ пограничными государствами далекаго Востока. Особая забота устроена на всестороннее ознакомленіе со славянскими селеніями. Слѣдствіемъ о помянутыхъ успѣхахъ науки, человѣческихъ знаній и экономической жизни государствъ отведено въ журналѣ значительное мѣсто.

Въ 1902 году книжки журнала „НОВЫЙ ВѢКЪ“ будутъ выходить, начиная съ января, 15 числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ 11—41 листовъ. Книжки заключаютъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: I. Внутреннія вѣстия. II. Вѣстия вѣстия. III. Статьи по сельскому хозяйству, технику, финансамъ, искусству, спорту, военному дѣлу и т. п. IV. Литература: романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія и т. п. V. Изъ прошлаго: мемуары, записки о старинѣ и т. п. VI. Библиографія. VII. Письма корреспондентовъ. VIII. Властительность и Милосердіе IX. За мѣсяцъ (фельетонъ). X. Наша почта. XI. Мелочи жизни. XII. Свѣстоки. XIII. Почтовый ящикъ. XIV. Объявленія.

Всѣ годовые подписчики на 1902 годъ получаютъ бесплатно литературный богато иллюстрированный сборникъ, составленный исключительно изъ произведеній отечественныхъ авторовъ, беллетристовъ и поэтовъ.

Въ годъ, считая и премію, съ доставкою и пересылкою всего 3 руб., 1 года—2 руб. Допускается разсрочка (по 1 руб.). Отдѣльные №№ по 50 к. За перемѣну адреса—30 к. Доставленіе въ годъ подписку на 5 экз. получаютъ шестой бесплатно.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ редакціи (Спб., Екатерининскій кан., № 97); въ книжныхъ магазинахъ и складахъ, въ конторахъ для объявленій и т. п.

За ред. изд. С. Г. Николаевъ.

ПОДПИСКА НА 1902 г. НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„ЯЛТИНСКИЙ ЛИСТОКЪ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ дост. и перес. на годъ—3 р., на полгода—2 р., на 1 мѣ. 1 р. Редакцію отведено въ газетѣ особое мѣсто для помѣщенія на льготныхъ условіяхъ *своевольныхъ объявленій о сдающихся въ наемъ квартирахъ и меблированныхъ комнатахъ въ Ялту и окрестностяхъ*. За объявленія такого рода взимается 7 руб. въ годъ, 4 руб. въ полугодіе, или за пятикратное. 60 к.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

въ 1902 году (21-й годъ изданія)

будетъ издаваться по прежней программѣ и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ. Журналъ выходитъ книгами, въ 12 и болѣе листовъ, въ началѣ каждаго мѣсяца, заключаая въ себѣ статьи, представляющія изслѣдованія по исторіи, литературѣ и этнографіи юга Россіи; сверхъ того, будутъ печататься русскія и малорусскія беллетристическія произведенія, а также библиограф. вѣстия о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ, касающихся юга Россіи.

Подписная цѣна 10 руб. въ годъ съ дост. и перес., а на мѣстѣ—8 руб. 50 коп.; за границу—12 руб. Разсрочка по соглашенію съ редакціей. Отдѣльныя книги журнала по 1 рублю.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“ (Тарасовская, № 15), въ книжн. торг. ред. „Кіевская Старина“ (Богачевская, № 14), и по всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ В. П. Науменко.

Издатель А. М. Гамалѣй.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

35 годъ

„ДОНЪ“

35 годъ

(ВЪ ВОРОНЕЖѢ)

на 1902 годъ.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ

Проеуществованіи такой долгій срокъ, газета тѣмъ самымъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинціального района, отголоскомъ котораго она служила больше трети столѣтія. Поэтому, открывая подписку на 1902 годъ, редакция ограничивается лишь указаніемъ этого факта безъ всякихъ обѣщаній: что можно будетъ сдѣлать для улучшенія газеты—то будетъ сдѣлано.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой въ Воронежъ: на годъ 6 р., на полгода 3 р., 50 к., на 3 мѣс. 2 р. на 1 мѣс. 75 к.
Съ пересылкой въ другіе города: на годъ 7 р., на полгода 4 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р.

Ред.-Издатель В. Воселовскій.

Открыта подписка на 1902 г. на политич.-обществен. и литературную газету

„ЕНИСЕЙ“

Выходитъ въ г. Красноярскѣ 3 раза въ недѣлю.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1. Телеграммы. 2. Отдѣлъ officialный. 3. Передовыя статьи, касающіяся жизни русскихъ областей, соотвѣстно съ интересами сибирскихъ губерній соприкасающихся съ бассейномъ рѣки Енисей. 4. Статьи и очерки по вопросамъ Енисейскаго края и соприкасающихся.—по городскому и земскому хозяйству, экономич. по фабрично-заводскому производству и торной промышленности. 5. Обзоръ обществен. жизни Сибири и Россіи. 6. Политическія извѣстія. 7. Корреспонденціи изъ различныхъ мѣстностей бассейна рѣки Енисей и изъ Россіи. 8. Научный отдѣлъ. 9. Литературное обозрѣніе. 10. Фельетонъ: романы, повѣсти, очерки и пр. 11. Судебная хроника. 12. Смѣсь. 13. Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ доставкой и пересылкой на годъ 7 рублей, на полгода 4 рубля, на четверть года 2 руб. 50 коп., на одинъ мѣсяць 1 рубль.

Подписка принимается въ Красноярскѣ—въ конторѣ редакціи газеты, въ Томскѣ—въ отд. конторы въ Москвѣ—въ конторѣ объявленій Л. и Э. МЕТИЦЪ и К°, Мясницкая ул. д. Сытова, и въ конторѣ объявленій И. К. Годубова—Покровка, д. церкви Іоанна Предтечи, въ Петербургѣ—Т. д. Л. и Э. МЕТИЦЪ и К°, Б.-Морская № 11.

Редакторъ-Издатель Е. Кудрявцевъ.

О ПОДПИСКѢ НА 1902 Г.

на ежедневную политико-общественную, литературную и торгово-промышленную газету.

„АСТРАХАНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

(14 годъ изданія)

Въ газетѣ помѣщаются самыя точныя свѣдѣнія о всей мѣстной астраханской, приазовской и прикаспійской жизни и дѣятельности, фельетонныя обозрѣнія мѣстной жизни, историческіе очерки и матеріалы, касающіеся Астраханскаго края.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи: Астрахань, Д. Рѣкина. Почтовая улица.

Подписная цѣна для иногородныхъ съ пересылкою:

На 1 годъ—7 р. 50 к., на 11 мѣс. 7 р. 25 к., на 10 м.—7 р., на 9 м.—6 р. 75 к., на 8 м.—6 р. 50 к., на 7 м.—6 р., на полгода—5 р., на 5 м.—4 р. 75 к., на 1 м.—4 р., на 3 мѣсяца—3 р. 25 к., на 2 м.—2 р. 50 к., на одинъ мѣсяць—1 р. 25 к.

Разсрочка на льготныхъ условіяхъ. Въ новыя подписчики, внесшіе годовую плату за 1902 г.—получаютъ газету со дня подписки, съ 1901 до 1902 г.

Б Е З П А Т Н О.

Редакторъ А. И. Штылько.

Издательница А. А. Штылько.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 годъ

на ежедневную научно-литературную, политическую и экономическую газету

„ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ“

издается изъ г.р. Екатеринославѣ М. С. Ковалевымъ подъ ред. М. Н. Лемке
V г. изд. при новомъ составѣ сотрудниковъ.

Новая редакция ставитъ своей задачей детальную разработку и насколько возможно полное освѣ-
щеніе вопросовъ, нуждъ и интересовъ чѣстнаго края при широкомъ въ то же время
вниманіи къ современной русской и иностранной общественно-государственной жизни.

1902 г.

5 г. изд. Технич. журналъ

„ТЕХНОЛОГЪ“

12 №№ въ годъ, съ рисунками, чертежами и приложениями.

ПРИЛОЖЕНІЯ на 1902 г.

ОПИСАНІЕ ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКИ.

и
НОВЫЯ ПРОИЗВОДСТВА

Цѣна за годъ 5 руб. съ перес. Подписка принимается въ ПЕТЕРБУРГѣ: въ
книжн. маг. К. РИККЕРА. Въ книжн. магаз. „НОВОЕ ВРЕМЯ“ въ Петербургѣ, Москвѣ,
Харьковѣ, Кіевѣ.

Контора Редакціи: ОДЕССА:

Ред. Инж. Техн. Н. П. Мельниковъ,

Подписная цѣна понижается и теперь на годъ для подписчиковъ г. Екатеринослава
8 руб., для иногороднихъ 10 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 годъ

и а

„ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ“

съ безплатнымъ приложеніемъ

„Сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассационныхъ Департаментовъ и Общаго
Собранія Правительствующаго Сената“ и „Собранія узаконеній и распоряженій Прави-
тельства“.

Выходить 2 раза въ недѣлю: по воскресеньямъ и четвергамъ, безъ предвари-
тельной цензуры.

Годовая подписная цѣна съ доставкой и пересылкою 7 руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—4 руб. и къ 1-му апрѣля—остальные—3 руб.

Правительственными и общественными учрежденіями, а также должностныя лица этихъ
учрежденій, имѣютъ подписываться въ кредитъ, но при условіи, чтобы: а) требованія были
заявлены на бланкѣ присутствія, съ указаніемъ числа, мѣсяца, года и №; б) при требо-
ваніи были присланы два рубля, и в) въ требовательномъ бланкѣ опредѣленъ былъ срокъ,
къ которому должны быть доставлены въ редакцію остальныя подписныя деньги (5 р.) за
газету, при чемъ учрежденіе принимаетъ на себя отвѣтственность за своевременную при-
сылку остальныхъ денегъ (5 р.), до истеченія того года, на который сдѣлана подписка.

(Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 59).

Подписчики, внесшіе полную годовую плату за газету, могутъ обращаться въ контору
„Юридической Газеты“ за свѣдѣніями по дѣламъ, какъ судебнымъ, такъ и административ-
нымъ, и за разрѣшеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имуще-
ственныхъ или личныхъ интересовъ.

На 1902 годъ (III-й годъ).

Открыта подписка на ежемѣсячный научно-литературный иллюстрированный журналъ

„КАВКАЗСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Оригиналы. и переводы. статьи съ арм., груз., татарск., арабск. и съ европ. яз.

Условія подписки. Для городск. подписчиковъ: въ годъ 9—р., на полгода—5 р. Для иногороднихъ: въ годъ—10 р., на полгода—6 р. Разсрочка допускается для учебныхъ заведеній и учащихся, подписывающихся непосредственно въ конторѣ журнала.

Адр. Редакціи и Конторы: Тифлисъ, Тургеневск., 11. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, въ конторѣ журнала и въ отдѣленіи конторы: Тифлисъ, Голов. пр. № 1.

Въ числѣ рукописей, имѣющихся въ Редакціи находятся слѣдующія:

Настырь, помясть А. Казбека, съ груз.—Честъ, романъ Ширванзаде, съ арм.—Дити страданья, романъ Аларкона, съ исп.—Мать и сынъ, драмат. этюдъ кн. Ил. Г. Чавчавадзе, съ груз.—Мемуары кн. Андроникова (1811 г.).—Обычное право у казаковъ, А. Передѣльскаго.—Вахтангъ VI и Петръ Великій, В. Романовскаго.—Обычное семейное право у армянъ Самуеляна.—Письма и записки нѣкоторыхъ кавказскихъ дѣятелей, а также Ренана, Монасиана, В. Гюго, Шопенгауера и др.

Годовые подписчики получаютъ въ 1902 г. приложеніемъ къ „Кавказскому Вѣстнику“ романъ М. С. Хатисовой **ПО НОВОМУ ПУТИ.**

Ред.-изд. В. Д. Коргановъ.

Годъ тридцать седьмой (XXXVII)

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1902 годъ на самую большую и распространенную въ Астраханскомъ краѣ газету

„Астраханскій Листокъ“.

съ иллюстраціями.

Редакція стремится доставить читателямъ: своевременныя точныя общія и мѣстные свѣдѣнія; текущія событія; свѣдѣнія изъ судебныхъ и административныхъ сферъ; постоянный фельетонъ; библиографію; новости наукъ и искусствъ; новости судоходства; астраханскія свѣдѣнія торгово-промышленнаго характера; смѣсь и пр. Въ торговомъ отдѣлѣ, даются подробныя свѣдѣнія по рыбному, нефтяному, шерстяному, льноному и пр. дѣламъ.

Подписная цѣна съ перес.: 1 годъ—7 р. 50 к., $\frac{1}{2}$ года—5 р., 3 мѣс.—3 р. 25 к. 1 мѣс.—1 руб. 25 коп.

Всѣ новые подписчики, внесшіе полную годовую плату ранѣе 1 января, имѣютъ право на полученіе газеты со дня подписки до 1 января 1902 г.

Подписка принимается исключительно въ Астрахани, въ конт. ред. „Листка“, по Ахматовской ул., д. Агамжанова.

ПОДПИСКА НА 1902 годъ (годъ XXI).

„РЕБУСЪ“

еженедѣльный журналъ

„Человѣкъ—ближайшій и труднѣйшій изъ ребусовъ“

Выступивъ въ двѣдцать первый годъ своего существованія, журналъ сохраняетъ прежнее направленіе, хорошо извѣстное нашимъ читателямъ. Помѣщаемыя нами статьи о гипнотизмѣ, магнетизмѣ, ясновидѣніи и медіумизмѣ (спиритизмѣ) даютъ картину современнаго взгляда на эти таинственныя явленія. Помѣщаются статьи: По Астрологіи и Оккультизму. Въ беллетристическомъ отдѣлѣ помѣщаются романы, повѣсти и рассказы.

Цѣна на годъ 5 р., на полгода 3 р. съ дост., а безъ дост. 4 р. и 2 р. 50 к. Допускается разсрочка: при подпискѣ — 2 р., 1-го апрѣля, 1-го іюля и 1-го октября по 1 р. Подписка принимается въ С.-Петербурѣ, въ конт. ред. (книж. маг. Мартынова, —Александринская площадь, 5), въ книж. маг. Вольфа, „Нового Времени“ и др. Черезъ почту деньги высылаются по адресу: Царское село (Петербургской губ.), въ ред. журн. „Ребусъ“.

Ред.-Изд. В. Прибытковъ.

Открыта подписка на 1902 г. на ЕЖЕДНЕВНУЮ литературно-политическую, общественную и коммерческую газету

„ЮЖНЫЙ КУРЬЕРЪ“

2-й годъ изданія, выходящую въ г. Керчи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пер. многогороднимъ: на годъ 7 р., на 1/2 года 4 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р.

Допускается разсрочка: при подимскѣ 3 р., къ 1-му Апрѣля 2 руб. и къ 1-му Іюня 2 руб. Новые подписчики, внесшіе полностью подписную плату на 1902 годъ, получаютъ газету, со дня подписки.

Многогородніе адресуютъ: въ Керчь, въ редакцію „Южнаго Курьера“.
Издатель Б. І. Харитонъ. Редакторъ Д. Т. Овсѣенко.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

Имп. Казанскаго Университета на 1902 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; публичныя лекціи научныя работы студентовъ, профессорскія рецензіи на магистерскія докторскія диссертации, представляемыя въ Казан. ун-въ. и на студентскія работы, извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, біографическіе очерки и некрологи, обзоръ преподаванія распредѣленія лекцій. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники истор. и литер. съ научными комментаріями. Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками. Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ перес. 7 р. Отдѣльныя книжки по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Ред. В. Мищенко.

(XX) г. изд. ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

„РОДНИКЪ“

12 книгъ на 1902 г. съ рис. „РОДНИКЪ“ рекомендованъ, одобренъ и допущенъ для всѣхъ учебн. заведеній.

Беллетристика, Біографіи, Статьи и Очерки, знакомящіе дѣтей съ народной поэзіей и сказаніями всѣхъ странъ и народовъ. Статьи популярно-научнаго характера изъ исторіи, географіи, естественныхъ наукъ, написанныя главнѣйш. образомъ русскими учеными и путешественниками. Очерки изъ современной жизни. Описаніе игръ, занятій, опытовъ и пр. Обращено особенное вниманіе на вѣстность изданія: помимо многочисленныхъ рисунковъ, въ „РОДНИКЪ“ помѣщаются отдѣльныя картинки съ красками.

Вмѣстѣ съ „РОДНИКОМЪ“ издается ежемѣсячный педагогическій листокъ

„ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ“

посвящ. вопросамъ семейнаго воспитанія, гігіены, домашняго обученія и дѣтскаго чтенія. Выходитъ ежемѣсячно, выпусками большого формата

На годъ съ дост.
и перес. за 12
книгъ „Родника“

5 р.

На годъ съ дост.
и перес. за 12
книгъ „Родни-
ка“ и 12 №№
„Восп. и Обуч.“

6 р.

За границу 8 р.
Отдѣльно за 12
№№ педагогич.
листка „Воспит.
и Обуч.“ — 2 р.

Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., № 90—92, при маг. книгъ и учебн. пособій Н. Н. Морсва.

Изд. Н. Морсва и А. Мамедовича.

Ред. А. Мамедовичъ.

XVI г. изд.

„ВОСКРЕСЕНИЕ“

XVI г. изд.

на 1902 годъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

цѣль журнала — дать учащимся дѣтямъ, нижнимъ чинамъ войскъ и народу *полезное и интересное чтеніе*. Выходитъ еженедѣльно.

Въ наступающемъ 1902 году, редакція рѣшила увеличить его объемъ до 130 листовъ большого формата. Каждый еженедѣльный номеръ будетъ выходить въ размѣрѣ 2½ листовъ, со многими худож. выполн. рисунками. Разсказы духовно-нравствен., открытія изобрѣтенія, популярно-научныя статьи по естествовѣдѣнію, отчизновѣдѣнію, сельскому хозяйству, историческія сказанія и пр.

Кромѣ того, въ 1902 г. редакція рѣшила дать слѣд. худож. выполненныя авторами: 1) Отрокъ Христовъ по храмѣ. 2) Іоаннъ Грозный принимаетъ пословъ Ермака. 3) Св. Николай освобождаетъ невинно осужденныхъ. 4) „Пѣсенники впередъ!“. 5) Дѣвичникъ въ Малороссіи. 6) Спускъ на воду перваго ботика въ селѣ Измайловѣ въ 1688 году.

Журналъ „Воскресеніе“ рекомендованъ по Качач. войскамъ, по Штабу Отдѣла Корп. Жандармовъ, по Кіевск., Кавказск., Одесск. Варшавск. и Туркестанск. военнымъ округамъ, по Тюреми. Вѣд. и для судовъ и берег. библіотекъ Морск. Вѣд.

Особый Отд. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. опредѣляетъ: разрѣшить выписку журнала „Воскресеніе“ ученицеск. библіотекамъ учебн. завед. Мин. Нар. Просв. и по соглашенію съ Духов. Вѣд. опредѣлено: допустить журналъ „Воскресеніе“ въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Подписная цѣна за годъ ТРИ рубля съ пересылкой.

Разсрочка: при подпискѣ—1 р., 1-го Марта—1 руб. и 1-го Іюня—1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи С.-Петербургъ, Надеждинская ул., д. № 9

Ред.-изд. Г. Саговскій.

Открыта подписка на 1902 годъ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ, РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННЫЙ НАРОДНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

„КОРМЧИЙ“

4 руб. за годъ съ пересылкой. 2 руб. 50 коп. за полгода съ пересылкой.

(XV годъ изданія).

Одобрень и рекомендованъ разными вѣдомствами.

„Кормчій“ предназначается для благочестиваго чтенія въ каждой православно-русской семьѣ, даетъ обильный матеріалъ для церковнаго проповѣдничества и веденія нѣбогослужебныхъ бесѣдъ. Всѣ статьи общедоступны и способствуютъ духовно-нравствен. воспитанію и укорененію въ русской семьѣ религіозныхъ чувствъ. Кромѣ религіозно-нравств. статей, въ еженедѣльномъ прибавленіи къ журналу, печатаются свѣдѣнія о выдающихся событіяхъ текущей жизни, подъ общимъ заглавіемъ.

Современное Обзорѣніе.

Рисунки религіозно-нравств. содержанія. Въ журналѣ „Кормчій“ по прежнему будетъ принимать участіе

ИЗВѢСТЫЙ КРОНШТАДТСКІЙ ПАСТЫРЬ ОТЕЦЪ ІОАННЪ.

За 1 руб. въ годъ „КОРМЧИЙ“ дастъ: 52 №№ журнала, съ рисунками, и Современнаго Обзорѣнія. 52 №№ иллюстр. листовъ по воскреснымъ житіямъ святыхъ. 24 книжки для народа, подъ заглавіемъ:

„НАРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА КОРМЧАГО“;

При одновременной выпискѣ десяти экземпляровъ журнала за 1902 годъ одиннадцатый высылается безплатно.

Адресъ редакціи: Москва, Больш. Ордынка, д. Бажановой (квартира Протоіерея Скорбященской церкви).

Ред.-Протоіерей { С. П. Лонидовскій.
И. Н. Буларевъ.
Изд.: Священникъ С. С. Липовскій.

ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ НА

„Харьковскій Листокъ“

(преобразованъ изъ „Харьковского Сираочнаго Листка“)

ежедневную общественную, литературную и научно-экономическую газету.

Газета отводит на своихъ столбцахъ мѣсто всему издающемуся изъ русской и заграничной жизни и ежедневно помѣщаются фельетоны, корреспонденции изъ всѣхъ крупнейших центровъ русскихъ и заграничныхъ, а также телеграммы „Росс. телегр. агентства“ и собств. корреспондентовъ.

Подписная цѣна съ дост. и перес.:

На 12 мѣс. 7 р., на 9 мѣс. 5 р. 25 к., на 6 мѣс. 3 р. 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 75 к., на 1 мѣс. 60 к. За границу вдвое.

При годовой подпискѣ допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1-му апрѣля 2 р., къ 1-му июля 2 р. и къ 1-му сентября 1 р. Разсрочка на другие сроки по соглашенію.

Подписавшіеся до 1-го января и внесшіе полностью подписную плату за годъ — получаютъ газету со дня подписки.

Адресъ: Харьковъ, Петровский пер., № 12.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ
на общественно-литературную газету

„МИНСКІЙ ЛИСТОКЪ“,

выход. три раза въ недѣлю, XVI г. изд.

Открывая подписку на будущій 1902 г. редакція не находитъ нужнымъ прибѣгать къ общепринятымъ обфиданіямъ; постоянная забота редакціи отвѣтить требованіямъ читателей — служить лучшей порукой съ каждымъ годомъ возрастающаго успѣха газеты. Особенное вниманіе обращено на изученіе жизни нашихъ уѣздовъ.

Подписная цѣна:

Съ дост. и перес. на 12 мѣс. 4 р., на 6 мѣс. 2 р. 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 к.

Безъ дост. и перес. на 12 мѣс. 3 р., на 6 мѣс. 2 р., на 3 мѣс. 1 р., на 1 мѣс. 50 к.

Подписка принимается въ главной конторѣ: Минскъ, Захарьевская ул. д. Ландоу и въ мѣстн. книжн. магазинахъ.

Разсрочка подписной платы.

Лица подписавшіеся до 1-го Января 1902 г. получаютъ газету со дня подписки до новаго года беззататно.

За Ред.-Изд. И. П. Фотинскій.

ГОДЪ XVIII.

Открыта подписка на 1902 годъ

на изд. въ гор. Ставрополѣ-Кавказскомъ общественно-литературную и политическую газету.

„СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ“

выход. 3 раза въ недѣлю — въ остальные дни телеграммы — и посвящ. выясненію нуждъ кавказскаго края.

Подписная цѣна:

Съ дост. и перес. на годъ 5 р. 50 к., на полгода 3 р., на 3 мѣс. 1 р. 75 к., на 1 мѣсцъ 60 к.

Безъ дост. и перес. на годъ 4 р. 50 к., на полгода 2 р. 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣсцъ 50 к.

Допускается разсрочка — по соглашенію съ редакціей.

АДРЕСЪ: Ставрополь-Кавказскій, редакція „Сѣвернаго Кавказа“.

Издатель Д. И. Езюзовъ.

Редакторъ В. В. Борзь.

„СИБИРСКИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ“

на 1902 годъ.

IV годъ изданія будетъ съ иллюстраціями, на русск. и франц. языкахъ, книжками 12 разъ въ годъ по слѣдующей программѣ:

1. Описание путей сообщ. между нѣмъ въ Сибирь и существующихъ въ этихъ мѣстностяхъ.
2. Свѣдѣнія о судопроизводствѣ и судостроителѣ. Минеральные источники.
3. Краткія путеводительскія свѣдѣнія на французскомъ языкѣ.
4. Виды замѣчательныхъ мѣстностей, портреты.
5. Смѣсь.
6. Разказы, стихотворенія.
7. Библиографія.
8. Объявленія.

Редакція съ своей стороны приложитъ всѣ старанія, чтобы изданіе удовлетворяло своему назначенію и давало для лицъ, желающихъ ознакомиться съ Сибирью и Азиатской Россіей, всѣ необходимыя свѣдѣнія въ историч., географич., этнографич. и статистич. отношеніяхъ, а также литературный матеріалъ для чтенія при участіи М. Р. Бѣллина, В. П. Булыгина, Бахарева, Р. Л. Вейсмана, А. К. Голодниковъ, П. К. Голубева, Ю. А. Горбатовскаго, Н. А. Гурьена, В. А. Долгорукова, А. А. Ершова, Д. П. Корнатовскаго, А. М. Красовскаго, Е. Ф. Кудрявцева, С. Коваленко, А. А. Колычева, П. П. Коншова, П. П. Кузнецова-Красноярскаго, Е. В. Кузнецова-Тобольскаго, С. К. Кузнецова, А. Б. Кюге, Р. В. Лоренцони, Вас. Изв. Немировича-Данченко, Н. Н. Новикова, П. В. Оленина, М. И. Цейнера, Н. В. Скорикова, Г. Сергѣева, Е. Я. Сибгурской, А. А. Скороходова, Э. Станиславской, Ф. Ф. Филимонова, П. Чистякова и др.

Цѣна въ годъ 4 руб., на $\frac{1}{2}$ года 2 р. 50 к. съ дост. и перес. За перес. за границу добавляется еще 3 рубля.

Подписка и объявленія принимаются: въ редакціи „Сибирскаго Наблюдателя“ въ г. Томскѣ, Дворянская ул. № 4 и въ книжн. маг. П. П. Макушина; въ Москвѣ — у П. К. Голубева, Покровка, 52; въ Барнаулѣ — у Ф. А. Бригадова; въ Варшавѣ — въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова; въ Омскѣ — въ книжн. магаз. Александрова; въ Красноярскѣ — въ книжн. маг. А. Ф. Комарова; во Владивостокѣ — въ книжн. магаз. В. Е. Филиппченко и К^о; въ Каленскѣ — у Нотариуса I. С. Мягчиловича-Вольскаго; въ Бйскѣ — у А. А. Зильбербарта.

Ред.-Изд. В. А. Долгоруковъ.

Открыта подписка

на еженедѣльный художественный, юмористическій журналъ

1902 г.

„ШУТЪ“

XXIV г.

Условія подписки:

На годъ съ дост.	7 р. — к.	На годъ безъ дост.	6 р. 50 к.
На 6 мѣс. съ дост.	4 р. — к.	На 6 мѣс. безъ дост.	3 р. 50 к.
На три мѣсяца	2 р. 50 к.	За границу	10 р. — к.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Б. Морская, 11.

ЖУРНАЛЪ ПОМЪЩАЕТЪ:

Всѣ злобы дня, карикатуры на нихъ перомъ, карандашемъ и въ краскахъ. Политическія карикатуры, юмористическія критики выставокъ, иллюстрированныя рецензіи пьесъ. Разказы, анекдоты. Стихотворенія, басни, шарady и куплеты на злобу дня, прощипальныя очерки въ иллюстраціяхъ, разсѣяныя, бѣглый обзоръ новыхъ книгъ. Портреты героевъ дня.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала примутъ участіе: Арцыбашевъ, Баловъ, К. С. Баранцевичъ, Бреншо-Бреншковскій, А. С. Грузинскій, П. Н. Герсонъ, А. П. Назайдовъ, В. С. Карцевъ, Кулаковъ, Л. В. Каррикъ, В. А. Мазуркевичъ, Натарики, В. А. Шуфъ, Языкова, Яковлева, А. М. Федоровъ и мн. друг.

Въ художественномъ отдѣлѣ будутъ продолжать сотрудничать болѣе 60 петербургскихъ и иногородныхъ художниковъ, а также единственный русскій каррикатуристъ „Old Judge“.

Редакторъ-Издатель Р. Голикъ.

ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЬ

„ДѢЯТЕЛЪ“.

ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ

Программа журнала: Правительственныя распоряженія. Статьи литературнаго, экономич., педагогич. и медицинск. содержанія. Повѣсти, рассказы стихотворенія и пр. Изъ жизни и печати. Борьба съ пьянствомъ въ Россіи и другихъ странахъ. Свѣдѣнія о дѣятельности Обществъ Трезвости въ Россіи и за границею. Протоколы Казанскаго Общества Трезвости. Критика и библиографія. Объявленія.

Подписная цѣна только за полный годъ, 2 рубля.

Журналъ на 1897 годъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министер. Народ. Просвѣщ. въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

Выписывающіе за 1897, 1898, 1899, 1900 годы платятъ 8 руб.

Редакторъ-издатель А. Соловьевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 г. (IX г. изд.)

на ежедневную общественную газету

„СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ“.

Изд. въ Томскѣ.

Редакціей по прежнему будетъ обращено особенное вниманіе на возможно разностороннее ознакомленіе своихъ читателей съ жизнью Сибири и на выясненіе ея нуждъ и экономич. и умственного роста. Ежедневныя телеграммы.

Подписная цѣна.

	Годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	1 мѣс.
Съ дост. въ Томскѣ	4 р.	3 р. 30 к.	2 р. 30 к.	40 к.
Съ перес. въ другіе города	5 „	4 „ — „	3 „ — „	50 „
Съ перес. за границу	9 „	7 „ — „	5 „ — „	1 р.—

Подписка и объявленія принимаются: въ книжн. магаз. и типо-литографіяхъ П. И. Макушина въ Томскѣ и Иркутскѣ.

Изгородніе требованія свои адресуютъ: въ г. Томскѣ, въ контору редакціи газеты „Сибирская Жизнь“.

Изд. П. Макушинъ.

Ред. П. и А. Макушины.

XXI годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 годъ

на изданіе литературной и политической газеты

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Выходитъ въ г. Иркутскѣ подъ редакціей И. И. Попова ежедневно кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

ПРОГРАММА ИЗДАНИЯ: Телеграммы, правительственныя распоряженія, передовыя статьи, очерки сибирской жизни, Сибирскіе вѣсти, обзорніе обществ. жизни, политическое обозрѣніе, хроника г. Иркутска, корреспонденціи, литературы, обозрѣніе, судебная хроника, торгово-промышлен. свѣдѣнія по Сибири, Справочный отдѣлъ объявленія.

Подписная цѣна съ дост. и перес. Внутри имперіи на годъ—9 р., на полгода—5 р., на 3 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—1 р. За границу на годъ—13 р., на полгода—7 р. на 3 мѣс.—4 р. на 1 мѣс.—1 р. 50 к. За пересылку адреса 40 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
„УРАЛЕЦЪ“
 НА 1902 ГОДЪ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой въ Россіи на 1 годъ—5 руб., на 1/2 года—3 р. 50 к., на 1/4 года—1 р. 75 к., на одинъ мѣсяць—75 к., за границу—10 р.
 Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 марта 1 руб., къ 1 мая 1 руб., и къ 1 сентября 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи—Уральскъ, Крестовая ул., д. Симаконъ; въ Илект—аптека Л. Липидъ и Гурьевъ—магазинъ Ларина.

Гг. новые подписчики, подписавшіеся и внесшія деньги сполна до 1-го января 1901 года, получаютъ газету со времени подписки **БЕЗПЛАТНО**.

Уралецъ выходитъ три раза въ недѣлю.

по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ,

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

1) Передовыя статьи по вопросамъ общаго и мѣстнаго характера. 2) Распоряженія Центрального Правительства и его мѣстныхъ органовъ. 3) Телеграммы Россійскаго Агентства. 4) Уральскія новости дня (мѣстная хроника). 5) Отдѣльныя статьи по изученію края. 6) Среди газетъ и журналовъ (извѣстія изъ Россіи и изъ-за границы). 7) Фельетоны литературнаго, общественнаго, историческаго и научнаго характера. 8) Корреспонденціи: вѣсти о водѣ, рыболовствѣ, видахъ на урожай хлѣбовъ и травъ; вѣсти со службъ, сообщенія о важнѣйшихъ событіяхъ и мѣстныхъ нуждахъ и т. п. 9) Разныя разности: совѣты по домоводству, новыя изобрѣтенія и т. п. 10) Судебныя извѣстія. 11) Библиографія. 12) Почтовый ящикъ. 13) Уральскіе рынки. 14) Частныя объявленія.

Объявленія принимаются: впереди текста—20 коп. за строку петита, позади—10 коп.

Объявленія, печатающіяся 3 и болѣе разъ, пользуются **особой уступкой**.

Объявленія изъ-за границы и изъ всѣхъ мѣстъ Россійской Имперіи, кромѣ губернии Уральской, Саратовской, Самарской, Оренбургской и Тургайской, принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій Л. и Э. Метцль и К° въ Москвѣ, на Мясницкой, и въ С.-Петербурѣ—Б. Морская, № 11.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
 ХУДОЖЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„ВѢстникъ Учителей Рисованія“.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: 1. Правительственныя распоряженія по педагогической, художественной и художественно-промышленной части. 2. Художественныя и педагогическая хроника. 3. Обзоръ и сообщенія о русскихъ и иностранныхъ педагогическихъ, художественныхъ и художественно-промышленныхъ выставкахъ, музеяхъ, школахъ, классахъ и т. п. 4. Обзоръ русскихъ и иностранныхъ педагогическихъ и художественныхъ газетъ и журналовъ; сообщенія и отзывы о программахъ, руководствахъ, пособіяхъ и различныхъ усовершенствованіяхъ въ дѣлѣ преподаванія рисованія, черченія и чистописанія. 5. Фельетонъ. Статьи по текущимъ педагогическимъ и художественнымъ вопросамъ. 6. Сообщенія и отчеты о конкурсахъ и дѣятельности художественныхъ и педагогическихъ учреждений, обществъ, комиссій, съѣздовъ и т. п. 7. Краткія извѣстія. 8. Некрологи. 9. Объявленія.

Кромѣ рисунковъ и текстовъ, будутъ помѣщаться приложенія на отдѣльныхъ листахъ въ видѣ рисунковъ, чертежей, таблицъ, русскихъ и переводныхъ сочиненій въ предѣлахъ программы.

12 номеровъ въ годъ.

Срокъ выхода 15-ое число каждаго мѣсяца.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ съ доставкой и пересылкой 3 рубля.

Подписной годъ начинается 15-го сентября.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: отъ городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербурѣ, въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій, 40; въ Москвѣ, въ Берлинскомъ художественномъ магазинѣ Ю. Ф. Брокмана, Неглинный проездъ, д. Третьяковыхъ.

Изгороднихъ просятъ обращаться исключительно на имя редактора-издателя **А. Н. ОМИРОВА**.
 С.-Петербурѣ, Озерной пер., д. № 6, кв. 6.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 годъ

на литературную, политическую, общественную и коммерческую газету

„ВОЛЖСКИЙ ВѢСТНИКЪ“,

выходящую въ г. Казани ежедневно, кромѣ дней послѣ праздничныхъ

XX ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Основная задача газеты:—возможно полное изученіе мѣстнаго камско-волжскаго района и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

Дѣйствія и распоряженія правительства. Руководящія статьи по общимъ и мѣстнымъ вопросамъ. Обзоръ текущей прессы. Ежедневныя телеграммы. Корреспонденціи и хроника жизни всѣхъ сколько нибудь культурныхъ мѣстностей волжско-камскаго края. Казанскія и судебная хроника. Библиографія. Театръ и музыка. Ежедневные обзоры народно-хозяйственной жизни Россіи. Наука, литература и искусство. Сельское хозяйство. Чельетсаи и беллетристика. Торговый отдѣлъ. Ситъс. Справочный отдѣлъ. Объявленія.

Подписная цѣна: Въ городѣ безъ дост. на 12 мѣс. 6 р. 25 к. съ дост. 7 р. Изъ города съ пересылкой 9 руб. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка.

Всѣ новые годовые подписчики, подписавшіеся на 1902 г. безъ разсрочки годовой подписной платы, получаютъ газету со дня подписки.

VI ГОДЪ ИЗДАНІЯ

„ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

(политич. научная, литературная и торгово-промышл. газета) съ иллюстраціями
выходящая въ Одессѣ.

За пять лѣтъ существованія „Южное Обозрѣніе“ исполнѣ выяснило свою идейную программу и заняло опредѣленное мѣсто въ ряду русскихъ газетъ.

Подписная цѣна: въ Одессѣ съ дост. на домъ на годъ 6 р. на 6 мѣс. 3 р. 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 80 к., на 1 мѣс. 60 к. Изъ города (съ перес.) на годъ 8 р., на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 1 р. Допускается разсрочка платежа.

Подписка принимается въ Одессѣ въ гл. конт. газеты „Южное Обозрѣніе“, при типографіи Исаковичъ и Бейленсонъ, Гаванная ул., соб. домъ.

Ред. Н. М. Цапли. Издатель Г. М. Бейленсонъ

Издается подъ общей редакціей П. О. Каптерева

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ СЕМЕЙНАГО ВОСПИТАНІЯ И ОБУЧЕНІЯ,

обнимающая вопросы воспитанія и обученія дѣтей, преимущественно дошкольнаго возраста. Выходитъ отдѣльными выпусками.

Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрена для фонд. библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для библиотекъ учительск. институтовъ и семинарій и для учительск. библиотекъ городскихъ училищъ, а также допущена въ бесплатныя народныя читальни. Уч. Ком. при Св. Синодѣ допущена въ фонд. библиотекъ духовн. семинарій. Уч. Ком. Соб. Е. И. В. Канц. по учрежд. Имп. Маріи одобрена для фонд. библиотекъ педагог. курсовъ среди уч. завед. Вид. учр. Имп. Маріи.

Условія подписки: За двѣ серіи—всего 50 выпусковъ—съ дост. и перес. 9 р. Допускается разсрочка. Подписка или деньги высылать на имя зав. изд. „Энциклопедіи“: Н. Альмедингеру, въ Спб., Захарьевская, 1.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на ГАЗЕТУ
„УРАЛЕЦЪ“
НА 1902 ГОДЪ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой въ Россіи на 1 годъ—5 руб., на 1/2 года—3 р. 50 к., на 1/4 года—1 р. 75 к., на одинъ мѣсяць—75 к., за границу—10 р.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 марта 1 руб., къ 1 мая 1 руб., и къ 1 сентября 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи—Уральскъ, Крестовая ул., д. Сичакова; въ Илектъ—аптека Л. Лапидеса и Гурьевъ—магазинъ Ларина.

Гг. новые подписчики, подписавшіеся и внесшіе деньги сполна до 1-го января 1901 года, получаютъ газету со времени подписки **БЕЗПЛАТНО**.

**Уралецъ выходитъ три раза въ недѣлю,
по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ,**

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

1) Передовыя статьи по вопросамъ общаго и мѣстнаго характера. 2) Распоряженія Центрального Правительства и его мѣстныхъ органовъ. 3) Телеграммы Россійскаго Агентства. 4) Уральскія новости дня (мѣстная хроника). 5) Отдѣльныя статьи по изученію края. 6) Среди газетъ и журналовъ (извѣстія изъ Россіи и изъ-за границы). 7) Фельетоны литературнаго, общественнаго, историческаго и научнаго характера. 8) Корреспонденціи: вѣсти о подѣ, рыболовствѣ, видахъ на урожай хлѣбовъ и травъ; вѣсти со службы, сообщенія о важнѣйшихъ событіяхъ и мѣстныхъ нуждахъ и т. п. 9) Разныя разности: совѣты по домоводству, новыя изобрѣтенія и т. п. 10) Судебныя извѣстія. 11) Библиографія. 12) Почтовые ящики. 13) Уральскіе рынки. 14) Частныя объявленія.

Объявленія принимаются: впереди текста—20 коп. за строку петита, позади—10 коп.

Объявленія, печатающіяся 3 и болѣе разъ, пользуются **особой уступкой**.

Объявленія изъ-за границы и всѣхъ мѣстъ Россійской Имперіи, кромѣ губерній Уральской, Саратовской, Самарской, Оренбургской и Тургайской, принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій Л. и Э. Метцъ и К° въ Москвѣ, на Мясницкой, и въ С.-Петербургѣ—Б. Морская, № 11.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„ВѢСТНИКЪ Учителей Рисованія“.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: 1. Правительственныя распоряженія по педагогической, художественной и художественно-промышленной части. 2. Художественная и педагогическая хроника. 3. Обзоръ и сообщенія о русскихъ и иностранныхъ педагогическихъ, художественныхъ и художественно-промышленныхъ выставкахъ, музеяхъ, школахъ, классахъ и т. п. 4. Обзоръ русскихъ и иностранныхъ педагогическихъ и художественныхъ газетъ и журналовъ; сообщенія и отрывки о программахъ, руководствахъ, пособіяхъ и различныхъ усовершенствованіяхъ въ дѣлѣ преподаванія рисованія, черченія и чистописанія. 5. Фельетоны. Статьи по текущимъ педагогическимъ и художественнымъ вопросамъ. 6. Сообщенія и отчеты о конкурсахъ и дѣятельности художественныхъ и педагогическихъ учреждений, обществъ, комиссій, съѣздовъ и т. п. 7. Краткія извѣстія. 8. Некрологи. 9. Объявленія.

Кромѣ рисунковъ въ текстѣ, будутъ помѣщаться приложенія на отдѣльныхъ листахъ въ видѣ рисунковъ, чертежей, таблицъ, русскихъ и переводныхъ сочиненій въ предѣлахъ программы.

12 номеровъ въ годъ.

Срокъ выхода 15-ое число каждаго мѣсяца.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ съ доставкой и пересылкой 3 рубля.

Подписной годъ начинается 15-го сентября.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: отъ городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій, 40; въ Москвѣ.—въ Берлинскомъ художественномъ магазинѣ Ю. Ф. Брокмана, Неглинный переѣздъ, д. Третьяковскихъ.

Изгороднихъ просятъ обращаться исключительно на редактора-издателя **А. Н. ОМИРОВА**.
С.-Петербургъ, Озерной пер., д. № 6, кв. 5.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 годъ
на литературную, политическую, общественную и коммерческую газету

„ВОЛЖСКИЙ ВѢСТНИКЪ“,

выходящую въ г. Казани ежедневно, кромѣ дней послѣ праздничныхъ

XX ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Основная задача газеты:—возможно полное изученіе мѣстнаго камско-волжскаго района и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

Дѣйствія и распоряженія правительства. Руководящія статьи по общимъ и мѣстнымъ вопросамъ. Обзоръ текущей прессы. Ежедневныя телеграммы. Корреспонденціи и хроники жизни всѣхъ сколько нибудь культурныхъ мѣстностей волжско-камскаго края. Календарь и судебная хроника. Библіографія. Театръ и музыка. Ежедневные обзоры народно-хозяйственной жизни Россіи. Наука, литература и искусство. Сельское хозяйство. Фельетоны и беллетристика. Торговый отдѣлъ. Смѣсь. Справочный отдѣлъ. Объявленія.

Подписная цѣна: Въ городѣ безъ дост. на 12 мѣс. 6 р. 25 к. съ дост. 7 р. Изъ города съ пересылкой 9 руб. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка.

Всѣ новые годовые подписчики, подписавшіеся на 1902 г. безъ разсрочки годовой подписной платы, получаютъ газету со дня подписки.

VI ГОДЪ ИЗДАНІЯ

„ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

(политич. научная, литературная и торгово-промышл. газета) съ иллюстраціями
выходящая въ Одессѣ.

За пять лѣтъ существованія „Южное Обозрѣніе“ исполнило свою идейную программу и заняло опредѣленное мѣсто въ ряду русскихъ газетъ.

Подписная цѣна: въ Одессѣ съ дост. на домъ на годъ 6 р. на 6 мѣс. 3 р. 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 80 к., на 1 мѣс. 60 к. Изъ города (съ перес.) на годъ 8 р., на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 1 р. Допускается разсрочка платежа.

Подписка принимается въ Одессѣ въ гл. конт. газеты „Южное Обозрѣніе“, при типографіи Исаковичъ и Бейленсонъ, Гаванная ул., соб. домъ.

Ред. Н. И. Циппи. Надатель Г. М. Бейленсонъ

Издается подъ общей редакціей П. О. Каптерева

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ СЕМЕЙНАГО ВОСПИТАНІЯ И ОБУЧЕНІЯ,

обнимающая вопросы воспитанія и обученія дѣтей, преимущественно дошкольнаго возраста. Выходитъ отдѣльными выпусками.

Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрена для фонд. библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для библиотекъ учительск. институтовъ и семинарій и для учительск. библиотекъ городскихъ училищъ, а также допущена въ бесплатныя народныя читальни. Уч. Ком. при Св. Синодѣ допущена въ фонд. библиотекъ духовн. семинарій. Уч. Ком. Соб. Е. И. В. Канц. по учрежд. Имп. Маріи одобрена для фонд. библиотекъ педагог. курсовъ среднихъ учебныхъ завед. Вид. учр. Имп. Маріи.

Условія подписки: За двѣ серіи—всего 50 выпусковъ—съ дост. и перес. 9 р. Допускается разсрочка. Подписки или деньги высылать на имя зав. жд. „Энциклопедіи“: Н. Альмединговъ, въ Спб., Захарьевская, 1.

ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

БЕЗЦЕНЗУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ (ОРГАНЪ НЕЗАВИСИМОЙ МЫСЛИ).

12 КНИЖЕКЪ ВЪ ГОДЪ.

Только оригинальныя произведенія русскихъ писателей (сотрудники: К. Д. Бальмонтъ, М. Блинскій, В. Брысовъ, В. П. Горленко, А. А. Корнифскій, Д. Л. Мордовцевъ, И. Е. Рѣпинъ, В. К. Саккетти, К. К. Случевскій, Вс. С. Соловьевъ, гр. Левъ Л. Толстой, А. С. Худяковъ, Н. Н. Юрминъ и мн. др.).

Только оригинальныя рисунки и картины, художники: Н. Айвазовскій, А. Боголюбовъ, Альбертъ Бенуа, Галкинъ, А. Ивановъ, Н. Карзининъ, Лагорио, В. Маковский, Михайлинъ, Н. Рѣпинъ, Суходольскій, Р. Судковскій, Сверчковъ и мн. др.

Полное изданіе. Роскошно исполненные черныя и цвѣтныя рисунки, всѣ въ форматѣ журнала.

Подписная цѣна: на 1 годъ пять руб., на $\frac{1}{2}$ года три руб., на $\frac{1}{4}$ года два руб., на 2 мѣс. одинъ руб. Съ пересылкою и доставкой.

Нашъ журналъ стоитъ за неограниченную свободу слова, за торжество красоты въ жизни и искусствѣ надъ безобразіемъ и уродствомъ, за преобладаніе и развитіе высшихъ сторонъ человѣческаго гения, за торжество духа надъ матеріей, за идеализмъ во всѣхъ его разностороннихъ и лучшихъ проявленіяхъ. Гдѣ свобода, тамъ нѣтъ рамокъ, нѣтъ замковъ, нѣтъ цѣпей. Удѣляя въ „Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ“ много критическихъ статей, мы одинаково признаемъ право на существованіе и за общественной критикой, и за эстетической.

Поэзія, беллетристика, критика, точная наука, философія, политика, общественныя дѣла, фельетонъ.

Въ 1903 году въ „Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ“ будетъ печататься съ первой книжки большой (около 40 печатн. лст.

Романъ въ IV частяхъ графа ЛЬВА ТОЛСТОГО (сына) ПОИСКИ И ПРИМИРЕНІЕ.

130 рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ.

12 портретовъ писателей и художниковъ—въ приложеніи.

12 хромолитографій—въ приложеніи.

ОБЪЕМЪ ЖУРНАЛА УВЕЛИЧЕНЪ.

Адресъ редакціи: СПб., Толовinskая ул.. 9.

Ред.-Изд. І. Яевскій.

Открыта подписка

НА НОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„КОЛЛЕКЦИОНЕРЪ“

предназначенный служить интересамъ собирателей всякаго рода коллекцій.

Программа журнала: ..

Иллюстрированный обзоръ новостей. Статьи научнаго и практич. содержанія. Описаніе музеевъ, замѣчательн. коллекцій и т. п. Фельетонъ. Фальсификаціи. Описаніе подделокъ. Библиографія. Вопросы подписчиковъ и отвѣты по нимъ редакціи. Объявленія. Приложенія. Различныя каталоги и спеціальныя сочиненія, въ видѣ безплатнаго приложенія.

Журналъ будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ.

Первый номеръ выйдетъ 1 декабря.

Подписная цѣна
въ годъ

2 р. 50 к.

съ доставкой и
перес.

Съ требованіями обращаться въ г. Некомъ, въ контору журнала „Коллекціонеръ“.

Открыта подписка на 1902 годъ на иллюстр. журналъ

„НОВЫЙ МІРЪ“

двухнедѣльнымъ вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки и искусства.

из 1902 г. каждый подписчикъ „Новаго Міра“ получитъ съ дост. и пересылкой:

24 №№ журнала „Новый Міръ“.

24 №№ иллюстр. обзоръ текущей жизни „Всемирная Литонисъ“.

24 №№ иллюстр. журнала прикладныхъ знаній и новѣйшихъ изобрѣтеній,

52 №№ еженедѣльн. журнала „Живописная Россія“, иллюстр. вѣстника отъ-звѣтств. исторіи, госуд. обществ. и эконом. жизни Россіи.

52 №№ еженедѣльн. обзоръ текущей русской жизни, п. н. „Временникъ Живописной Россіи“, представляющаго собою голую еженедѣльную газету.

12 №№ ежемѣсячнаго иллюстр. журнала романовъ, повѣстей, историч. очерковъ и пр., п. н. „Литературные Вечера“ и безплатныя преміи.

12 книгъ „БИБЛИОТЕКИ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ“.

Собраніе сочиненій В. Г. Бенедиктова, Адама Мицковича и Д. Н. Стахъова.

Два новыя художественныя иллюстр. изданія in folio,

КАРТИННАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ИМП. ЭРМИТАЖА

ОРУЖЕЙНАЯ ПАЛАТА ВЪ МОСКВѢ.

Годовая подписная цѣна „Новаго Міра“ на вѣлковой бумагѣ, со всѣми приложеніями и преміями съ дост. и перес. въ Россіи 14 руб., за границу—24 р.

„Новый Міръ“ на слоковой бумагѣ, вѣсто 14 р.—18 рублей; за границу, вѣсто 24 р.—28 рублей.

Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ не менѣе 2 р. и ежемѣсячно не менѣе 1 р., съ тѣмъ, чтобы вся подписная сумма была уплачена полностью не позже 1 декабря 1902 г.

Подписка на „Новый Міръ“ принимается въ книжн. магаз. Товарищества М. О. Вольфа: въ С.-Петербургѣ, Гостиный Дворъ, 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, 12 и во всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вао. Остр., 16 лин., д. 5—7.

Всеобщая Маленькая Газета

„С.-ПЕТЕРБУРГЪ“

Изданія годъ девятый. СПб., Невскій, 139.

Всѣ отдѣлы большихъ газетъ и всѣ новости всего міра: придвора, извѣстія, правительств. и общества дѣло, политика, Дальн. Востокъ, война буровъ, среди газетъ, происшествія, романы, науки, исторія, и пр. **Портреты и картины.** Выходитъ 3 раза въ недѣлю. Цѣна съ доставкой и пересылкой: 2 р. за годъ, за 1/2 г. 1 р., за 3 мѣс. 50 коп.

Редакторъ-Издатель А. Н. Молчановъ.

Подписка на издающуюся въ Ростовѣ н/Д. ежедневную газету

„ДОНСКАЯ РѢЧЬ“

Собственные корреспонденты въ Берлинѣ, Брюсселѣ, Парижѣ, Лондонѣ.

Ежедневныя телеграммы спеціальн. корреспондента изъ Петербурга.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ дост. и перес.: 12 мѣс.—8 р., 11 м.—7 р. 50 к., 10 м.—7 р., 9 м.—6 р., 8 м.—5 р. 50 к., 7 м.—5 р., 6 м.—4 р. 50 к., 5 м.—4 р., 4 м.—3 р., 3 м.—2 р. 50 к., 2 м.—2 р., 1 м.—1 р.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ въ Ростовѣ н-Д., Б. Садовая, д. Панченко. Телефонъ 640.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 годъ
на ежемѣсячную политическую, общественную и литературную газету

ОТГОЛОСКИ

(годъ изданія 7-й; цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой 3 рубля.
и ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Литературное Обозрѣніе

(годъ изданія 8-й; цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой 3 рубля).
Адресъ редакціи обоихъ изданій С.-Петербургъ, 6-я Рождественская 10.

Лица, подписывающіяся на оба изданія, платятъ за годъ съ дост. и пер. 5 р. на 8 м.
4 р., на 6 м. 3 р., на 4 м. 2 р.

Въ программу газеты „Отголоски“ входятъ всѣ общіе отдѣлы политическихъ, общественныя и литературныхъ газетъ, а именно: фельетонъ, романы, рассказы и очерки, обзоръ отзывовъ печати, внутреннее и иностранное обозрѣніе, хроника русской и заграничной жизни, обзоръ открытій и изобрѣтеній, театр и музыка, справочныя свѣдѣнія—торговля, биржевыя и пр. объявленія.

Изданію придана серьезная обстановка. Газета ведется въ прогрессивно-національномъ направленіи и предназначается преимущественно для лицъ, не имѣющихъ возможности для времени слѣдить за ежедневными изданіями. Особенное вниманіе обращено на сообщенія изъ провинціи.

„Литературное Обозрѣніе“ заключаетъ въ себѣ обзоръ всѣхъ выдающихся новинокъ русской литературы, важнѣйшихъ журнальных статей и лучшихъ изъ новыхъ выходящихъ книгъ. Задача изданія—помощь читающей публикѣ разобратся въ массѣ печатнаго матеріала, появляющагося на книжномъ рынкѣ и въ періодической печати. Въ журналѣ помѣщаются и произведенія беллетристики русской и иностранной, а также литературно-критическія статьи по всѣмъ отраслямъ знаній.

Редакторъ-Издатель И. В. Свирцовъ.

Съ 15-го Октября 1901 года
открывается подписка на двухнедѣльный техническій журналъ

„ПРАКТИКЪ-МОНТЕРЪ“

5 р. въ годъ. 1902-го года—4-й годъ изданія 3 р. 6 мѣс.

настолярныя свѣдѣнія изъ практики для практики.

Программа журнала: 1) Статьи по прикладнымъ наукамъ и вспомогательнымъ знаніямъ, 2) Больныя машины, 3) Фабрично-заводская практика, 4) Современные приемы и машины при оборудованіяхъ, 5) Размѣтка, сборка, установка, ремонтъ и уходъ за машинами, 6) Просектированіе и упрощенные подсчеты деталей и машинъ, 7) Сообщенія изъ службъ тяги и ремонта, и уходъ за судовыми, постоянными машинами и механизмами, 8) Какъ составить сметы и опредѣлить накладные расходы при разныхъ двигателяхъ и производствахъ, 9) Производства мелкой промышленности, 10) Практическія наставленія и рецепты, 11) Вопросы и отвѣты повседневной практики и пр.

Годовымъ подписчикамъ съ 1902 г. будутъ даны „бесплатныя приложенія“ въ число которыхъ входятъ: 11 книгъ-руководствъ, повторительныхъ курсовъ, по математикѣ, механикѣ, черченію, отопленію и пр. Книга о 507 простыхъ механизмахъ, приимѣемыхъ на практикѣ для получения разнаго рода движеній. 24 таблицы чертежей деталей и машинъ.

Условія подписки: на годъ 5 руб., на полгода 3 руб.

Подписка принимается: С.-Петербургъ, Николаевская ул., № 37 и у всѣхъ книгопродавцевъ Россіи. Отдѣленіе въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.

Ред.-Изд. Инж. Мех. Л. Я. Бершадскій.

РУССКАЯ

ТРАНСПОРТНАЯ и КОММИССИОННАЯ КОНТОРА

Ф. МАРСЕРУ и Ю. ШРЕТЕРЪ

26, rue d'Hauteville -- Paris

F. MARCEROU & J. SCHRÉTER

Контора специально занимается отправкою, изъ Бельгii и Францii всякаго рода кладей моремъ и сушею во всѣ города Россiйской Имперii и принимаетъ на себя исполненiе всевозможныхъ порученiй; прiемъ русскихъ товаровъ на комиссiю и покупка французскихъ товаровъ для Россii.

→ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: ←

Транспортированiя

машинъ,

мебели,

картинъ,

бронзы,

экипажей,

лошадей

и пр., и пр.

Зелень, фрукты, цвѣты и вообще срочные товары по желанiю доставляются конторою на домъ въ С.-Петербургъ въ 3 дня. а въ Москву въ 4 дня.

Адресъ для телеграммъ: „Marcheter“ Paris.

Адресъ для писемъ: F. Marcerou et J. Schréter,
Paris. 26, rue d'Hauteville.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 099 709 719